

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

*Да не утратим помалу, не приметно той свободы,
которую даровал нам Кровию Своею
Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е правило III Вселенского Собора

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ИОСИФ,
МИТРОПОЛИТ ПЕТРОГРАДСКИЙ**

Жизнеописание и труды

Составители
М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

**Москва — Санкт-Петербург
2011**

УДК 27-36
ББК 86.374
С25

Редактор
И. И. Осипова

С25 Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды // Сост.: М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Братонез; СПб.: Кифа, 2011. — 648 с. + [40] ил. — (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»).

ISBN 978-5-7873-0654-5

Эта книга — второе, исправленное и дополненное издание первого подробного жизнеописания выдающегося святителя Русской Православной Церкви XX века митрополита Иосифа (Петровых), известного духовного писателя и церковного деятеля, одного из ключевых действующих лиц церковной истории 1920–1930-х годов. Жизнь свою положивший за верность Святой Церкви и сохранение ее внутренней свободы, митрополит Иосиф в 1937 году принял мученическую кончину от богоборцев.

В книге представлены архивные документы, фотографии, письма митрополита, а также целый ряд его печатных трудов, в том числе выдержки из многотомного духовного дневника «В объятиях Отчих».

УДК 27-36
ББК 86.374

© М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская, сост., 2011

Предисловие к первому изданию

До недавнего времени о новомучениках Русской Православной Церкви было известно совсем немного. Практически единственным источником были материалы, изданные Русской Православной Церковью за границей и другими православными юрисдикциями. В самой России эта опаснейшая для безбожной власти историческая тема находилась под жестким запретом. И только в устном церковном предании сохранялась память о новомучениках российских, да иногда проскальзывали глухие сведения о них в редких самиздатовских работах.

Времена изменились. К началу XXI века почитание новомучеников в России стало открытым и повсеместным. За последние полтора десятилетия о них изданы десятки книг — от популярных житийных повествований до академических монографий и источниковедческих сборников. Опубликованы ценнейшие архивные документы, ранее недоступные для исследователей. Написаны научные работы, диссертации на соискание научных степеней.

Однако удивляет избирательность имен новомучеников, о которых пишутся статьи и книги. До сих пор не составлены даже краткие жизнеописания многих известнейших ранее архиереев, немало также незаслуженно забытых имен. Кроме того, существует целый ряд малоисследованных проблем

как в церковной, так и в научной сферах, связанных с новомучениками. И одна из них, можно сказать, ключевая во всей истории Церкви прошлого столетия — это проблема взаимоотношений Русской Православной Церкви и богословского государства.

Церкви впервые в своей истории пришлось столкнуться с подобным государством после революции 1917 года в России. Как писали будущие петроградские новомученики в 1928 году: «Такого положения Церкви, в каком находится в настоящее время Русская Православная Церковь, во всей мировой истории еще не было, ибо не было на свете такого государства, кроме кратковременной французской революции, которое имело бы своей конечной целью уничтожение всякой религии на земле и которое борьбу со Христовой Церковью ставило бы в такую плоскость, при которой, не вводя никакой новой ереси церковного характера, старалось бы Церковь подчинить своему влиянию и лишить ее той внутренней свободы, которая дарована ей ее Небесным Основателем Христом Господом»¹.

В этих тяжелейших условиях перед архипастырями и пастырями Церкви встала сложнейшая задача принять такие соборные решения, «которыми, на будущее время ограждалась бы внутренняя свобода Церкви от подчинения ее идеям антихристианского правительства» и «которые определяли бы правильное отношение Церкви к такому государству, которое ставит своей конечной целью борьбу с Богом и Его властью в сердцах народа. Такие соборные определения Русской Церкви будут иметь руководящее значение для всего мира во времена эсхатологические»².

Эти определения и были выражены новомучениками и исповедниками Русской Церкви если не в привычных соборных формулировках, то самой их жизнью и страдальческой кончиной. Именно поэтому сегодня жизнеописания новомучеников имеют столь важное значение. Во-первых, в плане

¹ Беседа двух друзей // Православная жизнь. 1999. № 6. С. 27.

² Там же. С. 28.

историческом, как дань уважения их памяти, — ибо само по себе почитание мучеников душеполезно и поучительно, как говорил св. Григорий Богослов: «Восхищаясь воспоминаниями о вас, мы делаемся от удовольствия как бы вдохновенными, некоторым образом соучаствуем в вашем мученичестве, приобщаемся вашему подвигу». Во-вторых, в плане определения настоящего и будущего пути Русской Православной Церкви в нынешнем апостасийном мире, когда вопрос ограждения Церкви от подчинения антихристианским силам и сохранения ее внутренней свободы, несмотря на прекращение открытых гонений, не потерял своей актуальности.

Приступая к изданию серии «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти», мы намереваемся опубликовать жизнеописания священномучеников, а также монашествующих и мирян, пострадавших от богоборческой власти за отстаивание церковной свободы. Сейчас важнее всего из первых уст услышать подлинное церковное свидетельство об истинном пути пастырей и верных чад Русской Церкви в условиях жестоких богоборческих гонений, а также донести до читателя их живые голоса.

Не случайно серию «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти» предначинает жизнеописание митрополита Петроградского Иосифа (Петровых). Ведь в церковной истории прошлого века и особенно в борьбе за церковную свободу Петроградской епархии в целом принадлежит особое место. Предшественник митрополита Иосифа, митрополит Вениамин (Казанский) в ряду первых новомучеников Русской Церкви пострадал за свою верность Церкви и претерпел мученическую кончину от богоборцев в 1922 году. Его бессмертные слова, написанные им в тюрьме незадолго до расстрела и занявшие в церковном предании подобающее место наряду с посланиями древних мучеников, стали заветом и руководством для Русской Церкви в грядущих испытаниях. Написанные поистине не чернилами, а кровью, эти слова вдохновляли всех ревнителей церковной свободы, последовавших по стопам мужественного святителя:

«Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточеству-ет утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением и не чувствует самых тяжелых страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигли полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковь жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»³

Преемнику священномученика Вениамина на Петроградской кафедре, митрополиту Иосифу (Петровых) суждено было возглавить исповедническое движение, противостоявшее именно той церковной политике, о гибельности которой предупреждал владыка Вениамин в предсмертном письме.

³ *Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М.: Светлячок, 1994. С. 61.*

Несмотря на то, что митрополит Иосиф почти сразу же был удален безбожными властями от своей паствы⁴, петроградские клирики и миряне продолжали считать его своим правящим архиереем и постоянно обращались к нему за советами и указаниями, а позднее, в развернувшейся борьбе за церковную свободу нашли у него активную поддержку и постоянное духовное руководство. Большинство из них, как и митрополит Иосиф, подверглись вскоре гонениям и также были замучены богоборцами.

Долгое время о судьбе митрополита Иосифа было мало что известно. Правда о нем и его сторонниках замалчивалась, а иосифлянское движение несправедливо именовалось расколом. Владыку Иосифа обвиняли «в духовной прелести и гордыне», а его поступки мотивировали некими «корыстными интересами и честолюбием». Вся неправомерность этих оценок стала очевидной лишь в последнее время, когда стали доступны воспоминания и труды, ранее изданные за границей, и документы закрытых архивов.

Так, в биографическом справочнике «За Христа пострадавшие»⁵ приведена уже вполне объективная характеристика митрополита Иосифа и причин его конфликта с митрополитом Сергием: «Совершенно неосновательны обвинения в адрес митрополита Иосифа в раздражительности, корысти и честолюбии, из-за которых он будто бы отказывался от перемещения на Одесскую кафедру. Трудно представить себе большее непонимание его горячего, пылкого сердца. Образно говоря, он шел свидетельствовать Истину и умирать за Христа, что казалось ему единственно возможным и правильным в той ситуации, а его отсылали в тыл, чтобы он не мешал достижению компромисса, воспринимавшегося им как преда-

⁴ Фактически владыка пробыл на своей кафедре всего два дня, отслужив всенощное бдение и литургию на праздник св. Александра Невского в Александро-Невской Лавре в сентябре 1926 года, после чего власти запретили ему въезд в Петроград.

⁵ За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. М.: ПСТБИ, 1997. Кн. 1: А — К.

тельство. Побудительными причинами для отказа от Одесской кафедры и разрыва с митрополитом Сергием (Страгородским) были проводимая митрополитом Сергием реформа отношений Церкви с государством и чуждое всякой корысти, дипломатии и политического расчета стремление митрополита Иосифа стоять за Истину до смерти»⁶.

Сам митрополит Иосиф писал своей пастве в январе 1928 года: «Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков»⁷.

Полагаем, что давно настало время прямо сказать, что священномученик Иосиф, как и многие его последователи, пострадавшие от безбожной власти за верность Православной Церкви и своими страданиями очистившие те немногие, но неизбежные в земной жизни грехи и человеческие немощи, заслуживают не снисхождения, а самого глубокого уважения и почитания. Мы надеемся, что наша книга хоть в какой-то мере послужит восстановлению исторической справедливости в отношении этих истинных православных пастырей и чад Церкви.

⁶ За Христа пострадавшие... С. 521–522.

⁷ *Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 231–232.*

* * *

От редактора

Основную часть книги составляет подробнейшее жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых). Во второй части представлены архиерейские документы, письма, проповеди и назидательные труды митрополита, а также архивные материалы.

Документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Искажения имен собственных в публикуемых документах не исправляются. Подчеркивания в текстах принадлежат либо автору письма, либо сотруднику ОГПУ — НКВД. Купюры в документах обозначены отточиями. Цитаты из воспоминаний и архивных документов отделяются от основного текста отступом. Цитаты из следственных дел выделяются курсивом.

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 годов». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ — А. Б. Рогинскому. Большая благодарность за предоставленные материалы из Государственного архива Ярославской области вологодскому историку Кедрову Николаю Геннадиевичу.

Особая признательность Френсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

Предисловие ко второму изданию

Вниманию читателей представляется второе издание книги о священномученике митрополите Петроградском Иосифе (Петровых). Составители пришли к выводу о необходимости нового издания в связи с большим количеством собранных ими новых материалов.

Второе издание значительно дополнено и переработано, как в разделе жизнеописания митрополита Иосифа, так и в части публикации его трудов. В первой части книги появились новые материалы и максимально представлены известные и доступные на сегодняшний день документы и другие исторические источники, связанные с последними десятью годами жизни владыки, после возведения его в сан митрополита. Эти годы жизни особенно важны для понимания его исповеднического подвига. Кроме того, в новом издании много внимания уделено научной деятельности будущего митрополита Иосифа в годы его учебы и преподавания в Московской духовной академии. С использованием архивных документов и материалов дореволюционной периодики более подробно освещены годы служения владыки Иосифа в Новгороде и Ростове до 1917 года.

Вторая часть книги дополнена различными печатными трудами митрополита Иосифа, которые до сих пор не переиз-

давались. Составители подборкой этих трудов попытались представить разносторонность интересов владыки, показать его не только со стороны его проповеднической деятельности, не только как церковного писателя с хорошим литературным вкусом, но и дать представление о нем как о серьезном философе и богослове, тонком ценителе и знатоке церковного искусства и художественной старины. Так, в этом разделе книги читатели смогут познакомиться с паломническими записками Иосифа Петровых, с серьезной научной философско-богословской статьей о Лейбнице, с его искусствоведческой работой, беседой и статьями о православной вере. Все эти работы были написаны владыкой Иосифом в разные годы его жизни и в разные периоды его церковного служения.

Раздел «Архивные документы» также представлен новыми материалами. В нем приведены письма митрополита Иосифа из следственного дела петроградских иосифлян 1930–1931 годов и его письма 1934–1935 годов из архива семьи Сеницких.

Составители книги желают всем душеполезного чтения.

От составителя

В нашей семье хранится добрая память о родном брате моей бабушки, Шишуновой Клавдии Семеновны — митрополите Иосифе (Иване Семеновиче Петровых)⁸.

В моих воспоминаниях он предстает как высокий, чрезвычайно добрый старик, с большой окладистой бородой, в очках с тонкой оправой. Мы были у него в Казахстане, где он жил в маленьком саманном домике на окраине города. За домом протекал арык с довольно бурным течением, по которому автор этих строк, будучи ребенком, пускал кораблики, выструганные умелыми руками деда. Много времени владыка посвящал чтению, стоя за небольшим столиком, который моя бабушка сразу же по окончании чтения складывала и убирала. Она называла этот столик аналоем. Дед читал громко, часто наизусть, приятным голосом. Как потом я понял, это были богослужения, которые владыка совершал каждый день. В моем детском сознании мало что сохранилось с тех времен, даже более того — сейчас мне кажется, что эти воспоминания навеяны не столько детским восприятием, сколько рассказами мамы и бабушки в более поздние годы. Потом на долгое время все рассказы и разговоры прекратились, так как о судьбе ссыльного архиерея не было ничего известно. Хотя, возможно, родные подозревали о печальной судьбе митрополита Иосифа.

⁸ Мать автора — Китаева Нина Алексеевна — была удочерена в возрасте трех лет бездетной сестрой владыки, Шишуновой Клавдией Семеновной, и прожила со своей приемной матерью до самой ее смерти.

По словам матери, бабушка писала в разные инстанции, пытаясь узнать о судьбе брата, но ни от Калинина, ни от Молотова, ни от Берии ответа не получила. Много позже мне пришло в голову, что, отправляя эти письма, бабушка сама очень рисковала, ведь тогда действовал принцип: «Кто не с нами — тот наш враг, тот будет бит».

Долгое время, почти 50 лет, в семье скрывали от автора вообще все, что касалось владыки Иосифа, да, в общем-то, и сами родные знали очень мало о судьбе своего родственника. Ведь все, что касалось действий ВЧК — КГБ, было за «семью печатями». Прошли долгие годы, прежде чем стало возможно свободно говорить о пострадавших от безбожной власти и о разных настроениях в Русской Православной Церкви первых десятилетий советской власти, когда государство попыталось силой своей власти уничтожить не только влияние Церкви, но и саму Церковь, действуя часто руками послушных ей иерархов.

Автор этих строк начал собирать материалы о митрополите Иосифе (Петровых), пытаясь выяснить его судьбу, которая тесно связана с историей Русской Православной Церкви того периода. В сентябре 1989 года, с образованием в Московской патриархии комиссии по реабилитации репрессированных священнослужителей, автор обратился к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию II (Ридигеру) с просьбой помочь узнать о судьбе митрополита Иосифа (Петровых).

Митрополит Алексей откликнулся на просьбу и поручил ректору Ленинградской духовной академии — протоиерею Владимиру (Сорокину) оказать помощь автору. С помощью протоиерея Владимира мне удалось связаться сначала с управлением ФСБ по Ярославской области, которое переадресовало меня затем в областную прокуратуру. Оттуда я получил первую справку о реабилитации владыки Иосифа по делу 1920 года. Вот с этого времени и начался сбор всех данных, приведенных в книге.

М. С. Сахаров

ЧАСТЬ I

Жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых)

Детство и годы учебы

15 декабря по старому стилю⁹ 1872 года в Устюжне¹⁰, тихом уездном городке Новгородской губернии, в семье мещан Петровых, имеющих многочисленную родню, родился четвертый ребенок, которого нарекли простым русским именем — Иван.

Глава семьи — Семен Кириллович Петровых — был булочником. Во дворе их родового дома по Казанскому переулку¹¹ стояла маленькая пекарня, где Семен Ки-

⁹ До 1918 года все даты в основном даны по старому стилю.

¹⁰ Старинный городок на берегу реки Мологи, у впадения в нее реки Ижины, отсюда и название — Усть-Ижина, Устюжна. Точное время основания неизвестно, местность, ныне занимаемая городом, издавна называлась "Железным полем", поскольку здесь добывалась болотная железная руда. Селение Устюжна Железопольская упоминается с 1564 года. В 1609 году жители Устюжны выдержали осаду польского войска, посланного Тушинским самозванцем. В 1712 году Устюжна передана в ведомство адмиралтейства; здесь изготовлялись железные принадлежности для флота. В 1738 году Устюжна становится уездным городом Новгородской губернии.

¹¹ Ныне переулок Терешковой. Сначала семье принадлежал другой дом по тому же Казанскому переулку, но дом сгорел, и Петровых построили новый — ближе к центру города. В новом доме и родился Иван Семенович Петровых. Дом, хотя и несколько перестроенный, сохранился до сих пор, но уже не принадлежит семье Петровых. Часть участка, где стояла пекарня, отошла к другим хозяевам, и там построен жилой дом.

риллович вместе со своим помощником пекли хлеб, бублики и пироги. Все изготовленное разносилось по домам жителей; и хлеб, и бублики, и пироги пользовались большим успехом и охотно раскупались жителями Устюжны.

Жена Семена Кирилловича, Евдокия Ивановна, урожденная Ганьковская, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, а затем и многочисленных внуков. В семье Петровых было девять детей: Мария, Андрей, Сергей, Иван, Александр, Петр, Клавдия, Николай, Антонина. Вести хозяйство такой большой семьи было нелегко, и Евдокии Ивановне помогала взятая из деревни кухарка.

Семья всегда отличалась набожностью — отмечались все церковные праздники, на дни ангелов собирались у именинника за общим столом. Эта традиция сохранялась до 1960-х годов, когда в Устюжне еще были живы братья и сестры Петровых, многих из них¹² автор застал в живых, так что удалось, хотя и не полностью, составить родословную семьи Петровых. Была у этой семьи своя родовая церковь — церковь Вознесения Господня на Всполье, позднее разрушенная в период гонений на Церковь Христову, как и другие храмы города. В метрической книге этой церкви о родившихся в 1872 году значилось в первой части под № 9: «Пятнадцатого декабря родился Иоанн, крещен семнадцатого числа того же месяца, родители — Устюженский мещанин Семен Кириллович Петровых и законная жена его Евдокия Ивановна, оба православного исповедания»¹³.

По рекомендации священника Вознесенской церкви маленький Иван был принят в Устюженское духовное училище, очевидно, после окончания народного учи-

¹² Кроме скончавшихся к этому времени Сергея, Александра и Петра.

¹³ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2997. Л. 3.

лица или церковно-приходской школы. Память о знаменательном для него событии владыка Иосиф хранил всю жизнь; уже будучи архиереем, много лет спустя он записал в своем дневнике:

«Благодарю Тебя, Господи, за неизреченную, незабвенную во веки милость Твою, явленную мне в благословенный день сей (поступление в духовное училище по окончании светского). Благодарю Тебя, Владычица моя, с Именем Которой так тесно связана эта милость Божия, через Тебя же мною испрошенная, не возгнушайся моим убогим благодарением»¹⁴. *8 октября 1910 года.*

В 1889 году Иван окончил училище блестяще и поступил в Новгородскую духовную семинарию¹⁵. Расположенная в монастыре св. Антония Римлянина, одной из старейших обителей Новгорода, семинария давала своим питомцам счастливую возможность постоянно пребывать у ее святынь и молиться в древних храмах (а не в простой домашней церковке, как в других семинариях). К сожалению, о семинарских годах Ивана Петровых мало что известно. Сохранились только его фамилия в списках учащихся, фотография тех лет и журнал дежурств по семинарии с отметками о его дежурствах.

В 1895 году Иван Петровых в качестве лучшего ученика Новгородской семинарии был направлен на учебу за казенный счет в Московскую духовную академию. Полученный им аттестат от 23 июня 1895 года свиде-

¹⁴ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Сергиев Посад, 1914. Т. X. С. 112.

¹⁵ 2 июля 1889 года в книге приговоров Устюженского мещанского общества (запись № 20) сообщалось о прошении Семена Кирилловича Петровых об увольнении из среды Устюженского мещанского общества Ивана Семеновича Петровых, мещанского сына, окончившего полный курс наук в Устюженском духовном училище, для продолжения образования в духовной семинарии (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 6).

тельствует о его отличном поведении и успехах в изучаемых науках — из 28 предметов только по одному (логике) он имел оценку 4 ("очень хорошо"), по остальным — 5 ("отлично"). В Академии Иван также был одним из лучших студентов; в дипломе, выданном ему летом 1899 года, значилось, что студент Иван Петровых «в течение четырех лет выслушал в Академии полный курс наук общеобязательных и специальных и показал на испытаниях следующие познания...» И далее перечислялось более двадцати предметов — богословских, философских, исторических, филологических, — по которым познания Ивана оценены на "отлично"; лишь общецерковная история, история Русской Церкви и история философии — "весьма хорошо". Советом Академии Иван был удостоен ученой степени кандидата богословия и 11 июля 1899 года утвержден в ней митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским) «с предоставлением ему права на преподавание в семинарии и при искании степени магистра не держать нового устного испытания»¹⁶.

В годы учебы молодой семинарист, а затем и слушатель Академии редко появлялся на родине — нужно было зарабатывать на жизнь, чтобы не обременять семью. Отец Ивана умер в 1891 году, а мать не имела никакой возможности оказывать материальную помощь сыну-студенту¹⁷. В дни каникул Иван работал при монастырях и церквях, перебирая и приводя в порядок разные церковные документы. Летом он также старался совершать паломничества по святым местам России,

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 15–15 об.

¹⁷ Характерно поданное Иваном в 1898 году прошение в правление Духовной академии о денежном вспомоществовании на лечение девяти зубов, причинявших ему на протяжении долгого времени невыносимую боль и, наконец, вынудивших прибегнуть к услугам зубного врача, на оплату его работы у Ивана не хватало средств по бедности матери-вдовы (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 13).

а по окончании учебы в июне 1899 года побывал на Святой земле. Неизгладимые впечатления от посещения дорогих для сердца каждого христианина святых мест земной жизни и подвигов Спасителя Иван записал в виде очерков, которые были позднее опубликованы на страницах журнала "Душеполезное чтение". В них в живом и ярком изображении святых мест Палестины открывается вместе с талантом автора его восторженная и нежная, чуткая до ранимости, искренняя верующая душа¹⁸.

4 декабря 1896 года в присутствии многолюдного собрания преподавателей и студентов с такой же искренностью и задушевностью сказал Иван свое прощальное слово при погребении почившего профессора А. П. Смирнова. Возможно, это стало первым публичным выступлением Ивана Петровых, в то время студента второго курса Академии¹⁹:

«Посмотрите, посмотрите на это исхудалое, бездыханное тело!.. Посмотрите на этот гроб — вместилище бранных останков угасшего светильника науки!.. Это ли — все, что осталось от всеми уважаемого, всеми почитаемого и любимого раба Божия Андрея?! В этом ли — весь покой неутомимого труженика в том звании, с которым едва ли равняться может еще другое какое, соединяя — в одно и то же время — такую же скромность и такую же достопочтенность, такую же тяжесть и такую же плодотворность, такую же непритязательность, но и такое широкое, непреходящее никогда значение?!

Нет!.. Слишком безотраднa и горька была бы жизнь, если бы все в ней этим только и кончалось!.. Большим безумием было бы жить, если бы последним актом этой жизни, последним ее явлением был лишь гроб!..

Итак, не все кончилось!.. Не в этом — покой твой — мало сказать, труженик, но — страдалец священной науки!

¹⁸ См. в Приложении: "Ночь на Голгофе и у Гроба Господня".

¹⁹ Речь была опубликована в январском номере академического журнала "Богословский вестник" за 1897 год.

Твоя жизнь погасла здесь, но возглась в новом, нам неведомом мире, звуков которого не только "заменить", но и хоть сколько-нибудь приблизить к нашему понятию не могут "скучные песни земли"!.. Слово священной науки замерло на твоих устах, но воскресает и не исчезает у нас в сердцах!»

Профессор Андрей Петрович Смирнов, более двадцати пяти лет преподававший Библейскую историю в Московской духовной академии, скончался 1 декабря 1896 года. Скромный труженик науки, он, до последних дней преодолевая болезнь, продолжал преподавание и научную деятельность. Как подчеркнул Иван в своей речи, повторив, что он недаром назвал почившего не только тружеником, но и страдальцем науки, действительно жертвовавшим неутомимому служению все свои силы и здоровье, преодолевал тягчайший недуг, до последней возможности неопустительно неся скромную службу.

«От всей души ценим и мы, второй курс, — столь благородную и возвышенную жертву твою, Андрей Петрович! Если для кого, то для нас именно более всего и должна быть дорога и ценна эта жертва, потому что мы — уже, к сожалению, последние твои слушатели, которым и были посвящены последние же слабые вспышки твоих догорающих сил, последние остатки твоего таявшего и разведаемого мучительным недугом здоровья!..»

Иван произнес еще много добрых и возвышенных слов благодарности почившему и так закончил речь:

«Твоя жизнь была служением не просто науке, но науке особенно близкой и дорогой, особенно священной сердцу нашему и сердцу всякого христианина! В строго православном и строго благочестивом духе ты раскрывал нам историю царства Божия на земле, историю возвращения и водворения человека на небо! Да водворит же и тебя Господь —

Праведный Судия в этом вожделенном отечестве нашем, и да упокоит в недрах праведных — Авраама, Исаака и Иакова и других святых мужей, близко соприкосновенных дорогой твоему сердцу до гроба — священной науке. Уже не "зерцалом в гадании", но верим — "лицем к лицу" увидишь и познаешь их!»²⁰

Примечательно, что "священная наука", "доблестным тружеником" которой благодарно именовал почившего профессора студент Иван Петровых, была также дорога и ему, и он сам серьезно занялся изучением Библейской истории.

²⁰ Богословский вестник. 1897. Январь. С. 152–154.

Научная и преподавательская деятельность в Академии

Интерес к научным изысканиям студент Иван Петровых проявил с первого года обучения. Так, по заданию Императорской Академии Наук он изучал северные народные говоры, и результаты его трудов в 1896 году были опубликованы в Академическом сборнике²¹.

Кандидатское сочинение Иван писал на кафедре Библейской истории, избрав своей темой историю иудейского народа Иосифа Флавия. Для продолжения научных занятий по окончании Московской духовной академии Иван Петровых был оставлен при Академии в качестве профессорского стипендиата «для приготовления к замещению вакантных преподавательских кафедр». В октябре 1899 года Совет Академии утвердил заявленную им программу занятий по изучению последнего периода Библейской истории и намерение переработать свое кандидатское сочинение в магистерское. Через год стипендиатский отчет И. С. Петровых был высоко оценен ректором

²¹ Материалы для изучения великорусских говоров. Известия Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. Т. 1. Кн. 4. 1896. Вып. III. С. 72–99.

Академии, епископом Арсением (Стадницким), предложившим избрать Ивана Семеновича на должность преподавателя Библейской истории.

4 сентября 1900 года в собрании Совета Академии Иван Петровых прочитал две пробные лекций на темы: "Рим и Иерусалим (к характеристике и истории периода римского владычества) " и "Самуил и Саул в их взаимных отношениях". Последняя лекция была опубликована в журнале Московской духовной академии "Богословский вестник" за декабрь 1900 года. Она свидетельствовала о серьезном подходе молодого ученого и интересной разработке темы теократического принципа в древнем Израиле. Свою лекцию Иван Семенович Петровых начал так:

«На рубеже двух преимущественно важных и поучительных эпох в истории жизни Израиля, из коих одна была завершением развития 12 колен Израильских в теократическо-стройный и жизнеспособный народ, а другая являлась как бы дополнением этого завершения чрез изменение строго-теократического строя в теократическо-монархический, — на рубеже этих эпох выделяются и привлекают наше внимание две — в высшей степени характерных и знаменательных личности: с одной стороны — Самуил, в великом образе убежденного сединами свыше вдохновенной мудрости старца, тип строгого теократа, верного своей идее настолько, что вся жизнь его была одним сплошным подвигом служения теократизму; с другой — Саул, не менее типичный представитель в другой области — монархизма, в превратном анти-теократическом понимании этого слова».

Лектор разъяснил, в чем состояли теократические убеждения пророка Самуила, сущность самого теократического принципа и как произошло отступление древнего Израиля от этого принципа:

«Окончательный и совершенный идеал теократического целого и его настоящего первообраза мыслился в полном

внутреннем сочетании человека с Божеством — во всеобщем царском священстве. Поскольку каждый человек предназначен для непосредственного общения с Божеством, он есть священник, и, возвышаясь в способности управления собою, своею низшею природою и природою внешнего мира, он есть и должен быть царь. В применении этого принципа к целому народу и, в частности, к избранному народу Божьему последний призывается быть в особенном и строжайшем смысле народом Иеговы, неотделимым от своего Верховного Вождя никаким видимым посредником, — народом, властвующим над всеми остальными не выдающеюся силою внешнего могущества, но всепобеждающею высотой нравственного совершенства.

Первая уступка и смягчение этого оказавшегося слишком возвышенным для человеческой действительности идеала имела место при самой горе Божией, при которой состоялось и посвящение Израиля в народ Божий. Народ убедился здесь в своем общечеловеческом несовершенстве для непосредственного восприятия Открывающегося Божества и вынужден был поставить между собою и Богом посредниками Моисея и Аарона. Впрочем, введение этого посредничества не было еще резким нарушением теократического идеала Бого-Израильских отношений. Ни Моисей, ни Аарон не отделяли народ от Бога, поскольку их жизнь и служение принадлежали всецело с одной стороны Богу, с другой — народу. Не то видим мы во второй уступке теократизма Израильской ограниченности — в особенности в той форме, в какой этой уступки требовали через Самуила старейшины. Здесь введение царского правления ставилось прямо вне самоопределяющегося Божественного уполномочения и с целями, не имевшими почти ничего общего с целями теократии: "Поставь над нами царя..., как у прочих народов"... "должен быть царь над нами, и будем мы так же, как все народы" (1 Цар. VIII, 5, 19, 20)».

«Грустный факт грехопадения народного совершился!.. Отступление от строго-теократического идеала было попущено... Но Промыслительная о судьбах человеческих Десница Божия оказалась себе верною и здесь, употребив достаточно средств исправить попущенное зло и направлять его к благим последствиям, в какой только мере это было воз-

можно... Царская власть, являвшаяся греховной враждой Израила на Бога, вполне заслуживавшая и порицания Иеговы, и неудовольствия Самуила, дается ему все же в форме возможно согласной с теократическим принципом. В добровольном послушании высшему авторитету, во всецелом служении целям дела Божия Царь является "мужем по сердцу Божию", прообразом Единого Истинного Царя-Мессии, как это засвидетельствовано в Давиде и как должно было проявляться на каждом истинном Царе Израильском».

«Отлившись в обычную форму земного царства, Израиль не перестал, однако, быть непосредственным уделом Иеговы. Его цари по своей идее не должны были выступать самодержавными распорядителями Его судеб. Явившись и по времени выделения позднее пророческого и священнического служения, царское служение и по полномочиям своим занимало относительно-низшее место среди них. Основное положение всей истории Израиля, что царь должен был царствовать в согласии со стражами его — пророками, как ближайшими вестниками воли Божией. Малейшее нарушение этой воли выводило светскую власть за границы ее прав и вносило губительный разлад между царскою и пророческими силами, предназначенными идти в охранении прав, закона и независимости народа рука об руку. В этом положении основной ключ к уяснению всех отношений, в каких стояли между собою первый Царь Израильский и современный Ему пророк»²².

Далее Иван Семенович обстоятельно изложил тему лекции, подробнейшим образом проследив историю взаимоотношений царя Саула и пророка Самуила²³. По

²² Богословский вестник. 1900. Декабрь. С. 561–567.

²³ Саул не исполнил воли Божией, и его грех непослушания усугубился грехом нераскаянности и упорствующего лживого самооправдания и лицемерия. Самуил обличил царя. «Обличения подкрепляются и реализуются категорическим, а не пророческим только указанием, что роль Саула, как теократического царя, кончена и что все действия его с настоящего момента впредь до фактического их устранения будут действиями вне обязательных полномочий и прав теократии: "За то, что ты отверг слово

прочтении лекций Иван Семенович Петровых был избран исправляющим обязанности доцента Академии по кафедре Библейской истории. На этой же кафедре читал курс лекций и сам ректор Академии, епископ Арсений — по начальному периоду Библейской истории от патриархов до первых царей, а Иван Петровых — последующий период. Однако главным предметом интересов Ивана была все же не академическая наука.

Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем" (1 Цар. XV, 23). Дальнейшее поведение Саула только еще более оправдывало этот строгий решительный суд над ним, произнесенный, без сомнения, в предвидении его неисправимости и вредного применения его сил и полномочий. Вместо того, чтобы стараться утвердить свое положение на незыблемом согласии со Своим Верховным Сюзереном, если можно так выразиться, и на совершенном повиновении Его воле, — вместо того, чтобы направлять свою власть к высшей и безусловной жизненной ее цели — все более и более совершеннейшему осуществлению теократического принципа, делающего несокрушимою эту власть, Саул нарушил главное из условий прочности своего положения и, поставив целью всех своих стремлений самую власть — властвование, — eo ipso отрешил ее от ее высшей опоры, и покусился низвести судьбы своего теократического царства из области непосредственно Божественного ведения и устройства в темную область естественной борьбы сил. Это было преступлением и против Бога, и против Его народа...» (Богословский вестник. 1900. Декабрь. С. 579–580).

Монашеский постриг

«Будем жить более внутреннею жизнью, и в сем самоуглублении откроем мир, несравненно более всего видимого и временного достойный нашего изучения, интереса, труда и забот», — записывает Иван в своем дневнике в ноябре 1901 года. Это внутреннее познание души и одновременно делание на путях ее восхождения к живому Богообщению, которое святые отцы определяли как «науку наук и искусство искусств», и становится основным делом жизни Ивана, а затем и Иосифа Петровых. Конечно же, для сей "науки" и одновременно и практики Богопознания самой подходящей была аскетическая монашеская жизнь.

О монашестве Иван Петровых мечтал еще в детстве, серьезно задумывался и в студенческие годы, особенно в Московской духовной академии. Местоположение и уклад ее жизни в стенах одного из главных монастырей России, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры как нельзя лучше располагали к монашеской жизни. Однако решение о пострижении было принято Иваном не сразу и не без трудов и тяжелых переживаний. Об этом свидетельствует целый ряд записей в его дневнике:

«Господи! Стыжусь своего непостоянства, недостойнства, неверности пред Тобою и продолжительного колебания, прежде чем отдаться на всецелое служение Тебе, и заслужи-

ваю полнейшего Твоего отвержения, ибо мог еще задумываться пред таким выбором, как мир или Ты, жизнь плотская и жизнь в Тебе!» *6 августа 1902 года*²⁴.

«Я был в опасности пагубнейшего для меня искушения... И воззвал я к Богу кровью души моей, потоками слез моих, стоном воплей моих, и Он, Милосердый, простер мне руку помощи и избавления, спасения и утешения... О, Благодетель жизни моей! Да будет же она отныне Твоя — всецело и неизменно!»

«С громом, с шумом, с треском, напутствованный от мира гадкими сплетнями, злобными клеветами, наветами — порвал я цепи мира и вырвался на свободу Христову». *8 января 1902 года*.

Уход из мира для Ивана не был "бегством" от жизненных неудач и неурядиц. Как он сам отмечал: «Неполезно идти в монастырь по случайным решениям и неудачам жизни в протест им. Нужно иметь положительные данные за монашескую жизнь. Нужно полюбить сердцем чистоту и непорочность жизни, для которых монастырь дает лучшие условия для сохранения и пищу для их возгревания»²⁵. Избирая путь аскетической жизни, Иван сознательно уходил от земных радостей и счастья. В своем дневнике он не скрывал, как тяжело ему это далось:

«Несколько высококонравственных, благородных, прекрасных и непорочных девиц имели желание и жизненную надежду разделить со мною счастье супружества. Едва не соблазнился и сам я устроить это счастье, ожидавшие которого вместе со мною были глубоко огорчены моим выбором монашества. И сам я произвел этот выбор, волею Божией, со страшными мучениями сердца, жалостью, скорбью, среди

²⁴ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Сергиев Посад, 1914. Т. I. С. 196. Здесь и далее по тексту главы все цитаты, кроме оговоренных особо, из этого издания.

²⁵ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Сергиев Посад, 1914. Вып. 10. С. 40.

которых едва душа моя не готова была разрешиться от тела. Господь помог все перетерпеть, преодолеть, так как я, наконец, твердо решил отдать всего себя Ему, чего бы это мне ни стоило. Тяжело и — о, как тяжело было покидать все, что так много обещало счастье, Господь не поставит этих мук мне в вину; напротив, эти муки, эти слезы, эту скорбь при покидании всего ради Его вменит мне тем в большую любовь и ревность к Нему. Эй, Господи, прими произволение мое, освяти и благослови его. Мечтавших же о счастье со мной вознагради другим счастьем, тысячекратно лучшим, нежели какое я мог бы дать им!»

Через несколько лет он вспоминал свои душевные муки, размышляя о загадках человеческой души:

«Человек такое удивительное изменчивое существо, он может до неузнаваемости изменять самые пылкие заветные свои желания. Так, я некогда пылко желал девственной жизни, потом вдруг загорелся не менее пылкими желаниями семейного счастья, затем долгое время оба эти желания (как то ни странно!) до такой степени уживались и заявляли свои права, что я совершенно не знал, чему отдать предпочтение?..

Наши желания очень изменчивы. Иногда мы и сами не знаем, чего нам надо, что нам лучше. А желаем. Иногда желаем и одновременно того и другого, до резкости противоположного и трудно совместимого. Так, кто из нас в минуты чистейших порывов души не желал — и жениться, и оставаться в то же время девственником. Я думаю, и Сам Господь иногда, так сказать, ставится нами в затруднение, что же Ему сделать для нас, чтобы угодить нам вполне.

Бывает и так. Долгое время нас мучит жгучая жажда одного. А потом это как-то незаметно проходит, настигает другое, иногда совсем противоположное. Так, в дни ранней юности я страстно желал идти непременно в монахи, потом проснулась страсть, и я страстно жаждал семейного счастья. О нем были все думы и чувства. Была невеста... Но потом опять и тоже как-то неприметно пришло и заговорило в душе другое высшее благо. Я стал колебаться в прежних идеалах. Началось, как сказано выше, совместное желание того

и другого: и семейной обстановки жизни, и нерушимо девственной чистоты! Совмещение едва совместимого. Наконец, верю — не без изволения Божия, я избрал более безопасный и посильный мне путь одиноко-монашеской девственной жизни».

Окончательное решение было принято Иваном 10 июля 1901 года: «В этот день подано мною прошение о сочислении лику иночествующих. Господь услышал мои слезные вопли и избавил душу мою от ада преисподнейшего! Да будет благословен во вся дни века день и час, когда Господом подкрепляемая рука моя опустила упомянутое прошение в почтовый ящик (в городе Ярославле, на вокзале)».

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему
Арсению,
епископу Волоколамскому,
ректору Московской Духовной академии,
исправляющего должность доцента оной,

Ивана Петровых покорнейшее прошение

Сокровенно давнее и заветнейшее желание мое — отдаться во всецелое служение Церкви Божией нахожу ныне достигшим желанной зрелости, твердости и благонадежности.

Благословение Вашего Преосвященства и подобающее священнодействие да введет мое недостойнство в лик иночествующих делателей Нивы Христовой! От лет же младенческих призывавшая меня к сему благодать Всевышнего да поможет мне до последнего издыхания моего послужить Ему Единому, высшему Благодетелю и Желанию моему, — всюю душою моею, всем сердцем и существом моим.

Исправляющий должность доцента
по кафедре Библейской истории

Иван Петровых»²⁶.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5083. Л. 4.

Тогда же Иван написал епископу Арсению:

«Преосвященнейший Владыко!

Простите прежде всего, что не лично обращаюсь к Вам по своему столь важному делу (причины весьма уважительные)...

Препровождая Вам прошение мое о пострижении меня в монашество, прошу также, Владыко, письменной беседы Вашей по следующим вопросам:

1) не позволите ли быть моему пострижению в бытность Вашу в Валдайском Иверском или Антониевском монастыре (в Новгороде), а для сего —

2) не можете ли мне поточнее сообщить, когда именно Вы будете в Новгороде и Валдае, и где прежде?

На все эти вопросы удостойте меня, Бога ради, Вашего ответа без замедления (<...>).

По получении Вашего ответа немедленно еду в Новгород, к о<тцу> Варсонофию²⁷, и у него буду в благоговении ожидать окончательного решения своей участи.

В случае надобности чрез него можете направить мне все дальнейшие Ваши распоряжения. Там же могут быть выполнены и все необходимые приготовления к моей мобилизации.

Наконец, прошу и умоляю — насколько возможно сократить для меня тяжелые минуты между подачей прошения сего и его осуществления.

В полной надежде на Ваше сердечное участие во мне и в трепетном ожидании неизмеримо превосходящей мерность моего окаянства милости Божией,

Остаюсь Ваш Ив<ан> Петровых.

г<ород> Ярославль. 10 июля 1901 г<ода>²⁸.

²⁷ Лебедев Василий, родился в 1873. Епархиальный миссионер-проповедник Новгородской епархии; с 1917 — епископ Кирилловский Варфоломей. 15 сентября 1918 — расстрелян коммунистами.

²⁸ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2.

Постриг был назначен на 26 августа в Гефсиманском скиту при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Иван был пострижен в мантию с наречением имени Иосиф, в честь ветхозаветного патриарха Иосифа Прекрасного. Постриг совершил ректор Московской духовной академии, епископ Волоколамский Арсений (Стадницкий). Вот подробное описание пострига, оставленное самим монахом Иосифом:

«26 августа 1901 года. Господь Человеколюбивый, в таинстве иноческого пострижения, отверз мне свои Отческие пресладкие объятия и омыл мою скверную, грязную, нечистую душу обильными слезами умиления и сердечного сокрушения. Да будут незабвенны во веки эти святые минуты! Да не устану никогда со слезами умиления воспоминать канун этого дня — Субботу, когда трепетало сердце — и как! — в ожидании великой милости Божией! Сколько передумалось, перечувствовалось тогда! Сколько выстрадала душа за эти дни, умирая для мира и рождаясь для жизни новой! Сколькими слезами облилась она, исповедав смиренно и с сокрушением сердца свои мерзости, падения и раны от самых ранних впечатлений детства до последней минуты! Это было в келье старца. Незабвенного старца — о<тца> Иасона²⁹. Вот он надевает свою полумантию, епитрахиль и начинает: "Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава тебе! Царю Небесный... Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!"... В этот момент благодать Божия коснулась моего сердца... Молнией блеснула в голове мысль: "отпевают!" Мелькнула мысль о смерти, об отречении от всего — от родных, близких, от удовольствий, радостей мирских, от М... невесты, от всех и всего... И слезы брызнули и неудержимо лились за все время исповеди. Покаянный пса-

²⁹ Иеромонах Иасон (Голицынский), родился в 1835. Духовник Гефсиманского скита Свято-Троицкой Лавры. 29 ноября 1877 — пострижен в монашество. 25 апреля 1884 — рукоположен в иеродиакона, 17 августа — в иеромонаха. 20 ноября 1897 — утверждён братским духовником в скиту. В 1904 — скончался.

лом... Как каждое слово его стучало в оледеневшую душу, как ее смягчало, возвышало, очищало! Только здесь я почувствовал всю прелесть, всю глубину и силу, и всю живительность покаянных чувств, вылившихся в этом псалме... Покаянные молитвы. И вопросы — сначала духовника-старца, и ответы, ежеминутно прерывавшиеся рыданием; наконец, — собственная исповедь, прочитанная по записке, в которой я постарался ничего не забыть и не утаить, как это ни больно было окаянному самолюбию. Несколько раз я останавливал чтение, потому что слезы и рыдания не давали возможности читать. Так сподобил Господь покаяться... особенно трогательный момент, когда я изобразил свое положение, решившее мой выбор монашества: "Это было положение, в котором люди маловерующие и отчаявшиеся избирают самоубийство как единственный выход из затруднения. Но я увидел здесь новое средство привлечь меня в Свои Отческие объятия, устремится в которые я так неразумно и преступно медлил... Я решился, наконец, сделать то, что давно надо было сделать... Вы видите теперь, как я беден, нищ, наг, жалок, убог... Я не мог терпеть долее сам себя, я бросил все, и... вот я у Ваших ног... Достоин ли я того, чего ищущу?.. Но "не здоровые требуют врача, а болящие". Тот, кто пришел не праведные, а грешные призвати на покаяние, не оттолкнет и меня и поможет мне, ибо не на свои силы уповаю!.."

После этого я долго не мог перестать от слез, которые душили меня и едва дали дочитать записку, которая сразу была изорвана духовником и сожжена... Но вот он прочитал мне разрешительную молитву, и... о, восторг!.. Какую легкость послал Господь душе, какое утешение, какую уверенность сладостную, что все мои мерзости прощены, смыты, изглажены и не вспомнятся более во веки Премилосердым Господом!

"Вот теперь мне легко, отче!" — воскликнул я невольно духовнику, и он много утешал, ободрял и наставлял меня по поводу этого.

Настает Воскресенье, 26-го числа. Рано поднялся я, чтобы вычитать правило ко св. Причащению и приготовиться не спеша к великой минуте. Оделся в лучшие любимые свои мирские одежды, чтобы отложением их лучше символизировать свою готовность полного отречения от всякого само-

угождения и пристрастия. И вот, за полчаса до благовеста к обедне начинаю свое преображение. Раздел все, что было, и кинул в один из углов кельи. Нарядился в простую, новую, белую, чистую длинную рубаху и подрясник послушника. Зовут в церковь. Не без трепета иду и переступаю порог церковный. Полагаю обычные низкие поклоны св. алтарю и на обе стороны и сажусь у свечного ящика.

Мне кажется, что все сегодня ждет моего праздника — и собирающиеся в церковь, и самые стены, и все церковные принадлежности. Вот зажигают паникадило, расстилают ковры, ставят аналой и на полу кладут мои одежды монашеские, принесенные из алтаря, где они ночевали у св. престола, в той самой белой скатерти, в которой я их привез.

Вот раздается благовест в большой колокол... Несколько знакомых промелькнули мимо меня, некоторые поздоровались, и один справился, каково я себя чувствую? Слышится трезвон "во вся". Идет Преосвящ<енный> А<рсений>³⁰, и я падаю у его ног сразу, как только он переступает порог церковный. Получив благословение, иду в самую даль церкви, за конец ковра-дорожки.

Начинается обедня. Быстро, не успел я опомниться, как дают знак, чтобы я скидал подрясник и сапоги и готовился. Певчие поют блаженны. Я — остаюсь в одной рубашке и чулках, закрываемый от народа мантиями монахов, и падаю на колени на ковре с глазами, полными слез. Допели блаженны, и вдруг!.. О, как передать эти минуты! "Объятия Отча отверзти ми потщися", — запели "где-то", ибо я не знаю сейчас, могло ли мне казаться таким умиленным "человеческое" пение.

"Вот пришло время — конец всему!" — подумалось мне, и я, как сноп, пал ниц и повергся на землю в состоянии духа, совершенно недоступном для описания. Я чувствовал себя трупом гнилым, мертвым, ничтожным, я лежал в сознании полной беспомощности, бессилия, поражения, лежал в состоянии, способном возбудить любую и человеческую, не

³⁰ В предисловии к первому тому «В объятиях Отчих», где было опубликовано это повествование о постриге отца Иосифа, даны лишь инициалы его и епископа Арсения (Стадницкого). Здесь их имена приведены полностью.

только Божественную жалость. Запели второй раз "Объятия Отча". Духовник издали осеняет св. Крестом в это время лежащего, меня поднимают и ведут на средину церкви, и здесь я опять повергаюсь весь в слезах, едва сдерживая вопли полного рыдания. Третий раз "Объятия Отча", и я опять иду и опять валяюсь, будучи не в силах сдерживать громких всхлипываний.

Пение смолкло... и одно мгновение я лежал в короткой, но страшной борьбе между страхом и надеждою, между грехом и избавлением, между отвержением и Божиим милосердием. Лежу и только вижу глазами, полными слез, как свет яркий заливает пол, ковер и меня всего. Больше ничего не вижу, ибо лежу лицом, правую щекою на ковре, волосы раскидались по полу и руки распростерты, но чувствую уже, что около меня что-то есть, что-то готовится.

"Бог милосердый, яко Отец Чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блудного сына приемлет тя кающегося и к Нему от сердца припадающего", — раздается среди глубокого затишья голос Святителя, который поднимает меня под руку и ставит прямо, причем я увидел, что предо мною аналой со св. Крестом и Евангелием и масса священнослужителей в облачениях. Кругом мелькнула еще масса народа, но не до него было в эти минуты, когда Сам Господь со святыми ангелами "чувствовался" здесь в эти минуты и ждал от меня обращения к Себе и произнесения св. обетов служения Ему.

Твердым и уверенным голосом на вопрос Архипастыря "Что пришел еси, брате?" — ответил я: "Желая жития постнического, св. Владыко!" — и др<угие> ответы на его вопросы. Голос мой, испланный, напряженный, дрожащий, придавал какую-то особую торжественность словам обетов; наконец, обеты произнесены и закончены молитвой.

Затем начинается превращение внешнее, после совершившегося внутреннего. "Брат наш И<осиф>", — возгласил Святитель, делая особое ударение на моем новом имени, бывшем мне совершенно неизвестным до этой самой минуты...

Пострижение власов. О, сколько сразу вливается в душу чувств, дум, волнений в это святое мгновение духовного рождения! Какой открывается мир! Но — некогда было отда-

ваться надолго этой минуте. Надо было помогать облачающимся. Облачение быстро совершилось, и я узрел себя во всеоружии духовного воина. Ощущения, впечатления налетали, как вихрь, с каждым новым действием надо мной, и так же быстро вихрем уносились, гонимые другими. И несколько мгновений — все это.

Вот читается еще последняя молитва, и все уходят, ведя меня к Образу Спасителя, по правую сторону царских врат, со св. Крестом и свечой в руках. Здесь я стою всю обедню, полный самого благодатного умиления над совершившимся со мною. Ни одного мирского помысла, ни одной суетной мысли не допускает Господь: весь Он овладевает в эти минуты предавшеюся Ему душою, весь наполняет и занимает ее. Видя пред собою Его Лик на иконе, как-то отрешаешься от этого внешнего впечатления и сливаешь его с внутренним духовным созерцанием и услаждением от Его ясного, светлого Лица. Точно так же и при принятии Св. Тайн, которых удостоивается постриженный: никогда так не приходилось отрешаться от видимых знаков Его Тела и Крови и диво представлять их Самим Телом и Кровью Господа, и даже не Телом и Кровью только, но всем Его Существом, только что Помиловавшим меня, Обласкавшим и Утешившим так нежно...

По окончании обедни еще раз пережились умиленно-слезные минуты при трогательном обряде "вручения Старцу". Пред аналоем со св. Евангелием предстал я, справа у аналоя Святитель, слева Старец, лицом ко мне. По сторонам остальное духовенство. Рука моя и руки Святителя и Старца на Евангелии, как бы в руке Христа. Святитель возгласил Старцу: "Се предаю ти, отче Иасоне, брата сего И<осифа> от Св. Евангелия, еже есть от Христовы руки, чиста и непорочна, ты же прими его Бога ради, в сына место духовного, и направи его на путь спасения, и научи еже сам твориши к пользе душевной, прежде всего — страху Божию, еже любити Бога всем сердцем и всею душою и всею крепостию, и повинование имети безпрекословно к настоятелю и к преимуществим, и любовь нелицемерну ко всей братии, и смирение, и молчание, и терпение ко всем, и какова его приемлещи от Св. Евангелия, да потщися такового же представити Христови в страшный день праведного Его суда!"

Старец отвечал на это с благоговейным волнением в голосе: "Превыше наша меры дело сие, Преосв<ященный> Владыко, но повелено нам есть от Спасителя нашего Иисуса Христа — наипаче всего послушание имети к настоятелю, и елико сила наша по Бозе, не отрицаюся, должен есмь наипаче всего попечение имети о нем, якоже Бог наставит нас убогих, Ваших ради Святительских молитв!"

После всего этого Святитель обратился и ко мне с назиданием: "Се тебе, чадо И<осифе>, сей старец Иасон — отец и учитель, ты же повинуйся ему во всем, и имей его яко Самого Христа, и твори к нему послушание и повинование во всяческих повелеваемых от него, без повеления же и благословения ничтоже твори, сего ради не точию от Бога оставление грехов получиши, но и жизнь вечную наследиши со святыми Его, ныне и присно и во веки веков. Аминь". Какие священные, трогательные, страшные слова! Какое самоотвержение и любовь Старца, дающего согласие на столь ответственное дело! Какая обязанность дается и мне, да не погублю себя и Старца. "Имей его яко Самого Христа", — говорится мне. И действительно, вот где высшее побуждение к послушанию. Какая святая глубокая основа для него! Затем Святитель обратился ко мне с речью. С волнением слушал я его приветствия. Затрепетало сердце, когда он упомянул о монастырях — Антониевом и Сергия преп<одобного>, где зародились мои мысли о монашестве (хотя начало их коренится гораздо раньше, еще в отрочестве). Упомянул о моих поездках по св. местам и ко Гробу Господню, — напомнил, что я был таким любителем и посетителем чудных Лаврских Богослужений, которыми я возгревал свои мечты, — коснулся, каким искушениям я подвергся, и... в это мгновение я не выдержал, закрыл глаза, и слезы ручьем побежали по щекам. Я устыдился внутри себя своей неверности Господу, Который давно звал меня, а я бродил от Него по миру, хороня своих мертвецов. Господи! Как было горько, больно этой мысли, но слезы горечи тут не разделялись от сладких слез покаяния, умиления и радости. Я плакал, но плакал сладко...

После приветствий и братских лобзаний я зажил блаженные незабвенные 5 первых дней иночества, которые, по уставу иноческому, проводятся в безотлучном пребывании в церкви — в полном иноческом одеянии (даже во

время отдыха) — в строжайшем безмолвии, в посте, молитве, Богомыслии, чтении Слова Божия и др<угих> душеспасительных книг, ежедневном общении с Господом в Св. Тайнах!.. Боже! Какие это воистину светлые, безмятежные, блаженные, неземные минуты!.. "Смотри, брате, запасайся, — ласково приговаривал мне Старец, — на всю жизнь теперь запасайся: того не будет уже больше, что теперь переживешь!.. Вот пойдут скорби, тогда и вспоминай эти минуты, и так на всю жизнь их хватит тебе"!..

Боже! Какая это глубокая, дивная правда! Это почувствовал я в достаточной мере сердцем сразу же, как только кончились блаженные первые 5 дней этого истинного сладчайшего "забытья" в объятиях Отца Небесного, когда ничто земное, мятежное, суетное не тревожило и не смущало обновленную, исцеленную совесть. Но... монах питается скорбью, скорбями оправдывает свое звание, скорбями целой жизни достигает желаемого, и эта скорбь — первая такая мучительно-болезненная скорбь сжала мое сердце в момент, когда мне сказали, что дни моего церковного сидения "кончились", и я должен начать обыденную жизнь обычного монаха... И я начал эту жизнь... Начал в покорном сознании, что нежные ласки Небесного Отца, сладость которых дается ощутить монаху, должны быть не только щедрым даром любви Его за мое покаяние и обращение, но и таким "авансом", который должно в меру сил заслужить и искупить всю дальнейшую жизнь — жизнью всевозможных испытаний, скорбей, искушений, напастей, временных оставлений Богом, — всего того, что делает эту жизнь способною пребывать неотлучно в сладчайших объятиях Отчих!»

Духовный дневник «В объятиях Отчих»

«В объятиях Отчих. Дневник инока» — под таким заглавием отец Иосиф опубликовал свой дневник, который начал вести еще во время обучения в Академии: «Опытно изведаль я, как полезно ежедневно испытывать себя, и результат своего познания в данный момент напечатлеть письменно. Через это укрепляется познание себя, особенно в слабых сторонах, и приобретает большую силу желание и усилие исправления. Полезно особенно записывать свои недостатки. Это имеет силу почти такую же, как при исповеди открытие своих грехов»³¹.

Дневник, в который автор часто — а после принятия монашеского пострига ежедневно — заносил свои духовные наблюдения и переживания, мало говорил о внешних событиях, но ярко повествовал о напряженной внутренней жизни души, искренней и благородной, ревностно устремившейся к Богу. Начинаясь он записью от 10 июля 1901 года:

«Жизнь в объятиях Отца Небесного — воистину это жизнь монашеская. Монах — это очнувшийся распутный сын,

³¹ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Сергиев Посад, 1914. Т. II. С. 59. Здесь и далее по тексту главы цитаты из данного издания.

для которого все прошедшее, настоящее и будущее слилось и замерло в один нескончаемо долгий момент сладчайшего самозабвения на груди Отеческой... Вопль покаянной мольбы еще на устах, но сердце — сердце уже давно услышало ответ и само успело ответить своим воплем, воплем счастья от исчезновения в неизследимой бездне всепрощения и милосердия Божия!»

«Чем тяжело монашество? Не тем, что стали запретными все удовольствия и блага суетного мира! Не тем, что долг и сердце требуют борьбы, чтобы не вернуться к ним, не повторять, не искать их! Не тем, что отрицаемся своей воли, несем иногда действительно тяжелые послушания! Не тем, что иногда вынужденно обязаны соблюдать строжайшее целомудрие — эту нелегкую победу над природою! Не тем, что данные обеты — нищеты, послушания и целомудрия, поста, молитвы и строжайшего воздержания, — постоянно нами нарушаемые, вопиют в совести нашей мучительными укорами! Не ненавистью к нам мира, нами возненавиденного и брошенного!.. Нет, не этим всем тяжело монашество!.. Это все результаты другой тяжелой стороны его!.. Тяжело оно своею постоянною неудовлетворенностью в достижении своего положительного результата — теснейшего сообщения с Господом и чувства этого сообщения, чувствования в себе Господа! Это удел совершенных (по достижению которого для них поэтому исчезает всякая тяжесть монашества); чувство общения с Господом, уверенность в обладании Им, дерзновенное сознание Его покровительства, силы благоволения — вот что жизнь монаха, и между тем, ему не дано полного ощущения этой жизни; ему дана постоянная жажда Его, искание Его, делающее его жизнь подвигом обретения Христа, не подвигом соблюдения целомудрия и пр<очих> обетов монашества — это лишь условие, а цель — сообщение, сообразование, слияние со Христом так, чтобы каждое слово, действие, мысль, поступок — смело могли быть считаемы возможными во Христе, не исключаящими Его, не оскорбляющими Его святыни».

С января 1905 года выдержки из дневника начал печатать журнал "Душеполезное чтение", с указанием только инициалов автора. В предисловии автор предупреждал читателей своего труда, этой своеоб-

разной повести о первом десятилетии его монашеской жизни:

«Владея настоящей книгой, знай, добрый читатель, что ты некоторым образом владеешь душою моею! Не осмей ее. Не осуди, не укори: она открыта пред тобою здесь так, как только открывают ее духовнику и самому близкому человеку: открыта во всех сокровенных движениях, ежедневных настроениях, чувствованиях, изъянах и немощах, во всех добрых и злых, светлых или темных сторонах и жизненных проявлениях...

Быть может, многое и весьма многое здесь даже и не заслуживало бы того, чтобы быть увековеченным на бумаге. Но желание видеть самого себя во всей точности таким, каков я был и вылился в своем дневнике за протекшее прошлое, преодолело все другие соображения, и — не к худшему».

«Хорошо "познать себя" — узнать т<о> е<сть> себе настоящую цену, установить верное суждение о себе, и главным образом, ничуть не обманывая себя, изобличать все свои недостатки, промахи, дела неразумия, порчи воли, скудости и нечистоты сердца! Постигнуть и ощутить сердцем свое крайнее несовершенство и испорченность — значит наполовину достигнуть цели жизни, и притом на большую и важнейшую половину. Самолюбие и незнание себя — главный тормоз обновлению духовных сил».

«Как, потеряв сознание, нельзя действовать разумно, так, перестав "знать себя", нельзя надеяться, что идешь, а не стоишь на пути ко спасению».

С благословения преосвященного епископа Арсения (Стадницкого) дневник стал издаваться в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры также без указания полного имени автора. Всего было издано одиннадцать томов с 1901 по 1911 год³². Духовные

³² Дневник продолжался и после 1911 года в "Душеполезном чтении", но полностью издан не был. Не оставлял владыка Иосиф дневник и в дальнейшем. Так, в 1928 году, замечая, что дневник "копится", сожалел, что «лежит ненапечатанным», так как «последующие труды более содержательны и могли давать массу материала для духовного назидания».

размышления инока привлекли внимание священнослужителей и благочестивых мирян, и с 1905 по 1914 год дневник переиздавался несколько раз. Замечательны отзывы о нем читателей:

«Читая и перечитывая глубоко назидательные, дивные, вдохновенные заметки из "Дневника инока", я неудержимо порываюсь высказать автору их, какое умиление, какой восторг, какие облегчающие блаженные слезы и какие сильные движения душевные вызывают эти строки его!.. Местами видишь собственные мысли, облеченные в ясные, светлые образы, находишь собственные чувствования, вылившиеся в чистые формы, собственные стремления и желания, понятия, выраженные с такой поразительной глубиной, полнотой и силой!»

«Строки "Дневника инока" помогут и мирянке много перенести с терпением, возродят меня, сделают и всех читающих их другими, ибо христианская кротость — та самая властная сила, которая зло превращает в добро. Эта дивная книга — кроткая песнь мира, любви и согласия. Эта песнь должна заглушить в людях гнев и неприязнь, должна несомненно пробудить в них самые светлые чувства и всех научить могучему Евангельскому призыву к правде Божией и Царству Божию».

«Слово писателя может утратить свою силу, влияние и действие на душу только при одном условии — когда явится убеждение в его лицемерности, неискренности! Там же, где каждая строка, каждая буква дышит жизнью, силой, правдой, где каждая мысль выстрадана, каждая фраза одухотворена, проникнута живой верой, пламенной жаждой общения с Богом, жгучей болью о содеянных согрешениях, чутким возвышенным пониманием своего "призвания"... — там чувствуется, что "уста от избытка чувств глаголют", потому что речи эти будят в душе лучшие и святые чувствования и мышления, исторгают слезы из очей и воспламеняют любовь к Богу, сокрушенным сознанием тщеты всего земного... там чувствуется, что это вопль души к Богу, охваченной благодатью веяния Духа Божия, и нет места там ни фальши, ни неискренности!»

Монах Иосиф очень строг к себе. С первых до последних страниц дневника слышится постоянное искреннее его сокрушение о своих грехах и немощах, отдающих от Бога. «Господи, спаси ны, погибаем!» (Мф. 8, 25) в волнах гораздо более ужаснейшего моря, нежели в каком погибал Петр, в волнах моря житейского, в волнах беззаконий, нечестия, скверн душевных и телесных, с которыми у Тебя ничего общего! Погибаем даже в делах Твоего благоугождения — гордостью, тщеславием, нерадением, самолюбием, славолубием», — записывает отец Иосиф 26 октября 1901 года.

«Какое основание, какое право и какой разумный смысл в том, чтобы видеть в себе праведника и человека достойного, угодного пред Богом, когда достаточно малейшего искушения, чтобы пасть — достаточно одного взгляда на женскую красоту, чтобы любодействовать сердцем и изменять Богу, — достаточно одного того, чтобы заметить присутствие около нас красивых лиц или высоких особ, чтобы самый голос наш стал не тот и выдавал наше возбуждение, свидетельствующее далеко не о том, что мы ради Бога поем, читаем и служим. Увы, мне, Господи, окаянному, я как раз таков более всех, и ничего с собою не поделаю!..» 29 декабря 1901 года.

«Господи! Сотни раз не перестаю и не перестану бичевать себя за скверную слабость празднословия, недостаточного воздержания от участия в праздных, смехотворных, легкомысленных беседах, окрадывающих душу в ее благодатном покое, мире, благоговейной настроенности и благодетивой строгости». 3 марта 1903 года.

Много внимания уделяет отец Иосиф милосердию, размышления об этой добродетели часто встречаются на страницах дневника:

«Сколько счастья, утешения и самого тонкого возвышенного наслаждения вызывает радость на лице бедняка от души искреннею и необходимою ему помощью! Какое великое сокровище, может быть, покупаешь на презренный поиск

тине металл, обыкновенно или безразлично скопляемый без всякого употребления, или расточаемый на дела суетные, безцельные и недостойные. О, богачи! Какого блаженства не цените вы в ваших руках, не умеете извлечь и губите свою безрассудною жизнью!»

«Поистине сторицею Господь воздает за всякую помощь бедному. Дав последний рубль бедняку, я через несколько часов получаю целых 100, которые мне принес один лаврский монах на сбережение — безсрочное и так, что по смерти его эти деньги поступают мне в собственность на поминование дателя. Подобные случаи были и еще, когда неожиданно поступали деньги после оказания помощи нуждавшимся из последних сбережений. Из сего убеждаюсь, что руки наши действительно посредники между Богом и бедными и не должны эту собственность бедных (деньги) удерживать при себе ни одну минуту. Помни это особенно ты, монах, ни в чем не нуждающийся, хотя и обещавший поднять добровольную нищету и понести всякую нужду и тесноту Господа ради».

Серьезно относясь к монашескому званию, монах Иосиф не раз вопрошал на страницах дневника. «Для чего ты надел монашеские одежды? Для того ли, чтобы только красоваться в них? Или чтобы обманывать человечество, рекламируясь в его глазах особливим усердием и самоотверженною преданностью Богу? О, какой тяжкой ответственности подлежим мы, монахи, если не имеем эту укоризну себе всегда пред собою, и еще хуже, когда отгоняем ее, избегаем думать о ней, притупляем сердце к ее спасительной, хотя и несносной тяжкой речи!»

Отец Иосиф полагал, что для монашествующих совсем неуместны многословие, легкомыслие, веселость и смех, что ими убивается «молитвенное настроение, ревность, пламенность, умиленность и сосредоточенность служения Господу». И только сосредоточенность, серьезность и даже строгость дает возможность для воспитания «высшего благоговения, высшей серьезности и умиленного отношения к жизни как дару Божию

и Его откровению, ибо жизнь наша действительно должна быть таковым откровением и как бы "воплощением" в нас Божиим, воплощением Его священнейших заповедей, Его законов, Евангельской чистоты, невинности и благоухания».

Переживания монаха Иосифа в связи с комфортной обстановкой его жизни, к которой он привык, и искренним стремлением к аскетическому образу жизни монашествующих серьезно мучили его и отразились в записях дневника:

«Ведь я знаю и с болью душевной чувствую, что не должен бы, — более всех других не должен бы — жить лучше, чем живет самый последний нищий! — Не должен услаждать гортань свою и наполнять чрево такими брашнами, которых не знает этот нищий! Не должен сидеть в тепле, сытости и довольстве, в то время как другие мерзнут и гибнут от холода, голода и нищеты... Положим, милостынею я могу приходить на помощь бедным, но — сколько бы я ни помогал, ведь я не достигну все-таки того, чтобы не лучше их жить, есть, пить, одеваться».

«Как примирю со своим монашеским званием всякое хотя бы самое малое и невинное пристрастие к земному и временному? Как примирю то, что оставлю какое бы то ни было имение после смерти своей — книги, картины и, может быть, даже деньги и другие предметы, в то время как в особенности монаху приличествует осуществление заповеди "не иметь сокровищ на земли, а лишь на небе"».

И в дальнейшем, после возведения в сан архимандрита и назначения настоятелем монастырей, и даже после принятия архиерейского сана мысли эти и желание большей строгости в жизни не оставляют его: «Отличается ли моя жизнь от мирской? — записывает он в 1909 году после архиерейской хиротонии. — Да, отличается многими лишениями мирских благ и удовольствий, но не вознаграждается ли это, может быть, другими благами и удовольствиями, столь же суетными и

скоропреходящими? Комфорт обстановки, изысканность в пище, внешнее довольство — не уничтожает ли все это значение отречения от мирских благ и семейной жизни? Да, итак мне нечем совершенно похвалиться, что я оставил мир, пока он совершенно не оставил меня, привязывая к себе то тем, то другим».

И вновь возвращается к этой мысли 10 ноября 1910 года: «О, Господи! Я жажду подвига и не имею сил порвать со сладостями жизни. Я дал столь торжественное обещание Тебе вольной нищеты и вольного самоотречения и окружил себя предметами роскоши, забавы и довольства. Дай мне силу и мужество отринуть все и скончать жизнь в смиренной простоте».

Через несколько лет владыка Иосиф обретет ту смиренную простоту, о которой он молился. После революции 1917 года захватившие власть богоборцы лишат Церковь и священнослужителей не только излишнего, но и самого необходимого... Возведенный в высокий сан митрополита бывшей столицы (что в дореволюционное время фактически соответствовало статусу первого епископа Русской Церкви), владыка Иосиф не только не получит почестей, подобающих этому сану, но, напротив, обретет полную нищету, подвергнется гонениям, поношениям и тюремным заключениям, вкусит горечь изгнания и, наконец, будет безжалостно расстрелян богоборцами. Отринув все земные расчеты и компромиссы, он останется непоколебимым в своем исповедническом подвиге и примет мученическую кончину, к которой также издавна стремилась его пылкая душа: «Господи! Душа моя жаждет подвига. Укажи мне его, натолкни на него, укрепи в нем, вразуми, помоги. О, как хотел бы я части избранных Твоих, не пожалевших для Тебя ничего, вплоть до души и жизни своей» (запись в дневнике от 6 августа 1909 года).

Принятие священного сана

30 сентября 1901 года в Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры монах Иосиф был рукоположен в сан иеродиакона, а 14 октября — в Покровской церкви Московской духовной академии посвящен в сан иеромонаха. За ревностное служение в академической Покровской церкви через несколько месяцев после рукоположения иеромонах Иосиф по ходатайству ректора Академии, епископа Арсения, был награжден набедренником.

О священнослужении Иван Петровых всерьез задумывался еще во время учебы в Академии, но при этом понимал великую ответственность этого служения и свои сомнения и неуверенность доверял дневнику:

«Прошу я благодати священства? Но есть ли у меня характер настолько энергичный, настолько сильный, чтобы пасти других? Нет у меня его. Нет открытости, смелости, огненной ревности, которая одна может дать пастырю все в его трудном ответственном служении». *1898 год.*

«Во многих туге душевной от великой скорби сердечной (что Господь не сподобляет меня священства) раскрыл я "книгу живота вечного" — св. Библию, и Господь огненными устами Своего пророка (Исаии, 66 глава) ответил моему молитвенному воплю...» *1899 год.*

Вскоре после рукоположения иеромонах Иосиф записывает: «Что может быть благороднее, отраднее святее труда — предстоять в молитве Господу Создателю всех за людей Его, приводить их к Нему в молитве, вызывать в них чувства смирения, сокрушения сердечного, слезы умиления и покаяния, вонзая в их сердца глубоко-трогательные слова церковных молитв, этих священных игл, которыми пробуждается и вызывается к делу наша леность и нерадение».

Отныне богослужение становится главным делом отца Иосифа: «Люблю служить и буду — часто, ибо эти минуты служения всегда лучшие минуты жизни». А к совершению Божественной Литургии новорукоположенный пастырь будет относиться с особенным и величайшим вниманием. И вдохновляющим и воодушевляющим примером к ревностному служению для молодого иеромонаха станет св. Иоанн Кронштадтский, ежедневно совершающий Божественную Литургию:

«Как мало у нас дерзновения при совершении Св. Таинства Евхаристии! Умственно сопоставил я сегодня свое вялое, ленивое, унылое служение с полным небесного огня, живости, дерзновения и силы служением великого светильника наших времен, о<тца> Иоанна (Сергеева). Какими пигмеями жалкими выступаем пред ним мы, пред его величием и Богоугодностью! Каким страхом, дерзновением и умилением проникнуты все его возгласы и действия при священнослужении! Он как бы не просит, а прямо требует у Господа того или другого, и... получает невозбранно. Боже! Научи нас с такою же силою совершать Твое таинство всегда!»

«Господи! Даруй мне совершать Святейшее Твое Таинство Евхаристии, — горячо молится он, — не по прошению, желанию, предложению и приглашению других, но наипаче по собственному прошению и искреннейшему желанию своему, по неутолимой жажде Твоего со мною, недостойнейшим, соединения, исполнения, обожения! О, как бы желал я, чтобы ни один день в моей жизни не прошел без сего соеди-

нения, без сего насущного хлеба нашего и "единого на потребу" всем нашим нуждам и потребностям!»

«В причащении Св. Таин проразумевай не только духовное наслаждение общения с Господом, но и великое страшное дело спасения от плена и общения дьявольского; трудно описать все опасности, среди коих живет человек, опутанный столькими сетями, прельщениями, соблазнами и всевозможными дерзкими нападениями врага спасения нашего. Человека в этом состоянии можно уподобить погибающему в страшных волнах бушующей пучины, а Св. Тайны суть та поддержка, которая, как некий спасательный пояс, не дает ему погрузиться на дно, а помогает держаться на поверхности и подплывать к пристани».

Сокрушаясь о редком приобщении Святых Таин — обычае, давно укоренившемся в Русской Церкви, — отец Иосиф называл его «одним из печальнейших выражений уклонения от первобытно-строгого и внимательного отношения первохристиан к этой важнейшей потребности души верующего». «Когда я жажду ежедневного — о, недостойнейший, приобщения Св. Животворящих Таин, то охраняю себя от высокоумия и тщеславия тою вполне верною, как я знаю о себе, мыслию, что без этой благодетельной пищи моей душе и сердцу — мне с моею слабою духовною жизнеспособностью угрожало бы совершенное духовное растрление и отчуждение от Господа».

Ежедневное причастие и совершение Божественной Литургии становятся неотъемлемой частью жизни отца Иосифа. «Господи! Благодарю Тебя за то наслаждение, за то чувство благодатной отрады, с которыми Ты дашь мне приступить ко Св. Твоим Тайнам, благодаря которому мне и один день тяжело пропустить без священнодействия Св. Твоих Таин»³³, — записал он в своем дневнике 11 сентября 1904 года. А в день своего рукоположения, 14 октября 1904 года отослал телеграмму

³³ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. IV. С. 141.

рукополагавшему его епископу Арсению, назначенному на Псковскую кафедру: «Мысленно покрываю поцелуями руки, три года назад, освятившие меня благодатным пламенем священства».

Примечателен ответ епископа Арсения: «Радуюсь за дорогого ставленника, до пламенения возгревающего благодатный дар священства пребыванием "в объятиях Отчих" питанием "от крупиц Евангельских"»³⁴. Епископ Арсений (Стадницкий), с 1898 по 1903 год ректор Московской духовной академии, был духовным и научным наставником Ивана Петровых; он постриг Ивана в монашество, рукоположил его в священный сан, с сердечностью относясь к своему ученику, поддерживал его в духовно-аскетических устремлениях. Владыка также направлял его и в научных изысканиях по Библейской истории.

³⁴ Имелся в виду "Дневник инока" и проповеди или беседы отца Иосифа, изданные в 1904 году под заглавием "От крупиц Евангельских" (ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 318. Л. 3).

Магистерская диссертация

В апреле 1903 года исправляющий должность доцента академии по кафедре Библейской истории иеромонах Иосиф (Петровых) подал в Совет Академии прошение рассмотреть его труд "История Иудейского народа по Археологии Иосифа Флавия. (Опыт критического разбора и обработки)" в качестве магистерской диссертации. Защита диссертации прошла 6 июня 1903 года в актовом зале Московской духовной академии, отчет о магистерском диспуте был опубликован в "Богословском Вестнике"³⁵. Диспут открылся чтением биографии диспутанта, после чего иеромонах Иосиф произнес речь о своей диссертации:

«Предметом исследования моего служит История Иудейского народа, как она представлена по данным "Археологии" Иосифа Флавия. Задачу сочинения составляет критическая оценка и разработка этих данных, попутно с попыткой

³⁵ Богословский вестник. Сергиев Посад, 1903. Т. III. С. 298–330. Магистерский диспут также вышел отдельным изданием в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Один из его экземпляров, с дарственной надписью иеромонаха Иосифа был преподнесен настоятелю церкви Рождества Христова города Устюжны — отцу Павлу Острякову, с которым отец Иосиф учился вместе в Новгородской семинарии. В настоящее время этот экземпляр находится в библиотеке Духовной академии Санкт-Петербурга.

представить Иудейско-исторический материал Иосифа в его более научном практически-стройном распорядке и виде.

Нет надобности доказывать насыщенную для русской Библейско-исторической литературы необходимость особого труда в таком роде. Это хорошо знает всякий, кому приходилось иметь дело с Иосифом. Представляя исключительно-богатейшие, благодарнейшие материалы для Библейско-Иудейской истории, впервые непрерывно на всем протяжении ее от Адама до последних времен жизни Иосифа, т. е. (начала II или конца I века по Хр.) — притом материалы весьма часто имеющие значение первоисточников, Иосиф по-ложительно не может быть игнорируем ни в одном из серьезных и ученых исследований Библейско-исторической науки».

Далее отец Иосиф изложил трудность пользования И. Флавием для научных целей, по недостатку полного критического обследования его трудов и ввиду особенного характера самих этих трудов, допускаящих — до резких противоположностей — различное их понимание и оценку. И подчеркнул необходимость обстоятельного обзора и оценки материалов "Археологии" Иосифа Флавия.

«В своем труде мы старались не упустить ничего важнейшего, что не напрасно и безплодотворно затронуту историческою критикою в трудах Иосифа и имеет более или менее существенное значение для нашего предмета и приложение к нему. Конечно, более или менее идеальное осуществление этих усилий считаю совершенно превышающим мои слабые силы и таланты, при наличности которых я не мог бы и мечтать о достижении сколько-нибудь удовлетворительных успехов, если бы, по счастью, не пришли здесь на помощь другие благоприятные условия моей работы, а главное — если бы я не был того справедливого убеждения, что поступательное движение вперед по путям науки достигается не только успехами и удачами, но и недостатками и ошибками отдельных опытов и трудов...

В заключение мне остается только усугубить обычную благодарность за сверхобычно нелегкий труд моих высоко-чтимых руководителей и рецензентов, от которых готов при-

нять с подобною же благодарностью все полезные замечания, не вошедшие в официальный письменный отзыв!»

«По окончании речи открылись прения, причем первым официальным оппонентом выступил Сам Преосвященный Ректор академии епископ Арсений. Свои возражения Преосвященный предварил приветствием новому ученому труду диспутанта, высказав пожелание, чтобы счастливое совпадение имени диспутанта с именем автора "Археологии" было выдержано небезполезным для науки продолжением изучения трудов Флавия и появлением результатов этого изучения в дальнейших исследованиях».

Далее епископ Арсений весьма подробно остановился на слабых сторонах работы диссертанта, деликатно, но твердо высказывая целый ряд возражений и критических замечаний. Диспутант также подробно отвечал на все высказанные замечания. В заключение преосвященный Арсений сказал:

«Указанные мною недочеты, возлюбленный о. Иосиф, отнюдь не умаляют достоинств Вашего многоценного и научного труда, появление которого я с радостью приветствую. Полагаю, что с таким же удовольствием он будет встречен и среди присяжных ученых, и со стороны любителей религиозного ведения, которыми он с пользою будет прочитан. Желаю и завещаю Вам и впредь работать в этой области».

Вторым официальным оппонентом иеромонаха Иосифа выступал профессор В. Н. Мышцын. Он, так же как и епископ Арсений, подверг самой строгой, если не сказать, безжалостной критике диссертацию. Диссертант тем не менее достойно защищался и находил обоснованные ответные возражения. Свое выступление оппонент закончил следующим пожеланием:

«Один из эпитафий Вашего труда дает основание думать, что Вы намерены посвятить всю жизнь изучению Биб-

лейской истории. Ближе изучая ее, Вы со временем убедитесь в некоторых пробелах и крайностях изложенных в Вашей книге взглядов. Но чтобы печатно сознаться в них, для этого нужно нравственное мужество. Вот этого я Вам желаю».

На что диссертант ответил:

«Вполне сознаюсь, что есть действительно немало недостаточного в моем труде, и во многом из того, что указано Вами сейчас, вполне соглашаюсь и оставляю без отповеди. То же, что вы называете нравственным мужеством, сделано мною в общем уже в предварительной речи, где я объявил, что труд мой, может быть, не увидел бы и света, если бы я не был того искреннего убеждения, что *для науки нужны и неудачи!*»³⁶

Неофициальным оппонентом с небольшими, но ценными замечаниями выступил профессор М. Д. Муретов. По окончании прений Совет Академии единогласно признал защиту достаточной и постановил ходатайствовать об утверждении диспутанта в ученой степени магистра богословия. В том же году диссертация была напечатана отдельной книгой в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Она вызвала отклики ученых-богословов и в целом получила высокую оценку. Как отмечал профессор Киевской духовной академии А. Глаголев, сочинение написано «с великой тщательностью и безукоризненным знанием предмета, одушевлено искреннею любовью к истине, проникнуто в адекватной мере ревностью по вере, уважением к требованиям науки... и является ценным приобретением отечественной учено-библейской литературы; для занимающегося же библейской Археологией оно, вместе с исследуемыми в нем сочине-

³⁶ Магистерский диспут иеромонаха Иосифа, доцента Московской Духовной Академии. 6 июня 1903 года. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 1, 8, 18, 29.

ниями знаменитого иудейского историка, должно сделаться почти настольной книгой»³⁷.

По указу Св. Синода 19 июня 1903 года иеромонах Иосиф Петровых был утвержден в степени магистра богословия. В декабре того же года он был назначен экстраординарным профессором по кафедре Библейской истории. Как специалист по Библейской тематике позднее он написал несколько статей для "Православной энциклопедии", а также подробные комментарии и объяснительные статьи в Толковой Библии на книги "Иудифь", "Есфирь" и "Книги Маккавейские"³⁸.

В 1905 году отец Иосиф поместил интересную статью "Учение Лейбница о происхождении и сущности зла" в известном богословско-философском журнале "Вера и Разум", издаваемом в Харькове. Кроме этой статьи, где рассматривалась одна из самых сложных философских проблем, никаких других чисто научных статей Иосифа (Петровых) в печати больше не появлялось. Судя по всему, он не продолжал и более углубленных изысканий по своей теме и в целом по Библейской истории, несмотря на пожелания и "заповедь" епископа Арсения. Иная, как уже отмечалось, не академическая наука влекла его и стала главной темой его жизни.

Вероятно, и епископ Арсений это понимал. Характерна запись в его дневнике 6 июля 1905 года: «По душам беседовали мы с о<тцом> Иосифом, прекрасным монахом, но скрытым по характеру человеком. Нужно уметь проникнуть в сокровенная души его, иначе она останется неразгаданною. Кажется, я сумел сделать

³⁷ Труды Киевской Духовной Академии. 1903. № 9. С. 146. Цит. по: Голубцов Сергей, протодиакон. Стратилаты академические. М., 1999. С. 57.

³⁸ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. Лопухина. СПб. Т. III. 1906; Т. VII. 1913; Т. X. 1912; Т. XI. 1913.

это»³⁹. Очевидно, еще задолго до этого епископ Арсений "разгадал" искреннюю и пылкую душу студента Ивана Петровых⁴⁰ и в критический момент его душевного кризиса оказал ему неопределимую помощь. Об этом же с благодарностью помнил и отец Иосиф. Так, поздравляя владыку Арсения с именинами, он писал:

«Духовное рождение мое в мире иночества, запечатлевшееся неизгладимыми и невыразимо-отрадными воспоминаниями души, неразрывно связано с Вашим священным именем! Давно жаждал я посылить Вам признательность человека, всеми когда-то оттолкнутого и заклейменного всевозможными злоречиями, — которому Вы, однако, не погнушались подать руку сочувствия, защиты, поддержки и утешения, запечатлев все это священнодейственным введением моего убожества в лик иночаствующих делателей винограда Христова!..»

В знак признательности отец Иосиф послал владыке именнинный подарок — омофор, нарочито для него устроенный и освященный на мощах преподобного Сергия, как свидетельство своей искренней радости и сердечного приветствия по случаю «заслуженного украшения владыки высшею ученою степенью», то есть защитой докторской диссертации по церковной истории. Епископ Арсений ответил сердечной благодарностью за именнинный и чудный высокохудожественный дар: «Меня глубоко тронуло воспоминание Ваше о тех днях, когда Вы духом возродились в мир иночества, не без искушений и скорбей. Благодарю Бога, что он избрал

³⁹ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 513. Л. 66.

⁴⁰ В 1898 году Иван принимал участие в студенческом выступлении по поводу недовольства одним из инспекторов — студенты писали в Синод, отправляли депутации на Совет Академии. Иван Петровых дважды ходил в Совет с поручениями студентов, в чем потом чистосердечно раскаялся. В письме на имя ректора он признавал свою вину и лишь просил изменить ему наказание (ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 391. Л. 1).

мое недостойнство в орудие этого благодатного рождения. Ваша благодарная память об этом свидетельствует о чистоте и доброте Вашего сердца».

Переписка и общение иеромонаха Иосифа и епископа Арсения не прекращались и в дальнейшем. Причем сыновнее почтение к своему наставнику иеромонах, а затем и архимандрит и епископ Иосиф сохранял неизменно. Уже будучи сам архиереем, он продолжал подписывать свои письма преосвященному Арсению "Ваш духовный сын и послушник"; сообщал о своей жизни, просил советов, порой помощи и не уставал благодарить о величайших духовных дарах. Так, например, в письме 1911 года он писал: «В нынешнем году истекает 10-летний юбилей моего монашества, диаконства и священства (26 августа, 30 сентября, 14 октября). Усугубите по сему случаю Ваши святые молитвы за юного 10-летнего инока, имевшего счастье получить столь драгоценные сокровища от Ваших святительских рук»⁴¹.

Преосвященный Арсений не мог не радоваться за своего ставленника, ревностного монаха и архипастыря, справедливо называя его "достойным носителем благодати Христовой". Промыслительно слово, сказанное епископом Арсением при постриге монаха Иосифа:

«Потрудись же, возлюбленный брат, ради Бога! Господь, раздаятель даров, одарил тебя способностями паче сверстник твоих. Кому много дано, от того много и взыщется. Принеси дары свои к подножию Христа, к прославлению Пресвятого Имени Его, на защиту Его Св. Церкви. Враг рода человеческого воздвиг ныне на нее сильную борьбу, употребляя для этого опасное оружие слова и мысли...

Теперь, когда хулится Имя Божие, молчание преступно и будет сочтено за малодушие или бесчувственную холодность к предметам веры. К прискорбию, нельзя не сознаться, что равнодушие к святой вере и ее защите — едва ли не главный недуг нашего времени. Много ли теперь таких ревнителей,

⁴¹ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 7, 8, 17–17 об.

которые с пламенеющим духом восставали бы на защиту Св. Церкви и заграждали уста легкомысленно глумящимся над нею? Не ограничиваются ли теперь большею частью молчанием, как будто дело вовсе никого не касается или так маловажно, что на него не стоит обращать внимания?.. Да не будет в тебе этой преступной теплохладности, от которой предостерегает Господь (Апок. III, 15). Работай Господеви, духом горяще»⁴².

Так и совершал свое служение отец, а затем и владыка Иосиф, всегда пламенеющий духом и не ослабевающий в своей ревности о Св. Церкви. Менее всего в нем было той теплохладности и равнодушия, которыми недуговало российское общество и о которых предупреждал его архиепископ Арсений. С годами эта пламенная ревность нисколько не ослабела, и спустя четверть века убеленный сединами и вознесенный на самый верх иерархической лестницы митрополит Иосиф с юношеской пылкостью устремится на защиту Св. Церкви, в то время когда под гнетом внешнего давления и внутреннего предательства в Церкви многие, в том числе и его бывший наставник и учитель, будут пребывать в некоей духовной растерянности и ограничатся в большей части молчанием.

⁴² А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. I. С. XIV–XV.

Возведение в сан архимандрита

В декабре 1903 года иеромонах Иосиф был назначен инспектором Московской духовной академии, а 18 января 1904 года возведен в сан архимандрита. В этот день он записал в своем дневнике: «Я — архимандрит! С точки зрения многих это великое повышение, важное возвеличение. О, как славно повергнуть это величие в прах пред Престолом Божиим! Как сладко сказать: "Господи! И я сам сознаю всю высоту и величие столь священного сана, установленного для Твоего служения, и хотя бы я был сколько-нибудь достоин его, повергаюсь в нем весь пред лицом Твоим, величие которого превосходит всякое понятие наше о величии и заслуживает, чтобы все, что мы знаем как великое, было принесено в служение и жертву Твоему Единому праведному величию"».

Возможность дальнейшего продвижения по иерархической лестнице не заботит архимандрита Иосифа, а инспекторская должность тяготит и сокрушает его: «Господи! Некогда стало мне и последить за душою. Служба, которую я несу по Твоей воле, так развлекает, так мало оставляет времени для уединенного безмолвия и свободы духа! Постоянное отвлечение от молитвы и Богомыслия к суетным сторонам жизни не дает душе сохранить то чувство благодатного приседения у ног Господних и умиленного

внимания Его сладким вещаниям в благодатном настроении сердца, какое испытывается только в неразвлекаемой ничем тишине пустынного уединения. Господи! Даруй поскорее приучить себя совместить и долг послушания Твоей воле, и благодатные минуты благоговейного возбуждения пребывания в Тебе всеми силами ума и сердца».

Архимандрит Иосиф по-прежнему прежде всего монах, и монашеская жизнь для него важна сама по себе, как жизнь, сугубо посвященная Богу. «Господи! Как далеко все окружающее меня от благ пустыни, ее уединения, тишины, покоя, располагающих к Богомыслию, непрестанной молитве и серьезно-строгому содеванию своего спасения. Как теперешняя обстановка портит меня, усложняет и утончает всевозможные прихоти, изнеживает, расслабляет, погружает во всякую суету и многомятежность»⁴³, — сокрушенно вздыхает он. Весной 1904 года в письме к епископу Арсению отец Иосиф сетует: «Простите, Владыко, что редко пишу. Никак не могу привыкнуть к суетливой инспекторской жизни. Все она у меня вверх дном поставила... Что делать?! О своих "подвигах" по службе могу ли "что добро" говорить? Пусть скажут другие. По крайней мере, беспристрастнее в ту или другую сторону. Тех ложных шагов, о которых Вы меня предостерегали, наделал я уже множество... Не избежать мне, верно, того, чего не умею предвидеть и предрешить»; «Пасху встретил в жестокой скорби. О, Академия! О, инспекторство! О, Иосиф!.. О, Каптерев! О... »⁴⁴

Скорби и переживания архимандрита Иосифа были связаны с полемикой по монашескому вопросу. Эта полемика между профессорами Академии и экономом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, архимандритом Никоном (Рождественским) началась еще в 1902 году и

⁴³ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инок. Т. IV. С. 16, 17, 78.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 5–6 об.

разворачивалась на страницах журналов "Душеполезное чтение" и "Богословский вестник", причем носила с обеих сторон довольно резкий характер. Профессора подвергли острой критике русское монашество в современном его виде и призвали монахов к деятельному осуществлению заповеди любви к ближнему в виде общественного служения. Архимандрит Никон отстаивал созерцательный характер монашества.

Известно, что иеромонах Иосиф также включился в полемику, и в мартовском номере журнала "Душеполезное чтение" за 1903 год было опубликовано его письмо в рубрике "Отклик на современность". Правда, оно было подписано лишь "I". Но текст его дословно повторяет запись в "Дневнике инока" за 1902 год:

«Всем, которые призывают монашествующих к служению миру обычными человеческими средствами и силами (устроение школ, больниц и т. п.), нельзя ли ответить следующей весьма поучительной страничкой Евангелия: в доме Лазаря возлежал Спаситель... у ног его — Мария, в порыве сердечной признательности к возлюбленному Учителю, столько Благодарному, льет драгоценное миро. Поднимается знаменитый протест, начатый столь небезнаменательно Иудею: "К чему такая трата? Сколько нищих можно бы ценою этого мира облагодетельствовать, и не жестокость ли к нам то, что делается вместо этого благодеяния?!"

Известен ответ на это Господа, которому с трепетом должно внимать каждое исполненное истинно-монашеских намерений сердце: "Не дейте ей, в день погребения Моего соблюдет е. Нищия бо всегда имате с собою, Мене же не всегда!"... (Ин. 12,7-8).

Итак, монах (мы разумеем именно монаха, а не пародию на него) есть сострадатель Господа, льющий пред Ним драгоценнейшие всякого мира постоянные источники слез покаяния, умиления и умилоствления. Монах есть тот, которому сказано: "Оставь мертвым погребать своя мертвецы, хотя бы это был родной отец!" (Мф., 8, 22). Монах есть тот, о котором сказано: "Не угодно есть нам, оставльшим Слово

Божие, служи́ти трапезам, хотя бы это были трапезы для убогих вдовиц" (Деян. 6, 2).

Монах есть безотлучно приседающая у ног Иисуса Мария, которой ни на минуту не следует быть Марфой, служащей не "единому на потребу". Правда, Господу принадлежит это изречение — "Мне сотвористе"... напитавшие алчущего, напоившие жаждущего! Но когда Сам Он, алкавший и жаждавший, возлюбил более усердие Марии, насыщавшей у Его ног свою духовную алчку и жажду, и упрекнул Марфу, хлопотавшую более о телесных нуждах, то этим — думаю — отнимает всякие основания упрекать монашество за то, что оно по идее своей предпочитает более неотлучное внимание глаголам Господа, нежели школы и больницы, т<о> е<сть> заботу о телесных нуждах ближнего, имеющих безразличное отношение к их спасению.

Но, может быть, это покажется жестокостью и противоречием заповеди о любви к ближним. Да, это так и есть, если монах не истинный, если он имеет деньги, если он имеет свободное от Богомыслия и молитвы время, если он сохраняет соприкосновение с миром, чего всего у совершенного инока быть не должно...

В достигших совершенства иноках открывает Господь дар и "служения ближнему", но это уже гораздо более совершенный дар, чем всякая земная любовь и дела человеческого милосердия: это было именно служение спасению ближнего нравственною помощью, советами (старчество) в затруднительных случаях жизни, имеющих значение для спасения, и немощах душевных и телесных (в последних опять-таки сколько нужно это делу спасения). Но замечательно, что и здесь монах сохраняет вполне законную свободу служения Господу в целях личного своего спасения. Величайшие из подвижников тяготились даже и таким служением ближним, как их духовная польза и спасение, ибо, притекая во множестве к подвижнику, они день и ночь докучали ему и разлучали его от Господа, к Которому безраздельно устремлена была вся душа их. Многие из подвижников положительно не выносили этого и бежали опять в леса и пустыни. Из них многие уносили с собою даже и дар чудотворения, которым они могли оказать живущим в мире столько благ, гораздо более ценных, чем все больницы

и школы мира. Упрекать ли этих "святых эгоистов" в жестокости и нарушении закона любви к ближнему?!»⁴⁵

Примечательно, что в "Дневнике инока" издания 1905 года последнее предложение отредактировано и вместо "святых эгоистов", поставлено "святых Боголюбцев" и, кроме того, добавлен еще один абзац, смягчающий резкость всего вышесказанного:

«Впрочем, нельзя не согласиться и с тем, что иные — обязанности по отношению к ближнему монаха-пустынника, который ничем от мира не пользуется и не зависит, и иные — монаха, окруженного миром, хотя бы и отделенного от него каменной оградой. Раз монахи позволяют, чтобы мир служил им "от имений своих", долг и любви, и правды требует, чтобы и монах послужил несчастным и нуждающимся мира — все равно благотворительными ли то заведениями или частною помощью. Иначе — его отношение к миру ничем не лучше будет недостойной монаха эксплуатации мира».

А в ноябре 1904 года отец Иосиф на ту же тему сделал запись еще более спокойного и рассудительного характера: «Спорят о том, какое монашество лучше — деятельное или созерцательное? — "Ов сице, ов же сице". Нельзя решить этого вопроса, не примеряясь к живой душе, способной вмещать более то или другое! Нельзя устанавливать тут никакой классификации, к которой потом и подводить живых людей, требуя от них обязательно того, что делают другие. Господь каждому дает свою меру и свой путь, и способ угождения и служения Ему»⁴⁶.

Очевидно, конфликт архимандрита Иосифа с профессорской корпорацией был вызван не самим предметом спора. Так, в марте 1904 года митрополит Московский Владимир наложил запрет на очередную статью

⁴⁵ Душеполезное чтение. 1903. Март. С. 541–542.

⁴⁶ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. IV. С. 176.

профессора Академии Н. Ф. Каптерева, которая готовилась к печати в качестве ответа архимандриту Никону. 18 марта по этому поводу состоялось экстренное заседание Совета Академии, на котором было принято решение опротестовать запрет митрополита. Архимандрит Иосиф не согласился с этим решением и, поддержав запрет публикации, высказался против статьи Каптерева из-за неприличных и резких нападок и даже «крайне замаскированных за внешнею объективною научностью яда острот, насмешек и издевательств по адресу не только противников, но и самого монашества»⁴⁷.

За свое выступление архимандрит Иосиф был публично и грубо изруган обиженным Н. Ф. Каптеревым, после чего удалился с собрания. Сцена произвела на всех тяжелое впечатление, но отца Иосифа не жалели, считая, что он поделом получил за свою самонадеянность и выступление против профессорской корпорации и одного из старейших ее членов. Профессор И. В. Попов в письме от 16 апреля 1904 года писал: «Прямо с собрания Иосиф направился в скит к старцам, там плакал и писал прошение об отставке, потом просил у наместника келью»⁴⁸. На Пасху депутация профессоров была принята митрополитом Владимиром, вызывавшим также и архимандрита Иосифа. Несмотря на теплый прием и долгую беседу с профессорами, запрет снят не был, и статья Н. Ф. Каптерева не вышла в печати.

17 апреля 1904 года умер духовник отца Иосифа, старец Иасон. «Господи! Тяжело потерять старца, которого получил от Тебя в отца и учителя, — записал отец Иосиф в дневнике. — Как сроднился я с ним душою! Поистине благодать Твоя освящает отношения старца и его духовного чада в священнодействии пострижения и вручения новопостриженного старцу. С того момента

⁴⁷ Голубцов С. А. Московская Духовная Академия в эпоху революции. М.: Мартис, 1999. С. 188.

⁴⁸ Голубцов С. А. Указ. соч. С. 190.

начинается между ними священный духовный союз, сильнейший и священнейший союза супружеского и родительского».

Клевета и поношения доставляют архимандриту Иосифу немало неприятностей; и в дневнике он изливает свою скорбь и боль: «Опять клевета. Опять грязная, гнусная, злая сплетня. О, как зол ты, окаянный враг, воздвигающий на меня людей, употребляющий их в орудие своей жалкой злобы и неистовства... Господи! Прости и вразуми кротко тех, которые не так виновны в нанесении мне тяжких ран, как главный виновник всякого зла и страданий земных — исконный человекоубийца». «Господи! Стыжусь моего гадкого нрава и бесчестия пред людьми и пред Тобою. Краска заливает лицо в представлении тех гадостей, которые не без поводов с моей стороны разглашаются обо мне, лишают меня доброго имени и чести в глазах многих людей»⁴⁹.

«Беда мне, Господи, от моей простоты, с какою обхожусь с другими, и безразборной ласковости. В миру это приводило меня не раз к тому, что я попадал в "женехи", вовсе того не добиваясь. Теперь это же вызывает постоянные подозрения со стороны людей, порочное сердце и воображение которых всякое ласковое слово и простоту обращения готово толковать в сторону нечистых отношений. Боже мой! Сохрани меня от действительного впадения в эти отношения, и да не оправдаются подозрения, на меня высказываемые»⁵⁰.

Лишь в одном находил отец Иосиф утешение: «Есть отдых от трудов, есть отдых и вообще от жизни, от ее скорбей, тяжестей, монотонности, многозаботливости. Отдохни жить, когда чувствуешь, что тяжело жить. Брось все, поживи исключительно молитвой, Богомыслием, Богоугождением, и почувствуешь прилив новых сил — жить и терпеть...»

⁴⁹ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. IV. С. 65, 74, 139.

⁵⁰ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. VI. С. 23.

18 января 1905 года, в год своего архимандритства, отец Иосиф с радостью записал: «Опасения, что придется бросить частое служение и предстояние престолу Божию в смиренной простоте и скромности, миновали. Господь помог поддержать доброе направление жизни без особых затруднений и неудобств, без шума и разговоров. Слава Тебе, Господи! Не остави и впредь Твоею неизреченною и столь драгоценною для меня милостию!»

С сердечным участием архимандрит Иосиф относился к обращающимся к нему мирянам: «С терпением и благодушием прими всякого человека, имеющего нужды, приходящего к тебе, и, выслушав его, подкрепи, утешь, как умеешь и как Господь Сам пошлет на душу. Миряне чувствуют особую потребность в отеческой любви и ласке пастыря и служителя алтаря. Для многих он единственно надежный утешитель, советник и печальник пред Богом, и нет никого другого такого, кому так свободно и искренно он мог бы поверить и раскрыть свою душу, освежить беседою с ним, отдохнуть, отрешиться от будничной жизненной обстановки и окружающих людей, часто ничего не дающих своим сожителем, кроме самой скучной прозы и даже пошлости».

Или вот запись в дневнике по поводу полученной в подарок иконы Богородицы "Всех скорбящих Радость": «О, Благодатная! Как Ты порадовала меня сегодня!.. Повергаю мою скорбную и многотрудную жизнь к Пречистым ногам Твоим; укрой меня от немощей и напастей моих под благостным осенением Твоего ненаглядного Младенца! Одна из наиболее острых моих скорбей — безутешность скорбящих, беспомощность печальных, неисцельность болящих, ожесточение заблудших... Дай ответ и на эту скорбь Твоею благодатною радостью, помощью и утешением»⁵¹.

⁵¹ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. V. С. 239, 225, 286; Т. VI. С. 28.

С искренней скорбью о России размышляет отец Иосиф о падении благочестия русского народа, отступлении его от Бога и Церкви: «Господи! Вера и благочестие падают... Те, которые должны бы быть примерами их и живыми проповедниками, предпочитают подавать обратные печальные примеры равнодушия и пренебрежения к ним! Интеллигенция бесится хульною ненавистью к Церкви и лучшими силами выработанным и веками засвидетельствованным в своей истинности и спасительной жизненности уставам и всему строю... Страшно ждать Твоего вразумления!» Еще более тревожную запись он оставляет 25 февраля 1905 года: «С ужасом внимают душа грозным ударам Суда Божия над Отечеством нашим. Видимо, оставил нас Господь и предает в руки врагов наших. Все упало духом, все пришло в отчаяние. Нет сил трудиться, и даже молиться! Нет сил страдать и терпеть! Господи! Не погуби до конца. Начни спасение! Не умедли избавления»⁵².

⁵² А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. III. С. 81; Т. V. С. 243.

Настоятель Яблочинского монастыря

В 1906 году завершилась служба архимандрита Иосифа в Московской духовной академии. Уход отца Иосифа из Академии был вызван вновь обострившимися его отношениями с профессорской корпорацией. На этот раз архимандрит Иосиф занял резко отрицательную позицию по отношению к демократизации Устава Академии, которой добивались профессора и студенты на волне революционных событий 1905 года. На протяжении всего года в Академии происходили студенческие волнения и забастовки. Одним из требований студентов было распространение университетской автономии на Духовные академии. В октябре 1905 года Совет Академии поддержал это требование студентов и принял решение ходатайствовать перед Св. Синодом о распространении временных правил об университетской автономии на Духовные академии. В результате долгих дебатов и переговоров в декабре 1905 года удалось добиться указа Синода, предписывающего Академиям выработать проекты своих новых Уставов и представить их к 1 февраля 1906 года.

Новый Устав Московской духовной академии обсуждался и выработывался на нескольких заседаниях Совета Академии с января 1906 года при участии всего преподавательского состава, кроме инспектора Иосифа (Петровых). 3 января 1906 года отец Иосиф подал про-

шение о месячном отпуске на это время, к прошению прилагалось свидетельство врача Лавры, где указывалось, что архимандрит Иосиф «нуждается во временном прекращении своих служебных обязанностей и полном отдыхе для восстановления сильно утомленной в последнее время нервной системы»⁵³.

Изданные Синодом 21 февраля 1906 года "Временные правила" в качестве дополнения к Уставу дали широкую автономию Академии, но они не были приняты отцом Иосифом, поскольку создавали, по его мнению, невозможное положение для монашествующих в духовной школе⁵⁴. По-видимому, именно в это время отец Иосиф принял решение об оставлении Академии, о чем свидетельствовал рапорт Холмского епископа Евлогия от 2 февраля 1906 года. Преосвященный Евлогий сообщал в Св. Синод о необходимости, ввиду крайнего усиления католической пропаганды, организовать центр православного миссионерства в единственном в епархии мужском Яблочинском монастыре с настоятельной просьбой — поставить для этого во главе монастыря богословски образованного пастыря. Причем в качестве такового епископ Евлогий ходатайствовал о назначении архимандрита Иосифа (Петровых), согласно выраженному им желанию посвятить себя миссионерской деятельности⁵⁵.

Указом Св. Синода от 30 июня 1906 года архимандрит Иосиф был назначен на должность настоятеля Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря с увольнением его от духовно-учебной службы. Это назначение, однако, вызвало душевное смятение у архимандрита Иосифа; 18 июля он записал в дневнике: «Господи! Прости мне мое уныние, малодушие, нетерпение, разочарование, огорчение, недовольство, тяготу! Прости

⁵³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 26.

⁵⁴ Голубцов С. А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁵ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 32.

мне: я не так принял весть о моем удалении в пустыню, как бы следовало. Я — недостойный не только "чего", но и "ничего", имел безумие считать себя униженным, оскорбленным, обиженным, обойденным, скорбел, унывал, почти роптал и досадовал на свою перемену жизни, на которую сам же — в момент оскудения своего терпения и надежды на Тебя — изъявил свое согласие!»

Что же стояло за этими метаниями архимандрита Иосифа? Возможно, нелегко было расставаться со Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой и Московской духовной академией: «Тяжело переменять место, с которым душа сжилась 11 лучших лет. О, Господи! Как тяжело, тяжело, как само отчаяние. И необходимо вместе с тем и неизбежно, как сама смерть. Господи! Подкрепи меня! Господи! Утешь меня!» — записывает он в своем дневнике. Но не это, похоже, было главным — более серьезным был страх пред неизведанностью будущего: «Второй раз как бы переживаю состояние отречения от мира! Второй раз как бы "иду в монахи", переживаю разлуку, подобную которой даст только еще смерть. Жизнь изменяется до неузнаваемости. Страшно и жутко представить будущее, отрешиться от настоящего. Страшно оторваться от места и как будто повиснуть над пропастью, в которой не видно дна... Господи! Подкрепи меня!»⁵⁶

В это же время архимандрит Иосиф написал прощальное письмо наставникам и сослуживцам по Московской духовной академии:

«Незабвенные мои наставники и все сослуживцы!

Оставляя дорогую Академию, чувствую сердечную потребность сказать всем свое взволнованное последнее прости!..⁵⁷

⁵⁶ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. VI. С. 92, 93, 95.

⁵⁷ «Прошу простить, что никому не делал отдельных прощальных визитов, чтобы не терзать душу». — *Прим. архимандрита Иосифа.*

Забылось все тяжелое, неприятное, что Господь судил пережить за 11 лет моей жизни в Академии... Не уношу ни на кого никакой злобы, вражды и огорчения. Слишком много вижу за собой собственных недостатков, промахов и ошибок, чтобы винить за все кого-либо другого, кроме самого себя!.. И слишком тяжелый путь избираю себе, чтобы можно было пуститься в него, не сжимаясь сердцем от разлуки с родной академической семьей, с которой успел сжиться тысячами нитей, и не оглянуться на нее слезно-прощальным, благоговеюще признательным взором...

Простите же меня все, кому я подал какие-либо основания для нарушения внутреннего мира и спокойствия, и, если не можете не помянуть лихом, об одном умоляю: забудьте лучше вовсе имя безутешного Иосифа, волею судеб Божиих из родных краев отводимого в страны чуждые и неприязненные...

<...> 24 июля 1906 г<ода>»⁵⁸.

В тот же день отец Иосиф сделал в дневнике следующую запись: «Господи! Я уйду в страну чуждую, негостеприимную! Не оставь меня и там! Будь и там со мною! Восполни Собою мое одиночество! Заменяй мне все! Не лиши и там сладости Твоего общения, Твоих утешений, Твоих милостей!..»

В начале августа архимандрит Иосиф прибыл к месту своего нового назначения, в Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь. Почти сразу же по прибытии начались для него испытания, 5 августа он подробно описал их в дневнике: «Пережил ужасные минуты, нападение вооруженных грабителей на Обитель... О, как Господь милосерд! Сохранил всех невредимыми. Ни одна пуля не ранила никого, хотя несколько их пролетели мимо самого уха нескольких человек. Ни одна ко-

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 35–35 об.

пейка монастырского и без того скудного достояния не взята грабителями, хотя они и перерыли комоды и шкафы... Господи! Поистине, если "всуде бодрствуют стрегущие, без твоего хранения, то — при твоём хранении — и спящие и вовсе беспомощные, как мы, — обрели Твое дивное заступление и неприкосновенность" ».

И далее отец Иосиф со свойственной ему откровенностью поведал на страницах дневника о пережитом страхе, который, по-видимому, не сразу оставил его: «О, как тяжело висеть между жизнью и смертью! Как тяжело быть под страхом внезапной ужасной смерти! Боже мой, Боже мой! Или во мне мало упования на Тебя, преданности Тебе? Истинно-христианского спокойного отношения к здешней жизни, со всеми ее опасностями? Что эти опасности для тех, которые живут уже здесь мыслями и содержанием вечной жизни, нас ожидающей? И не суетное ли жизнелюбие и привязанность к земному и временному создает тот ужасный страх и трепет, в который впал я, приблизившись к воротам смерти мученической, принимавшейся с такою радостью, спокойствием, достоинством истинными героями духа и Боголюбцами св. мучениками».

В декабре того же года опять происшествие, о котором также есть запись в дневнике: «Благодарю Тебя, Господи, за дивное избавление меня от всякого вреда при опасном происшествии: сани, на которых я ехал, слетев с высокой насыпи, опрокинулись с парой лошадей и прикрыли собою сидевших, в том числе и меня. И никому ни малейшего повреждения! Поистине, Ангел Хранитель спас и сохранил в эту минуту всех нас!»⁵⁹

Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь Холмской епархии, куда был направлен архимандрит Иосиф, находился на территории царства Польского в Бельском уезде Седлецкой губернии, на левом берегу реки Западный Буг в полуверсте от станции Дубица

⁵⁹ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. VI. С. 94, 99, 143.

Холмско-Брестской железной дороги. Это была далекая западная окраина, где немногочисленное православное население пребывало во враждебном окружении католиков и постоянно испытывало с их стороны сильное давление и притеснения. Сам монастырь — живой свидетель и славного прошлого Холмщины, и тех испытаний, какие выпали на ее долю в неравной борьбе за свою веру и народность с воинствующим католицизмом и полонизацией этого искони русского края — удела святого Владимира Равноапостольного и Даниила Галицкого⁶⁰.

В жалком состоянии нашел этот древний монастырь архимандрит Иосиф: «Господи! Буди воля Твоя на мне грешном! Неожиданно я вынужден был обречь себя на жительство в монастыре бедном, расстроеном, запущенном, захолустном, пустынном. После Лаврского благолепия — о, какое это тяжкое лишение, испытание, огорчение! Господи! Да будет это во благо и спасение мне!»⁶¹ И не столько бедность монастыря поразила архимандрита, сколько небрежность и неряшливость в отношении к службам и храму, о чем он откровенно написал друзьям и почитателям в Сергиевом Посаде.

Он просил о самом необходимом, отвечая на их вопросы о нуждах обители: простом облачении для будничного служения, которого не нашлось для него в монастыре; о кружочках на чашу для покрывания от мух; о платках для покрытия престола и жертвенника, в обители они покрывались белыми простынями (всегда грязными), и для сосудов, которые там вовсе не покрывались и всегда стояли в пыли и грязи. Просил он своих благодетелей о новом коврике, идущем от престола до амвона, поскольку «старый был весь в дырах и пятнах от милой привычки здешней братии — плевать! Неприятно даже смотреть. И заменить решительно нечем.

⁶⁰ Православные русские обители. СПб., 1910. С. 628–630.

⁶¹ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. VI. С. 90.

Ужас — и в великие праздники придется любоваться этим безобразием». Сетовал он и на никуда не годные полы, деревянные некрашеные, со множеством дыр, откуда выбегали целые стада мышей, их следы покрывали алтарь и даже престол, все покровы на котором пропитывались до тошноты отвратительным мышиным запахом.

Удручала отца Иосифа малообразованность и церковная невоспитанность местного населения. В одном из писем он писал: «В Успенье служили в скиту! Было много народу, но все простого. Сколько надо его учить и воспитывать! К причастию подходят, спросишь имя, отвечают: "Настя", а то "Машка" или еще "Прузя" (Евфросиния) или "Францешка". Вот тут и разберись!»⁶²

Сильное беспокойство вызывали влияние и агрессивность католиков, которые в то время повели настоящее наступление на православных, захватывая повсюду храмы и превращая их в костелы. Отец Иосиф в письмах высказывал свое опасение о возможности прямого насилия, о ежедневном ожидании своей смерти, поскольку «защищать некому, православных мало, и все боятся, а начальство тоже трусы все и продажные твари». Он писал о поездке в Петербург преосвященного Евлогия к Государю с жалобой и прошением об отделении Холмского края от Польши и включении в границы России.

Несмотря на все трудности, архимандрит Иосиф ревностно взялся за устройство жизни обители и ее благоустройство. «Что унываешь, душа моя! — записал он в дневнике 5 сентября 1906 года. — Почто думаешь, что все для тебя кончено? Господь близ тебя, ты в Его попечении. Его рука забросила тебя сюда, для твоего очищения, исправления, обновления, обогащения духовными силами и опытностью. Исполни волю Его. Будь неустанен в трудах, непоколебим в терпении, несокрушим в твердости».

⁶² Письма митрополита Иосифа // Миръ Божій. 2000. № 1 (16). С. 34.

И ревностное служение, неустанные труды архимандрита принесли свои плоды, через два месяца, 5 ноября, в дневнике появилась характерная запись: «Как некогда Господь ради Иосифа благословил дом его господина всякими милостями, так Господь Милосердый и ныне благословил поселение мое в пустынной обители Польской многими щедротами жертвователей! До того времени бедная даже иконами и самую необходимою утварью обитель быстро обновилась и обогатилась всякою утварью. Совершенно незнакомые дотоле люди приходили на помощь и одаряли обитель ценными приношениями. Благословен Ты, Господи, не оставляющий меня твоими милостями и щедротами!»⁶³

Архимандрит Иосиф составил службу и акафист преподобному Онуфрию; устроил раку для его мощей; заказал для обители иконы преподобного Серафима и преподобного Сергия, которые были встречены с крестным ходом на вокзале и торжественно перенесены в обитель, привлекая множество богомольцев. При перенесении иконы преподобного Сергия в декабре 1906 года собралось столько народу, что небольшой храм обители едва мог вместить всех богомольцев, так что, по словам архимандрита, «даже в Царских вратах тискались».

Вскоре отец Иосиф начал ремонт и реконструкцию храма в Яблочинском монастыре и уже весной 1907 года отмечал в письме, что «все сделано как нельзя лучше — хорошо, просторно, светло, лучшего не желал бы, если бы только все это было поближе к России». Освящение храма было осуществлено после капитального ремонта 16 декабря 1907 года уже без архимандрита Иосифа, так как по решению Синода в сентябре он был назначен настоятелем Юрьева монастыря Новгородской губернии.

⁶³ А. I. "В объятиях Отчих". Дневник инокa. Т. VI. С. 111, 132.

Настоятельство в Юрьевом монастыре

Юрьев монастырь, знаменитый своей древностью, своей историей и своими величественными богатыми храмами, расположен в трех верстах от Новгорода, на левом берегу реки Волхов, при устье Княжева ручья, в местности чрезвычайно красивой и живописной⁶⁴. Это была одна из богатейших обителей России, по количеству и благолепию храмов уступала лишь Киево-Печерской и Свято-Троицкой Сергиевой Лаврам. После бедного Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря в далекой западной окраине перевод в столь великолепную древнюю обитель, да еще на родной Новгородской земле должен был, наверное, принести архимандриту Иосифу большую радость. Позднее, став настоятелем монастыря в Ростове, он сравнивал пребывание у ростовских святынь с новгородским служением и подчеркивал, что последнее «неоценимо и ничем незаменимо для души».

К сожалению, сведения о новгородском служении отца Иосифа довольно скудны. Архив Юрьева монастыря этого периода не сохранился; из публикаций епархиального еженедельника известно, что архимандрит

⁶⁴ Православные русские обители. С. 138.

Иосиф служил иногда в Софийском кафедральном соборе⁶⁵, принимал участие в религиозно-нравственных чтениях, которые проводились по воскресным дням в зале новгородской мужской гимназии и других общественных зданиях⁶⁶. На праздник Благовещения, 25 марта 1908 года, постриг в схиму одного из старейших насельников Юрьева монастыря. Об этом событии "Новгородские епархиальные ведомости" сообщали как о «редком в наше время торжестве» и подробно повествовали в восторженной статье о толпах богомольцев, устремившихся в обитель еще с вечера, о торжественных службах, всенощной накануне и Литургии, когда совершался умилительный чин пострига, «который при общем сходстве с монашеским отличался большей простотностью и умилительностью».

После отпуска Литургии архимандрит Иосиф прочитал заключительную молитву чина и обратился к новопостриженному схимнику с приветственным теплым словом, в котором, выяснив значение и величие торжества для его души и жизни, призвал его к усугублению служения Богу в подвигах молитвы и любви к Нему:

«Если вообще от монашествующих ждут и хотят, чтобы они были "светом для мира", примером преданности и служения Богу, и к ним особенно идут за духовной помощью и утешением в трудные минуты и состояния жизни, то к тебе теперь не только миряне, но и мы, монашествующие, пойдем за такую помощью, за советом, поддержкой и ободрением в минуты нашего расслабления, уныния и малодушия. На тебя будут обращены взоры всех нас, на тебе будем мы успокаивать взор свой, как на живом воплощении идеалов монашеских, о которых подчас больно тоскует душа, хотя они нами

⁶⁵ В Приложении к "Новгородским епархиальным ведомостям" № 7 1909 года опубликовано Слово у св. Плащаницы "В Великий Пяток", произнесенное архимандритом Иосифом в Софийском соборе 11 апреля 1908 года.

⁶⁶ См. в Приложении его беседу о Православии 2 марта 1908 года.

так часто попираются и пренебрегаются. Тобою будем мы подбадривать и вдохновлять себя на тяжелом пути монашества...»⁶⁷

Вероятно, и сам архимандрит Иосиф весьма нуждался в такой духовной поддержке и утешении. Настоятельская должность неизбежно приносила ему немало скорбей. «Ужасное бремя правления, — записывает он в дневнике 15 декабря 1908 года. — Множество забот, тревог, постоянных усилий уладить то или другое, поддержать порядок при множестве беспрестанных его нарушений и отступлений от него. Ответственность за все при полной беззащитности во всем и беспомощности. Одна надежда, аще не Господь созиждет и сохранит, всеу труд и бдение».

Архимандрит Иосиф вновь претерпевал много неприятностей и от клеветы: «Ужасно отомстил мне враг за что-то, вероятно, крайне ему неприятное. Оклеветал, очернил мое имя злобною нападкою на меня других. Клевета нашла отклик в высших сферах. Дело дошло до запроса о моей нравственности. Господи! Разруши козни злого человекоубийцы, пошли мне терпение и покорность Твоему о мне изволению и попусшению скорби сей. Буди Имя Твое благословенно за все»⁶⁸ (14 декабря 1908 года).

Клевета не оставила отца Иосифа и после перевода его из Юрьева монастыря. Из его письма архиепископу Арсению (Стадницкому) от 19 апреля 1909 года известно, что архимандрит Анатолий, его преемник по Юрьеву монастырю, подал на него жалобу в Синод, обвинив в растратах монастырского капитала. Тяжело переживал эти напраслины бывший настоятель и просил владыку Арсения довести свои объяснения по делу до сведения, кому нужно: «Бога ради, Владыка Святой, если узнаете, что возникнет в Синоде дело, благоволите довести до

⁶⁷ Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 15. С. 457–459.

⁶⁸ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. VIII. С. 145.

сведения, кому будет можно и нужно, эти объяснения, а то я терплю великое крушение. Господи! Сколько меня теперь позорят в Юрьеве и Новгороде, по милости этого самодура Анатолия, который похваляется, что открыл Америку, и всем и всюду бросает по моему адресу тяжелые, незаслуженные обвинения»⁶⁹. Очевидно, жалобе Анатолия все же не был дан ход. И в дальнейшем он был снят с должности настоятеля, правда, спустя два года⁷⁰. В это же время владыка Иосиф писал в дневнике:

«Ложь, клевета — эти гады ядовитые опять грызут меня, Господи! Больно мне до отчаяния, обидно, тяжело, при-
скорбно. Один Ты помог бы мне, защитил, подкрепил, утешил, ободрил меня». *11 апреля 1909 года.*

«Книга бытия моего — книга неутомимых скорбей, неприятностей, огорчений, страданий от себя. Страданий от злых людей и их языков». *13 апреля 1909 года.*

«Писательство, если оно когда-либо коснется меня, скажет обо мне немало скандального, пикантного, порочащего мое имя. Как это случилось? Так, как, вероятно, со всеми случается, кого облюбует враг для вымещения своей сатанинской злобы и для уловления в свои окаянные сети, т<о> е<сть> не потому, чтобы все это было точно со мною в действительности, а потому, что об этом скажут мои

⁶⁹ «По-моему, он положительно ненормален, страдая манией величия. Здесь в Ростове служил, как архиерей, на кафедре с 2 ступенями, в Юрьеве ко всем тамошним привилегиям, и без того достаточно пересоленным, прибавил массу других (преклонение главы на престол во время "Верую", вставка его имени на возгласе "во первых, помяни, Господи...", вставка поминовения старшим служащим с целованием митры и руки, благословение диаконов во время каждения, благословение сидя в карете и т. п.). Ведь это же все — признаки явного безумия» (Письмо епископа Иосифа (Петровых) архиепископу Арсению (Стадницкому) 19 апреля 1909 года // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 10).

⁷⁰ Об этом сообщил архиепископ Арсений в письме от 4 марта 1911 года: «Юрьев монастырь, слава Богу, освободился от Анатольева пленения и сатрапии. Теперь там — хороший настоятель» (ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 14).

недоброжелатели, наущенные духом злобы, ведущим против меня свою адскую борьбу»⁷¹.

Однако история не сохранила ничего скандального в отношении владыки Иосифа. Даже его будущие ярые противники, обвинившие его в расколе, ничего "пикантного" к своим убийственным, но голословным обвинениям в гордыне и тщеславии не могли прибавить. Все клеветнические измышления, в которых не было недостатка на протяжении всей жизни владыки Иосифа, рассеялись, как дым, и пред беспристрастным судом истории он предстал человеком безупречной нравственности, истинным монахом и аскетом.

⁷¹ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. IX. С. 194, 195.

Архиерейская хиротония и назначение настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря

27 февраля 1909 года по указу Св. Синода настоятель Юрьева монастыря, архимандрит Иосиф (Петровых) был назначен епископом Угличским, вторым викарием Ярославской епархии⁷² с возведением его в архиерейский сан. «Великий и святейший день моей жизни: устами и волею Государя⁷³, первого сына Церкви Христовой — изречена о мне воля Божия — быть епископом. Ей, гряди Господи Иисусе! Даруй мне сотворить всю волю Твою во славу Имени Твоего», — за-

⁷² Правящие архиереи на Ярославской кафедре: 1907–1913 — архиепископ Тихон (Белавин), будущий Патриарх; 1913–1928 — архиепископ (с 1917 — митрополит) Агафангел (Преображенский).

⁷³ «По Указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, Святейший Правительствующий Синод слушали: Высочайше утвержденный в 27 день февраля сего года всеподданнейший доклад Святейшего Синода об учреждении в г<орode> Ростове второго викариатства, с содержанием на местные средства, и о возведении настоятеля Новгородского Юрьева первоклассного монастыря архимандрита Иосифа в Санкт-Петербурге, в сан епископа, с присвоением ему наименования Угличский...» (Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 1).

писал в этот день отец Иосиф в дневнике. 14 марта 1909 года состоялось наречение архимандрита Иосифа в епископский сан. Как сообщалось в официальном органе Святейшего Синода:

«... в зале заседаний Святейшего Синода в присутствии обер-прокурора Св. Синода, тайного советника С. М. Лукьянова, его товарища, гофмейстера А. П. Рогачева и прочих членов центрального Управления Ведомства Православного исповедания, происходило наречение настоятеля Новгородского Юрьевского первоклассного монастыря, архимандрита Иосифа во епископа Угличского, второго викария Ярославской епархии.

Чин наречения совершали Высокопреосвященнейшие митрополиты: Санкт-Петербургский Антоний, Московский Владимир, Киевский Флавиан; архиепископы: Волынский Антоний, Финляндский Сергей; епископы: Тамбовский Иннокентий, Нижегородский Назарий, Холмский Евлогий и протопресвитеры И. П. Янышев и А. А. Желобовский.

После произнесения обычного многолетия, архиепископом Иннокентием была произнесена речь о высоких задачах пастырства и трудностях архипастырского служения»⁷⁴.

По обычаю и рукополагаемый произносил речь при наречении. Так и архимандрит Иосиф с волнением и трепетом обратился к представительному собранию маститых архиереев и высших сановников Российской Церкви:

«Ваше Святейшество, Богомудрые пастыри, в эту единственно исключительную и святейшую минуту моей жизни, когда призвание Господа нашего — Гряди ко мне — коснулось и моего крайнего недостойнства, — радость, и трепет, и блаженство, и страдание объемлет убогую мою душу.

Перед мысленным взором моим встают лики святых апостолов, сонмы великих святителей — строителей и распространителей веры и Церкви Христовой на земле. От простого

⁷⁴ Церковные ведомости. СПб., 1909. № 12. С. 574–575.

до многообразованного, от многонемошного до крепкого и богатого силами духа — принесли и положили они свою жизнь и все силы на алтарь Христовой любви, дали себя в пищу тому священному огню Христову, которым ныне благодатно пламенеет вся вселенная.

Коснуться и мне сему благодатному Огню, принести и мне мои слабые силы — или, лучше сказать, немощи — алтарю Церкви Вселенской, положить и мне мою жизнь в горнило Христова Пламени, услышать звание Господне на служение столь великому делу Божию и приять возможность ответить на этот зов подвигом высшего "Апостольского" выражения любви и преданности Сладчайшему Архиерею Небесному, — о, как много в этом оснований для радости! Как достаточно этого, чтобы исполниться чувством неизглаголанного сердечного утешения и умиления!..

Но источник такой радости и утешения вместе представляет для меня и источник томящего трепета, опасений, сердечной скорби и страдания. Красота Апостольского подвига, красота высшего выражения любви и преданности Спасителю, высшего служения Церкви Божией на земле — предстает взору моему не как лишь слово, а как истинное дело, как сама живая действительность, вне всяких прикрас мысли и слова. А каких трудов, каких подвигов, каких страданий не дала нам эта действительность в пример, назидание и укрепление! Вот кровавые раны на теле беззаветных пленников любви Христовой — раны, поднятые с незлобивою молитвою за мучителей на устах и в сиянии неземной радости на лице! Вот все ужасы гонений, терзаний, мучений, — все роды и страсти смертей, коими ад покушался поколебать посланников Распятого, усугубляя лишь свое собственное поражение и посорамление! — Вспоминая все это — не по-человечески великое и славное, чем создалась великая и мощная доселе Церковь Христова, невольно спрашиваю я себя: ужели и я способен понести все это? Ужели и я имею достаточно оснований, достаточно мужества — стать наряду со столь славными воплотителями силы Божией и всего того, что создается силою любви Божией к человеку и силою любви человека к Богу?..

Но мой страх и трепет усиливаются еще более при мысли, что при силах и ревности, далеко не равных Апостоль-

ским — современным вождям Церкви Христовой приходится бороться с гораздо более крепкими врагами и преодолевать гораздо более сильные препятствия и трудности своего служения. Святые Апостолы имели дело все же с горячим, хотя бы и ложно направленным, стремлением к истине, тогда как нам — в наше время — приходится иметь дело с ожесточенным отрицанием истины и самой даже идеи Живого Бога и Его необходимости для сердца человеческого. При всех темных сторонах, недостатках и ошибках язычество и иудейство древности были все же честным исканием Бога, честным желанием служить Ему, живым и деятельным воплощением жажды общения с Ним. А нынешнее неверие, нынешние всевозможные — и ученые, и невежественные, и противорелигиозные, и противонравственные заблуждения и беснования и вся жизнь общественная — не выражают ли в людях совершенно нежелания знать Бога, нежелания даже допустить бытие Его, а желание — напротив — совершенно освободиться от Него, обойтись без Него, с одними лишь успехами горделивого ума человеческого и культуры?!

В такие-то тяжелые времена, с послушанием приемля возлагаемое на меня волею Божиею новое служение в Церкви Христовой, смиреннейше прошу вас, богомудрые архипастыри, низведите мне вашими святительскими молитвами от Господа сил крепость и силу к достойнейшему прохождению сего великого служения! На главу, покорную зову Божию, да снидет всемогущая благодать Духа Божия и да соворит во мне недостойном волю и силу Свою. Аминь»⁷⁵.

Хиротония архимандрита Иосифа была совершена на следующий день, 15 марта 1909 года, во время Божественной Литургии в Свято-Троицком Соборе Александро-Невской Лавры. Возглавлял богослужение Санкт-Петербургский митрополит Антоний, он же вручил архиерейский жезл рукоположенному епископу и произнес назидательную речь. В этот же день владыка Иосиф записал в дневнике: «Я — архиерей. Слава, Господи, Тебе за дивную милость! Я понимаю это звание прежде

⁷⁵ Церковные ведомости. СПб., 1909. № 13–14. С. 601–602.

всего как возможность высшего выражения любви и преданности Тебе! "Любиши ли Мя?.. паси овцы Моя!" Помоги же мне, Господи, достойно послужить Тебе в спасении овец Твоих»; «Пастырское служение есть шествие в Иерусалим на страдания за спасение ближнего. Это есть по преимуществу крестный путь на Голгофу, на положение души и всего благополучия своего и благоденствия за други своя, за их благополучие и благоденствие. Пастырь добрый только и есть тот, кто душу свою полагает за овцы»⁷⁶.

В дальнейшем владыка Иосиф, осознавая всю высоту и ответственность архиерейского служения, был постоянно строг и взыскателен по отношению к самому себе. Через год после посвящения после серьезного размышления о своем служении он пришел к нелестному для себя выводу: «Первый год моего служения Церкви Божией в столь великом священном сане. Покойна ли совесть моя за этот год пробы моей? О, нет, я чувствую, что надо бы быть чем-то другим, лучшим, и не умею быть им! Господи! Наставь, научи, помоги, вдохнови, дай мужество, дерзновение, силу, умение и ревность о Славе Твоей!» И на следующий день, 15 марта, в годовщину своей архиерейской хиротонии он писал: «День обручения с Церковью Христовой, нетленною Невестой Господа, отданной мне как Мария Дева обручнику для хранения ея девственной чистоты и непорочности, пока она принесет благодатный плод Духа Божия. О, святое звание! О, невместимое бранными силами служение! По чьей воле нашло ты меня, исторгнув из бедной, незнатной, убогой семьи и поставив у подножия самого престола Божия»⁷⁷.

Вскоре после хиротонии епископ Иосиф посетил свой родной город Устюжну. Как и в дни своих редких приездов во время учебы, владыка остановился в своем

⁷⁶ А. I. "В объятых Отчих". Дневник инокa. Т. IX. С. 184–185, 186.

⁷⁷ А. I. "В объятых Отчих". Дневник инокa. Т. X. С. 32, 33.

родовом доме в Казанском переулке. В нем жила мать епископа и семья старшего брата — Андрея Семеновича Петровых. Рядом, на соседней улице, в собственных домах проживали семьи — старшей сестры Марии Семеновны Травиной и самой младшей из сестер Антонины Семеновны Белоусовой. Средняя сестра — Клавдия Семеновна Шишунова — жила на другой стороне реки Мологи. Как и раньше, приезд владыки был большим праздником для всех родственников, тем более что такого высокого церковного сана среди его земляков не достигал никто.

За время своего пребывания в Устюжне епископ Иосиф побывал в Николо-Моденском монастыре⁷⁸, который через полтора десятилетия станет местом его ссылки. Владыка отслужил службу в храме монастыря при большом стечении народа. Еще больше богомольцев собралось на Божественную Литургию, которую отслужил молодой епископ в соборе Рождества Богородицы в Устюжне⁷⁹. В дальнейшем преосвященный Иосиф не раз посещал Устюжну и обязательно служил в местных церквях: в 1911 году он приезжал сюда в связи с кончиной своей крестной матери, тетушки Анны. На праздник Рождества Богородицы он служил в Рождественском соборе; в день ангела почившей, 9 сентября, — в Казанской церкви на Казанском кладбище, где была погребена покойная, а воскресную службу, 11 сентября, провел в Васильевской церкви. В последний раз он приезжал в 1922 году (не считая своей ссыл-

⁷⁸ Теперь мало что осталось от Николо-Моденского монастыря, закрытого еще в конце тридцатых годов. Лишь бывшие келии монахов (двухэтажные здания с кирпичным низом и деревянным верхом) напоминают о некогда процветающем мужском монастыре.

⁷⁹ В соборе Рождества Богородицы сейчас находится краеведческий музей Устюжны. В его фондах имеется архиерейское облачение с отметкой о том, что оно принадлежало епископу Иосифу (Петровых).

ки в Николо-Моденском монастыре по указанию властей, но об этом позднее).

В Ростов епископ Иосиф отправился сразу же после хиротонии. Как лаконично сообщали "Ярославские епархиальные ведомости": «"21" текущего месяца марта изволили прибыть из г<орода> Санкт-Петербурга Его Преосвященство Иосиф, Епископ Угличский, второй викарий Ярославской епархии»⁸⁰. По указу Синода местом пребывания второго викария Ярославской епархии был определен Спасо-Иаковлевский Дмитриев монастырь в Ростове с поручением ему управления сим монастырем⁸¹. Здесь епископ Иосиф и прослужил до самого закрытия монастыря и передачи всех его помещений в ведение городских советских властей в 1920-х годах.

С первых дней своего настоятельства владыка Иосиф сразу же взялся за благоустройство обители. Однако еще прежде этого необходимо было отстоять само ее существование, и первое дело, с чего пришлось начать деятельность новому настоятелю, — это письмо-протест против задуманного строительства сагового завода на пустопорожном участке земли, вплотную прилегающем к церкви Михаила Архангела и лишь дорогой отделенном от восточной стены Спасо-Иаковлевского монастыря. От имени братии епископ Иосиф обратился к властям:

«Мы нижеподписавшиеся, ближайшие соседи предполагаемого завода, заявляем решительный протест и обращаемся к подлежащим властям с усерднейшим ходатайством о решительном недозволении какого бы то ни было завода на этом месте. <...>

⁸⁰ Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 12. С. 91.

⁸¹ Настоятель Ростовского Спасо-Иаковлевского монастыря, архимандрит Анатолий, доставивший в дальнейшем столько неприятностей владыке Иосифу, перемещался на должность настоятеля Юрьева монастыря в Новгороде.

Доселе местность около Иаковлевского монастыря славилась своею особенною благодатною тишиною и пустынно-стью, которые так приличествуют этому исключительно священному месту и благодатному уголку Ростова. Здесь как раз на месте предполагаемого завода подвизался святитель Леонтий Ростовский, которым сооружена была и первоначальная здесь церковь св. Архистратига Михаила. Здесь самый воздух, так сказать, еще не утратил благоухания св. молитв и трудов подвижнической жизни. Здесь сама почва богато напоена его страдальческою кровью. Одна мысль об этом вызывает особое благоговение к столь священному месту и никак не примирится с тем, что рядом с храмом Божиим, так гармонирующим с указанным чувством, глаз будет видеть неуклюжие и противные заводские здания и трубы — дымящие, коптящие и распространяющие свое неизбежное заводское зловоние.

Еще менее может мириться с предполагаемым заводом Иаковлевский монастырь — эта краса и гордость Ростова. Здесь почивают великие угодники Божии — святители Иаков и Димитрий. Благоговейная тишина около сих святынь не менее необходима, чем внутри храма. Заводя здесь обычную заводскую жизнь с ее развращенными нравами, с ее сутолокой, свистками, дымом, копотью и смрадом, рядом со сверкающими золотом и нежной белизной красок зданиями монастыря, это значит — совершенно не оценить того, что ценит вся верующая Россия, а не один Ростов. Это значит — не только нанести монастырю раз и навсегда непоправимый и смертельный удар в отношении его красоты и благолепия, но и причинить ему тяжелый и длительный материальный ущерб...»

И далее владыка писал о вредности кислот, о загрязнении воды и воздуха даже малым по размеру заводом и в заключение подчеркивал:

«Мы протестуем принципиально против вообще внедрения в данном месте хотя бы самого слабого зачаточного завода, которому достаточно только зацепиться хоть сколько-нибудь за место, а там — быстрое развитие его не удержать уже никакими протестами и ограничениями. И приходится только по русскому обычаю почесывать затылок да ахать напрасными поздними вздыханиями.

Пора понять, что нельзя в жертву эксплуатации материального обогащения приносить без разбора всякое место владычества Божия. И особо неприкосновенные, священные уголки, овеянные благодатными преданиями, возвышающими от суеты и облагораживающими душу, погрязшую в житейской пошлости, должны оставаться такими навек, тщательно охраняемые всеми силами от посягательств на их гибель и уничтожение. Слава Богу: земля не клином сошлась, и есть еще места на ней, где можно приложить трудовые руки, не разрушая того, что создано, взлелеяно веками и имеет свои вечные оправдания для неприкосновенного своего существования.

Епископ Иосиф с братиею»⁸².

Письмо возымело действие, и завод построен не был⁸³. 16 августа 1909 года епископ Иосиф записал в дневнике: «Слава Тебе, Господи, за Твою дивную помощь в возобновлении древней Св. Обители, мне вверенной. Поистине, если бы не эта помощь, ничего не мог бы сделать я! Очевидна для меня эта помощь множеством поразительных случаев — и пополнением оскудевающих средств неожиданною щедрою помощью, и внушением наилучших способов действия в различных затруднительных положениях, и ниспосланием наилучших исполнителей задуманного»⁸⁴.

В первый же год своего настоятельства преосвященный Иосиф освятил храм в честь Толгской иконы

⁸² Государственный архив Ярославской области в городе Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 3. Л. 9–10.

⁸³ К счастью, и в советское время вокруг монастыря не было возведено никаких больших уродливых построек, и в какой-то мере этот священный уголок, овеянный благодатными преданиями, сохранился (хотя отнюдь далеко не неприкосновенный) до наших дней. И сейчас благолепием монастырских зданий и чудесным видом на озеро можно любоваться при подъезде к Ростову.

⁸⁴ «Господи! Ты один знаешь всю мою скорбь о врученной Тобю мне Св. обители. Помоги мне устроить ее, исполнить достойного благолепия, порядка и удовлетворения насущественных нужд ее!» — записал в дневнике епископ Иосиф 16 мая 1910 года.

Божией Матери и провел реставрацию соборной Зачатьевской церкви. Также он начал устройство пещерного храма Воскресения, и менее чем через три года, на Пасху 1912 года храм был уже освящен. Сохранилось его описание, относящееся к 1913 году: «В храме устроена пещера — точное подобие Гроба Господня в Иерусалиме, а также устроены подобия Вифлеема, Голгофы и темницы Спасителя. По правую руку, в нише фундамента — мраморное надгробие над местом погребения Св<ятого> Иакова. Храм совершенно недоступен дневному свету, прекрасно отделанный, расписанный картинами страданий, смерти и воскресения Спасителя, производит дивное впечатление, перенося посетителя в подлинные св<ятые> места Иерусалима и события из жизни Спасителя. По субботам в сем храме совершается акафист Живоносному Гробу Господню. В Великую Субботу сюда полагается плащаница по обнесении кругом храма (на утрани) и богомольцы входят сюда для целования ея, переживая сильнейшие впечатления»⁸⁵.

В 1916 году владыка Иосиф освятил придел в честь Ватопедской иконы Божией Матери, в 1917-м — церковь в честь иконы Божией Матери "Всех скорбящих Радость" при странноприимном доме монастыря. В 1913 году на монастырскую колокольню был поднят колокол в 155 пудов, купленный епископом Иосифом в Борисо-Глебском монастыре.

Спасо-Иаковлевский монастырь был одной из старейших обителей Ростовской земли. Основанный еще в конце XIV века Ростовским святителем Иаковом, он особенно прославился в XVIII веке, когда были обретены св. мощи митрополита Ростовского Дмитрия, известного духовного писателя, составителя

⁸⁵ Вахрина В. И. Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь в Ростове Великом. Ростов: Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь, 1994. С. 47–48.

знаменитых "Житий Святых". Святитель Димитрий, занимавший Ростовскую кафедру с 1702 года до своей кончины 28 октября 1709 года, жил в Спасо-Иаковлевском монастыре и по его завещанию был похоронен в Зачатьевском храме обители. В 1752 году его мощи были обретенны нетленными; в 1757 году состоялась официальная канонизация святителя и установлено праздновать день обретения св. мощей и день его кончины, 21 сентября и 28 октября.

В 1909 году отмечалось 200-летие преставления святителя Димитрия. В Ростове заранее готовились к знаменательной дате⁸⁶. Торжества прошли 26–28 октября 1909 года в Спасо-Иаковлевском монастыре при большом стечении духовенства и мирян. Епископ Иосиф непосредственно руководил подготовкой и проведением этих торжеств. В связи с этим событием в декабре того же года в его дневнике появилась интересная запись: «Дивное видение во сне одной девице: Святой Димитрий, встав из раки, снял с себя панагию и велел отдать мне, стоявшему тут же: "Отдай брату Иоанну!" Что хотел ты сказать этим, Святитель Божий, благоволение ли свое ко мне недостойному? А может быть, наоборот: не то ли, что ты не нуждаешься в моих заботах о благолепии покоища твоего? Не то ли, что по жизни своей заслуживаю более прежнего мирского своего имени, а не нынешнего монашеского? Немало беспокойства мне в разгадке этого!»⁸⁷

⁸⁶ Так, Ростовское общество хоругвеносцев выступило с инициативой создания детской лечебницы в память св. Димитрия. В городе была одна земская больница без специального детского отделения, для обслуживания населения ее было недостаточно, а детская смертность была высока. «Чествуя великого угодника, мы можем сделать во славу его одно из величайших благодеяний ради малых сих», — сказал учредитель Общества Н. А. Успенский (Ярославские епархиальные ведомости. 1909. № 2. С. 35).

⁸⁷ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. IX. С. 286.

Глубоко почитал святителя Димитрия епископ Иосиф и с великим благоговением относился к памяти этого святого, освятившего своими трудами Ростовскую землю. Он бережно собирал и хранил все, что было связано с памятью святителя. Так, например, он нашел как-то в ризнице монастыря книгу с бумажками-закладками какого-то "благочестивого" читателя. «Случайно развернув одну из бумажек-закладок книги, — писал владыка Иосиф, — я с ужасом и изумлением прочел подпись: "Димитрий, архигрешник Ростовский". Поняв, в чем дело, и собрав рассыпанные по всей книге другие клочки письма, не без труда восстановил я текст»⁸⁸. И в скором времени опубликовал его в журнале "Душеполезное чтение".

88

«Пречестному Господину Отцу Феологу в исправителях типографии сущему, в царствующем граде Москве.

Пречестнейший Господине, Отче Феологе,
о Христе возлюбленный брате,

Благодарствую за присланные жития, страдания и чудеса Святого Мученика Димитрия Царевича, но уже из прежде сего, собрав с некоего хронографа, и с Углической книжицы написах историю о святом Димитрии Царевиче и переписано послах к твоей честности, пожалуйста, прочтете купно с пречестнейшим Отцем Карионом (ему же низко кланяюсь), такжеде и с господином Феодором Поликраповичем (и ему такжеде челом) и рассмотрите, добре ли будет тако, и аще нечто обрящете требующее исправленья, пожалуйста поисправьте и ко мне паки прислете: прошу, полю и челом бью.

Пишемой книги от вашей честности жду. Листы, что в соборном олтаре написаны, преписасте ли? Послание мое к господину Григорию Дмитриевичу Строганову не уничтожилось ли? Чудотворца Ростовского Иакова житие; такжеде и Ярославских князей Василия и Константина, не обретесе ли где?

О моем нерадении известую: молитвами вашими пишу июня 15 день. Здоровье худо.

Здравствуйте о Господе *charissime* и о мне грешном памятествуйте во святых твоих молитвах. Аз же любви вашей вся благая от Господа получите желательствую и челом бью. Димитрий Архигрешник Ростовский» (Душеполезное чтение. 1911. Ч. I. С. 246).

Кроме того, на страницах "Душеполезного чтения" владыка Иосиф опубликовал о заступничестве св. Димитрия рассказ паломника, прибывшего из Бахчисарая в Ростов⁸⁹. А также письмо счастливого отца, петербургского купца Михаила Петровича Варганова, о чудесном случае — исцелении в октябре 1912 года его девятилетнего сына-гимназиста после молебна у мощей св. Димитрия. Сын М. П. Варганова внезапно заболел в Петербурге 21 октября. Не получив никакого облегчения в продолжение нескольких дней лечения, мальчик был перевезен с серьезным воспалением слепой кишки в хирургическую лечебницу Александровской общины сестер милосердия Красного Креста. На следующий день, 31 октября, предполагалась операция. Варганов отправил телеграмму в Ростов находящемуся у гроба святителя Димитрия А. П. Пляшкевичу с просьбой помолиться о здравии отрока Анатолия. «И, как мне известно, — написал Михаил Петрович в письме епископу Иосифу, — молебен было совершено Вами, святой Владыко, и молитва была угодна Богу!»

На следующий день Михаил Петрович поехал в больницу к сыну и узнал о том, что в операции надобности нет. Профессор Павлов рассказал, что, когда он с другими девятью врачами готовились приступить к операции, вдруг нашли поразительную перемену в больном — температура понизилась и опухоль уменьшилась; так что все приготовления к операции оказались лишними. «Такой быстрый переход болезни я считаю необычным», — заключил профессор. «И вот без всякой медицинской помощи, — писал М. П. Варганов, — через 10 дней сын был совершенно здоровым перевезен домой, — сейчас

⁸⁹ См.: «Святитель Димитрий — обличитель клеветы и защитник невинных». Приложение.

посещает гимназию. Этой родительской радостью я уж не мог не поделиться с Вами, святой Владыко, и при исцелении этой тяжелой немощи всецело, как я, так равно и все, посещающие больного родственники, верим в Вашу молитву пред Святителем Димитрием, который именно совершил чудо»⁹⁰. С купцом Варгановым владыка Иосиф и в дальнейшем, очевидно, поддерживал связь; известно, что в 1920-х годах он останавливался у него на квартире, когда приезжал в Петроград⁹¹.

Вскоре по прибытии в Ростов епископа Иосифа там произошло еще одно чудесное исцеление. Десятилетняя жительница Ростова, Лиза Лепешкина, совершенно дотле здоровая девочка, внезапно заболела. 25 марта 1910 года у нее начались тяжелейшие эпилептические припадки, которые случались ежедневно, иногда по пять и больше раз в день. Во время припадков девочка сильно билась, бросалась на стены, так что порой ее едва могли удержать сильные мужчины, ее отец и дядя. «В припадках у Лизы являлась невероятная сила. Когда вспомнишь даже о том, что с ней было, то прямо страх берет», — вспоминал ее отец, Сергей Максимович Лепешкин. Обращение к врачам и знахаркам ничего не приносило, а лишь ухудшало состояние больной. Так продолжалось почти полгода. 2 августа после молебна на дому Лепешкиных у Лизы случился особенно сильный припадок, во время которого отец мочил ей голову

⁹⁰ Душеполезное чтение. 1913. Ч. I. С. 121.

⁹¹ В секретном донесении 1928 года ленинградские чекисты сообщали о купце Варганове как об одном из активных участников антисергианской оппозиции. Дмитрий Петрович Варганов (возможно, брат Михаила Петровича) навещал митрополита Иосифа в 1928–1929 годах в ссылке в Моденском монастыре. А в 1932 году митрополит Иосиф упоминал Дмитрия Петровича Варганова как бывшего жителя Ростова, постоянно присылавшего ему продукты и деньги в Казахскую ссылку.

святой водой, а Лиза проговорила: «Просите Умиление Царицы Небесной!»

На следующий день Лиза с мамой заказали молебны иконе Богородицы "Умиление" и Серафиму Саровскому в Спасо-Иаковлевском монастыре и в Ростовском соборе. Вечером дома у Лизы опять был припадок, но легкий, во время которого она проговорила: «Не там вы были. Моя церковь в глазах ваших. Моя церковь — направо, а я налево, а служитель Константин». В тот же вечер Лиза, по ее словам, видела Божию Матерь. 5 августа в Благовещенской церкви, находящейся неподалеку от их дома, Лиза с мамой безуспешно искали икону "Умиление". 7 августа, когда они вновь пришли в церковь, местный священник Константин сказал, что есть такая икона в церкви — в летнем алтаре за престолом. Ее вынесли и отслужили водосвятный молебен. После этого Лизе стало значительно лучше, и к декабрю она совершенно выздоровела.

Слух об этом облетел всю Ярославскую епархию, и в Ростов началось паломничество. К новоявленной святыне обращались богомольцы, и многие получали исцеление от телесных и духовных недугов. 7 марта 1911 года было проведено так называемое "формальное расследование" при соблюдении всей строгости определенной процедуры. В присутствии настоятеля Благовещенской церкви, священника Константина Любимова, священника Николая Сперанского и полицейского надзирателя Мартынова свидетели чуда, родители Лизы Лепешкиной, ее дядя и еще две жительницы Ростова, соседки Лепешкиных, под присягой подробно рассказали все, что происходило с Лизой, о чем и был составлен официальный акт:

«Во славу имени Божия и прославление Владычицы нашей Царицы Небесной, явившей милость Свою над Ростовской мещанской дочерью, отроковицей Елизаветой Сергеевной Лепешкиной, чрез находящийся в Ростовской градской Благовещенской церкви честный

и святой образ Свой "Умиление"»⁹². Все "данные формального расследования" были опубликованы епископом Иосифом в одноименной статье в журнале "Душеполезное чтение" в 1911 году. Торжественное празднование иконе Богородицы "Умиление" в Благовещенской церкви Ростова было положено 19 марта 1911 года. Как писал об этом владыка Иосиф:

«Пред образом совершена Архиерейским богослужением торжественная всенощная со всенародным пением акафиста. От множества богомольцев в храме загасли почти все свечи. Поминутно церковь оглашалась умиленным плачем и рыданиями изумленного чудом народа. На образ Божией Матери, при воспоминании поразительных подробностей исцеления и слов Царицы Небесной — невозможно смотреть без слез. За Божественной Литургией 19-го марта исцеленная девочка приобщилась Св. Таин вместе со своею матерью, простояв накануне и в самый день праздника столь длинные и утомительные службы, несмотря на неимоверную духоту и тесноту, коих не вынесли многие взрослые и здоровые.

Удостоверен другой случай исцеления от иконы — больного глазами. Массы народа притекают к иконе Владычицы со своими скорбями и немощами»⁹³.

⁹² Данные формального расследования поразительных явлений Божией Матери и чуда от ея иконы в Ростовской Благовещенской церкви // Душеполезное чтение. 1911. Ч. II. С. 2–13. Примечателен текст присяги, который принимали свидетели чуда прежде дачи показаний (кроме Лизы Лепешкиной как малолетней): «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что в сем деле милости Божией, явленной отроковице Елизавете Лепешкиной, по заступничеству и предстательству Царицы Небесной, от Ея честного образа "Умиление", — покажу по чистой совести все, что видел своими глазами (или слышал) или что знаю за истинно и достоверно бывшее, памятуя, что во всем этом должен буду дать ответ пред Богом и Царицей Небесной, как здесь на земле, так и в будущей жизни за гробом. В удостоверение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

⁹³ Душеполезное чтение. 1911. Ч. II. С. 12–13.

Епископ Иосиф опубликовал еще целый ряд статей в "Душеполезном чтении" и других журналах, а также написал отдельную книжечку "Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом", которая была издана в 1911 году Троице-Сергиевой Лаврой и в дальнейшем неоднократно переиздавалась. В 1914 году, помещая на страницах епархиального журнала рассказ о новом чуде исцеления, владыка Иосиф писал: «Уже 5 изданий выдержала вначале тоненькая — книжечка моя о дивных чудесах от новоявленной чудотворной иконы Божией Матери "Умиление", превратившись теперь в довольно толстую брошюру. А новые и новые благодатные знамения Царицы Небесной все множатся и растут. Есть достаточно материала уже и на 6-е издание книжки. В это новое издание должно войти особенно поразительное чудо Царицы Небесной, оглашение которого, однако, я не могу откладывать надолго, чтобы не лишать верующих столь отрадного утешения и благодарно-умилительных чувств пред Небесной Целистельницей».

И далее владыка Иосиф привел текст полученного им письма от ярославского священника Василия Розова о чудесном исцелении безнадежной больной в городе Данилове с подробным описанием течения болезни, врачебного приговора о скорой кончине и наступления последних дней и, как казалось, часов и минут земной жизни больной. Отец Василий читал уже отходную у ее смертного одра, когда принесли извещение из Ростова о том, что по просьбе родственников был отслужен молебен в Благовещенской церкви иконе "Умиление". И после этого больная не только не умерла, а вопреки всем показаниям и диагнозам пошла на поправку, а спустя три месяца выздоровела совершенно. «Если бы больная даже и не выздоровела совсем, то продление ее жизни на такой срок, при том безнадежном состоянии, в каком была больная, было бы уже великой милостью Царицы Небесной, за каковую милость от всех нас, родных

больной, и да будет всегдашняя слава Матери Божией и молитвенное от всего сердца наше Ей благодарение!» — писал священник Василий. К его восторженному благодарению присоединился и епископ Иосиф, завершив свою статью молитвенным воззванием: «О, пречудная Владычица Богородице! Бессильны наши слова — достойно восхвалить Тебя! Бессильны наши чувства — достойно возблагодарить Тебя!»⁹⁴

Преосвященный Иосиф не мог обойти молчанием и другую ростовскую святыню — издревле почитаемую чудотворную икону Божией Матери — Владимирскую — из Успенского собора, написанную, по преданию, киево-печерским иноком Алипием. Ежегодно с этой иконой совершался грандиозный крестный ход. После Пасхи ее выносили из собора и с торжественным ходом обносили по окрестным деревням и селам. В первое воскресенье Петрова поста икона возвращалась в Ростов. Торжественную ее встречу владыка Иосиф позднее описал в своей повести "Тетушка Мария": «Обычно икону приносят к субботней всенощной, причем из сел ее сопровождает множество народа, а из города на встречу ее устремляется соборный крестный ход с не меньшим множеством встречающих горожан. У городской заставы эти массы сливаются, совершается краткое молебствие, и все направляются в собор, где тотчас начинается всенощная. Минута этой встречи бывает неопишимо умилительная. Блеск многочисленных позлащенных хоругвей, празднично одетые и по-праздничному настроенные массы народа, многочисленный сонм священнослужителей, торжественно умилительное пение нескольких хоров, малиновый звон Р. колоколов и несомая в роскошно украшенном живыми цветами высоком киоте-носилках святая

⁹⁴ «Новое поразительное чудо по молитвам пред иконой Божией Матери "Умиление"» // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 23. С. 448–451.

икона Владычицы во главе других, вынесенных на встречу икон, и целый лес хоругвей — создают настроение совершенно неземного характера».

В этом крестном ходе владыка Иосиф, по его словам, участвовал около восемнадцати раз и всегда чувствовал «присутствие Царицы Небесной в Ее святой чудотворной иконе, словно объемлющую любовным взором несметные толпы окружающего Ее народа». После богоборческой революции 1917 года владыка Иосиф еще несколько раз возглавлял крестные ходы с чудотворной Владимирской иконой по селам и деревням Ростовского уезда, добываясь разрешения на них у местных органов советской власти.

Ростов с его древними и новоявленными святынями полюбился владыке Иосифу. Как писал он в апреле 1914 года архиепископу Арсению (Стадницкому): «Помаленьку начал уже 6-й год жизни у Ростовских Святынь! Здесь совсем как Новгород. Неоценимо и незаметно ничем это для души. Дал бы Господь подольше пожить»⁹⁵.

Ростов действительно был уникальным городом. Совсем небольшой по площади и числу жителей, тихий и скромный, почти захолустный на первый взгляд, он неприметно хранил свою тысячелетнюю историю, все богатство которой открывалось постепенно внимательному взору, поражая обилием церквей и святынь. Кроме величественного Успенского собора, в городе было пять кремлевских церквей, десять монастырских и девятнадцать приходских. В соборе почивали св. мощи просветителей Ростовского края — святителей Леонтия, Исаий и Игнатия, в Богоявленском монастыре — мощи третьего просветителя, создателя первого монастыря в Северо-Восточной Руси, преп. Авраамия, а в Петровском — св. Петра, царевича Ордынского. Ростовский кремль был знаменит своими колокольными

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 18–18 об.

звонами и единственными в России древними храмами с каменными иконостасами и голосниками.

Ростовские святыни и древности епископ Иосиф изучал с большим интересом. Примечательно, что он даже находил время для написания искусствоведческих статей. Так, например, в журнале "Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем" вышли его статьи о реликвиях Борисоглебского монастыря и Ростовского собора: "Знамя Сапеги", "Плащаница Ростовского Успенского Собора"⁹⁶.

Тонкий ценитель церковного благолепия и обладатель хорошего вкуса и эстетического чутья, владыка Иосиф проявил себя умелым и искусным храможителем и благоукрасителем. Недаром в первые же годы он буквально преобразил Спасо-Иаковлевский монастырь. Интересное свидетельство о его трудах оставил в своих путевых заметках московский протоиерей Иоанн Соловьев, совершивший паломничество в Ростов в 1911 году. Описывая посещение Спасо-Иаковлевского монастыря, протоиерей Иоанн отмечал, что до недавнего времени начальствовавшие в монастыре мало заботились о хранении реликвий и благолепии монастырских зданий: «В доказательство этого довольно, например, сказать, что атласный, малинового цвета с вышитыми золотом травами саккос святителя переделан был в ризу, а юго-западные врата, выходящие на озеро Неро, были заложены. Все это, конечно, привлекать к монастырю внимание и расположение любителей церковного благолепия не могло; поэтому ростовцы в высшей степени признательны преосвященному Иосифу, благочестивому усердию и просвещенным заботам которого все мы обязаны бывшим два года назад торжеством в честь и славу святителя Димитрия. Его стараниями дотоле бедный внутри Шереметьевский храм теперь возобновлен и украшен; риза св. Димитрия

⁹⁶ См. в Приложении.

вновь переделана им в саккос; в монастыре всюду клумбы с цветами и расчищенными дорожками, — часто дело рук самого владыки; заложенные ворота раскрыты, чрез них из монастыря открывается чудный вид на озеро»⁹⁷.

Будучи знатоком и ценителем церковного пения, владыка Иосиф также сумел собрать в Спасо-Иаковлевском монастыре прекрасные хоры, которые славились в Ростове, и в том числе организованный при монастыре детский хор. Важно отметить, что владыка Иосиф любил древние распевы и скорбел о повсеместном искажении и даже полной утрате их:

«Крайнюю острую жалость испытываю я по многим нашим церковным дивным мелодиям, напевам, уставам, сохраняющимся ныне разве в самых строгих пустынных обителях, тогда как в других местах повсюду это дивное сладкопение церковное крайне сокращено, искажено, опущено, обнажено, оголено, как потравленное дерево, от своих красот и умирительной силы и сладости»⁹⁸.

«Обиходные напевы и мелодии! Сколько неподражаемой прелести, музыкальности, вдохновенной осмысленности и умирительности, о коих никак нельзя судить по грубейшим искажениям Бортнянских и т<ому> п<одобных>, дерзко посягнувших на девственную чистоту, целость и красоту нашего истового, настоящего церковного пения, заключенного в обиходе. В частности, возмущаюсь искажениями у Бортнянского чудных обиходных мелодий "Помощника и Покровителя" и др<угих>, к величайшему прискорбию получившими право гражданства в наших церквах; и долго еще, вероятно, не найдут они истинной оценки. А давно, давно пора отставить эти лживые передачи Божественных глаголов и музыки, давно пора возвратиться к заброшенному, опозоренному, искаженному, обезображенному древнему напеву, унисонно увековеченному в обиходе и нетерпеливо ждущему

⁹⁷ Соловьев. И., прот. От Москвы до Ростова Великого. Харьков, 1911. С. 27.

⁹⁸ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инок. Т. IV. С. 63.

правильной, строго выдержанной и разумной гармонизации»⁹⁹.

Возможно, именно желание основательно ознакомиться с древними церковными распевами стало одной из главных целей паломничества владыки Иосифа в монастыри на горе Афон в Греции и затем в Новоафонский монастырь в Абхазии летом 1911 года, когда он получил отпуск на месяц.

Молитвенная ревность, усердные труды, отзывчивость и милосердие молодого архипастыря снискали ему всеобщую любовь и уважение Ростовской паствы: многие страждущие находили утешение и наставление в его духовных советах. Жители Ростова на протяжении долгого времени хранили добрую память о владыке Иосифе, и до самого недавнего времени были еще живы старейшие из ростовчан, которые помнили его. Вместе с памятью о нем они бережно хранили, как семейные реликвии, фотографии владыки и подаренные им иконки, книжечки и другие вещи.

Несмотря на то, что епископ Иосиф был викарным, а не правящим архиереем, у него немалое время занимала административная будничная архиерейская работа. Это и обозрение церквей епархии с ежегодным их объездом и обхождением, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты с точным указанием всех сел и расстояний между ними, а также общим числом верст, покрытых в пути, хранящиеся в архиве монастыря. И обширная хозяйственная и административная переписка; и ответы на многочисленные ходатайства и просьбы по самым разным вопросам. Например, примечателен ответ владыки Иосифа на полученную им в 1915 году телеграмму из Углича — с просьбой разрешить погребение по православному обряду лютеранина, о чем просила его дочь: «Просьба Ваша превышает наши права.

⁹⁹ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. II. С. 72.

Погребение лютеранина по православному есть насилие над *<совестью>* усопших, караемое и духовным и государственным законом. Священнику разрешается лишь проводить усопших с пением Св. Божий»¹⁰⁰.

Владыка уделял серьезное внимание "Обществу хоругвеносцев" в Ростове¹⁰¹. Эти общества существовали по всей России во многих православных приходах, объединяя благочестивых людей, усердствующих к церковным богослужениям. Устав Общества был утвержден Св. Синодом в 1903 году. Кроме непосредственного ношения хоругвей и церковных святынь, а также поддержки порядка за богослужением, хоругвеносцы заботились о благолепии храмов и братской помощи неимущим и больным. В Ростовском архиве сохранилось приглашение, направленное Обществом епископу Иосифу 25 ноября 1911 года, где оно «почтительнейше просит пожаловать к заседанию Ростовских хоругвеносцев, имеющему быть в иераршей белой палате». На прошении рукою епископа Иосифа записано: «Приветствую Ростовское общество хоругвеносцев с благополучным окончанием его годовых трудов во славу Свя-

¹⁰⁰ Государственный архив Ярославской области в Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 2. Л. 56.

¹⁰¹ Хоругвь — священное победное знамя Христовой Церкви, воинствующей с врагами нашего спасения. Это то же, что полковое знамя в войске, ношение которого доверяется наиболее достойным. В лучшие времена так и было: в ношении хоругвей и святынь видели честь и счастье, и не было недостатка в лицах достойных и усердных. Но вера и любовь оскудели, и на почетное служение хоругвеносцев не находилось желающих и часто святыни доверялись совершенно недостойным людям. «При таких печальных обстоятельствах люди благочестивые и усердные, ревнуя о славе Божией, и начали устраивать из своей среды особые дружины хоругвеносцев с тем, чтобы на каждое крестное хождение для ношения святыни назначать достаточное число своих членов, и вообще всемерно способствовать благолепному совершению сих хождений» (Ярославские епархиальные ведомости. 1915. № 45. С. 989–990).

той Церкви Православной». Владыка благодарит Общество «за помощь Церкви Божией в прославлении Имени Божиего и усердно молит, чтобы Он прославил прославляющих Его Своими благодарными милостями»¹⁰².

С 18 июня по 1 августа 1912 года епископ Иосиф управлял Ярославской епархией по отъезде архиепископа Тихона на Кавказ для лечения. 22 мая 1913 года в связи с празднованием 300-летия дома Романовых Ростов посетил Государь Император Николай II с семьей и свитой. К этому событию готовились заранее. В Спасо-Иаковлевском монастыре была проведена реставрация соборного храма, на что из Государственного казначейства было ассигновано 3000 рублей. Городская дума Ростова выделила 300 рублей на приобретение одинакового парчового облачения священнослужителям для встречи Государя. Владыка Иосиф письменно изложил «Соображения о порядке встречи их Величества во время Высочайшего путешествия в Ярославле и Ростове». О самой встрече Государя владыка Иосиф подробно написал в журнале "Душеполезное чтение":

«Утро 22-го мая 1913 года выдалось на редкость благоприятное и радостное. Казалось, сама природа решила присоединиться к общей радости ростовцев, ожидавших столь Желанного своего Гостя, и к приезду Его щедро развернуло свои силы и дары. Дотоле продолжительная засуха и удушье атмосферы, пыль улиц — исчезли вдруг по ее волшебному мановению за одну ночь. Прошел незаметно ни для кого этой ночью порядочный дождик, который к рассвету благоразумно прекратился, дав необычайно легкое, благоуханно-свежее чистое утро. Нигде не пылинки. Дорога, повсюду усыпанная свежим желтым песком по пути следования Государя, стала чиста и гладка, как скатерть. Омытые осторож-

¹⁰² Государственный архив Ярославской области в Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 7. Л. 103.

ным легким ночным дождиком дома, заново отремонтированные, окрашенные и красиво убранные зеленью, цветами и флагами, ласково и нежно блестели и как бы улыбались Дорогому Гостю. Ярко и тепло светило весеннее солнышко, и рано-рано улицы закишели народом, разодетым в праздничные одежды, с радостным ожиданием и удовольствием на лицах. Около собора с самого рассвета толпились непроницаемые толпы народа, горя жаждою видеть поскорее и поближе Обожаемого Царя»¹⁰³.

Трезвоном всех знаменитых своих колоколов встречал Ростов царя. Вместе с семьей и свитой царь сначала направился в Успенский собор, где молился и поклонялся святыням. К четырем часам было назначено посещение Спасо-Иаковлевского монастыря; к этому времени толпы народа «отхлынули от собора и потекли к обители». Уже за час до приезда Государя начал звонить монастырский колокол:

«Закопошилась в ограде детвора, собранная сюда из церковно-приходских школ города и окрестностей, устанавливаясь на своих местах. Зашевелился, забегал народ, храмы осветились бесчисленными огоньками свечей и лампад, духовенство облачилось в новые облачения (в стиле Ростовско-Ярославском XVII века). Богато убранный коврами древний Зачатьевский собор, только что промытый сверху донизу и освещенный тремя паникадилами со свечами воску ярого, смотрелся чрезвычайно уютно и празднично. Скоро подготовительная суeta повсюду улеглась и воцарилась священная тишина и благоговейный трепет ожидания... Тихо-тихо стало в храме. Только весело потрескивали свечи кругом, да гудел вдаль неусыпный страж монастырской звонницы, с каждым ударом оповещая о большей и большей близости Царственных Богомольцев. Музыкально позвякивала бронзовыми кисточками целая аллея хоругвей, окаймляя путь к храму. На площадке перед храмом, в полном облачении со св. крестом,

¹⁰³ Здесь и далее: Душеполезное чтение. 1913. Июль — август. С. 311–319.

в сопровождении иеромонаха со св. водою и архидиакона с кадилом, ждал Царя настоятель монастыря, епископ Иосиф (остальная братия ожидала в храме). Впереди всех выдвинулись в маленьких стихариках два шестилетних малютки со свечами в руках, украшенными живыми цветами и лентами... Начали подъезжать передовые отряды Царской свиты. Напряжение ожидания растет до крайних пределов. Вот зазвенели все колокола — показался Царский автомобиль. Ближе, ближе... Кланяется народ, гремит раскатистое "ура" тысяч грудей. Автомобиль тихо-тихо, как бы соблюдая благоговейное уважение к святости места, вкатывается во врата обители и, миновав толпы радостно приветствующего народа, останавливается у разостланного на земле большого ковра... Архиерей осеняет Его Величество св. крестом, и Царская стопа сходит на священную землю обители. За Царем выходят Его Августейшие дети — Наследник Цесаревич и Великие Княжны. Позади блестящая свита — министры и проч<ие>. Государь с Детьми, предшествуемые двумя малютками-свещеносцами, подходит ко св. кресту, принимая окропление св. водою и целуясь рука в руку с встречавшим архиереем. Затем все направляются в храм».

В храме у мощей св. Димитрия начинается молебен, по окончании которого епископ Иосиф вручает царственным богомольцам св. иконы, а затем показывает святыни храма. С благоговением они прикладываются к св. мощам и иконам. Государь всем живо интересуется, расспрашивает, обращает внимание на остатки древнего каменного иконостаса, сохранившиеся за современным деревянным позолоченным, и высказывает сожаление, что такая замечательная древность закрыта менее ценным и подходящим к сему древнему собору сооружением.

Епископ Иосиф просит соизволения Государя принять точную копию Ватопедской иконы Божией Матери, изготовленную обителью в благословение Государыне, которая по нездоровью не смогла посетить Ростов. Эту икону держала в руках Лиза Лепешкина,

получившая исцеление в 1910 году от иконы Божией Матери "Умиление". Владыка рассказал об этом, и Государь побеседовал с Лизой, а дети «с умилением слушали эту беседу, внимательно разглядывая недавнюю жертву страшной болезни, избавленную милосердием Царицы Небесной».

Большой интерес у Государя и детей вызвала пещерная церковь Воскресения с Гробом Господним, устроенная по подобию иерусалимского. Они все одновременно спустились туда и долгое время там пребывали и молились. По словам владыки Иосифа, «освещенная 33-мя лампадами (по числу лет Христовых) и украшенная цветами, светильниками и священными изображениями, пещерка производит на душу сильнейшее впечатление, перенося мысль к подлинным местам и обстановке смерти и погребения Воскресшего Жизнодавца». После осмотра пещерного храма, выйдя наверх, Государь увидел открытые к озеру врата и пожелал пройти туда.

«Несколько неожиданное решение Государя застигло врасплох всех. Толпы народа, не предусматривавшие этого и ожидавшие шествия Царя к Шереметьевскому храму, оказались загораживающими Ему путь, и Государю пришлось вмешаться совершенно в самую гущу народа. Это была в высшей степени трогательная картина ближайшего соприкосновения Обожаемого Монарха со Своим народом. Редко где еще так свободно мог чувствовать Себя Царь, как здесь, где Его окружала самая искренняя и восторженно-горячая любовь, готовая положить за Него душу свою. До какой степени в это время Царь был близок к народу, можно судить по следующему маленькому инциденту. Рассказывали, что какой-то шустрый мальчуган (должно быть, в силу известной русской слабости — не верить только глазам, но и руками пощупать) легонько потрогал рукою шашку Государя. Государь с улыбкой погрозил мальчугану пальцем. Выйдя чрез Водяные ворота на берег озера, Государь долго любовался дивною картиною, расспрашивая оказавшегося около него

простого мужичка об озере и видневшихся кругом его селах и церквах...»

На прощание епископ Иосиф преподнес Государю финифтяные портреты Государя, Государыни и Наследника цесаревича, художественно исполненные местными мастерами, а также описание монастыря, книги и брошюры монастырского издания¹⁰⁴.

16 декабря 1913 года монастырь инкогнито посетила Великая княгиня Елизавета Федоровна. О ее визите владыка Иосиф также написал статью в журнале "Душеполезное чтение". Великая княгиня ранее дважды уже бывала в Ростове и в Спасо-Иаковлевском монастыре еще с покойным супругом. В 1909 году перед празднованием 200-летия со дня кончины св. Димитрия епископ Иосиф ездил в Москву с приглашением «Ея Императорского Высочества осчастливить обитель Своим посещением в столь знаменитые для Ростова дни... Ея И<мператорское> Высочество тогда с радостью изволила принять приглашение, обещав непременно приехать, "разве только особенное что задержит". К сожалению, это "особенное" — неотложные дела тогда, действительно, помешали прибытию в Ростов Желанной Гостьи, и Обитель сокрушенно покорилась воле судеб Божиих, не переставая в глубинах сердца лелеять мысль об исполнении обещания Ея Высочества в другое благоприятное время. И Господь вознаградил с избытком терпение жаждавших видеть эту редкую в наше время Княгиню-Молитвенницу, Подвижницу, Благотворительницу, дающую Своею жизнью трогательнейшие примеры подвига, молитвы, поста и благотворения»¹⁰⁵.

¹⁰⁴ В архиве монастыря сохранилось письмо обер-прокурора Св. Синода В. Саблера с благодарностью от Государя "за означенные подношения" (Государственный архив Ярославской области в Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 5. Л. 23).

¹⁰⁵ Душеполезное чтение. 1914. Ч. I. С. 467–468.

Великая княгиня известила настоятеля обители письмом за несколько дней до своего прибытия и затем телеграммой. Она просила не оглашать свой приезд, чтобы в тишине и покое совершить богомоление без особой помехи со стороны праздного любопытства толпы. Приехав в 4:30 утра на поезде из Москвы, Великая княгиня вышла из вагона в сопровождении В. С. Гордеевой, ближайшей помощницы по управлению Марфо-Мариинской обителью. Их встречал лишь владыка Иосиф, с которым в монастырской карете они и прибыли к началу утрени в обитель. Близ раки с мощами св. Димитрия Великая княгиня простояла четырехчасовую службу — утренью, Литургию и молебен, — «как чудное небесное видение, в глубоком молитвенном умилении и замечательной сосредоточенности», по словам владыки Иосифа. Примечательно, что во время утрени вместо кафизм читался акафист Божией Матери и дневному святому по чину, совершаемому в воскресные дни после вечерни перед Ватопедской иконой, спущенной на середину храма. Раннюю Литургию по окончании утрени служил владыка Иосиф с двумя сослужащими клириками без особенностей, свойственных полному чину архиерейского служения, что «было сделано сколько для того, чтобы не утомить Ея Высочества, так и для того, чтобы не нарушать уставной скромности дня». Молебен после Литургии у раки святителя Димитрия также служил владыка Иосиф.

После службы Елизавета Федоровна приложились к святым мощам святителя и обошла все святыни обители. У Ватопедской иконы Божией Матери владыка Иосиф благословил Великую княгиню точной копией этой иконы, пред которой святитель Димитрий предал дух Богу (эта икона была родительским благословением св. Димитрию при вступлении в монашество). Днем Великая княгиня побывала в Благовещенской церкви, Ростовском соборе, женском монастыре, где прикладывалась ко всем местным святыням. А вечером после

небольшого отдыха она вновь прибыла в Спасо-Иаковлевский монастырь на всюнощную по случаю памяти св. пророка Даниила. Отстояв «с обычною своею сосредоточенностью и молитвенным умилением» службу, продолжавшуюся три с половиной часа, приняв помазание св. елеем из лампады у св. мощей св. Димитрия, Великая княгиня простилась с настоятелем и отбыла в Москву вечерним поездом. В своей статье о визите Елизаветы Федоровны владыка Иосиф особо отмечал: «Так исполнилось, по милости Божией, давнее горячее желание Обители принять под кровом своим столь дорогую Гостью-Паломницу. Глубокое умиление и молитвенное утешение пережила Она под кровом Святынь Ростовских. Но не менее глубокую радость и утешение пережили и мы в молитвенном общении с Нею»¹⁰⁶.

В декабре 1913 года по указу Св. Синода на Ярославскую кафедру был назначен архиепископ Виленский и Литовский Агафангел (Преображенский), Ярославский же архиепископ Тихон (Белавин) был переведен на его Виленскую кафедру. 12 января 1914 года состоялись проводы владыки Тихона в Ростове. Вместе с епископом Иосифом и ростовским духовенством он отслужил последнюю совместную Литургию и молебен. По окончании молебна были сказаны прощальные слова и архиепископу Тихону преподнесена панагия с частицами мощей св. угодников ростовских. В ответном слове владыка Тихон сердечно благодарил ростовцев и отметил, что «в Ростове произошли великие, можно сказать, исторические события. Так, благочестивые граждане Ростовские ходатайствовали об учреждении викариатства в городе Ростове. По мере сил владыка Тихон содействовал сему. Теперь ростовцы имеют ревностного к вере и благочестию святителя преосвященного Иосифа»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Душеполезное чтение. 1914. Ч. I. С. 471.

¹⁰⁷ Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 11. С. 235.

5 февраля 1914 года в Ярославль прибыл новый архиепископ. Епископ Иосиф был в числе духовенства, встречавшего своего архипастыря. По сообщениям "Ярославских епархиальных ведомостей", в Ростов владыка Агафангел приехал 1 мая 1914 года, затем через две недели еще раз посетил, кроме городских и монастырских, и церкви в близлежащих селах. В дальнейшем архиепископ Агафангел неоднократно приезжал в Ростов и сослужил с епископом Иосифом. В октябре 1914 года он прибыл на торжественное открытие госпиталя при Спасо-Иаковлевском монастыре.

Первоначально госпиталь размещался в покоях настоятеля, но помещения было недостаточно, и владыка Иосиф решил устроить более просторный и хорошо оборудованный госпиталь в строящемся при монастыре здании Дома имени протоиерея Иоанна Кронштадтского. Это здание, в котором планировалось устроить приют для бедных и странников, а также начальную школу для бедных детей, епископ Иосиф задумал давно, но дело двигалось медленно, встречая многочисленные препоны. Средств для окончания постройки не хватало, а тут грянула ужасная война, — казалось, теперь не до богадельни. Однако владыка Иосиф не только не стал откладывать благого дела и отступать от задуманного, а, напротив, желая его осуществить как можно скорее, нашел благодетелей и продолжил строительство.

С 25 августа по 16 сентября 1914 года владыка Иосиф должен был выехать из Ростова — ему было поручено временное управление Костромской епархией, поскольку в то время одновременно выбыли из Костромы правящий и викарный архиереи. 29 августа 1914 года епископ Иосиф в кафедральном соборе Костромы отслужил панихиду — «по вождям и воинам, на поле брани живот свой положившим». Затем из собора был совершен крестный ход на центральную Сусанинскую площадь города, и там у Александровской часовни владыка в сослужении всего городского духовенства

совершил молебен — «о даровании победы русскому воинству над врагом, а народу над пьянством».

3 сентября 1914 года, как сообщалось в епархиальных ведомостях, преосвященный Иосиф предписал «объявить всем благочинным, настоятелям и настоятельницам монастырей и приходским священникам оказывать возможное содействие сбором на нужды Красного Креста за все время войны». О том внимании, которое уделял святитель нуждам военного времени, свидетельствует и то, что в период своего пребывания в Костроме он собирал настоятелей, причт и старост для обсуждения вопроса: «чем духовенство и церкви города могут оказать свою помощь больным и раненым воинам во время настоящей войны»¹⁰⁸.

По возвращении в Ростов епископ Иосиф завершил строительство Дома имени отца Иоанна Кронштадтского. 28 октября 1914 года, в день памяти святителя Дмитрия Ростовского, было совершено его торжественное освящение. Как отмечалось в прессе, двухэтажное каменное здание было сооружено согласно всем последним требованиям техники, со всеми приспособлениями (электрическим освещением, водяно-паровым отоплением и тому подобным).

«Это-то здание обитель Спасо-Иаковлевская и отдала под палаты больных и раненых воинов, где им на средства обители будет предлагаться все необходимое для попечения, будет оказана всякая помощь медицинская и духовная. Все помещения (свыше 50 комнат) этого госпиталя рассчитаны на 150 человек больных и раненых, высокие и светлые; каждая комната с четырьмя прекрасными койками и бельем. Здесь отлично оборудованы: операционная и перевязочная, аптека с сложными приборами и дорогими приспособлениями для хирургических больных; особую редкость представ-

¹⁰⁸ Костромские епархиальные ведомости. 1914. № 19. С. 502. Цит. по: Хлебников М. Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь. 1999. № 2 (590). С. 13–14.

ляет высокоценный рентгеновский кабинет. Вообще же госпиталь Спасо-Иаковлевского монастыря оборудован образцово, согласно самоновейшим требованиям медицины, и мог бы составить гордость не только любого губернского, а и столичного города. В каждой комнате госпиталя висят художественные портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, а также портреты о<тца> Иоанна, календари с его изречениями на каждый день, кружки с изображениями батюшки; а в зале, украшенной иконами и портретами лиц Царствующего Дома, в кипарисовом шкафу хранятся как священные реликвии вещи всенародно чтимого пастыря и праведника (палица, подрясник, ряса, шляпа, платок и т<ому> п<одобное>)¹⁰⁹.

Два дня продолжались в Ростове торжества, связанные с освящением госпиталя. Утром 27 октября епископом Иосифом с двумя архимандритами и другими священнослужителями была отслужена заупокойная Литургия с панихидой в память праведника Иоанна Кронштадтского в Зачатьевском храме Спасо-Иаковлевского монастыря.

«Молитвенному настроению за службами заупокойными об о<тце> Иоанне много способствовало художественное, прекрасное (со стороны техники и воодушевления) исполнение песнопений хором питомцев школы церковно-приходской при Спасо-Иаковлевской обители (хотя иным певцам нет и десяти лет от роду). Необычайное величие и красоту заупокойному торжеству церковному придавал также служивший литургию и панихиду протодиакон Большого Московского Успенского Собора К. В. Розов; например, одно пропетое им и громоподобно потрясшее стены здания церковного — "но жизнь безконечная" (в "Со святыми упокой") не пробудило ли любую душу христианскую дремавшую и не начертало ли как бы резцом на сердце человеческом, что есть, действительно есть жизнь другая, безконечно блаженная?..»

¹⁰⁹ Здесь и далее: Русский паломник. 1914. № 48. С. 772–775.

Торжества в честь св. Димитрия Ростовского начались вечером 27 октября после малой вечерни молебном и акафистом. Затем отслужено было всенощное бдение в Дмитровском соборе монастыря, которое отправлялось целым собором архиереев: митрополитом Ярославским Агафангелом вместе с викариями, епископами Угличским Иосифом и Рыбинским Сильвестром, а также епископом Можайским Димитрием.

«Великолепие самого собора, его богатое освещение, чтение паремий праздничных протодиаконом, пение двух хоров — архиепископского ярославского и не менее прекрасного местного хора, особенно поочередное исполнение ими тропаря святителю Димитрию (в дивном переложении Кастальского) необычайно возвышали души молящихся, переполнявших собор...

Вот, по пропетии тропаря святителю Димитрию, вышли на середину храма и взошли на амвон архиерейский четыре указанных святителя, вышел целый собор архимандритов и других священнослужителей, и, с благословения первосвятителя Ярославского, очередной священнослужущий иеромонах начал читать звучным голосом высоко назидательное духовное завещание св. Димитрия Ростовского, которое, как известно, — поразило всех слушателей, когда оно было впервые прочтено после погребения Святителя, которое не может не поразить и теперь слушателя и которое действительно выслушано было молящимися с редким вниманием и благоговением.

"Рассудил я — слышался голос святителя Димитрия, — рассудил я сею духовною грамотою поставить в известность всякого, кто захотел бы после моей смерти искать моего келейного имения, чтобы не трудиться ему напрасно, чтобы знал он о моем сокровище и богатстве, которого я от юности моей не собирал (говорю это не из тщеславия, но для искателей моего имения). С той поры, как принял иноческий чин и постригся в Кирилловском монастыре в 18-летнем возрасте моем и обещал Богу иметь добровольную нищету, — от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжал я имения, кроме книг святых, не собирал ни золота, ни серебра, а старался соблюсти нищету духовную и вещественную, не

заботясь о себе, но полагаясь на Промысл Божий, который никогда меня не оставлял...

Итак, пусть же никто не трудится допытываться после моей смерти или искать чего-нибудь скопленного мною в келье: я ничего не оставляю ни на погребение, ни на поминавание, чтобы лучше явить пред Богом мою иноческую нищету. И если никто не захочет предать меня, такого нищего, обычному погребению, то умоляю тех, кто о своей смерти помнит, чтобы влекли они мое грешное тело в убогий дом и там бросили его между трупами. А если будет согласие начальствующих похоронить меня по смерти по обычаю, то умоляю христоролюбивых погребателей, чтобы похоронили меня в монастыре св. Иакова, епископа Ростовского, в углу церкви, где у меня место указано, об этом челом бью. Кто пожелает помянуть мою грешную душу в своих молитвах ради Бога, тот и сам да помянут будет во Царствии небесном. Кому надо за поминавание платы, того прошу не помянуть меня, нищего, не оставившего ничего на поминавание. Бог же пусть будет всем милостив и мне грешному во веки, аминь..."

При чтении этой духовной грамоты, этого духовного завещания св. Димитрия Ростовского, мысль невольно перенеслась в г. Кронштадт и в Петроград, на Карповку, и сам собой вспоминался тот подражатель Святителя Ростовского, который из кронштадтского священника стал всероссийским пастырем, отцем и благодетелем всей русской земли, — тот пастырь любвеобильнейший, которому некогда было думать о материальном благополучии и который раздавал все до последнего двугривенного, нужного ему для переезда от Ораниенбаума в Кронштадт, и до последних сапог, — тот пастырь-нищелюбец, в руки которого непосредственно поступали громадные суммы и тут же были передаваемы нуждающимся, при этом — так, что после трудового дня у трудившегося не оставалось к утру и копейки, — тот пастырь-бессребреник, чрез руки которого прошло колоссальное состояние — многие миллионы, и который, однако же, умер таким же бедняком, каким вступил на свой славный жизненный путь...»

На следующий день, 28 октября, в самый праздник святителя Димитрия в обители были отслужены две

Литургии — ранняя в Зачатьевском храме у гроба святого и поздняя в Шереметьевском соборном храме, где собралось «несметное количество молящихся... можно сказать без преувеличения, что "потрясается весь град" Ростов, дабы зреть красоту церковную». Присутствовали и сам генерал-губернатор Ярославля, Дмитрий Николаевич Татищев¹¹⁰ с супругою Верой Анатольевной, урожд. Нарышкиной¹¹¹, и другие высокопоставленные лица. По окончании Литургии все двинулись крестным ходом к новому зданию. Перед освящением епископ Иосиф обратился ко всем с речью:

«Прежде чем приступить к священнодействию освящения сего честного Дома, благословите, Высокопреосвященный Владыко, сказать немного слов о его назначении и о том значении, какое имеет нынешнее событие для св. обители нашей. Назначение сего дома достаточно определяется самым его наименованием: Богадельня, Странноприимная и Школа. Здесь будут прежде всего находить себе приют и покой люди бедные, хлеба и крова не имущие, получая от обители, — разумеется, по силе ее возможности, — ночлег и пищу, и теплое участие к их нелегкой судьбе. Здесь будет и столовая, где наиболее нуждающиеся могут пользоваться и постоянным питанием, осуществление чего будет зависеть лишь от правильно налаженной организации этого дела. Тут даже не потребуется особенно больших средств. Достаточно

¹¹⁰ В начале сентября 1918 — Дмитрий Николаевич Татищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В декабре переведен в тюрьму на Шпалерной, в апреле 1919 — вывезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. В ночь с 13 на 14 сентября 1919 — расстрелян вместе с другими заложниками как «контрреволюционер и шпион», в ответ на взрыв бомбы, брошенной анархистами в здание МК РКП(б).

¹¹¹ В начале 1924 — Вера Анатольевна Татищева была арестована, приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлена в Тобольск; осенью переведена в Пермь к дочери Ирине. В декабре 1925 — как потомок декабриста получила разрешение на выезд за границу «в связи со столетием Декабрьского восстания». В марте 1926 — выехала к престарелой матери в Берлин.

будет того — слава Богу — теплого участия и отзывчивости, какие питают к обители сей ее посетители и богомольцы. Здесь — далее — будут находить себе вполне приличное пристанище люди странствующие, притекающие в последнее время в усиленном количестве ради великих святынь ростовских, и особенно ради новопрославленной великой и дивной святыни — чудотворной иконы Царицы Небесной Умиления. Как нельзя лучше благочестивый труд этих людей будет здесь находить себе облегчение, утешение и полноту духовного удовлетворения. В этом отношении — значение сего здания лучше и полнее может оценить тот, кто на себе испытал, как необходимы подобные тихие и мирные уголки при св. обителях для паломничающих, и кто видел, до какого совершенства христианской любви, гостеприимства и радушия доведено осуществление этого долга обителей пред их посетителями у монастырей, например, афонских.

Здесь также будет находиться школа, где — большей частью небогатые дети окружающего населения будут получать начальное образование, которое может бесконечно разнообразиться приучением детей к всевозможным отраслям трудовой жизни — в особом рукодельном классе. А может быть, здесь найдет когда-нибудь осуществление и давнишняя мечта нашей епархии — открыть школу причетников, которая здесь сколько была бы удобна, столько же и идейно-уместна, имея в виду, что находилась бы под крылом того, незабвенному имени которого посвящено это здание и который сам был сыном беднейшего причетника.

Наконец, первое применение благотворительного характера сего здания выражается в полном приспособлении его для госпиталя в количестве 150 коек. О важном значении сего нет надобности много распространяться. Так всякому оно теперь понятно. Точно сама судьба послала нам это здание в такое время, когда благотворительный характер его может быть использован в лучшей и совершеннейшей мере, какая только может выпадать на долю учреждений, вызываемых к жизни чистейшим порывом христианской любви и самопожертвования.

В заключение не могу не отдать должного той кучке простых добрых людей, трогательным усердием которых это здание сооружено, оживлено и оборудовано так блестяще

для всех его добрых целей. Да благословит Господь святое усердие Василия Федоровича, Демьяна Артемьевича, Ильи Ивановича и других, бездумно сделавших истинно достойное и благодетельнейшее дело не только для обители, но и для всех, кто будет пользоваться благодетельно деятельностью сего честного Дома. Аминь».

По окончании богослужения была устроена праздничная трапеза. В столовой госпиталя были накрыты столы для ста пятидесяти бедных и в большой зале для ста пятидесяти приглашенных гостей. «За сей трапезою, между прочим, высокопреосвященный Агафангел в необычайно горячих выражениях принес сердечную благодарность настоятелю Спасо-Иаковлевской обители, преосвященному Иосифу, так много потрудившемуся в благоустроении и благоуукрашении обители, а также в сооружении и оборудовании только что освященного здания. Помянув при этом, что преосвященный Иосиф провел много бессонных, безпокойных ночей при сооружении этого здания, встречая преграды там, где, по-видимому, должно было бы встретить одно сочувствие и содействие, — владыка Агафангел братски просил преосвященного Иосифа ныне простить вся и все, предать забвению всех, чинивших препятствия при созидании дела Божия, смотря на все истинным взором, подобно приснопамятному о<тцу> Иоанну, который всегда считал виновником всяких неприятностей состарившееся древнее зло на земле...»

С приветственной речью выступил также и генерал-губернатор Ярославля, граф Дмитрий Николаевич Татищев. Едва вышли от трапезы, как была получена телеграмма от Великой княгини Елизаветы Федоровны, сожалеющей о том, что она не имела возможности приехать в Ростов на торжества. Владыка Иосиф отослал ответную телеграмму Елизавете Федоровне, а также телеграммы Государю Императору, Императрице Марии Федоровне, Верховному Главнокомандующему Вели-

кому князю Николаю Николаевичу и принцу Ольденбургскому Александру Петровичу. В пространной телеграмме царю епископ Иосиф писал об открытии госпиталя и о молитвах за него и за Отечество.

Госпиталь сразу же начал свою работу. Спустя два года его отличное состояние отмечал посетивший Ростов Великий князь Николай Михайлович. О своем благоприятном впечатлении он оставил запись в журнале лазарета, а в отправленном позднее письме и телеграмме на имя епископа Иосифа он написал следующее: «Преосвященнейший Владыко, пробыв два дня в Ростове Великом, я очень сожалел, что мне не пришлось встретиться с Вами. Все, что я видел и подробно осмотрел, носит отпечаток особой заботливости пастыря Церкви. Также лазарет № 118 для раненых при Спасо-Иаковлевском монастыре благодаря заботам иеромонаха Димитрия находится в блестящем виде. Позволю себе принести и мою лепту на помощь раненым и посылаю Вам одну тысячу рублей на нужды лазарета»; «Сожалеею, что не имел лично удовольствия с Вами познакомиться, уважаемый Владыко, не теряю надежды когда-нибудь с Вами встретиться. Посетив десятки древних храмов в Сольвычегодске, Котласе, Устюге, Вятке и Вологде и дивясь искусству древних обитателей Земли Русской, нахожу, что в Ростовской епархии одной царит образцовый порядок»¹¹².

¹¹² Письмо от 11 июня 1916 года; телеграмма от 25 июня. Рапорт № 545 от 1 июля 1916 года епископа Иосифа архиепископу Ярославскому Агафангелу // Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4881.

1917 год

Мы не располагаем достоверными сведениями о том, как владыка Иосиф встретил Февральскую революцию 1917 года. Позднее, на допросе 27 сентября 1930 года он покажет: *«<Я> никогда не был особым сторонником старого режима, с коим у меня посему даже были в прошлом немалые недоразумения (прекращение мною в 1905 году всякого поминовения царской фамилии за Богослужением, за это лишение на некоторое время возможности священнослужения, перевод на худшее место, лишение наград, повышений по службе)»*¹¹³. Однако это заявление само по себе вряд ли говорит о каких-то его антимонархических, либеральных взглядах, тем более если принять во внимание условия, в которых оно было сделано. Примечательно, что во введении к следственному делу чекисты называ-

¹¹³ ЦА ФСБ РФ. Дело "Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь". Т. 11. Л. 330–331. На сегодняшний день протоколы допросов — единственный источник, которым мы располагаем о так называемых "левых колебаниях" владыки Иосифа. Однако сам по себе этот источник недостаточен для каких-либо окончательных выводов по данному вопросу; он не только не содержит убедительных свидетельств антимонархических взглядов владыки, но даже не позволяет понять, в связи с чем владыка прекратил поминовение царской фамилии в 1905 году.

ют митрополита Иосифа "*махровым монархистом*", а его дневник "В объятиях Отчих" сравнивают с творениями святого Иоанна Кронштадтского, по их определению, "*церковного апологета монархизма*".

Очевидно, что как искренний православный архипастырь владыка Иосиф понимал истинное значение православного царства и поэтому глубоко скорбел, видя, как далеко отошла от этого идеала христианской государственности императорская власть Петербурга. Так что вполне вероятно, что несочувствие епископа Иосифа "старому режиму" было вызвано не либерализмом, а, напротив, самым последовательным монархизмом, так же как и у других выдающихся иерархов того времени. В его дневнике есть такая характерная запись от 30 июля 1909 года: «Невозможно быть истинным слугою земного Царя, не будучи истинным слугою Божиим. Только истинный Божий слуга имеет все побуждения и средства быть верным слугою Царя и полезным членом Церкви и Отечества».

Поэтому и коренную причину революционных настроений и антимонархических выступлений и бунтов в Российской империи владыка видит прежде всего в отступлении русского народа от Церкви: «Все виноваты в появлении этих ненормальностей, "все уклонишася" и стали ответственны за это уклонение, навлекающее столько нареканий и на Бога, и на веру Христову, и на Церковь, и на христианство»; «За дело не любят нас враги наши. Мы виноваты, что они ополчаются на нас, на наши святыни, ругаются над верою Христовою и иконами святыми. Мы довели их до всего этого своею безбожною, нехристианскою жизнью. Мы изолгались в своей вере и жизни так, что не только стали непохожи на христиан, но и стали поистине хуже язычников, держа называть, однако, себя христианами»¹¹⁴.

¹¹⁴ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. IX. С. 237, 125; Т. VIII. С. 138.

Епископ Иосиф не рассуждает о том, кто больше виноват в столь плачевном состоянии русского общества, императорская ли власть, насаждавшая на протяжении двух веков чуждую православия западную культуру и поставившая Русскую Церковь в рабское неканоническое положение, или сама Церковь, вернее, ее служители, безропотно покорявшиеся этому насилию и потворствующие разрушению церковной жизни. Весьма знаменательна в этом отношении запись в дневнике 20 декабря 1907 года, как ответ владыки на главный вопрос: «Права ли и истинна ли наша Церковь при ее современных некоторых ненормальностях, указываемых ее врагами (цезарепапизм и т. п.)? Права и истинна. Какое мне дело до какого-то там цезарепапизма? Я — в душе своей сам царь над собою, и за все сам отвечаю. Личное мое усердие, благочестивое настроение ничем не может быть связано. "Царство Божие внутри нас есть". И здесь прежде всего нам надо созидать свое спасение и отвечать за него.

Какое мне далее дело до предписаний регламентов — например, выдавать "тайну" исповеди? По совести своей я никогда бы ничего не выдал и ничуть бы не отвечал за это пред Богом. Между тем, другой и без регламентов выдает своего "друга" каждый день. Все это форма и внешность, содержания же и внутренней силы и действенности истины Христовой совершенно не касается»¹¹⁵.

Епископ Иосиф не предлагал никаких конкретных мер по реорганизации церковного управления и возрождению церковной жизни, как это делали другие архипастыри, которые надеялись, что удастся остановить разложение и духовный упадок российского общества, если Русской Церкви будет возвращено каноническое положение. Владыке Иосифу сфера общественно-политической жизни в целом всегда оставалась чуждой.

¹¹⁵ А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Т. VII. С. 296–297.

Сосредоточившись на духовно-нравственных вопросах, он, вероятно, полагал, и не без оснований, что всякие государственные и социальные меры по возрождению Церкви останутся бесплодными, если прежде не произойдет духовно-нравственного возрождения в душах самих пастырей и пасомых.

Однако был один общецерковный вопрос, который понуждал и склонного к созерцательной монашеской жизни епископа Иосифа к активной деятельности на общественном поприще. Это был трагический для Русской Церкви и в целом для русского народа вопрос старообрядческого раскола. К сожалению, не сохранилось каких-либо работ епископа Иосифа на эту тему (статей, заметок), но о его самом серьезном отношении к ней говорит весьма знаменательный факт: 31 мая 1917 года вместе с епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и единоверческим протоиереем Симоном Шлеевым владыка Иосиф побывал на старообрядческом Соборе Белокриницкой иерархии в Москве.

В архиве Спасо-Иаковлевского монастыря сохранилось письмо на бланке "Совета Всероссийских съездов православных старообрядцев при Св. Синоде" от 20 мая 1917 года. В этом письме на имя преосвященного Иосифа товарищ председателя Совета, протоиерей Алексей Шишкин, сообщал об образовании "Совета православных старообрядцев" и их решении найти точки сближения со «старообрядцами, находящимися вне Церкви, особенно со старообрядцами Белокриницкой иерархии». Путем взаимобмена депутациями было принято решение побывать на соборе старообрядцев, потом старообрядцам на Всероссийском Единоверческом съезде и затем перенести дело в смешанную комиссию епископов с той и другой стороны. Протоиерей Алексей обратился к епископу Иосифу, сообщив: «При выборе епископов православных, кои могли бы побывать на соборе старообрядцев 31 мая, Совет останавливает на Вас, Ваше Высокопреосвященство, свой выбор и просит

откликнуться на сие св. дело. Пишу Вам по поручению Председателя Совета — Епископа Андрея и убедительно взываю к Вашему отзывчивому сердцу: сопутствуйте нам, Владыко, вместе с Епископом Андреем в Москву»¹¹⁶.

О посещении старообрядческого собора 31 мая 1917 года епископ Андрей подробно написал в "Уфимских епархиальных ведомостях": «Я приехал на Рогожское кладбище с преосвященным Иосифом, епископом Угличским, неожиданным для меня идейным союзником, и единоверческим протоиереем отцом Симоном Шлеевым. Моя встреча со старообрядческими епископами была простая и сердечная; особенно меня обрадовало внимание ко мне и к преосв<ященнейшему> Иосифу со стороны старообрядческих иереев». Епископы Андрей и Иосиф обратились к старообрядцам с предложением обсудить возможность примирения и объединения, причем, по их мнению, «объединение ни в каком случае не может и не должно быть механическим, внешним. Оно должно быть полным, сердечным, чтобы каждая сторона внесла в общую сокровищницу церковной жизни свой талант и преумножила его». «Теперь в виду общего врага, крайне усиливающегося безбожия, мы все, христиане, должны быть мудрыми и не упускать ни одной возможности к примирению. Такова была приблизительно моя речь, в этом же направлении говорили и преосвященнейший Иосиф, и отец протоиерей Шлеев. После этого последовал продолжительный обмен мнений». «После продолжительной беседы в мире и любви, поздним вечером весь клир и миряне, бывшие на Рогожском кладбище, меня и преосв<ященнейшего> Иосифа проводили домой»¹¹⁷.

¹¹⁶ Государственный архив Ярославской области в Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 9. Л. 16–17.

¹¹⁷ Уфимские епархиальные ведомости. Уфа, 1917. № 12–13. С. 308–310.

Как это ни прискорбно, но столь доброе начинание не увенчалось успехом. Старообрядческие епископы, поначалу доброжелательно принявшие епископов Андрея и Иосифа, затем ответили довольно резким посланием. С горечью писал об этом епископ Андрей в открытом письме старообрядческим епископам:

«По моему мнению, я и преосвященный Иосиф Углицкий, когда пошли на Рогожское кладбище, то сделали истинно-христианское дело, и когда епископы Белокриницкой иерархии с любовью приняли нас, то тоже сделали доброе дело. А когда эти епископы, вместо ответа делом, ответили только суровым словом и отказом говорить с такими заблудшими, как я, то это не очень свято и не очень угодно Господу.

Простите меня, Христа ради, за эти слова. Правда, вы пишете, что не перестаете молить Господа о мире всего мира и о совокуплении всех во едину святую соборную и апостольскую Церковь. А я прошу вас, чтобы вы не только молились об этом, но и делали бы то, что требуется для объединения всех в граде Церкви Христовой.

В этом отношении те архипастыри, которых вы порицаете и которых вы не признаете даже и православными (это меня и такого духовного и самоотверженного святителя как преосвященный Иосиф Углицкий), пошли впереди вас и проявили более любви, чем вы.

Но и вся Церковь святая наша проявила всю свою любовь к старообрядцам, как только жизнь ее освободилась от прямого насилия. В этом отношении мы, православные, подготовили уже почти все, что необходимо для исправления исторических ужасных ошибок со стороны прежней правительственной власти».

«В настоящее страшное для Церкви время, если бы старообрядческая иерархия пошла навстречу воссоединения с иерархией православной, то она много послужила бы сохранению церковного строя на святой Руси. И великий грех старообрядческие иерархи примут на свои души, если они не только не уравниют пути к воссоединению старообрядцев с православными, но вместе с нашими печальной памяти миссионерами будут стоять стеною или пропастью между этими двумя близкими по духу церковными обществами»¹¹⁸.

Епископ Андрей призывал старообрядцев к любви и всепрощению, просил их встать выше привычных мнений, забыть пререкания и обиды и постараться соделать всероссийскую и даже вселенскую радость объединения Церкви православной и старообрядческой¹¹⁹. Увы, этим

¹¹⁸ *Архиепископ Андрей (Ухтомский)*. Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // Заволжский летописец. 1917. № 22. С. 632–636.

¹¹⁹ «В заключение я скажу, как я находил бы возможным установление молитвенного взаимообщения и примирения между православными и старообрядцами. Все дело во взаимном стремлении к любви Христовой, к установлению церковного единения. Поэтому обе стороны должны идти навстречу друг другу, т<о>е<сть> все подготовить к объединению, а потом — буквально выйти навстречу друг другу. Иерархи Белокриницкой иерархии должны идти великим крестным ходом в святой Московский Кремль, к московским чудотворцам, а навстречу им из Кремля со всеми святыми древними образами должны идти всем собором иерархи православные. Встретившись на Красной площади, все участники обоих крестных ходов падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения. И верую и исповедую, что Сам Господь с высоты небесной благословит это взаимное всепрощение и пошлет Свою благодать, и в слезах неземной радости святая Русь начнет новую жизнь. После взаимного братского лобзания старообрядческий первосвященитель совершит Божественную литургию в Архангельском соборе с епископами Андреем Уфимским и Иосифом Углицким, а первосвященитель новообрядческий — с двумя епископами старо-

чаяниям не суждено было осуществиться; объединения не произошло, и церковный строй восстановить не удалось. Разрушительная стихия, накопленная грехами нескольких поколений, нарастала, и ничто не могло ее уже остановить.

Поместный Собор, с которым связывали возрождение Русской Церкви, также уже ничего не мог изменить. Собор восстановил патриаршество и принял множество полезных решений. Но открылся он только в августе 1917 года, через полгода после февральских событий, когда легкомысленная радость первых революционных дней, охватившая многих после отречения царя, сменялась тревогой и унынием пред все более нарастающим хаосом в стране. Долгожданное восстановление патриаршества происходило уже во время октябрьского переворота под пулеметные очереди и грохот пушек, бивших по Кремлю. И на проведение интронизации Патриарха Собор испрашивал специальное разрешение у новых властителей, обосновавшихся в Кремле. Сама интронизация проходила в холодном Успенском соборе, на западной стене которого зияла огромная дыра, пробитая большим снарядом, а на восточной — страшным символом высилось распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядом руками. Скорбный путь предстоял и Патриарху, и всей Русской Церкви.

Епископ Иосиф принял участие в Соборе, однако какие-либо подробности о его деятельности там не из-

обрядческими будет литургисать в Успенском соборе. Все это должно произойти в согласии со всем верующим народом обеих сторон. Весь народ должен участвовать в радости этого торжества единым сердцем, хотя внешний обряд будет во многом различаться. А потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) чрез общие молитвы объединить все свое стадо церковное и в обряде» (*Архиепископ Андрей (Ухтомский)*). Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // Заволжский летописец. 1917. № 22. С. 636–637).

вестны. Очевидно, он участвовал в избрании Патриарха и был в Кремле на торжественной службе интронизации в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы¹²⁰.

В декабре 1917 года — январе 1918 года по указу Патриарха Тихона епископ Иосиф временно управлял Рижской епархией. 3–4 октября 1918 года Патриарх посетил Ростов Великий. 3 октября вместе с епископом Иосифом он отслужил всенощное бдение в Спасо-Иаковлевском монастыре, а на следующий день — Божественную Литургию. В 1920 году епископ Иосиф был возведен в сан архиепископа; теперь он носил титул архиепископа Ростовского, но продолжал оставаться викарием Ярославским¹²¹. Патриарх ценил владыку Иосифа, зная его по Ярославской епархии, которую он ранее возглавлял и где под его руководством владыка Иосиф начинал свою архиерейскую деятельность как молодой викарий, епископ Угличский.

По поводу взаимоотношений с Патриархом недавно стало известно свидетельство иного рода — письмо митрополита Ташкентского Никандра (Феноменова)¹²². Письмо без даты, по содержанию датировано составителями концом декабря 1927 года, подлинность, как указано, не установлена. Но поскольку этот документ из Отдела рукописей Национальной российской библиотеки тем не менее введен в научный оборот, то следует на нем остановиться. Автор письма резко порицает и осуждает отделившихся от митрополита Сергия (Страгородского). Владыку Иосифа (Петровых) он обвиняет в личных мотивах неподчинения высшей церковной власти и объясняет, что владыка Иосиф «усиленно старается удержать за собой кафедру Ленинград-

¹²⁰ Согласно Деянию 47-му Священного Собора все архиереи, присутствовавшие на Соборе, принимали участие в этом богослужении.

¹²¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 320.

¹²² Письмо опубликовано в сборнике: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 180.

скую» по той причине, что он «не больше, не меньше как ханжа» и что якобы именно так назвал его сам Патриарх Тихон в присутствии всего патриаршего Синода, в котором автор письма принимал участие. По его словам, в то время Иосиф в письмах Патриарху сетовал, что его долго держат в викариях и не назначают на самостоятельную кафедру. Но, когда Патриарх и Св. Синод назначали его на кафедры, которые нуждались «в скорейшем прибытии архиерея», причем дважды, и посылали указы, Иосиф писал Патриарху и просил отменить назначения «на том основании, что в Ростове очень любят Иосифа и желают, чтобы он остался в Ростове», и что он сам вполне доволен... Именно во второй раз, когда на заседании Синода Патриарх сообщил содержание письма Иосифа, он «назвал его ханжой, отменил назначение и уже до самой смерти не упоминал, что Иосифу нужно дать самостоятельную кафедру»¹²³.

Трудно что-либо сказать в отношении достоверности слов, влагаемых в уста Патриарха Тихона, — оставим это на совести автора упомянутого письма. Что касается предложенных двух назначений, по которым владыке Иосифу якобы высылались указы, то архивными документами подтверждено лишь одно назначение, причем временным управляющим на Одесскую кафедру с оставлением за ним Ростовской кафедры¹²⁴. Сам ли владыка Иосиф просил об отмене определения, или по каким-то другим причинам не состоялось его перемещение, но едва ли благорасположение Патриарха к нему изменилось. Иначе как объяснить тот факт, что спустя две недели, 18 марта

¹²³ Из письма митрополита Никандра (Феноменова) неустановленному лицу по поводу отделения от митрополита Сергия митрополита Иосифа (Петровых), епископа Димитрия (Любимова) и др. // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 180.

¹²⁴ Определение Св. Синода и Патриарха от 04/17 марта 1924 года // РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 272. Л. 86.

1924 года¹²⁵, Патриарх привлекает "ханжу", то есть архиепископа Иосифа, к работе в Св. Синоде и включает в состав членов Св. Синода¹²⁶? И 8 мая того же года, когда на заседании Св. Синода по предложению Патриарха было принято постановление об образовании высших органов церковного управления, имя архиепископа Иосифа также вносится в список членов Св. Синода.

Недолго, однако, продолжалась эта работа. Через месяц с небольшим Патриарх был вынужден объявить о прекращении работы Св. Синода из-за отсутствия регистрации гражданскими властями как самого Синода, так и преосвященных архипастырей¹²⁷. Никакого доброго начинания по организации церковного управления и налаживанию церковной жизни советская богоборческая власть потерпеть не могла, ибо с самого начала приступила к планомерному уничтожению Церкви.

¹²⁵ Здесь и далее даты церковных документов приводятся в основном по старому стилю либо с добавлением в скобках даты по новому стилю.

¹²⁶ Канцелярия Патриарха Тихона // РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 274.

¹²⁷ Патриарху Московскому и всея России не давали права иметь даже канцелярию. Самые мелкие советские чиновники типа «уполномоченного по управлению зданиями бывшего Донского монастыря» могли издеваться над Патриархом и грозить арестом. Вот одна из подобных угроз: «Декабрь 5, 1924 г<ода>. Василию Ивановичу Белавину. Мною неоднократно Вам сообщалось, что Вы никакими юридическими правами не пользуетесь иметь в своей квартире канцелярию, но до сего времени масса приходящих посетителей в б<ывший> Донской монастырь спрашивают не Вас лично, а Вашу канцелярию. Последний раз предупреждаю, если мною будут обнаружены канцелярские занятия и прием, кроме Вас, другим духовенством, я вынужден буду об этом сообщить в милицию, а также опечатать Вашу комнату, дабы снять с себя всякую ответственность перед административно-судебными властями за нарушенный Вами порядок» (*Вострышев М.* Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 285).

Начало гонений

На основании Декрета о музейном имуществе от 10 октября 1918 года Спасо-Иаковлевский монастырь как памятник древнего искусства был передан в ведение музейного отдела Наркомпроса. В апреле 1919 года было подписано "соглашение" между Ростовским уездным Советом рабочих и солдатских депутатов и настоятелем обители, епископом Иосифом; заместителем, архимандритом Тихоном (Шигиным); казначеем, иеромонахом Димитрием, и другими монахами о передаче "в бессрочное" пользование монастырской братии монастыря с храмами.

Важные сведения о жизни монастыря в это время можно почерпнуть из "Ведомости Спасо-Иаковлевского Димитриевого монастыря за 1919 год", составленной архимандритом Тихоном. В ней указано число насельников монастыря в 1919 году — всего 24 человека: настоятель, епископ Иосиф; заместитель, архимандрит Тихон; казначей, Димитрий; иеросхимонах Сисой, духовник; иеромонах Антоний; еще шесть иеромонахов; семь иеродиаконов; один монах и три послушника. Один иеродиакон (Леонтий) скончался от истощения, а четверо, уехавших в отпуск на родину, задерживались по обстоятельствам военного времени и в связи невозможностью выехать. Архимандрит Тихон

писал о неблагоприятных условиях жизни, и прежде всего не о материальных трудностях, а о нарушении монастырской жизни и монастырского устава из-за поселения в монастырских помещениях по ордерам целых семейств:

«Доселе самый тихий и мирный уголок Ростова превращен в шумный базар, на котором почти неумолкаемо раздается крик и площадная брань "дезертиров", занимающих весь нижний этаж настоятельского корпуса и ночующих часто здесь в количестве свыше ста человек. Более половины братских помещений также заняты семейными людьми, и монахи стеснены до крайности. Правильная монашеская жизнь — тихая, уединенная, молитвенно-трудовая, совершенно стала невозможной. Мирской элемент проник и в верхний этаж настоятельского корпуса, занимая целую половину дома. Богослужение хотя и совершается неопустительно, но со значительными изменениями и сокращениями по недостатку и чтецов, и певцов, и церковнослужителей».

Далее архимандрит Тихон упоминал и голод, и холод, которые в то время испытывало в той или иной мере все население Советской России. Питание у братии было самое скудное; зимой пережили нестерпимый холод, пришлось срубить немало деревьев в ограде монастыря для отопления келий. Церковь совершенно не отапливалась.

«К совершению невзгод, монахи, не исключая самых почтенных возрастом и саном, подвергались оскорбительным унижениям и издевательствам, — гонялись на принудительные работы по очистке городских площадей, запущенных грязных домов и т. п. И это в то время, когда каждая рука нужна была для своего труда, без которого погиб от гниения урожай картофеля и немало других огородных овощей. К чести братии должно сказать, что все эти испытания она несла терпеливо и покорно воле Божией и не ослабевает в посильном выполнении и своих главных мо-

нашеских обязанностей — молитвы, труда и богослужения»¹²⁸.

Более того, в таких условиях братия еще сумела устроить в монастыре новый храм. Как о выдающемся событии в жизни монастыря пишет об этом архимандрит Тихон. Храм в честь Св. Живоначальной Троицы был устроен в трапезной монастыря, и 24 октября 1919 года был освящен его престол. Хотя устройство нового храма было вызвано «отчасти необходимостью иметь более теплый уголок для зимнего богослужения», а иконостас и утварь были взяты из упраздненной тюремной церкви Ростова, тем не менее примечателен сам факт его устройства, да еще и с благолепием и изяществом, посреди всеобщего хаоса, разрухи и нужды. На устройство храма ушло 50 000 рублей (с постановкой, починкой и позолотой иконостаса), и их должен был изыскать настоятель.

Храм, по словам архимандрита Тихона, размещался вблизи временных покоев проживавшего в то время в Спасо-Иаковлевском монастыре митрополита Агафангела еще и с той целью, чтобы митрополит имел возможность постоянно быть на богослужениях. О проживании митрополита Агафангела в обители отец Тихон писал как об утешении, которое монастырь имел весь истекший год, утверждая при этом, что именно «Владыка Митрополит особливым благолепием митрополичьего служения немало содействовал оживлению и процветанию монастыря, усиленно посещавшегося богомольцами».

Заметим, что митрополит Агафангел, так же как и его предшественник по Ярославской кафедре, архиепи-

¹²⁸ Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника / Предисл. прот. Владимира Воробьева; сост. И. Г. Менькова при участии диакона Александра Мазырина и Е. И. Большаковой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. Кн. 2. С. 91.

скоп Тихон (Белавин), будущий Патриарх, пользовался всеобщим почетом и любовью. Оба ярославских архиерея, под началом которых владыке Иосифу довелось прослужить почти два десятилетия, были выдающимися архиереями, поистине духоносными святителями Русской Церкви. Познакомившись друг с другом во время "обмена" кафедрами в начале 1914 года, святители сохранили друг с другом самые дружеские отношения. «Оба архиерея нашли друг в друге глубокое взаимопонимание, оказались удивительно близки по духу. Отношения их отличались доверием и теплотой. Во все последующие годы до кончины Патриарха Тихона они неизменно поддерживали взаимное общение. Портрет Святейшего висел в келье митрополита Агафангела, а в столе лежали письма от него... Архиереи переписывались часто»¹²⁹.

«После интронизации Патриарха Тихона митрополит Агафангел стал его преданным соратником. Самоотверженность и верность Патриарху явились одним из пунктов осуждения Ярославского Владыки, сформулированным в его следственном деле таким образом: *"Во все время своего управления Ярославской епархией он являлся самым смелым и самым ярким продолжателем контрреволюционной политики последнего Патриарха Тихона"*¹³⁰. Патриарх Тихон в период заключения дважды доверял и передавал митрополиту Агафангелу права временного управления Русской Цер-

¹²⁹ «По свидетельству сотрудника Я<рославского> Р<айонного> О<тдела> ГПУ, производившего обыск и изъятие документов в келье митрополита Агафангела, *"из найденной переписки... удалось определить, что действительно Тихон и Агафангел есть неразлучные друзья, ибо частных писем у Агафангела больше всего от Патриарха Тихона с содержанием частной жизни"*» (Ради мира церковного: Жизненный путь и архиерейское служение святителя Агафангела... Кн. 1. С. 523).

¹³⁰ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-4774. Л. 143.

ковью»¹³¹. Викарий преосвященного Агафангела, архиепископ Иосиф, разделяя взгляды своего правящего архиерея, в свою очередь стал достойным продолжателем его и патриаршей "*контрреволюционной политики*", особенно во время ссылки митрополита в 1922–1926 годах.

В Спасо-Иаковлевском монастыре митрополит Агафангел прожил почти полтора года, в письме от 11 марта 1920 года он писал: «До 1919 года я жил в Петрограде и Москве, присутствовал в Синоде и на Соборе. В феврале 1919 г<ода> переехал в свою епархию. Но так как Спасский монастырь разрушен¹³², и жить мне было негде, то я переехал в Ростов Ярославский... и вот уже другой год здесь, в Яковлевском монастыре, в квартире Преосвященного Викария Иосифа. Квартира большая, удобная, хотя нас несколько и уплотнили»¹³³. В августе 1920 года в письме из Толгского монастыря митрополит Агафангел писал, что не знает, где будет жить зимой, в Ярославле или Ростове, но в ноябре он уже писал письма из Ярославля; возможно, из Ростова он был вынужден выехать летом, сразу же после ареста владыки Иосифа.

Арест владыки Иосифа был произведен в связи с кампанией по вскрытию св. мощей, которую в то время повсюду развернули богоборцы. В Ростове 25 апреля 1920 года десятый съезд Советов города и уезда принял решение о вскрытии святых мощей в церквах Ростовского уезда. Избранная на съезде комиссия вечером того же дня отправилась в кафедральный Успенский собор, послав своих представителей за архиепископом Иосифом в Спасо-Иаковлевский монастырь. Владыка Иосиф в то время служил вечерню в монастырском

¹³¹ Ради мира церковного... Кн. 2. С. 427.

¹³² В 1918 году во время Ярославского восстания монастырь подвергся усиленному обстрелу при осаде Ярославля красными.

¹³³ Ради мира церковного... Кн. 2. С. 148.

храме. Пришедшие посланцы, не дав ему возможности окончить службу, потребовали немедленно явиться в собор на вскрытие мощей. Позднее на допросе он показал:

«Я в это время сказал гражданам: "Сестры и братья! 10-й съезд Советов постановил открывать мощи. Нами уже были сделаны ходатайства об оставлении мощей, но, по-видимому, Господом Богом не приняты наши просьбы, и теперь нам надо подчиниться этому испытанию. Все-таки употребим последнюю нашу меру, попросим съезд Советов не трогать наших святынь, и, может, Господь расположит их внять нашей просьбе". И так как разоблачаться было некогда, я вынужден был идти в облачении вместе с народом, и так как было бы странным шествие в моем облачении, то велел взять мальчикам несколько хоругвей. Придя к собору, я просил от имени народа доложить съезду Советов народную просьбу. Но когда таковую отказались даже выслушать, весь народ вместе со мною мирно пошел по домам»¹³⁴.

А вот что докладывал о ходе событий после обращения владыки Иосифа к народу информатор политбюро при Ростовской уездной милиции: *«Масса, вероятно, была уже подготовлена. Тогда масса закричала, что не дадим вскрывать мощи, и затем Иосиф с крестным ходом отправился к зданию собора, ведя за собой толпу около 300 человек, сильно настроенную против. Придя к собору, Иосиф в него не пошел, а встал на паперти, где ему еще раз объявили, что съезд постановил вскрывать мощи. Тогда Иосиф заявил, что я мощи вскрывать не буду, но я пришел от имени православных просить съезд Советов, чтобы последний отложил вскрытие мощей. В тот момент вся приведенная толпа страшно закричала и зарыдала, раздались крики и*

¹³⁴ Протокол допроса архиепископа Иосифа от 19 мая 1920 года // ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д. С-5590. Л. 58–60 об.

визги, что, мол, не дадим вскрывать мощи, и стали бросаться к Собору по направлению Иосифа и хватать его за одежду, крича: "Владыка! Не вскрывайте мощи". Затем, поговорив с представителями съезда, он обратно со всей своей процессией пошел в Яковлевский монастырь. После чего комиссия обратилась к местному духовенству собора и предложила им вскрыть мощи, и они согласны были приступить к вскрытию».

Далее информатор сообщал, что на следующий день в 10 часов утра комиссия отправилась уже в Яковлевский монастырь, и там выяснилось, что и тут «Иосиф мощи вскрывать не хочет и назначил за себя другого попа Дмитрия. Когда приступили к открытию мощей, то в это время народу было очень мало, и частную публику тоже пустили как свидетелей во время вскрытия. Настроение у граждан было спокойное»¹³⁵. Ярославской чрезвычайной комиссией было возбуждено следствие по факту сопротивления вскрытию мощей, причем архиепископ Иосиф проходил по делу в качестве одного из главных обвиняемых. В своих показаниях на допросах владыка подчеркивал, что никаких "контрреволюционных намерений" у него не было, что никакой агитации он не вел и виновным себя ни в чем не признает.

7 июля 1920 года был подписан ордер на арест архиепископа Иосифа, и на следующий день владыка был арестован и заключен в тюрьму, как указано в анкете арестованного: «место заключения — каземат губчека». В графе анкеты «Примечания заключенного» владыка написал: «Никакой вины за собой не знаю»¹³⁶. В это время в Ростове и окрестных селах собирались сотни подписей верующих в его защиту; заявления граждан об освобождении епископа Иосифа были при-

¹³⁵ Доклад в информационный стол Яр<ославского> губ<ернского> ЧК // ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д. С-5590. Л. 29.

¹³⁶ Анкета арестованного Петровых // ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д. С-5590. Л. 103.

ложены к материалам следственного дела. Следователь предлагал приговорить владыку и еще двух обвиняемых к высшей мере наказания¹³⁷.

18 июля владыка Иосиф был перевезен в Москву и заключен во внутреннюю тюрьму ВЧК. Здесь ему было предъявлено обвинение в том, что он «проводил агитацию и оказывал сопротивление выполнению распоряжения правительства о вскрытии святых мощей ростовских чудотворцев». 26 июля 1920 года постановлением Президиума ВЧК «Петровых И. С. осужден к заключению в концентрационный лагерь на 1 год условно с предупреждением о неведении агитации»¹³⁸. После освобождения из тюрьмы архиепископ Иосиф вернулся в Спасо-Иаковлевский монастырь.

При большевиках монастырь как таковой не мог уже существовать, и была создана община бывшего монастыря, зарегистрированная в местных органах власти. По договору ей были переданы в пользование монастырские храмы, однако фактически использовать их не было возможности. Вероятно, богослужения проводились в Иаковлевском и Шереметьевском храмах и главным образом во вновь устроенном Троицком. Непомерный налог, которым были обложены храмы, вскоре сделал невозможным их использование и содержание¹³⁹.

¹³⁷ ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д. С-5590. Л. 153.

¹³⁸ Письмо из Управления МВ РФ по Ярославской области от 20.03.92.

¹³⁹ В 1927 году председатель общины в письме городским властям просил ввиду «непосильной тяжести налога» (около 14 миллионов) передать в ведение археологического отдела Спасский и Зачатьевский храмы, община с давних пор ими не пользуется. «Оставшиеся храмы Иаковлевский и Шереметьевский община, может быть, найдет возможным оставить за собой, если коммунальный отдел найдет возможным облегчить тяжесть налога». В октябре 1928 года все храмы монастыря были закрыты (Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом // Автор-сост. В. И. Вахрина. М.: Отчий дом, 2002. С. 129–130).

По уставу общины членом мог быть любой гражданин, «*принадлежащий к православному культу*»; само зачисление в состав общины проводилось на общем собрании при голосовании. В списках общины было указано сто двадцать восемь участников — клириков и мирян; в числе тринадцати проповедников значились священники и братья монастыря; председателем общины был указан архиепископ Иосиф; с 1927 года председателем общины стал архимандрит Тихон, а в числе пресвитеров значился митрополит Агафангел.

В 1922 году архиепископ Иосиф был вновь арестован и заключен в Ярославскую тюрьму. На этот раз арест был связан с кампанией по изъятию церковных ценностей, развернутой богоборческими властями под предлогом помощи голодающим Поволжья, фактически же являвшейся наглым ограблением Церкви и расправой с выдающимися архиереями и церковными деятелями. В марте — апреле 1922 года Ростовская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей составила опись предметов из благородных металлов и драгоценных камней, принадлежащих Спасо-Иаковлевскому монастырю; затем были изъяты потиры, оклады, водосвятные чаши, серебряные раки святителей.

28 мая 1922 года этой же комиссией было принято постановление о привлечении к судебной ответственности священнослужителей Спасо-Иаковлевского монастыря, и прежде всего архиепископа Иосифа — «*за сокрытие ценностей*», как отмечалось в протоколе заседания комиссии: «*Ввиду того, что оказалось значительное число ценностей, не значившихся в новой описи, что подтверждается фактом обнаружения исполнительной тройкой 2 митр, золотой и серебряной, не значившихся в описи, с драгоценными камнями*»¹⁴⁰. Взятые из ризницы Спасо-Иаковлевского монастыря предметы и копия новой описи 1918 года

¹⁴⁰ ГА ЯО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

были препровождены комиссией для дальнейшего расследования.

19 ноября 1922 года архиепископ Иосиф «за сопротивление изъятию церковных ценностей» был приговорен Ярославским ревтрибуналом к четырем годам лишения свободы. Вероятно, это дело не обошлось без участия обновленцев. Позднее на одном из допросов в 1932 году владыка Иосиф показал, что в 1922 году он был обвинен в агитации против изъятия ценностей «по клевете обновленцев», для которых он был одним из главных врагов в епархии. Действительно, архиепископ Иосиф сразу же не признал созданное в мае 1922 года обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ)¹⁴¹. И в дальнейшем никогда не проявлял никаких колебаний в отношении обновленческого раскола и фактически воспрепятствовал его распространению не только в Ростове, но и в целом в Ярославской епархии.

В январе 1923 года владыка Иосиф был освобожден досрочно по решению Президиума ВЦИК. Как писал он позднее в одном из писем: «Миловать так миловать целиком и полностью, как помиловал меня однажды всесоюзный староста М. И. Калинин, — вот это я понимаю и безгранично ему за это благодарен»¹⁴². Возвращение архиепископа Иосифа весьма укрепило православных епархии, верных Патриарху Тихону, и одновременно

¹⁴¹ Высшее Церковное Управление создано по стовору с ОГПУ в мае 1922 года недостойными клириками, которые, воспользовавшись арестом Патриарха Тихона, обманным путем захватили его канцелярию, водворились в его покоях на Троицком подворье в Москве и объявили себя высшей властью в Русской Церкви. Они восхваляли советскую власть, провозгласили приверженность ее идеалам и принялись за реформирование, "обновление" всех церковных канонов и установлений.

¹⁴² Из письма митрополита Иосифа (Петровых) митрополиту Сергию по поводу перемещения его на Одесскую кафедру // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 180.

вызвало серьезное беспокойство у обновленцев и местных властей. В апреле 1923 года начальник Ярославского губернского отдела ГПУ обратился в Москву с ходатайством о высылке из пределов Ярославской губернии архиепископа Иосифа (Петровых). В донесении от 8 августа 1923 года, сообщая о "неблагополучном" положении в церковной среде в Ярославской губернии, он повторил ходатайство:

«Обновленческая группировка в настоящее время почти совершенно прекратила свою деятельность под натиском "тихоновской" группировки. Большинство духовенства и верующих идет по пути "тихоновщины", ослабляя морально и материально обновленческую группировку. Во главе "тихоновской" группировки стоит епископ Ростовский Иосиф. Данное лицо по Ярославской губернии в настоящее время весьма авторитетно не только среди духовенства и верующих, но и среди советских работников низового аппарата, и в особенности Ростовского уезда».

«С освобождением Тихона из-под стражи и вообще с усилением тихоновской группировки епископ Иосиф в настоящее время является руководителем и вдохновителем тихоновской группировки по Ярославской губ<ернии>. Заручившись из Наркомюста официальной бумагой, разрешающей Иосифу создать свое, параллельное ВЦУ¹⁴³, Ярославское отделение Епархиального управления, Иосиф ведет линию всеми способами к полной ликвидации обновленческой группы как лицо, весьма авторитетное среди духовенства и верующих и доказавшее себя, что и современная власть не всегда может его обуздать в его реакционной деятельности. Конечно, его настоящая деятельность, нужно признать, идет достаточно успешно.

При таких обстоятельствах деятельность обновленческой группы в Ярославской губ<ернии>, собст-

¹⁴³ Имеется в виду Высшее Церковное Управление обновленцев.

венно, должна замереть, что и можно констатировать в настоящее время. Для поддержания деятельности обновленческой группы, безусловно, необходимо изгнать из пределов Ярославской губ<ернии> епископа Иосифа, что значительно ослабит "тихоновскую" группу, и этим самым дать возможность оживиться и обновленческой группе, главным образом, за счет верующих, ибо епископ Иосиф в глазах верующих — самое авторитетное лицо из духовенства Ярославской губернии, а потому значительная часть верующих идет за ним не только как за "тихоновцем", но и как за известным им Иосифом, которого и Советская власть по велению бога избавляет от наказания (выражения верующих).

Без этой операции нет возможности хотя бы минимально поддерживать деятельность обновленческой группы»¹⁴⁴.

Как ни странно, но эти настойчивые ходатайства остались без ответа. И на протяжении еще более трех лет архиепископ Иосиф оставался в Ростове, объединяя всех православных епархии, верных Патриарху и высланному в Сибирь митрополиту Агафангелу¹⁴⁵. Причем в 1925 и 1926 годах владыка Иосиф даже возглавлял крестные ходы с Ватопедской иконой Богородицы по волостям Ростовского уезда, получая разрешение на них в местных органах власти.

30 августа 1923 года под председательством преосвященного Иосифа в Ярославле прошло собрание благочинных Ярославской епархии. Собрание было открыто речью владыки Иосифа о нынешнем положении Русской Православной Церкви в связи с воз-

¹⁴⁴ *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1. М., 1999. С. 115–117.

¹⁴⁵ Митрополит Агафангел был арестован еще летом 1922 года в связи с его выступлением против обновленцев и выслан властями в Нарымский край.

никновением обновленческого движения. Собрание единодушно высказалось против обновленческого собора в Москве, незаконно провозгласившего себя "Вторым Всероссийским Поместным Собором", и отказалось выполнять его постановления.

По поводу освобождения Патриарха Тихона была выражена радость и обещание сыновнего ему послушания. Испрашивая патриаршего благословения, благочинные Ярославской епархии заявили: «За себя и за подведомственное нам духовенство подтверждаем, что, признавая Советскую власть и подчиняясь ее гражданским постановлениям, совершенно отмежевываемся от какой-либо контрреволюционной белогвардейщины и т^{<ому>} п^{<одобного>} и будем вести народ, как и прежде то делали, только ко Христу и за Христа»¹⁴⁶.

В отношении введения нового стиля собрание постановило — духовенству оповещать мирян о необходимости его введения ввиду того, что новый стиль будет принят Восточными Церквями, с которыми нужно быть в общении. Однако от введения нового стиля было решено еще воздержаться до получения извещений и распоряжений от Патриарха Тихона и Восточных патриархов¹⁴⁷. Собрание избрало новых членов епархиального правления, поскольку прежнее епархиальное управление обновленческого типа после освобождения Патриарха Тихона добровольно сложило свои полномочия.

¹⁴⁶ ГА ЯО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

¹⁴⁷ Патриарх Тихон, введенный в заблуждение сообщениями властей о принятии нового стиля всеми Православными Церквями, распорядился ввести новый стиль в Русской Церкви со 2/15 октября 1923 года. Однако на это последовал всеобщий протест церковного народа, и спустя три недели Патриарх отменил свое распоряжение, сочтя своим пастырским долгом, по его словам, «принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной» (Из заявления Патриарха во ВЦИК от 17/30 сентября 1924 года).

Председателем епархиального управления позднее был избран архиепископ Иосиф.

С конца 1924 года до августа 1926 года архиепископ Иосиф временно управлял и Новгородской епархией. Подробных сведений о его служении нет. Сохранилась фотография владыки Иосифа с семьей Ефимовых в Новгороде 1926 года. По свидетельству Марии Петровны Поспеловой (урожденной Ефимовой), крестницы владыки Иосифа, он был дружен с их семьей, по просьбе родителей молился о даровании им детей и стал восприемником их долгожданного чада в 1925 году.

Очевидно, архиепископ Иосиф часто бывал и служил в Новгороде и старался и там противодействовать обновленцам. К тому времени относится его письмо протоиерею Александру Советову, настоятелю Софийского собора. Владыка Иосиф собирал деньги на ремонт собора и обещал привезти к Пасхе для начала работ определенную сумму. Он просил протоиерея Александра сообщить ему точную цифру на ремонт отопления и был уверен, что ему удастся ее найти, и таким образом провести ремонт и оставить собор за собой, успешно отстояв его от посягающих на него обновленцев.

В этом же письме владыка Иосиф сообщал и о церковных событиях в Петроградской епархии. Очевидно, что он был в курсе дел, так как проездом бывал Петрограде и порой принимал участие в богослужениях, о чем есть свидетельства в архивных документах. По заведенному порядку община верующих обязана была постоянно извещать власти о служащих архиереях. Вот, к примеру, документы по храму Воскресения на крови: «Извещение в Церковный стол регистраций центрального райисполкома от председателя 20-ки храма Воскресения по каналу Грибоедова от 16 января 1926 года. "Настоящим уведомляю, что 17 января в храме Литургию предполагает служить Епископ Иосиф"»; «10 сентября 1926 года Приходской совет просит зарегистрировать при храме в качестве

служителя культа митрополита Ленинградского Иосифа, в мире Ивана Семеновича Петровых. При сем прилагается анкета в 2-х экземплярах»¹⁴⁸.

Регистрация была связана с назначением владыки Иосифа на Петроградскую (в советской терминологии, конечно же, Ленинградскую) кафедру. Это назначение владыка получил 26 августа 1926 года от заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского), возглавившего в то время управление Русской Церковью.

¹⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 269. Л. 159, 237.

О патриаршем "местоблюстителстве" и его "заместительстве"

Митрополит Сергей (Страгородский) оказался во главе церковного управления не сразу. После кончины Святейшего Патриарха Тихона, последовавшей 7 апреля 1925 года, Русскую Церковь возглавил митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Он был одним из трех кандидатов на пост Патриаршего Местоблюстителя, названных в завещании Патриарха Тихона. Другими кандидатами на пост Местоблюстителя были названы митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский). Оба на тот момент находились в ссылке. Архиепископ Иосиф присутствовал в Москве при оглашении завещания Патриарха Тихона и в числе шестидесяти иерархов подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру (Полянскому) — одному из трех названных в завещании Патриарха кандидатов.

«Существуют сведения о том, что епископов, собравшихся на погребение Святейшего Патриарха Тихона, в обязательности присутствия местоблюстителя в Москве убедил не кто иной, как митрополит Сергей. В "Ташкентском документе" от 17 ноября 1927 года... среди прочего говорилось о митрополите Петре: "Кстати сказать, и его на местоблюститель-

ское кресло избрали не без содействия митрополита Сергия, под благовидным предлогом в свое время отклонившего первых двух кандидатов: м<итрополита> Кирилла и м<итрополита> Агафангела"»¹⁴⁹.

Тем не менее местоблюстительство митрополита Петра было признано большинством епископата, в том числе и первыми двумя кандидатами, митрополитами Кириллом и Агафангелом. Как писал митрополит Кирилл в своих показаниях в 1930 году: «Хотя для меня остается и сейчас непонятным, почему отсутствие в Москве могло быть препятствием к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, но раз епископатом, бывшим в Москве при погребении патриарха, местоблюстительство возложено было на м<итрополита> Петра, то я с любовью признал это для себя обязательным и до сих пор мыслю себя в каноническом и молитвенном с ним общении как первым епископом страны»¹⁵⁰. Архиепископ Иосиф также оставался верен принятому решению о передаче власти в Русской Православной Церкви митрополиту Петру (Полянскому) и возносил его имя как первоиерарха Церкви.

23 ноября (6 декабря) 1925 года митрополит Петр в своем завещательном распоряжении о преемственности и передаче высшей церковной власти в Русской Православной Церкви, в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви, назначил архиепископа

¹⁴⁹ Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003. С. 370.

¹⁵⁰ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского / Публикация, вступление и примечания Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 337–338; Архив УФСБ по Кемеровской обл. Д. П-17429. Л. 32–42 об.

Иосифа третьим кандидатом на должность заместителя Патриаршего Местоблюстителя после митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и экзарха Украины митрополита Киевского Михаила (Ермакова).

9 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован, и митрополит Сергей (Страгородский) поспешил вступить в права заместителя Патриаршего Местоблюстителя, причем Сергию нисколько не помешало то обстоятельство, что он находился в Нижнем Новгороде и въезд в Москву ему был запрещен.

Следует подчеркнуть, что права митрополита Сергия как заместителя Патриаршего Местоблюстителя отнюдь не равнялись правам самого Местоблюстителя и тем более правам первоиерарха Русской Церкви. Строго говоря, сама должность "заместителя" не имела никакого канонического основания. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, в специальных определениях разработавший четкий порядок замещения патриаршей власти, говорил лишь о Патриаршем Местоблюстителе. В случае кончины Патриарха в действие вступало определение о Местоблюстителе; он избирался членами Синода, и в его обязанности входила организация нового Собора, который должен был избрать нового Патриарха и решить все вопросы по устройению Церкви.

Ввиду усиливающихся гонений становилось ясно, что может возникнуть ситуация, когда некому будет избирать Местоблюстителя¹⁵¹, и тогда Собор 1917–1918 годов уполномочил Патриарха Тихона составить завещательное распоряжение в отношении своего временного преемника; и этого преемника (из трех кандидатов) в дальнейшем утверждал епископат. Никаких полномочий на дальнейшее назначение преемников и

¹⁵¹ То есть когда не будет Синода, что вскоре и произошло, когда из шести членов Синода, избранных Собором, к 1921 году в России на свободе остался только один.

передачу своих прав Местоблюститель уже не имел. К сожалению, мало кто из епископов это понимал. Кроме того, поскольку митрополит Петр не определил объем полномочий заместителя, то многие, и прежде всего сам митрополит Сергей, считали, что заместитель Местоблюстителя обладает всей полнотой власти первоиерарха Русской Церкви. И если сам митрополит Петр предполагал, что заместитель занимается текущими делами и является всего лишь проводником воли Местоблюстителя, то митрополит Сергей думал совсем иначе.

К тому же в силу привычки к прежнему бюрократическому порядку, утвердившемуся в Русской Церкви в синодальный период, епископскую и первосвятительскую власть большинство епископата понимало не в соборном духе, а в канцелярском. И соответственно, архиерея, у которого в руках оказывалось фактическое управление церковными делами, многие воспринимали как полновластного начальника "церковного ведомства", который вправе распоряжаться в Церкви, как начальствующий чиновник в своем ведомстве, в том числе архиереями, — запрещать, увольнять, перемещать и так далее.

Вступив в обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей не собирался уступать власть никому, не только сомнительным, но и законным претендентам. Так, успешно разбив все претензии Григорианского совета¹⁵², он не позволил вступить в должность Местоблюстителя митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), который был вторым кандидатом на местоблюстительство, названным в завещании Патриарха Тихона. Владыка Агафангел по своем возвращении из ссылки в апреле 1926 года оповестил Церковь о том, что он вступает в

¹⁵² Группа епископов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) после ареста митрополита Петра заявила о создании Временного Высшего Церковного Совета и провозгласила его высшим органом церковной власти.

исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, но на это митрополит Сергей возразил, что обязанности Местоблюстителя уже приняты митрополитом Петром.

Ярославское духовенство, с радостью встретившее своего архипастыря, разделилось в отношении решения вопроса о его местоблюстительстве. Большинство приходского духовенства и викарный архиепископ Варлаам (Ряшенцев) поддержали владыку Агафангела; другая часть духовенства, в том числе и архиепископы Иосиф (Петровых) и Серафим (Самойлович), напротив, стали горячо убеждать его отказаться от местоблюстительства; так же поступила целая группа украинских епископов, направившая к митрополиту своего посланника с письмом и просьбой оставить свое начинание.

В мае 1926 года митрополит Агафангел поехал на личную встречу с митрополитом Сергием. Митрополит Сергей вновь отказался передать ему власть, ссылаясь на то, что получил свои полномочия от законного Местоблюстителя — митрополита Петра. После этого последовала переписка владыки Агафангела с митрополитом Сергием. Примечательно, что когда владыка Агафангел прислал митрополиту Сергию телеграмму: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поименовании митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира Церковного отказаться от местоблюстительства»¹⁵³, — Сергей в тот же день предал митрополита Агафангела суду архиереев, ссылаясь на его нарушение канонов, угрожающих виновному лишением сана¹⁵⁴.

¹⁵³ Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 // Сост. М. И. Губонин. М.: ПСТВИ: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 467.

¹⁵⁴ Письмо митрополита Сергея от 11 мая 1926 года управляющему Московской епархией // Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 467–469.

В это же время владыка Агафангел получил письмо от митрополита Петра, в котором тот писал о своем полном согласии с вступлением митрополита Агафангела в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Однако митрополит Сергей и после этого не только не признал местоблюстительства митрополита Агафангела, но в письме от 31 мая (13 июня) 1926 года сообщил ему о предании его архиерейскому суду, отказавшись подчиниться уже и самому митрополиту Петру. «Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими», — утверждал в письме митрополит Сергей¹⁵⁵.

Однако владыка Агафангел еще до получения этого письма уже принял решение отказаться занять должность Местоблюстителя: 8 июня он доводит это до сведения властей, 12 июня сообщает митрополиту Петру и 17 июня телеграфирует митрополиту Сергию: «Я, по крайне расстроенному здоровью, уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстителя»¹⁵⁶. Очевидно, достойнейший из российских архиереев пошел на это не только по состоянию здоровья, но главным образом ради сохранения мира церковного. И уступил не столько из-за напористости митрополита Сергея, сколько из-за той поддержки, которую на тот момент оказали Сергию многие православные архиереи¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 478.

¹⁵⁶ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 480.

¹⁵⁷ «Святитель Агафангел был старейшим архиереем Русской Церкви, ревностным и мудрым архипастырем. Общине Владыки-старца с митрополитом Сергием, ставшим на вершине власти, вызывало у митрополита Агафангела тревогу о будущем Церкви, вверенной окормлению Заместителя Местоблюстителя: появились основания для недоверия. Возможно, это обстоятельство

Так митрополит Сергей стал фактически полноправным хозяином в Русской Церкви и, всегда сильный в казуистике, нашел оправдание столь откровенной узурпации власти¹⁵⁸. К сожалению, большинство архиереев, поддерживая митрополита Сергия, этого не увидели. Многие предполагали участие ОГПУ в раздувании спора о местоблюстительстве и справедливо видели в этом очередную чекистскую разработку по расколу Церкви, однако совершенно несправедливо подозревали старейшего и достойнейшего архипастыря Русской Церкви в какой-либо причастности к этим планам и потому поддерживали митрополита Сергия, доверяясь его руководству и надеясь на его мудрость и опыт.

К каким катастрофическим в духовном плане последствиям это приведет, они вскоре сами убедятся на своем горьком опыте. И в первую очередь ярославские vicарные архиереи, убеждавшие митрополита Агафангела отказаться от местоблюстительства в пользу митрополита Сергия.

и заставляло митрополита Агафангела некоторое время настаивать на передаче ему прав Местоблюстителя. "Вы полагаете, в этом будет благо для Церкви, если я откажусь? — спросил он у посланца от украинских епископов. — Вспомните мое слово, что это не ко благу Церкви". (Ради мира церковного... Кн. 2. С. 217).

¹⁵⁸ Своеобразное свидетельство о том, что митрополит Сергей никого другого, кроме себя, Патриархом видеть не хотел, дошло до нас из материалов следственного дела епископа Евгения (Кобранова). На допросе 22 декабря 1926 года он показал, как, «желая улучшить отношения с митрополитом Сергием, предложил во время обеда тост "за будущего патриарха, подобного Тихону"». Далее епископ Евгений утверждал, что «тогда Сергей ответил: "Если ты говоришь обо мне, то я согласен. Если за другого, то нет"» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 92.; Цит. по: Мазырин А. Священномученик митрополит Кирилл // Богословский сборник. Вып. 11. М., 2003. С. 372).

Митрополит Петроградский

Итак, распоряжением заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского), 26 августа 1926 года архиепископ Иосиф был переведен на Ленинградскую кафедру и возведен в сан митрополита Ленинградского с возложением белого клобука с алмазным крестом и креста на митру. В официальных церковных документах приходилось считаться с советскими переименованиями, это касалось прежде всего взаимоотношения Церкви с властями, например, при переписке по хозяйственным вопросам или при регистрации "служителей культа" в административных отделах Ленинграда. Однако в остальных сферах жизни как всей Церкви, так и отдельных ее членов православные ревнители Северной столицы продолжали сохранять дореволюционные названия — "Петроград", "Петроградская епархия" — и своего митрополита называли Петроградским. И сам владыка Иосиф предпочитал именоваться митрополитом Петроградским — на богослужениях его именно так и поминали как правящего архиерея. Впоследствии из-за этого возникнут серьезные споры, и вопрос именования приобретет принципиальное значение для ревнителей Православия и их противников.

Назначение владыки Иосифа на Петроградскую кафедру было исходатайствовано священнослужителями

Петрограда, возлагавшими на него большие надежды в наведении порядка и мира в Петроградской епархии. С 1922 года, после мученической кончины митрополита Вениамина (Казанского), расстрелянного властями, епархия фактически оставалась без правящего архиерея. Между викарными епископами существовали серьезные разногласия; не было также взаимопонимания и среди остального духовенства. Хотя еще к концу 1923 года обновленцы потеряли свои позиции в Петрограде и большая часть приходов вернулись к Патриарху, православные священнослужители разделились по отношению к обновленцам на две группы: "примиренческую" и строго православную. Когда после ясного и жесткого послания митрополита Петра в июле 1925 года все разговоры о примирении прекратились, именно с "примиренческой" группой власти повели переговоры о легализации епархиального управления.

Эта легализация была воплощением очередного разрушительного плана неистоцимых на злоумышления чекистов. Дело в том, что в Советском государстве Православная Церковь в целом не имела юридического статуса и после революции 1917 года фактически была поставлена вне закона. Разрешалось существование отдельных общин и приходов, но ни епархиальные, ни тем более центральные органы церковного управления легализованы не были. Понятно, что для руководства церковной жизнью многомиллионной паствы, к тому же в такое лихолетье, архипастырям хотелось иметь нормальную и привычную систему церковного администрирования. И потому вопрос о получении разрешения на организацию органов высшего церковного управления и легализацию церковного управления в целом был одним из насущных вопросов церковной жизни.

Но власти, предлагая Церкви легализацию, требовали от ее архипастырей определенных обязательств,

которые те должны были выразить и обнародовать в декларации и затем исполнять на деле. Главное, чего хотели добиться богоборцы, — это подчинить внутреннюю жизнь Церкви своему контролю. Именно на таких условиях Е. А. Тучков, возглавлявший VI отделение Секретного отдела ОГПУ, вел переговоры о легализации еще с Патриархом Тихоном, затем продолжал с митрополитом Петром (Полянским). Однако ни Патриарх, ни митрополит Петр не приняли его условий. Не принял их в 1926 году и митрополит Сергей. Составленный и переданный им Тучкову проект декларации (перед этим согласованный с другими архиереями) был выдержан в строго церковном духе — при всей лояльности к власти в нем твердо отстаивалась духовная свобода Церкви. Понятно, что подобный проект Тучкова не устроил.

В это же время для дезорганизации Церкви власти стали навязывать сепаратные легализации отдельным епархиям и округам. Как писал очевидец и летописец событий в Петроградской епархии протоиерей Михаил Чельцов: «Чуков, а потом Павел Антонович Кедринский были вызываемы в ЧК, там с ними любезно говорили, выказывали недоумение, почему мы живем без легализации, что такое положение, естественно, возбуждает советскую власть на всякие подозрения против нас и особенно против епископов наших; почему духовенство принимает и держится таких епископов, как Димитрий Любимов, известный черносотенец, почему духовенство не может и не желает само взять управление в свои руки; что такое управление советская власть непременно бы признала и легализовала...»¹⁵⁹

¹⁵⁹ Чельцов Михаил, протоиерей. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. Вып. 17. М. — СПб., 1994. С. 444.

Эти переговоры не одобрялись остальным духовенством. От властей ничего доброго не ждали, а тем более с лицами, которых подозревали в скрытом обновленчестве. Еще большие подозрения вызвало участие в этих переговорах вернувшегося весной 1926 года из ссылки епископа Алексия (Симанского). Поначалу он был принят и даже служил в кафедральном соборе Воскресения на крови, но вскоре духовенство стало разбираться. Первым определенно и категорически высказался против епископа Алексия протоиерей Михаил Чельцов, по его словам, «не имея сил и права признать его за его величайшую вину против Церкви и митр. Вениамина и за его громаднейшую услугу обновлению». Эта "услуга", о которой протоиерей Михаил подробно повествует в своих воспоминаниях, заключалась в снятии запрещения с одного из главных обновленческих деятелей протоиерея Александра Введенского, наложенного на него митрополитом Вениамином в 1922 году, что весьма способствовало дальнейшему распространению обновленчества¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Введенский всячески добивался снятия этого запрещения. Митрополит Вениамин оставался непреклонным, не убоаясь смерти и запрещения не снимал. Тогда Введенский при помощи ленинградских чекистов стал требовать этого от викариев. Все они тоже, не убоавшись угроз, не соглашались. Неожиданно для всех снял это запрещение епископ Алексий (Симанский). Как пишет протоиерей Михаил: «Было поражено и возмущено этим поступком и все питерское духовенство (я в это время уже сидел в тюрьме), и отношение у него к Алексию из безразличного перешло во враждебное. Духовенство хорошо сознавало, что запрещенный в священнослужении Введенский — бессильный человек в рясе, а так как обновление было почти исключительно его одного дело, то с ним, запрещенным, оно не пошло бы вперед и заблекло; он же, свободный от запрещения, естественно, должен был творить обновление и развивать его как свое детище. Таким образом, в конечном выводе оказывалось, что епископ Алексий, снявший запрещение с Введенского, послужил делу обновления в значительной степени — послужил как самый ревностный сторонник его. Поэтому вина за обновление на

В дальнейшем Алексей признавал обновленческое ВЦУ, затем каялся в этом на каком-то собрании духовенства. Потом он был выслан из Ленинграда на три года в Среднюю Азию. По возвращении из ссылки весной 1926 года вместе с вернувшимся тогда же из ссылки викарным архиереем, епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), Алексей поспешил в Москву к митрополиту Сергию и получил назначение управляющим Петроградской епархией. Однако, кроме небольшой группы "примиренческих" священнослужителей, петроградское духовенство его не стало принимать.

Так и владыка Иосиф, побывав в Петрограде в начале весны 1926 года, писал протоиерею Александру Советову: «По поводу преосвященного Алексея. Служил в воскресенье в соборе Воскресения на крови. Слышал, что многие из духовенства встретили его появление и служение с большим ропотом, осуждая его за разрешение Введенскому и Красницкому. Говорили ему в глаза резкие вещи, на что и он вспылал порядком»¹⁶¹.

Духовенство стало добиваться от митрополита Сергия назначения правящего авторитетного архиерея из

Алексию лежит очень великая и ничем не могущая быть оправданной или извиненной.

Впоследствии Алексей оправдывал себя тем, что этот антиканонический поступок допустил только в желании облегчить участь Вениамина: ему-де было обещано это за снятие запрещения Введенскому. Алексею нельзя отказать в уме, и он не мог не досообразить, что Введенский запрещенный весьма нуждался в Вениамине и не мог бы допустить его казни, дабы не оставить себя навсегда под запрещением. Введенский, свободный от запрещения, совершенно не нуждался в Вениамине, и последнему требовалось отплатить за запрещение, стерев его с лица земли. Таким образом, Алексей этим своим актом, конечно, бессознательно подвел под расстрел митр<ополита> Вениамина. Снял запрещение с Введенского только потому, что испугался угроз и тюрьмы, чем поплатились чуть ли не на другой день после этого снятия активные противники его — епископы Венедикт и Иннокентий» (Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 441–442).

¹⁶¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 242.

старейших. Однако найти такого архиерея было нелегко, поскольку многие из старейших отказывались, боясь высылки и прочих скорбей и неприятностей, связанных с высоким, но в тех условиях очень опасным и беспокойным положением архиерея на Петроградской митрополичьей кафедре. Митрополит Сергей позволил петроградским священнослужителям самим подыскать себе епископа и упросить его; в результате поездок и переговоров в конце концов удалось уговорить владыку Иосифа.

По свидетельству ключаря кафедрального собора Воскресения, протоиерея Никифора Стрельникова, во многом здесь была заслуга настоятеля собора, протоиерея Василия Верюжского. В начале 1926 года протоиерей Василий встречался с владыкой Иосифом в Питере на квартире Дмитрия Варганова и уговаривал владыку стать митрополитом. При этом протоиерей Василий уверял, что управление епархией митрополитом Иосифом сразу же *«положит конец намечавшемуся тогда среди духовенства Ленинграда сдвигу на прогрессивную платформу»*¹⁶². Летом 1926 года протоиерей Верюжский специально ездил в Нижний Новгород к митрополиту Сергию и просил назначить на Петроградскую кафедру владыку Иосифа. Посольство это увенчалось успехом, и 11 сентября 1926 года Петроградская епархия встречала нового митрополита. Хотя владыка Иосиф был известен в Питере немногим:

«Но назначение его было встречено с большой, даже восторженною радостью. Ну, думалось, наконец-то мы опять с настоящим архиереем, наконец-то прекратятся архиерейская рознь и скачки на первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях. Так мы думали и наивно думали, мы забывали ужасного нашего врага: советскую власть, которая не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии, да и мы при нашей наивности допустили грандиознейшую нетактичность. Нетактичность

¹⁶² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 178–179.

эта состояла в устройении грандиознейшего торжества в день Александра Невского, 30 августа¹⁶³.

Собор Александро-Невской Лавры дотоле находился в ведении обновленцев и к концу августа (по ст<арому> ст<илию>) был снова передан нам. Уже это одно событие давало большое торжество. К нему присоединился и престольный праздник лавры, торжество усугублялось. На этом и следовало бы покончить. Но русские люди — люди большого размаха, широкой натуры. Не удержались и здесь. Приурочили к этим двум торжествам еще третье, и гораздо большее: встречу и первое служение вновь прибывающего митрополита. Это одно событие — давно желанный, но давно и не виданный митрополит, его белый клубок — само по себе способно было созвать в собор массы верующих. А когда оно соединилось с первыми двумя, то получилось торжество действительно величайшее».

«Духовенство за всенощной и литургией присутствовало почти все; народу-богомольцев было до чрезвычайности много, запружена была вся площадь перед собором. Кажется, весь православный Питер перебивал в эти службы всенощной и литургии в лавре. Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные.

Да и сам митрополит Иосиф внушал к себе, с первого же взгляда на него, симпатию и доверие. Высокий ростом, несколько сутуловатый, с седеющей длинной бородой, нависшими бровями, умными приятными глазами, совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было ничего вычурного: просто и молитвенно. Симпатия к нему развивалась от отзывов о нем людей, выдавших и говоривших с ним. Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его... И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает к порядку, дисциплинирует

¹⁶³ 12 сентября по новому стилю.

одним взглядом, — словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец»¹⁶⁴.

По воспоминаниям другого петроградского священника: «Новый митрополит — высокого роста, седой, в очках, вид серьезный, несколько необщительный, как будто суровый. Есть что-то общее во внешнем виде с покойным митрополитом Вениамином. Ходит несколько сутуловато. Ни с кем не разговаривает в алтаре. Даже через еп<ископа> Григория послал сказать "беседовавшему" в алтаре духовенству держать себя "покойнее". У епископа и духовенства — в их держании себя — сразу почувствовалось, что приехал "хозяин": все подтянулись. Голос у него — высокий, довольно нежный, приятный, дикция чистая. В общем, впечатление хорошее, приятное»¹⁶⁵.

За время пребывания в Петрограде владыка встретился с семьями своих младших братьев: Николая и Петра. Встреча проходила на квартире Николая Семеновича, причем владыку сопровождал один из его прислужников. О встрече митрополита Иосифа с братьями автору рассказала Нина Николаевна Барботько, дочь Николая Семеновича¹⁶⁶. По свидетельству родственников владыки Иосифа, он очень торопился выехать в Ростов Великий, надеясь по возвращении принять братьев у себя. Но этой встрече не суждено было сбыться.

На следующий день, 13 сентября 1926 года митрополит Иосиф действительно выехал из Ленингра-

¹⁶⁴ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 448–449.

¹⁶⁵ Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. 1993. № 4. С. 47.

¹⁶⁶ Николай Семенович был прихожанином кафедрального храма Воскресения на крови и запечатлен на известной фотографии у входа в храм вместе с иосифлянским духовенством. Скончался в 1963 году в Устюжне, в родном доме по улице Красных Зорь, куда семейство Н. С. Петровых переехало из Ленинграда в 1941 году. Нина Николаевна скончалась в 2000 году.

да, однако не в Ростов. Как он показал на допросе в 1930 году: «Я, отслужив одну службу в Александро-Невской лавре, поехал в Новгород за вещами, откуда должен был выехать в Москву в ГПУ. В Москве в ГПУ мне во въезде в Ленинград было отказано и предложено было выехать в Ростов Ярославской губернии»¹⁶⁷. Очевидно, что власти испугались того воодушевления, которое охватило церковный народ, и решили, что Иосифа трудно будет держать под контролем.

Митрополит Иосиф назначил временным управляющим епархией епископа Гавриила (Воеводина), который до того не служил и жил на положении частного лица у родных. Тем временем в епархии все более обострялись отношения между "примиренческим" или "либеральным" духовенством во главе с протоиереем Николаем Чуковым и консервативным, презрительно называемым "либералами" — "правым". Либеральное духовенство старалось вернуть в Петроградскую епархию назначенного в Новгород архиепископа Алексия (Симанского), "правые" этому активно противились.

От митрополита Иосифа "либералы" попытались добиться признания достигнутого компромисса с властями и потребовали от него: «1) чтобы он заявил в Административный отдел о солидарности с нашей запиской (о епархиальном собрании)¹⁶⁸; 2) чтобы выбирал новых vikариев без "прошлого" в деятельности, приемлемых для власти; 3) чтобы старался оставаться нейтральным среди группировок духовенства; 4) чтобы оставил Преосвященного Алексия vikарием здесь и 5) (ме-

¹⁶⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь». Т. 11. Л. 304.

¹⁶⁸ Проект епархиального собрания, составленный в процессе переговоров с властями и имевший своей целью получение легализации епархиального управления.

лочь) чтобы приказал поминать себя "Ленинградским", что, по-видимому, "правые" избегают»¹⁶⁹.

В это время переведенный в Новгород архиепископ Алексей (Симанский) оставался в Петрограде и стал мало-помалу служить в церквях. Другие викарные епископы — Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) и Гдовский Димитрий (Любимов) — противились этому служению. От митрополита Иосифа, как правящего архиерея, было получено письмо «с запрещением иноепархиальным архиереям совершать службы в епархии без разрешения заместителя митрополита, епископа Гавриила». Это письмо было получено через протоиерея Никифора Стрельникова. Он по поручению протоиерея Василия Верюжского ездил к митрополиту Иосифу в Ростов в октябре 1926 года за указаниями для архиепископа Гавриила.

Тем не менее Алексей продолжал служить, не обращая внимания на это распоряжение. А епископ Гавриил особенно на нем не настаивал. Духовенство стало волноваться. Стали распространяться слухи, что владыка Иосиф больше не вернется и что Алексей скоро снова будет назначен правящим с титулом митрополита. Духовенство стало требовать от архиереев исполнения распоряжения митрополита Иосифа, так как, несмотря на удаление от епархии, его считали правящим и имя его как правящего продолжало произноситься. И произношению его имени за богослужением, как писал протоиерей Михаил Чельцов, «все мы придавали большое значение, — значило оно, что у нас все-таки есть правящий епископ, а поэтому все поползновения друзей Алексея и К^о провести Алексея к нам в митрополиты должны будут оставаться в области лишь мечтаний: назначить на место не удаленного нельзя и удалить митр<ополита> Иосифа нельзя»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Антонов В. Указ. соч. С. 47.

¹⁷⁰ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 452.

Разделение петроградского духовенства на группировки и их противоборство было не простым конфликтом на почве личных симпатий и антипатий, а носило гораздо более принципиальный характер. Как позднее показал на следствии протоиерей Василий Верюжский: *«Алексия Симанского и Николая Ярушевича считали склонными к обновленчеству и чуть ли не агентами власти. Вот в этой боязни проникновения безбожной власти в Церковь, в особенности через Алексия Симанского, сделавшегося правящим епископом, и крылась причина борьбы, поднятой против него»*¹⁷¹.

¹⁷¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 260.

Заместитель Местоблюстителя и дело о выборах Патриарха

6 декабря 1926 года после ареста митрополита Сергия митрополит Иосиф возглавил Русскую Православную Церковь как заместитель Патриаршего Местоблюстителя согласно завещательному распоряжению митрополита Петра (Полянского). Находясь под угрозой ареста, митрополит Иосиф через день после вступления в управление, 8 декабря 1926 года издал завещательное распоряжение-послание о преемственности высшей церковной власти:

«Имея в виду неизбежное лишение возможности и мне исполнять ответственное поручение Патриаршего Местоблюстителя от 23 ноября (6 декабря) 1925 г <ода>, как последний из указанных им Заместителей его должности, на случай устранения моего и обоих моих предшественников, преемственно призываю к канонически неоспоримому продолжению наших полномочий Преосвященнейших: Корнилия, архиепископа Свердловского и Ирбитского, Фаддея, архиепископа Астраханского и Серафима, архиепископа Угличского, впредь до возвращения возможности кому-либо из нас покорно выполнять порученные нам непосредственно от самого Патриаршего Местоблюстителя полномочия»¹⁷².

¹⁷² Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 489.

Кроме того, митрополит Иосиф указал имена иерархов, которые в случае смерти Местоблюстителя митрополита Петра или «достаточно выясненной безнадёжности возвращения его к управлению церковными делами» могли бы стать местоблюстителями. Это названные в завещании Патриарха Тихона — митрополит Кирилл и митрополит Агафангел, а также названные в завещании митрополита Петра — митрополит Арсений (Стадницкий) и митрополит Сергей (Страгородский).

Таким образом, митрополит Иосиф при передаче высшей иерархической власти поступил по примеру Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Петра (Полянского), назначившего себе заместителей в случае ареста и местоблюстителей — в случае кончины. Более того, митрополит Иосиф пошел еще дальше, указав в своем распоряжении: «В том случае, когда будет исчерпан ряд поименованных Местоблюстителей, все права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вместе со званием такового, канонически должны быть усвоены наличному заместителю»¹⁷³.

Однако это "усвоение" прав Местоблюстителя его заместителем не имело канонических оснований. Как писал митрополит Кирилл Казанский, первый из названных в завещании Патриарха Тихона кандидатов на Местоблюстителя: *«После смерти Патриарха решение вопроса о дальнейшем устройении церковной жизни принадлежит только Собору Поместной Православной Церкви. Обязанность Местоблюстителя найти возможность довести Церковь до Собора и передать ему неизменным полученное от Патриарха преемственно устройство Церкви. Поэтому всякая попытка учреждать в Церкви что-либо сверх того порядка, какой был оставлен Патриархом, является нарушением церковного чина, и если бы на такое учреждение отва-*

¹⁷³ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 489.

жился Местоблюститель, то такое деяние было бы превышением власти»¹⁷⁴.

«Несущий обязанности Патриаршего Местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового Патриарха. При замедлении дела с выбором Патриарха Местоблюститель остается на своем посту до смерти или собственного добровольного от него отречения или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе заместителя с правом, тождественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям»¹⁷⁵. Странно, что митрополит Иосиф упустил из виду эти важные канонические основания при составлении своего распоряжения.

Как верно отметил церковный историк: «Распоряжение митрополита Иосифа оставляет впечатление, будто речь идет не о Церкви, но об армии, в которой любыми средствами должно сохраняться единоначалие, для чего устанавливается детально разработанная система передачи власти в случае выбывания или возвращения в строй определенных лиц, в строго определенном порядке старшинства. Митрополит Иосиф в этот период не отдает себе отчета в том, что, устанавливая новую систему преемственности высшего Церковного Управления, он (впрочем, вслед за митрополитом Петром) покушается на такое действие, которое не дерзал совершать даже сам Святейший Патриарх, строго и безупречно выполнявший соборное постановление, руководствуясь не только тактическими соображениями минуты, но, прежде всего, заботой об исполнении церковной правды»¹⁷⁶.

Понятно, что, назначая преемников, владыка Иосиф, так же как и митрополит Петр, стремился во что бы то

¹⁷⁴ «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» Богословский сборник. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 341.

¹⁷⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 699.

¹⁷⁶ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж: УМКА-Press, 1977. С. 115

ни стало сохранить централизованное управление, полагая, очевидно, как и многие пастыри в то время, что без этого Церковь не сможет устоять под натиском безбожия и обновленчества¹⁷⁷. Однако, как очень скоро показали дальнейшие события, именно в сохранении централизованного управления оказался один из главных соблазнов, потрясший Русскую Церковь.

Через день после опубликования завещательного распоряжения митрополит Иосиф был арестован. Арест был связан с так называемыми "тайными выборами патриарха", предпринятыми по инициативе близких к митрополиту Сергию архиереев, решившихся в условиях невозможности проведения Церковного Собора провести избрание патриарха путем тайного опроса и сбора подписей архиереев. История с этими выборами до конца остается неясной. Ряд исследователей считает, что эти выборы были инспирированы ОГПУ или по крайней мере прослежены им с самого начала¹⁷⁸. Осенью 1926 года епископ Павлин (Крошечкин), один из главных инициаторов этого дела, и еще ряд клириков, получив от митрополита Сергия обращение к архиереям по поводу предпринимаемых выборов, стали объезжать епископов и собирать их подписи под актом избрания предложенного кандидата в патриарха¹⁷⁹.

¹⁷⁷ В завещательном распоряжении митрополит Иосиф призывает архипастырей «*наблюдать в особенности строжайшее хранение чистоты веры от настойчивых покушений со стороны отверженного верующим народом "обновленчества" и тщательнейшее уклонение от всяких компромиссов и сепаративных соглашений с ними*» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 489).

¹⁷⁸ См.: Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь: Булат, 1996. С. 497.

¹⁷⁹ По некоторым сведениям, в предлагаемых бюллетенях были указаны три кандидата: митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Агафангел (Преображенский) или Патриарший Местоблюститель Петр (Полянский) и митрополит Сергей (Страгородский).

Большинство опрошенных архиереев высказались за кандидатуру митрополита Кирилла Казанского. «В ноябре 1926 года имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания Митрополита Кирилла Патриархом. Казалось, вопрос мог быть уже решен, но как раз в этот момент произошло событие, нарушившее все планы и предположения. Епископ Павлин был арестован в Москве, где он находился проездом. Вслед за его арестом посыпались другие. Был арестован ряд Епископов, чьи подписи стояли одними из первых под актом избрания М<итрополита> Кирилла — Архиепископ Корнилий, Епископ Григорий Козлов и др<угие>. Был арестован в ссылке, где он находился — в Зырянском крае и брошен в Вятскую тюрьму — М<итрополит> Кирилл и, наконец, в начале декабря 1926 года был арестован в Нижнем <Новгороде> и привезен затем в Москву во внутреннюю тюрьму ГПУ и Митрополит Сергей»¹⁸⁰.

Митрополит Иосиф был допрошен 10 декабря 1926 года. «Поначалу митрополит не назвал имени епископа Павлина, но, когда следователь напрямую спросил, звали ли приезжавшего епископа Павлином, митрополит Иосиф ответил утвердительно, показав далее: *"Павлин мне объяснил, что, желая положить конец неопределенному положению в Церкви, он собирает мнения о возможности избрания патриарха (или вообще главы Церкви).*

¹⁸⁰ «Обзор главных событий церковной жизни в России за время с 1925 года до наших дней» / Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с Патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 7. Как установлено, автором «Обзора» был Георгий Александрович Косткевич (1904–1973), духовный сын известного киевского священника Анатолия Жураковского, активный церковный деятель, помощник и тайный курьер православных архиереев на Украине.

Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла митрополита или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить собой соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г<ороде> Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Павлин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановлений Собора, и я сам считаю "Собор по переписке" — нелепостью. Знай я это, я ни в коем случае своего мнения не подавал бы по указанной причине. Сам я лично митрополита Кирилла не знаю, настроений его и отношения к Соввласти тоже не знаю. Но знаю, что ему доверяют церковные деятели. И мое мнение, и конверт, в котором было оно вложено, были скреплены печатью. Впрочем, не помню, была ли печать на конверте".

На том же допросе прозвучал и такой вопрос следователя: *"А Вам известно было, что митрополит Кирилл подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность?"* Митрополит Иосиф ответил: *"Мне было известно, что он страдал, а за что, я не знаю"*. После двух допросов 10 декабря 1926 года митрополит Иосиф был выслан в бывший Моденский Николаевский монастырь Новгородской епархии без права выезда»¹⁸¹.

«Перед Церковью все эти события конца 1926 года остаются загадочными и непонятными. Была ли тут грандиозная провокация, имевшая целью избавиться от определенной части почему-либо неудобных Еписко-

¹⁸¹ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 260–262.

пов, имело ли место трусливое предательство тех, кто первый попал в ГПУ в ноябре 1926 года, может быть, даже случайно, — все это разрешит когда-нибудь история»¹⁸². Но вскоре главные инициаторы акции — епископ Павлин и митрополит Сергей — были выпущены из тюрьмы.

¹⁸² «Обзор главных событий церковной жизни в России...» // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 7. Митрополит Кирилл узнал о выборах только в феврале 1927 года от начальника VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова и отрицательно отнесся к ним. Спустя два с половиной года митрополит Кирилл писал о них епископу Иоасафу (Удалову): *«Но митрополит Сергей опытный делец. Он сделал меня "центральной личностью" в совершенно неведомой мне затее об избрании меня в патриархи, а теперь хочет сделать центром каких-то неведомых, но граничащих, по Вашим словам, с уголовщиной, выступлений против него»*. Выписка из данного письма приведена в письме епископа Иоасафа епископу Дамаскину (Цедрику), находящемуся в следственном деле последнего (Архив УФСБ по Брянской области. Д. П-8979. Л. 2. Цит. по: Мазырин А. В. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 419).

Декларация митрополита Сергия

«Факт освобождения М^{<итрополита>} Сергия в тот момент, когда репрессии против Церкви по всей России возрастали, когда участие его в деле выбора М^{<итрополита>} Кирилла, за каковое целый ряд Епископов поехал в отдаленные ссылки — было несомненно — сразу же возбудил ряд опасений и тревог, которые усилились, когда 22/IV–27 был освобожден и Еп^{<ископ>} Павлин, и когда 18/V в Москве был неожиданно созван Синод»¹⁸³.

Митрополит Сергий собрал на совещание несколько архиереев, составивших вместе с ним Временный Патриарший Священный Синод, для принятия ходатайства о регистрации исполняющего должность Местоблюстителя и Временного при нем Синода. 20 мая из НКВД было получено на деятельность Синода разрешение, но временное¹⁸⁴. 25 мая состоялось заседание Синода, и в тот же день был разослан циркуляр по епархиям, в ко-

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 8.

¹⁸⁴ В справке, выданной митрополиту Сергию 20 мая 1927 года, значилось: «Заявление и<справляющего> д<олжность> "Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола", митрополита Нижегородского Сергия, гр<ажданина> Страгородского и список образовавшегося при нем временного, так называемого Патриаршего Священного Синода <...> в Административном Отделе ЦАУ НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его, не встречается» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 498).

тором архиереям рекомендовалось организовать при себе епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. При этом архиереям предоставлялось самим приглашать нужных им лиц в состав епархиальных советов. Многие архиереи это исполнили, надеясь получить регистрацию и легальный статус.

В Петроградской епархии заявление в Административный отдел было подано епископом Николаем (Ярушевичем), который весной 1927 года после ареста епископа Гавриила временно управлял епархией. Епископ Николай подал заявление в Административный отдел ОГПУ с просьбой зарегистрировать: 1) Епархиальное управление в составе: его самого как управляющего епархией, викарных епископов Серафима (Протопопова) и Димитрия (Любимова); 2) временный Совет в составе шести протоиереев: Василия Верюжского, Николая Чукова, Николая Виноградова, Сергия Боголюбова, Михаила Чельцова и Василия Яблонского при секретаре Алексии Западалове. Как ни странно, об этом факте протоиерей Михаил Чельцов не упоминает в своих подробнейших записках. Вполне вероятно, что епископ Николай мог не уведомлять ни протоиерея Михаила, ни других священнослужителей о своих действиях.

Включая в состав Епархиального совета священнослужителей из обеих группировок, владыка Николай, по-видимому, надеялся устранить разногласия и разделения в епархии. Однако власти с регистрацией не торопились. Как сообщали Тучкову ленинградские чекисты, регистрация намеренно задерживалась *«в целях выявления противника»*, ими были отведены кандидатуры Верюжского, Боголюбова и Западалова как *«махровых тихоновцев»* и *«сторонников митрополита Иосифа»*, — то есть неблагонадежных с точки зрения властей¹⁸⁵.

¹⁸⁵ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927 — 1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 365–366.

Таким же образом задерживались регистрации на местах повсюду. Местные органы власти тянули, ожидая согласования и разъяснения ОГПУ. Разъяснение поступило 31 октября 1927 года и оказалось предельно ясным: «отказывать в официальной регистрации», причем в тех местах, где епархиальные управления могут возникать, не регистрировать их, но «одновременно не должно препятствовать их функционированию». Очевидно, последнее делалось «в целях выявления противника», как в Ленинграде. Понятно, что власти не собирались легализовать своих главных противников — «тихоновцев». Лишь на определенное, нужное им время они кое-где допускали существование епархиальных советов, им послушных и беспрекословно исполняющих все их указания. Таким образом, начатая в мае 1927 года «кампания по легализации органов управления Русской Православной Церкви фактически вылилась в секретную работу ОГПУ по подбору и фильтрации состава этих церковных органов»¹⁸⁶.

Худшие подозрения, возникшие в отношении митрополита Сергия при его неожиданном освобождении в апреле 1927 года, подтвердились:

«Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время его тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими. В то время, как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство — митрополит Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епи-

¹⁸⁶ Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. 2008. № 4. С. 121.

скопов, призванных им в Синод, о капитуляции митрополита перед Советской властью не могло быть больше сомнений. В Синод вошли архиепископ Сильвестр — бывший обновленец, архиепископ Алексей Хутынский, бывший обновленец, назначенный на петроградскую кафедру от живой церкви после казни митрополита Вениамина, архиепископ Филипп — бывший беглопоповец, митрополит Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил.

Вслед за таким составом Синода начались такового же характера новые епископские хиротонии и назначения: Сергей Зенкевич, Владимир Горьковский и др <угие> бывшие обновленческие протоиереи были рукоположены во епископы; епископы Артемий Ильинский, Назарий, Андрей, Мельхиседек Паевский, Матфей Храмцов и др <угие> — тоже бывшие обновленцы, жившие на покое, были назначены на епархиальные кафедры. С другой стороны, начались увольнения на покой ссыльных епископов. В атмосфере все растущего недоверия вышла, наконец, в июле 1927 года и знаменитая декларация митрополита Сергея. Казалось, карты были открыты — митрополит Сергей капитулировал перед ГПУ, принял все условия "легализации" и ныне последовательно проводит их в жизнь»¹⁸⁷.

"Послание к пастырям и пастве", получившее в дальнейшем известность как декларация, было выпущено митрополитом Сергием и его Синодом 16 (29) июля 1927 года. Оно было разослано по всем епархиям и приходам и затем опубликовано в "Известиях ЦИК" от 19 августа 1927 года. Обращаясь к Всероссийской Церкви ("Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви"), митрополит Сергей сообщал об учреждении Временного Патриаршего Синода и получении разрешения на его деятельность. «Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не

¹⁸⁷ «Обзор главных событий церковной жизни...» // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.

только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление», — писал митрополит Сергей. Однако на самом деле легализации центрального управления еще не было, и Временный Синод лишь получил разрешение на существование "до формальной регистрации". «Ничего более существенного, чем приведенная выше справка из Административного отдела НКВД о том, что его заявление об образовании Синода "принято к сведению" и "препятствий к деятельности органа, впредь до утверждения его не встречается"», митрополит Сергей ("гр<ажданин> Страгородский"), судя по всему, так и не получил»¹⁸⁸.

Тем не менее митрополит писал об этом как о свершившемся факте и выражал надежду, «что легализация постепенно распространится и на низшее церковное управление», а именно епархиальное, уездное, и призывал вознести благодарственные молитвы ко Господу и выразить «всемирно нашу благодарность и

¹⁸⁸ «По советским законам (а именно по инструкции НКЮ и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г<ода>) Синод как центральная организация мог быть должным образом легализован лишь в качестве "исполнительного органа всероссийского съезда религиозного общества". Именно так был легализован обновленческий "Священный Синод". "Но у митрополита Сергия, — говорилось в одном из полемических документов 1928 г<ода> — так называемом "Каноническом исследовании деяний митрополита Сергия", — этих церковных съездов не было, и Сергиев Синод составлен им единолично, по-видимому, по соглашению с каким-нибудь органом советской власти, играющим в РСФСР роль бывшего обер-прокурора. Как можно думать, весь процесс регистрации Синода свелся к тому, что список членов Синода был предоставлен митрополитом Сергием в НКВД, а здесь он был присовокуплен к делу. Во всяком случае, у митрополита Сергия нет никакой официальной бумаги НКВД об утверждении Сергиевского Синода в качестве исполнительного органа староправославной Церкви. Таким образом, дефективный с точки зрения канонов Церкви, Сергиев Синод не имеет никакого юридического значения и по гражданским законам» (Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 году... С. 122).

Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения», а вместе с тем заверить правительство, что «мы не употребим во зло оказанного нам доверия». Митрополит осуждал действия зарубежных врагов, подчеркивая, что их действия мешают получению легализации и упорядочению церковной жизни, и потому считал обязательным «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13,5)»¹⁸⁹.

Упоминание варшавского убийства в декларации неслучайно. Несмотря на желание и неоднократные попытки как самого митрополита Сергия, так и его последователей истолковать ключевые слова декларации о "радостях" и "горестях" в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о варшавском убийстве как ударе, направленном в православных, не оставляет места никаким другим толкованиям, ясно показывая действи-

¹⁸⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 510–512.

тельный смысл этих "радостей" и "горестей". «И чтобы никто не думал, что это простая политическая лояльность, признание Советской власти постольку, поскольку как Божия попущения, а именно — полное духовное братание, тут же давался интересный перечень тех бедствий режима, которые Церковь, по Сергию, рассматривает и своими бедствиями или "ударами в нас", то есть в Церковь, как выражалась Декларация. В числе таких "ударов" обозначено "убийство из-за угла, подобное варшавскому".

До сей поры, кажется, никто не обратил должного внимания на этот своеобразный "пароль", секретные слова Сергия оголтелым антихристам. Под "варшавским убийством" имеется в виду убийство русским патриотом Борисом Ковердой большевистского дипломата Войкова (он же — Пинхус Лазаревич Вайнер) в 1927 году. Теперь не все знают, кто такой был Вайнер (Войков), а тогда, в 1927 году, все, в том числе и митрополит Сергей, прекрасно знали, что он один из самых главных организаторов убийства Царской Семьи... Так, прикровенно, косвенно, но достаточно определенно для понимающих Сергей давал понять, что Церковь едина с большевиками во всех их преступлениях, начиная с главного — с царубийства. Все управление Церковью, всеми Ее внутренними делами, то есть всей жизнью отдавалось сергианским церковным руководством в руки заведомых и беспощадных врагов Церкви. Но так, что воля этих врагов исполнялась как воля и решение церковной иерархии... Все это в обмен на "легальное существование" церковной власти в центре ("патриархия") и обещание разрешить церковную власть на местах (епархиальные управления)»¹⁹⁰.

Вот такой ценой была достигнута пресловутая легализация, а точнее, даже еще и не легализация, а лишь ее обещание. Не получив фактически ничего, церковное руководство со своей стороны пообещало слишком много

¹⁹⁰ *Лебедев Лев, протоиерей. Границы Церкви. Сентябрь 1996 // Православное Обозрение. СПб., 1998. № 2.*

и, увы, свои обещания в отличие от богоборческих властей вынуждено, вернее, принуждено было исполнять. Как справедливо отмечал в 1930 году очевидец событий: «Получая легализацию, Церковная организация вступала в известные договорные, конечно, несчастные, отношения с правительством, принимая на себя ряд обязательств. Права, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы тех, кои предусмотрены советским же законодательством, т^о е^{сть} фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые ею, были громадны. Она допускала, признавала право правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, т^о е^{сть} фактически вступала в такие отношения с правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви, с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением, и при отсутствии таковых для Церкви.

Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Советское государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, а поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству... Однако церковные деятели, соблазняясь легализацией, думали, что им удастся перехитрить советскую власть, что, приобретя права легальной организации, они сумеют парировать влияние советской власти на церковную жизнь, так что оно не даст своих разрушительных для Церкви последствий». «Митрополит Сергей, издавая Декларацию, может быть, полагал, что она ни к чему не обязывает его. Однако через год он вынужден был поминать в храмах власть, которая гонит веру, а через 2 года вынужден был в своих знаменитых интервью произнести величайшую клевету на Церковь, на себя самого, сорвав с Церкви Ее мученический венец, втоптал его в грязь у ног безбожия»¹⁹¹.

¹⁹¹ К вопросу о положении Православной Церкви в СССР // ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 139–140.

Все это сразу почувствовали чуткие православные души, увидев в декларации неприемлемое для православной совести подчинение Церкви безбожному государству. Последовали протесты. Некоторые пастыри отослали декларацию обратно автору, посчитав невозможным даже огласить ее текст своим пасомым. Не была принята декларация и в Петроградской епархии. Как писал протоиерей Михаил Чельцов:

«Вышедшее послание поразило громадное большинство верующих. Против трех основных мыслей его — о необходимости легализации церковного управления, о естественности для нашего заграничного духовенства отказаться от резких выступлений против советской власти и о желательности созыва Поместного Всероссийского Собора — возражать было нечего, это все принималось почти всеми. Но тон послания — какой-то угоднический и нецерковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства.

Виделось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчинила себя ему, теряя свою свободу. И за что же? Пока только за учреждение и легализацию митр<ополита> Сергия и при нем состоящего Синода. Но что это за Синод? Имена членов его никому из нас ничего доброго не предвещали: все это имена викариев или неизвестных епископов. А нахождение среди них имени Алексия, бывшего нашего викария, а теперь архиепископа Хутынского, настраивало громадное большинство из нас против Синода...

Не знаем, с каким препроводительным наказом было передано из Москвы нашему Николаю (Ярушевичу) послание, будто бы — как потом сам Николай говорил у нас на празднике в сентябре — на усмотрение настоятелей храмов: хотят — читают, не хотят — не читают. Хорош наказ! Настоятель — к ответу, а митр<ополит> Сергей — в стороне. Николай также молчаливо распространял по церквям это послание; он его без письма и без слов пересылал с благочинным: как хотят, так и поступают. Так, наш благочинный, придя на квартиру, увидел у себя на столе это послание — по

количеству церкви его округа, — принесенное и оставленное какой-то женщиной.

Благочинные приняли и разослали, — опять без всяких слов — на усмотрение и ответственность настоятелей. Надлежащий порядок вещей — настоятель руководствуется и наставляется от епископа, а здесь епископ — в стороне, лишь наблюдает, что сотворит настоятель и что потом с ним сотворят прихожане или власть.

Один из благочинных — о<тец> Сергей Тихомиров с Петроградской стороны послание отослал назад к Николаю и отказался от благочиния. Первым обнародователем этого послания явился о<тец> Николай Чуков. После всенощной он повел беседу на тему обстоятельств церковной жизни, вызвавших это послание, и, Боже мой, какой шум и гвалт поднялся в церкви! Громадное большинство было против чтения и по существу против послания. Досталось и бедному Чукову... С таким же раздражением приняли послание во Владимирском соборе.

Такой прием посланию, естественно, заставил многих из нас быть более осторожными в обнародовании его. Его или не стали совсем читать, или с большими выпусками, или передавали на рассказ своими словами. И это стали делать после распоряжения Николая о необходимости прочтения его по церквам. Такое распоряжение было вызвано инсинуациями со стороны обновленцев — и против митр<ополита> Сергия, выпустившего-де послание с целью замазать рот большевикам, и против питерского духовенства, в своем контрреволюционерстве доходящего-де до послушания своего митрополита.

Читали ли послание или не читали его где-либо, настроение против митр<ополита> Сергия и в значительной степени против нашего Николая у питерцев было резко отрицательное. Православие их, особенно первого, было взято под сильное подозрение, доверие к ним было подорвано. Духовенство наше, если и читало послание, все было против него. Викарии также не сочувствовали ему»¹⁹².

¹⁹² Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 456–457.

Политика митрополита Сергия и ее неприятие в Петроградской епархии

Какова была первая реакция митрополита Иосифа на июльскую декларацию, неизвестно. В своих показаниях после ареста в 1930 году он отмечал: *«Антисергианская организация началась с известной декларации митрополита Сергия, где он, высказав более или менее приемлемые для всякого честного советского гражданина мысли, в то же время допустил неприемлемые для церковного сознания действия, нашедшие свое выражение в целом ряде противоканонических мероприятий: переброска с места на место почти всех тогдашних архиереев, учреждение синода на неканонических началах, уничтожение вовсе некоторых епархий, произвольное слияние их, прекращение молитвы за привлеченное по гражданскому суду духовенство и тому подобное. Все это для Ленинградской епархии приняло особую остроту после того, как им без всякого законного канонического основания был смещен митрополит, на стороне которого было большинство духовенства и верующих мирян»*¹⁹³.

¹⁹³ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь». Т. 11. Л. 320.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на неприятие декларации многими архиереями и клириками, дальнейшее разделение и отход от митрополита Сергия вызвала не столько сама по себе декларация, сколько последующая, основанная на ней церковная политика. Первое время еще надеялись, что декларация останется только бумагой, что написана она, как в свое время покаянные заявления Патриарха Тихона в 1923 году, «не для нас, Церкви, а для них — властей». Старались не замечать ключевых слов или истолковывать их в ином смысле. Однако в самом скором времени действия митрополита Сергия убедили в их самом однозначном толковании и подтвердили изначальные опасения о «капитуляции митрополита перед ОГПУ». Митрополит повсеместно начал перемещать архиереев, при этом ясно осуществляя принцип Тучкова — ссыльные архиереи в большинстве увольнялись на покой, а возвращавшиеся из ссылок назначались на окраины, в центр же назначались новые, "благонадежные", изъявившие свою верность принципам декларации.

Так произошло и с Петроградской кафедрой, когда в сентябре 1927 года ее правящий митрополит Иосиф, которого власти не допускали в его епархию, был удален от своей паствы уже самой церковной властью в лице Синода митрополита Сергия. Как писал протоиерей Михаил Чельцов: «Послание (декларация митр<ополи-та> Сергия), как и все, что на бумаге, недолговечно, как ни сильно было смущение и волнение, произведенное им, мало-помалу начинало утихать и утихло бы совершенно, если бы не было подогрето и сильно приподнято другим, посланию сопутствующим, нашу епархию всецело касающимся обстоятельством: недопущением освобожденного нашего митрополита Иосифа на жительство и для управления в нашу епархию, а перемещением его в Одессу»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 457.

28 сентября 1927 года владыка Иосиф направил митрополиту Сергию письмо, где подробно изложил, почему не может признать правильным свое перемещение на Одесскую кафедру. «Вы сделали меня Ленинградским митрополитом, без малейшего домогательства с моей стороны. Не без смущения и тяготы принял я это опасное послушание, которое иные, может быть, разумно, а то и преступно, решительно от себя отклонили. Я как-то до сих пор более убежал от того, что мне приносило бы более радости, чем от того, что причиняло бы мне одни лишь скорби. Так случилось и теперь»¹⁹⁵. Далее владыка писал, что сразу же по приезде в Ленинград после назначения на кафедру он столкнулся с противниками своего назначения. К нему явились назвавшие себя приверженцами епископа Алексия и всякими страхами и запугиваниями пытались смутить его дух и сбить с толку. В разговоре они «даже имели наглость заявить», что он не избранник народа и потому должен разделить свой труд с их избранником, если не вовсе уступить ему место.

Владыка Иосиф соглашался, что ни в коем случае не является избранником этой немногочисленной компании и того народа, который только знает сеять смуту и добиваться своих эгоистических целей. Но он избранник того народа, который хочет мира Христова и утешения в молитве. «Такой именно народ — многие тысячи — избрали меня, когда принимали со слезами мое первое благословение и первое мое богослужение в Лавре 30 августа прошлого года», — подчеркивал митрополит Иосиф. Именно этот, подлинно церковный народ со слезами бурной радости приветствовал его появление и этими слезами как вернейшей печатью утвердил его из-

¹⁹⁵ Из письма митрополита Иосифа (Петровых) митрополиту Сергию (Страгородскому) по поводу перемещения его на Одесскую кафедру // Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года. С. 178.

брание, причем единогласно, без единого недовольного, весь за него.

Именно этот народ был против той злой интриги, которая готовится ныне торжествовать свою победу, по убеждению владыки, слабоволием и попустительством митрополита Сергия. «Уничтожив меня, Вы кровно обидите этим моих истинных и достойнейших избирателей, не говоря уже о кровной обиде мне в моем и без того нерадостном положении. Уничтожив меня, Вы даете мне право не верить более в то, что Вами руководит небесная благодать Божия, а не земное человекоугодничество и интриганство смутьянов». Похоже, митрополит Сергей и не скрывал перед владыкой Иосифом, что как раз этими земными мотивами и руководствовался при перемещении архиереев, хотя объяснял это тем, что «так хочет власть, протягивающая нам руку милости».

На что владыка Иосиф резонно замечал: «Но здесь пригодится мой девиз: "Милости проси, а правды требуй". Конечно, следует всемерно быть признательным власти за эту и за всякую другую милость. Но надо же знать и границы не пересаливаемого угождения власти, провозгласившей вместе с отделением Церкви от Государства и другой, столь благоразумный и желательный для нас принцип — совершенного невмешательства в наши чисто церковные дела. Вы говорите — так хочет власть, возвращающая свободу ссыльным архиереям под условием перемены ими прежнего места служения и жительства. Но какой же толк и польза от вызываемой этим чехарды и мешанины архиереев, по духу церковных канонov состоящих в нерасторжимом союзе с паствой?»

«Какой смысл, — продолжал далее владыка Иосиф, — одну ссылку менять на другую, притом более горчайшую, горчайшую до невыносимости, при которой происходит разрыв с паствой, с той самой паствой, которая в самые скорбные моменты всегда сохраняла связь со своими архиереями, гонимыми и страждущими». «Не лучше ли сказать: Бог с ней, такой фальшивой челове-

ческой милостью, являющейся просто издевательством над нашим человеческим достоинством... Пусть уж лучше будет так, как раньше было. Как-нибудь протянем до того времени, когда поймут наконец, что ссылками и напрасным терзанием неодолима вечная вселенская Истина...»

Митрополит Иосиф признавал, что он не свободен и не может сейчас непосредственно служить своей пастве, но отмечал, что в таком же положении находятся сейчас все сколько-нибудь твердые в вере люди и едва ли они будут свободны. Сознательные верующие это терпят и вместе со ссыльными архиереями несут крест, приобщающий их к Страдальцу Христу и сплывающий всех между собою и Христом в несокрушимую силу и сладость любви и взаимообщения. В новых назначениях владыка Иосиф допускал лишь один компромисс — он предлагал архиереям, поселяющимся на новых местах, давать временное управление местными епархиями, но с неперменным сохранением своего прежнего звания. «Этим не прервется столь дорогая каждому связь с родною своею паствою и дастся возможность везде чувствовать себя самим собой, а не бездушной, гуляющей пешкой, на которую можно нацепить какую угодно бляху и кидать кому куда вздумается — зрелище особенно плачевное, возмутительное, невыносимое в иерархах Церкви»¹⁹⁶.

Заметим, что перемещение архиереев в том виде, как оно осуществлялось Синодом митрополита Сергия, не было обычным административным деянием. Это была колоссальная "перетряска" всего наличного состава епископата, производимая по указанию ОГПУ, — таким образом осуществлялся план властей по развалу Церкви. Именно по этой причине вопрос перемещения архиереев приобрел особую остроту: то, что в былые времена воспринималось спокойно как обычное явление (хотя, строго

¹⁹⁶ Алчущие правды... С. 179–180.

говоря, и нарушающее каноны), теперь, в условиях все нарастающих гонений на Церковь, становилось одним из разрушительных инструментов в руках врагов Церкви.

Святитель Виктор (Островидов), как и митрополит Иосиф, на своем опыте столкнувшийся с разрушительными последствиями политики митрополита Сергия, в январе 1928 года писал: «При испытании 1923 года и позднее ясно обнаружилось, что оплотом Православной Церкви оказались исповедники Истины — епископы, связанные неразрывною благодатною связью и любовью с их паствами. И что же делают новые враги православия? Они перемещают таких епископов с их кафедр и их места занимают своими ставленниками, и это не единичные случаи, а совершается это в определенной системе по всей Русской Церкви. Вы можете себе представить, какой стон, плач и ужас покрыли Православную Церковь, когда в ней началось это рассеечение нерассекаемого!»¹⁹⁷

¹⁹⁷ "Дело митрополита Сергия" // Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929 // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 129. Разрушительные последствия политики митрополита Сергия сказались в самом скором времени. Автор упомянутого "Обзора церковной жизни в России 1928–1930 годов" отмечал: «То, что было еще поправимо, что казалось пустяками 3 года назад — теперь уже навсегда упущено и потеряно. Массовое перемещение епископов, увольнение самых лучших и стойких, назначение новых неиспытанных или испытанных в своей нестойкости, в своем предательстве, — казавшееся мелочью в 1927 г<оду>, теперь уже ставит Церковь перед фактом существования новой иерархии, едва ли достойной своего положения. Верующий народ в течение 10 лет (1917–1927), боровшийся за чистоту веры и Церковь, ясно сознававший, где правда, а где измена, где Церковь, а где отступничество, свято чтивший имена иерархов-исповедников и за верность одним этим именам шедший на мученичество — теперь потерял ясность ведения; границы правды и лжи, Церкви и отступников стерлись, имена исповедников забыты. На смену религиозному подъему и готовности к борьбе и стоянию за веру приходит апатия, равнодушие, инертность. Поправимо ли это? И если еще поправимо, то будет ли поправимо через год, через три?» (ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 15).

Не соглашаясь на разрыв со своей паствой и не признавая правильным состоявшееся без всякой его вины и без всякого его согласия и даже ведома перемещение на Одесскую епархию, митрополит Иосиф требует незамедлительно перенести свое дело из сомнительной (и не только для него) компетенции Сергиевского Синода на обсуждение усиленного Собора епископов, коему он только сочтет обязанным явить свое беспрекословное послушание.

Указ о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру имел дату 17 сентября, он сразу же был отправлен в Петроград. И 19 сентября епископ Николай (Ярушевич) за богослужением в церкви протоиерея Михаила Чельцова распорядился протоиереем при возношении имени Иосифа не добавлять местоимения "нашего", а потом сказал всем, что Иосиф переводится в Одессу, умолчав о подробностях перевода. Слухи о переводе митрополита Иосифа тогда встревожили Петроградскую епархию. 27 сентября Николай сделал распоряжение о прекращении поминать имя митрополита Иосифа, а вместо него возносить его, Николая, имя как правящего.

«Это логически неизбежное распоряжение вызвало еще более сильное, горячее волнение. Взволновались и духовные, и миряне. Прежде всего, стали обсуждать то, почему Иосифа не хотят пускать в Питер и кто не хочет? Сошлись на одном, казавшемся бесспорным утверждении, что Иосифа не пускает советская власть совместно с Сергием и его Синодом. Причина: общее желание ввести у нас обновление. Советской власти-де во что бы то ни стало хочется насадить у нас обновление. Сергей с Синодом, сами не без сочувствия этому делу, не могут противиться советской власти после их послания. Иосиф же — ярый враг обновления, противник идеи соединения с ним, поэтому надо его заменить лицом, подходящим для этого дела. Значит, его удалить, а на его место другого — кого же? Да все бывшего нашего Алексея»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 458.

Алексий в это время продолжал проживать в Питере и старался расширить круг своего влияния, служа в разных храмах. Его участием в Синоде митрополита Сергия питерцы объясняли удаление владыки Иосифа с Петроградской кафедры. Недовольство им переносилось и на митрополита Сергия и его Синод. Понятно, насколько оно усилилось, когда от самого митрополита Иосифа узнали, что он не принимает нового назначения. Посланцы от Петроградской епархии постоянно приезжали к владыке Иосифу: как раз в то время у него побывал и викарий, епископ Димитрий (Любимов), и митрополит ввел его в курс дела и познакомил с содержанием своего письма, отправленного к митрополиту Сергию¹⁹⁹.

«Когда стало известно, что их любимец и "страдалец" за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает протест против него, смущение народное достигло крайних пределов. Оно клочкотало в народных сердцах, и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждавших о происшедшем и открыто выражавших свой гнев против митр<ополита> Сергия»²⁰⁰.

Временно управляющий Ленинградской митрополией епископ Петергофский Николай отправил доклад митрополиту Сергию о нестроениях в епархии. 1 октября 1927 года митрополит Сергей назначил в Ростов, где проживал митрополит Иосиф, епископа Иннокентия (Летяева). Жители города неблагосклонно встретили нового архиерея, усмотрев в его назначении желание Синода поскорее удалить из Ростова митрополита

¹⁹⁹ Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 199.

²⁰⁰ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 200.

Иосифа. Несмотря на то, что владыка Иосиф убеждал епископа Иннокентия приступить к служению и не обращать внимания на неприятности, тот был убежден, что не сможет управлять паствой, пока митрополит Иосиф пребывает в Ростове и, по его мнению, вмешивается в епархиальное управление, расстраивая церковную жизнь в епархии. Об этом епископ Иннокентий написал специальный рапорт и 10 октября 1927 года отправил его митрополиту Сергию.

12 октября митрополит Сергей провел заседание Синода, на котором были заслушаны доклад епископа Николая, рапорт епископа Иннокентия и заявление митрополита Иосифа от 28 сентября. Синод принял постановление № 119, в котором было подтверждено прежнее решение о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру и предписано прекратить возношение его имени в Ленинградской епархии. 19 октября постановление Синода было направлено митрополиту Иосифу и епископу Иннокентию в Ростов и епископу Николаю в Ленинград. Митрополит Иосиф не подчинился этому постановлению и на телеграфный запрос митрополита Киевского Михаила (Ермакова), — «когда намерены прибыть на свою кафедру Одессу», — ответил: «Перемещение противоканоническое, недобросовестное, угождающее злой интриге, мною отвергнуто»²⁰¹.

30 октября владыка Иосиф направил второе письмо в адрес заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Прежде всего он отметил, что хотя почтовый штемпель на конверте был 21 сентября, Указ о перемещении на Одесскую кафедру он получил лишь 22 октября. Вопреки заверению митрополита Сергия до вызова митрополита Иосифа указ придержать, «чьей-то змеиной рукой отправился вход на другой день заверения и сыграл жалкую роль бунтаря, возбудившего паству против своего архипастыря, ничего не знавшего и не подозре-

²⁰¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 205.

вавшего о своей экзекуции». Митрополит Иосиф был возмущен этим деянием, ведь «простая корректность и обычай церковной практики требовали, чтобы архиеп-рей был поставлен в известность о своей катастрофе хоть на одну минуту ранее паствы и чтобы эта паства из уст самого пастыря могла узнать о перемене и была примирена с нею более или менее тактичным объясне-нием».

Понятно, почему паства возмутилась. «И я ли те-перь виноват, что эта паства встала на дыбы и дерзает сказать свое слово по поводу насильственно навязывае-мой ей перемены? — спрашивает владыка Иосиф. — Ведь это как раз то, чего я заранее опасался и о чем за-ранее предупреждал, прося сохранения моего положен-ия. И не слишком теперь требовать от меня принятия каких-либо мер к успокоению ленинградской паствы после того, как эта паства взбунтована самим Синодом с его искусными администраторами и дипломатами?»²⁰² Особенно негодовал митрополит Иосиф по поводу фра-зы указа: «Связь митрополита Иосифа с Ленинградом и епархией искусственная, ибо митр. Иосифа совсем не знают ни епархия, ни город, видевший его как митро-полита только один раз...»

«Это ложь, что не только в Ленинграде, но и редком другом городе "совсем не знают меня"! — писал он да-лее. — "Бых несмыслен, хваляся, вы меня понудесте" (2 Кор. 12, 11)! За этот один только раз я удостоился славной на всю Россию чести безвинного изгнания именно за то, что слишком пришелся по вкусу одним и поперек горла другим. За этот один только раз, страдая целый год, я видел столько преданнейшей любви и за-ботливости от своей паствы, в страданиях за которую,

²⁰² Письмо митрополита Иосифа (Петровых) Заместителю Патри-аршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) относительно указа о переводе на Одесскую кафедру // Алчущие правды... С. 232.

известно, только усугубляется и укрепляется по-настоящему любовь, раз завязавшееся, хотя бы и маленькое в начале сродство знаемых душ». Он также указал на неосновательность обвинений против него в новом указе и в отношении ростовской паствы, которая не хотела принимать епископа Иннокентия.

Что же касается предложения указа «не соблазняться легкой возможностью жить в Ростове», то эта "легкая" возможность приютиться в Ростове для владыки Иосифа являлась лишь единственной возможностью как-то выжить, и он в сердцах восклицал: «Не на тот же свет стучаться мне за углом для жительства!.. Меня соблазняет сейчас лишь одно — законное для всякого желание — не пропасть совсем от нужды и голода, из опасения чего я не могу жить даже в своем родном городе Устюжне у брата, имеющего семью и 5 рублей пенсии. В Ростове имею, по крайней мере, кое-какие остатки имущества, ликвидируя которые помаленьку смогу протянуть несколько, быть может, недолгих лет моей жизни! Ведь теперь, как известно, не полагается ни пенсий, ни каких-либо других обеспечений на старость. Можно ли вменить в вину самодельные соблазны — не дать себе умереть голодной смертью?»

Митрополит Иосиф решительно отверг предписание указа "в порядке церковной дисциплины" и послушания Высшей церковной власти вступить в управление Одесской епархией, указывая, что сама эта Высшая церковная власть находится в плачевно-рабском послушании совершенно чуждому церковному началу! «А если так, то я приберегаю этот драгоценный бисер (послушания) до другой обстановки, а требующим от меня неуместного послушания дерзновенно говорю: "Ничуть не больно мне, что Вы толкаете меня в пропасть, на краю которой Вы сами меня поставили. Но вот, что действительно больно и ужасно, что Вы толкаете в пропасть поставленную Вами на краю ее многострадальную

Христову Церковь! Идите-ка Вы лучше in corpore со своим Синодом опять в Бутырки. Легче и полезнее видеть Св. Церковь гонимую вновь от власти, не скрывающей от нас своей безбожности и враждебности, нежели видеть ее гонимую нашими же руками на удовольствие довольных, что дело их рук и безумных желаний делается нами самими, обращая народные упреки и нелюбезный суд истории вместо их голов на наши, не ведающие что творят"»²⁰³.

Очевидно, никакого ответа на это письмо владыка Иосиф от митрополита Сергия не получил. Вероятно, митрополит Сергей послал кого-то из членов Синода в Ростов для беседы с митрополитом Иосифом; и владыка Иосиф якобы заверил Синод, что молча отойдет в сторону от церковной жизни, что ни на какой раскол не пойдет и даже подчинится незаконной над ним расправе — вплоть до запрещения и отлучения. Митрополит Иосиф писал об этом в письмах братии Александроневской Лавры и архимандриту Льву (Егорову)²⁰⁴; а на допросах в 1930 году подтвердил, что хотя и признал свое перемещение незаконным и потребовал, чтобы дело его было передано на суд епископов, он при этом отбыл в Ростов Ярославский и жил там, *«служба в Яковлевском монастыре и не проявляя близкого участия в церковных делах»*²⁰⁵.

Однако дальнейший ход событий не позволил митрополиту Иосифу отойти от церковных дел. Активно выступившие против церковной политики митрополита Сергия петроградские клирики и миряне обратились к нему за поддержкой и духовным руководством. И верный своему архипастырскому долгу владыка Иосиф не мог оставить свою паству и молча

²⁰³ Алчущие правды... С. 233–234.

²⁰⁴ См. в Приложении.

²⁰⁵ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 332.

наблюдать за разрушением Церкви самими же ее архиереями.

21 октября 1927 года митрополит Сергей издал указ о поминовении за богослужением советских властей и отменил поминовение всех епархиальных архиереев, находящихся в заключении: тюрьмах, лагерях, ссылках. Это вызвало еще большую волну возмущения среди духовенства и прихожан по всей России и, конечно же, в Петроградской епархии. Там возмущение еще более увеличилось, когда 25 октября епископ Петергофский Николай (Ярушевич) в кафедральном соборе Воскресения Христова официально объявил о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Выступление епископа Николая «произвело на слушателей тяжелое впечатление, и у одних вызвало слезы, у других споры, а у третьих внутреннее негодование»²⁰⁶. Против активно и определенно выступили известные и уважаемые протоиереи Иоанн Никитин и Василий Вержужский.

После всенощной в Троицком Измайловском соборе протоиерей Иоанн Никитин произнес "зажигательно митинговую" речь. С большим внутренним волнением он говорил о походе обновленцев на Церковь, действующих на митрополита Сергея, о несомненных правах владыки Иосифа на Питерскую кафедру, о недостойном поведении пастырей, поминающих епископа Николая. Речь его произвела сильное возбуждение, «в соборе слышится шум и крик против Николая и Сергея, требуют возвращения Иосифа, небольшие кучки отстаивают первых и начинают обвинять о<тца> Никитина за производимый беспорядок в храме, дело доходит до перебранок, шум и крик не умолкают и на улице»²⁰⁷. По донесению настоятеля собора через два дня протоиерей Никитин был запрещен в священно-

²⁰⁶ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 208.

²⁰⁷ Чельцов Михаил, протоиер. Указ. соч. С. 462–463.

служении, но пока на месяц. Он предвидел это и спокойно принял его. Правда, волнение им было создано сильное и оно перекинулось по многим приходам: заговорили громко и требовательно о возвращении владыки Иосифа, о недоверии многих епископу Николаю, о поездке депутации к митрополиту Сергию для надлежащего осведомления его о происходящем в епархии и необходимости возвращения митрополита Иосифа.

Протоиерей Василий Верюжский действовал по-другому. Он отказался поминать у себя в соборе епископа Николая и продолжал поминать митрополита Иосифа. Кафедральный собор, — и в нем не поминается правящий епископ, — из ряда вон выходящее положение. Николай требовал, протоиерей Василий отказывался и под разными предложениями уклонялся от служения, когда в соборе служил епископ. В эти дни раздора Михаил Чельцов не раз виделся и беседовал наедине с отцом Василием, убеждая его при всей несправедливости удаления митрополита Иосифа все же подчиниться этому решению Синода митрополита Сергия как Высшей церковной власти. В противном случае упорное непризнание решения этой власти, по мнению протоиерея Михаила, неизбежно привело бы к отказу от митрополита Сергия как законного главы и, следовательно, к расколу. Однако при всей убедительности своих доводов протоиерей Михаил ничего не мог возразить на последний довод отца Василия: именно он, Василий, год назад был одним из тех, кто уговорил владыку Иосифа покинуть спокойное, безмятежное епископство в Ростове и принять в управление Ленинградскую епархию. Протоиерей Василий, считая себя виновником теперешнего тяжелого положения митрополита Иосифа, не мог оставить владыку без поддержки в трудные для него дни.

Позднее протоиерей Михаил отмечал в своих записках: «Всю нравственную мощь этого утверждения я

вполне признал и отдал всю справедливость заслуге о<тца> Василия в отстаивании Иосифа в качестве Ленинградского митрополита. Такая же беседа велась мною и с еп<ископом> Димитрием в самом начале сентября, но с ним много пришлось говорить и по поводу послания митр<ополиита> Сергия. Теперь же о послании Сергия речи у нас с о<тцом> Верюжским совсем не было, о нем как будто забывали, во всяком случае, жгучий интерес к нему остывал; митр<ополиит> Иосиф теперь стоял в центре. И, быть может, о послании забыли бы, если бы митр<ополиит> Сергий не подал повод о нем заговорить, и заговорить с большими последствиями».

В конце ноября 1927 года митрополит Сергий, полагаясь на свой авторитет, известил о своем желании взять на себя управление Ленинградской епархией. До декларации авторитет его действительно у петроградцев стоял высоко, и, по свидетельству протоиерея Михаила Чельцова, «имя его произносилось с почтительностью и уважением, он был чист от всяких подозрений». Теперь же былого авторитета у митрополита Сергия не было, но все же его приезда к Александрову дню (память св. благоверного князя Александра Невского, 23 ноября по старому стилю) ждали с большими надеждами. Когда же власти его из Москвы не выпустили и он не приехал, авторитет его совершенно пал в глазах большинства: «Какое же ждать улучшение в церковных делах и успокоение в общецерковной и епархиальной смуте, коли он по рукам и ногам связан советской властью, коли она его держит как пленника или заложника?! И пошли о митрополите Сергии большие разговоры. Вот тут, копаясь повсюду и во всем, вспомнили о почти что забытом послании июльском его. Его стали читать и растолковывать, находить всякие отступления от чистоты православия, угодничество перед советской властью, скрытую дверь в обновление». «В связи с этим старались многие все дальше и дальше отойти от митрополита Сергия и все

более резко и требовательно говорить о возвращении митрополита Иосифа»²⁰⁸.

Церковная атмосфера все более накалялась. На защиту митрополита Иосифа встали его викарии: епископы Димитрий Гдовский, Серафим Колпинский, Сергей Нарвский, Григорий Шлиссельбургский и ряд клириков, отказавшихся почитать епископа Николая. Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях отказались выдавать денежные средства на содержание Епархиального управления, перестали приглашать на богослужения епископа Николая как сторонника сергиевской политики, многие перестали посещать те храмы, где возносилось имя митрополита Сергия за богослужением. Волна недовольства все увеличивалась. «Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр<ополита> Сергия. Они не согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель патриаршего местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви. До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр<ополита> Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их мнению, отрицательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался»²⁰⁹.

Группа духовенства и мирян, желая предотвратить неминуемо надвигавшееся разделение, решила предупредить митрополита Сергия и, если возможно, убедить его изменить намеченный курс церковной политики. Протоиерей Василий Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митропо-

²⁰⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 468.

²⁰⁹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 210.

литу Сергию²¹⁰, в котором привел основные пункты, являвшиеся причиной разделения, и просил его для установления мира в епархии немедленно предпринять следующие меры:

«1) Отказаться от намеченного курса порабощения Церкви государством;

2) Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов;

3) Поставить временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его утверждении в смысле совещательного органа, чтобы распоряжения исходили только от имени заместителя Местоблюстителя;

4) Удалить из состава Синода пререкаемых лиц;

5) При организации епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата;

6) Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых);

7) Отменить возношение имени заместителя Патриаршего Местоблюстителя;

8) Отменить распоряжение об исключении из богослужения молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть»²¹¹.

²¹⁰ По показаниям на допросе протоиерея Никифора Стрельникова, настоятель Василий специально встречался с митрополитом Сергием: «В декабре 1927 года я слышал от него <протоиерея Василия Верюжского>, что он сначала сам единолично ездил в Москву к митрополиту Сергию, пробовал склонить его отступить от принятого церковного курса» (Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 171).

²¹¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 210–211.

Горячий декабрь 1927 года — напрасные увещевания и отход от митрополита Сергия

В ноябре — декабре 1927 года общецерковная и епархиальная ситуации обсуждались на собраниях духовенства и мирян в Питере. Одним из важнейших стало собрание на квартире протоиерея Феодора Андреева 7 декабря 1927 года. На этом собрании кроме хозяина и его московского гостя, Михаила Александровича Новоселова, присутствовали епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Василий Верюжский и настоятель Киево-Печерской Лавры архимандрит Гермоген (Голубев). Обсуждалась декларация митрополита Сергия и был поставлен вопрос об отходе от него. Протоиерей Василий Верюжский заявил тогда, что, по мнению митрополита Иосифа, отходить *«по-видимому еще рано»*, и он присоединяется к нему²¹². После долгих обсуждений решено было направить митрополиту Сергию обращение клириков епархии; составление его было поручено протоиерею Феодору Андрееву и М. А. Новоселову.

Через несколько дней составленное обращение было заслушано на собрании духовенства в квартире

²¹² Здесь и далее: Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 262.

епископа Димитрия (Любимова). Протоиерея Василия Верюжского, по его словам, тогда удивило, что *«это не было просто обращение, а уже заявление о формальном отходе, чего не имелось в виду на предшествовавшем совещании»*. Это обращение духовенства и мирян от 26–28 ноября (9–11 декабря) 1927 года действительно носило ультимативный характер. Авторы этого документа, протоиерей Феодор Андреев, М. А. Новоселов и их единомышленники, призывали митрополита Сергия исправить все неканонические деяния с отказом от июльской декларации, как основания этих деяний и источника всех нынешних бед Церкви, а в случае неисполнения их требований заявляли о своей готовности прекратить с ним каноническое общение.

Это обращение предполагалось вручить митрополиту Сергию на встрече с Петроградской делегацией, которая отправлялась в Москву. В состав делегации вошли: епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Викторин Добронравов, Иван Михайлович Андреевский и Сергей Алексеев. Делегация была принята заместителем Патриаршего Местоблюстителя 12 декабря 1927 года. Кроме упомянутого обращения ему были вручены еще два письма-обращения: от епископов-викариев Ленинградской епархии²¹³ и от имени мирян, ученых Академии наук и профессуры ленинградских институтов²¹⁴, а также еще несколько писем от отдельных лиц. Митрополит все читал внимательно, медленно, часто делал свои замечания. Члены делегации в свою очередь делали свои замечания, он возражал, эту беседу потом подробно записал один из ее участни-

²¹³ Подписано архиепископом Гавриилом (Воеводиным), епископами Димитрием (Любимовым), Сергием (Дружининым), Григорием (Лебедевым), Стефаном (Бехом) и Серафимом (Протопоповым).

²¹⁴ Составлено профессором С. С. Абрамовичем-Барановским.

ков²¹⁵. Беседа была продолжительная, но, увы, неутешительная для петроградцев. Митрополит Сергей нисколько не сомневался в правильности своей политики, которую он решительно отстаивал и которой, по его словам, «он спасал Церковь».

Через день после беседы, 14 декабря 1927 года, митрополит передал одному из членов делегации (очевидно, И. М. Андреевскому) ответ на письмо протоиерея Верюжского:

«1) Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно.

2) Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением, в значительной мере, тому обстоятельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согласен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного <...>.

3) Синод стоит на своем месте, как орган управляющий. Таким образом он был и при Патриархе.

4) О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы.

6) Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым отцы протодьяконы, в угоду известным на-

²¹⁵ Полная запись этой беседы приведена во второй книге нашей серии: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. М.: Братонез, 2008.

строениям, иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично, и потому подлежит правилам всяких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжение о поминовении) только потому, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем»²¹⁶.

Передавая эти ответы (шесть из восьми, о возношении своего имени и возврате Иосифа — подумает), митрополит Сергей, по свидетельству И. М. Андреевского: *«В тех же выражениях, перескакивая с темы на тему, убеждал меня согласиться с ним:*

"Ну, нас гонят, а мы отступаем, — говорил он, почти прыгая по комнате, — но зато мы сохраняем единство Церкви".

Ясно, что сговориться невозможно.

"Да вразумит Вас Господь Бог, Владыко", — сказал я и, поклонившись, вышел»²¹⁷.

После возвращения делегации в Петроград сразу было созвано совещание духовенства и мирян. С общего согласия решено было неотложно и официально объявить митрополиту Сергию о своем отходе от него. Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения представителю Московской патриархии.

Когда все уже было подготовлено, епископ Димитрий пригласил к себе на квартиру епископов Сергия (Дружинина) и Серафима (Протопопова), двух про-

²¹⁶ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 218–219.

²¹⁷ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 165 об.

тоиереев: Василия Верюжского и Феодора Андреева — своих единомышленников и епископа Петергофского Николая (Ярушевича), заместителя временного управляющего Ленинградской епархией митрополита Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Дмитрий и Сергей — заявили Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием, заместителем Патриаршего Местоблюстителя, и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа,

Сие есть свидетельство совести наша (2 Кор. 1,12), непозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, Митрополитом Нижегородским, и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним.

Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение ("и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия" — из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр<ополита> Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя Апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего за-

конного Епархиального Митрополита²¹⁸, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда "совершенного собора местности", т<o> е<сть> с участием всех православных епископов или до открытого и полного покаяния пред Святой Церковью самого Митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет "да не преступаются правила отец"... и да не утратим помалу непрямо тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков (Из 8-го правила III Вселенского Собора). Аминь.

Подписи:

Епископ Сергей

Епископ Димитрий

Декабря 13/26 дня 1927 г<ода>»²¹⁹.

Митрополит Иосиф не принимал участия в этой инициативе викариев своей епархии. Как уже упоминалось, сначала он не думал об активном противодействии творимому беззаконию. И еще в конце декабря 1927 года в ответ на письмо иноков Александро-Невской Лавры писал, что «восторжествовавшей попущением Божиим силе зла противиться лишен силы»²²⁰. Однако, узнав о событиях в Ленинграде, митрополит Иосиф обратился к епископу Димитрию Гдовскому с письмом:

²¹⁸ Выделенной фразы нет в тексте "Отложения" в сборнике "Дело митрополита Сергия" (ГА РФ. Ф. Р-5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 212). И в зарубежной публикации документов в кн.: Луч света. В защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия / Сост. архим. Пантелеймон. Ч. 2. Джорданвилль, 1970. С. 3.

²¹⁹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 228–229.

²²⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 541.

«Дорогой владыко!

Узнав от М. А. о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобрю Ваш шаг, присоединяюсь к Вам, но, конечно, помочь Вам, более существенно, лишен возможности. Время вспомнить и исполнить всем нам руководственное указание митр<ополита> Агафангела (пред отправлением в ссылку) и архиеп<ископа> Серафима Угличского на тот случай, когда мы будем лишены возможности правильно строить свое церковное дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все взоры и надежды наши к единственно законному Местоблюстителю Петру и будущий Поместный Собор всех наших Святителей, а не случайного подбора их отдельными лицами.

Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться всякие правители и Синоды и, если они бессильны сделать это, должны честно сами сойти со сцены и сказать открыто, что мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву и посмеяние *мракобесию безбожия*. Помогите Вам Господь. Да не уничтожится у нас вера в неложность обетования Господня быть до скончания века»²²¹.

Известно еще одно письмо митрополита Иосифа (у протопресвитера Михаила Польского оно опубликовано как «Резолюция митрополита Иосифа на докладе Петроградских викариев»):

«Для осуждения и обезврежения последних действий митроп<олита> Сергия, противных духу и благу Святой Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоря-

²²¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 225–226. Выделенное курсивом по тексту письма владыки Иосифа в кн.: *Польский Михаил, протопресвитер. Новые мученики Российские...* Ч. II. С. 5.

жения приемлет одна всетерпящая бумага, да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр<ополита> Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвященителя митр<ополита> Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верными Православных святителей. Да не поставит нам в вину тогда этот желанный Собор, единый наш правомощный Судия, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков.

25 дек<абря> 1927 г<ода> / 7 января 1928 г<ода>»²²².

Текст резолюции у Михаила Польского с небольшими разночтениями в сущности тот же, но имеет дату 23 декабря 1927 г<ода>. Как бы то ни было, владыка Иосиф был извещен уже о совершившемся отходе от митрополита Сергия, вероятно, в начале января 1928 года (по новому стилю). Таким образом, его благословение было получено уже постфактум; потому в оригинале заявления епископов Димитрия и Сергия об отходе от митрополита Сергия²²³ и нет фразы: «и имея

²²² Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 231–232.

²²³ В сборнике "Луч света" этот документ дан под заголовком "Отложение петроградцев 14–16 декабря 1927 года", и под ним стоит дата "14/27 декабря" и подпись только епископа Димитрия. В машинописном сборнике "Дело митрополита Сергия" кроме этого есть еще одна дата — "16/29 декабря" — и подпись "епископ Сергей Нарвский".

благословение нашего законного Епархиального Митрополита». Очевидно, ее внесли позднее при дальнейшей перепечатке и распространении этого документа; соответственно, и эта резолюция или письмо получены не ранее середины января 1928 года. Официальный же ответ от митрополита с его согласием возглавить отделившихся от митрополита Сергия викариев был получен не ранее февраля 1928 года.

30 декабря 1927 года митрополит Сергей на внеочередной сессии своего Временного Синода вынес постановление № 208 о запрещении в священнослужении епископов Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина); те же меры епископ Николай (Ярушевич) должен был применить к священникам, заявившим об отходе. В тот же день епископ Николай запретил в священнослужении протоиереев Василия Верюжского, Феодора Андреева и других священников. Никто не подчинился этим запрещением. По данным митрополита И. Снычева, поколебался лишь епископ Сергей (Дружинин), который якобы пообещал епископу Николаю «отмежеваться от раздорников». Однако полученное вскоре благословение митрополита Иосифа укрепило епископа Сергия, и он приступил к священнодействиям.

На следующий день митрополит Сергей обратился с посланием к Церкви. Он старался успокоить духовенство и паству, заявляя о благоприятных условиях, которые создала для Церкви лояльность, выраженная в июльской декларации. Он писал, что налицо начало упорядочения церковных дел, расстройство которых дошло до предела перед тем, как он, митрополит Сергей, принял церковное управление. Теперь вслед за открытием его Синода открываются постепенно епархиальные советы в целом ряде городов, пустующие кафедры замещаются, завязываются внешние связи с Православными Церквями за

границей²²⁴. Но для того, чтобы его дальнейшая созидательная деятельность имела успех, митрополиту Сергию нужно доверие, а его-то и пытаются, по его словам, подорвать кто злонамеренно, а кто и по недомыслию: «И вот нам, как временным управителям церковного корабля, хочется сказать вам: "Да не смущается сердце ваше". Будьте уверены, что мы действуем в ясном сознании всей ответственности нашей пред Богом и Церковью. Мы не забываем, что при всем нашем недостатке мы служим тем каноническим бесспорным звеном, которым наша русская православная иерархия в данный момент соединяется со Вселенской, чрез нее — с Апостолами, а чрез них — с Самим Основоположником Церкви Господом Иисусом Христом».

Следовательно, чтобы не утратить союза со Христом, заключал митрополит Сергей, христианин должен «не бежать куда-то в сторону от законного священноначалия, а, наоборот, крепче за него держаться и от него неустанно искать разъяснения по всем недоумениям, смущающим совесть. Вот почему каноны нашей Св. Церкви оправдывают разрыв со своим законным епископом или Патриархом только в одном случае: когда он уже осужден Собором или когда начнет проповедовать заведомую ересь, тоже осужденную Собором»²²⁵.

Эти аргументы постоянно повторялись в дальнейшей полемике (и повторяются до сих пор), являясь основополагающими для сторонников митрополита Сергия. На это отошедшие от митрополита Сергия тогда

²²⁴ По поводу епархиальных советов и их составов в разных городах, а митрополит Сергей первым из перечисленных назвал Ленинград, достаточно уже сказано выше. Также не нуждаются в комментариях и "замещения кафедр". Восстановление же "связей с заграницей" — отдельная тема. Здесь лишь можно отметить, что эта область была под еще более жестким контролем ОГПУ, и все внешние сношения патриархии всегда использовались только в политических интересах советской власти.

²²⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 549, 551.

же, еще в самом начале разделения дали достойный ответ в целом ряде писем, посланий, брошюр. Эти воистину исповеднические документы, искренние и глубокие, напоминающие по духу документы первохристианской эпохи, дошли до нашего времени²²⁶; в них прозвучал голос страждущей, гонимой, но сохранившей верность Христу Церкви Российской. Заметим, что написание, распространение и даже хранение таких документов расценивалось властями как одно из серьезнейших преступлений. Среди подобных документов можно привести письмо митрополита Иосифа архимандриту Александро-Невской Лавры Льву (Егорову):

«Дорогой Отче! До последнего времени я думал, что мой спор с митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в лучшую жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, "что ни на какой раскол я не пойду" и подчиняюсь незаконной расправе со мной — вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию. Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клоочет и пенится выше точки простого кипения. Мое маленькое "дело" вскоре же оказалось лишь малой крупницей столь чудовищного произвола, човекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию или слепоте всех других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, "спасают" Церковь, управляя ею, но дело выходит наоборот, они грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают

²²⁶ Небольшая часть из них опубликована в предыдущих книгах нашей серии. Особый интерес представляют труды протоиерея Феодора Андреева и М. А. Новоселова. См. в кн.: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. С. 315–378.

себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии грубого насилия и безобразно кощунственной политики».

Митрополит Иосиф далее отвечал на упреки в расколе, в отходе до соборного решения и суда — какой церковный суд и Собор возможен в настоящих условиях жизни? Владыка Иосиф, как и многие, полагал, что в будущем еще придет время, когда их рассудит настоящий суд:

«И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам, и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами ее считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь М<итрополиту> Сергию, а Вы, ему послушные, идете за ним в пропасть Церковного осуждения. Мы зовем Вас и укрепляем Ваши силы на борьбу за независимость Церкви только совсем не так, как Вы полагаете должным. Не соглашением с поработителями этой Церкви и убийцами ее святой независимости, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерия и лживых компромиссов предательства ее интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью».

«...Может быть, не спорю, Вас пока больше, чем нас. И пусть "за мной нет большой массы", как Вы говорите. Но я не сочту себя никогда раскольником, хотя бы и оставался и в единственном числе, как некогда один из св. исповедников. Дело вовсе не в количестве. Не забудьте ни на минуту этого: "Сын Божий, когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле?" И может быть, последние "бунтовщики" против предателей Церкви и пособников ее разорения будут не только не Епископы и не Протоиереи, а самые простые

смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие близкие Ему простые души».

В заключение митрополит Иосиф отвечал на главный аргумент защитников митрополита Сергия — что каноны позволяют отлагаться от епископа только за ересь, осужденную Собором:

«Деяния митрополита Сергия достаточно подводятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, Святой, Соборной и Апостольской.

А сверх того, каноны ведь многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви — ее свободу и достоинство. Что вреднее: еретик или убийца?

"Да не утратим помалу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков" (8 прав. III Вселенского Собора)²²⁷.

Это письмо в публикациях не имеет точной даты (указан лишь год — 1928). Очевидно, оно было написано не ранее февраля 1928 года, скорее всего после официального отхода владыки Иосифа от митрополита Сергия. До этого времени в Петрограде события стремительно развивались своим ходом без участия митрополита Иосифа.

²²⁷ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 3. Л. 174 об.-177; *Польский М., протопресв. Новые мученики Российские...* Ч. 2. С. 7–8. Полностью текст письма см. в Приложении.

Январь 1928 года

В течение января 1928 года церковная оппозиция митрополиту Сергию в Петроградской епархии, несмотря на его прещения и угрозы, набирала силу и число ее сторонников и сочувствующих неуклонно росло. Епископ Николай едва успевал писать рапорты митрополиту Сергию. Центром оппозиции стал кафедральный собор Воскресения Христова на Екатерининском канале (известный как храм Воскресения на крови, построенный на месте смертельного ранения Государя императора Александра II). В достоинство кафедрального этот храм был возведен Патриархом Тихоном в 1924 году за твердую исповедническую позицию и активную борьбу с обновленчеством его духовенства во главе с настоятелем храма, протоиереем Василием Верюжским. Как отмечали чекисты в материалах следственного дела, в период с 1925 по 1927 год собор Воскресения стал *«центром самого крайнего, реакционного направления среди тихоновской ориентации»*, а после опубликования декларации 1927 года и *«центром контрреволюционной организации иосифлян»*. Последнее название, однако, появилось чуть позже, вероятно, в первом следственном деле *«иосифлян»*, то есть не ранее 1929 года. В начале же 1928 года речь идет пока еще об *«оппозиции»* и *«сторонниках митрополита Иосифа»*.

Епископ Димитрий (Любимов) с 1 января 1928 года вместе с двумя священниками Василием Тулиным и Иоан-

ном Быстреевским перешел служить в собор Воскресения из своего Покровского храма в Коломне, откуда владыка вынужден был уйти после без малого тридцати лет служения, поскольку настоятель храма, заручившись поддержкой большинства "двадцатки", продолжал поминать митрополита Сергия. Перешли в собор Воскресения на крови и протоиереи Феодор Андреев и Иоанн Никитин, также вынужденные уйти из своих храмов. Они были приглашены настоятелем собора, протоиереем Василием Верюжским, на штатные должности. В качестве нештатных приписных протоиерей Василий принял протоиереев Сергия и Александра Тихомировых.

После отхода от митрополита Сергия протоиерею Василию сразу же пришлось выдержать борьбу за храм, так как часть "двадцатки" и духовенства не поддержали его. Из состава прежнего клира в храме остались только протоиерей Никифор Стрельников и диакон Иоанн Быстряков, четверых других священников ушли из храма. При поддержке епископа Димитрия, который ввел в "двадцатку" преобладающее число своих сторонников, 20 января 1928 года удалось зарегистрировать храм в районном административном отделе *«за группой, последовавшей за митрополитом Иосифом»*. 24 января в секретном донесении ленинградских чекистов в Москву сообщалось: *«Церковная оппозиция в Ленинграде растет, причем с ее стороны был допущен захват Тихоновского кафедрального собора в свои руки — церковь Воскресения на крови»*; *«Это торжество оппозиция отпраздновала торжественным богослужением при двух оппозиционных епископах и 9-ти священниках. После этого колебавшиеся церкви в Лесном, Полюстрове и на станции Володарская всецело примкнули к оппозиции»*²²⁸.

²²⁸ Цит. по: «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 371.

25 января 1928 года митрополит Сергий на внеочередной сессии своего Синода принял постановление № 17 об увольнении с кафедры епископа Димитрия (Любимова) и запрете его в священнослужении и предании каноническому суду; то же самое было принято в отношении епископа Сергия (Дружинина). От епископов Григория (Лебедева) и Серафима (Протопопова), не поминавших имя митрополита Сергия, потребовали незамедлительно ввести его поминовение и всенародно объявить об осуждении епископов Димитрия и Сергия²²⁹. А к митрополиту Иосифу (Петровых) в Ростов было решено в срочном порядке направить членов Синода: архиепископов Сильвестра (Братановского), Севастьяна (Вести) и Анатолия (Грисюка) — для выяснения его отношения к отделившимсявикариям. «В постановлениях Синода были указаны два вопроса:

1) С его ли ведома, согласия и благословения Преосвящ<енный> Гдовский Димитрий и б<ывший> Копорский Сергий распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с заместителем Патриаршего Местоблюстителя?

2) Признает ли он резолюцию от 25 декабря 1927 года на рапорте Ленинградских викариев (его письмо от 25 декабря/7 января)?

Вот эти два вопроса несомненно были поставлены митр<ополиту> Иосифу. Вполне возможно, что ему задавались и другие вопросы, но о них нам ничего не известно. Что ответил митр<ополит> Иосиф членам комиссии на поставленные ими вопросы, остается тайной. Но одно является непреложным: той цели, ради которой совершалась поездка в Ростов, комиссия не достигла. И даже больше того, она в какой-то степени ускорила в нем (митр<ополите> Иосифе) решимость порвать

²²⁹ Епископ Серафим подчинился этому требованию, а епископ Григорий подал прошение об увольнении на покой.

молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием»²³⁰.

Как явствует из Постановления митрополита Сергия от 29 марта (11 апреля) 1928 года, в Ростов к владыке Иосифу прибыли 2 февраля два архиепископа: Сильвестр (Братановский) и Анатолий (Грисюк). Их "братское увещание" не подействовало, и владыка Иосиф заявил, что «он решительно отходит и отмежевывается от митрополита Сергия, игнорирует его распоряжения»²³¹. Через несколько дней митрополит Иосиф вместе с группой архиереев Ярославской епархии официально подписал декларацию об отделении от митрополита Сергия. Об этом митрополит Иосиф дал подробные показания на следствии 1930 года:

«Мне известны следующие обстоятельства, сопровождающие отложение Ярославля от Сергия. Вызвав однажды меня в Ярославль, митрополит Агафангел сообщил мне, что деяния митрополита Сергия и его произвол в управлении вызывают серьезное против него возбуждение, что он (Агафангел) завален и телеграфными, и письменными просьбами и требованиями взять бразды правления в свои руки и избавить их, таким образом, от всякой зависимости от Сергия, который каждому, начавшему возражать, угрожал запрещениями и другими репрессиями. Далее митрополит Агафангел сообщил, что у него имеется также проект собственной декларации, в которой он предлагает выступить против Сергия, что эта декларация одобряется всеми Ярославскими архиереями, что я приглашаюсь присоединиться к ней, как проживающий в пределах Ярославской епархии и обязанный этим самым к единомыслию с местными иерархами, среди коих я нашел свое убежище в своем изгнании. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом этой декларации, митрополит Агафангел обещал мне прислать ее с нарочным сразу, как только ее подпишет

²³⁰ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 242–243.

²³¹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 607.

архиепископ Варлаам, который был в отлучке и к которому она была послана для подписи с нарочным.

Вернувшись в Ростов после этой беседы, я через несколько дней получил эту декларацию, уже подписанную тремя архиереями, и, найдя ее соответствующей требованию момента, также подписал ее. Затем подписал ее и Ростовский епископ Евгений. Всего было пять подписей — проживающих в епархии архиереев. Кем составлена эта декларация, с кем она обсуждалась у митрополита Агафангела, были ли у него какие собрания, я не знаю — в составлении ее я не принимал ни малейшего участия.

Прежде чем эта декларация получила широкую огласку, митрополит Агафангел и я были неожиданно вызваны в Ярославское ГПУ, где нас принял приехавший из Москвы товарищ Тучков (пославший также и за митрополитом Агафангелом).

Тучков задал Агафангелу вопрос, что такое затевается в Ярославле против Сергия, митрополит Агафангел сообщил сущность своей декларации и при этом спросил: как вы посмотрите на это выступление, не находите ли его контрреволюционным, долженствующим вызвать с вашей стороны какие-либо неприятности (репрессии) для нас, или нет. Товарищ Тучков заявил, что он этого не думает, и никакого вмешательства в ваши дела со стороны ГПУ не предполагается. Затем после некоторых разговоров о делах церковных оба мы были отпущены с миром»²³².

Встреча Тучкова с митрополитами Агафангелом и Иосифом накануне выпуска декларации — факт весьма примечательный. ОГПУ не препятствует выступлению против митрополита Сергия?! Однако здесь нет ничего удивительного. Создание разделений в церковной среде было одной из важнейших задач чекистов; та же линия проводилась ими и в Ленинграде. В этом плане очень

²³² ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 332–333.

показательны сводки донесений начальника Секретного отдела Ленинградского ГПУ в Москву. Так, докладывая 26 ноября 1927 года о положении дел в Петроградской епархии и развитии оппозиционного митрополиту Сергию движения, он сообщал об освобождении из заключения ряда клириков, оппозиционные настроения которых были известны и которые, по расчетам чекистов, должны были бы примкнуть к оппозиции:

«Ибо при отсутствии этого мероприятия можно было бы столкнуться с нежелательным для нас фактом — отсутствием вообще оппозиции. Со стороны епископа Ярушевича против оппозиции принимаются меры — подчинить себе, но меры эти слишком слабые, и все они сводятся к тому, чтобы количественно ослабить оппозицию»; «С нашей стороны указывается Ярушевичу, что только твердость и более решительные меры, как-то — перевод с доходных в бездоходные церкви, перевод в провинцию, длительное запрещение служения — парализует оппозицию. В действительности же такая твердость скорее оппозицию подтолкнет к непримиримости».

15 декабря Тучков на данном донесении в своей резолюции среди прочего написал: *«Сообщите, что мы повливаем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиционных епископов, а Ерушевич²³³ после этого пусть запретит некоторых попов».* Спустя две недели, как уже указывалось, это и было исполнено! В январе 1928 года ленинградские чекисты констатируют торжество оппозиции в городе и внимательно следят за ее успехами. В феврале, уже обеспокоенные слишком большим размахом оппозиции и особенно расширением ее связей с другими епархиями, принимают "ограничительные" меры и производят первые аресты.

²³³ Имеется в виду епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

Так, в очередном, секретном донесении в Москву от 17 марта 1928 года, сообщая об *«энергичной агитационной и организационной деятельности оппозиционных церковников»* в городе и области и установлении *«письменной и путем разъездов связи церковной оппозиции в Ленинграде с духовенством других епархий»*, отмечают: *«Вся эта работа оппозиционных церковников приблизительно к половине февраля приняла настолько интенсивный характер и внушительные размеры, что среди "сергиевцев" стало наблюдаться состояние некоторой неуверенности и растерянности. К этому времени от митрополита Сергия и его управляющего Ленинградской епархией епископа Николая Ярушевича официально отошли 8 церквей. Количество же хотя и признавших Сергия, но не упоминающих его имя в богослужениях, было значительно больше»*²³⁴.

«Чтобы несколько парализовать дальнейшее развитие и усиление оппозиции, нами был арестован ее наиболее ярый и фанатичный представитель, допускаявший в своих речах антисоветские выражения — священник Измаил Рождественский и с ним вместе иподиакон и слушатель богословских курсов, ездивший с поручением от оппозиции к сосланным церковникам — Сергей Апланов». Далее ленинградские чекисты отмечают растерянность и даже панические настроения в оппозиции после арестов и удовлетворительно оценивают деятельность назначенного на Петроградскую кафедру митрополита Серафима (Чичагова). Заканчивается донесение весьма примечательно:

«В личном свидании с нашим уполномоченным митрополит Серафим заверил в своей лояльности

²³⁴ В это время много клириков епархии, в том числе и епископы Григорий (Лебедев) и Серафим (Протопопов), несмотря на то, что официально не отделялись от митрополита Сергия, тем не менее не возносили его имени за богослужением и поминали только митрополита Петра.

к Соввласти, выразил уверенность, что он "сумеет установить единство в Церкви" и обещал все принимаемые им меры осуществлять лишь с согласия "власти", которую он будет обо всем своевременно информировать. В этом же свидании Серафим заявил, что он понимает, конечно, что для Компартии — чем хуже в церкви — тем лучше, намекнул, что он понимает проводимую властью политику разделения и сомневается, что без "поддержки" оппозиционеры сумели бы удержать собор Воскресенья. Однако, "хотя он не согласен и расходится с Компартией", — принятые на себя обязанности будет лояльно выполнять»²³⁵.

«На примере Ленинграда, таким образом, хорошо видно, в чем состояла политика ОГПУ по отношению к Церкви: спровоцировать в церковной среде разделение по принципу готовности идти на большие или меньшие компромиссы с властью; всячески способствовать росту взаимной неприязни двух сторон; после того, как оппозиция компромиссной линии оформится достаточно отчетливо, перейти к ее разгрому, потребовав при этом от более лояльной по отношению к власти стороны осуществления своеобразного церковного прикрытия этого разгрома. Следующим очевидным этапом был разгром той самой более лояльной стороны»²³⁶.

В этой связи понятно, почему Тучков не возражал против Ярославской декларации и развития антисергианской оппозиции в Ярославской епархии. О важности для него происходящих здесь событий говорит

²³⁵ "Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову". Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы // Богословский сборник. Вып. 10. С. 367–369, 375–378.

²³⁶ Мазырин А. В. Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ" как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 194.

сам факт его приезда из Москвы в Ярославль специально для выяснения того, что «*такое затевается в Ярославле против Сергия*». И здесь, так же как и в Петроградской епархии, ОГПУ не препятствовало выступлению против политики Сергия, позволяя оппозиции и ее самым ярким представителям проявиться с тем, чтобы в самом скором времени с ними расправиться.

Ярославская декларация

Обращение ярославских архиереев к митрополиту Сергию датировано 6 февраля 1928 года. Кроме митрополита Иосифа оно было подписано еще четырьмя архиереями: митрополитом Агафангелом (Преображенским), архиепископами Серафимом (Самойловичем) и Варлаамом (Ряшенцевым) и епископом Евгением (Кобрановым). Примечательно, что подпись митрополита Иосифа стоит третьей, после архиепископа Серафима, несмотря на то, что и по хиротонии, и по званию он являлся старшим. Очевидно, что инициатива составления обращения принадлежала митрополиту Агафангелу и архиепископу Серафиму. Однако митрополит Иосиф все же, вероятно, принимал участие в написании или обсуждении этого документа несмотря на то, что в показаниях на допросах он говорит лишь о подписании готового текста.

Это подчеркивание своей "непричастности" и в целом преуменьшение своей роли в антисергианском движении вполне объяснимо. Во-первых, к тому времени уже сложилось, по заявлениям митрополита Сергия, устойчивое, но совершенно не соответствующее действительности мнение, что главный виновник "Ярославского откола" — владыка Иосиф: он якобы из-за ленинградских дел и своих амбиций втянул в оппозицию пре-

старелого больного митрополита Агафангела. Вторых, владыка Иосиф давал на следствии показания не для точной записи в анналы истории, а для протокола по одному из крупнейших дел «*контрреволюционной организации церковников*», руководство которой ему инкриминировалось как одному из главных ее лидеров.

Хорошо понимая, чем это грозит, владыка Иосиф старался в какой-то мере "уйти от удара", но при этом и не подставить под удар других. Отрицая политическую сторону антисергианского движения, он неоднократно подчеркивал, что это движение возникло стихийно «*на почве злоупотреблений митрополита Сергия и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующую сильную реакцию в церковных кругах*». Владыка заявлял, что это движение совершенно несправедливо названо "иосифлянами": «*Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще "антисергианским"*. А как первый протест против Сергия был громко провозглашен не мною, а митрополитом Агафангелом Ярославским, то справедливее было бы именовать это течение "агафангелизмом" или как-либо еще в этом роде»²³⁷.

Как известно, выступление ярославских пастырей было далеко не первым, и митрополит Агафангел не мог возглавлять антисергианское движение. Однако митрополит Иосиф сознательно подчеркнул его участие в антисергианском движении, что для чекистов являлось серьезным преступлением. Более того, владыка Иосиф в своих показаниях даже выдвинул ярославского архипастыря как бы на главную роль, ведь в отличие от других архиереев митрополиту Агафангелу такие показания повредить никак не могли: к тому

²³⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело "Всесоюзной организации ИПЦ". Т. 11. Л. 305.

времени прошло уже два года, как он преставился ко Господу²³⁸.

Митрополит Иосиф высоко оценивает Ярославскую декларацию: *«Как вопль души, она жива в сердцах наиболее чутких церковных людей. Историческое ее значение неизгладимо и пойдет в глубь веков, чтобы когда-нибудь на свободно избранном и свободно действующем законном церковном соборе дать полноценный материал для выявления истинного виновника нынешней церковной разрухи»*. Во время следствия владыка на одном из допросов кратко изложил содержание декла-

²³⁸ О том, что митрополит Агафангел не просто "шел на поводу", а сам выступил против политики митрополита Сергия, свидетельствует сам текст Ярославской декларации, в начале которой утверждается, что возглавление митрополитом Сергием Русской Церкви не оправдано канонически. Это мнение митрополит Агафангел высказывал в 1926 году, когда уступил митрополиту Сергию в споре о возглавлении Высшего Церковного Управления только ради мира церковного. И в дальнейшем ярославский владыка продолжал придерживаться того же мнения, в отличие от своих викариев, не сомневавшихся в каноничности "заместительства" Местоблюстителя. Более того, они и сами принимали Высшее Церковное Управление в качестве заместителей Местоблюстителя на тех же основаниях.

«Митрополит Иосиф и архиепископ Серафим, подписывая составленное таким образом воззвание, давали другой стороне прекрасный повод обвинить их в противоречии самим себе, что, конечно, митрополитом Сергием и было сделано. В своем Деянии от 29 марта 1928 года он не без пафоса замечал: "Кстати, обратите внимание и на подписи под Ярославским заявлением. Один подписывается: "Серафим, архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии, бывший Заместитель патриаршего Местоблюстителя", а другой: "митрополит Иосиф, 3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместителей". Архиепископ Серафим воспринял в свое время права от митрополита Иосифа, а Иосиф от митрополита Петра в таком порядке, как и митрополит Сергей. Так где же правда, где же совесть?"» (*Мазырин Александр, иерей*. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 263–264).

рации, правда, по его словам, «*неточно по моей слабой памяти*»; но ее суть в целом была передана точно:

«Ваше Высокопреосвященство! Хотя ни соборными определениями, ни практикой церковной жизни не оправдывается ваше стояние у кормила церковного управления, тем не менее доселе мы подчинялись вам, в надежде, что вы доведете церковный корабль до тихой пристани, то есть до созыва церковного собора, который разрешит все наболевшие вопросы церковной жизни и даст ей так необходимое успокоение и мир. Но надежды наши не оправдались. Напротив, целый ряд ваших незаконмерных действий — как-то перемещение архиереев с места на место без законных оснований, назначение vikариев без ведома и согласия правящих архиереев, запрещение им священнослужения, наконец, учреждение вами совершенно не канонического синода, состоящего сплошь из бывших обновленцев и даже одного из них, переметавшегося в раскол старообрядчества, все это грозит не успокоением, а усугублением страданий Церкви, достоинство которой вы уронили еще более вашим, не вызванным никакою нуждою угодничеством перед внешними, чем вызвали неслыханные издевательства»²³⁹.

Важно отметить, что фраза "об угодничестве перед внешними" в Ярославской декларации является ключевой, раскрывающей главную причину неприятия политики или программы митрополита Сергия.

«В своем обращении к чадам Православной Церкви 29.07.1927 г <ода> (н<ового> ст<иля>) Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдергающие Ее недуги и страдания. По Вашей программе

²³⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело "Всесоюзной организации ИПЦ". Т. 11. Л. 305.

начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество "внешним", не оставляющее места для важного условия устроения внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее — Церкви»²⁴⁰.

О духовной свободе Церкви и ее поправлении митрополитом Сергием владыка Иосиф в это же время написал в цитированном уже выше письме архимандриту Льву (Егорову). В своих показаниях заключительную часть Ярославской декларации владыка Иосиф изложил, по его словам, "приблизительно".

«Мы всегда были сами и остаемся честными и лояльными советскими гражданами, но ваш образ действий находим совершенно неуместным и не достигающим цели умиротворения церковного. А потому объявляем вам, что с нынешнего времени мы отделяемся от вас и будем управлять нашими епархиями самостоятельно, соблюдая верность митрополиту Петру и руководствуясь в наших действиях правилами апостольскими, Вселенских и Поместных Соборов, практикой и не отмененными распоряжениями прежней церковной власти, а также Всероссийского Поместного Собора 1917 года, — до того времени, пока вы признаете свои заблуждения и делаете вновь возможную работу с вами в пользу святой Церкви»²⁴¹.

В тексте декларации, конечно, об этом сказано более подробно, но смысл тот же: «Отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим

²⁴⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 573.

²⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 332–334.

Синодом право на высшее управление Церковью». Таким образом, в отличие от петроградских архиереев, прервавших именно "каноническое общение", то есть молитвенное и евхаристическое в первую очередь, в Ярославской декларации речь идет все-таки лишь об административном отделении. То, что именно так эту нечеткую формулировку "отделяемся" понимали все, очевидно за исключением митрополита Иосифа, показали дальнейшие события.

«Декларация была разслана по распоряжению митрополита Агафангела ко всем, запрашивавшим его советов и руководства, с разъяснением, что в силу постановления соборного, при отсутствии облеченной доверием центральной духовной власти или при невозможности сноситься с нею, архиереи на местах облачаются всею полнотою прав и управляются совершенно самостоятельно. Подписанная и полученная и мною, эта декларация не могла не налагать и на меня соответствующих обязательств. Ленинградская группа духовенства, опротестовавшая произвол митрополита Сергия в моем перемещении и фактически уже отложившаяся от него, указала и мне на мой долг не покидать их на произвол судьбы и, если нет мне возможности и надежды быть в Ленинграде, все же не отнимать у них права считать меня их законным архипастырем. Непосредственное же управление может быть оставлено в руках епископа Димитрия, около которого сплотилось отложившееся от Сергия духовенство».

8 февраля 1928 года митрополит Иосиф направил своим петроградским викариям письмо, в котором сообщал об акте отделения ярославских архиереев от митрополита Сергия и о своем участии в нем. И далее сообщал:

«Таким образом, все распоряжения митрополита Сергия отныне для нас не имеют никакой силы. Это дает мне основание вновь опротестовать свое незаконное удаление от Ле-

нинградской паствы и требовать канонически правильного решения этого вопроса надлежащим судом православных епископов. А до такого решения я считаю себя не вправе предоставить вверенную мне паству (по смыслу 16-го правила Двукратного Собора) произволу не пользующихся нашим доверием Церковных Администраторов, перед Господом Богом и своею совестью приемлю долг принятия мер к умиротворению смущенной и взволнованной паствы. Для сего призываю прежде всего моих викарных епископов к мирному согласию и единомысленному со мною служению Ленинградской пастве. Преосвященному епископу Гдовскому Димитрию поручаю временное управление Ленинградской Епархией. Преосвященного Григория прошу также продолжать служение в Св. Александро-Невской Лавре в звании ея единомысленного со мною наместника. Пастырей и всех верующих, призывая на них Божие благословение, прошу и молю довериться нашему руководству и архипастырскому попечению, мирно и тихо продолжая дело молитвы, душевного спасения и Богоугождения.

Смиренно повинуюсь гражданской власти, не находящей пока возможности допустить мое недостоинство до непосредственного молитвенного общения со вверенной мне паствой, буду находиться и вдали в постоянной молитвенной о ней памяти и попечении, прося возносить и мое имя за Богослужениями по установленному порядку.

Да услышит Господь наши общие стоны и да благословит миром и тишиною нашу многострадальную Церковь.

Ленинградский Митрополит Иосиф

Г<ород> Ростов-Ярославский.

26 января

8 февраля 1928 г<ода>»²⁴².

²⁴² Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 19. Данный документ приведен по машинописи из следственного дела 1930–1931 годов. Под ним приписка, очевидно, рукою епископа Димитрия: «С подлинным верно, Димитрий епископ Гдовский». И далее рукою следователя: «Отбрано у обвиняемого Никольского С. В. при его аресте».

Очевидно, это письмо было передано протоиереям Василию Верюжскому и Иоанну Никитину, приехавшим в начале февраля к владыке в Ростов, *«чтобы взять благословение на наш отход от митрополита Сергия, на наше дело и на служение в храме Воскресения»*, как показал позднее протоиерей Василий на допросе в 1931 году. По его же свидетельству, владыка Иосиф, ввиду состоявшегося отделения от митрополита Сергия Ярославской епархии во главе с архиереями, *«предполагал даже объявить себя заместителем местоблюстителя»* вместо митрополита Сергия. На обратном пути из Ростова протоиереи Василий и Иоанн заехали в Москву к протоиерею Валентину Свенцицкому, там встретили и М. А. Новоселова и сообщили им о ярославских событиях и намерениях митрополита Иосифа. По словам протоиерея Василия: *«Новоселов и Свенцицкий неодобрительно отнеслись к этому сообщению»*. Новоселов считал, что владыка Иосиф — *«человек недостаточно решительный и колеблющийся»*, что открыто за отход от митрополита Сергия он высказался только теперь, *«когда от него отошли все Ярославские епископы»*. *«Новоселов и Свенцицкий предполагали даже сделать специальную поездку в Ростов к митрополиту Иосифу, чтобы отклонить его от предполагавшегося им шага»*. Возможно, что эта поездка и осуществилась, в любом случае, судя по показаниям протоиерея Василия на допросе в 1931 году, владыка Иосиф *«этот свой проект оставил без осуществления»*²⁴³.

По возвращении протоиереев Василия и Иоанна в Питер епископ Димитрий собрал совещание духовенства и мирян; на собрании присутствовали епископ Сергей Дружинин, двенадцать клириков²⁴⁴ и трое мирян, в

²⁴³ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 263–264.

²⁴⁴ Феодор Андреев, Иоанн Никитин, Сергей Тихомиров, Василий Верюжский, Алексей Кибардин, Сергей Баташев, Викторин Добронравов, Николай Прозоров, Филофей Поляков, Дмитрий Кратиров, Михаил Рождественский, Александр Советов.

их числе и М. А. Новоселов. Владыка Димитрий объявил «о получении официального согласия митрополита Иосифа о возглавлении им всех, отошедших от митрополита Сергия, и о том, что он, митрополит Иосиф, разрешает от запрещений, наложенных на духовных лиц митрополитом Сергием»; по «прочтении грамоты»²⁴⁵ он высказал предположение об усилении антисергианского движения. Все участники собрания были воодушевлены и надеялись, «что за митрополитом Иосифом пойдет большинство духовенства и епископата, а чрез то и массы мирян, и таким образом создается серьезное противодействие "сергианству"»²⁴⁶.

Действительно, на тот момент такие надежды были. Уже отделились от митрополита Сергия с большим числом приходов в своих епархиях епископы Иерофей (Афонин) и Алексей (Буй); еще ранее, в конце декабря — епископ Виктор (Островидов) и с ним немалая часть духовенства Вятской епархии. Антисергианское движение набирало силу в Москве и Подмосковье, на Украине. Но, конечно же, особый вес имело выступление ярославских архиереев. Оно могло сыграть решающую роль в дальнейшем раскладе сил. И это хорошо понимал митрополит Сергей. Ведь здесь было уже не "самочиние" малоизвестных викарных архиереев, которых можно было обвинить в расколе и легко подвергнуть запрету, но выступление митрополита Агафангела, старейшего и одного из авторитетнейших архиереев Русской Церкви, к голосу которого прислушивался весь епископат.

Владыка Агафангел, будучи законным кандидатом на место Патриаршего Местоблюстителя, вторым из на-

²⁴⁵ Приведенное выше письмо или, возможно, резолюция митрополита Иосифа на рапорте. Текст резолюции опубликован у М. Польского, см. в Приложении.

²⁴⁶ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 150 об.

званных в завещании Патриарха Тихона, при желании мог легко оспорить законность первосвятительских прав митрополита Сергия. К тому же в письме, отправленном одновременно с Ярославской декларацией, архиепископ Серафим (Самойлович) прямо указывал митрополиту Сергию достойный выход из создавшегося положения, а именно: передать заместительские права «старейшему иерарху Российской Церкви высокопреосвященному Агафангелу (Преображенскому), митрополиту Ярославскому, впредь до возвращения к власти высокопреосвященного Петра (Полянского), митрополита Крутицкого»²⁴⁷. Митрополит Сергей "внял" этому братскому совету и сразу же "обратился" к митрополиту Агафангелу. 10 февраля он направил в Ярославль члена своего Синода митрополита Серафима (Александрова). В переданном с ним письме митрополит Сергей "усерднейше" просил митрополита Агафангела «принять и благосклонно выслушать митрополита Серафима, имеющего поручение доложить все касающееся наших злободневных церковных дел».

Митрополит Сергей не просто просил, а умолял не прерывать с ним общение: «Со своей стороны, не нахожу достаточно сильных слов, чтобы умолять Вас сохранить общение с нами, потерпев еще немного нашим не-

²⁴⁷ Письмо владыки Серафима исполнено глубокой скорби и сочувствия к митрополиту Сергию: «Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви. А что же видите и слышите теперь? Страшный стон несется со всех концов России. Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей новой церковной политики». «Как же Вы могли в своей декларации наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования охраняя чистоту Православия!» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 571–572).

мощам, пока не выяснится с определенностью, куда мы хотим вести церковный корабль: к сравнительно ли сносному существованию в данных условиях или к гибели». Далее митрополит Сергей просил митрополита Агафангела поддержать его усилия по устройению церковных дел, не скрывая опасения, что авторитет последнего может создать серьезную угрозу его власти²⁴⁸, и утверждал, что он всегда готов передать свои полномочия, но если у него будут к тому достаточные основания. По поводу последнего можно было не сомневаться — события 1926 года со всей ясностью показали, насколько готов митрополит Сергей уступать свою власть. А тон его письма, столь разительно отличающийся от жесткого, если не сказать жестокого тона писем 1926 года, определялся не столько чувством уважения к старейшему иерарху Русской Церкви, сколько трезвой оценкой ситуации.

Как справедливо отмечает иерей А. Мазырин: «В феврале 1928 года еще неясно было, как дальше будут развиваться события. Возможность того, что в широких кругах Русской Церкви выступление ярославцев найдет поддержку, никак нельзя было исключать. К этому следует добавить еще одну немаловажную деталь. До середины февраля 1928 года у любого осведомленного наблюдателя процессов, происходивших в церковной жизни, не могло не сложиться впечатление, будто бы ОГПУ прямо потворствует усилению оппозиции митрополиту Сергию. Так, незадолго до этого в Ленинграде местные власти позволили протоиерею Василию Верюжскому так переформировать "двадцатку" кафедрального собора Воскресения-на-крови, что храм остался в руках "иосифлян", хотя прежняя его "двадцатка" в большинстве своем поддерживала Заместителя. Митро-

²⁴⁸ «Представьте, какое будет смущение в Церкви, если Вы тогда окажетесь среди отколовшихся. Какая богатая почва для всяких самочиний?» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 572).

полит Сергей об этом знал. В такой ситуации ему, всегда умевшему хорошо оценивать расклад сил, ничего больше не оставалось, как обратиться к митрополиту Агафангелу с умоляющим письмом и тем самым протянуть время до того момента, когда этот расклад сил изменится в его пользу»²⁴⁹.

Митрополит Агафангел ничего не ответил на это письмо, которое, несмотря на просительный тон, свидетельствовало о том, что митрополит Сергей свою политику не изменит. В марте митрополит Сергей послал к владыке Агафангелу еще одного архиерея своего Синода, архиепископа Павла (Борисовского) с новым письмом, которое уже не звучало как просительное. «Расклад сил изменился», и вместе с ним изменился и тон посланий митрополита Сергия. Массового отхода от него вслед за ярославскими архипастырями не произошло, а ОГПУ начало репрессии против оппозиции. Так и из пределов Ярославской области еще во второй половине февраля были высланы архиепископ Серафим и митрополит Иосиф, а митрополиту Агафангелу запретили выезжать куда-либо из Ярославля.

Митрополит Сергей не получил и на этот раз никакого письменного ответа, а лишь устное разъяснение владыки Агафангела в беседе с архиепископом Павлом, но оно, очевидно, совершенно не удовлетворило Сергия, так что он выпустил новый официальный документ — так называемое "Деяние" от 29 марта 1928 года. В нем он подверг беспощадной критике всех несогласных с ним: епископа Виктора (Островидова), петроградских викариев Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина) и ярославских архипастырей, подписавших обращение; между делом в "Деянии" были упомянуты еще два архиерея, присоединившиеся

²⁴⁹ *Мазырин Александр, иерей*. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. С. 287.

к "бесчинно ходящим": Алексей (Буй) и Иерофей (Афонин). Но последние как "неполноценные" — рукоположенные без благословения Патриарха Тихона и «принятые лишь его милостию и снисхождением» — почти не принимались в расчет и не удостоились особого внимания.

Большую часть своего обширнейшего полемического произведения митрополит Сергей посвятил ярославским архиереям. Подробнейшим образом он разобрал все причины, по которым они отделились от него, и, всегда искусный в любой полемике, нашел убедительнейшие доводы для защиты своей позиции и опровержения аргументов противников. Особенно же досталось владыке Иосифу: и за сомнение в каноничности заместительства митрополита Сергея²⁵⁰, и за несогласие на перевод в Одессу. Митрополит Сергей четко указал на противоречивость доводов владыки Иосифа, на полную неосновательность его ссылок на каноны; он сам привел каноны и дал им совсем иное толкование, дополнив свои разъяснения назидательными историческими примерами из жизни святителя Иоанна Златоуста.

Пред железной логикой заместителя Местоблюстителя нелегко было устоять даже искушенному читателю: столь блестяще этот непревзойденный мастер диалектики разбивал все доводы противников и безупречно обосновывал законность и преемственность своей "созидательной" политики. Митрополит Сергей был силен в церковной полемике, и в этом мало кто мог с ним тягаться. Этим отчасти объясняется и тот факт, что многие архиереи, даже несогласные с его политикой, не

²⁵⁰ Владыка Иосиф, «будучи епископом Ростовским, в 1926 году митрополитом Сергием был назначен на кафедру Ленинградскую с возведением в сан митрополита, и принял он и белый клобук, и назначение, видимо, потому, что признавал тогда заместительские права митрополита Сергия и в них не сомневался».

прерывали с ним общение²⁵¹. В итоге митрополит Сергей подвел к неизбежному выводу: «сколь не основательно обвинение, выдвигаемое нашими отщепенцами против нас. Они сами повинны в нарушении этих правил и презрении постановлений и распоряжений Высшей Церковной Власти». И в заключение объявил, что митрополит Агафангел и все подписавшие Ярославскую декларацию, наряду с уже запрещенными в служении епископами Димитрием, Сергием, Виктором, Алексием и Иерофеем, учинили "раскол" и как «порвавшие благодатный союз с Матерью Церковью Христовой, — подлежат церковному суду и должному наказанию»²⁵².

Митрополит Агафангел ответил Сергию письмом от 7 апреля 1928 года, сообщив, что согласен пересмотреть вопрос об отложении при условии участия в переговорах архиепископа Серафима, удаленного из епархии, и подтвердил, что остался с митрополитом «в союзе веры и молитвы, а отделился только в порядке административного управления»²⁵³. Сергей в ответном письме настаивал на пересмотре ярославского заявления без участия архиепископа Серафима. А 11 апреля Синодом митрополита Сергея было принято постановление

²⁵¹ Весьма показательно одно письмо архиепископа Серафима (Самойловича), выступившего в 1929 году с "Посланием" против митрополита Сергея. Владыка Серафим с тревогой ожидал реакции митрополита Сергея и просил своего адресата *«последить за ответом митрополита, который, наверное, будет разбивать меня по слогам и буквам и едко напишет свою отповедь... Конечно, это он сумеет — распространить и повергнуть меня в прах...»* (Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. С. 324).

²⁵² Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 587–601.

²⁵³ Относительно митрополита Иосифа владыка Агафангел писал: «Что касается митрополита Иосифа и объединения оппозиции под его главенством, то это от Ярославского епископата не зависит и им не одобряется» (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 601).

№ 76, в котором подтверждались прежние определения в отношении отделившихся епископов Виктора (Островидова), Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина) и запрещены в священнослужении с преданием каноническому суду: митрополит Иосиф (Петровых), епископ Никольский Иерофей (Афонин) и ярославские архиереи²⁵⁴.

В отношении же митрополита Агафангела эти меры решено было применить по истечении месячного срока, если он письменно не откажется от своего заявления от 6 февраля. По истечении этого срока митрополит Сергей послал к митрополиту Агафангелу третьего посланца — архиерея своего Синода архиепископа Рязанского Иувеналия (Масловского) в сопровождении московского протоиерея Владимира Воробьева. В результате беседы было составлено письменное заявление от 10 мая 1928 года митрополита Агафангела и архиепископа Варлаама (Ряшенцева), подписанное затем и епископом Евгением (Кобрановым). В этом заявлении из шести пунктов ярославские архипастыри утверждали, что они признают власть митрополита Сергия как заместителя и не порывают с ним молитвенного общения.

Это заявление весьма укрепило позицию митрополита Сергия. Однако в обращении ярославских архипастырей был пятый пункт, никак не устраивающий Сергия: «Распоряжения заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем»²⁵⁵. Митрополит Сергей прекрасно понимал, что этот пункт фактически сводил на нет все его начина-

²⁵⁴ Ростовский епископ Евгений (Кобранов), Угличский архиепископ Серафим (Самойлович), бывший Пермский Варлаам (Ряшенцев). Правда, в отношении двух последних запрещение в священнослужении касалось только Ярославской и Московской епархий.

²⁵⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 610, 615.

ния. Поэтому в постановлении его Синода от 17 мая было отмечено, что заявление ярославских преосвященных «не обнаруживает с желательной определенностью их сознания размеров и пагубности произведенного ими церковного соблазна; пятый же пункт заявления и совершенно отнимает надежду на устранение произведенного соблазна». Тем не менее, используя неуверенность и нерешительность ярославских пастырей, митрополит Сергей торопился объявить об их полном отказе от прежнего заявления и примирении с ним, считая, что они ему полностью подчинились.

На самом деле ярославские архиереи примирились с митрополитом Сергием на своем условии и не соглашались с его церковной программой. Пошли они на это "примирение" не из-за угрозы прецедентов, а в надежде найти взаимопонимание с митрополитом Сергием, откликаясь на его умоляющие призывы, дававшие надежду на возможность его вразумления. Так, и архиепископ Серафим (Самойлович), присоединившийся к майскому разъяснению и телеграфировавший об этом митрополиту Агафангелу из Буйничского монастыря, пояснял в одном из своих писем: «Ведь мы должны испробовать все пути к примирению. Мы остаемся на прежней позиции — но нужно же выйти из положения, которое может сделаться безнадежным»²⁵⁶.

Однако уже к концу года владыка Серафим убедился в тщетности надежд и в своем дневнике писал о необходимости разрыва отношений с Сергием: «Только к празднику Рождества Христова получил полное духовное умиротворение, окончательно выравнивается наше делание, и становится определеннее и политика митрополита Сергия и наше противление этому новообновленцу. Мне кажется, пора уже сказать свое слово и отмежеваться от митрополита Сергия, ибо мы своим име-

²⁵⁶ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти... С. 298–299.

нем смущаем слабых и немощных, а людям, сожженным в своей совести, даем повод говорить о силе их политики и незыблемости их положения»²⁵⁷. Через несколько дней архиепископ Серафим окончательно порвал с митрополитом Сергием и написал свое знаменитое "Послание ко всей Церкви"²⁵⁸, что стало главной причиной его ареста и заключения в концлагерь. В 1933 году при новом аресте он мужественно заявил: «Я лично твердо стою на позиции непризнания митрополита Сергия, так как я уже сказал, что я не согласен с его политикой в вопросе признания им советской власти и внесения поминовения, то есть моления за нее при богослужении»²⁵⁹.

По свидетельствам очевидцев, и митрополит Агафангел незадолго до своей кончины готовился возобновить свой протест, будучи доведен до предела терпения требованиями упорствующего в своей разрушительной политике митрополита Сергия. Об этом есть интересное свидетельство в письме митрополита Иосифа одному петроградскому протоиерею (письмо без даты, было изъято при первых арестах "иосифлян" в 1929 году, написано, скорее всего, в конце 1928-го или в самом начале 1929-го). Владыка писал, что получил из Углича кипу бумаг от батюшек архиепископа Серафима Угличского, находящегося в ссылке, который намеревался выступить с новым вразумлением по адресу митрополита Сергия «и вместе подтвердить неизменность Ярославской декларации прошлого года (до майского добавления к ней)». Владыка Иосиф сомневался в целесообразности этого действия, к которому хотят при-

²⁵⁷ «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год / Мир Божий. 2003. № 1 (9). С. 44.

²⁵⁸ «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 302–329.

²⁵⁹ Мазырин Александр, иерей. Указ. соч. С. 325.

влечь и его. «Мне думается, это что-то похоже на "после драки кулаками не машут"!» И предполагал, что это нужно владыке Серафиму «для реабилитации себя после скандального присоединения к майскому разъяснению»:

«Важным побуждением для возобновления драки с Сергием послужило то, что — как оказывается — Агафангел незадолго до смерти высказывал намерение возобновить свой протест против действий Сергия, коими он вновь доведен был до пределов терпения; <митрополит Сергий> понял майские "уступки" в смысле полной ликвидации основной декларации. Агафангел настойчиво подтверждал, что она остается в силе, а ему сыпали требования об исполнении не приведенных в исполнение указов спорных (о поминовении властей и т<ак> д<але>). Это (а также лживые доносы Сергия, опорочивающие все наше дело) и вызывало в Агафангеле желание вновь начать потасовку, чего он, однако, не успел. Это самое и думает теперь сделать за него Серафим, притягивая меня к участию»²⁶⁰.

16 октября 1928 года владыка Агафангел отошел ко Господу. Утверждения о его полном примирении, согласии с митрополитом Сергием и даже безоговорочном подчинении неоднократно будут встречаться в исторической литературе. Однако эти утверждения не соответствуют действительности. Хотя митрополит Агафангел не разорвал общения с митрополитом Сергием, но он и не стал проводником его церковной политики и несколько ей не подчинился, как и его викарии. Это подтверждается и скрупулезными исследованиями современных историков, утверждающих на основании многих свидетельств, что «движение "непоминающих" вплоть до кончины святителя Агафангела продолжало обымать собой всю его епархию», что он до конца бере-

²⁶⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 121. Полностью письмо — в Приложении.

гал свою паству от соблазнов, порождаемых политикой Сергия²⁶¹. В памяти церковной святитель Агафангел остался как исповедник, вставший на защиту церковной свободы, и если и поколебавшийся решительно разорвать с тем, кто начал эту свободу попираить, то не по малодушию и страху, а по кротости и мягкости любвеобильного сердца, хранившего надежду на уврачевание заблуждения прегрешающего собрата-архиерея.

Характерно, что в первое время и сами "иосифляне", решительно отделившиеся от митрополита Сергия, не осуждали тех, кто продолжал сохранять общение с митрополитом Сергием, не соглашаясь при этом с его политикой. В знаменитой "иосифлянской" брошюре "Беседа двух друзей. О сергиевской смуте"²⁶² о таких клириках и мирянах говорилось, что их не только не должно осуждать, «но почитать их как своих друзей, которые от них (иосифлян) разделяются не образом мыслей, но образом действий». И далее авторы брошюры дают образное описание действий обеих групп:

«Действия отделившихся от митрополита Сергия епископов и клириков и неотделившихся можно образ-

²⁶¹ Мазырин Александр, иерей. Указ. соч. С. 317.

²⁶² Эта брошюра, написанная в 1928 году, возможно, протоиереем Феодором Андреевым и Михаилом Новоселовым, входит в машинописный сборник «Дело митрополита Сергия: документы к церковным событиям 1927–1928 гг.» (Китеж). Один экземпляр этого сборника был отправлен за границу и попал к митрополиту Евлогию (Георгиевскому), в 1940 году передан им в Русский зарубежный исторический архив в Праге. В настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде митрополита Евлогия (ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1). Второй экземпляр сборника «был изъят при аресте и найден в одном из следственных дел членов церковной общины, не поминавшей митрополита Сергия (ЦА ФСБ РФ. Д. Н-18691). Он — точное повторение первого, как машинописная закладка одной и той же перепечатки». (Косик О. В. Сборник "Дело митрополита Сергия" и участие в нем мученика Михаила Новоселова // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2009. Вып. II: 2 (31). С. 79).

но представить в следующем виде. Первые, т<о> е<сть> отделившиеся, как хирурги, сделали легкую операцию на теле больного, надеясь, что они своим отсечением предупредят ампутацию заболевшего члена. Вторые же, т<о> е<сть> неотделившиеся, как любвеобильные родственники, своею любовью и преданностью утешают больного, представляя ему не так болезненно произведенную операцию. Те и другие имеют одинаковые намерения излечить тяжело больного, хотя и действуют различно. А всю историю болезни и ее лечения можно представить образно в следующем виде. Микроб болезни высшей церковной власти в лице м<итрополита> Сергия — есть зародившаяся в уме м<итрополита> Сергия в момент изоляции компромиссная мысль, за которой последовало его освобождение. Лечение этого признака болезни — дружеские советы авторитетнейших лиц — не делать вредного для Церкви шага, и как следствие недействительности этого лекарства, т<о> е<сть> не принятия добрых советов — появление красноты. Наружная краснота на теле больного — синод из архиереев с подмоченной репутацией с правами совещательно органа, согласно заявлению м<итрополита> Сергия от 5/18 мая 1927 г<ода>.

Увеличение красноты — присвоение синодом не принадлежащих ему прав и власти соуправляющего м<итрополиту> Сергию и перемещение синодом епископов.

Злокачественный нарост — появление декларации от 16/29 июля 27 г<ода>. Различные способы лечения болезни — осуждение декларации совестью верующих и листовки со стороны ревнителей православия, обличающие деяния м<итрополита> Сергия и его синода и разъясняющие правильное отношение Церкви к государству в современных условиях.

Образование гнойника — указ от 8/21 октября 27 г<ода> о поминовении м<итрополита> Сергия и гражданских властей. Хирургический разрез гнойника

с целью предупредить дальнейшее заражение — частичное отделение от м<итрополита> Сергия и его синода целых епархий и отдельных приходов. Если после этой операции исцеления не последует, то придется с болью сердца сделать ампутацию заболевшего члена, т<о> е<сть> отделиться окончательно от м<итрополита> Сергия всем ревнителям чистоты православия»²⁶³.

В ходе дальнейших событий, когда митрополит Сергий не только не исправлял ошибки, но все больше упорствовал в своей политике и, называя раскольниками и отщепенцами несогласных, подвергал их прещениям, становилось ясно, что болезнь еще более усугубляется и не остается никаких иных методов лечения, кроме "хирургических". В связи с этим и оценки заблуждения митрополита Сергия со стороны иосифлян приобретают более строгий характер. Более требовательным становится и их отношение к единомысленным с ними. В этой связи весьма характерно суждение митрополита Иосифа о ярославских архиереях, примирившихся с митрополитом Сергием, в его письме к епископу Димитрию Гдовскому от 24 июля / 6 августа 1928 года.

«Дорогой Владыко! Да укрепит Вас Господь на Ваши святые труды для блага Церкви Его. Помолитесь, чтобы и мой "отдых" был на пользу и наилучшее, чем то, что мог бы я сделать трудами своими. Премного утешило меня сообщение о том, что Вы все бодро и терпеливо идете своим тесным путем. Эти сообщения премного устыждают меня в моем нетерпении и малодушии и дают мне новые силы и побуждения крепко стоять и впредь за дело Христово! Ярославские "дезертиры" меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов не в них дело, и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление в хронологическом отношении было позднее нашего, и если в свое время, казалось, было на пользу

²⁶³ "Беседа двух друзей" — к защите отложившихся // Дело митрополита Сергия // ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 156–156 об.

нам, то теперь — лишение этой "пользы" не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!.. Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути! Нам отставать по примеру их не приходится, чтобы не было в этом поощрения их малодушию и расслаблению. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие Его в столь удивительном меньшинстве (12). Зато эти 12 (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще "диавол" — Ин 6, 66—71), выросли потом в то, что мы теперь хотим спасти и бережно охранить от новых предателей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до "ничтожного меньшинства". Но пусть опять и нас не смутит это! Будем крепко помнить, что большинством голосов (и подавляющим) была распята Сама Истина, и ссылающиеся теперь в свое оправдание на большинство — пусть лучше прочтут себе в этом жестокое обличение и укор, что и их "большинством" вновь распинается Христос — Истина! И как тогдашнее "большинство" к довершению печального сходства возглавляли и вдохновляли не какие-нибудь простые смертные, а поставленные Самим Господом для служения спасению верных Анны и Каиафы, так и теперь во главе новых распинателей Христовых видим тех, кого никак бы не следовало и не хотелось тут видеть. Кто даст себе труд углубиться побольше в смысл совершающегося, найдет множество других поразительных совпадений с тем, что показали нам Голгофа и Камень Воскресения. Вновь блеснут перед нами и Иуды, и Симоны, и удавившееся предательство, и покаявшееся отречение, и Симоны Кирийские, помогавшие крестоношению Христову, и "несмысленные и косные сердцем еже веровати"... и чувствовавшие "не сердце ли наю, горя бе наю"... егда глаголаша и т<ак> д<але>... И с особой живостью и радостью вновь чувствует сердце, что распятый большинством Христос все-таки опять воскрес, осиявая радостью верное ему меньшинство, а запечатлевшие Его гроб, запечатали для себя опять светлое видение и познание неумирающей Истины...»²⁶⁴

²⁶⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 619–620.

Митрополит Иосиф и иосифлянское движение

Вскоре после подписания Ярославской декларации и обращения к Петроградской епархии митрополит Иосиф был удален в ссылку. Это произошло вслед за высылкой архиепископа Угличского Серафима, во второй половине февраля 1928 года. Известно, что митрополит по дороге останавливался в Ленинграде, о чем в Москву от местных чекистов сразу же последовало секретное донесение 29 февраля, в котором сообщалось: *«По сведениям нашего осведомителя, митрополит Иосиф проездом в Устюжну заезжал в Ленинград, где убеждал всех крепко стоять за него, ни в коем случае не каяться перед митрополитом Сергием (наоборот, говорил Иосиф, митрополит Сергей должен перед нами каяться). "Пусть я буду сослан, казнен, говорил Иосиф, но не покину тех, кто идет за мной"»*²⁶⁵.

Митрополит был вторично выслан в Николо-Моденский монастырь без указания сроков и причин ссылки и находился там под постоянным надзором без права выезда. Жил владыка в келье со спальenkой, окна

²⁶⁵ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 336.

которой выходили во двор на храм. С церкви, по свидетельству митрополита, он получал денежное вспомоществование в размере 50–60 рублей в месяц. Владыку Иосифа постоянно навещали в ссылке клирики и миряне, привозя ему продукты, деньги и письма. Посетителей принимать ему было разрешено, но их, как явствуют протоколы допросов, подвергали учету и порой обыскивали.

Несмотря на это, чаще всего из Петрограда приезжала монахиня Анастасия Куликова; бывали, по ее словам, и священники Александр Тихомиров, Павел Морозов, Петр Белавский и давний друг владыки, Дмитрий Петрович Варганов. По свидетельству самого митрополита Иосифа, его посетили священники Викторин Добронравов, Николай Ушаков, Алексей Вознесенский, Филофей Поляков, иеромонах Тихон (Зорин), епископ Василий (Докторов), миряне: Мария Березовская, председатель церковного совета храма Воскресения Наталья Николаевна, вдова протоиерея Феодора Андреева, а также, судя по его показаниям на допросе, *«и другие, которых не помню»*. *«Ко мне приезжало и духовенство, и верующие, не только те, которые примыкают к нашей организации, но обращалось духовенство и верующие, которые к нашей группе не примыкают, со всеми своими скорбями. Так, помню, ко мне приехал один гражданин, у которого описали все до основания, вплоть до палки, обращался один священник, сергианец, которому предложено было властью оставить город Устюжну»*²⁶⁶.

Часто в монастырь к митрополиту навещались и родственники из Устюжны, благо до монастыря добираться было довольно близко — всего тридцать пять километров, а летом по Мологе ходили пароходы "Гаршин" и "Коловратский", капитаном одного из них был

²⁶⁶ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 328.

Александр Семенович Петровых — брат митрополита. На пароходе в гости к владыке приезжала и племянница Нина, приемная дочь сестры митрополита, Клавдии Семеновны Шишуновой. Только по большим церковным праздникам митрополиту разрешалось проводить службы в монастырских церквях. На эти службы стекалось много окрестных крестьян. Приезжали и земляки владыки из Устюжны.

О служении митрополита в Моденском монастыре летом 1927 года вспоминал посетивший его Н. А. Мещерский²⁶⁷: «Пришел в монастырь в середине обедни, которую служил митрополит Иосиф. Митрополит принял меня очень ласково. Он жил в небольшой келейке. У него как раз было много гостей из Ростова... На другой день настал Ильин день. На всенощной митрополит не служил, но присутствовал. Он обратил мое внимание на одно место в каноне пророку Илии, о котором проникновенно сказал, что это — сущность праздника: Канон, 9-я песнь:

“На земли тя Ангелом познахом, божественне пророче, и на небеси отнюду человека Божия, якоже и сам Господь рече: понеже Илия человек жесток еси, согрешающую Израилю терпети не можеш, възиди ты ко мне, и аз доле сниду”.

Глубочайшая мысль: Илья — жестокий человек, беспощадный к грехам Израиля, и Христос поэтому берет его на небо, чтобы самому сойти на землю. Мне кажется, что владыка Иосиф, обратив внимание на это место канона, раскрыл свою внутреннюю сущность, свой чрезвычайно добрый характер»²⁶⁸.

²⁶⁷ Он добирался до Моденского монастыря пешком лесными дорогами от Весъегонска, так как в поезде на Рыбинск, откуда намеревался ехать по Мологе, узнал, что река обмелела и пароходы не ходят.

²⁶⁸ Проф. Никита Александрович Мещерский. Отрывки воспоминаний // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1991. № 3-4. С. 29.

В апреле 1928 года ссыльный митрополит предпринял последнюю попытку объяснить свою позицию гражданским властям в лице Тучкова, направив в его адрес письмо с обоснованием своего отношения к властям и просьбой об освобождении из ссылки и возвращении в Ленинград. Получил ли ответ на свое письмо владыка Иосиф — не известно, но он был оставлен в ссылке в Николо-Моденском монастыре.

Несмотря на удаленность от своей епархии, митрополит Иосиф был в курсе всех дел. Епископ Димитрий, которого митрополит назначил своим заместителем и временным управляющим, постоянно извещал его о происходящих событиях: и устно через посланцев, и в письмах, с ними передаваемых. События же в Петроградской епархии тем временем продолжали развиваться с прежней напряженностью.

Митрополиту Серафиму (Чичагову), назначенному митрополитом Сергием на Ленинградскую кафедру в марте 1928 года, не удалось достигнуть особых успехов «в восстановлении единства»: иосифляне его не признали. Епископ Димитрий отказался принять его пригласительное письмо, заявив, что он знает только Ленинградского митрополита Иосифа, заместителем которого он является; со своей стороны епископ Димитрий звал к себе митрополита Серафима, но только без посторонних. Согласился ли последний посетить епископа Димитрия, так и не известно²⁶⁹.

В апреле 1928 года на помощь митрополиту Серафиму в Ленинград прибыл епископ Мануил (Лемешевский), пользовавшийся у питерцев уважением за его мужественную борьбу с обновленчеством в 1923 году. В какой-то мере ему удалось стабилизировать положение. Однако бытовавшее ранее мнение о том, что благодаря его решительным действиям дальнейшее распространение иосифлянства было остановлено, не соответ-

²⁶⁹ Иоанн (Снычев) митр. Указ. соч. С. 246.

ствуует действительности. Факты свидетельствуют как раз об обратном — именно после так называемого «сокрушительного удара Мануила» иосифлянское движение продолжало набирать силу. К осени 1928 года в Петроградской епархии насчитывалось 25 иосифлянских храмов; к иосифлянам присоединились также Старо-Ладожский женский монастырь, Свято-Троицкий Зеленецкий мужской монастырь, Макарьевская пустынь под Любанью; тогда же начали вступать в общение с иосифлянами отделившиеся от митрополита Сергия клирики и монашествующие других епархий. Лишь жестокие репрессии безбожных властей, физическая расправа с пастырями и пасомыми остановили дальнейшее распространение иосифлянства. Всего, по уточненным данным, на сегодняшний день известно, что только в Петроградской епархии к иосифлянам присоединилось более 60 приходов, в том числе 21 приход в самом городе. Из них перешли позднее к митрополиту Сергию только шесть, а остальные были закрыты властями²⁷⁰.

Центром оппозиции или «*контрреволюционной организации "иосифлян"*», как значилось в материалах следственных дел, оставался храм Воскресения на крови; все, что там происходило, было под неусыпным оком чекистов. Епископ Димитрий (Любимов), по определению следствия, возглавлял «*руководящее ядро "контрреволюционной организации"*», состоящее из клириков храма. Его первые проповеди в храме давали «*руководящие установки*»: владыка, обращаясь к богомольцам, говорил, что именно митрополит Иосиф и верное ему духовенство «*защищают чистоту православной веры и что настало время каждому стоять на страже веры, а если нужно, и пострадать за нее*». Все беседы между клириками в храме во время или после

²⁷⁰ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб.: Сатис, 2006. С. 15, 21.

праздничных или воскресных служб рассматривались следствием не иначе как «обмен мнениями между лицами ядра организации».

Чаепития на квартирах у настоятеля протоиерея Василия Верюжского или на квартире протоиерея Никифора Стрельникова, происходившие обыкновенно после Литургии, также рассматривались как «собрания руководителей ядра контрреволюционной организации», на которых «руководители организации обсуждали вопросы в области контрреволюционных "идеологических" иосифлянских установок», хотя эти вопросы не выходили за рамки чисто церковных. «Например, с разных сторон обсуждали вопрос о "сергианстве", как проявлении полной победы большевизма над Церковью, как о симптоме внутреннего разложения Церкви, как о внедрении большевизма в самый церковный строй, как о явлении предательства митрополитом Сергием Церкви большевикам; говорили также о принципиальных обоснованиях "немоления" за власть, о иосифлянской непричастности ко всеобщему отступлению от веры, "о необходимости стойкости и сохранения чистоты веры через отвержение всякого соприкосновения советской власти с Церковью"»²⁷¹.

Разработку этих вопросов и многие церковно-исторические справки в основном давали протоиереи Феодор Андреев и Василий Верюжский, бывшие профессора духовных академий. Роль протоиерея Феодора Андреева «в разработке идеологии иосифлян» особо отмечалась в материалах следствия: он даже именовался «идеологом иосифлянства», «объединяющим центром "иосифлян", вокруг которого и начали объединяться духовенство и миряне»; что он «давал основу и направление как самому епископу Димитрию, так и всему контрреволюционному ядру организации». «После смерти Андреева такое его первенствующее значение

²⁷¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 147, 148–148 об.

в организации было отмечено самим митрополитом Иосифом в письме к епископу Димитрию, где митрополит Иосиф, сожалея о смерти Андреева, высказывался, что теперь епископу Димитрию нет из оставшихся такого советника, как Андреев.

Протоиерей Феодор, как и другие клирики храма Воскресения, оказывал огромную помощь преосвященному Димитрию в его архипастырской деятельности. Все они, как и священнослужители других иосифлянских церквей в епархии, именовались в чекистских документах «антисоветски настроенными», «реакционными», их богослужebная и пастырская деятельность — «антисоветской пропагандой и агитацией», а храмы — «ячейками контрреволюционной организации», связанными с храмом Воскресения на крови как «руководящим центром этой организации». Вскоре роль храма Воскресения еще более возросла, и ему придали уже «всесоюзное значение».

«В этот образовавшийся в Ленинграде церковно-административный центр организации тайком потянулись со всего Союза самые реакционные, изуверские, черносотенные элементы, видевшие в этой вновь возникшей организации возможность оказать сопротивление победоносному социалистическому наступлению в стране. Контрреволюционно настроенные монахи и монашки из закрытых и разгромленных монастырей, бродячие, безместные попы, юродивые и бесноватые, руководители кулацких — церковных, черносотенных группировок — весь этот темный к.-р. элемент, заслышав о существовании центра "истинного православия", устремлялся в Ленинград к храму "Воскресения"»²⁷².

²⁷² "Обвинительное заключение" по групповому делу «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» // ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377.

Поскольку владыка Иосиф был ленинградским митрополитом, то, по версии следствия, *«церковно-административный центр в Ленинграде превратился во всесоюзный, руководящий всей практической к.р. деятельностью филиалов организации, раскиданной по всей территории Союза ССР»*²⁷³. *«Нужно иметь в виду, что так называемое "иосифлянство" или "истинное православие", как оно в последнем выразилось, коренилось глубоко в церковных традициях, в формах прежнего строя бытовой и политической народной жизни. Социальная революция разрушила эти формы. Понятно, что она возбудила против себя реакцию не только в центре, но и на местах. И только одного слуха о митр<ополите> Иосифе, об архиеп<ископе> Димитрии, о храме Воскресения в Ленинграде было достаточно, чтобы привлечь в Ленинград эти реакционные элементы»*²⁷⁴.

Эти ненавистные для безбожников "реакционные элементы" на самом деле являлись лучшими представителями православного духовенства и церковного народа, как правило, наиболее ревностными и искренне верующими пастырями и мирянами. Их единственное преступление состояло в твердой вере и духовном противостоянии безбожию. Пример петроградцев привлек многих из них и помог определиться в сложной церковной обстановке: кого-то он подтолкнул к таким же решительным действиям, кого-то укрепил в уже принятом. За пастырским советом отовсюду стали обращаться к иосифлянам неравнодушные к судьбе Православной Церкви пастыри и миряне, со всей страны стали приезжать в Ленинград посланцы общин и приходов.

Интересно свидетельство митрополита Иосифа о приезжавших к нему в ссылку в Николо-Моденский

²⁷³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 6-7.

²⁷⁴ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 268-269.

монастырь: *«Некоторые приезжающие осуждали ленинградцев, что они так поздно отошли от митрополита Сергия, что они уже давно это сделали, однако, не имея у себя руководителя, они приезжали в Ленинград, прося принять и разрешить недоуменные вопросы. Обращающихся ко мне с теми или иными вопросами я направлял к епископу Димитрию, прося его разрешать все вопросы»*²⁷⁵.

Владыка Димитрий принимал в общение приезжавших, некоторым из священников, по свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, давал право самим принимать через исповедь других священников в их регионе, *«освобождая их от необходимости лично ехать в Ленинград»*, благодаря чему, как выражались чекисты, *«контрреволюционные кадры организации увеличивались»*. Одним из действенных средств для *«увеличения руководящих кадров»* считались, конечно же, хиротонии, совершаемые владыкой Димитрием. Для богоборцев рукополагаемые были *«темным»*, *«фанатичным элементом»*. Верующие же почитали их исповедниками, мужественным примером которых вдохновлялись на подвиг духовного противостояния усиливающемуся безбожию. Принятие духовного сана в то время влекло за собой не только лишение всех политических и социальных прав, причем *«лишенцами»* становились и священнослужители, и члены их семей, но в дальнейшем и жестокие преследования, вплоть до расстрела; и это понимали все, в том числе и сами посвящаемые²⁷⁶.

²⁷⁵ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 317.

²⁷⁶ Интересное свидетельство об этом в письме пианистки Марии Юдиной: «В эти времена — как Вы, конечно, знаете, были церковные события и разделения на разные юрисдикции, основы различия были очень глубоки и исконны; мы все волновались наподобие эпохи Вселенских Соборов. Я пела (не в качестве службы, конечно, а для практического изучения церковного пе-

25 декабря 1928 года митрополит Иосиф возвел пресвященного Димитрия в сан архиепископа²⁷⁷. В своих показаниях на следствии владыка Иосиф подчеркивал, что Димитрию была предоставлена полная свобода управления, так что порой он действовал вопреки ожиданиям митрополита: *«Я не претендовал в таких случаях, оправдывая такие поступки епископа Димитрия тем, что на месте ему виднее большая или меньшая целесообразность такого или иного решения. Во многих случаях, когда он спрашивал моего совета, я так и отвечал ему, предлагая на месте обсуждать дело с более опытными лицами из духовенства, если он не надеется на свой опыт и рассуждение»*. *«Я был главой нашей организации в чисто церковном смысле. Практически действовал по моему доверию архиепископ Димитрий»*²⁷⁸.

Примечательно, что митрополит Иосиф, именем которого было названо само движение отделившихся от митрополита Сергия и который считался его главой, непосредственного участия ни в самом движении, ни в его руководстве принимать не мог. *«Более того, — заметил владыка Иосиф во время следствия в 1930 году, — я сам значительно позднее втянут был в это течение, и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним»*. Действительно, как ни парадоксально, но «иосифляне», можно сказать, опережали

ния) в великолепном храме Воскресения на крови и своими глазами лицезрела каждое воскресенье хиротонии — некое неиссякаемое число монахов, священников и диаконов, из коих, вероятно, каждый знал, что идет если не на смерть, то на подвиг, — то были страстотерпцы, праведники, мученики, подвижники. Были и пожилые, и средних лет — иереи, о которых можно говорить лишь с предельным благоговением» (Из письма о Герасиму (Прокофьеву). 1965 год // *Мария Юдина*. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М. — СПб., 1999. С. 525).

²⁷⁷ См. в Приложении указ митрополита.

²⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 332, 340.

своего руководителя и подталкивали его к решительным действиям. Однако сам факт его духовного участия, а в дальнейшем и административного был очень важен. И митрополит Иосиф в показаниях на допросах, как ни старался преуменьшить свою роль, тем не менее должен был признать:

«Отрицая свое руководство над антисергианским течением, я все же сознаю, что нужно же кому-нибудь было быть духовным руководителем и советником того духовенства и верующих, которые в силу лжи митрополита Сергия отошли от него и примкнули к нашей церковной группе. А так как, кроме меня, никого из митрополитов не было, то только этим я и объясняю, что ко мне со всего Союза приезжало духовенство и верующие за советами. После того как я был выслан в Моденский монастырь, своим заместителем я назначил епископа Димитрия, а после ареста последнего руководство перешло к епископу Дружинину Сергию. Первое время епископ Димитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам с ним был согласен на то, чтобы всем обращающимся к нему за руководством он давал советы. Сам епископ Димитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивал у меня, как у своего митрополита, советов и руководства»²⁷⁹.

К сожалению, почти ничего не сохранилось из переписки митрополита с его заместителем (или, по крайней мере, до сих пор не обнаружено). Однако приезжавшие с передачами из Питера прежде всего должны были привозить письма от владыки Димитрия. По свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, письма митрополиту Иосифу от архиепископа Димитрия и

²⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 309.

протоиерея Василия Верюжского возила «тайная монахиня Анастасия»²⁸⁰. Монахиня Анастасия (Куликова)²⁸¹ признала на допросе, что по поручению владыки Димитрия ездила к митрополиту Иосифу и возила продукты и пакеты, которые тот посылал: «Но что в них писалось, я не знаю. От митрополита Иосифа я тоже привозила пакеты к епископу Димитрию»²⁸². Так, и митрополит Иосиф на одном из допросов²⁸³ упоминал:

«Мой заместитель архиепископ Димитрий Любимов через монахиню Анастасию Куликову запросил меня, как ему быть и поступать с вновь вступающими в нашу организацию. На этот запрос я через Куликову же дал указание, чтобы архиепископ Димитрий в приеме новых лиц как из духовенства, так и из мирян был бы крайне осторожным, остерегался провокации. Тут же я ему писал, чтобы он ни в коем случае не прекращал поминовение митрополита Петра, так как это свидетельствует массам о нашем единении с митрополитом Петром. Писал ему, что если по этому вопросу будет какое-либо "давление" извне, то, не боясь никаких репрессий, твердо стоять на своем. Предупреждал епископа Димитрия, чтобы он строго следил за тем, чтобы каждая "два-

²⁸⁰ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 173.

²⁸¹ Монахиня Анастасия, в миру Александра Георгиевна Куликова, родилась в 1880 в Кронштадте Санкт-Петербургской губ. Портниха по профессии, прожила в семье Любимовых около тридцати лет, поступив к ним прислугой в конце 1890-х. После революции продолжала вести хозяйство, в дальнейшем была помощницей и заботницей владыки Димитрия, подобно самоотверженным православным женщинам того времени, сопровождавшим архипастырей и пастырей в изгнаниях и служившим им в их нуждах. С 1922 — в ссылке с владыкой Димитрием в Уральске и Туркестане, в 1923 — по возвращении из ссылки приняла монашеский постриг с именем Анастасия.

²⁸² Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 111 об.

²⁸³ При этом протокол этого допроса митрополит подписал с таким замечанием: «Записано с моих слов правильно, но тенденциозно».

дцатка" представляла из себя крепко слитое ядро. Без единомыслящей "двадцатки" лиц, в ней состоящих, никакую работу духовную проводить нельзя».

«В одном письме я писал епископу Димитрию, чтобы с лицами, которые приезжали с других городов и местностей, он был осторожнее, и прием их в наше общение производился после тщательной проверки приехавшего. Я лично принимал тех, кои имели письмо от епископа Димитрия»²⁸⁴.

По сохранившимся письмам митрополита к протоиереям Василию Верюжскому, Александру Советову и другим петроградским клирикам явствует его постоянное и активное участие в обсуждении и решении самых разнообразных вопросов церковной жизни. Так, например, в одном из писем протоиерею Александру Советову митрополит Иосиф пишет об *«указаниях по поводу единоверцев»*, которые он подробно изложил владыке Димитрию, предложив ему дать практическое осуществление с общего совета братии. Митрополит советует протоиерею Александру осведомиться о сем у владыки, так как и его совет будет иметь важное значение. Со своей стороны митрополит полагал, что нужна некоторая договоренность, и констатировал *«маленькую непоследовательность и увлечение карамии и прещениями»* со стороны владыки Димитрия, который практиковал в то время наложение временных запрещений на священников: *«Мы требуем снисхождения и почти беспредельной терпимости к единоверцам, а к ближе стоящим своим православным, при их иногда не столь великом заблуждении, применяем такие отталкивающие строгости»*. И заключал: *«Побольше снисхождения ко всем, и чужим, и своим, особенно тем, которые не были злостными вредителями нашими»*.

²⁸⁴ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 309, 329, 323.

Интересное свидетельство об архипастырском руководстве митрополита Иосифа содержит письмо-обращение петроградского священника Николая Прозорова, направленное митрополиту Иосифу в феврале 1929 года. Отец Николай по благословению архиепископа Димитрия просит митрополита ответить на ряд важных вопросов, волновавших в то время всех пастырей анти-сергианской оппозиции: как принимать крещенных обновленцами и сергианами, как принимать клириков, рукоположенных сергианами, как отпевать невенчаных церковным браком. Очевидно, что ответы митрополита, как писал иерей Николай, имели руководящее значение для всего иосифлянского духовенства²⁸⁵.

Но, тем не менее, непосредственное руководство приходилось осуществлять владыке Димитрию, на нем лежало основное бремя архиерейского управления как епархией, так и всей "иосифлянской" оппозицией. Митрополит Иосиф хорошо это понимал: в его письмах к петроградскому духовенству звучит тревога и искреннее сочувствие своему заместителю; он просил священников всеми силами помогать архиепископу Димитрию. Одно из писем иерею Николаю Прозорову он заканчивал так: «Дорогой отче! Привет и благословение. И спасибо за помощь Владыке. Берегите его!» Или из письма другому протоиерею, по-видимому, Василию Верюжскому: «Бедный Владыка Д<имитрий>. Такой груз выпал на Его долю. Помогите Ему Господи! Да и Вы, о<тец> протоиерей, облегчайте его Вашею помощью, советом и трудами. Да поможет Вам во всем Господь!»²⁸⁶

А груз, действительно, владыке Димитрию выпал немалый. И это на восьмом десятке лет жизни и при отсутствии архиерейского опыта. Всего два года служе-

²⁸⁵ Полностью все упомянутые письма приводятся в Приложении.

²⁸⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 111 об., 121. См. в Приложении.

ния викарным архиереем, и вдруг управление не только целой епархией, смятенной и взбудораженной происходящими событиями, но и множеством приходов и общин других епархий, совершенно различных по социальному составу, происхождению, политическим и прочим взглядам и умонастроениям. Формально владыка Димитрий являлся лишь викарием Петроградской епархии, назначенным митрополитом Иосифом ее временным управляющим²⁸⁷. Однако фактически ему приходилось самостоятельно управлять не только петроградскими приходами, но целыми округами и благочиниями в других епархиях. Так, еще в начале 1928 года к епископу Димитрию обратились монашествующие Перекомского монастыря из Новгородской епархии; затем еще несколько сельских приходов и приход Спасо-Преображенской церкви в Новгороде; и ряд приходов в соседней Псковской епархии. В Москве настоятель храма Никола Большой Крест, протоиерей Валентин Свенцицкий, официально прервавший каноническое общение с митрополитом Сергием, указал при этом, что действует с благословения епископа Димитрия (Любимова). Вместе с ним отошли от митрополита Сергия и священнослужители Серпухова, также признавшие руководство владыки Димитрия.

В Москве к иосифлянам открыто присоединились священники еще двух храмов: Крестовоздвиженского на Воздвиженке с настоятелем Александром Сидоровым и Троицкого в Никитниках, называемого также храмом Грузинской Богоматери, с настоятелем Сергием Голощаповым. А в Подмосковье и Твери к владыке Димитрию непосредственно обратился целый ряд приходов. Особенно мощным было антисергианское движение в Серпухове, одно время охватившее практически все храмы города. Так что сюда был специально направлен епископ Максим (Жижиленко), первый иосифлянский

²⁸⁷ Так он и подписывался на документах.

архиерей²⁸⁸, тайно рукоположенный в Петрограде осенью 1928 года. Примечательно, что подмосковные и тверские клирики именовались в материалах следственных дел не "иосифлянами", а "дмитровцами" или «представителями "дмитровского" церковного течения»²⁸⁹.

Летом 1928 года к петроградцам присоединились киевские священники Димитрий Иванов, Виктор Давидович и инокини монашеской общины игуменьи Софии (Гриневой) в Ирпени; осенью 1928 года — еще несколько киевских священников, прервавших общение с митрополитом Сергием и киевским митрополитом Михаилом (Ермаковым). Среди них замечательный пастырь и проповедник отец Анатолий Жураковский, написавший знаменитое "Киевское воззвание-обращение к митрополиту Сергию". С киевскими иосифлянами были связаны приходы и общины в других областях Украины, а также и в соседней Белоруссии. В июле 1928 года три гомельских священника написали письменные заявления о присоединении к владыке Димитрию, затем связались с ним и несколько приходов в Витебской епархии. Также непосредственно к архиепископу Димитрию обратились общины в Оренбургском округе и Самаре; их посланцы посещали Ленинград, получали "иосифлянские" документы, а владыка направлял в Самару священнослужителей²⁹⁰. Установили

²⁸⁸ В показаниях обвиняемых на допросах упоминаются кандидаты в тайные епископы: архимандриты Никон (Катанский), Алексей (Терешихин) и Клавдий (Савинский), однако достоверных документальных подтверждений об их рукоположении пока не найдено.

²⁸⁹ Об иосифлянах и "дмитровцах" Московской и Тверской епархий см.: Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. С. 139–149.

²⁹⁰ Подробные сведения по материалам региональных архивов об иосифлянах и их связях с Петроградом: *Осипова И. И.* Сквозь огонь мучений и воды слез... М.: Серебряные нити, 1998. С. 24–122; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999. С. 90–157.

связь с иосифлянами и священнослужители Ярославской и Костромской епархий²⁹¹.

Отделившиеся от митрополита Сергия почти одновременно с петроградцами епископы Иерофей (Афонин) и Виктор (Островидов) сразу же установили с ними связь. Митрополит Иосиф показал на следствии, что в свое время советовал Иерофею отложиться от митрополита Сергия, когда тот спрашивал его совета, «как ему обосновать свою позицию с церковной точки зрения». Епископ Иерофей в своем заявлении об отложении 12/25 января 1928 года написал, что сообщил митрополиту Иосифу, что «канонически присоединяю к нему духовенство и мирян Велико-Устюжской епархии»; в конце документа сообщал, что получил ответ митрополита Иосифа — «Управляйтесь самостоятельно. Наше оправдание: верность Митрополиту»²⁹².

Известно, что епископ Иерофей еще раз обращался к митрополиту — уже вместе с епископом Виктором (Островидовым). Так, в Постановлении митрополита Сергия от 29 марта 1928 года в числе обвинений в отношении митрополита Иосифа было и такое: «Призывает всех отделившихся от заместителя Патриаршего Местоблюстителя объединиться около него, причем преподал благословение преосвященному Виктору (Островидову) и Никольскому Иерофею (Афонику)²⁹³ на рукоположение игумена Антония в сан епископа, предназначая последнего в епархию, не порученную ему»²⁹⁴. До сих пор не ясно, кто был этот игумен и состоялось ли

²⁹¹ Об этом есть интересные сведения в материалах следственных дел: Государственный Архив новейшей истории Костромской области. Д. С-10706. Л. 63 об.; Д-5652 с. Т. 2. Л. 32–32 об., 33 об. Луч Света. Ч. 2. С. 10–11.

²⁹² В документе или при его первой публикации была неправильно указана фамилия епископа Иерофея, и эта ошибка потом неоднократно повторялась во многих изданиях. На самом деле фамилия — «Афонин».

²⁹⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 607.

рукоположение; скорее всего, нет, так как ни о каком новом иосифлянском епископе, кроме Максима (Жижиленко), в источниках (известных и доступных на сегодняшний день) не упоминается. Но сам по себе факт общения архиереев и благословения митрополитом Иосифом новой хиротонии весьма примечателен. После гибели епископа Иерофея (Афонина)²⁹⁵ владыка Дмитрий поручил руководство приходами Великоустюжской епархии священнику Анатолию Шипунову, а некоторые священники из этой епархии приезжали к владыке Дмитрию за советом. После ареста епископа Виктора (Островидова) весной 1928 года целый ряд его вятских приходов перешел под омофор епископа Дмитрия²⁹⁶.

В мае 1928 года в Ленинград приехал управляющий Воронежской епархией, епископ Козловский Алексей (Буй). Еще 22 января 1928 года он отделился от митрополита Сергия и в своем послании написал, что избирает своим высшим духовным руководителем митрополита Иосифа (Петровых). У епископа Алексея было несколько десятков приходов Воронежской епархии, а также множество приходов на юге России и Украине. Благочинным своих приходов на Кубани и в Ставрополье он назначил священника Василия Перепелкина из Ейска. К тому времени к епископу Дмитрию уже присоединился ряд приходов и общин на юге России, Северном Кавказе и Кубани. Владыка назначил там своими благочинными протоиереев Николая Стефановского и Герасима Цветкова из Пятигорска и рукоположил ряд священников для кубанских приходов. Духовенство, непосредственно подчинявшееся епископу Дмитрию, конфликтовало с отцом Василием Перепелкиным, причем «конфликты между "буевцами" и "дмитровца-

²⁹⁵ В мае 1928 года он был смертельно ранен чекистами во время ареста.

²⁹⁶ Об этом подробно изложено в последней книге нашей серии: Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). М.: Братонез, 2010.

ми" порой доходили до того, что одни не хотели служить с другими»²⁹⁷.

Владыка Димитрий поручил епископу Алексею управление всем югом России и посоветовал ему переехать в Елец. И с этого момента, как показали позднее свидетели, «началась волна присоединений к нему духовенства Центрально-Черноземной области и Украины»²⁹⁸. Свои приходы в Сумском округе епископу Алексею передал и епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Он приезжал в Ленинград в марте 1928 года, встречался с владыкой Димитрием и, очевидно, вступил с ним в общение, а затем поддерживал переписку через доверенных лиц. У епископа Варлаама был целый ряд тайных скитов и монастырей в Кавказских горах Причерноморья (в районе Туапсе — Сочи). Тем не менее часть кавказских монашествующих продолжали непосредственно обращаться к владыке Димитрию. Например, монах Онисим (Поль) в январе 1929 года ездил по благословию схимонаха-пустынника Даниила (Бондаренко) в Петроград и был рукоположен владыкой Димитрием в священнический сан²⁹⁹. Кроме тайных монастырских общин епископ Варлаам окормлял немало приходов и общин в казачьих станицах на Кубани.

В июне 1928 года к епископу Димитрию обратился проживающий в Харькове епископ Старобельский Павел Кратиров (по-видимому, через высланного в Ленинград харьковского священника Николая Загоровского). Владыка Павел не признавал заместительских прав митрополита Сергия, считая его узурпировавшим высшую церковную власть, а по поводу его декларации 1927 года и основанной на ней церковной политики написал несколько посланий. Ознакомившись с документами, присланными епископом Павлом, владыка Димитрий вошел с ним в молитвенное общение и в дальнейшем поддерживал с ним переписку.

²⁹⁷ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 126.

²⁹⁸ Осипова И. И. Указ. соч. С. 106.

²⁹⁹ Пришвина В. Д. Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 400.

Летом 1928 года епископу Димитрию привезли письменное ходатайство от духовенства Елисаветградской (Зиновьевской) епископии протоиереи Григорий Селецкий и Николай Виноградов. Владыка принял их и назначил отца Николая благочинным округа, куда входили четырнадцать храмов, кроме того, с ними были связаны приходы в Полтавской епархии. Летом 1929 года протоиерей Григорий Селецкий побывал в Стародубе у епископа Дамаскина (Щедрика), также прервавшего общение с митрополитом Сергием. Как выяснилось, владыка Дамаскин в целом был единомыслен с иосифлянами, в сентябре того же года он написал письмо архиепископу Димитрию, которое передал с протоиереем Григорием. В нем, обращаясь к владыке Димитрию, епископ Дамаскин писал:

«Пользуюсь удобным случаем войти с Вашим Боголюбием в сношения и выразить в лице Вашего Высокопреосвященства высокочтимому Архипастырю м<итрополиту> Иосифу и всем иже с Вами собратиям, отцам и братьям чувство глубокой признательности и уважения за мужественное исповедание правды Православия и выражение протеста против великого беззакония, внедряемого в жизни Церкви через посредство обезумевшего м<итрополита> Сергия и его окружения в то время, когда большая часть ссыльного епископата не могла еще иметь о положении никакого представления. Ваш открытый отказ от участия в зачинавшемся тогда беззаконии, Ваш возмущенный голос протеста был услышан всей Церковью и заставил всех ревнующих о Православии и благочестии обратить свое внимание на великую опасность, угрожающую св. Церкви»³⁰⁰.

Протоиерей Григорий Селецкий также передал архиепископу Димитрию очень важные сведения, полученные епископом Дамаскином от Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Крутицкого), в далекую ссылку к которому епископ Дамаскин специально направлял вер-

³⁰⁰ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 102.

ного человека. По просьбе архиепископа Димитрия отец Григорий письменно изложил эти сведения для митрополита Иосифа.

«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему
Иосифу, Митрополиту Петро-
градскому.

Ваше Высокопреосвященство!

Исполняю просьбу Высокопреосвященнейшего Архиепископа Димитрия и письменно излагаю те сведения, какие мне сообщил находящийся в ссылке еп<ископ> Дамаскин. Ему удалось наладить сношения с митроп<олитом> Петром, послав через верного человека полную информацию обо всем происходящем в Русской Церкви. Через этого посланного м<итрополит> Петр устно передал следующее:

"1) Вы, епископы, должны сами сместить м<итрополита> Сергия.

2) Поминать м<итрополита> С<ергия> за богослужением не благословляю.

3) Киевский акт так наз<ываемого> "малого собора епископов Украины" об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считает недействительным.

4) Письмо еп<ископа> Василия (Рязанского викария) сообщает неправду.

5) На вопросы отвечу письменно" ».

Сообщая конфиденциально о<бо> всем изложенном, остаюсь Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник протоиерей г<орода> Елисаветграда Григорий Селецкий.

17 сентября 1929»³⁰¹.

³⁰¹ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 1–1 об.

Это письмо явилось важным свидетельством об истинном отношении митрополита Петра к деятельности митрополита Сергия, опровергая усиленно распространяемые сергианами слухи об одобрении и полной поддержке Местоблюстителем деятельности своего заместителя. Владыка Иосиф, правда, это письмо получить не успел. В своих показаниях он утверждал, что непосредственной связи с митрополитом Петром не имел, и о том, что с ним была налажена связь через епископа Дамаскина, слышит впервые, и что ему была прислана копия письма митрополита Петра, в котором тот писал о трудностях его пребывания в ссылке и о том, что ему продлен срок ссылки еще на два года (о каком письме идет речь, не ясно).

В ноябре 1928 года после встречи с епископом Дмитрием в Ленинграде к иосифлянам присоединился епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов). К 1930 году у владыки Иоасафа было более пятидесяти приходов в Донецкой, Днепропетровской, Подольской епархиях и на Северном Кавказе. Епископ Ветлужский Николай (Голубев) приезжал в Ленинград и получил от архиепископа Дмитрия разрешение на служение и организацию епархии; позднее при обыске у владыки Николая было изъято следующее удостоверение:

«Предъявитель сего епископ Николай Голубев, бывший Ветлужский, ныне состоящий на покое, принадлежит к Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Петром, и состоит в каноническом общении с митрополитом Иосифом.

Временно управляющий Ленинградской епархией
архиепископ Дмитрий Гдовский.

1 июня 1929 г<ода>»³⁰².

Вот далеко не полный перечень архиереев, клириков и приходов, обращавшихся к архиепископу Ди-

³⁰² Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...» С. 117.

митрию, но и его вполне достаточно для того, чтобы представить масштабы его архипастырской деятельности. Помимо множества обычных для архиерейской практики вопросов, владыка Димитрий постоянно должен был урегулировать взаимоотношения между иосифлянскими священнослужителями, особенно на юге России и Украине: это упомянутые выше недоразумения между "буевским" и "дмитровским" духовенством на Кубани и Кавказе, разногласия между епископом Алексием (Буем) и епископом Павлом (Кратировым); конфликты в Киеве между иереем Анатолием Жураковским, архимандритом Спиридоном, с одной стороны, и иереем Дмитрием Ивановым и другими иосифлянскими священниками — с другой.

Разрешению этих непростых проблем во многом помогал митрополит Иосиф и его архиерейский опыт. О приходах Северного Кавказа митрополит, по его словам, имел отрывочные сообщения и, вероятно, не был в курсе всех проблем, а вот с киевскими был хорошо знаком. На допросах он показал, что к нему из Киева приезжали священник Андрей Бойчук и некая Анисия — разрешить вопрос о Спиридоне. *«Этот архимандрит Спиридон своими новшествами при богослужениях сильно напоминал обновленцев, что и смущало многих из духовенства и мирян. Письмами я старался успокоить смущенных, а о<тцу> Спиридону послал совет — временно воздержаться от своих новшеств и не выделяться пред другими ничем»*³⁰³.

Наконец, когда в самом Петрограде возникли серьезные проблемы в среде иосифлянского духовенства, то именно непосредственное вмешательство митрополита Иосифа примирило враждующие стороны и остановило разгоревшийся конфликт. Об этих проблемах на допросах дали подробные показания протоиереи Никифор Стрельников и Василий Вержужский. По мнению про-

³⁰³ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 336.

тоиерея Никифора, причины конфликта заключались в расхождении между епископом Димитрием и настоятелем храма Воскресения Василием Верюжским. Протоиереев Василия Верюжского и Иоанна Никитина настораживало, что «*вокруг епископа Димитрия создается его почитателями "культ" его личности*» и что они только владыку Димитрия считали «*носителем "истинного православия"*», таким образом превращали «*организацию "истинно православных" в чисто сектантское общество*».

Об изменении отношений с архиепископом Димитрием со второй половины 1928 года показал на следствии и сам Василий Верюжский: «*Принципиальная причина этих изменений заключалась в том, что архиеп<ископ> Димитрий, как мне и моим единомышленникам казалось, становился на место митр<ополита> Иосифа, совершенно почти его отстраняя. Происходило как бы перемещение центра нашей организации с митр<ополита> Иосифа на архиеп<ископа> Димитрия. Сторонники архиеп<ископа> Димитрия, на которых он опирался, в том числе и бывшие засилье иоанниты³⁰⁴, склонны были смотреть*

³⁰⁴ Движение иоаннитов, возникшее еще в конце XIX века вокруг настоятеля Андреевского собора в Кронштадте, отца Иоанна Сергеева, было непростым явлением. Наряду с экзальтированными почитателями духоносного кронштадтского пастыря, действительно впадшими в прелесть и глубокие заблуждения, вплоть до обожествления отца Иоанна, почитания его "воплотившимся Христом", к иоаннитам причисляли и православных почитателей отца Иоанна. Архиепископ Димитрий выделял иоаннитов среди верующих, считая их православными по духу и вере, людьми строгой праведной жизни, ревнителями церковных традиций и преданий. Очевидно, что он имел дело не с иоаннитами-сектантами, а с православными почитателями св. Иоанна Кронштадтского, каковым являлся и он сам, с детства знавший отца Иоанна, друга и — в полном смысле этих слов — сослуживца и сотрудника на пастырской ниве его отца, замечательного священника Гавриила Любимова, всю жизнь прослужившего в соседнем с Кронштадтом Ораниенбауме.

на архиеп<ископа> Димитрия как на единственного истинно-православного епископа, заподозревая других в недостатке твердости»³⁰⁵.

В 1929 году протоиерей Василий Верюжский писал о своих сомнениях митрополиту Иосифу, опасаясь, что архиепископ Димитрий «со своими крайними сторонниками могут придти к созданию новой секты». Вместе с протоиереем Иоанном Никитиным протоиерей Василий ездили к архиепископу Димитрию и просили «изменить характер его действий». Отец Василий хотел было, по его словам, даже оставить настоятельство в храме, но не сделал этого по настоянию митрополита Иосифа; владыка употребил весь свой авторитет для того, чтобы между петроградскими иосифлянами не произошел раскол.

Вероятно, помимо чисто личных взаимоотношений и, как выразился протоиерей Никифор, «культы» владыки Димитрия, в основе конфликта лежали и другие причины. Вполне возможно, что не последнюю роль играл и вопрос взаимоотношений Церкви и Советского государства; вопрос, на который не было однозначного ответа. Между двумя крайними позициями — всецелого одобрения и благословения безбожной власти и полного ее неприятия, как власти антихристовой, — были разные степени "политической лояльности", из-за которых и могли возникать разногласия и распри. Очевидно, что преосвященный Димитрий и его "поклонники", занимавшие крайнюю позицию, о чем позднее он сам свидетельствовал на допросах, вызывали неодобрение у тех, кто не был согласен с этой позицией. А сторонники владыки, по мнению протоиерея Никифора, подозревали несогласных «в недостатке твердости». И хотя эти подозрения впоследствии подтвердились в отношении некоторых из клириков, но в целом представляется, что недопонимания и

³⁰⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 274–275.

разногласия возникали в большей степени по недоразумению.

Возможно, из-за возникших разногласий владыка Димитрий стал меньше служить в храме Воскресения на крови и летом 1928 года часто бывал в поселке Тайцы, недалеко от Гатчины. С весны 1929 года архиепископ Димитрий проживал уже в Тайцах постоянно; служил он с отцом Петром Белавским и с приезжающим духовенством в Таицком храме святителя Алексея. Сюда приезжало много священнослужителей и мирян из Ленинграда и из других регионов страны. По словам Василия Верюжского, из питерского духовенства владыку Димитрия часто посещали в Тайцах протоиереи Сергей Тихомиров и Викторин Добронравов, иереи Николай Прозоров, Сергей Федоров (бывший сапожник). Постоянно находились при владыке священник Павел Морозов и монахиня Анастасия (Куликова).

К тому времени преосвященный Димитрий лишился своего лучшего советника, помощника и секретаря, протоиерея Феодора Андреева, который скончался 23 мая 1929 года³⁰⁶. По свидетельству владыки Димитрия, после отца Феодора Андреева у него не было постоянного секретаря. Скоропостижная кончина отца Феодора была в полном смысле невосполнима, и никто в полной мере не мог его заменить несмотря на то, что около владыки оставались другие достойнейшие помощники из петроградских клириков и мирян.

Осенью 1929 года конфликт среди петроградских иосифлян был разрешен. В конце сентября или начале октября архиепископ Димитрий у себя на квартире собрал духовенство и членов президиума "двадцатки" храма Воскресения на крови для обсуждения вопроса перерегистрации общины. После прочтения текста закона большинство присутствующих высказались за пе-

³⁰⁶ От воспаления легких, осложнившегося сильнейшим эндокардитом.

ререгистрацию, затем владыка Димитрий прочитал письмо митрополита Иосифа, призывающее к прекращению ссор и необходимости примирения членов "двадцатки" с епископом Сергием (Дружининым), которого лишали возможности служить в соборе Воскресения на крови некоторые члены "двадцатки"³⁰⁷. О прекращении конфликтов говорил и протоиерей Иоанн Никитин, с чем, по-видимому, все были согласны, а также и с прочитанным письмом митрополита Иосифа. Так, желаемое примирение наконец было достигнуто.

Прошло чуть больше месяца, и ленинградские чекисты приступили к ликвидации *«центра контрреволюционной организации иосифлян»* — архиепископ Димитрий, а также многие иосифляне, как его сторонники, так и бывшие "противники", были арестованы.

³⁰⁷ Ругин Иван Дмитриевич, Колобков Нил Александрович и Сазонов Михаил Иванович.

Гонения на иосифлян

С самого начала 1928 года оппозиционное митрополиту Сергию духовенство подвергалось преследованиям. Однако аресты не сразу приняли массовый характер. Как уже указывалось, власти на первых порах не препятствовали росту оппозиции и арестовывали лишь отдельных, наиболее "фанатичных" ее представителей. Так, 25 февраля 1928 года в Стрельне был арестован упомянутый в сводке донесений протоиерей Измаил Рождественский; в апреле в Вятской епархии был арестован и отправлен в Соловецкий концлагерь епископ Виктор (Островидов). В мае выслан из Москвы протоиерей Валентин Свенцицкий, из Воронежа — епископ Алексей (Буй), а из области — ряд "буевских" священнослужителей. 5 мая 1928 года при аресте под Никольском был смертельно ранен чекистами епископ Иерофей (Афонин) — владыка скончался в тюремной больнице Великого Устюга.

В марте 1929 года был задержан на улице в Москве и арестован М. А. Новоселов; и с конца весны здесь начались гонения. В мае была арестована большая группа серпуховских священнослужителей, в том числе епископ "иосифлянского" поставления Максим (Жижиленко). Все они были приговорены к различным срокам концлагерей; в ссылке был арестован и отправлен на 3 года в Соловецкий концлагерь епископ Алексей (Буй). С осени 1929 года развернулись уже крупномас-

штабные операции по ликвидации «контрреволюционных церковников». Массовые аресты были произведены на Кубани и Северном Кавказе: чекисты проникли в труднодоступные места Кавказских гор в районе Туапсе, Сочи и Сухуми, арестовали десятки монашествующих, разрушили их скиты и кельи. В феврале 1930 года десять иеромонахов и монахов были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения.

В конце ноября 1929 года власти приступили к «ликвидации иосифлянского руководящего центра» в Ленинграде. Первыми 19 ноября 1929 года были арестованы миряне К. П. Коверский и А. В. Перфильева, исполнявшие, по чекистской версии, одно из важнейших поручений «Центра организации — размножение к.р. литературы», которое, согласно "Обвинительному заключению", имело «колоссальное значение в деле распространения идей иосифлян»³⁰⁸. 22 ноября была арестована Лидия Николаевна Герман, духовная дочь протоиерея Сергия Тихомирова, также участвовавшая в распространении «контрреволюционных» документов³⁰⁹. На следующий день, 23 ноября, был арестован сам протоиерей Сергей Тихомиров, 28 ноября — еще три священника: Иоанн Никитин, Александр Тихомиров и Николай Прозоров. В ночь с 28 на 29 ноября 1929 года был арестован архиепископ Димитрий (Любимов).

Владыка Димитрий обвинялся в контрреволюционной деятельности как глава «центра контрреволюционной

³⁰⁸ Константин Петрович Коверский, бывший подполковник, работал в Военно-Технической лаборатории и на стеклографе размножал различные церковные антисергианские документы. Анна Васильевна Перфильева, будучи тайной монахиней, работала машинисткой в секретном отделении административного отдела Ленинградского областного исполкома, также перепечатывала различные документы и, кроме того, «информировала организацию о всех мероприятиях Соввласти», о которых узнавала, «используя свое служебное положение».

³⁰⁹ В том числе и постановлений Архиерейских соборов Русской Зарубежной Церкви.

монархической организации церковников, именующих себя "иосифлянами"». В "Обвинительном заключении" отмечалось, что церковное течение "иосифлян" возникло в ответ на провозглашенную митрополитом Сергием в его декларации "лояльность к Соввласти", в которой «реакционная часть церковников» усмотрела нарушение канонических правил Православной Церкви и под видом борьбы с нарушением этих правил под лозунгом «защиты истинного православия» вступила в борьбу с церковниками «сергиевской ориентации, одновременно организуя массы верующих и церковников на борьбу с советской властью». Далее утверждалось, что целый ряд видных церковных деятелей "ультрареакционного монархического направления" во главе с митрополитом Иосифом возглавили эту борьбу, и эта часть церковников стала именовать себя "иосифлянами", и что, согласно агентурным сведениям, «церковное течение "иосифлян", быстро организационно оформившись, активизировалось в направлении политической борьбы с Соввластью».

Церкви, где служило "иосифлянское" духовенство, именовались "очагами", "трибунами антисоветской пропаганды и агитации", в них усматривали место хранения контрреволюционной литературы. Храм Воскресения на крови был назван центром "иосифлянского" течения, или, по тексту "Обвинительного заключения", центром «контрреволюционной монархической организации церковников, именующей себя "иосифлянами"», который был возглавлен по указанию митрополита Иосифа перед его отъездом в ссылку архиепископом Димитрием (Любимовым) и который в дальнейшем «связал в единую организацию отдельные группы "иосифлян"», возникшие в других местах.

3 декабря 1929 года в храме Воскресения был произведен обыск в присутствии настоятеля собора Василия Верюжского и ночного сторожа. Вероятно, обыск был произведен ночью или ранним утром, о чем свидетельствует "Акт осмотра", в котором указывалось:

«Внутри церкви в момент прихода застали спящими семь монашек и 2 гражданки, которые спали в помещении церкви, и, как впоследствии выяснилось, некоторые монашки при церкви имеют постоянное местожительство. В корзине обнаружено грязное и чистое белье, вобла, два веника, принесенных из бани, и мочалка.

В проходе между клиросом и алтарем на алтарной стене повешена большого размера 2,5 метров картина с изображением Николая II и других лиц царственного Дома Романовых и его свиты.

На жертвеннике ранней литургии под клеенкой обнаружено семь разных акафистов, напечатанных на пишущей машинке, четыре экземпляра воззваний ярославских епископов, размноженных на множительном аппарате. В печке между клиросом и ризницей обнаружена изорванная на мелкие клочки разного рода переписка, написанная от руки и на машинке, в том числе клочки перепечатанной на машинке выписки из зарубежных газет, последние новости контрреволюционного духа. В ризнице в шкафу обнаружено воззвание епископа Дамаскина и различная переписка контрреволюционного характера, а также фотокарточки».

В тот же день или той же ночью настоятель храма отец Василий Верюжский был арестован; вероятно, и на "осмотр" он уже был доставлен под конвоем. О результатах "осмотра" чекисты не преминули упомянуть в "Обвинительном заключении" и даже поместили фотографию обнаруженной на алтарной стене "контрреволюционной" картины, «тайно сохраняемой и скрытой от гражданских властей, как священная реликвия», а именно большой картины «Освящение храма в присутствии царя Николая II». Там же особо отмечалось, что руководители организации символизировали этот храм как «воскресение монархии на крови», при этом он именовался «резиденцией центра» организации и «открытой трибуной для антисоветской агитации и пропаганды монархических идей».

В январе — феврале 1930 года были арестованы председатель "двадцатки" храма, Сазонов Михаил Иванович, и члены "двадцатки" — Ругин Иван Дмитриевич, Колобков Нил Александрович и еще целый ряд иосифлян, монашествующих и мирских, питерских и странствующих. Среди арестованных оказался и ссыльный харьковский священник Николай Загоровский, на допросах подтвердивший свою принадлежность к иосифлянам. Всего по данному делу было арестовано сорок шесть человек, в их числе, кроме архиепископа Димитрия, пять петроградских священников, а также клирики и монашествующие Перекомского монастыря под Новгородом, связанные с питерским "центром" и привлеченные к делу ленинградцев.

Обвинения политического характера обвиняемыми отвергались, в протоколах допросов обвиняемых, при всей их лаконичности и жесткости, политической подоплеки также нет. Арестованные иосифляне подчеркивали чисто церковный характер иосифлянского движения и выступления против митрополита Сергия³¹⁰. Они не скрывали своего неприятия безбожной власти и открыто об этом заявляли следствию. Однако при всей откровенности этих заявлений, за исключением двух-трех очень резких заявлений странствующих монахов³¹¹, они говорили только о духовном неприятии

³¹⁰ Лишь Петр Белавский в показаниях на повторных допросах, явно вынужденных под давлением следствия, признал антисоветскую направленность иосифлянства.

³¹¹ Из протокола допроса странствующего монаха Кожухарева Ивана Антоновича относительно политических убеждений: *«Презираю Соввласть, так как она преследует духовенство и закрывает православные церкви»*. Из протокола допроса Федоровой Евдокии Ивановны, прихожанки храма Воскресения на крови: *«Ненавижу Соввласть, так как эта власть антихриста, которая стремится уничтожить православную Церковь»*. В графе *«Чем занимался до революции (подробно)»* записано: *«Ходила по св. местам»* (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 331, 376).

верующими людьми богоборческой политики и не имели никакого отношения к политической борьбе.

Даже самые радикальные по своим высказываниям обвиняемые, монахи Перекомского монастыря Новгородской области, подтвердившие на следствии, что вели беседы о необходимости борьбы с безбожной советской властью, подчеркивали чисто духовный характер этой борьбы. Например, иеродиакон Владимир Кожинов показал, что выражение *«вести борьбу с безбожной властью»* он понимает как борьбу духовную, то есть словесную, а именно убеждением, подтвердил, что он ее проводил, то есть *«боролся с безбожниками Словом Божиим»*, а именно беседами.

Несмотря на это, вся деятельность иосифлян была квалифицирована как *«политическая борьба к.-р. организации против Соввласти»*, конечной целью которой было *«свержение Соввласти и реставрация монархии»*. Дело по обыкновению было передано через ленинградского областного прокурора на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ во внесудебном порядке. 3 августа 1930 года был вынесен приговор. Архиепископ Димитрий, протоиерей Сергей Тихомиров и иерей Николай Прозоров были приговорены к расстрелу. Но владыке Димитрию, *«ввиду преклонного возраста»*, расстрел был заменен заключением в концлагерь на 10 лет. К десяти годам концлагеря были приговорены еще девять человек, среди них протоиереи Иоанн Никитин, Александр Тихомиров и Василий Верюжский; к пяти годам концлагеря — двенадцать человек, в их числе Петр Белавский и Николай Загоровский, монахиня Анастасия Куликова; к трем годам — восемь человек, остальные — к трем годам высылки в Северный край или Казахстан.

Пока шло следствие, в храме Воскресения продолжались богослужения. Несмотря на вопиющую "антисоветчину" этой *«резиденции иосифлян»*, храм не был закрыт, и власти на протяжении еще целого года "тер-

пели" эту «открытую трибуну контрреволюционной пропаганды» в самом центре Ленинграда. Очевидно, что таким образом они отслеживали новые связи и постепенно «изымали группировавшийся вокруг него контрреволюционный церковный элемент»³¹².

Оставшийся на свободе епископ Сергей (Дружинин) должен был возглавить "иосифлянский центр". По его словам, он вступил в управление и продолжал руководить иосифлянами совместно с епископом Василием (Докторовым): «В управление руководителя я вступил по указанию митрополита Иосифа Петровых. От митрополита я получал все указания и инструкции»³¹³. Однако теперь владыке Иосифу пришлось уже самому непосредственно участвовать в руководстве. Как он сам свидетельствовал: «Более близко пришлось мне проявлять себя в делах лишь после ареста архиепископа Димитрия, когда место его заступил престарелый болезненный и неопытный епископ Сергей, и духовенство стало иногда обращаться со своими нуждами непосредственно ко мне».

Проблемы возникли сразу: какие-то серьезные разногласия между епископом Сергием и частью петроградских клириков и мирян существовали еще и до ареста архиепископа Димитрия. Возможно, это было связано с выборкой патента на продажу свечей, хотя, судя по показаниям председателя "двадцатки" храма Воскресения Михаила Ивановича Сазонова, конфликт по этому вопросу разгорелся скорее всего уже после ареста владыки Димитрия, в декабре 1929 или январе 1930 года.

³¹² Храм Воскресения на крови был закрыт 18 ноября 1930 года и передан Обществу политкаторжан. 28 августа 1938 года городской отдел охраны памятников вынес заключение, что здание бывшей церкви "Воскресения на крови" «подлинной художественной ценности не представляет, и Отдел считает возможным разобрать здание с проведением массовой разъяснительной работы среди населения».

³¹³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 12 об.

Епископ Сергей собирался служить в Охтенской церкви, выбравшей патент, узнав об этом, Михаил Иванович вместе с членом церковного совета Николаем Александровичем Колобковым потребовали от владыки, *«чтобы он продолжал вести линию, взятую епископом Димитрием»*³¹⁴. Очевидно, "требование" прихожан не понравилось епископу Сергию, по их словам, *«епископ Сергей был с нами груб»*. Тогда прихожане во главе с Михаилом Ивановичем составили письмо и *«послали к митрополиту Иосифу Наталию Николаевну Андрееву»*³¹⁵.

Согласно показаниям митрополита Иосифа, Наталья Николаевна приезжала к нему дважды, привозила продукты, письма, и с ней были разговоры о церковных событиях; владыка упоминал один разговор о серьезной проблеме, но другой, не о патенте на продажу свечей, возможно, об этом речь шла в другой приезд. Как бы то ни было, вопрос этот был принципиальным; и у митрополита Иосифа, по его словам, одно время были колебания, которые он объяснял большими смущениями среди верующих и опасениями произвести еще больший соблазн. В то время и иерею Николаю Ушакову, отказавшемуся служить в своей церкви на Охте из-за того, что приходской совет выбрал патент на свечи, митрополит Иосиф написал письмо, в котором *«благодарил за твердую и решительную борьбу со всякими уклонами и покраснениями»*.

«В письме я ему писал, что я на него надеюсь в будущем, что время лукавое и опасное для всяких послаблений, призывал быть на страже, так как находил, что и нашу группу хотят тоже использовать для целей, ничего не имеющих с истинною церковью Христовою, просил поддержать слабых и робких своим примером». Вла-

³¹⁴ На допросе 13 декабря 1929 года архиепископ Димитрий показал: *«Относительно продажи свечей я говорил, что выборкой патента церковь приравнивается к лавочке, и был против выборки патента»* (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 85 об.).

³¹⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 308.

дыке пришлось тут же объяснить, что он имел в виду, неосторожно употребив слово "покраснение": *«"Покраснение" — это нарушение устоев Церкви, и обновленцев, и сергиевцев я считаю красными»*.

Однако в дальнейшем митрополит старался держаться в стороне от этого вопроса, предоставляя его решать самим верующим. *«И тогда, когда эти верующие без соблазна среди себя приходили к решению выбирать патенты, я не возражал и не считал их за это нарушившими чистоту веры»*. *«Распоряжения советской власти и ее мероприятия в отношении церковной политики (налоги на духовенство, церкви, выборка патентов и т. п.) считаю для себя обязательными, как гражданский долг, поскольку они не простираются на существо веры»*.

Такое же отношение у митрополита было и к вопросу о регистрации, вернее, перерегистрации церковных советов ("двадцаток"). Этот вопрос обсуждался на последнем собрании у архиепископа Димитрия, и тогда большинство высказалось за перерегистрацию. Однако вскоре часть духовенства вновь выступила против перерегистрации; об этом как раз и рассказывала митрополиту Иосифу Наталья Николаевна Андреева, будучи, по его словам, *«удручена последним расколом, происшедшим в нашей организации в связи с регистрацией "двадцаток", вследствие чего духовенство в лице Викторина Добронравова, Алексея Вознесенского, Николая Ушакова, Николая Васильева и других отошли от епископа Сергия Дружинина и Василия Докторова и прекратили служения в церквях, принявших регистрацию. Наталия Николаевна мне говорила, что она лично принимала усердие к примирению, а тем более еще тогда, когда увидела, что бывшие духовные чада умершего священника Федора Андреева прекратили посещать храм Воскресения на крови»*³¹⁶.

³¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 327, 312.

Протоиерей Викторин Добронравов, священники Алексей Вознесенский и Николай Ушаков приезжали к митрополиту Иосифу и хотели его убедить осудить перерегистрацию "двадцаток". Однако владыка не согласился с ними, позднее показав: *«Но я был против их предложения и говорил, что раз эту регистрацию требует гражданская власть, то ее нужно производить, и был более согласен с предложением Марии Петровны Березовской, которая, приехав ко мне по этому же делу, в пункты регистрации внесла оговорки, и я тогда же эти оговорки одобрил. Отказ от благотворительности церкви может быть допущен только в противоречии с нашими церковными правилами»*.

Вероятно, митрополит убедил и приехавших священников; по крайней мере, протоиерей Викторин Добронравов в дальнейшем на следствии утверждал, что он был против проведения перерегистрации без оговорки: *«Поскольку она ставит условием признание закона о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года, то следовало бы оговорить некоторые пункты закона, касающиеся церковного имущества, ограничения района деятельности пастырей, запрещения благотворительности»*³¹⁷.

Митрополит Иосиф ничего не говорил о иных вопросах, обсуждавшихся с протоиереем Викториним и другими приехавшими с ним священниками, и из его показаний выходит, что их отход был вызван именно этим вопросом. Иные причины указывает протоиерей Никифор Стрельников, давая в своих показаниях подробное и яркое описание происходивших событий после ареста архиепископа Димитрия, когда *«крайние элементы организации потянули ее в подполье»*:

«Сразу же в соборе Воскресения послышалась агитация, что теперь все православие погибло, что собор теперь уже "красный", что епископ Сергей Дружинин

³¹⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 202.

"предатель", что с ним оставшееся служить духовенство собора — я, прот<оиерей> Сергей Боголюбов, прот<оиерей> Василий Тулин, прот<оиерей> Александр Советов, арх<имандрит> Клавдий — "красные", что в соборе благодати теперь нет, что молиться надо только на домах, что теперь "истинных" в церквях уже нет, т<ак> к<ак> все оставшиеся служить открыто предались и соединились с безбожниками. Такая агитация велась, главным образом, некоторыми монашками, приверженцами и почитательницами группы духовенства, отошедшей от епископа Сергея Дружинина и состоящей из прот<оиерея> Викторина Добронравова, священника Николая Ушакова, прот<оиерея> Алексея Вознесенского, священника Георгия Сафонова, священника Николая Васильева. Проводниками такой агитации являлись близкие к епископу Димитрию лица — Павел Морозов, Сергей Федоров (сапожник), которые сразу же прекратили ходить в собор, также служивший сторожем в соборе бывший иподиакон епископа Димитрия Петр Сазонов. Агитация на эту антисоветскую — под видом церковной — тему поддерживалась и президиумом "20-ки" собора из сторонников и близких к епископу Димитрию лиц: Колбкова, Сазонова, Ругина и Шенца. В этом отношении крайне антисоветски настроенные люди в организации стремились повлиять и на митрополита Иосифа, чтобы он поддержал тенденцию их уйти в подполье и своим духовным авторитетом одобрил этот конспиративный путь организации, отвлек массы от храмов, где они могут все-таки подвергаться действию советского наблюдения для того, чтобы им можно было удобнее вести антисоветскую агитацию»³¹⁸.

И далее все в том же стиле излагается, что президиум "двадцатки" через специально выбранного испол-

³¹⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 180–181.

няющим обязанности настоятеля Александра Советова, как близкое и доверенное митрополиту Иосифу лицо, попытался настроить самого владыку Иосифа против епископа Сергия и что митрополит морально поддержал эти крайние тенденции, лишив владыку Сергия церковного управления "10 особыми заповедями". Безусловно, к этим показаниям, которые вместе с показаниями протоиерея Василия Верюжского стали основой для обвинительного заключения, нужно подходить критически. Однако при всей их тенденциозности и омерзительном стиле определенные настроения и реально существовавшие тенденции в них все-таки отражаются.

Так, в отношении "предательства" епископа Сергия действительно у иосифлян были такие подозрения; об этом показал на допросе и диакон Кирилл Иванов, в какой-то мере пояснив причину их возникновения: *«После ареста архиепископа Димитрия все были удивлены, что аресту не подвергся епископ Сергей Дружинин, считали, что он проданся ГПУ. Поведение еп<ископа> Сергия еще больше усиливало это подозрение. Однажды он сказал, что несколько раз был вызываем в ГПУ, и тут же стал настойчиво просить Добронравова быть его помощником. Все стали подозревать, что это он делает по подсказке ГПУ, и его стали бояться»*³¹⁹. Насколько нелепы были эти подозрения, обнаружилось очень скоро. Во время следствия после ареста в декабре 1930 года епископ Сергей проявил удивительное мужество и смелостью ответов на допросах, вероятно, превзошел самых рьяных своих бывших противников³²⁰.

³¹⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 4. Л. 1136.

³²⁰ Владыка не обинуясь обличал безбожную власть и прямо заявлял следователям, что ненавидит большевиков за убийство государя и его наследника и считает их извергами рода человеческого: *«За кровь помазанника Божьего большевики ответят. За все то, что большевики совершили и продолжают совершать, за расстрелы духовенства и преданных Церкви Христовой, за раз-*

Что же касается «*лишения епископа Сергия церковного управления*», то митрополит Иосиф действительно написал ему десять заповедей, которыми, однако, не лишил, а ограничил в управлении. Как показал владыка Иосиф: «*После ареста архиепископа Димитрия Любимова к управлению по моему благословию вступил Сергей Дружинин, но на него вскоре стали поступать жалобы на его взбалмошный характер, и я в десяти заповедях на имя епископа Сергия предложил ему ограничить свои права в управлении*»³²¹.

Но никакого позволения на отход от епископа Сергия митрополит не давал. Более того, 16 июля 1930 года он послал официальное письмо петроградской пастве, и в нем, «к утверждению и наставлению сомневающимся, колеблющимся и не могущих разобраться в потемках посеянного раздора», ответил на вопросы, к нему обращенные, ясно и определенно:

«1. Никого я не благословлял и не благословляю и не могу благословить ни на какие раздоры и разделения, обособленные от наших храмов Богослужения.

2. Ни в малейшей степени нельзя считать достойнейших моих собратий Еп<ископов> Сергия Нарвского и Василия Каргопольского отступившими в чем-либо от православия. Я — с ними, и они — со мною. Значит: те, кто не с ними, те и не со мною».

И в личном письме кому-то из протоиереев, сообщив о передаче епископу Сергию десяти заповедей, митрополит советует и смиренно просит после принятия владыкой Сергием этих заповедей прекратить всякую

рушение церкви, за тысячи погубленных сынов отечества большевики ответят, и русский народ им не простит. Я считаю, что у власти в настоящее время собрались со всего мира гонители веры Христовой. Русский православный народ изнывает под тяжестью и гонениями этой власти» (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 26).

³²¹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 329.

травлю на него: *«Служите и молитесь с ним, простив его погрешности и за свои испросив у него прощения»*. Нужно отметить, что епископ Сергей подчинился немедленно, о чем сразу сообщил митрополиту в тот же день, когда получил его письмо: *«Со спокойной совестью, согласно Вашего повеления и благословения, отхожу теперь в сторону от всех церковных дел... Дай Господи, чтобы это только послужило на пользу. Если же смута церковная не уляжется, то я пред Богом чист, а за всю разруху пред св. Церковью и народом отвечаю те, кому Вы вверились»*.

По благословиению епископа Сергия письмо митрополита Иосифа было доведено до сведения отделившихся. Сохранилось официальное письмо протоиерею Викторину Добронравову, написанное и посланное протоиереем Никифором Стрельниковым от имени епископа Сергия с просьбой дать окончательный ответ о его отношении к митрополиту Иосифу и всем с ним единомысленным. К этому же письму протоиерей Никифор приложил и свое личное письмо, где по-братски, *«от всей души преданной глубоко и духовно, уважающей и постоянно в убогих молитвах пред Господом благодарно воспоминающей и желающей впредь и всегда навеки духовно не расторгаться, а еще проникновеннее родниться и единиться во Господе, просил погасить раздор, примириться и не делать распрей»*³²².

Не известно, достигли ли цели эти письма и ответил ли на них протоиерей Викторин Добронравов. 19 сентября 1930 года он уже был арестован; на одном из допросов он, между прочим, заявил: *«В подполье уходит не собирався. До сего дня жду и буду ждать, что ходатайство прихожан нашего храма на Петровском будет удовлетворено в положительном для них смыс-*

³²² Полностью письма см.: Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. М.: Братонез, 2008. С. 127–128.

ле»³²³. Вероятно, протоиерей Викторин действительно мог надеяться на открытие храма и продолжение своего служения в нем; в то время почти все иосифляне еще служили в открытых храмах. И потому представляется по меньшей мере преувеличенной *«устремленность в подполье»*, подчеркнутая в показаниях протоиерея Никифора Стрельникова.

Так и единомышленник Викторина Добронравова, протоиерей Алексей Вознесенский какое-то время служил в храме Михаила Архангела, а после того, как настоятель храма, протоиерей Филофей Поляков его удалил, очевидно, в начале 1930 года, ездил к митрополиту Иосифу и искал у него защиты. Митрополит выдал протоиерею Алексию справку, то есть *«напомнил о постановлении Всероссийского собора 1917 года, что никакой епископ, ни священник, ни диакон, ни даже псаломщик не может быть снят со своего места без уважительных причин»*. По этому же делу, по словам митрополита, к нему приезжал и протоиерей Филофей Поляков, который оправдывал *«свои действия волею прихода и тем, что официального назначения в их приход протоиерея Вознесенского не было и потому числиться их священником он не может»*³²⁴.

Едва ли протоиерей Алексей отстаивал бы свое место служения в открытом храме, если бы стремился к *«конспиративному пути»* и *«тянул в подполье»*. Однако, конечно, он, как и многие священники, хорошо понимал, что уйти в подполье придется, когда будут закрыты храмы. Большинство иосифлян, продолжая открытое служение в храмах и выполняя всякие бюрократические формальности, неизбежно с этим связанные (регистрацию в отделе культов, хозяйственные договоры и т. п.), не могли не видеть, что в самом ско-

³²³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 314 об.

³²⁴ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 335.

ром времени богоборческая политика советской власти положит конец их открытому служению.

Так и «идеолог иосифлянства» протоиерей Феодор Андреев, по свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, еще до начала *«развернутого наступления социализма»* и сплошной коллективизации в деревне предупреждал, что *«социалистическое строительство уничтожит Церковь»*. Он подчеркивал, что *«в настоящее время фазис борьбы Соввласти с Церковью устремляется на разрушение самых внутренних основ и существа христианских понятий»* и что *«в скором времени будет произведено переустройство общества на основе материалистических безбожных началах, при коих Церковь, как видимая внешняя организация, уничтожится и что поэтому — она теперь уже должна уходить в подполье, чтобы сохранить себя в "чистоте" и полной неприкосновенности к ней безбожной власти»*³²⁵.

Все это произошло в самом скором времени. Действительно, *«развернутое наступление социализма»*, особенно в деревне, уничтожение крестьянства и перемальвание его в жерновах социалистического строительства наряду с прочими коренными преобразованиями сопровождалось усилением гонений на Церковь. Как уже указывалось, первые массовые аресты начались в 1929 году. В 1930–1931 годах они продолжались; власти методично расправлялись с оппозицией митрополиту Сергию. По обвинению в контрреволюционной и антисоветской деятельности арестовывались десятки священнослужителей и сотни мирян, прервавшие общение с митрополитом Сергием. Все они, по версии следствия, были объединены в единую *«контрреволюционную монархическую организацию Истинно-Православная Церковь»* и представляли ее *«филиалы»* на местах; руководящий центр находился в Москве и

³²⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 168.

Ленинграде. Приговоры по делам "филиалов" были жестокими: так, в Воронеже 28 июля 1930 года двенадцать человек были приговорены к расстрелу, среди них и епископ Алексей (Буй) (в отношении него приговор был отменен, так как он был вывезен в Москву и привлечен по новому групповому делу).

30 августа 1930 года прошли массовые аресты духовенства, монашествующих и мирян, не признававших митрополита Сергия, в Казани и области. Епископ Нектарий (Трезвинский) проходил по делу как один из главных руководителей «*филиала*» *Всесоюзного политического и административного центра контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ в Татарии и Нижегородском крае*.

В октябре — ноябре 1930 года прошли аресты в Московской и Тверской областях, по делу организации "Истинное Православие" к следствию были привлечены пребывавшие в заключении в Соловецком концлагере епископ Максим (Жижиленко) и священник Александр Кремышенский, привезенные в Москву. 18 февраля 1931 года семнадцать человек было приговорено к расстрелу, среди них епископ Максим и отец Александр.

В декабре 1930 года — новая волна массовых арестов в Ленинграде. Среди арестованных — епископы Сергей Дружинин и Василий Докторов, а также множество иосифлянских клириков и активных мирян. Следствием было выделено несколько групповых дел, только по делу епископа Сергия проходило 76 человек. 18 февраля 1931 года в Ленинграде было арестовано сразу пятьсот человек, среди них более двухсот семидесяти монашествующих. Обвиняемым было предъявлено обвинение в «*контрреволюционной деятельности в составе церковно-административного центра Всесоюзной организации ИПЦ*».

В январе 1931 года начались аресты на Украине — в Киеве, Херсоне, Харькове, Днепропетровске, Одессе и других местах — в рамках группового дела «*контрре-*

волюционной церковно-монархической организации ИПЦ». К следствию были привлечены 140 иосифлян: два епископа, Бахмутский Иоасаф (Попов) и Старобельский Павел (Кратиров), пятьдесят два священника, девятнадцать монашествующих, семь диаконов³²⁶.

По делу Самарского "филиала" в Поволжье и по делу Удмуртского "филиала" «к.р. церковно-монархической организации ИПЦ» в Ижевске были произведены аресты в 1930–1931 годах, среди арестованных — епископ Ижевский Синезий (Зарубин), названный руководителем. В Ярославской, Костромской и Ивановской областях продолжались начатые еще в 1929 году аресты непоминающих.

В марте — апреле 1931 года прошли новые аресты в Московской области: Клину, Загорске, Сходне — по делу «контрреволюционной церковно-монархической организации "истинных христиан"». В июне 1931 года девять обвиняемых были приговорены к расстрелу, девять — к 10 годам, остальные — к 5 годам концлагеря или высылки.

Согласно циркуляру из Москвы от 28 января 1931 года, "Обвинительные заключения" по местным организациям ИПЦ препровождались к начальнику Секретного отдела ОГПУ Я. Агранову. Все они вошли составной частью в центральное дело «Всесоюзного центра ИПЦ», или, как именовали это дело чекисты, «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-Православная Церковь». Это дело разрабатывалось параллельно с делами "филиалов" на местах. В Москву свозились архиереи, клирики и активные миряне, рассматриваемые следствием как руководители центра, производились новые аресты, привлекались уже ранее осужденные. По делу

³²⁶ Руководители филиалов и ячеек были приговорены к расстрелу с заменой на 10 лет концлагеря, рядовые участники — к 3–5 годам концлагеря или ссылке.

«центра ИПЦ» было осуждено 32 человека (из 33 обвиняемых), но к делу были приобщены материалы многих периферийных следственных дел (как "филиалов").

«Одних обвинительных заключений в деле собрано шестнадцать. Число людей, обвиняемых в них, превышает девятьсот человек. По этому показателю дело "Всесоюзной организации ИПЦ", возможно, является самым крупным из "церковных" дел. Следствию вполне удалось придать делу "всесоюзный характер"»³²⁷. К сожалению, ознакомиться подробно со всеми его материалами, хранящимися в Центральном архиве ФСБ, непросто. Как заметил изучавший его в группе сотрудников ПСТБИ А. В. Мазырин: «Круг исследователей, имевших возможность ознакомиться с материалами данного дела, пока еще не велик» (добавим, что еще меньше тех, кто мог изучить дело в полном объеме и тем более опубликовать результаты своих исследований). И это несмотря на то, что еще десять лет назад тот же Мазырин предполагал, что «комплексное изучение следственного дела "Всесоюзной организации ИПЦ" и введение его материалов в научный оборот позволит более полно и точно осветить новейшую историю Русской Церкви, особенно такую ее трудную страницу, как историю церковных разделений конца 1920-х — начала 1930-х годов».

Надеемся, что со временем историкам все же будет открыт свободный доступ к архивам и наконец появится возможность действительно осуществить комплекс-

³²⁷ «Дело, согласно надписаниям на нем, имеет 11 томов, объемом от немногим менее 300 до почти 700 листов. Однако первый том отсутствует, а одиннадцатый начинается с того, с чего, как можно предположить, мог бы начинаться первый: с ордеров на аресты и обыски, протоколов обысков, первых анкет арестованных. Далее, нумерация листов во втором томе начинается не с 1-го, а с 401-го, в то время как в одиннадцатом томе она заканчивается 400-м...» (Мазырин А. В. Следственное дело «Всесоюзной организации ИПЦ» как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви. С. 191, 190).

ное изучение всех материалов центрального дела. На данный же момент остается довольствоваться теми сведениями, которые уже введены в научный оборот; в отношении митрополита Иосифа, по счастью, это немало — практически все протоколы его допросов³²⁸. И хотя, конечно, по ним невозможно не только создать полную картину развития антисергианского движения, но и объективно оценить ту роль, которую играл в нем митрополит Иосиф, тем не менее при определенном критическом подходе и данный специфический источник дает немало ценной информации.

³²⁸ Впервые выдержки из них были опубликованы в книге И. И. Осиповой "Сквозь огонь мучений и воду слез..." в 1998 году. Затем в 2002 году в "Богословском вестнике" Свято-Тихоновского института, причем указано было, что публикация включает в себя все показания митрополита, содержащиеся в деле.

Митрополит Иосиф в деле "Всесоюзной организации ИПЦ"

12 сентября 1930 года владыка Иосиф был арестован в Николо-Моденском монастыре и доставлен в Ленинград. Конвоировавший митрополита агент Череповецкого ГПУ вез его в довольно комфортных условиях. Так, на одном из допросов, давая показания о самовольной отправке сообщения о своем аресте, владыка Иосиф признался, что сделал это на станции Тихвин, воспользовавшись тем, что сопровождавший его сотрудник ГПУ пошел разыскивать место в мягком вагоне, на какое они имели право. Владыка в это время наскоро написал открытку и передал ее в почтовый вагон, который был рядом с их вагоном.

В Ленинграде митрополит был заключен (уже без всяких удобств) в тюрьму — Дом предварительного заключения на Шпалерной, возможно, в одиночную камеру. Первый допрос был произведен 22 сентября 1930 года. После ответа на обычные вопросы анкеты владыка Иосиф дал показания *«по существу дела»*: он обстоятельно рассказал о назначении его на Ленинградскую кафедру, о единственной службе в качестве митрополита, о выезде в Новгород, затем в Москву и Ростов, о назначении на Одесскую кафедру. *«После назна-*

чения меня на Одесскую кафедру я первое время хотел уйти на покой от всех дел, но в это время в Ленинграде образовалась группа духовенства во главе с епископами Димитрием Любимовым, Сергием Дружининым, священниками — называть в отдельности отказываюсь, — а главным образом многочисленным количеством верующих, стали просить меня и потребовали остаться их руководителем, Ленинградским митрополитом, обещая мне, что они меня не будут ни в чем беспокоить, а сидеть в ссылке в Моденском монастыре и только быть их духовным руководителем»³²⁹.

Владыка утверждал, что так и было первое время, а потом он постепенно был втянут в церковный водоворот. Далее, как уже выше упоминалось, он старался преуменьшить свою роль в антисергианском движении, протестовал *«против насильственного пристегивания его имени»* к этому движению, утверждал, что это движение возникло на почве злоупотреблений митрополита Сергия и не зависело от каких бы то ни было личностей; и что даже без его участия в этом движении *«оно безостановочно шло бы и пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение»*. Более того, это движение не остановит даже авторитет Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Петра, утверждал владыка Иосиф: *«Всякая попытка его в этом роде истолкована бы была как его отклонение от здравых суждений об истине и неминуемо кончилась бы лишь отпадением верующих масс и от самого митрополита Петра»*.

Владыка Иосиф особо подчеркнул, что антисергианское движение не нуждается в особом возглавлении, так как каждый антисергианский архиерей имеет право самостоятельно управляться со своей паствой и не

³²⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь». Т. 11. Л. 304 об.—305. Далее по тексту главы все цитаты, кроме особо оговоренных, из данного дела.

нуждается в другой центральной власти (на основании постановлений Патриарха Тихона и других высших иерархов); за ее в сущности отсутствием и невозможностью функционировать правильно.

«При чем же тут я, ничуть не больше других воспользовавшийся правом "сметь свое суждение иметь" о таких вещах в нашем чисто церковном быту, до которых гражданской власти не должно быть никакого дела?» — возмущенно вопрошал владыка; при этом он ссылаясь на декреты советской власти о свободе совести, об отделении Церкви от государства, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. Далее он твердо заявил: *«Я не вижу препятствий для введения в безвредное для государства русло и этой новой антисергианской, но отнюдь не антигосударственной ориентации. Что требуется для этого с нашей стороны, ожидаю предъявлений со стороны самой власти, и если только она действительно искренно говорит и уверяет всех, что у нас нет преследований ни веры, ни Церкви, ни верующих за их убеждение, то могу слабо надеяться на улучшение своей участи».*

Такие показания митрополита Иосифа едва ли могли удовлетворить следствие, поскольку не укладывались в ту схему, по которой разрабатывалось данное дело. Митрополит подчеркивал чисто церковный характер движения, отрицал свою роль как руководителя, да и вообще наличие какого-либо центрального руководства, и уж тем более какую-то политическую контрреволюционную окраску. Следователь А. Макаров все старательно записывал, а на следующий день, 23 сентября, на втором допросе преподнес митрополиту изъятую у него при аресте рукопись с выделенными им строками явно антисоветского содержания: *«Толковать с вами — самое бесполезное и безнадежное дело. Мы никогда не столкнемся. Вы никогда не сделаете того, чего хочу я. Я никогда не сделаю того, что вам*

нужно. Вам нужно уничтожение Христа, мне его процветание... По вашему, мы мракобесы, по нашему, Вы настоящие сыны тьмы и лжи... Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и гонять по ссылкам ее служителей. Нам кажется величайшей дикостью, позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества».

Владыке пришлось признать, что рукопись, обнаруженная при обыске, написана «мною лично»; понятно, что теперь ему трудно было доказывать как свою лояльность, так и "безобидность" для Советского государства антисергианства в целом; предстояло как-то объясниться. Митрополит показал, что он написал эту рукопись в «состоянии крайнего нервного возбуждения при вызове к агентам ГПУ в Моденском монастыре, которые в 2-х-часовой срок потребовали письменно ответить на вопросы»: о пребывании в ссылке, отлучке в Ростов и отношении к современным событиям. Отвечать владыка начал именно так, но потом, успокоившись, понял, что «такие мысли неуместны и сумасбродны», и написал три ответа (один из них, очевидно, приобщен к материалам дела). Владыка даже выразил «искреннее и глубокое сожаление, что мог допустить такие мысли, если я их сразу же не уничтожил, то лишь потому, что эта рукопись в суматохе куда-то завалилась, и я не мог ее обнаружить и уничтожить».

Очевидно, что митрополит действительно испытывал сожаление по поводу этих мыслей, только скорее не из-за них самих, а из-за письменного их выражения, неосторожного сохранения и неуничтожения. Надо же дать такой повод для обвинения в антисоветской агитации и контрреволюции! И это при том, когда следствие ищет любую зацепку в пользу обвинений, а он всеми силами старается опровергнуть и показать их необоснованность.

Прекрасно понимая, чем грозят эти обвинения и ему, и всем с ним единомысленным, митрополит еще более подчеркнуто заявил о своей лояльности, написав на третьем допросе в собственноручных показаниях: *«Признавая некоторую нелояльность своего личного поведения в отношении Власти и находя, что безупречное соблюдение этой лояльности чрезвычайно затруднено вообще: при таком множестве всякого рода невыясненных достаточно ограничений свободы живой человеческой личности и возможно разве только для высшей 100%-тной мудрости Сократа, прошу вновь Власть простить мне мои ошибки, о коих выражаю искреннейшее сожаление, и принять мое "честное" (и отнюдь не лакейское) заверение, что сознательным врагом и вредителем Власти никогда не был и быть не могу в силу своего далеко не дворянского происхождения»*.

В этих же своих показаниях на допросе 27 сентября 1930 года митрополит Иосиф в объяснение своего *«отношения к современным церковным событиям»* пытался показать аполитичность и "законность" анти-сергианства, то есть ненарушение советских законов, и доказать, что выступление против Сергия не является выступлением против советской власти:

«Процесс, в котором я сейчас фигурирую, имеет целью, — видимо, "разгром" так называемого "Иосифлянства" (правильнее "антиСергианства"), организации якобы с антисоветскими тенденциями. Отсюда вытекает и тот неправильный путь, по которому, — мне кажется, — идет все следствие, грозя напрасно гибелью многих неповинных в том, в чем их обвиняют. Ведь критика слов и дел митрополита Сергия — вовсе не есть критика или выпад против Власти.

Лакейский подход Сергия к Власти в его церковной политике — факт неопровержимый. И вся Советская печать гораздо злее и ядовитее нас высмеяла это лакейство и в стихах, и особенно в фельетонах и юмори-

стических иллюстрациях. Почему же нам это воспрещено?

За хранение и распространение этой критики людей преследуют, как за хранение чего-то антисоветского. Правда, здесь прорываются иногда вопли, как будто бы и Власть задевающие. Но ведь это неизбежно, как одна крайность при другой, как невольная отрывка тех подхалимств, до которых дошел наш недавний "господин-лакей" Сергей. В этих же воплях, в этой отрывке — нет однако же активного противодействия Власти, а простое подчеркивание контрастов. В самом деле, если Сергию — по пословице — "плюнь в глаза, ему все будет Божья роса", то мы говорим, что плевок есть плевок, и только. Сергей хочет быть лакеем Советской власти, — мы хотим быть честными лояльными гражданами Советской Республики с правами человека, а не лакея, и только».

Митрополит Иосиф еще раз повторял, что во главе "антиСергианской" ориентации не стоял и на выпады антисоветские не имел влияния, а если таковые оказались, то он от них отмежевывался. Участвуя в жизни общины храма Воскресения и других единомысленных с нею советами и помощью в решении разного рода вопросов церковного характера, он считал и считает, что не выходил из рамок законности, поскольку сама власть позволяла ему регистрироваться при этой общине в качестве ее духовного руководителя.

На следующем допросе, 30 сентября, митрополит, рассказывая о появлении антисергианской оппозиции в целом и в частности в Ленинградской епархии, вновь подчеркивал: «Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковною деятельностью, чуждою гражданской политики, и в начале только лишь в тесном кружку одной общины, к которой вскоре же однако примкнул целый ряд других общин, как в самом Ленинграде, так и в других местно-

стях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписанный лозунг был — совершенное отрешение от светской политики в сторону только церковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств чину, и, как содействующее условию этому, — устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями поместного собора 1917 года».

Митрополит признавал наличие "антисоветских выпадов" со стороны отдельных лиц, но указывал на несправедливость возложения ответственности за них на всю группу верующих. На допросе 5 октября 1930 года он сказал: «Вести борьбу с антисоветскими настроениями — законное дело Советской власти. Но я нахожу, что власти следовало бы иметь более осторожности в суждении о действительно антисоветских настроениях церковных людей и о степени их активной вредности, тем более что с точки зрения власти борьба с религией подводит под угрозу репрессий всякого верующего человека. Вот и в моем деле: я категорически отказываюсь от обвинений меня в активной контрреволюционности и в антисоветской деятельности. Но оправдаться в этом трудно, потому что мы стоим на разных точках зрения по существу спорных пунктов. Простое слово, сказанное в защиту своей точки зрения, является обидным для иначе настроенной власти и, следовательно, уже "антисоветским"».

Так оно и было. И сколько бы митрополит ни заявлял о своей лояльности, отмечая «все антисоветское», и ни «кааялся в ошибках», его верность Церкви и заяв-

ления подобного рода: «*Я иду только за Христом*», — были достаточны для обвинения в тяжких государственных преступлениях.

Приведенные показания митрополита перекликаются с более ранним приобщенным к делу собственноручным показанием митрополита Иосифа: «*Мое отношение в настоящем положении к современным событиям*». Это, очевидно, был ответ, написанный по требованию чекистов в Моденском монастыре еще до ареста: «*Мне часто приходилось слышать благие советы: то идти за одним, то за другим. Зачем же непременно нам нужна человеческая кабала? Я иду только за Христом, по разумению своего какого ни на есть разума, и этого с меня довольно. Итак, мое последнее слово: мне дорога свобода, но, если она послужила бы только во вред мне или кому другому, ничего не имею и против неволи. И то, и другое принимаю и впредь как от руки Божией. Им, по нашему верованию, — (Господом Богом) всякая власть царствует и пишет правду ("Мною царие царствуют, и сильные пишут правду" — слова Библии). Била меня когда-то и Царская власть — я терпел... Готов терпеть и от нынешней Советской — все, что угодно, твердо веря, что и она без воли Божией не сильна мне сделать никакого зла (Евангелие от Иоанна, 19 глава, 10–11 стихи)*»³³⁰.

30 октября 1930 года митрополиту Иосифу было предъявлено обвинение в том, что он, «будучи митрополитом, находясь в административной ссылке, являлся вдохновителем и руководителем контрреволюционной церковной группы. Группировал и создавал по всему СССР монархические церковные группы». Позднее в анкете 17 ноября 1930 года митрополит записал:

³³⁰ «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 9. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 424.

«Оба обвинения с негодованием мною отвергнуты». А в графе «Примечания заключенного» записал: «Более подробно опровержение обвинений дано в особом заявлении на имя Ленинградского областного Прокурора, поданном 15 ноября с<его> г<ода> через начальника Ленинградского ДПЗ».

Для дальнейшего следствия митрополита Иосифа этапировали во внутреннюю тюрьму ОГПУ в Москве. 19 ноября 1930 года его допросил следователь А. В. Казанский; вопросы касались, прежде всего, М. А. Новоселова. Митрополит ответил, что на него лично Новоселов никакого особого влияния не имел, но имел влияние на митрополита Агафангела и архиепископа Серафима, и что Серафим подготавливал какой-то протест против декларации митрополита Сергия:

«На отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение он (Новоселов) повлиял в том смысле, что подлил, как говорится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути — на котором они уже стояли».

«Со мной Новоселов беседовал о положении в Церкви, создавшемся после декларации Сергия. Он говорил о том, что позиция декларации неприемлема для верующего народа и, в частности, для каких-то "ревнителей церковных из интеллигенции". Имен кого-либо из представителей такого рода интеллигенции при этом не было названо. О нас же, представителях иерархии, говорилось, что и нам тоже пора сказать свое слово. Позже архиепископ Серафим Угличский показал мне, переслав, кажется, его, письмо Новоселова, в котором последний анализировал трех лиц с точки зрения пригодности их к возглавлению нового церковного течения. Относительно меня и Агафангела говорилось, что мы мало пригодны: я — как склонный более к созерцательной жизни, а Агафангел — как престарелый. Называя Серафима "сыном", Новоселов выдвигал на эту роль его, как более молодого и энергичного».

На следующем допросе, 23 ноября, митрополит упомянул о втором приезде к нему М. А. Новоселова, когда тот привез письмо епископа Димитрия и предложил митрополиту встать во главе антисергианского движения. На это предложение владыка Иосиф никак не реагировал, *«вернее, не помню, что сказал»*, — добавил он. Еще в первый приезд Новоселова он слышал от него *«мнение какой-то "группы интеллигентных верующих" о необходимости возглавления церковников, не согласных с политикой митрополита Сергия»*. Только тогда ими было решено просить об этом митрополита Агафангела.

Эта "группа интеллигентов" больше всего интересовала следователя, однако митрополит Иосиф мало что мог о ней сказать. И на следующем допросе 1 декабря 1930 года "откровенно" заявил, что *«о деятельности интеллигентской группы, пытавшейся руководить до известной степени церковными делами»*, ему лично мало известно, и он знал только несколько фактов, *«указывающих на наличие и деятельность такого рода группы»*. О ее существовании слышал от Новоселова; архиепископ Серафим Самойлович говорил, что Новоселов кого-то объединяет; Наталья Николаевна Андреева называла Лосева и Новоселова как каких-то известных московских деятелей по церковным делам. Систематической связи митрополит Иосиф с этой группой не имел и не представлял, кто в нее еще входит.

Между тем эта группа, по версии следствия, являлась *«церковно-политическим центром Всесоюзной контрреволюционной организации церковников»*. Помимо профессора А. Ф. Лосева и М. А. Новоселова в нее включили еще ряд известных московских ученых, преподавателей, студентов, а также священнослужителей. Этой группе, *«осуществлявшей общеполитическое руководство»*, приписали создание второго *«церковно-административного центра»* организации в Ленинграде, а решающую роль в этом создании — М. А. Ново-

селову, об этом в "Обвинительном заключении" говорилось так:

«Новоселов был человеком борьбы... Он был одним из представителей той реакционной части русской интеллигенции, которая боролась с Соввластью через Церковь».

«С момента выпуска митр. Сергием своей декларации, вызвавшей протест со стороны монархически настроенной части православного духовенства, представитель московской группы к-р церковников М. А. Новоселов развивает лихорадочную деятельность, стремясь объединить разрозненное, антисергианское духовенство и иерархов, придать их выступлениям организованный характер; побудить их увлечь за собой массы на борьбу с Соввластью и за ее свержение путем выступлений и восстаний под религиозно-фанатическими лозунгами».

«Руководителям к.-р. церковников в Москве удалось создать в Ленинграде достаточно влиятельный, спаянный общей ненавистью к Соввласти и готовый к борьбе за идеалы "старой Руси" — самодержавие и православие, церковно-административный центр организации "истинно-православных" вокруг храма Воскресения на крови».

Во главе этого центра следствие поставило митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Димитрия (Любимова), епископа Сергия (Дружинина), епископа Василия (Докторова), назвав их "махровыми монархистами". В отношении митрополита Иосифа указывалось, что его «церковно-политические взгляды ярко выражены в изданном им дневнике "В объятиях отчих", напоминающем творения Иоанна Кронштадтского, церковного апологета монархизма». Несмотря на то что владыка Иосиф был поставлен во главе «церковно-административного центра организации», однако каких-либо подробных показаний о деятельности этого «центра», его связях с "филиалами" на местах и

«контрреволюционной деятельности» от него не добились. Все, что показал митрополит, судя по протоколам его допросов в материалах дела, — это упомянутые приезды к нему Новоселова да краткие объяснения по поводу епископа Иерофея (Афонина) и "подгорновцев" на Украине³³¹.

Действия епископа Иерофея, то есть хождения по деревням, изгнания, «насильственные выбрасывания из церквей с ним несогласных», митрополиту Иосифу были известны, но он не чувствовал, по его словам, что имеет право в них вмешиваться. В свое время он лишь посоветовал епископу Иерофею отложиться от митрополита Сергия, когда тот его запросил, но к дальнейшей его деятельности митрополит Иосиф не имел никакого отношения. Принятие "подгорновцев" владыка Иосиф санкционировал; он говорил о них как о церковных деятелях среди крестьянства, организующих паломничество и тому подобное.

На допросах в Москве митрополиту пришлось еще раз давать показания по поводу изъятой у него при аресте "антисоветской" записки. Он уже не оправдывался, как на допросах в Ленинграде, а утверждал, что эта записка выражала только его личное мнение. И просто констатировал факт, что его резкость, которой он сам не рад, проявлялась иногда в беседах и письмах и давала повод понимать его в том смысле, что будто он стоит за какое-то контрреволюционное действие. Митрополит признал: *«Я, конечно, понимаю что документы, которые выпускались иногда сторонниками нашей организации, носили антисоветский характер, особенно такие, которые трактовали о советской власти как власти антихристовой. Конечно — самое маленькое, что может сделать верующий, — это избегать власти антихристовой».*

³³¹ Последователи старца Стефана Подгорного, возглавляемые его внуком священником Василием Подгорным (1892–1937).

Это было сказано владыкой на последнем допросе 16 декабря. Почти то же самое показал на допросах и его заместитель архиепископ Димитрий (Любимов), также в это время привлеченный к следствию по центральному делу: *«Я признаю, что признание нами советской власти властью антихристовой должно было повлечь за собой для верующих, ориентирующихся на нас, невозможность участвовать в каких бы то ни было ее начинаниях»*. Владыка Димитрий, как и митрополит Иосиф, признал на одном из первых допросов: *«Я очень хорошо сознаю, что в ряде документов и листовок, которые выпускали мои сторонники, были места и выражения, носящие антисоветский характер. Должен заявить, что я лично не сочувствовал увлечению составителей в сторону политического момента и обычно советовал выбросить места такового рода из показываемых мне документов»*.

И так же, как митрополит Иосиф, владыка Димитрий подчеркивал церковный характер выступления против митрополита Сергия, а свою *«установку как необходимость в случае надобности "пострадать до крови"»*, весьма заинтересовавшую следствие, объяснял в церковном смысле как *«готовность принять мученичество за Христа»*. Однако в отличие от митрополита архиепископ не скрывал своего отношения к советской власти: *«Мы считаем, что Церковь не может быть лояльной власти, которая ее гонит, а советская власть, по моему разумению, именно гонит Церковь»*. А на допросе 3 марта 1931 года прямо заявил: *«Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем. Для нас приемлема такая власть, о которой говорится в одном из наших документов, а именно, в записи беседы с митрополитом Сергием: "Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а и я сам подчиняюсь выше меня стоящему, то есть все это вос-*

ходит к Богу как источнику всякой власти". Иначе говоря, такой властью является помазанник Божий, монарх».

Да, высказывания были прямо-таки вызывающими. А для следствия, несомненно, крайне «антисоветскими» и «контрреволюционными»; хотя владыка Дмитрий и оговаривался, что «дальше распространения этих идей мы не шли; практически, за исключением небольшой группки людей³³² — наших сторонников, против советской власти ничего конкретного не предпринимали». Но само по себе такое умонастроение делало его носителя в глазах богоборческой власти самым заклятым врагом.

Чекисты, условно разделившие обвиняемых церковников на две группы, поместили митрополита Иосифа и архиепископа Дмитрия соответственно во главе каждой из них. По версии следствия, первая группа, «левая, ограничившаяся в то время объявлением митрополита Сергия изменником и созданием собственного центра во главе с митрополитом Иосифом Петровых. И вторая, «так называемая правая, не только объявившая митрополита Сергия изменником, но и связавшаяся идейно с руководящим центром "имяславия" на основе его программы — свержения советской власти ("власти антихриста") и восстановления монархии»³³³. Вторую группу возглавил архиепископ Дмитрий Гдовский.

Владыке Дмитрию были предъявлены обвинения и в «активном участии в повстанчестве, террористических актах против сов<етских> парт<ийных> работников и представителей общественности, в организации массовых выступлений и эксцессов». Не со-

³³² Архиепископ Дмитрий имел в виду «пламенного архиерея Иерофея, который вел проповедь отказа от практической деятельности в деревне и об оздоровлении жизни народа против пьянства».

³³³ Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...» С. 41.

всем понятно, какими конкретными фактами подтверждались эти убийственные и совершенно голословные обвинения, естественно, отвергаемые архиепископом Димитрием и другими обвиняемыми³³⁴. Тем не менее он и другие члены "правой" группы подверглись более суровым наказаниям.

Приговор был вынесен 3 сентября 1931 года. Участники "правой" группы получили по 8–10 лет лагерей, епископ Алексей (Буй) и протоиерей Анатолий (Жураковский) были приговорены к расстрелу с заменой на 10 лет заключения в лагерь. Участники "левой" получили по 3–5 лет концлагерей или ссылок. Митрополит Иосиф (Петровых) был осужден на пять лет концлагеря с заменой на высылку на тот же срок в Казахстан. Столь "мягкие" приговоры по делу «*Центра ИПЦ*» по сравнению с делами его "филиалов", где были вынесены десятки расстрельных приговоров, могли объясняться, по мнению некоторых исследователей, намеренным планом чекистов: отслеживать связи высланных руководи-

³³⁴ В материалах дела приведены два факта антисоветских выступлений. Первое организовано иеромонахом Исайей (Кушниревым) в селе Никитовка Ахтырского района под Харьковом. После проповеди, взяв крест, он вышел из храма в священническом облачении и призвал прихожан к "крестному походу против советской власти". Верующие во главе с ним шли в село Балку, чтобы забрать в храме особо чтимую икону Покрова Божией Матери и идти с примкнувшими крестьянами до Тростянца и там, на главной площади отслужить молебен "о ниспослании победы над большевиками". Народ их не поддержал, и до Тростянца они не дошли. Второе "восстание" против власти под руководством Фомы Трохова прошло в августе в селе Вольном под Харьковом. Перед началом выступления по селам распространялись слухи, что "советская власть есть тот зверь, о котором говорится в Откровении Иоанна Богослова", что "царь батюшка вместе с папой Римским идут крестовым походом на большевиков", и верующие должны поддержать "тех благородных людей, которые стремятся разрушить это царство сатаны". Фома Трохов и его сторонники уверяли, что у них "есть полк солдат", но крестьяне его не поддержали, и вскоре Фому Трохова и его ближайшее окружение арестовали и осудили (*Осипова И. И. Указ. соч. С. 85–86*).

телей и таким образом продолжать выявлять оставшихся на свободе их единомышленников.

Одновременно представляется справедливым и более простое объяснение, особенно в отношении рассматриваемого дела «*Всесоюзного центра ИПЦ*»: приговор выносился в зависимости от выражения степени лояльности в показаниях обвиняемых. Однако следует заметить, что эти степени лояльности на самом деле мало что меняли в общецерковной позиции «*руководителей центра*». Их отношение к безбожной власти, в сущности, было одинаково, они лишь по-разному пытались решить вопрос взаимоотношений Церкви с этой властью. Вопрос, как уже указывалось, непростой, во всех смыслах жизненно важный, но окончательно не решенный.

Если в первые годы революции постановления Собора 1917–1918 годов и послания Патриарха Тихона выражали крайне отрицательное отношение к советской власти и не столько определяли, сколько констатировали отсутствие взаимоотношений между Церковью и безбожным государством³³⁵, то в 1923 году позиция Патриарха изменилась. В своих "покаянных" заявлениях он объявил, что он «не враг советской власти» и раскаивается в своей прежней «антисоветской деятельности». Эти заявления Патриарха многих повергли в смущение; не все согласились с выраженной в них лояльностью. Отметим лишь, что "покаянные" заявления Патриарх делал от своего имени и ни на кого не налагал бремени, тем более не подвергал прещениям за несогласие.

Однако изменение позиции Патриарха с пониманием воспринял даже такой противник безбожной власти, как глава Русской Православной Церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий), известный своей строгой бескомпромиссной позицией и прямолинейностью суждений. Сразу же после опубликования заявле-

³³⁵ Достаточно вспомнить знаменитое послание Патриарха, анафематствовавшее гонителей Церкви и призывавшее верующих не иметь с ними никакого общения.

ний Патриарха митрополит Антоний в статье под заголовком "Не надо смущаться" убедительно показал, что заявления Патриарха хотя и являются, безусловно, уступкой безбожникам, но не погрешают против церковных канонов и Предания в целом и что, идя на внешнее примирение с советской властью и пытаясь найти какое-то положение для Церкви в совдепии, если и не правовое, то хотя бы терпимое, Патриарх с чисто церковной точки зрения не совершил преступления ни против веры, ни против народа.

Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данной книги, тем более что на эту тему существует огромное количество церковно-исторической литературы, отечественной и зарубежной. И что самое главное — при всех своих уступках Патриарх никогда не переступил ту грань, которая отделяет политическую лояльность от подчинения Церкви безбожной власти³³⁶, и, сохраняя церковную свободу, не позволял безбожникам вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви.

В этом отношении позиция митрополита Иосифа, выраженная им во время следствия, полностью совпа-

³³⁶ Интересное свидетельство об этом доктора М. А. Жижиленко, близкого друга Патриарха Тихона, впоследствии первого иосифлянского епископа Максима Серпуховского. «В одной из бесед святейший Патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший Патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу — будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому Патриарх Тихон благословил профессору-доктору Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, — стать епископом». (*Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Ч. II. С. 21*).

дала с позицией Патриарха Тихона. Владыка Иосиф, как и Патриарх Тихон, пытался найти для Церкви хоть какое-то положение, *status vivendi* в безбожном государстве. Его заявления о том, что он никогда не был сознательным врагом советской власти, что готов доказать свою лояльность, напоминают подобные же заявления Патриарха. Так, на допросе 5 октября 1930 года владыка Иосиф показал: *«Я отмечаю все антисоветское и каюсь в своих ошибках, от которых, повторяю, так трудно всякому уберечься. Я готов на все, что нужно, в пределах возможного, для восстановления доверия ко мне власти и для доказательства моей лояльности к ней».*

Это заявление может вызвать смущение, подобно заявлениям Патриарха. Однако митрополит Иосиф, идя на определенные уступки, как и Патриарх Тихон, не погрешал против церковной правды и не переступал границу политической лояльности. Владыка Иосиф сказал, что готов на *все «в пределах возможного»*; а это "возможное" для него ограничивалось рамками дозволенного Церковным преданием. Заявляя, что он никакого отношения к политике не имеет и не позволит использования своего имени ни в чем "*контрреволюционным*" и "*противосоветском*", владыка твердо добавлял:

«Но и совестью своей торговать не намерен, и всякую попытку использовать свои силы вопреки декрету о невмешательстве в дела чисто церковные и духовные — встречу отпором, ничуть не боясь погрешить этим против власти гражданской, если только она верна своим же собственным декретам и духу своих постановлений о свободе веры и совести каждого».

Напоминая представителям власти о декретах советской власти, владыка выражал "недоумение" по поводу преследования антисергианской оппозиции:

«Ведь у нас есть столь красивые (но уже ли лживые?) декреты о свободе совести, об отделении церкви от госу-

дарства, о свободе всякого вероисповедания, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. И если законы пишутся для того, чтобы их исполнять, то не там ли настоящая контрреволюция, где эти революционные законы не исполняются, и этим самым они только роняются, уподобляясь "филькиным грамотам"?

Если закон о запрещении поддерживать одну какую-либо религиозную ориентацию в ущерб другой не есть такая филькина грамота, то я не вижу препятствий для введения в безвредное для государства русло и этой новой антисергианской, но отнюдь не антигосударственной ориентации».

В логике рассуждений митрополиту Иосифу не откажешь, и вряд ли представители советской власти могли ему что-либо возразить или опровергнуть обвинение в "контрреволюции", которое митрополит столь умно и тонко им предъявлял в ироничной и внешне наивной форме. Это была своего рода церковная дипломатия, попытка достигнуть какого-то соглашения с явным врагом — договориться с советской властью на основании ею же провозглашенных законов, соблюдение которых могло обеспечить Церкви вполне сносное существование. Именно к ним и апеллировал владыка Иосиф.

Другое дело, что провозгласившие их власти на практике вовсе не собирались их соблюдать³³⁷. Все "красивые" советские декреты и законы на деле являлись полной фикцией и для насквозь пропитанной ложью власти служили лишь цивилизованным прикрытием ее жесточайших гонений на Церковь. Безусловно, митрополит Иосиф это понимал. В письме протоиерею Виктору Добронравову он писал: *«Борьба, которую ведет*

³³⁷ Вся система Советского государства была построена на исполнении решений Политбюро ЦК компартии, воплощаемых в жизнь силовыми органами ОГПУ — НКВД, которые руководствовались не конституцией, а директивами своего начальства. Третий отдел Секретно-оперативной части ОГПУ, занимавшийся церковными делами, прямо назывался "ликвидационный".

Советская власть с Истинной Православной Церковью³³⁸, есть борьба не с нами, а с ним, Богом, Которого никто не победит, и наше поражение, ссылка, заточение в тюрьмы и тому подобное не может быть его, Бога, поражением. Смерть мучеников за Церковь есть победа над насилием, а не поражение».

И на допросах владыка говорил: *«Радости Советской власти не могут быть нашими общими радостями. Советская власть получает удовлетворение закрытием той или иной церкви, мы можем только иметь скорбь и не можем радоваться. В программе Советской власти на первом месте поставлена борьба с религией как опиумом для народа, мы же считаем и всякое преследование духовенства и верующих преследованием религии и только можем выразить скорбь».* *«Никакими репрессиями со стороны Советской власти наше течение не может быть уничтожено. Наши идеи, стойкость в чистоте православия пустили глубокие корни».*

Порой выведенный из терпения издевательствами чекистов митрополит готов был отбросить всякую дипломатию и выложить все, что он думает о богоборцах. Так, еще до ареста он написал свою знаменитую объяснительную записку, которую потом ему предъявляли на допросах и по поводу которой ему пришлось, как уже упоминалось, выражать *«искреннее и глубокое сожаление»* и объяснять, что *«эта рукопись в суматохе куда-то завалилась»*. Но очевидно, что именно эта "завалившаяся" рукопись, а не запротоколированные на допросах показания, выражала сокровенные мысли митрополита и его истинное отношение к безбожной власти.

Митрополит Иосиф, вероятно, уже понимал, что тщетно надеяться договориться с богоборцами и что Со-

³³⁸ Вероятно, это письмо дает основание некоторым исследователям полагать, что термин "Истинно-Православная Церковь", который стали применять к иосифлянскому движению, впервые употребил именно митрополит Иосиф.

ветское государство никогда не допустит существования истинной Церкви. Вероятно, митрополит, так же как и Патриарх Тихон, видел, что предел «политическим требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви», что легализация возможна лишь на таких условиях власти, когда от Церкви остается лишь пустая оболочка, а внешняя организация сохраняется за счет недопустимого компромисса с безбожием, и что у Церкви единственно возможный способ существования (*status vivendi*) в советском обществе — подпольный, катакомбный.

Через несколько лет к такому же выводу будут подведены не только иосифляне, но и их противники. Неизбежный ход событий в богоборческом государстве, нацеленном на полное искоренение религии³³⁹, успехи безбожных пятилеток, уничтожение монастырей, разрушение и закрытие почти всех храмов к середине 1930-х годов поставят всех перед фактом невозможности открытого служения. И тогда придется делать простой выбор: либо служить тайно, либо вовсе отказаться от служения.

Примечательно, что богоборческие власти, расправившись с антисергианской оппозицией³⁴⁰, подвергли

³³⁹ Во второй безбожной пятилетке планировалось: «К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на всей территории СССР».

³⁴⁰ После завершения дела "Всесоюзной организации ИПЦ" репрессии в отношении "истинно православных" продолжались. В 1932 году в Ленинграде расправлялись с оставшимися "иосифлянским" духовенством и активными прихожанами последних трех незакрытых "иосифлянских" храмов, а также с участниками тайных монашеских общин и домашних церквей, устроенных в квартирах. В 1932 году прокатилась волна массовых арестов в Москве; по групповому делу ИПЦ были привлечены архиепископ Андрей (Ухтомский), епископ Серафим (Звездинский), епископ Гавриил (Красновский), а также ряд клириков, не поминающих митрополита Сергия, в большинстве уже не имевших непосредственно связей с "иосифлянами". Это был уже завершающий этап основной операции: число арестованных священнослужителей в период с 1931 по 1932 год превысило 19 тысяч человек. Наиболее активно чекисты действовали в столице и об-

репрессиям и сторонников митрополита Сергия. Согласно своему плану, после создания разделения в церковной среде и расправы с церковной оппозицией, то есть менее лояльной (или, вернее, менее покорной), они приступили к уничтожению остальной, более лояльной части. И теперь церковная принадлежность не будет играть особой роли — в тюрьмах и лагерях окажутся даже самые преданные сторонники митрополита Сергия. Разделяя судьбу своих прежних оппонентов, они на своем горьком опыте убедятся во всей бесполезности заявлений и "проявлений" верности советскому правительству, в тщетности надежд на мирное течение жизни в результате компромисса с богоборцами, за который они заплатили церковной свободой³⁴¹.

ласти, с гордостью рапортуя, что «в итоге работы почти повсеместно были выявлены и арестованы филиалы и ячейки этой организации с общим количеством участников свыше 4000 человек» (*Осипова И. И.* Указ. соч. С. 27).

В 1933–1934 годах аресты продолжались, но к тому времени фактически все архипастыри уже были в лагерях и тюрьмах, так же как и большинство пастырей; правда, кое-где еще некоторое время существовали открытые антисергианские храмы, так было, например, в Вятской епархии. Но во второй половине 1930-х годов и с этими последними легально действующими храмами непоминающих было покончено. Остался один-единственный действующий храм — ленинградская церковь Троицы в Лесном, не закрытая властями с целью дальнейшего выявления "антисоветских" настроений. Те священники, которым посчастливилось избежать ареста или выйти на свободу из лагерей и тюрем, перешли на нелегальное положение и служили тайно.

³⁴¹ К 1939 году на свободе вместе с митрополитом Сергием осталось всего четыре архиерея; десятки епископов и сотни священнослужителей были расстреляны. «Подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые оставались в живых, находились в лагерях и ссылках. Церковная организация была разгромлена... К 1939 году на всей территории России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов» (*Цыпин В., протоиерей.* История Русской Церкви: 1917–1990. М.: Хроника, 1994. С. 103–107).

В ссылке

После вынесения приговора в сентябре 1931 года митрополит Иосиф был выслан в Казахстан. Перед отправкой в ссылку он увиделся на свидании в тюрьме с сестрой Клавдией, которая специально приезжала в Москву навестить брата. Отправлен владыка был обычным порядком — этапом, очень тяжелым, по свидетельству Натальи Николаевны Андреевой, ехавшей вместе с ним до Алма-Аты. Этап — часть наказания. Толпа заключенных под строгим конвоем из тюрьмы либо гонится к поезду пешком, либо доставляется в "воронках", битком набитых так, что стоящие там люди теряют сознание от духоты и тесноты. Потом их грузят в бывшие "столыпинские" вагоны³⁴², официально

³⁴² «Это обыкновенный купированный вагон, только из девяти купе пять, отведенные арестантам (и здесь, как всюду на Архипелаге, половина идет на обслугу!), отделены от коридора не сплошной перегородкой, а решеткой, обнажающей купе для просмотра... Окна коридорной стороны — обычные, но в таких же косых решетках извне. А в арестантском купе окна нет — лишь маленький, тоже обрешеченный, слепыш на уровне вторых полок (вот, без окон, и кажется нам вагон как бы багажным). Дверь в купе — раздвижная железная рама, тоже обрешеченная... По расчетам вольных инженеров в сталинском купе могут шестеро сидеть внизу, трое лежать на средней полке (она соединена как сплошные нары, и оставлен только вырез у двери для лаза вверх и вниз) и двое — лежать на багажных полкахверху» (Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. Т. 1. М.: Новый мир, 1990. С. 349).

именовавшиеся "вагон-заки", где также набивают плотно, так что сидеть или лежать можно было впритык друг к другу. И здесь все вместе, и политические, и уголовные. Духота, грязь, долгий путь с бесконечными остановками и стоянками на путях, пересыльными тюрьмами, в которые заключенных перегоняют с поезда. Так до места назначения могли доставлять неделями.

Из Алма-Аты митрополит Иосиф был отправлен в Чимкент и оттуда по распоряжению местного ГПУ — в село Ленинское Каратасского района. По прибытии на место высылки ссыльных оставляли на произвол судьбы. Им объявляли, что они свободны, только обязаны еженедельно являться в местный отдел ГПУ — НКВД для регистрации и, естественно, никуда не выезжать. Но искать себе жилье и средства пропитания они должны были сами. Как правило, сделать это было нелегко: местные жители к ссыльным относились настороженно и неохотно брали на постой; найти работу было еще труднее.

Неизвестно, как и где устроился владыка Иосиф. Его питерская и ростовская паства, родные и близкие постоянно присылали ему посылки и деньги, так что митрополит не голодал, но жить ему первое время было негде. Вероятно, именно к этому времени относится его рассказ в сборнике протопресвитера Михаила Польского, очевидно составленный по воспоминаниям княгини Натальи Владимировны Урусовой: *«Он жил в хлеву со свиньями в плетеном сарае, спал на досках, отделенный от свиней несколькими жердями. Холод и жару, всякую непогоду и тяжелый воздух он переносил в этих условиях. Однажды змея, держась за жердь его потолка, спустилась над его головой. Эти условия и были, очевидно, причиной его болезни»*³⁴³.

Позднее из протокола допроса стало известно, что митрополит болел малярией, и младший его брат,

³⁴³ Польский Михаил, протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 2.

Александр Семенович Петровых, присылал ему какое-то *«оригинальное средство для лечения малярии»*. А в конце весны — начале лета 1932 года владыка, по его словам, *«подвергся чрезвычайно сильной болезни (начавшейся аппендицитом и дошедшей чуть ли не до воспаления брюшины, по крайней мере, уже было врачом констатировано сильное раздражение брюшины). Я едва не умер от этой болезни»*³⁴⁴. Владыка известил о своей болезни близких в Питере и родных в Устюжне; по его просьбе ему выслали посылки с необходимыми продуктами, минеральной водой, легкими виноградными винами, которые ему посоветовал принимать врач. Из Алма-Аты Наталья Николаевна Андреева прислала яблок и легкого вина местного производства.

В начале июля с посылками из Ленинграда к митрополиту приехала некая Прасковья Николаевна, прихожанка Сретенской церкви в Полюстрово³⁴⁵. Выехала она из Ленинграда 28 июня; кроме посылок она везла еще записку от священника Филофея Полякова. По дороге Прасковью Николаевну задержали, но она успела уничтожить записку. После проверки документов ее отпустили, так что она на том же поезде поехала дальше в Ташкент; там наняла повозку и добралась до села Ленинское. У митрополита она пробыла всего несколько часов, пока ямщик кормил лошадь, и на той же лошади отправилась назад.

Через несколько дней, 9 июля 1932 года, митрополит был арестован. Уполномоченный Каратасского районного отдела ГПУ произвел обыск в жилище владыки, изъял письма и документы и арестовал его. На допросе митрополит должен был давать показания по поводу приезда гости из Ленинграда и привезенных ею посылок и

³⁴⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-80743. Т. 3. Л. 447.

³⁴⁵ Прасковья Николаевна Дементьева, родилась в 1880 в Тверской губ. в крестьянской семье. Замужем, имела двоих детей. В октябре 1932 — арестована по делу *«контрреволюционной группы ИПЦ»*, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

писем. Он показал, что приезжавшая женщина ему мало известна; что к нему она заезжала только потому, что его ленинградские знакомые узнали о ее поездке в здешние края к родственникам. Они попросили ее побывать у него и передать посылки с лекарствами и продуктами, в которых он особенно нуждался после перенесенной болезни; их небезопасно было посылать почтой. Никаких писем она ему не передала, и никаких бумаг обратно он не посылал, как и словесных поручений, кроме поклонов и благодарности за присланное, не дал.

Ввиду того, что он еще не закончил свое лечение, владыка просил освободить его из-под ареста до получения особого распоряжения областного отдела ГПУ. Распоряжение, по-видимому, поступило незамедлительно, и митрополит был отправлен в Чимкент. 11 июля 1932 года он уже был допрошен там начальником секретно-политического отдела Южно-Казахстанского областного отдела ГПУ. Митрополит повторил свои показания о злополучном приезде к нему ленинградской посетительницы и посетовал, что такое безобидное обстоятельство послужило причиной его ареста и связанных с ним скорбей и страданий: *«Еще не оправившись совершенно от своей тяжелой болезни (я ходил на уколы мышьяка), я вынужден теперь прервать свое лечение и подвергаться опасности снова заболеть и уже непоправимо в новых и тяжелых условиях»*.

Причиной ареста могли стать слухи о том, что митрополит якобы отправил с посетительницей целую кипу бумаг. *«Это сушая клевета, — заявил владыка, — быть может, вызванная тем, что в обратный путь она везла кошель с дорожными сухарями и своими дорожными принадлежностями. Я готов на какую угодно ответственность (вплоть до расстрела), если мне покажут и докажут хоть одну строчку, посланную мной с нею и где-нибудь обнаруженную при обыске»*³⁴⁶.

³⁴⁶ Архив УФСБ СПб. П-80743. Т. 3. Л. 449, 458.

Митрополит повторил, что никаких писем и словесных поручений он приехавшей женщине не давал, а на изъятые при обыске письма собирался отвечать по почте. *«Воздержаться от посылки писем не почтою возбудило меня как то обстоятельство, что я вообще избегаю теперь всякой конспиративной переписки, так и то, что не хотел подвергать человека излишним подозрениям и обвинениям, на возможность коих указывал рассказанный инцидент — в пути ее (Параскеву Николаевну) высадили с поезда и хотели арестовать за что-то, но потом освободили и позволили продолжить путь»*. Об этих письмах, найденных при обыске в печке, митрополиту также пришлось давать показания. В печь они были брошены *«за неимением корзины для мусора»*, на часть из них митрополит ответил, часть была *«обречена на совершенную безответность»*. В числе "безответных" — письма от неизвестных людей без адреса или с неразборчивой фамилией, со странными просьбами или даже *«почти провокационными и искусительными вопросами»*, как письмо неизвестного митрополиту иеромонаха Варсонофия.

Владыка Иосиф также дал подробные объяснения о характере своей переписки по адресам его записной книжки. Из тридцати девяти имен лишь трое родственников³⁴⁷, остальные же — духовенство, монашествующие и миряне из Ростова, Ленинграда, Москвы, Устюжны, Новгорода, Ташкента, Алма-Аты и других

³⁴⁷ Первой, конечно, записана Клавдия Семеновна Шишунова. Митрополит поясняет: *«Это моя родная сестра, вдова в г<ороде> Устюжне, с нею чисто родственная переписка, чуждая всяких опасных вопросов. Она посылала в последнее время моей болезни клюкву, которой у нас на родине растет очень много в наших северных болотах. Сама она женщина (моложе меня лет на 6) совершенно простая и чуждая всякой политики, и переписка с нею, равно как и с другими моими родственниками (братья Андрей, Александр, Петр и еще две сестры, Мария и Антонина), совершенно безупречна во всех отношениях»*.

мест. Среди них были и малознакомые и даже незнакомые митрополиту люди, в том числе и ссыльные, которые тем или иным образом, узнав о его положении, старались ему помочь и присылали продуктовые посылки и деньги. Со всеми переписка была лишь о посылках и о личных проблемах: семейных или душевных. Некоторые просто присылали посылки без всяких писем; примечательно, что к моменту ареста владыки, то есть в течение 7–8 месяцев его пребывания в Казахстане, почти все эти люди прислали ему в Казахстан как минимум по одной, а то и по две посылки; кто-то присылал и деньги. Таким образом, владыка не бедствовал, получая практически каждую неделю не менее двух посылок; и мог даже от своей скудости уделять нуждающимся; так, например, он отправлял посылки своей землячке, высланной в Томск, Марии Ивановне Коронатовой, *«делясь с нею продуктами и другими предметами первой необходимости»*.

Зная, с каким пристальным вниманием следят власти за каждым его шагом, митрополит должен был соблюдать величайшую осторожность, о чем с полной искренностью и откровенностью заявил и на допросе: *«С самого дня моего ареста перед последней ссылкой (12 сентября 1930 года) я твердо и окончательно решил взять себя в руки и не давать совершенно ни малейшего повода и основания обвинять меня в церковной (как называют) контрреволюции. Если прежде я действительно позволял себе в этом отношении некоторые неосторожности, касаясь в письмах (посылаемых иногда и не почтой) чисто (правда) церковных дел и вопросов, то теперь ни в одном моем письме не найдется строки, могущей послужить мне обвинением. И мои знакомые, посылающие мне посылки и письма (без посылок я вообще существовать бы не мог, не имея никакого заработка и не имея возможности приобретать необходимые продукты), зная, за что я так много страдал, научились быть осторожнее и, щадя меня, не*

касаются совершенно опасных в моем положении вопросов, и вся наша переписка состоит исключительно из сообщений о посылках, просьбах о молитве и благословений, справок о здоровье и т<ому> п<одобного>, с одной стороны, и в моих ответах о получении посылок, о новых просьбах, то одного, то другого необходимого в жизни предмета и т<ому> п<одобного>, с моей стороны»³⁴⁸.

Вероятно, эта осторожность помогла в данном случае митрополиту Иосифу. Понятно, что общение по церковным вопросам велось через доверенных людей, а не через почту и случайных знакомых. И поэтому в обнаруженных у митрополита письмах, в том числе и брошенных им в печку, власти на этот раз, вероятно, не нашли ничего предосудительного. Владыка был освобожден и оставлен в Чимкенте до окончания ссылки. Как ни странно, на допросе не прозвучало, что Прасковья Дементьева не первый раз навестила митрополита. Будучи арестованной в Ленинграде в октябре 1932 года, она во время следствия показала, что дважды ездила к митрополиту с посылками: в январе и в июне — июле 1932 года.

Эти поездки, конечно же, привлекли пристальное внимание Ленинградского ОГПУ, и во время очередной операции по «ликвидации законспирированных контрреволюционных группировок последователей Истинно-Православной Церкви» осенью 1932 года они были особо отмечены в материалах следственного дела. Несмотря на показание Прасковьи Николаевны на допросе, что никаких словесных или письменных поручений ей никто не давал и что поездки были ее личной инициативой, за которую она даже получила нагоняй от протоиерея Александра Советова³⁴⁹, следствие их расценило как

³⁴⁸ Архив УФСБ СПб. Д. П-80743. Т. 3. Л. 449.

³⁴⁹ Вероятно, перед второй поездкой, по ее словам, он «возмутился и бранил ее и не давал ей благословения на поездку, говоря: "Дождитесь Вы до того, что опять владыке сделаете хуже"».

специальные "командировки" — «гражданку Дементьеву» якобы отправили «за инструкциями к митрополиту Иосифу личные его друзья»: священник Александр Флеров и протоиерей Александр Советов. Таким образом, «гражданке Дементьевой П. Н.» следствие отвело важную роль "связной" между ленинградскими «законспирированными группировками Истинно-Православной Церкви» и их "руководителем", ссыльным митрополитом Иосифом.

В "Обвинительном заключении" по делу «О контрреволюционных церковно-монархических группировках "Истинно-православная церковь"», составленном в декабре 1932 года, отмечалось, что все они «ориентировались исключительно на идеолога "ИПЦ", высланного из Ленинграда митрополита Иосифа Петровых, остававшегося до последнего времени единственным авторитетом во всей их деятельности как в политическом, так и в церковном отношении». И что, установив с ним связь, руководители группировок действовали по его директивам и ставили себе целью «объединение истинно-православного церковного актива и возрождение ликвидированной органами ОГПУ в начале 1931 года Всесоюзной к.-р. монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"»³⁵⁰.

По данному делу уже 8 декабря 1932 года был вынесен приговор: пять человек были приговорены к высшей мере наказания с заменой на 10 лет концлагеря, еще пять — также к 10 годам; несколько десятков обвиняемых — к пяти или трем годам концлагеря; остальные — к высылке в Северный край. Между тем их главного "идеолога" оставили на свободе, относительно, конечно, так как митрополит продолжал пребывать в ссылке и под пристальным наблюдением. Каким-то образом первый визит Прасковьи Николаевны не по-

³⁵⁰ Архив УФСБ СПб. Д. П-80743. Т. 7. Л. 6, 2.

пал в поле зрения местных чекистов, и это помогло митрополиту избежать больших неприятностей.

В начале 1933 года владыку в Чимкенте навестила сестра Клавдия Семеновна; к этому времени относится фотография митрополита с сестрой (на обратной стороне фотографии — дарственная надпись рукой митрополита: «Наде Китаевой и Клавдии Шишуновой на память о Чимкенте, 7 февраля 1933 года»). О том, что владыка Иосиф живет в Чимкенте, еще в августе 1932 года сообщила дочерям из Алма-Аты Наталья Николаевна Андреева. Она писала, что "дедушка", то есть митрополит Иосиф, «очень болел все лето, так, что, пишет, даже кричал от боли», и просила их написать ему открыточку в Чимкент, улица Полторацкого, 118: «Он очень скучает»³⁵¹.

Дочь Клавдии Семеновны, Нина вспоминала о жизни митрополита в Чимкенте: «Владыка жил на окраине Чимкента на Полторацкой улице, около арыка, за которым простиралась нераспаханная степь. В небольшом казахском глинобитном доме он занимал комнату с верхним светом, обставленную очень скромно: в ней стоял грубо сколоченный стол, топчан, на котором спал митрополит, и пара стульев. Вставал владыка в шесть утра, и каждое утро один служил за аналоем, на который ставил небольшой резной складень. Кончив службу, он шел на базар за покупками, завтракал, немного отдыхал и садился читать. Книги ему присылали или давали местные ссыльные. Часто из России приходили с оказией посылки или деньги, поэтому митрополит жил, не нуждаясь»³⁵².

³⁵¹ Андреева М. Ф., Можанская А. Ф. (урожд. Андреева). По прочтении "Синодика" // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2010. Вып. II: 1 (34). С. 78

³⁵² По записи беседы с Ниной Алексеевной Китаевой / Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. 1993. № 4. С. 52.

В начале октября 1933 года владыка Иосиф направил письмо в Помполит с просьбой ходатайствовать о его досрочном освобождении по состоянию здоровья и престарелости или же позволении отбывать ссылку в Вологодской области, поближе к родственникам в Устюжне; юридический отдел Помполита ходатайствовал перед властями о переводе владыки. Однако вскоре после получения извещения об этом митрополит был неожиданно арестован и под стражей отправлен в город Аулие-Ата³⁵³, откуда его должны были везти еще дальше на грузовике за 125 верст в Нижний Талас, глухое место в Голодной степи, населенное лишь враждебно настроенными и не говорящими по-русски казахами. Из-за осенней распутицы отправка задержалась, и владыка Иосиф был помещен в тюрьму, где его продержали семнадцать дней среди воров и бандитов, выдавая в день по 100 граммов хлеба и кружке сырой воды. Затем его выпустили и до отправки в Нижний Талас разрешили задержаться в Аулие-Ата (по адресу: Парковая улица, дом 9). 19 декабря 1933 года владыка Иосиф отправил новое письмо на имя Е. П. Пешковой, описывая свое бедственное положение и повторяя свою просьбу о переводе или досрочном освобождении.

В переводе в Вологду было, очевидно, отказано, единственное, чего удалось добиться Е. П. Пешковой, — это спасти митрополита Иосифа от губительной высылки в Нижний Талас. В архиве Помполита есть письмо владыки Иосифа от 13 марта 1934 года, где он благодарит за присланную посылку, обратный адрес указан: город Аулие-Ата, Рувимская улица, дом 24; позднее владыка проживал по той же улице в доме 43.

В это время митрополит Иосиф познакомился с семьей Синицких; сестры Фаина и Серафима Синиц-

³⁵³ С 1936 года переименован в Мирзоян, с 1938 — в Джамбул, ныне — Тараз.

кие были высланы в Аулие-Ата на три года в июне 1931 года. Они проходили по одному из московских дел "истинно православных", как прихожанки иосифлянских храмов Никола Большой Крест и Воздвижения. На допросах они подтвердили, что не признают митрополита Сергия, и что эти церкви посещали как православные, где поминают за службами только митрополита Петра, и что настроения священников и прихожан этих церквей совпадали с их собственными. В это же время их отец, протоиерей Григорий Синецкий, был арестован в городе Николаеве и содержался в тюрьме под следствием по делу Одесского "филиала" ИПЦ. Протоиерей Григорий был также приговорен к трем годам высылки, только в Северный край. По окончании срока он вместе с матушкой Людмилой приехал к дочерям в Казахстан. Еще в 1932 году к ним уже переехала старшая сестра Ольга; так в конце 1933 года в Аулие-Ата собралась почти вся семья Синецких.

«Пребывание в ссыльном углу Средней Азии одарило Синецких многими встречами и общением с замечательными людьми, единомышленниками, оказавшимися там также не по своей доброй воле. Прежде всего, это были митрополит Иосиф (Петровых) и его "заботница" Мария Ивановна Коронатова»³⁵⁴. Знакомство с ними, по свидетельству семьи Синецких, переросло в настоящую дружбу.

Мария Ивановна Коронатова, о которой владыка Иосиф упоминал на допросах в 1932 году как о *«бедствующей и болеющей в Томске»*, *«высланной туда по одному делу с ним»*, была его знакомой с детства; она помогала митрополиту в ссылке в Николо-Моденском

³⁵⁴ Медведев Г. Н., Медведева Н. А. «От южного города до "южного городка"». К 60-летию со дня кончины протоиерея Григория Синецкого // Богословский сборник. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 380.

монастыре. В 1930 году из-за вздорожания жизни в Устюжне (на пенсию в 30 рублей прожить было трудно: «дрова дошли до 30 рублей за сажень, и квартиры тоже сдорожали») она переехала в Модно, где до получения комнаты в сельсовете за 2 рубля жила у митрополита Иосифа в монастыре. По ее словам, она знала его еще мальчиком, а ее отец помог ему в свое время получить образование. Мария Ивановна пользовалась столом митрополита Иосифа, в свою очередь помогала ему по хозяйству.

В январе 1931 года ее арестовали, «посадили в Домзак, уже четыре месяца спустя после ареста митрополита, приписав агитацию». Через три месяца, получив ее дело из Ленинграда, ей дали вольную ссылку в Западную Сибирь, сначала направили в Новосибирск, а оттуда — в Томск, в Переселенческий лагерь, где Мария Ивановна и задержалась. В августе 1931 года на имя Е. П. Пешковой в Помполит она писала:

«Вскоре меня вызывали и велели представить мои бумаги, но вот беда. Моих бумаг нет. Я ходила в Управление П<олномочного> П<редставителя> ОГПУ, где мне обещали сделать запрос. Вот уже живу здесь три месяца, подстилкой и одеялом служит мне мое пальто (ватное), в головах дорожная маленькая подушечка. Теплой одежды не имею, пенсии лишили, что-нибудь заработать не могу. Я сейчас состою старостой барака и получаю 750 граммов хлеба, вот и весь мой заработок. Лучшие годы прошли в учительском труде. Сейчас на здоровье очень отозвалась дорога по пересыльным Домзакам. Меня арестовали 7 января 1931 г<ода> в г<ороде> Устюжне Ленинградской области. Сейчас живу в г<ороде> Томске I в Переселенческом Лагере, Барак № 7. Пожалуйста, будьте добры, помогите мне достать мое дело, или, вернее, копию с него из Устюженского ОГПУ. Я заслуженное наказание перенесу с терпением и, быть может, найду работу по своей специальности. Нау-

чите меня, к кому обратиться и в чем состоит вольная высылка. Помогите, если можете!»³⁵⁵ Вероятно, по ходатайству Е. П. Пешковой дело М. И. Коронатовой было найдено и ее вольная высылка определена; по свидетельству Сеницких известно, что по крайней мере с начала 1934 года Мария Ивановна пребывала в Казахстане.

Во второй половине 1934 года, когда закончился срок ссылки сестер, Сеницкие перебрались в Самарканд, где можно было найти работу и продолжить образование. «Покинув Аулие-Ата, семья о<тца> Григория вела переписку с оставшимися там митрополитом Иосифом (Петровых) и его помощницей Марией Ивановной Коронатовой... Сохранились три письма митрополита Иосифа из Аулие-Ата в Самарканд»³⁵⁶. Первое, адресованное Ольге и Фаине, уехавшим в Самарканд раньше; владыка Иосиф написал им это трогательное письмо, провозжая их родителей, переезжавших вместе с Серафимой в конце года в Самарканд. Он благодарил сестер за милое письмецо, просил не забывать, писал, что очень скучает, провозжая «милых старичков и Симочку к их новому гнездышку», и питал надежду повидать их всех когда-нибудь проездом через Самарканд.

Через год в поздравительном письме матушке Людмиле ко дню ангела, в сентябре 1935 года митрополит писал, что не знает, когда сможет увидиться с ними. Срок окончания его высылки, 9 ноября, подходил, но владыка, по его словам, не надеялся на лучшее. Так и

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 640. Л. 288–289.

³⁵⁶ *Медведева Н. А. Медведев Г. Н.* «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...»: Жизненный путь протоиерея Григория Сеницкого. М.: ПСТГУ, 2010. С. 141. Полностью текст писем приведен в Приложении. Кроме писем семья Сеницких сохранила написанные рукой митрополита молитву-исповедь и рассказ "Тетушка Мария", а также сделанную им собственноручно из фанеры плащаницу.

вышло. Он был освобожден от высылки³⁵⁷, но без права выезда из Казахстана, так что в Самарканд, соответственно, он выехать не мог.

В письмах владыки есть очень интересная информация. Это и яркие бытовые детали: он боролся со змеями, которые ползли в нору под их домом; сетовал, что погиб весь их огород: «все изрыли свиньи, оборвали коровы и козы... Да, здесь огород заводить — только нервы себе портить или уж загораживать как следует» (видимо, какая-то изгородь была, но не помогла; владыка, однако, не отчаивался и собирался на будущий год огородить каменной оградой). Сообщал, что Мария Ивановна завалила себя работой, приютив у себя еще одну ссыльную старушку (видимо, уже вторую) и священника (ссыльного). Вероятно, они размещались в комнате у Марии Ивановны, но поскольку жили в одном доме, то и владыка имел отношение к этому приюту.

Но еще более важная информация в этих письмах — это упоминание "о дедушке" именинницы, "золотой рыбке"; речь идет о митрополите Кирилле (Смирнове) и Лидии Николаевне Фокиной³⁵⁸. В письме от 22 марта 1935 года митрополит Иосиф приветствует всю семью Синицких с именинницей и просит, когда они узнают

³⁵⁷ Согласно данным из письма заместителя начальника Южно-Казахстанского управления КНБ от 15 июля 1997 года, из высылки митрополит был освобожден 9 апреля 1935 года. Это явная ошибка, так же как и указание, что арестован митрополит был 9 апреля 1930 года. В этом же письме сообщалось, что сведений о продлении высылки митрополита Иосифа не имеется, поскольку его личное дело, по данным ГЦКН Государственного следственного комитета Республики Казахстан, уничтожено согласно приказу МВД СССР от 19 января 1955 года (арх. № 303, ф. 16).

³⁵⁸ Лидия Николаевна Фокина, родилась в 1899 в Москве. Окончила 6 классов гимназии. В апреле 1931 — арестована по тому же делу, что и сестры Синицкие, и также отправлена в ссылку на три года в Аулие-Ата.

ее адрес, написать сердечный привет и пожуричь ее, что она так скоро забывает своих старых друзей. От Лидии Николаевны, уехавшей в Москву по окончании ссылки в апреле 1934 года, действительно не было известий, но владыка Иосиф, как и Сеницкие, еще тогда не знал, что это молчание было вынужденное.

Оказалось, что, возвратившись в Москву, она не смогла там поселиться (ей не давали паспорт) и в июне 1934 года по благословению митрополита Кирилла приехала к нему в Гжатск, где поселилась там вместе с его "заботницей", монахиней Евдокией (Перевезниковой), помогая ей по хозяйству. Не прошло и месяца, как Лидия Николаевна была арестована вместе с митрополитом; почти полгода их продержали под следствием в Бутырском изоляторе, а в декабре 1934 года вынесли приговор: Лидии Николаевне — 3 года лагерей³⁵⁹, митрополиту Кириллу — 3 года высылки в Казахстан.

Ко времени написания митрополитом Иосифом письма владыка Кирилл уже пребывал в ссылке в поселке Яны-Курган. «Не так далеко от нас», — писал владыка Иосиф Сеницким и сообщал, что получил от "дедушки" Лидии (то есть от митрополита Кирилла) поклон с оказией. Владыка Иосиф хотел ему написать, но не знал «ни его фамилии, ни имени с отчеством», то есть не знал, через кого передать письмо. Неизвестно, передавал ли в дальнейшем митрополит Иосиф письма через Сеницких, которые вели переписку с владыкой Кириллом, но определенные сведения через них совер-

³⁵⁹ Она была отправлена в Мариинские лагеря, затем, по-видимому, по инвалидности была освобождена досрочно с ограничением проживания на 3 года (вернуться в Москву к родителям не разрешили). Поселилась в Егорьевске Московской области. Летом 1936 — Сеницкие навестили ее; она снимала убогий угол в частном доме; тяжело работала, несмотря на развившийся порок сердца. В мае 1941 — в одном из последних писем Сеницким писала, что слегла с декабря 1940, постоянно лежит в больницах. Доктора запретили даже двигаться.

шенно точно передавались. Так, например, через священника Ветчинкина митрополит Кирилл спрашивал мнение митрополита Иосифа о возможности замены миропомазания возложением рук. По этому вопросу, поднятому еще епископом Дамаскином (Цедриком) в Архангельске, митрополит Кирилл запрашивал и других архиереев (вопрос возник в связи с тем, что в условиях гонений трудно, да и практически невозможно было готовить и освящать св. миро по всем правилам, и поэтому обратились к древней практике апостольского времени). По этому вопросу митрополит Кирилл запросил и архиепископа Прокопия (Титова), связь с которым, как и с митрополитом Иосифом, *«держал через Ветчинкина и Фаину Григорьевну Синецкую в Самарканде»*. На вопрос, почему непосредственно не связывался с ними, митрополит Кирилл во время допроса ответил, что не знал их адресов. Понятно, что напрямую писать было опасно, и архиереи предпочитали общаться через доверенных лиц.

Так и митрополит Иосиф на допросе в 1937 году показал, что с митрополитом Кириллом лично знаком не был, видел его один-единственный раз в 1909 году³⁶⁰ и что *«связь с ним осуществлялась через посредствующих лиц»*. Лишь единственный раз был с ним *«в непосредственной переписке»*, когда в январе 1937 года он направил митрополиту Кириллу письмо с архимандритом Арсением. *«Более важная и ответственная переписка была через третьих лиц — священника Ветчинкина (в Ташкенте) и Синецкого Григория (в Самарканде). Тот и другой вели непосредственную переписку с митрополитом Кириллом и со мною»*³⁶¹.

Поразительно, что ни иерей Иоанн Ветчинкин, ни протоиерей Григорий и Фаина Синецкие не были при-

³⁶⁰ Наверное, во время своей архиерейской хиротонии в Петербурге.

³⁶¹ Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского / Авт.-сост. А. В. Журавский. М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. С. 605–606.

влечены по делу 1937 года вместе с митрополитами, хотя в материалах дела священники Иоанн и Григорий значатся как *«сторонники подпольного религиозного направления»*, руководителем которого признал себя митрополит Иосиф. Возможно, что разрядка по репрессированным в Южно-Казахстанской области была выполнена или даже перевыполнена, и следователь не счел нужным привлекать к групповому делу дополнительных лиц. И хотя протоиерей Григорий и был арестован в июне 1937 года, но по делу, возбужденному в его родном городе Николаеве³⁶², куда его и отправили под конвоем из Самарканда. А отец Иоанн остался на свободе.

Вероятно, через подобных посредников митрополит Иосиф имел связь и с другими ссыльными архиереями и священством. В то время Южный Казахстан и прилегающие районы Средней Азии стали своеобразным центром сосредоточения ссыльных церковников, в том числе и оппозиционных митрополиту Сергию. Многие из них по отбытии здесь ссылки оставались в Казахстане, другие по отбытии сроков заключения или высылки в других местах приезжали в Казахстан в середине 1930-х годов. Как правило, многие из них стремились связаться с митрополитом Иосифом.

Кроме того, несмотря на все опасности, к владыке постоянно приезжали посланцы от священников и общин из самых разных областей. Так, на допросе в 1937 году митрополитом был назван целый ряд лиц, по-

³⁶² Поводом послужила поездка протоиерея Григория на родину в 1936 году. Практически все старые знакомые, с которыми он встречался в Николаеве, были арестованы и привлечены как *«участники церковно-монархической к.р. организации»*. Но о связях этой организации говорилось в самом общем виде. Протоиерей Григорий был осужден на 10 лет концлагеря как организатор и руководитель этой организации в Николаеве и как *«крупный идеолог ИПЦ»*. 21 апреля 1941 года он скончался в Белбалтлаге (станция Медвежья Гора Кировской железной дороги).

сетивших его за время пребывания в Мирзояне (бывший Аулие-Ата); и это явно далеко не все, кто его навестил. Помимо ссыльного духовенства из Ташкента и Казахстана, к митрополиту приезжал некий иеродиакон из Курской области, который *«сообщил, что является посланцем объединившегося там против Сергия духовенства, и просил помочь им советом в том, как и чем доказывается правота отделения от Сергия»*. Из Петроградской епархии приезжали монахиня Анастасия Куликова, Парашкова Анна, передавшая два письма от священников Измаила и Михаила Рождественских; в них они, по словам митрополита Иосифа, *«подтвердили свою верность мне и просили помочь в духовном общении со мною»*. Из Вятской епархии приезжали иеромонах Николай и священник Александр Никулин, они сообщили о настроениях в их епархии и подтвердили, что взоры многих верующих обращаются к митрополиту Иосифу и что они просят вступить в более деятельные отношения, *«сохраняя все в возможной секретности»*.

С такой же целью приезжал к митрополиту Иосифу еще один священник по имени Александр, фамилию которого владыка не помнил. *«Этот Александр изъявил желание более определенного руководства вятскими деятелями, представляя нескольких из них к наградам и поощрениям разного рода, просил разрешения постричь нескольких монастырских стариц в монашество. Учитывая трудности его поездки, эти просьбы мною были удовлетворены»*³⁶³. Речь, вероятно, идет о протоиерее Александре Никольском, о котором упоминает в своих воспоминаниях петроградская иосифлянка Лидия Павловна Семенова³⁶⁴. Протоиерей Александр

³⁶³ Архив УКГВ Казахской ССР по Чимкентской области. Ф. 1. Д. 02455. Л. 48–53. Цит. по: Журавский А. В. Указ. соч. С. 602–605.

³⁶⁴ Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. С. 317–319.

избежал ареста, он на протяжении многих лет тайно служил в Омутнинске; в 1960-х годах во время встречи в Питере с иереем Михаилом Рождественским вспоминал о своей поездке в 1930-х годах к митрополиту Иосифу, о служении с ним в подпольной церкви и о получении назначения благочинным над катакомбными священниками.

Таким образом, у митрополита Иосифа были обширные связи с единомысленным духовенством (очевидно, что на допросе прозвучали имена далеко не всех с ним связанных). С точки зрения богоборческих властей во-круг ссыльного митрополита в середине 1930-х годов складывалась «нелегальная религиозная организация», деятельность которой «выражалась в подпольной форме отправления религиозных обрядов». Богослужения, совершаемые митрополитом и другим духовенством, расценивались богоборцами как опасное государственное преступление, направленное на подрыв советской власти. Митрополит Иосиф как глава «антисоветской религиозной организации», по выражению следствия, осуществлял «сношения с руководителями местных организаций», содействовал им, совершал в «подпольной форме религиозные обряды», в том числе монашеские постриги.

Сколько было этих «местных организаций» и их членов, на сегодняшний день по материалам следственных дел не представляется возможным определить; точно известно, что с митрополитом Иосифом была связана Алма-Атинская подпольная община во главе с архимандритом Арсением (Корди)³⁶⁵. Он приехал в Казах-

³⁶⁵ Архимандрит Арсений, в миру Борис Григорьевич Корди, родился в 1907 в городе Александрове в греческой семье. С отцом и тремя сестрами жил в Ростове Ярославском. В 1921 — после смерти отца поступил в подмосковную Пушкинскую опытную школу-колонию Л. М. Арманд. В 1924 — после закрытия колонии поступил в художественную школу в Абрамцево. В 1926 — уехал на Кавказ, в марте 1927 — принял монашеский постриг с именем Арсений.

стан в 1935 году к матери своего друга и наставника, иеромонаха Онисима (в миру Олега Поля), с которым познакомился еще в 1921 году, когда поступил в подмосковную школу-колонию, где Олег преподавал математику. Их жизненный путь заслуживает отдельного повествования; оба — незаурядные, в какой-то мере даже гениальные люди и прожили на земле недолгие, но яркие жизни, увенчанные мученическим венцом (оба были расстреляны в возрасте тридцати лет).

Благодаря Олегу, глубококому мыслителю и философу, Борис Корди также обрел пламенную веру и вслед за наставником ушел к монахам-пустынникам в горах Кавказа. Там по благословению старца Даниила они приняли монашеские постриги (с именами: Онисим и Арсений) и поселились рядом со старцем в районе горы Ачишхо за Красной Поляной. В начале 1929 года по благословению старца монах Онисим ездил в Петроград и был рукоположен в священнический сан архиепископом Димитрием (Любимовым). Осенью 1929 года, во время первой волны широкомасштабных репрессий против антисергианской оппозиции, иеромонах Онисим и монах Арсений вместе со старцем Даниилом были арестованы по групповому делу Черноморского филиала ИПЦ. Старца Даниила, иеромонаха Онисима и большую группу монахов приговорили к расстрелу, а монаха Арсения, как самого молодого, осудили на пять лет лагерей.

В 1935 году после освобождения из лагеря он приехал в Алма-Ату, где жила Марина Станиславовна Бурданова, мать его расстрелянного друга, иеромонаха Онисима. Она отбывала здесь ссылку с 1932 года после ареста и осуждения по делу прихожан церкви Никола Большой Крест в Москве. Иеромонах Арсений устроился на работу наблюдателем на метеостанции в Алма-Ате, Марина Станиславовна преподавала в музыкальном техникуме. Поселились они в доме 44 по улице Транспортной; именно здесь под домом Арсений устроил подпольную церковь.

Мария Поликарповна Бузина³⁶⁶ вспоминала: «Осенью 1935 года в Мирзояне владыка Иосиф посвятил в сан архимандрита о<тца> Арсения. В этом же году в Алма-Ате в доме у архимандрита на ул<ице> Транспортной митрополитом Иосифом была освящена подземная церковь. В полу был прикрытый ковриком люк». «Подвальная лестница вела к отверстию, заваленному камнями. Отвалив их, надо проползти еще три шага, и оказываешься в крошечном храме с образами и лампадами»³⁶⁷. Об этой же церкви и служении в ней владыки Иосифа вспоминала княгиня Наталья Владимировна Урусова:

«Вырытая в земле церковь была в квартире (доме) архимандрита Арсения. В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка, и под ней — лестница в небольшой подвал. Не зная, нельзя было предположить, что под ковром вход в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались, и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага, и там вход в крошечный храм. Много образов и горели лампады. Митрополит Иосиф очень высокого роста, и все же два раза при мне тайно приезжал сюда и проникал в эту церковку. Создавалось особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же было слышно под землей, то все ожидали окрика или стука ГПУ. Весь 1936 год и до сентября 1937 года все обходилось благополучно. Андрюша (сын) пел с одной монахиней. 26 августа³⁶⁸ приехал митрополит Иосиф и удостоил нас посещением по случаю дня моего ангела. Какой это чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенник! Это отражалось в его облике и

³⁶⁶ Скончалась в 1979 году.

³⁶⁷ Королева В. В. Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2006 г. М.: Изд-во ПСТБИ, 2006. С. 159.

³⁶⁸ Очевидно, в 1936 году.

в глазах, как в зеркале. Очень высокого роста, с большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не притягивать к себе, и хотелось бы никогда с ним не расставаться. Монашеское одеяние его было подобрано, так же как и волосы, иначе его сразу арестовали бы еще на улице, т^{<ак>} к^{<ак>} за ним следили, и он не имел права выезда...

Он провел у нас за чаем больше часу, рассказывая о трудной жизни в сарае, когда над головой, уцепившись за хворост потолка, висит и смотрит на тебя змея, как трудно было молиться, когда кругом мычанье, бляенье и хрюканье, и безжалостно плохое питание. Эти все условия и были, очевидно, причиной его болезни. По временам он сильно страдал от язв в кишечнике. Но он все переносил как праведник, и если рассказал о трудных преследованиях, то только потому, что мы все вспоминали о жестокостях ГПУ»³⁶⁹.

Княгиня Урусова приехала в Алма-Ату с сыном Андреем³⁷⁰ в 1935 году по окончании срока его ссылки. Их пригласил архимандрит Арсений, с которым они познакомились ранее в Актюбинске через его духовных чад. Архимандрит встретил Урусовых в Алма-Ате, нашел им комнату в доме верующего, где также жил старый, почти слепой священник, высланный из Петербурга. Здесь они молились вместе, а также постоянно бывали на богослужениях в катакомбной церкви отца Арсения.

У архимандрита Арсения окормлялись и питерские иосифляне, протоиерей храма Воскресения Никифор

³⁶⁹ Княгиня Н. В. Урусова. Материнский плач Святой Руси. М.: Издательский Дом «Русский Паломник», 2006. С. 347–351.

³⁷⁰ Князь Андрей Петрович Урусов, родился в 1914 в Ярославле. Окончил среднюю школу; работал в химической лаборатории ВИЖа в Москве. 15 апреля 1932 — арестован как «участник контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ». 7 июля 1932 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Алма-Ату. Весной 1933 — переведен в Актюбинск. В 1935 — поселился в Алма-Ате, работал счетоводом в конторе. 24 октября 1937 — арестован, 15 ноября приговорен к ВМН, в тот же день расстрелян.

Стрельников и иподиакон Петр Сазонов, осужденные по групповому делу иосифлян в начале 1931 года. В 1933 году протоиерей Никифор был досрочно освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Алма-Ату; иподиакон архиепископа Димитрия, Петр Михайлович Сазонов, осужденный на пять лет концлагеря, приехал в Казахстан по отбытии срока. По свидетельству Веры Федоровны Сазоновой, жены его младшего брата Александра Михайловича, он повез митрополиту Иосифу цитру, которую брат вместе с другом сами сделали. Наталья Владимировна Урусова писала, что архимандрит Арсений, заботившийся о владыке, «достал ему сперва цитру, затем фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он пел псалмы, перекладывал их на музыку»³⁷¹.

О добрых отношениях митрополита Иосифа и архимандрита Арсения сохранились воспоминания рабы Божией Нины, приехавшей в Мирзоян к владыке из Москвы:

«Когда я вспоминаю о Борисе Корди, то вижу невысокую хрупкую фигуру в мохнатой меховой куртке и такой же шапке. Вижу смуглое удлинненное молодое лицо с большими карими глазами, от которых при улыбке разбегаются веером к вискам добрые морщинки. Помню смех веселый, заливи-стый, детский. Впечатление от первой встречи было довольно неожиданное.

Мы встретились с Борисом Корди в 1937 году в небольшом городке Казахской ССР, где на окраине у оврага, за которым уже начиналась степь, стоял домик. В нем жил со старушкой-сестрой ссыльный митрополит — высокий, мощный старик с белой бородой, белыми волосами и синими, добрыми детскими глазами, похожий на русского былинного богатыря. Окружающие чаще всего называли его Владыкой. В доме этих добрых стариков я, заброшенная в то время в городок волею судьбы и случайно встретившаяся с ними,

³⁷¹ Княгиня Н. В. Урусова. Указ. соч. С. 351.

была ласково и радушно принята и много слышала от Владыки о некоем Внуче, проживающем в Алма-Ате, молодом монахе строгой жизни, уже архимандрите, с которым многие годы они связаны тесной дружбой и взаимной привязанностью. "Вот приедет Внуча", — то и дело говорили они. Из рассказов стариков я узнала, что Внуча живет в Алма-Ате с матерью своего расстрелянного друга, которая его усыновила, что у него там домик, под домом вырыта маленькая церковь, о которой не знает никто, кроме самых близких, что в церкви этой он служит, соблюдая самый строгий монашеский чин, что названная его мать и несколько еще окружающих женщин — тайные монахини и его духовные дочери, что строгость и аскетизм их жизни велики.

Владыка и Анна Петровна³⁷² говорили о Внуче с глубокой нежностью, но иной раз и с налетом юмора там, где дело касалось чрезмерной ретивости к "букве" церковных дел. Сам митрополит был человеком широким и иной раз поражал свободой своих суждений, неприверженностью к "букве", в ущерб которой ценил и понимал суть. Облик архимандрита Арсения оказался неожиданным и обаятельным, он не подавлял ни строгостью, ни отрешенностью от мира. Борис приезжал к Владыке ненадолго. Встреча наша с ним в этот приезд была единственной. Следующая была краткой и происходила при достаточно трагических обстоятельствах.

По Казахстану прошла волна массовых арестов среди ссыльного духовенства. Забрали и Владыку и увезли в областной город Чимкент. Анна Петровна (Мария Ивановна) в горе и растерянности осталась одна. Сообщили Внуче. Тот приехал помочь ей управиться с вещами и забрать ее к себе. Все делалось в тревоге и спешке...»³⁷³

³⁷² Речь идет о Марии Ивановне Коронатовой.

³⁷³ Королева В. В. Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. С. 159–160.

Последний арест и мученическая кончина

Митрополит Иосиф был арестован 24 июня 1937 года. В этот же день в Яны-Кургане был арестован митрополит Кирилл, а в Чимкенте — епископ Евгений (Кобранов). Накануне, 23 июня 1937 года в секретной справке НКВД, составленной для прокуратуры Чимкента, сообщалось: *«В областном управлении НКВД имеются данные о том, что в Южно-Казахстанской области существует контрреволюционная организация среди церковников, центр которой находится в Чимкенте. Задачей контрреволюционной организации является подготовка контрреволюционных кадров к свержению советской власти»*. Среди активных членов организации — архиереев, иереев и монашествующих — в числе первых были названы митрополиты Кирилл (Смирнов) и Иосиф (Петровых), а также епископ Евгений (Кобранов). «Во время обыска и ареста митрополит Кирилл и митрополит Иосиф вели себя спокойно и с достоинством. Митрополит Иосиф даже начертал своей рукой на предъявленном ему ордере: *"Ордер читал и недоумеваю, почему нет санкции прокурора. И. С. Петровых"*. Изъятая переписка (у митрополита Иосифа — 121 лист) была приобщена к инициированному властями следственному делу»³⁷⁴.

³⁷⁴ Журавский А. В. Указ. соч. С. 358–359.

По этому же делу были арестованы еще несколько ссыльных священников и монашествующих. Все они были заключены в Чимкентскую тюрьму. 13 июля 1937 года была арестована и приносившая в тюрьму передачи "заботница" митрополита Кирилла, монахиня Евдокия (Перевезникова). Аресты продолжались все лето; к следствию было привлечено 64 человека по разработке нескольких групповых дел «всесоюзного масштаба»; дело на «Смирнова, Петровых и Кобранова» было выделено в отдельное производство. К сожалению, материалы этого дела, как и других дел из архива Комитета национальной безопасности Казахстана, малоизученны и также малодоступны. А ведь в них могут быть очень ценные сведения (например, изъятая у митрополита Иосифа переписка). Они позволили бы лучше узнать не только жизнь митрополита в последние годы, но и в целом ход церковных событий во второй половине 1930-х годов. Однако на сегодняшний день в нашем распоряжении лишь материалы, опубликованные в книге о митрополите Кирилле составителем его жизнеописания А. В. Журавским, изучавшим это дело.

«Две недели спустя после ареста (7 июля 1937 года) двум старцам-митрополитам: 74-летнему владыке Кириллу и 64-летнему владыке Иосифу, а также епископу Евгению, были предъявлены обвинения и зачитаны постановления о привлечении их в качестве обвиняемых. Митрополит Иосиф от подписи в предъявленном ему обвинении отказался, так что следователь вынужден был сам расписаться вместо митрополита Иосифа. И вместо подписи обвиняемого митрополита оказалась подпись "контрреволюционер"».

«Условия содержания заключенных в чимкентской тюрьме были невыносимы. Тюремная стража, выполняя поручения следователей, не давала заключенным спать, пытаясь довести арестованных до крайнего изнеможения. Еда была несносной, вода пахла гнилью. Этими условиями заключенные подготавливались к допросу. Известно, что некоторые уже на этом этапе сдавались, подписывали любые

"признания", лишь бы поскорее быть осужденными и через то избежать ужасных условий содержания в тюрьме.

Первым на допрос был вызван епископ Евгений. 25 июня следователь потребовал от владыки Евгения: "Дайте показания о Вашей контрреволюционной деятельности". Но последовал ответ: "Контрреволюционной деятельностью я не занимаюсь и по этому вопросу сказать ничего не могу". На чем первый допрос и завершился.

Следующим был вызван к следователю митрополит Иосиф. Допрос, состоявшийся 14 июля, принес следствию только один результат — владыка Иосиф признал свою виновность в руководстве "нелегальной религиозной организацией", политические обвинения (антисоветскую или контрреволюционную деятельность) он не признал. На вопрос, в чем заключалось руководство нелегальной организацией, митрополит Иосиф отвечал, что в "руководстве местными религиозными организациями и в содействии им; в сношениях с руководителями этих местных организаций; в подпольной форме отправления религиозных обрядов". Через 9 дней (23 июля) в следственном деле появляется документ под названием "Показания обвиняемого Петровых Иосифа", где уже нет вопросов и ответов. Документ представляет собой будто бы "чистосердечные признания" митрополита Иосифа в "контрреволюционной деятельности" и руководстве им "контрреволюционной организацией".

По казенной стилистике письма и стандартной для подобных "признаний" форме эти показания должны быть отнесены несомненно к творчеству самих следователей. Ни одного нового свидетельства не дано в этом документе в сравнении с предыдущими показаниями митрополита Иосифа, и, следовательно, подобную бумагу мог составить кто угодно. Раболепное самооговаривание и вовсе делает невозможным признание авторства за митрополитом Иосифом. Иными словами, мы смело относим данный документ к разделу "Spuria" (подложный). Вопрос только в том, чья подпись стоит под этим фальсифицированным документом — вынужденного к тому (различными методами "следственного дознания") митрополита Иосифа или же эта подпись такая же подложная, как и авторство "показания обвиняемого". Для окончательного разрешения этой проблемы потребуется, конечно, со-

ответствующая экспертиза, но и без экспертизы стоящая под "показаниями" подпись вызывает сомнение в принадлежности ее митрополиту Иосифу. Сомнения усиливаются, если вспомнить, что митрополит Иосиф отказался поставить свою подпись под постановлением по предъявлению ему обвинения и привлечении в качестве обвиняемого»³⁷⁵.

Следует отметить, что процессы второй половины 1930-х годов, и особенно 1937 года, наряду с жестокостью дознания отличались и крайней степенью лживости. Известно, что часто и протоколы допросов, и признание вины, и даже сами подписи обвиняемых фальсифицировались; порой протоколы заранее составлялись самими следователями. Мы не знаем, что происходило в тот зловеший 1937 год в Чимкентской тюрьме и каким пыткам могли быть там подвергнуты митрополит Иосиф и остальные арестованные, так же как никогда по документам карательных органов мы не сможем узнать всей правды о последних днях жизни многих новомучеников. Ибо в отличие от документов гонений первых веков христианства (римские судебные акты стали основой для составления мартирологов Церкви) документы гонений последних времен изначально, как и вся система власти, их породившая, были основаны на лжи и насквозь ложью пропитаны.

29 июля был еще раз допрошен епископ Евгений. Он *«признал вину»* и начал называть имена. Как пишет Журавский, «трудно вычлениить из всего представленного на бумаге "признания", принадлежащие владыке Евгению, и "признания" иного авторства» (по указанным причинам Журавский просто не приводит показаний епископа Евгения в своей книге). Митрополита Кирилла допросили только 20 августа. Он отказался признать, что являлся *«руководителем к/революционного центра церковников»*, но признал, что имел связи

³⁷⁵ Журавский А. В. Указ. соч. С. 360–362.

со своими единомышленниками, являясь для них «авторитетным лицом». На допросе прозвучали имена епископов Афанасия (Сахарова), Василия (Преображенского), Иоасафа (Удалова), Дамаскина (Цедрика), Евгения (Кобранова), архиепископа Прокопия (Титова) и митрополита Иосифа. С ними митрополит Кирилл вел переписку по церковным вопросам, в частности об упомянутом выше вопросе замены миропомазания возложением рук.

Следователь допытывался, почему митрополит Кирилл не ответил сразу лично епископу Дамаскину, поднявшему этот вопрос, а «стал собирать мнения к.р. епископата, находящегося в ссылке». Владыка ответил, что ему «необходимо было иметь мнение епископата по этому вопросу как руководителю для того, чтобы в будущем безошибочно разрешить этот вопрос». Тут же следователь попытался поймать митрополита на слове: «Значит, этот вопрос Вы разрешали как руководитель нелегальной церковной организации?» «Я разрешал его как обыватель», — спокойно ответил владыка. Но к концу допроса ему все же пришлось признать, что в церковной среде его положение было более значимым.

«Вопрос: Все, что Вами показано, является ли действием обывателя или авторитетного лица среди к.р. элемента церковников?»

Ответ: Да, я являюсь авторитетным лицом среди своих единомышленников, а не обывателем.

Вопрос: А Ваши действия среди них чем являются?

Ответ: Мои действия для них также являются авторитетными, что я делаю, то и они должны бы делать, как мои единомышленники.

Вопрос: Значит, Вы являетесь руководителем своих единомышленников?

Ответ: Да, выходит так»³⁷⁶.

³⁷⁶ Журавский А. В. Указ. соч. С. 368.

Иначе и не могло быть, митрополит Кирилл, один из старейших и выдающихся иерархов-исповедников Российской Церкви, действительно имел непререкаемый авторитет, и большинство ссыльного духовенства признавало его духовное руководство. А в конце 1936 года, когда встал вопрос о возглавлении Русской Церкви³⁷⁷, признало и его административное руководство. На допросе прозвучал этот вопрос:

«Следствием установлено, что после смерти Петра Крутицкого Ваши единомышленники перед Вами ставили вопрос о преемственности местоблюстительства. Назовите, на кого они указывали.

Ответ: Они называли меня как единственного и законного местоблюстителя, что свидетельствовало и завещание б<ывшего>³⁷⁸ патриарха Тихона».

Митрополит Кирилл, как первый из названных в завещании Патриарха Тихона кандидатов, действительно имел право принять на себя права Местоблюстителя и временно возглавить Русскую Церковь. Конечно, в тех условиях ни о каком управлении не могло быть и речи, но для ссыльного епископата и священства, продолжающего служение, нужен был законный первоиерарх Церкви, имя которого должно было возноситься за богослужениями³⁷⁹.

³⁷⁷ В то время распространилась информация о смерти Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, как оказалось — ложная. Владыка Петр содержался в одиночной камере в Верхнеуральской тюрьме, в 1936 году окончился его пятилетний срок заключения, но ему продлили его еще на три года, а в октябре 1937 — приговорили к высшей мере наказания. 10 октября 1937 — он был расстрелян в тюрьме Магнитогорска.

³⁷⁸ «Сокращение "б" (бывший), поставленное перед словом Патриарх, было вставлено уже после допроса, а это означает правку протокола допроса следователем. Митрополит Кирилл никогда бы не назвал Патриарха Тихона "бывшим"». (Журавский А. В. Указ. соч. С. 395).

³⁷⁹ Так, и архиереи Русской Зарубежной Церкви в 1937 году признали митрополита Кирилла главой Русской Церкви после получения сообщений о кончине митрополита Петра.

Таковым митрополита Кирилла единодушно признал весь ссыльный епископат, в том числе и митрополит Иосиф. По словам владыки Кирилла, Иосиф ему ответил, что считает его *«единственным законным руководителем Церкви»*.

В январе 1937 года, по-видимому, в связи с этим митрополит Иосиф и направил в Яны-Курган архимандрита Арсения.

«Вопрос: С какой целью приезжал к Вам Борис Коруж³⁸⁰».

Ответ: Он приезжал познакомиться со мною и передать о том, как живет Иосиф. Высказывал мысль о том, что мне и Иосифу хорошо бы лично повстречаться и побеседовать».

На вопрос, с какой целью митрополит Иосиф прислал с архимандритом Арсением свою фотокарточку, митрополит Кирилл ответил: *«Карточку он прислал в знак того, что он меня ценит и считает своим человеком»*. Владыка Иосиф на допросе подтвердил, что передавал митрополиту Кириллу письмо с архимандритом Арсением: *«В своем письме я свидетельствовал владыке свое глубочайшее почтение, говорил, что преклоняюсь перед его мужественным стоянием в его борьбе за церковные интересы. Это было с моей стороны пробным камнем для выяснения отношения митрополита Кирилла ко мне и установившейся за мной репутации главаря особого церковного движения. От митрополита Кирилла Арсений привез ответ, который вполне удовлетворил меня»*.

Установление общения между митрополитами Кириллом и Иосифом — явление, весьма значимое для истории Русской Церкви. Митрополит Иосиф признавал владыку Кирилла главой Церкви, а владыка Кирилл в свою очередь признавал митрополита Иосифа своим

³⁸⁰ Так записана фамилия архимандрита Арсения в показаниях митрополита Кирилла.

единомышленником. Сей важный факт полностью опровергает бытовавшее ранее в исторической науке и околоцерковной среде мнение о том, что эти иерархи возглавляли два совершенно разных церковных течения и что поскольку митрополит Иосиф придерживался крайне строгого мнения о сергианском отступлении, то "мягкая" позиция митрополита Кирилла была для него и его сторонников абсолютно неприемлема и воспринималась ими как своего рода "отступление" и "ересь". И потому якобы ни о каком общении между ними не могло быть и речи.

До 1937 года митрополит Кирилл напрямую с иосифлянами связан не был. Пребывая постоянно в тюрьмах и ссылках с 1920 года, он был удален от всех церковных событий и их участников. В Питере митрополит переписывался, по-видимому, лишь со своей свояченицей А. Н. Азиатской, вдовой священника. Однако, как показал на следствии настоятель храма Воскресения на крови протоиерей Василий Верюжский, «содержание писем к ней митр<ополита> Кирилла делалось известным и нам», так что через нее же стала известна иосифлянам и копия обращения владыки Кирилла к митрополиту Сергию³⁸¹, и письмо митрополита Кирилла, активно распространяемое среди иосифлян и впоследствии изъятое при обысках с приобщением к материалам группового дела 1930–1931 годов³⁸².

За свое сочувствие иосифлянам³⁸³ владыка Кирилл получил суровый выговор от митрополита Сергия, на-

³⁸¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 273.

³⁸² При первой его публикации указано, что оно найдено во время обыска у Натальи Николаевны Андреевой, вдовы протоиерея Феодора — секретаря епископа Димитрия (*Бутак* А. Два письма Митрополита Кирилла // Возвращение. 1996. № 4 (8). С. 23–24).

³⁸³ См. первые письма митрополита Кирилла 1929 года — архимандриту Владимиру Пуссет и викарию Казанской епархии, епископу Афанасию (Малинину) (Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 636–641).

зывавшего отделившихся от него "церковью лукавствующих" и вменявшего общение с ними в тяжкое преступление. В своем письме митрополиту Кириллу от 5 сентября 1929 года митрополит Сергей писал о "хулах", которые возводят отделившиеся от него, объявляющие безблагодатными сергианские храмы и их служителей: «Это даже уже не раскол, а прямо хула на Духа Святого, грех и смерть, лишаящий хульника надежды вечного спасения. И только беспросветная темнота одних и потеря духовного равновесия другими из хулителей дают христианской любви некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа (Мф. 12, 31) не будет применяться к этим несчастным со всей строгостью. Заметьте, что эту хулу изрыгают не только какие-нибудь "чернички", "всегда учащиеся и николиже в разум истины прийти могущие" (2 Тим. 3, 7), а сами их вожди (например, епископ Димитрий Любимов, Алексей Буй, Виктор Островидов, Иерофей Афоник)»³⁸⁴.

Митрополит Кирилл удивился этим "хулам", о которых узнал впервые, и, усомнившись в самом факте их произнесения, ответил митрополиту Сергию: «Если хулы такие действительно кем-нибудь произносятся, то они плод личного темперамента говорящих, плод — скажу Вашими словами — "беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими". И как горько, Владыко, что потерю духовного равновесия обнаруживаете и Вы в равную меру»³⁸⁵. И далее владыка Кирилл с болью говорил о тяжком способе воздействия, который применил Синод митрополита Сергия к «отчуждившимся от его церковного управления»³⁸⁶.

В письме митрополиту Сергию от 30 января 1930 года владыка Кирилл указывал, что он говорит только от

³⁸⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 647.

³⁸⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 655.

³⁸⁶ В постановлении № 1864 от 24 июля 1929 года митрополит Сергий и его Синод таинства, совершаемые иосифлянами, приравняли к обновленческим и признали недействительными.

своего лица и ни в каких обществах не состоит, отрицая обвинение о «вступлении в общение с обществом отделившихся». Однако возможность общения своего с этими "отделившимися" митрополит Кирилл для себя в принципе допускал, о чем свидетельствовало его письмо священнику Евлампию (Едемскому-Своеземцеву). Иерей Евлампий написал владыке Кириллу о том, что после некоторого недоумения он вступил в общение с епископом Нектарием (Трезвинским), отрицавшим благодатность сергиевского духовенства. На это митрополит Кирилл ответил: «Думаю, что в Вашем положении и я поступил бы так же. Пусть есть некоторая разница в степени, какую определяется воздержание Ваше и его от объединения с м<итрополитом> Сергием, но воздержание такое признается необходимым и вновь прибывшим поселенцем. По существу это звук одного и того же клавиша, но у одних с некоторым нажимом на педаль, у других — без него. Диез, стоящий при ноте И.³⁸⁷ прекрасного, не может производить какофонию, особенно в виду все более усиливающейся тугости на ухо Валаамского (он именинник 28 июня³⁸⁸)»³⁸⁹.

"Тугость на ухо Валаамского" все усиливалась, но митрополит Кирилл еще не терял надежды на его разумление, хотя уже в июне 1929 года понимал тщетность "братских увещаний". Так, в письме епископу Дамаскину (Цедрику) владыка Кирилл тогда написал:

³⁸⁷ «"И. прекрасный", очевидно, не кто иной, как митрополит Иосиф (по наименованию прекрасным ветхозаветного патриарха Иосифа)» (Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 422).

³⁸⁸ 28 июня / 11 июля — день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских.

³⁸⁹ Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003.

«Обращение к митрополиту Сергию с громоздким посланием кажется мне ненужным преувеличением церковного значения митрополита Сергия и подливаним масла в огонь самомнения, и так сжигающего бедного Владыку. Недостатка в братских увещаниях по отношению к нему за эти два года не было. Но митрополит Сергей глух к ним. Не расслышит он и нового, хотя и более строгого окрика. Поэтому достаточно, кажется мне, для личного местоблюстительского уполномоченного частного доведения до его сведения со стороны каждого, не согласного с церковной его деятельностью, что деятельность эта идет мимо нас, и поощрять ее своим согласием и послушанием мы не можем»³⁹⁰.

В марте 1930 года митрополит Сергей запретил в священнослужении митрополита Кирилла «за поддержку раскола и молитвенное общение с раскольниками, за демонстративный отказ от евхаристического общения с возглавлением Русской Патриаршей Церкви и неподчинение Заместителю». К этому моменту митрополит Кирилл был вновь арестован, причем из материалов "Обвинительного заключения" по делу видно, что главной причиной заключения владыки было *«именно его несогласие с митрополитом Сергием, в том числе и в вопросе о Синоде»*.

Однако и после этого митрополит Кирилл пытался воздействовать на митрополита Сергия, в 1933 году он написал еще одно письмо, оставшееся без ответа. А по окончании ссылки, по устному свидетельству его духовной дочери, в конце 1933 года митрополит Кирилл приехал в Москву и явился в Патриархию: «Учиненный страж преградил ему вход, но высокий, когда-то могучий митрополит отстранил его, шагнул в кабинет митрополита Сергия. Можно только догадываться о том, какой была эта последняя встреча. Через несколь-

³⁹⁰ Л<опушанская> Е. Епископы-исповедники. Сан-Франциско, 1971. С. 34.

ко мгновений митрополит Кирилл вышел; видимо, ему все стало ясно»³⁹¹.

В августе 1934 года митрополит Кирилл подтвердил, что разделяет мнение в отношении сергианства выраженное в письме, обнаруженном у него при обыске: *«Путь митрополита Сергия — путь несомненной апостасии. Отсюда и отщечение благодати у него несомненно. Несомненен отход от благодати и всякого сознательно внедряющего в жизнь план "мудрейшего"»*³⁹². На допросе митрополит Кирилл показал: *«Автором этого письма является епископ Дамаскин, мой единомышленник»*, — а взгляды, изложенные в письме, владыка Кирилл *«сам высказывал епископам Дамаскину и Афанасию, и с ним они были по этому поводу солидарны»*³⁹³.

В марте 1937 года митрополит Кирилл ответил на вопросы по поводу сергианства в письме иеромонаху Леониду; черновик письма, изъятый при последнем аресте митрополита Кирилла, был приобщен к материалам дела 1937 года³⁹⁴. Таким образом, сохранилось непосредственное свидетельство самого святителя о его церковной позиции, причем выраженное не в официальной пере-

³⁹¹ Мазырин А. Указ. соч. С. 401, 405.

³⁹² Полностью письмо опубликовано: «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским...» Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) // Публ. О. Косик / Богословский сборник. Вып 10. М.: Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 454–465.

³⁹³ Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава "правой" Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып 12. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 251.

³⁹⁴ В 1997 году этот черновик был передан в ЦГА Санкт-Петербурга из архива Управления Комитета национальной безопасности по Южно-Казахстанской области и впервые опубликован в книге: История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общей ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. СПб., 1997. С. 982–983.

писке или следственных протоколах, а в личном письме, совершенно свободно и откровенно написанном за несколько месяцев до мученической кончины:

«По поводу Ваших недоумений относительно сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому назад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую он сам осознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что митрополит Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергей отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непозволительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать удовлетворения духовных своих нужд, потребностей с совестью, сомнящуюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры — грех. Ложь нельзя исправить ложью и, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству».

Отношение митрополита Кирилла к сергианству действительно менялось, в чем легко можно убедиться, прочитав его широко известные и давно опубликованные письма с 1929 по 1934 год³⁹⁵. Сначала, как указывает

³⁹⁵ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 638, 655, 700–702.

владыка Кирилл в последнем письме, он считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую тот сам осознает и исправит. Но с тех пор «много воды утекло», и ожидания не оправдались, а, напротив, выявилась «обновленческая природа сергианства». И митрополиту Кириллу, как и многим, стало ясно, что «митрополит Сергей отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить патриарх Тихон». Таким образом, ошибки митрополита Сергия — это не просто ошибки церковного управления, как их пытаются порой представить, а нечто гораздо более серьезное³⁹⁶.

Было бы странно, что святитель Кирилл при всей его "мягкости" и сдержанности считал бы административные погрешности отходом от Церкви. А то, что этот "отход" митрополита Сергия не что иное, как губительное отпадение от Церкви, митрополит Кирилл особенно подчеркнул, завершая эту фразу важнейшим выводом, не оставляющим места никаким другим толкованиям: «И, следовательно, для православных нет с ним части и жребия». Если вспомнить, при каких обстоятельствах эти грозные слова были произнесены св. Апостолом (Деян. 8, 18–24), то становится ясно, что святитель Кирилл не мог допустить их легковесное употребление. Тем более что далее по тексту письма он задается вопросом: «Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие?» И отвечает, как обычно отвечали вопрошающим, когда речь шла о судьбах инославных и отпавших от Православной Церкви: «Мы не можем знать, потому

³⁹⁶ Малоубедительным представляется объяснение А. В. Журавского: «Для митрополита Кирилла "обновленческая природа сергианства" заключается не в утверждении за деятельностью митрополита Сергия какой-то новой "ереси", а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном "обновлении" митрополитом Сергием формы высшей церковной власти» (*Журавский А. В. Указ. соч. С. 357–358*).

что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией».

В этом же своем письме владыка Кирилл написал: «С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи митрополита Сергия, и дано было всем предостережение в грядущей опасности». А на допросе 20 августа 1937 года в ответ на вопрос, что он писал в изъятом и неотправленном письме Синицкой про митрополита Иосифа, владыка Кирилл сначала сказал: *«Только просил передать привет»*. Когда на это последовало жесткое требование следователя дать *«откровенные показания и не скрывать истинный смысл и факты его деятельности»*, владыка Кирилл ответил: *«Да, я в этом письме писал о том, что считаю митрополита Иосифа Петровых своим единомышленником»*³⁹⁷.

Вот так архивные документы, открытые и обнаруженные спустя семьдесят лет после гибели митрополитов Кирилла и Иосифа, подтвердили и без того непреложный для церковного сознания факт их духовного единства. На протяжении десятилетий богоборческих гонений в Церковном предании сохранялась память об этих святителях как о бескомпромиссных обличителях сергианского заблуждения и духовных руководителях ушедшей в катакомбы Русской Православной Церкви. Уже с конца 1930-х годов они почитались святыми мучениками и в катакомбах на родине, и в Русской Церкви за границей. А в их мученической кончине, о которой каким-то чудесным образом стало известно Церкви, видели промыслительное указание их духовного единения и единомыслия.

В церковном самиздате еще с начала 1980-х годов ходила рукопись под названием "Церковь катакомб-

³⁹⁷ Журавский А. В. Указ. соч. С. 367.

ная на земле Российской", составленная, по-видимому, схимонахом Епифанием (Черновым)³⁹⁸. Там, между прочим, приводились свидетельства о встрече митрополитов Кирилла и Иосифа в Чимкенте: об их содержании под арестом и мученической кончине: «Во всяком случае, в Катакомбной Церкви в Москве этот факт знали». По словам автора, ему рассказывал об этом московский священник в заключении. При всех неизбежных в таких случаях неточностях и прибавлениях легендарных подробностей этот рассказ заслуживает внимания.

«Когда митрополитов Кирилла и Иосифа выпускали ежедневно на прогулку, то они гуляли рядом. Причем митрополит Иосиф был высокого роста, а, сравнительно с ним, коренастый митрополит Кирилл был маленького роста. Митрополиты гуляли по кругу, всегда были заняты сосредоточенной беседой, очевидно, здесь на открытом воздухе их нельзя было подслушать. И эти две фигуры, как бы влитые одна в другую, показывали трогательное "двуединое единство" этих иерархов. А за прогулкой митрополитов всегда следили с горы катакомбницы-монахини. Это было небезопасно. Надо было маскироваться, чтобы власти не заметили всей тайной сигнализации. А она сводилась к тому, что митрополиты давали свое благословение в начале и в конце прогулки. Эту подробность я слышал от жителей Чимкента и в заключении, и на воле. Так что пребывание митрополита Кирилла вместе с митрополитом Иосифом осенью 1937 года не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует и "Москва" и "Чимкент". Сейчас уже не осталось и следа от того домика, в котором содержались иерархи-исповедники. Его снесли, когда заметили, что это место пользуется особым уважением со стороны верующих».

О кончине митрополитов автор пишет, что они были расстреляны около города Чимкента к вечеру нака-

³⁹⁸ В 2002 году она была отредактирована в Джорданвилле и опубликована в ежемесячнике «Православная жизнь» № 10.

нуне "Собора святого Архистратига Михаила", 8 ноября 1937 года по старому стилю, то есть в ночь на 21 ноября, вместе с большой группой катакомбного духовенства.

«Несмотря на все меры предосторожности, все же оказался один свидетель расправы. Это был чабан, пастух овец, и он видел, как люди эти падали под пулями. Он свидетельствовал, что среди расстрелянных был один "большой мулла". Это, несомненно, сказано о митрополите Иосифе, который выделялся своим огромным ростом.

Вечная память!

Святители Христовы и священномученицы Кирилле и Иосифе, и вся мученицы, иже с ними, молитве Бога прилежно о нас!»³⁹⁹

Согласно документам архива Комитета национальной безопасности Казахстана, митрополиты Кирилл и Иосиф были приговорены к расстрелу 19 ноября 1937 года. Тогда же был приговорен и епископ Евгений. В Выписке из протокола заседания Тройки сухо сообщается "суть обвинений":

«СМИРНОВ Константин (Кирилл) Иларионович, рождения 1863 г<ода>, адм<инистративно> ссыльный, бывший митрополит, неоднократно судимый за к<онтр>-р<еволюционную> деятельность, находящийся в ссылке 19 лет. Обвиняется в том, что являлся руководителем Всесоюзной к<онтр>-р<еволюционной> повстанческой организации церковников, в задачу которой было поставлено свержение советской власти, установление монархического строя, восстание патриаршества с главенствующей ролью над государственной властью в управлении страной. Являясь первым и единственным заместителем быв<шего> Патриарха ТИХОНа, к<онтр>-р<еволюционной>

³⁹⁹ Церковь Катакомбная на земле Российской. Машинопись; Православная жизнь. 2002. № 10. С. 17–18.

организацией был намечен в будущем патриархи Русской Церкви. Для достижения поставленной цели СМИРНОВЫМ был достигнут блок с главарями так называемых религиозных течений Иосифом ПЕТРОВЫХ и Ф<еодором> ПОЗДЕЕВСКИМ на общей платформе прекращения разногласий и вражды между духовенством, разворачивания активной к<онтр>-р<еволюционной> деятельности и борьбы с советской властью". На это обвинение последовало постановление Тройки: "СМИРНОВА Константина (Кирилла) Иларионовича РАССТРЕЛЯТЬ. Личное имущество конфисковать".

Подобные же постановления о расстреле были вынесены на заседании Тройки УНКВД и в отношении митрополита Иосифа и епископа Евгения. Обвинение митрополита Иосифа формулировалось следующим образом: «Обвиняется в том, что являлся руководителем контрреволюционной повстанческой организации церковников, заместителем главы контрреволюционной организации СМИРНОВА Кирилла. Участник и руководитель нелегальных совещаний, на которых были выработаны методы проведения к<онтр>-р<еволюционной> повстанческой деятельности. Организатор к<онтр>-р<еволюционных> ячеек в разных местностях, как Ю<жно>-К<азахстанской> области, так и СССР»⁴⁰⁰.

20 ноября 1937 года приговор был приведен в исполнение.

«ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки при УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года о расстреле Смирнова Константина (Кирилла) Иларионовича, Петровых Иосифа Семеновича, Кубранова Евгения Яковле-

⁴⁰⁰ Журавский А. В. Указ. соч. С. 370.

вича приведено в исполнение 20 ноября 1937 г<ода> [в] 24 часа.

Ст<арший> Инспектор 8 отд<ела> УНКВД
Лейтенант Гос<ударственной> Безоп<асности>
К-в »⁴⁰¹.

По сообщению Южно-Казахстанского УКНБ, место расстрела и захоронения останков — не известно. По данным биографического справочника «За Христа пострадавшие...», место массовых расстрелов и захоронений в 1937–1938 годах — Лисий овраг под Чимкентом.

⁴⁰¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 371.

Послесловие Михаила Сахарова

Митрополита Иосифа незадолго до его мученической кончины навестили родственники: сестра Клавдия Семеновна Шишунова со своей приемной дочерью Ниной Алексеевной Китаевой и внуком Мишей, которому в то время шел пятый год. В настоящее время из всех родственников владыки Иосифа автор этих строк остался последним, кто видел владыку живым. Правда, по воспоминаниям бабушки и матери, это посещение они относят к 1938 году, и в книге протопресвитера М. Польских имеются воспоминания клириков о встрече с митрополитом Иосифом в Казахстане в 1938 году. Я же, как свидетель родственной встречи, ничего не могу сказать о времени встречи, так как был еще слишком мал, хотя все в дальнейшем полученные материалы от КНБ Казахстана говорят о том, что эта последняя встреча произошла именно летом 1937 года.

От того времени в памяти остался спор моей бабушки, очень набожной женщины, строго соблюдавшей все посты, с владыкой:

«— Да, Каля, свари Мишутке-то яичко.

— Нельзя, Владычко, — пост!

— Да яичко-то от черной курицы, и грех-то для младенца невелик. Уж я ему прощение вымолю!»

Владыка жил в невзрачном глинобитном домике, где у него был складной аналой, за которым он прово-

дил долгие часы, совершая богослужения. В доме ему прислуживала его землячка, монахиня, — бывшая учительница из Устюжны, — Коронатова Мария Ивановна, с ней владыка дружил еще с детства. В Устюжне до сих пор сохранилось предание о трогательной истории этой дружбы. Ваня Петровых и Маша Коронатова были самыми неразлучными друзьями. Но что-то произошло накануне отъезда Вани на учебу, и они поссорились. При расставании Ваня якобы сказал, что когда он станет священником, то Маша еще поцелует ему руку. На что Маша ответила: «Ни за что!»... Как было на самом деле, не известно. Но в первых записях в дневнике владыки Иосифа "В объятиях Отчих", где он пишет о трудностях и борьбе, претерпеваемой перед монашеским постригом, есть упоминание о том, что у него была невеста М. Вполне вероятно, что это была Мария Коронатова.

Марию Ивановну вместе с членами общины архимандрита Арсения (Корди)⁴⁰² арестовали 26 октября 1937 года в Алма-Ате как «участницу антисоветской монархической террористической группы церковников»⁴⁰³ и приговорили к 10 годам⁴⁰⁴. Срок она отбывала в

⁴⁰² Протоиереем Никифором Стрельниковым, иподиаконом Петром Сазоновым, монахинями Марией (Бурдановой), Елизаветой (Готовцевой) и князем Андреем Урусовым.

⁴⁰³ Архимандрит Арсений (Корди) как руководитель этой организации обвинялся в том, что создал эту группу «*по прямой директиве руководителя антисоветской монархической террористической организации митрополита Иосифа (Петровых)*», «*организовал в своей квартире нелегальную церковь, используя ее для проведения нелегальных сборищ и развертывания антисоветской деятельности*». Группа ставила себе задачу «*оказать активную помощь фашистским странам в свержении советской власти в момент войны путем создания повстанческой группы, совершения террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства*» (Архив ДКНБ по г. Алматы и Алматинской области. Д. 092445; Королева В. В. Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. С. 161).

сельскохозяйственной колонии № 9 на станции Чамолган Туркестано-Сибирской железной дороги. В семье Синицких сохранились ее пасхальное послание 1936 года и письма из колонии с 1940 по 1942 год. По всей видимости, Мария Ивановна умерла в 1942 году, так как в последних письмах сообщала о своем тяжелом болезненном состоянии⁴⁰⁵.

* * *

После того как моя мать вместе со мной уехала из Казахстана, бабушка оставалась у владыки еще недели две. Больше никто из многочисленной родни митрополита Иосифа ничего не слышал о его судьбе. И если раньше до нас доходили какие-то весточки через посещавших его в Казахстане прихожан или клириков, то после сентября 1937 года все, как отрезало. Бабушка (сестра митрополита) неоднократно обращалась к власти имущим — ответа о судьбе брата не было; она умерла в 1972 году, так и не узнав ничего об участии брата.

В 1956 году во время хрущевской "оттепели" дело по обвинению митрополитов Кирилла, Иосифа и епископа Евгения было "пересмотрено", и в "Заключении по следственному делу" помощника прокурора Южно-Казахстанской области по спецделам утверждалось: *«Исходя из изложенного полагал бы: решение тройки УНКВД от 19/XI-37 г<ода> считать правильным, к пересмотру данного дела оснований не имеется»*⁴⁰⁶.

И лишь спустя более тридцати лет митрополиты Кирилл и Иосиф и епископ Евгений были реабилитированы. 7 мая 1989 года "Заключение № 1609 о реабилитации митрополита Иосифа (Петровых)" было утвер-

⁴⁰⁴ В ноябре 1937 года архимандрит Арсений, протоиерей Никифор Стрельников и Андрей Урусов были приговорены к расстрелу, остальные к заключению в концлагеря.

⁴⁰⁵ *Медведев Г. Н., Медведева Н. А.* «От южного города до "южного городка"» // Богословский сборник. 2001. Вып. 8. С. 380.

⁴⁰⁶ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 375.

ждено прокурором Чимкентской области Казахской ССР В. Ф. Шведюком.

Заместитель начальника УКНБ по Южно-Казахстанскому округу в ответ на мои запросы сообщил: «В соответствии со ст<атьей> 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имеющих место в период 30–40-х и начале 50-х годов" Петровых И. С. реабилитирован. В соответствии со статьей 16 Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" родственники имеют право на ознакомление с документами только не процессуального характера. В этой связи выслать, к сожалению, в Ваш адрес копии допросов, протоколов не представляется возможным»⁴⁰⁷.

В ноябре 1981 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей, под председательством ее Первоиерарха Филарета (Вознесенского) митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского, митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в составе Собора Новомучеников и Исповедников Российских причислен к лику Святых как возглавитель Церкви Тайной.

В 1984 году изографом Свято-Троицкого Джорданвилльского монастыря иеродиаконном Андреем (Ерасовым) воссоздан на иконе лик нового Исповедника Церкви Российской Святого Священномученика Иосифа Петроградского. Подлинник иконы хранится при храме Святых Царя-Мученика и всех Новомучеников и Исповедников Российских во Франции. Лик Священномученика Иосифа Петроградского запечатлен также на иконе «Соборъ Святых Новомучениковъ Россійскихъ отъ безбожниковъ убіенныхъ», написанной ныне

⁴⁰⁷ Письмо от 15 июля 1997 года, № 10/1-с.

покойным архимандритом Киприаном (Пыжовым) — насельником Свято-Троицкого Джорданвилльского монастыря.

Оублажѣмъ стѣнѣла Іоѡнѣа петроградскаго, непорочности
 цѣркве тайныа ревнѣтѣла, въ прогнанїи лѣже своѣ
 мѣждѣ свнїамн нечнстѣамн ѡмѣкшаго.
 ѡ слышимъ ѡгѡ намъ въ слѣхъ сѣрдца глагѡюща:
 страданьми своїми ѡ вѣрностїю превозносїте хр҃та
 во всѣ вѣкн.

(Служба святым Новомученикам и Исповедникам Российским, тропарь 8-й песни канона на утрени)

ЧАСТЬ II

Приложение I

Архипастырские документы и письма митрополита Иосифа

Письмо митрополита Иосифа инокам Александро-Невской Лавры⁴⁰⁸

«Сердечно благодарю верную дружину Св. Благоверного Великого князя Александра Невского, охраняющую его обитель, за дорогое сочувствие, участие и молитвы о мне недостойном!

Не судил Господь послужить обители Угодника, как хотелось от всей души! Но пусть и душевное усердие мое вменится в самое дело! Пусть не моя вина будет в том, что данный мне некогда во сне завет Угодника ("не уходить на покой") как будто видит свое нарушение. Сам-то я, во всяком случае, ни о каком покое не прошу и просить не нахожу возможным, никаких других назначений принять не считаю себя вправе (в силу 15-го правила I Вселенского Собора), но и восторжествовавшей попущением Божиим, силе зла противиться лишен силы. А потому смиренно преклоняю свою страдальческую главу суду Божию и заступничеству Св. Угодника, а вашей, други мои, любви

⁴⁰⁸ От 12/25 декабря 1927 года.

и молитвенной памяти прошу и впредь. Пусть и один незабвенный день 30 августа (12 сентября) 1926 г<ода> соединит нас навеки в неразрывный союз взаимной любви и молитвенного общения, в каковом да сподобит нас предстать престолу Божию Св. Благоверный князь своею молитвенною помощью.

О, великий ревнитель Православия и славы нашего Отечества! Введи нас не только в Твою земную, но и Небесную Обитель, недоступную никаким козням лукавых слуг зла и врагов Христова мира, правды и Имени!»⁴⁰⁹

* * *

Обращение ярославских архиереев к митрополиту Сергию (Страгородскому)

«Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Сергию,
Заместителю Патриаршего Местоблюстителя,

Ваше Высокопреосвященство!

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 г<одов> далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашею отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении с Вами и в иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божьей помощью и при содействии мудрейших и авторитетных из собратий наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для

⁴⁰⁹ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 541–542.

Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору, который уврачуеет живое и жизнеспособное Тело Церковное от постигших его, по попущению Промысла Божия недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью чем дальше, тем в большей степени вызывает неудовольствие и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата, смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью, управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе "Патриарший Синод". Но ни порядок организации этого "Синода", Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и — один — в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определено противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви 29.07.1927 г<ода> (н<ового> ст<иля>) Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержажие Ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество "внешним", не оставляющее места для

важного условия устроения внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее — Церкви.

Чадам Церкви, и, прежде всего, конечно, епископату, Вы вменяете в обязанность — лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были, есть и будем истинными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устроения внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возвещенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше.

По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т. п.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь по нашему глубокому убеждению явным нарушением канонических определений Вселенских и поместных соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917–1918 г^г <одов> и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству:

Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность перед Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим

всемерно охранять чистоту Святой Православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь неизменно на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения САМОСТОЯТЕЛЬНО — в строгом согласии с Словом Божиим, общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917–1918 г<одов>, с неотменными распоряжениями высшей Церковной Властью предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Настоящее решение наше остается в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра.

Агафангел (Преображенский),
митрополит Ярославский.

Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский,
викарий Ярославской епархии,
бывший Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

Митрополит Иосиф (Петровых), третий из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместитель.

Архиепископ Варлаам (Ряшенцев),
бывший Пермский, временно управляющий
Любимским викариатством.

Смиренный Евгений (Кобранов),
епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии.

1928 г<ода> 6 февраля»⁴¹⁰.

* * *

Резолюция митрополита Иосифа

«Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской церковной области отделились также от митрополита Сергея и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделение части Ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же другим, желающим последовать доброму решению ревнителей Христовой истины. Молю Господа, да сохранить всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новом испытании.

М<итрополит> И<осиф>»⁴¹¹.

⁴¹⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 573–574.

⁴¹¹ Польский М., протопресвитер. Указ. соч. С. 8.

* * *

**Указ митрополита Иосифа о возведении в сан
архиепископа епископа Дмитрия Гдовского**

«Божиею благодатию
Смиренный Митрополит Иосиф
3-ий из указанных Патриаршим Местоблюстителем
Заместителей

Призвав всеусердно благословение Божие и молитвенное содействие, благоизволение Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона и Его Преемника Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Петра, призвавшего и мое недостоинство к участию в продолжении Апостольской преемственности и служения, — нахожу благовременным и неотложно необходимым и достойным делом, чтобы почтен был Заслуживший просимого:

возведения в сан Архиепископа Преосвященного Дмитрия, Управляющего Ленинградской Епархией.

Да утвердит дело сие Пастыреначальник, Зиждитель и Хранитель Церкви Господь и Спаситель наш, Кому угодно было поставить нас в необходимость действовать так, чтобы *<нуждами>* времени и препятствиями в соблюдении точности "не стесняемы были пределы управления" (37-е правило 6-го Вселенского Собора)!

25 дек<абря> 1928 г<ода>

Митр<ополит> Иосиф»⁴¹².

⁴¹² Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 103.

* * *

Письма митрополита Иосифа иерею Николаю Прозорову

«Дорогой о<тец> Николай!

Пока мне неизвестно, что писал архиепископ Серафим (Угл)<ичский>⁴¹³, не решаюсь что-либо писать ему. Боюсь не попасть в тон его намерений и предприятий. Да и в конце концов мне все равно, что бы он ни писал. Если они бросили одного меня и сделали козлом отпущения, это на их совести, а подлости человеческой в пример для подражания я не возьму никогда, тем более что никакая измена от страданий все равно не избавит, так пусть уж лучше буду страдать за идею, а не за измену ей.

Некоторые наскоки (узнаете об этом у Владыки Дмитрия) делаются на меня, но пока что я равнодушно обхожу их без удовлетворения, потому что об этих вещах можно говорить только на свободе и при условии свободы духа и совести, не связанных никакими страхами и угрозами. А пока сего нет, от меня не услышат ни одного слова ни в оправдание, ни в защиту.

Возможности возвращения в Л<енинград> я не верю, и этим не ослабляюсь, а даже укрепляюсь больше в решимости стоять за правое дело.

Чем меньше тут моего личного благополучия и заинтересованности, тем лучше для дела.

Господь да хранит Вас! Супруге Вашей — благословение.

Будьте здоровы и во всем благополучны»⁴¹⁴.

⁴¹³ Вероятно, речь идет о временном примирении архиепископа Серафима с митрополитом Сергием, слухи о котором распространились летом 1928 года.

⁴¹⁴ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 106–106 об.

* * *

«Дорогой о<тец> Николай!

Премного утешен Вашим дорогим и ободряющим письмецом и премного благодарю Вас за Ваше участие и утешение.

Принеся себя в жертву за всех Вас, я всецело в Вашей зависимости. Ваша верность, твердость и ревность — моя жизнь, сила и спасение. Ваша измена, расслабление и равнодушие — моя гибель, мое поражение и уничтожение.

Некто из нынешних сказал: "народ пойдет за "белым клобуком". Личность тут ни при чем..." Жизнь должна испробовать этот взгляд на деле.

Если "легализовавшиеся" восторжествуют всецело, как уронится этим "народ"! Если же этого не случится, как он поднимется и еще в наших страдальческих глазах! Мы убедимся тогда, что стоило пострадать за этот народ, и не тяжки будут за него эти страдания.

Но если... если иначе...

Да избавит Господь от непосильных страданий!

Простите, сейчас я не в силах писать много.

То ли вследствие постигшего меня недуга (простуда), то ли от слишком глубокого внутреннего переживания постигшей меня вторично беды изгнания — я сильно ослабел духом и не могу настроиться на подобающее настроение.

Не оставляйте меня в молитвах Ваших и участия своего по временам не лишайте.

Да хранит Вас Господь!»⁴¹⁵

⁴¹⁵ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 108–109.

* * *

**Письмо-обращение иерея
Николая Прозорова к митрополиту Иосифу**

«9/22 февраля

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший и дорогой наш Святитель!

По благословию Высокопреосвященного Владыки Димитрия осмеливаюсь просить Вас дать нам ответ на вопросы, выдвинутые пастырями Пензенской Епархии из присоединенных к нам приходов. Эти ответы будут для нас как руководство и на будущее время:

1) Православные приходы окружены теперь или живцами и обновленцами, или сергиянцами. Но население смежных приходов имеет обоюдные родственные связи, и потому часто приносят в православные храмы младенцев, крещенных обновленцами и сергиянцами. Нужно ли помазывать их св. миром? На практике крещ^{енных} мл^{аденцев} обнов^{ленцами} уже помазывают Св. Миром — а как быть с крещенными сергиянцами?

Ответ⁴¹⁶: *«Обновленческих — да, помазывать Св. Миром, но "Сергиевских" — пока нет! Ибо они — "Сергиевские" по недоразумению, в стадии происходящего еще разрешения этого дела».*

2) Три месяца тому назад Еп^{ископом} Кириллом Пензенским⁴¹⁷ некто псаломщик Панов рукоположен в священники в тот же приход, где был псаломщиком.

⁴¹⁶ Здесь и далее ответы митрополита Иосифа внесены курсивом.

⁴¹⁷ Кирилл Соколов — на Пензенской кафедре с сентября 1928 по 1933 год.

Теперь приход и он думают перейти к нам. Как быть с Пановым? Каким образом его принять?

Ревностные прихожане не хотят признавать его рукоположение. Наше духовенство там в смущении и запрашивает нас. Вопрос серьезный, а потому мы и обращаемся к Вашему Высокопреосвященству за разъяснениями.

Ответ: *«Принять надлежит после велегласного исповедания присоединяющимся истины. Для успокоения "ревностных" можно рекомендовать священнику покорно принять некоторую епитимию — в виде временного воздержания от священнодействия (недели 2–3 и до месяца).*

Относительно рукоположения надлежит руководствоваться практикой, установленной при Патриархе для приема посвященных обновленцами: эти посвященные разделялись на несколько категорий: принявшие рукоположение от архиереев старого поставления (уклонившиеся в обновленчество) принимались покаянием и епитимией (вроде указанной выше). Тем же порядком разрешалось принимать тех, которые приняли посвящение, хотя и от новых архиереев, но принявших свою хиротонию от старых и без нарушения правил церковных (неженатых и т<ак> д<алее>). Только принявшие посвящение от женатых епископов и с нарушением церковных правил отметались совершенно и рассматривались как непосвященные».

3) Гражданские браки, т<о> е<сть> открытое блудеяние и мерзкое богохульство, в провинции входят в силу. Батюшки просят благословения лишать христианского погребения лиц, бывших в этих грехах и умерших, не очистив себя покаянием. Или же отпевать их на дому, а не в храмах? Вот меры борьбы с развратом, предлагаемые пастырями.

А Вы, дорогой Владыко, как смотрите?

Ответ: «*Правильно, но в отдельных случаях возможны некоторые снисхождения. Например, кто-нибудь из неповенчавшихся все время сознавал свой грех и не успел по надлежащему исправить его или не смог. Таких, хотя и на дому, ради уменьшения скорби родных, прилично отпевать. Явных и злостных богохульников отпевать было бы соблазном. Пусть хоронят по безбожному. Точно так же и невенчавшихся по злобе и отчуждению от Св. Церкви, без всякого сознания греховности своей жизни.*»

Я оставляю здесь место для ответа, дабы не утруждать Вас лишним писанием. Во всем другом же у нас пока мир и благополучие. Не хватает только Вашей Святыни. Дождемся ли?

«Мало надежды. Жду вас сюда.»

Да хранит Вас Господь Бог и укрепит. Ведь дышим Вами.

«И не легко, вероятно?»

Прошу молитв и Святительского благословения.

Ваш покорный и преданный послушник, грешный иерей Николай Прозоров».

«Дорогой отче! Привет и благословение. И спасибо за помощь Владыке⁴¹⁸. Берегите его!»⁴¹⁹

⁴¹⁸ Имеется в виду архиепископ Димитрий Гдовский. — Прим. сост.

⁴¹⁹ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 111–111 об.

* * *

**Письмо митрополита Иосифа
петроградскому протоиерею. 1929 год**

«Дорогой о<тец> Протоиерей!

Благодать Божия, нас укрепляющая, утешающая и вразумляющая, да облегчит труды во благо Св. Церкви и вознаградит их добрыми плодами, каковыми мы, пастыри, должны считать, прежде всего, преуспевание дела Христова, полагая в этом и свое собственное высшее благо и утешение!

Познакомлю Вас с свежими событиями моего уединения. По счастливой случайности, свидетельницей их оказалась м<ать> Анастасия, которая может дополнить и пояснить Вам многое, чего не уместить на страницах бумаги. Дело такого рода. Неожиданно получаю из Углича, от батюшек Арх<иепископа> Серафима Угличского (находящегося в ссылке) кипу бумаг — своего рода целый клубок проектов, намерений, предприятий. Сообщаю...: Влад<ыка> Серафим вдруг надумал выпустить по адресу Сергия новое его вразумление и вместе подтвердить неизменность Ярославской декларации прошлого года (до майского добавления к ней). Написанное им воззвание подверглось, однако, цензуре сначала М. А. <...>⁴²⁰, а потом и его Угличских друзей. И тот и эти внесли большие изменения. Особенно интересным является проект Угличан. Они, находя, что мы, Ленинградцы, не нашли себе много последователей только потому, что недостаточно канонично обставили свой отход, предлагают восполнить этот пробел так (мысль, поданная им в, вероятно, известной Вам "беседе 2 друзей" — вроде наших "ответов востязующимся"): в соборных определениях 1917–1918 годов есть пункт (10) и (8) в главе о Патриархе, что в случае превышения им прав делается

⁴²⁰ Фамилия вырезана. Возможно, речь идет о Михаиле Александровиче Новоселове. — *Прим. сост.*

двукратное братское представление и предупреждение, в случае безуспешности коего виновный объявляется подлежащим суду и т<ак> д<алее>. Только при этом условии совесть-де может быть развязана, и наше дело задержалось в своем развитии именно от несоблюдения этого условия.

В таком духе Угличане составили новый проект братского увещания к м<итрополиту> Сергию с указанием сроков, по истечению коих, в случае его упорства, совесть всех объявляется развязанною, он предается суду, и Заместительство автоматически переходит к следующему.

Как будто все хорошо, правильно, благообразно и по чину. Конечно, хорошо бы все это обсудить сообща, и, может быть, у многих действительно после этого развязалась бы совесть, и дело Сергия стало бы разлагаться со стихийной быстротой. Но вот что меня смутило. По соборному определению, такое представление Сергию должно последовать от не менее 2/3 членов Синода или архиереев. Затрудняясь выполнением этого условия, угличане находят достаточным (в виду особых условий "военного" времени), если такое представление сделают и такой порядок соблюдут... мы два: я и Серафим!!

Поистине, утопающие ухватились за соломинку и хотят ею спастись. Подумав, я решил, что это едва ли поведет к желаемому результату, проекта их не подписал пока, а ответил прилагаемым при сем письмом, которое Вам откроет более подробно мое отношение к этой стадии нашего дела. Интересно бы знать Ваш взгляд на это. Мне думается, это что-то похоже на: "после драки кулаками не машут"! Быть может, Владыке Серафиму Угличскому нужно что-то сделать для реабилитации себя после скандального присоединения к майскому разъяснению. Но я тут ни при чем. Я считаю совершенно ликвидированным свое дело с Сергием, и 2-й раз тревожить кучу этого навоза не хочется.

Важным побуждением для возобновления драки с Сергием послужило то, что — как оказывается — Агафангел

незадолго до смерти высказывал намерение возобновить свой протест против действий Сергия, коими он вновь доведен был до пределов терпения; <митрополит Сергий> понял майские "уступки" в смысле полной ликвидации основной декларации. Агафангел настойчиво подтверждал, что она остается в силе, а ему сыпали требования об исполнении не приведенных в исполнение указов спорных (о поминовении властей и т<ак> д<алее>). Это (а также лживые доносы Сергия, опорочивающие все наше дело) и вызывало в Агафангеле желание вновь начать потасовку, чего он, однако, не успел. Это самое и думает теперь сделать за него Серафим, притягивая меня к участию.

Стоит ли это затевать? Будет ли толк? Не все ли сказано и сделано? Стоит ли идти на новые — риск и, быть может, более строгие репрессии?

Хотелось бы проверить Вашими суждениями свою позицию. И свои действия. Только недавно я говорил Вам, что время нам умолкнуть и не спорить с любителями споров, и вдруг... искушение!

Посвятите Владыку во все это дело, я не пишу ему самому, чтобы не обременять его излишним балластом, не имеющим для нас практического значения.

А все же это ему небезынтересно.

Матушка Ан<астасия> кое-что еще добавит.

Бедный Владыка Д<имитрий>. Такой груз выпал на Его долю. Помогите Ему Господи! Да и вы, о<тец> Протоиерей, облегчайте его Вашею помощью, советом и трудами.

Да поможет Вам во всем Господь!

Семье Вашей благословение Божие и Покров Царицы небесной!

М<итрополит> И<осиф>.

Знакомы ли Вы с "беседой 2 друзей"? Это интересная вещь! Говорят, она была в Питере»⁴²¹.

⁴²¹ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 121.

* * *

Ответ митрополита Иосифа на письмо архимандрита Льва (Егорова)

«Дорогой Отче! До последнего времени я думал, что мой спор с М<итрополитом> Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в лучшую жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, "что ни на какой раскол я не пойду" и подчиняюсь незаконной расправе со мной — вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию. Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое маленькое "дело" вскоре же оказалось лишь малой крупичей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию или слепоте всех других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, "спасают" Церковь, управляя ею, но дело выходит наоборот, они грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии грубого насилия и безобразно-кощунственной политики.

Может быть, я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой Отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать и себя в значительной мере ответственным за несчастья Церкви. Ведь, как Вам не известно, я — один из Заместителей Патриаршего

Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены в возможности духовного падения. Конечно, такое падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом, и соборным решением. Но какой суд и соборное решение возможны теперь при настоящих условиях жизни. И каким судом и соборным решением с Архиереем, со мною, учинена расправа, допустимая по правилам лишь при большом грехе с моей стороны. Почему же, требуя суда и соборного решения в одном случае, Вы допускаете отсутствие их в другом?

Не есть ли такой аргумент тоже благодарный материал для отдела несообразностей в логическом задачнике? Погодите, придет, — мы надеемся, — время, когда будем говорить о наших событиях и судьбах. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политикам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откальваемся от нее, а их откальваем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами ее считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь М<итрополиту> Сергию, а Вы, ему послушные, идете за ним в пропасть Церковного осуждения. Мы зовем Вас и укрепляем Ваши силы на борьбу за независимость Церкви только совсем не так, как Вы полагаете должным. Не согласием с поработителями этой Церкви и убийцами ее святой независимости, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерия и лживых компромиссов предательства ее интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью.

Неужели Вы не видите несогласимое ничем противоречие и несообразность в вашей дилемме: "Снимаете ли Вы с нас послушание Вам тем, что уходите в раскол, или, подчиняясь М<итрополиту> Сергию, укрепляете и в нас силы на борьбу за независимость Св. Церкви". Я уйду в раскол?! Подчинение Сергию — борьба за независимость Церкви?! Что вы говорите, милый мой! Да над этим посмеется любая Ленинградская старуха!

Может быть, не спорю, Вас пока больше, чем нас. И пусть "за мной нет большой массы", как Вы говорите. Но я не сочту себя никогда раскольников, хотя бы и оставался и в единственном числе, как некогда один из св. исповедников. Дело вовсе не в количестве. Не забудьте ни на минуту этого: "Сын Божий, когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле?" И может быть, последние "бунтовщики" против предателей Церкви и пособников ее разорения будут не только не Епископы и не Протоиереи, а самые простые смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие близкие Ему простые души.

Итак, дорогой Отче, не судите меня строго, особенно Вашим Вальсамоном. Полагаю, что он был далеко не то, что сами авторы св. правил в понятном каждому смысле и без толкователей, и что во всяком случае этот Вальсамон не может быть авторитетным и верным толкователем наших событий, не предусмотренных никакими толкователями и правилами.

Не судите же меня строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и выводящих его.

2. Указание другому его заблуждений и неправоты не есть раскол, а попросту говоря — введение в оглобли разнуждавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении Церковной жизни участники — не одни только верхушки, а все тело Церковное, и раскольник тот, кто присваивает себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви дерзает говорить то, чего не разделяют остальные его собратия.

5. Таким раскольником показал себя Митрополит Сергей, далеко превысив свои полномочия и отвергнув и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина.

6. Вскользь Вы упоминаете, что в числе путей к истине Христос указал нам еще один новый путь: "да любите друг друга", каковой путь, по-видимому, вы считаете упущенным из виду при моих действиях. На это я Вам напомним, Отче, дивное заключение Митрополита Филарета в слове о любви ко врагам: "Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша". Аминь». (Т. 1, стр. 285. Слово в Нед. 19. Ср. еще Апостола любви Иоан. 1, 10–11).

Защитники М<итрополита>Сергия говорят, что каноны позволяют отлагаться от Епископа только за ересь, осужденную собором; против этого возражают, что деяния М<итрополита> Сергия достаточно подвоятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, Святой, Соборной и Апостольской.

А сверх того, каноны ведь многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви — ее свободу и достоинство. Что вреднее: еретик или убийца?

"Да не утратим по малу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков" (8 прав. III Вселенского Собора).

М<итрополит> I<осиф>»⁴²².

⁴²² Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 3. Л. 174 об.-177; *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 7–8.

* * *

Письмо митрополита Иосифа духовным чадам

«Душе тоскующей среди невзгод и бурь
нынешнего житейского моря.

Не ложно слово Господа, обещавшего пребывать с нами до скончания века и сохранять Церковь Свою неодолеваемою вратами ада, то есть и на краю погибели. Да, сейчас мы на краю погибели, и многие, быть может, погибнут; Церковь Христова умалится, быть может, опять до 12-и, как в начале своего основания. Ведь не могут не исполниться и такие слова Господа: "Сын Человеческий придет обрящет ли веру на земли?" Все делается по предведению Господню, люди тут не могут ни прибавить, ни убавить ни на одну йоту. Нежелающие погибнуть — более застрахованы от гибели, и можно сказать: ад будет только для тех, которые сами желают его. Так эта истина да пребудет прежде всего утешением и подбодрением для унывающих от событий мира сего. Лишение храмов Божиих и подобных прежнему пышных Богослужений с обилием молящихся, блестящими сонмами священнослужителей, ангельски подобным пением хоров и т. п. — конечно, печально и жалости достойно, но от нас не отнято внутреннее служение Богу в тишости и умиленности, и сосредоточенности в себе духа. Подобно тому, как известные челюскинцы, лишенные носившего их корабля, не погибли, а сумели создать себе сносную жизнь и на обломках обманчивой плавучей льдины, пока не были вознесены от грозившей поглотить их пучины на крыльях самолетов, так и мы, после жалостного крушения наших духовных кораблей, не должны предаваться панике и терять самообладание и надежду на спасение, а должны спокойно начать приспособляться к новой обстановке и изоцрять свой молитвенный труд служения Господу и наслаждения Им "во псалмах и пениях и песнопениях духовных", как молились первое время Апостолы и все верующие христиане.

Разве были тогда наши величественные храмы, колокола и пышные службы? И разве отсутствие всего

такого мешало возгораться такою любовью ко Господу, какой не достигали все последующие века?

А пустынники и пустынницы, добровольно проводившие вдали от храмов Божиих десятки лет, разве не более заслуживают нашей святой зависти, чем живущие среди храмов и пышных Богослужений, при всем этом не достигшие такой близости к Богу и наслаждения Им?

Вы, лишённые недавних радостей молитвы в храмах Божиих, помните — вы не освобождены от обязанности молитвенно устроить свою жизнь и не лишены возможности этого, помимо возможности иметь около себя постоянных служителей Христовых и пользоваться их духовной поддержкой и окормлением. Вы и без них должны проводить жизнь так, как бы сами были своими жрецами, закалая свою жизнь в жертву Господу терпением всех скорбей и лишений, непрестанною к Нему молитвою души, памятованием о Нем с любовью и благодарностью за все Его милости и скорби, и радости, и жаждать Его спасения, когда Он пошлет Ангелов Своих восхитить ваши души от земных горестей и опасностей, и на крыльях вознести вас к Себе, где не будет "ни болезни, ни печали, ни воздыхания". А до того и для того обзаводитесь все печатными и письменными Богослужебными и молитвенными книгами и "пойте Богу нашему", пойте разумно как умеете и сколько успеете в молитвах своих молитвенных домов, углов в особо посвященное Ему время, свободное от других забот и трудов.

Богослужебные наши книги — неисчерпаемый источник утешений духовных, и кто же не имеет возможности пользоваться ими? Одна Псалтирь чего стоит: она пронизывает собою, как канва, все наши молитвенные книги и песнопения.

Не ослабевайте же, не падайте духом, и благодать Божия с вами.

Аминь»⁴²³.

⁴²³ Подлинник письма не сохранился. Рукописные копии имели хождение в иосифлянских общинах и сохранились до нашего времени.

Приложение II

"В объятиях Отчих". Дневник инока⁴²⁴

Уединенная, безмолвная, самоуглубленная, Богомысленная жизнь инока — ценна, обильна и отрадна многими минутами божественно-благодатного озарения, Богопознания и самопознания, составляющими все его счастье на земле и залог спасения и будущего богатства на Небе. Записыванием всего, что могло делаться достоянием бумаги из этих минут, составила настоящая книга, из коей всякий да видит, как самые окаянные грешники, подобные мне, не отвергаются любовью Отца Небесного, не обманываются надеждою на милосердие нашего Спасителя, не лишаются благодатного утешения Духа Божия — Утешителя!..

Да подвигнут же, Господи, дивные милости Твои ко мне — беззаконных и нечестивых к вразумлению и исправлению, нерадивых к усердию, слабодушных к ревности, отчаянных к надежде, подвигающихся к терпению и приумножению подвига — всех Тобою спасаемых — к доброму и неуклонному шествию по пути спасения.

26 августа 1904 года.

⁴²⁴ По третьему полному изданию: А. И. "В объятиях Отчих". Дневник инока. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905–1914. Т. I–XI. Выдержки распределены по темам, они приведены без указания даты, но с сохранением той нумерации, под которой они были опубликованы в данном издании. В некоторых случаях сохранена орфография и пунктуация оригинала.

О внутренней жизни и Богообщении

77

Будем жить более внутреннею жизнью, и в сем самоуглублении откроем мир, несравненно более всего видимого и временного достойный нашего изучения, интереса, труда и забот: откроем душу, столько нуждающуюся в нашей непрестанной чистке и заботливом ограждении от угрожающих ей на каждом шагу опасностей, падений, искушений; откроем душу, заключающую неизсякаемые источники для духовной беседы с Богом, для приятия Его неизглаголаных сладких вещаний, рождающую из себя столько величайших утешений и умиления при размышлении о излитых на нее и изливаемых всегда благодеяний Божиих.

2189

Стучи Господу в двери твоего собственного сердца. Он там, за этими дверями, связанный твоим небрежением, косностью, леностью, нерадением. Услышав твой стук, твое пробуждение, встрепетается, и Он, сбросив оковы, коими ты Его заключил, разобьет и твои оковы, и изведет с Собою на свет и свободу истинной жизни.

2191

Есть отдых от трудов, есть отдых и вообще от жизни, от ее скорбей, тяжестей, монотонности, многозаботливости. Отдохни жить, когда чувствуешь, что тяжело жить. Брось все, поживи исключительно молитвой, Богомыслием, Богослужением, Богоугождением, и почувствуешь прилив новых сил — жить и терпеть. Странник не все идет, а нет-нет да и посидит, и потом

опять идет и идет. Так и ты — регулируй жизнь умелым, здоровым, благовременным отдыхом.

112

Трудись, веди свое дело, все равно хотя бы ты не замечал от него очевидных плодов: ты и не должен видеть их в здешней жизни. Трудись во благочестии не для внешних самолюбивых, самохвальных, тщеславных, корыстных целей, а для своей души. Трудись во искании и стяжании Спасителя в терпении и неотступности: и уже этот труд — великое для тебя приобретение: он нужен всегда, ибо он пресуществляет постепенно твою душу и всю природу в то состояние, которое наилучше способно воспринять Спасителя.

245

Познавай, старайся познавать Вседержителя Господа не в грозно-величественных, поражающих даже безчувственные сердца знамениях Его силы и проявлениях, а тихих, незримо благодатных веяниях этой силы в глубинах твоего сердца: тогда найдешь и привыкнешь открывать и ощущать Его гораздо более славные чудеса над твоею душою, каждую минуту находящейся под Его воздействием и могущей эти воздействия обратить в неиссякаемый источник чудес, милостей и благодатной помощи для очищения сердца и обновления души — последняя цель всяких чудес и желаний.

432

Возлюби Господа живою, сердечною, глубокою, неустанною непрерывною любовью и приобретешь великое благо, великое сокровище. Без любви ко Господу не будет у Тебя ни охоты, ни улады в службах Божиих,

ты будешь тяготиться или скучать во время их, рассеиваться и утомляться, сомневаться в важности, полезности и спасительности установлений Церковных и подвигов. При любви же Божией ты всею душою привязан будешь к Церкви и ее уставам, лучше которых нельзя придумать для обнаружений и выражений и для питания нашей любви ко Господу. Утомляться во время службы ты не только не будешь, но и, придя домой, найдешь в себе любовь и силу продолжить твоё славословие Господу: Он придет с тобою и в дом твой и здесь подвигнет душу и сердце твоё к пище Ангельской, т<о> е<сть> к славословию Ему, хвале и служению. И не только Церковными установлениями, постами и т<ому> п<одобным> не будешь тяготиться, но и сам наложишь на себя добровольные обеты и службы Господу, Который поистине "возстай и легаяй" с любящими Его...

529

Любовь к Господу Богу не приходит вся сразу; но, как нежное роскошное растение, она тоже растет, развивается, живет и возрастает постепенно. Это нежное деревцо жизни нашей также требует своего постоянного и самого внимательного ухода, поливки, света, тепла, солнышка. Подогреваясь участием в Божественной Литургии, этом чудном акте Божией любви к человечеству, ежедневным богомыслием, прибеганием к Богу и возвещением Ему всех наших нужд, печалей, немощей и болезней душевных и телесных, сыновним доверием и покорностью Св. воле Господа Бога во всем, любовь ко Спасителю мало-помалу с незаметною постепенностью возрастает в тот пламень, который будет способен греть и освещать нашу жизнь светлее и теплее солнышка. Господь Бог тогда будет всецело царить в душе; частое прибегание к Нему и всегдашнее сопребывание в Нем, в мысли о Нем воспитает в нас дивное сладкое чувство

близости к Нему, общности с Ним, а отсюда и любви. Известно, как привязываются люди к тем, кого судьба сближает с ними и долгое время заставляет жить общими интересами. Так, Господь Бог пусть будет сопresentствовать тебе во всех твоих делах, предприятиях, мыслях, чувствах, бедах, скорбях и напастях. Тогда Он поистине сольется с тобою, будет неотделим от тебя, ты во всем будешь искать только Его, Его помощи, Его одобрения, защиты и утешения.

586

Долго я не имел возможности насыщать жажду Божественного общения и не знал ее настоящей цены, силы и сладости и необходимости. Благодарю Тебя, Господи мой, что даруешь мне сие! Не отъими сего благодатного дарования Твоего, в котором одно из действительнейших средств очищения сердца от всяких тлетворных пристрастий, обновления его и водворения в нем Духа Божия.

699

Два знания я имею о Боге: 1) со слов других, из чтения книг и т<ому> п<одобного> и 2) по собственному опыту, по собственному усвоению и откровению Бога в душе моей, свойственному всякому человеку. Так точно, как и во всяком знании. Я могу знать о существовании и о свойствах какой-нибудь страны, города, местности со слов других, из чтения описаний, и могу сам воспринять впечатления от данной местности, поставив мои чувства к ней в такие отношения и близость к ней, чтобы эта местность воздействовала на меня непосредственно. И как человек, впервые видя необычайные свойства известной местности, ее чудеса, хотя и знает уже хорошо об них по описаниям, тем не менее, ахает и

изумляется, воспринимая их непосредственно своими чувствами, так и в знании о Боге, приходя в непосредственное соприкосновение и восприятие Божественных воздействий на душу, испытывает некоторое сладкое, отрадное, возвышенное чувство изумления пред постоянно новыми и новыми откровениями его душе свойств и знаний Бога! В сем неопишемом изумлении я воскликнул сегодня душою моею за Божественной утреней: Господи! Дивна сила твоя! Непостижимо величие Твое! Неопишима красота Твоя! Необъятны могущество твое и власть Твоя! Неизреченно милосердие Твое! Неизъяснимо долготерпение Твое и человеколюбие! Все в Тебе Божественно-чудно, Божественно и необъятно, Божественно-безпредельно!...

2549

Господи! Чувствую я — Ты отступаешь от меня, конечно, потому, что я сам прежде отступил и все более и более отступаю от Тебя все большим и большим расслаблением моим, погружением в суету и шум, свойственный более мирской жизни, засорением души трудами и делами для моего звания и жажды духовной неподходящими, излишними, бесполезными. Господи! Отступаю я от Тебя, потеряв прежнюю крепость, свободу и жар любви к Тебе, допустив сердце мое уязвиться плотскими помыслами и желаниями, допустив в нем внедриться чуждому Тебе чувству привязанности, которое лелеется во мне, все более и более овладевая мною, вырастая в целого «идола» и кумира, способного соперничать с Тобой в праве на поклонение и служение. И вот Ты — уходишь, добровольно, покорно, без протестов и сопротивления. Но... мне жаль Тебя, до слез, до нестерпимой боли жаль Тебя. А если так, я не хочу изменять Тебе, не хочу огорчать Тебя! Даруй же, Господи, быть Твоим всецело, всегда, в чистоте, безраздельности и безупречности!

О молитве**207**

Могу ли я быть уверен, что Господь слышит мою молитву (недостойную, грешную)? Могу ли я быть уверен, что молитва моя не "*в недра мое возвратится*"? Могу ли я быть уверен, что Господь тут, около меня, во время моей молитвы, слышит-слушает ее, кротким, любовным взглядом Своим упокоивается на мне, к Нему припадающем? Могу ли я, недостойный и окаянный, столькими изменами Ему и падениями себя запятнавший, дерзать мечтать о таком Его снисхождении к Его последнейшему из недостойных? Писание говорит, что я *должен* быть уверен в этом, если прибегаю искренно, тепло, умиленно и сокрушенно, а следовательно, и *могу*. И могу, и должен! Должен только при этом смиренно оставить Господу право исполнить или нет мою молитву, исполнить сейчас или позднее, целиком или частью.

208

Дерзновение молитвы дается и воспринимается по мере очищения от грехов и исправления своей жизни. И замечательно, это дерзновение является не результатом сознания, что я "что-то" сделал для Господа и имею право на исполнение своей просьбы Ему. Нет, дерзновение является как-то *способностью* души, в которой она не отдает отчета, откуда она, приобретена или призвана со вне и стала твоим свойством. Прежде, чем сознание хотело бы найти дерзновение в душе как результат своего угождения Богу и условие успешности молитвы, как уже оно находит дерзновение как свойство души, "состояние", факт, необъяснимый ни заслугами, ни усердием молитвы. Это удел совершенных —

со всею ясностью и очевидностью находить в себе дерзновение для молитвы и владеть им, как готовым всегда к их услугам условием молитвы.

210

Опытно познал я, что когда, несмотря на все развлекающее и рассеивающее в молитве, иногда, несмотря на возмущающие душу условия, при которых приходится совершать Св. Богослужение, — несмотря на все это, употребишь усилия совершить службу Божию усердно и благоговейно, Господь вознаграждает сторицею труд своего служителя, обильно посылая в душу "Дух Свой благий, гласяй безгласен" и благодатное озарение светлыми мыслями.

433

Если не находишь в себе веры живой, пламенной, сердечной ко Спасителю, прилично тебе, подобно отцу евангельского, бесноватого, "со слезами" воскликнуть: "верую, Господи, помози моему неверию!" О, мудрое неверие, превосходящее многих веру! Представь себе: кроткий упрек Спасителя: "вся возможна верующему!" беснующегося отрока, убитого горем отца, слезы его, минуты ожидания, надежды, момент сомнения и взрыв веры, вырвавшийся вдруг из-за облаков неверия: "верую! Помози неверию!" ...

648

Есть ли смысл молиться Господу Богу от бездождия, безведрия и т<ому> п<одобного>, когда все это обыкновенные явления, вмешиваться в которые человеку — значит выражать свое недовольство ими, а Богу — значит, творить чудо по человеческой неуютности извест-

ного явления? — Есть смысл, и весьма важный. Со времени грехопадения весь мир, по слову Божию, погряз во зле; "обыкновенные" явления в нем смешались с «необыкновенными», вредоносными; порядок и гармония на каждом шагу во всем сопровождаются ненормальностями, уклонениями, карательными за грех человека. Природа из слуги человеку стала деспотом. И вот, страдая от безведрия или бездождия, мы можем и должны обращаться к Господу за помощью, ибо такова деятельность Его против зла, что Он в пришедшей к расстройству природе одни болезненные явления попускает — для нашего вразумления, одни усиливает — для показания Своего праведного гнева, другие ослабляет, в изъявление Своего милосердия. И мы можем преклонять Его на это милосердное ослабление губительных явлений в мире именно раскаянием и очищением грехов своих, служащих источником и основанием всех наших бед и несчастий, и расстройств — и в мире физическом, и нравственном и т<ому> п<одобное>.

651

Благословен Ты, Господи! Отверзи моя уста и сердце на хвалу и благодарение Тебе! После продолжительных и сильных ливней по всей нашей св<ятой> Обители вознесены были моления о ведре, и на другой же день сильнейший ветер разогнал все облака, и к вечеру все успокоилось в благодатной тишине! Явная милость Божия! Хотя враг и смущает сомнением в том, нашептывая, что это так и само по себе сделалось бы. И что слишком было бы много требовать от Господа — в такое короткое время так легко изменить всю погоду! Но, лукавый безумец, что же трудно для Господа? И не для человека ли некогда Он создал и весь этот мир, и строй природы? Не по Его ли слову некогда в одно мгновение прекращались бури и умолкали ветры! А ведь Он — вчера и днесь той же и во веки! Все, все сделает Он для

человека, лишь бы и человек готов был все сделать для Него!

657

Хорошо не оставлять и не сокращать обычного молитвенного правила даже при усталости и недостатке времени. Господь не погнушается и таким усердием, в поспешности и озабоченности, а за то леньность наша и нерадение лишаются возможности жить на счет наших послаблений и угождений нашей легкой уставаемости и недосугам. Они являются ведь для сего и туда, где правило откладывается и по другим более уважительным причинам.

1160

Когда после продолжительной молитвы и стояния тебя одолевает чувство усталости и расслабления, принеси Господу в молитву и это твое состояние, которое будет не менее угодно и приятно Его сердцу, как и то, когда ты приносил Ему в службу свежие силы и бодрый дух.

1118

Нет удобнее времени для молитвы, как ночь. Ничто не отвлекает в это время человека, он весь в себе, весь готов к молитве и погружению в Бога, тогда как обыкновенно днем на каждом шагу к этому выступают препятствия и развлекающие восприятия чувств — шум, доносящийся с улицы, и щебетание птиц, и резкость дневного света, и даже простое представление о том, что теперь днем все суетится, грешит, волнуется, и как-то невольно заражает поползновением на то же; а ночью все спокойно, везде тишина, располагающая и душу

к умиротворению, умолкают страсти, как звери неистовые, возбуждающиеся от дневного света; и ничего не стоит в это время между Богом и душою: все готово к их соединению и сладкой беседе.

2003

Отдай молитве лучшую часть дня, если не имеешь возможности осуществлять совершеннейшее — "непрестанно молитесь". А то мы откладываем на молитву время ни на что негодное, время утомления, скуки, безделья, дремоты и расслабления всех сил умственных и физических, истощаемых часто трудом, ничего общего не имеющим с молитвой. Неудивительно, что и плода от такой молитвы не видим.

3634

Мы просим у Бога часто богатства, довольства, земных благ и т<ому> п<одобного>. И Слава Богу, что Он иногда не исполняет такой нашей просьбы. Но вот есть просьба, какой Он никогда не отказывает: это просьба о прощении грехов, благодати Св. Духа. Проси же, грешник, достойный всякого сожаления, что менее всего об этом просишь, хотя более всего в этом нуждаешься.

3702

"Восставше от сна... Ангельскую песнь вопием ти"... Ангельская песнь не словами только ангельскими, но и чувствами, пламенностью, страхом и трепетом ангельскими — должна быть приносима Господу Богу. А мы не только иногда не ангельскую, но и не человеческую песнь приносим: бессознательное бормотание и безчувственное рукомахание, и думаем — так и надо, довольно с нас.

3812

Концом всех твоих молитвенных желаний и прошений ко Господу да будет повержение себя во всецелую волю Божию. Мы часто желаем бесполезного нам, и Господь, видя это, не посылает нам желаемого, но если человек слишком сего добивается и готов потерять веру в силу Бога, не исполняющего нашей молитвы, Господь может попустить человеку желаемое им, но вместе с тем и все иногда столь плачевные последствия сего, от коих Господь хотел бы предохранить нас.

3813

Молитвы, готовые в книгах и молитвах, нужны как средство для воспитания в нас молитвы и духа молитвенного. Мы должны приучиться молиться не словами только их, а собственными излияниями духа и сердца. Как бы стал ты беседовать с отцом или матерью, прося их о том или другом, так приучи себя беседовать и с Господом Богом.

4025

Народ запрещал слепцам вопиять ко Христу о помиловании. Но они не успокаивались и продолжали усиленное взывать: "Помилуй ны, Господи, Сыне Давидов!" Таки и нам мешают взывать ко Господу безчисленные неразлучные спутники — грехи и слабости наши. А мы, не как слепцы, слушаем запрещающих нам и бросаем дело Божие и молитву, бросаем вблизи Исцелителя просить исцеления и Его благодатной помощи.

4263

Не говори, что не можешь молиться. Это значит — отказываться и от всего того, что добывается лишь мо-

литвой. Если не можешь сегодня молиться, постарайся завтра. Если не можешь дома, ищи свою молитву в церкви. Если же не найдешь ее в церкви, ищи в другой. И все-таки ищи, ибо только ищущие обретают и получают.

О плаче и сокрушении

58

"Никогда не видели Его смеющимся, но часто видели плачущим" (свидетельства древних о Спасителе). О чем ты плакал, Господи? — Ты лил слезы человека за грехи человеческие, Тебе чуждые, Тебе неизвестные. Приими же и наши слезы, слезы из глубины сердца грешного, грех изведавшего и от греха к Тебе обращающегося! Сколько и для нас утешения в этих слезах — единственное, что мы можем принести Тебе в искупление за грех!

79

О, как пагубно для души всякое празднословие, многословие, смех, веселость, гортанобесие! Как убивается ими молитвенное настроение, ревность, пламенность, умиленность и сосредоточенность служения Господу! Что для почивающего сном шум и неистовство, то для души почивающей в Господе — смехотворство и празднобеседование...

81

Избегай ставить себя в шуточные, излишне-словоохотливые и смехотворные отношения к ближним твоим. Через это в присутствии их, например, при Бо-

жественной Литургии, смутишься духом и, вспоминая свое гортанобесие, потеряешь кроткого Духа Божия. Будь всегда со всеми строго сосредоточен, серьезен, хотя и не угрюм, любезен, но и умерен в веселии, ласков, но и не многословен, не смехотворен. Учись всему сему от пастыря о<тца> И. Сергеева.

1736

Правила о монашествующих угрожают тяжким наказанием монаху даже за то, если он рассмеется паче ослабления (улыбки)! Для чего такая строгость? Для воспитания высшего благоговения, высшей серьезности и умиленного отношения к жизни как дару Божию и Его откровению, ибо жизнь наша действительно должна быть таковым откровением и как бы "воплощением" в нас Божиим, воплощением Его священнейших заповедей, Его законов, Евангельской чистоты, невинности и благоухания, несовместимых ни с каким легкомыслием, выражением коего является смех.

3710

Монах без дара слезного то же, что прекрасно снаряженный корабль без воды и без плавания. Не имея дара этого и не стараясь приобрести его, он не имеет одной из самых сильных узд своей слабости и поползновения на всякий грех.

3711

Высшая степень проникновения тайнами Божиими, благодеяниями воплощения Сына Божия и безпредельною Его любовью — слезы умиления. Они — истинное мерило духовной зрелости человека для Царствия Божия и общения со святыми. При них не пойдет чело-

веку на ум никакая суета и сладость мирская, ничто греховное, незаконное, недостойное звания христианского.

3809

Представь, сколько слез льется на земле в то время, как ты скачешь от избытка телячьей радости. Сколько нищеты, голода, холода несут многие, когда ты гогочешь и суетловишься в праздных беседах и сытых обедах...

3769

Господи! Дай мне слезы умиления. Прошу Тебя, повелевший просить, ищущего сего всем сердцем у Тебя, повелевшего искать. Толку о сем в двери милосердия Твоего по Твоему повелению, Господи! Дай мне слезы умиления!

3543

Скорбение души — один из законов ее природы, ее роста, движения, воспитания, очищения. И желать его ослабления, быть может, равносильно самоуничтожению. Все в природе развивается из страдания и путем страдания.

Об аскетизме

656

Дивная животворящая сила сокрыта Господом в добродетели воздержания и верности Его заповедям. Возьмем, напр<имер>, пост: как он чудно живителен

для души и целителен для тела. И так во всем: всякая добродетель уже сама в себе несет человеку такое или иное благословение душе и пользу телу. А Господь и это вменяет нам в подвиг ради Его, хотя этот "подвиг" сам по себе есть великое сбережение души для будущей жизни и предохранение всего себя от тлетворных заражений зла и разрушения.

Возлюби Господа живую, сердечную, глубокою, неустанною непрерывною любовью, и приобретешь великое благо, великое сокровище...

Большую силу для возгревания любви Божией и духа умиления имеет частое, по возможности, ежедневное посещение служб церковных и внимательное выслушивание всего поемого и читаемого с разумением смысла и значения всего совершающегося...

2300

Хорошо не искать "развлечения" даже в красотах природы, и во всяком случае, может быть полезнее жизнь без этого развлечения и отвлечения, нежели с ним. При самой скучной внешней обстановке жизни, в голых пустынях св<ятые> подвижники умели извлекать из глубин своей неразвлекаемой ничем души сладчайшие минуты общения с Господом. Нарочно уходили они для этого в самые глухие места, темные пещеры, голые степи и т<ому> п<одобное>, и здесь расцветала пышно их Богозарная красота и Ангельская жизнь во плоти.

2219

Люди умудрились заставить себя есть без алчбы и пить без жажды, придумывая всевозможные пития и явства. Потеряли они то истинно-человеческое нормальное состояние, когда и хлеб кажется вкуснее изысканных кушаний, и вода простая — усладительнее всяких напитков.

2240

Для чего у нас столько забот и всяких средств сделать кушанье как можно вкуснее. Для того, чтобы есть нехотя, без нужды, сверх меры, для удовольствия. Для того у нас и напитки всевозможные — чай, кофе и т<ак> д<алее>. Мы не понимаем и не знаем удовольствия — есть один хлеб и пить одну воду, потому что не знаем действительной нужды нашего организма, а не избалованной нашими прихотями и сластолюбием.

3746

Представь, что Господь снова на земле, окруженный Своими учениками. Он зовет тебя. Тебе надо предстать пред Его лице. Как ты явишься к Нему, одетый богаче Его во многие одежды, а Он лишь — в самых необходимых и обычных? Как явишься к Нему, в сапогах и калошах, а Он — в сандалиях? Он сидит на камнях, а ты сейчас только с мягкой мебели? Он, едва утоливший голод скудную трапезою, а ты — после сытного обеда? О, сколько много найдет совесть упрекнуть тебя, если бы тебе довелось идти ко Господу!

1193

Истинно-благочестивая, Богоугодная, праведная жизнь невозможна без самого беспощадного непрерывного понуждения себя на все доброе, без самого усиленного выдержанного обуздания своих греховных склонностей и слабостей, без самого упорного и неотступного насилия над своею ленивою, сластолюбивою, эгоистическою неженкою-плотию! Не хочется молиться — молись нарочно! Хочется чего-нибудь поесть сладкого, вкусного — не ешь: рядом поставь с собою, и все-таки не ешь! Хочется сократить молитву, ускорить ее — нарочно за-

тяни, удлини! Хочется соснуть лишний часок, сверх самого необходимого — нарочно спешу встать. Не хочется рыться в кармане, чтобы подать просящему, — нарочно поройся, даже сходи домой и принеси оттуда, и подай больше, чем хотел бы в начале. Не хочется служить молебен и совершать другую какую-либо потребу богомольцам после службы, когда ты и устал, и изголодался, и несвободен — нарочно победи себя — и вспомни о себе и о своей плоти лишь после удовлетворения всех. Не бойся довести так себя до совершенного изнурения: плоть наша слишком коварна: всегда склонна преувеличивать усталость и слабость тела, наслаждение отдыха, приятность покоя и необходимость подкрепления сил!..

О милостыне

80

Призывая в молитве невидимых нам друзей Божиих, не забудем прибегать к ходатайству и видимых друзей Его и наших — нищих и нуждающихся братьев наших. Поможем им и деньгами, и ласковым словом, которое многие из них так редко слышат, — и возопиют они о нас ко Господу, и Он, не видя в самих нас достойного Его милостей, ради милуемых нами не отвернется от нас. Скажи им просто: "Нате, родные мои, св<ятую> милостыньку и молитесь за меня: имя мое — "окаянный грешник"!..

754

Сколько счастья, утешения и самого тонкого возвышенного наслаждения вызывает радость на лице бедняка от души искреннею и необходимою ему помощью! Какое великое сокровище, может быть, покупаешь на презренный поистине металл, обыкновенно или безразлично ско-

пляемый без всякого употребления, или расточаемый на дела суетные, бесцельные и недостойные. О, богачи! Какого блаженства не цените вы в ваших руках, не умеете извлечь и губите свою безрассудною жизнью!

941

Известная истина: ни богатство, ни бедность сами по себе ни губят, ни спасают человека, а лишь такое или иное отношение к ним. И из богатых многие просияли великими угодниками Божиими, и бедных в рубище видим на изображениях Страшного Суда ведомыми во ад. Среди самих Апостолов, окружавших Господа, не имевшего на земле где главы подклонить, видим не только людей бедных, но и состоятельных, напр<имер> Иоанн Богослов. Да и что такое богатство? "Если ты имеешь две рубашки", а у другого только одна, а то и одной нет, ты по сравнению с ним богат, и по-сему-то вторая половина начатого изречения гласит: "дай неимущему!" (Лк. 3, 11). Точно так же и во всем.

Если у тебя в кармане хотя бы 2 копейки, а у другого нет и одной, и он нуждается в ней, ты, по сравнению с ним, богат, и, не поделившись с ним, осудишься за немилосердие. Любопытный пример того, как одно и то же богатство одному служит во спасение, другому в гибель — представляют: с одной стороны св<ятой> Иоанн Милостивый, патриарх Алекс<андрійский>, много творивший добрых дел золотом (что значит, конечно, и имевший его), и один инок, лишенный христианского погребения игуменом своим только за то, что после его смерти найдена была у него златница.

1065

Как поступать, когда сомневаешься в добросовестности обращающегося за помощью материальною, и по-

сле того как все-таки окажешь помощь, начинаешь снестаться иногда жалостью к напрасно, как кажется, брошенным деньгам? Если первое еще не преступно, то последнее уже совсем недостойно человека благочестивого, а я часто страдаю именно этим недугом людей, питающих к деньгам более пристрастия, чем они сами по себе заслуживают. Думается мне, что, если даже и сомневаешься в честности просящего, это еще не основание для отказа. Как бы он ни был недобросовестен, ему нужны деньги, хотя бы и не всегда на то точно, на что он просит. А за путь, избранный им для удовлетворения этой нужды, ответит сам просящий. Точно так же редко может случиться, чтобы выпросивший на нужду положил деньги в карман только для того, чтобы любоваться ими. Бывает более то, что просят на одну нужду, облакая ее в более трогающие формы (ведь к этому приучило нищих наше же нечувствие), а изводят деньги на другую, менее насущную. Хотя бы и так, отказывать нет основания. Есть — давай; много дать затрудняешься, дай меньше. Если бы тебе сказали: "Сейчас ты будешь преставлен от земли", — не бросил ли бы ты все, что есть у тебя без всякого сожаления не только в руки нищих, а и прямо на землю, и не устремил ли бы все силы и помыслы свои превыше земли. Поступай так и в подаении милостыни: расточи, дай убогим и всем просящим по заповеди Христа, лишь бы были деньги, да хоть какое-нибудь желание. Если же душу одолевает какое смущение или недоверие к искренности трогающего тебя своею нуждою, скажи в сердце твоём Господу: "Господи! Ради Тебя даю, хотя и не хочется! Дай пользу моей жертве, какую Сам изволишь!" ...

1208

В своем равнодушии и немилосердии к бедным мы часто оправдываем и успокаиваем себя тем, что сами имеем мало, и охотно помогли бы бедным, если бы имели

больше. Неосновательное и казуистически жалкое оправдание! Господь две лепты вдовицы, составлявшие последнее ее достояние, поставил гораздо выше щедрых жертв богачей "от избытка". Таким образом, тогда-то наша жертва особенно и ценна, когда мы сами имеем мало, и чем меньше мы себе оставляем из немногого, тем больше привлекаем благоволения в очах Божиих! Тогда-то и спешి поделиться с бедными, пока имеешь сам мало! Ибо тогда-то ты и имеешь возможность проявить большую щедрость, милосердие к ближнему и любовь ко Господу милосердия. Не дожидайся избытка средств для благотворения, потому что, во 1-х, никогда можешь этого не дожидаться и не сделать ничего, во 2-х, дождавшись избытка, уже не так легко окажешь истинное милосердие, достойное Заповедавшего оно!.. Давай бедным сразу, как только заведется что давать! Давай до тех пор, пока есть что давать! Если имеешь и свои нужды, но удовлетворение их предвосхитила просьба неимущего о помощи, отбрось свою нужду и дай просящему! А тем более, не имея в виду никаких собственных близких неотложно-насущных нужд, — не удерживай, не накапливай, не храни денег, но спеши с ними на помощь нужде и страданию! Вот будет истинное милосердие, истинное христианство, истинное монашество и Богоугождение!..

О монашестве

1

Жизнь в объятиях Отца Небесного — воистину это жизнь монашеская. Монах — это очнувшийся распутный сын, для которого все прошедшее, настоящее и будущее слилось и замерло в один нескончаемо долгий момент сладчайшего самозабвения на груди Отеческой...

Вопль покаянной мольбы еще на устах, но сердце-сердце уже давно услышало ответ и само успело ответить своим воплем, воплем счастья от исчезновения в неизследимой бездне всепрощения и милосердия Божия!..

546

Тяжкий грех нерадивого, недостойного инокa не только пред Господом, но и пред обществом, на копеечки которого он живет безбедно, ест и пьет досыта, не платя за это примерною Богоугодною жизнью...

1285

Монах — жертва Господу тех, кто не всегда может приходить молиться, кто не умеет как должно молиться, кто не все понимает в молитве и кто не всегда способен молиться. На монаха более всего указывает наставление Златоуста мирянам: "Сотвори имя твое знаемо, да в церкви Божией молитва за тя к Богу яко фимиам возносится: и свеща твоя всегда да светится в церкви и просфора твоя такоже" (Пролог, Апр. 27). Монах именно и есть как бы постоянная благоуханная молитва мирянина, его свеща, всегда светящаяся за него в церкви, его просфора, за него всегда подаемая!

1275

Монашество есть, между прочим, сильный молчаливый протест против развращенности, пресыщенности и многомятежной суетности мира. Для силы этого протеста не нужно количество протестующих; достаточно их качественное превосходство в устроении жизни по истинно-разумным и жизненно-здоровым началам скромности, воздержания, целомудрия и нестяжания.

1281

Что худого, по-видимому, в том, если бы я на земле пожил как человек, напр<имер> в браке? Для чего это нужно — отказывать себе в том, в чем не отказывают миллионы людей, и в том числе множество людей достойнейших? Для чего это насилие над природой, когда полный здоровья и сил человек отказывается от счастья родительства — насилие, редко проходящее совершенно безнаказанно для физической и духовной природы человека? — Для засвидетельствования и лучшего удовлетворения высшей жажды человека в Боге. Безраздельно иметь Его предметом всех помышлений и пожеланий, — жить вечною жизнью, которая поистине начинается для девственника уже здесь на земле, где он старается жить, как "ангелы Божии на небесах". Недаром Спаситель, для определения того, как "живут ангелы Божии на небесах", счел достаточным противопоставить этому в людях просто то, что они "ни женятся, ни посягают!" Отказ от брака драгоценен, как выражение того, что человеку дороги высшие интересы, не имеющие ничего общего с землей и все полагающие за ее пределами.

1379

Я оставил в "мире" все, что только может быть в нем наиболее привлекательного и способного овладеть душою, сердцем и всею моею жизнью. Я "запретил" себе все, что служит в нем к удовлетворению многих сильных и трудноодолимых потребностей, слабостей и влечений человеческих. Но эта жертва и самоизменение могут остаться одним "пустоцветом" и жестоко отомстить за себя и даже допустить такое или иное "возвращение" всего оставленного и вычеркнутого из моего жизненного обихода, если взамен оставленного и

вычеркнутого я не заполню душу и жизнь соответствующими возвышеннейшими и жизненнейшими привязанностями, потребностями, увлечениями, радостями и утешениями. Все это монах должен научиться находить и привыкнуть извлекать из своего монашества, в самой высшей степени. Иначе недостаточно заполненная и удовлетворенная душа его больно затоскует и подвергнется страшной опасности воззреть вспять от плуга Божия и возвратится снова к оставленным идолам — привязанностям и наклонностям. Итак, люби всем сердцем службы Божии, ибо они удерживают ноги твои от бесплодного и душепагубного шатания по распутьям мира сего! Люби чтение и пение церковные так, чтобы они способны стали заменять тебе всякие концерты и развлечения! Люби все процессии, торжества и обряды церковные, питай и услаждай ими твою душу, нуждающуюся в таком или ином удовлетворении своих эгоистических и других способностей! С любовью, неторопливо и усердно совершай и молебные пения, и панихиды, и прочие требы по нуждам и просьбам верующих и усердствующих богомольцев обители, ибо это заменяет для тебя всякую многокричащую и высящуюся "службу миру" и христианские отношения к ближнему. Научись и умеи ценить всякую мелочь в обиходе монастырской жизни, все ее интересы и обычаи, все ее радости и утешения, скорби и лишения, испытания и огорчения... Пусть будет в ней дорого твоему сердцу все до последней щепочки и камешка на дворе обители, и тогда — мир будет достаточно безопасен тебе со своими прелестями и искушениями.

1380

Жизнь монашеская и вообще строго христианская вся должна быть распределена в строгом соответствии с церковными службами, освящающими собою важней-

шие времена дня и года. Находится ли монах или христианин у службы Божией в церкви или нет, соответствующая тому или другому времени дня служба церковная должна определять его душевное настроение, и молитвенные чувства, и всю жизнь души. Это замечательно подготавливает ее жизнь и к душеполезному пребыванию в храме Божиим и сообщает ее жизни лучшее распределение и строй. Службы церковные не являются для него отрывочными вторжениями в его спокойное течение жизни и нарушениями последней, перерывами и вообще сторонним чем-то, для чего надо особо подготавливать душу, приспособлять ее, изменять, утруждать. Нет, эти службы должны быть естественным звеном, соединяющим его дневное настроение и содержание души в одно стройное, благодатное, разумное целое. Эти службы должны быть периодическими, соответствующими важнейшими моментами дня, завершениями молитвенных бесед души с Богом, удовлетворениями его душевной жажды Бога, влечения к Нему и устремления к Нему всех сил души и сердца.

1760

Грустишь ли ты, монах, что много времени уходит на дела служения и попечения о "временном благе" ближнего в ущерб якобы более важному делу — спасению души своей, но в таком случае, почему же в свободное-то время не займешься, как следует, делом своего спасения? Очевидно, тут не ближний виноват, а сам ты со своею вялою, расслабленною, ленивою, холодною, безчувственною натурою.

1762

Не извиняйся "делами" в том, что страдает твое "служение Богу". Ведь и во время всякого дела монах

может пребывать в Боге и молитве, и если не пребывает, очевидный признак, что и вообще на молитве душою своею он не в силах удерживаться у подножия Божия, во внутреннем созерцании присутствия и величия Его.

3688

Случается, благодать Божия свивает себе гнездышко и в черствых сердцах. Я видел таких, которые приходили в монастырь без особенной охоты и способности к жизни монашеской, но мало-помалу втягивались в нее и становились исправными и не последними монахами. Истинно Господь всех призывает к Себе и силен перерождать самих волков в агнцев кротких.

3773

То самое, что мы — нынешние монахи — пребываем окружаемыми со всех сторон миром, служит не только к нашему недостаточеству и, может быть, осуждению, но и к нашему оправданию и, может быть, и приобретению. Переживая от мира скорби, каких не знали совершенно прекратившие общение с ним, мы восполняем ими лишения и отчасти подвиги и терпение пустытников. Нет худа без добра и здесь.

3742

В пример и укор современным монахам обыкновенно любят указывать на древних пустытников и отшельников, с их суровыми правилами, уставами и взглядами на жизнь. Да, в пустынях Египта можно было жить по тем суровым правилам. Можно было не заботиться ни о чем, живя на открытом воздухе под всегда теплым небом, финиковыми пальмами, всегда плодоносными, дававшими и пищу, и одежду, если она была нужна тамошним пустынникам.

Но ведь все это и многое другое не столь применимо для наших условий. Очевидно, и требования к современному нашему монашеству должны быть значительно иные. Минимум потребностей и забот о себе и своих временных и суетных удобствах — вот мера жизни монаха наших условий. Живя так, он и при этих своих условиях может достигать в меру возраста истинного монаха, который, конечно, всегда и везде прежде всего и более всего должен быть истинным христианином по своему настроению и делам.

3996

Говорят, нынешние монахи плохи. А отчего они плохи? Да от того, что прежде все мы стали плохи. Яблочко от яблони недалеко падает: каково дерево, таковы и плоды. Общество — дерево, мы — плоды. Дерево плохо, и плоды таковы. Нам будет плохо, и древу не сладко. Помяните смоковницу евангельскую.

О Святом Причастии Святых Таин

1045

Были св<ятые> подвижники, которые по многу лет, затворяясь или уединяясь в суровых пустынях, лишали себя причастия Св<ятых> Таин, и это лишение не помешало им, при их гигантском духе, просиять дивными подвигами молитвы, поста, покаяния, очищения сердца и любви Божией. Наоборот, на других убийственно для души действовало и чувствовалось даже и однодневное уклонение от Св. Причастия, и многие из них именно ежедневным причащением преуспели в своих не менее дивных подвигах. Посему, когда и я жажду ежедневного, — о, недостойнейший! —

приобщения Св. Животворящих Таин, то охраняю себя от высокоумия и тщеславия тою вполне верною, как я знаю о себе, мыслию, что без этой благодетельной пищи моей душе и сердцу — мне с моею слабою духовною жизнеспособностью угрожало бы совершенное духовное растление и отчуждение от Господа!

1063

"И по хлебе вниде в онь (в Иуду) сатана" (Ин. 13, 27). Какое страшное приобретение от участия в Тайной Вечери! Какая ужасная судьба одного из первых причастников Тела Христова!.. Какое скорое превращение из обителя Христовой в жилище сатаны, из достояния Божия в орудие и сына дьявола! Какая непостижимая преемственность и соседство — хлеб-Христос и... сатана; Чистейшая Святыня и... воплощение злосмрадия! Можно ли удивляться, что то же самое бывает и донныне с нами, когда приступаем к Чаше Христовой недостойно и от Св. Таин спешим обращаться на дела злые и суетные.

1068

"Да не един пребуду кроме Тебе Живодавца!" — молит Господа готовящийся ко причащению. Какое сильное побуждение для возможно частого соединения с Господом во Св. Тайнах! Не должно ли пользоваться малейшею возможностью и удобством для приобретения сего великого Сокровища! Не должно ли жалеть о каждом упущении такой возможности? Ужели не должно быть больно сердцу нашему — пребывать хотя бы один день кроме Живодавца! Господи! Знаю, что многие даже целыми годами удаляли себя от Твоих страшных недостойнству нашему Таин! Знаю, что я, конечно, более всех должен бы удержать свое крайнее

недостойнство от такой Святыни!.. Но где же и найду я еще другое такое врачевство от своих немощей? Где — другое такое утешение, отраду и счастье?.. О, милосердый Господи! Не погнушайся моею нищетою! Да возвеличит она наипаче Имя Твое, когда явишь мне крайнее сие снисхождение!

1119

Господи! Удержи кротко меня от частого приобщения Св. Твоих Таин, если не в очищение моих грехов мне служат Они и не в приложение Твоея благодати, а лишь к большому осуждению за мое крайнее недостойнство и грешное дерзновение! Удержи властно и благостно, если не в должной степени рассуждая Тела и Крови Твоих, суд себе ям и пию! Если же наслаждение, получаемое мною от Св. Таин Твоих и жажда частого их приобщения, добрый признак, не удержи, о Боже Долготерпеливый и Неизреченно-Милосердый, не удержи благости Твоей мне недостойному!

1120

"Ослаби ми волны благодати Твоея!" — молились Господу св. Его подвижники. Почему? Потому, думаю, что эти волны, чем они полнее и сильнее, тем на встречу им поднимаются из глубины души, влаемой волнами благодатными, соответствующе сильные волны совестного укорения, обличения и сознания крайнего человеческого недостойнства и греховности. Быть может, есть предел, за которым человеческое греховное существо уже не выносит этих волн и близко к распадению, почему и сказано: "Не бо узрит человек Лице Мое и жив будет!" и св.<ятые> подвижники вынуждались самую слабость своей природы человеческой молить Господа об ослаблении Его благодатных волн! О, дивное волне-

ние! О, благодатная буря благодати, нестерпимая для нашей греховности, слабости и ограниченности! О, неизреченные океаны любви Божией, не потопляющие нас, но кротко несущие на своих волнах к тихому покою Небесного Отца!..

1122

Св. Тайны Христовы именуются небесными! Услади душу твою, и чаще — всегда услаждай мыслью об этом дивном их свойстве! Ибо хотя приготавливаются на земле и из земного вещества, но приемлются достойно, как дар неба, новая лучшая совершеннейшая манна, падающая новому Израилю ежедневно с небесной трапезы Любвеобильного Отца! О, дивный Хлебе небесный! О, чудо Божия промысления над жестоководным, как всегда, человечеством! О, благодатное. Непостижимое сочетание земли и неба, Бога и человеков, святости и недостойности!..

1265

В причащении Св. Таин проразумевай не только духовное наслаждение общения с Господом, но и великое, страшное дело спасения от плена и общения дьявольского; трудно описать все опасности, среди коих живет человек, опутанный столькими сетями, прельщениями, соблазнами и всевозможными дерзкими нападениями врага спасения нашего. Человека в этом состоянии можно уподобить погибающему в страшных волнах бушующей пучины, а Св. Тайны суть та поддержка, которая, как некий спасительный пояс, не дает ему погрузиться на дно, а помогает держаться на поверхности и подплывать к пристани...

2105

Приступая ко Св. Тайнам, войди в настроение и чувство первых причастников Св. Таин — Апостолов. Когда Господь пригласил их, они не раздумывали долго, не возражали много, не спрашивали, не любопытствовали, что, как и почему, а в трепете и благоговейной вере поспешили исполнить зов Господа!..

О вере и благочестии

35

Какое лишение и несчастье душе человека, если бы отнять св. иконы! Представьте себе, что взоры наши, куда бы ни падали, везде видели бы одно только вещественное мертвое, тленное! Не тем ли более мы погрязли бы в пучине житейского моря, не находя нигде изображений и напоминаний мира духовного, святого, небесного?

Как бы мог тогда человек возвыситься умом и сердцем своим к Богу, если уже и теперь, постоянно видя на каждом шагу свящ^{<енные>} изображения, истлевают в земных интересах?

38

Не надо забывать, что Библия писана для человека. И можно ли обвинять ее за то, что она не молчит о человеческих слабостях и говорит о них откровенно языком человеческим, иногда таким, который, по-видимому, не совсем приличен для свящ^{<енной>} книги. Однако лишь самое извращенное чувство или незрелость — умственная и нравственная — способна из этих мест извлечь что-нибудь другое, кроме назидания. Вот почему

можно советовать: 1) не читать данных мест в минуты нравственного расслабления; 2) не давать их детям в собственном и переносном смысле слова (дети взрослые) и 3) вырывать эту книгу из рук людей, останавливающих лишь на питающих их чувственность местах Библии.

420

Большую силу для возгревания любви Божией и духа умиления имеет частое, по возможности, ежедневное посещение служб церковных и внимательное выслушивание всего поемого и читаемого с разумением смысла и значения всего совершающегося. Непосредственное участие в чтении и пении особенно помогает этому, лучше оживотворяя все назидательное и умилительное в Церкви.

417

Когда чем наслаждается душа, так хочется наслаждаться не одному; хочется, чтобы и другие участвовали и понимали твое наслаждение. Такова церковная красота, благолепие Богослужения нашего, умилительная сладость духовных песнопений и молитвословий церковных. Боже! Сколько умиления, красоты, теплоты чувства, сокрушения сердечного в Триоди Постной! Какая неистощимая, неоценимая сокровищница поэзии и вдохновенного излияния чувств души. Или обиходные напевы и мелодии! Сколько неподражаемой прелести, музыкальности, вдохновенной осмысленности и умилительности, о коих никак нельзя судить по грубейшим искажениям Бортнянских и т<ому> п<одобных>, дерзко посягнувших на девственную чистоту, целостность и красоту нашего истового, настоящего церковного пения, заключенного в обиходе. В частности, возмущаюсь

искажениями у Бортнянского чудных обиходных мелодий "Помощника и Покровителя" и др<угих>, к величайшему прискорбию получившими право гражданства в наших церквах; и долго еще, вероятно, не найдут они истинной оценки. А давно, давно пора отставить эти лживые передачи Божественных глаголов и музыки, давно пора возвратиться к заброшенному, опозоренному, искаженному, обезображенному древнему напеву, унисонно увековеченному в обиходе и нетерпеливо ждущему правильной, строго выдержанной и разумной гармонизации.

1795

Крайнюю острую жалость испытываю я по многим нашим церковным дивным мелодиям, напевам, уставам, сохраняющимся ныне разве в самых строгих пустынных обителях, тогда как в других местах повсюду это дивное сладкопение церковное крайне сокращено, искажено, опрощено, обнажено, оголено, как потравленное дерево, от своих несравненных красот и умилительной силы и сладости. Были и есть композиторы, которые прямо ставили себе целью упростить, т<о> е<сть> обезобразить, изнасиловать неприкосновенную святыню наших церковных мелодий и напевов (так сделал и Бортнянский с "Помощником и Покровителем"). Другие, не понимая их прелестей, вместо них предлагали и предлагают свои фантазерские измышления, щекочущие ухо и ничего не говорящие сердцу. И только третьи, более благоразумные и призванные (Львовский и др<угие>), сумели создать себе истинную бессмертную славу точнейшим переложением на ноты дивных церковных мелодий, на коих всякий может видеть несравненное их превосходство пред убогим музыканьичанием многих, так называемых, духовных композиторов.

739

Что сказать особе, спрашивающей, как отстать от папирос? — Трудно, а отстать надо же будет: умирать-то ведь не с папиросой в зубах будешь, — а значит — естественно бросить эту скверную привычку теперь. почаще и поживее ставь себя мысленно пред Престолом Божиим и устыдись своих слабостей и скверных привычек так, как устыдился бы пред очами Божиими! О, человек! Ты — прекраснейшее творение Божие, венец создания Его, в обладании Тебе дано все; и ты ли с собой не совладаешь! — Терпишь себя в рабстве низким похотям, страстям, слабостям и привычкам.

753

В момент, когда погибает какой-либо несчастный грешник, например, в непосильной борьбе с каким-нибудь недугом, слабостью и несчастным стечением обстоятельств, обычно в душе поднимается невольное острое чувство жалости, печали и сострадания к погибшему, хотя бы вы его видели всего в первый раз в жизни, и он был вам совершенно чужд дотолe. Великое это чувство и полно непостижимой силы. Поскольку оно невольно овладевает всеми, у кого человеческое сердце, им значительно облегчается и, так сказать, разделяется тяжесть и ответственность груза погибшего. Это чувство, которое низвело Христа с Неба и искупило мир, смыв страшную его ответственность пред Правосудием Божиим!..

665

Что хотела сказать нам мать Божия, что Свою чудотворную икону Казанскую благоволила явить через 8-летнюю отроковицу? То, прежде всего, что такой свя-

тыни Ея достойна касаться только чистая, непорочная, не загрязненная никакою плотскою скверною и движением душа!

То, далее, как Ее сердцу близки, дороги и любезны невинные Богобоязненные дети! То, что Ей приятны и желательны детские хвалы и усердие. То, наконец, что св. икона предназначалась в дар, освящение и благословение обители непорочных дев и чистых вдовиц — монахинь.

652

Достойно и праведно предлагает Св. Церковь двоицу первоверховных Апостолов на ублажение и назидание! Не только за их труды и болезни, за учение Христово, но и особенно за одну общую их черту: оба представляют удивительнейшие образцы покаянного заглаждения величайших из грехов: один трижды с клятвою отрекся Господа, отказался знать Того, Кто был для него все. Другой был жесточайшим гонителем Церкви Божией, свирепым умучителем многих последователей Христа. И как первого грех вполне заглажен ради горьких слез покаяния, так второго вина покрыта сверхапостольскою ревностью, простершего проповедь Христа даже "до двери Кесаря!"

912

Удивительное дело! Если бы кто сознался в незнакомстве с Пушкиным, Лермонтовым и т<ому> п<одобными>, удивлениям и упрекам не было бы конца! Между тем, сознаться в незнакомстве с Василием Великим, Григорием Богословом, Златоустом, Ефремом Сирийским — это все даже гораздо естественнее покажется, чем сознаться, наоборот, в знакомстве.

О, слепота! О, извращение порядка вещей! Хотя бы почтили этих писателей, наравне со своими заве-

домыми брехунами, так и этой чести лишают величайшие вечные сокровища, никогда не теряющие своего значения — нравственно воспитывающей письменности.

913

"Земля — это огромная больница", — сказал некто, и воистину не преувеличил! Посмотри кругом. Кто не жалуется на нездоровье в том или ином отношении и кто искренне похвалится совершенным здоровьем души и тела? Никто. И все потому, что везде, в каждом, всегда господствует растлевающая сила греха и зла, этих исчадий смерти и ада.

1102

С тех самых пор, как Ева обольстила Адама, дочери ее наследственно отличаются тою же способностью к обольщению мужеской половины потомства Адамова, к пленению его в соглашение с собою едва не на все, чего захочет женщина; так что самое Богодарованное господство мужа над женою нередко превращается в полное послушание, пленение жене и внушениям пола, слабого силами, но могучего способностью обольщения, укрощения, настояния на своем... Послушайте же вы, о могучие обольстительницы, какое достойное применение этой вашей способности предлагает св<ятой> Апостол: "Аще нецыи не повинуются слову, женским житием без слова пленени будут, видевши еже со страхом чисто житие ваше!" (1 Петр. 3,1). Вот, поистине, достойное дело способности "обольщения" и пленения, направляемой обычно на столь причудливые и неистощимые женские прихоти и капризы, и т<ому> п<одобное>.

1189

Кому больше поверить — врачам ли, настаивающим на недостаточной питательности постной пищи и предпочтении ее скоромной, — плоти ли, ненасытной и самоугодливой, — ноющей и льстиво-лицемерно преувеличивающей свое расслабление от поста, — или поверить истинным подвижникам поста, изучившим его достоинства и дивно-укрепляющие душу и тело свойства долгим собственным опытом, заставившим взывать всем с горячим убеждением: "приидите насладимся, братие, поста (отеческого сокровища, имения чудного, матери всех послуживших Владыце Христу), ибо сей укрепляет тело и просвещает ум и сердце!" (Канон понед. 3 сед. Вел. Поста).

1455

Добрые примеры нарушения правил строгой жизни ради других высших соображений (напр<имер> пример Св<ятого> Тихона, поставившего любовь выше поста) выходят нередко большими и неудачными карикатурами в нашем подражании. Почему это? Потому, что эти примеры даны в состоянии действительно благодатном, упрочившемся в верности Богу и любви к Нему, а воспроизводятся нами под понуждениями разлечения, расслабления и развращения наших неустановившихся нравственных сил и благочестивой настроенности.

1478

Жалкий клеветник и хулитель Церкви Лев Толстой опять обрушился на нее со своею злобою, выставляя ее причиною всевозможных уродливых явлений в прошлом и настоящем человечества — невежества, тьмы, предрассудков, суеверий и т<ому> п<одобного>. В ос-

леплени этой своей злобы на Церковь и Откровение, он отказывает Ей безусловно в чем-либо хорошем и трактует Библию как величайшее зло, сослужившее самую недостойную службу человечеству. О, сумасшествие! До чего может договориться жалкая тварь, воздвигшая свою жалкую пяду на Благодетеля! До чего может осатанеть человек от общения и союзничества с тем, на сокрушение главы которого призван!

Церковь не дала человечеству ничего хорошего?! В частности, Русская Церковь дала русским людям одно зло? А кто же в годину народных испытаний подвигал народ к поголовному восстанию со страшным для врагов победоносным кличем: "Постоим за Св. Софию, за дом Богородицы, за храмы Божии!" ... Кто заставил свирепейшего из завоевателей постыдно бежать из пределов России с воплем: "Велик Бог христианский!" ... Кто служил искони и донныне служит светочем истинной христиански доброй, кроткой, смиренной, благочестивой, Богобоязненной и скота не обижающей жизни, как не Церковь! Пусть худы отдельные люди! Но при чем же тут Церковь, ни единой заповеди не имеющая такой, чтобы учить людей худу. И что лучшего сверх ее учения дало все перехваленное высокоумие Толстого-безбожника и сатаны из Ясной Поляны?

1532

Для одних спасение — подвиг целой жизни, для других — дело одной минуты. Один достигал его самоотверженною, всего лишенною жизнью в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, другие — достигают того же среди городского шума, житейской суеты, мирской среды — иногда одним покаянно-слезным предсмертным вздохом. Не умалается ли от такой несоразмерности значение пустынножительства с его лишениями и посвящения себя на продолжительную жизнь, достойную спасением? Не умалается — уже потому, что

жизнь, вся посвящаемая на служение Богу и достижение спасения, сама в себе есть величайшее благо, исполнена величайших утешений и наслаждений духовных, услаждающих самые суровые условия пустыни и помогающих эти самые условия обращать во благо и наслаждение духа, всецело объятого парением к Богу. Вот почему укрепившиеся в своем подвиге пустынножители не променяли бы, конечно, своих суровых условий жизни ни на какое довольство и роскошь мирской жизни и отнюдь не считали их для себя ни малейшим соблазном, сожалея и оплакивая пребывающих в ней. Затем, необходимо принять здесь в объяснение то, что жизнь и спасение каждого есть устройство также и Воли Божией, а не только нашего избрания. Наконец, в каждом из спасающихся Господь видит и смотрит не только дело, но "и намерение целует", и взвешивает в подвиге каждого не сумму внешнего, но силу внутреннего. Достигающие спасения одною минутою, без сомнения, были достойны его ради такого настроения своей души, которое могло и их сделать подвижниками, если бы на то Воле Божией было угодно дать возможность

"Благоразумный разбойник, — говорит один проповедник (Святой Иннокентий), — если бы ему дано было сойти со креста, без сомнения, всю дальнейшую жизнь посвятил бы Богу" ...

1645

О дне рождения не менее спасительно размышлять, как и о дне смерти. Начало приводить на память и конец. Рождение переносит мысль и на смерть... Вместе с тем, оно дает мысли точку отправления, от которой мы так удобно можем всегда окинуть взором нашим всю нашу многобедственную и преисполненную плачевных падений жизнь, со всеми знаменами благодатно спасительного промысления о ней Божия, имея в этом

столько сильных побуждений к постоянному устремлению нашей души и сердца к Богу, нашему Тихому Пристанищу, и к устроению жизни нашей во всяком благочестии, труде и чистоте.

2049

Не смущайся, если то, что ты считал за Волю Божию над своею судьбою и со своей стороны принимал как жизненное послушание, вдруг принимает неожиданно другой оборот. Начни опять и это, как Волю Божию, которой свойственно самое зло обращать к добру, — начни опять как новое послушание своей жизни, хотя бы и по твоей вине к тебе пришедшее, но и Богу не неуютное.

2186

Часто мы избираем из двух зол меньшее, тогда как вместо них можно бы выбрать хоть маленькое, да добро. И это добро в таких случаях почти всегда есть, только увлеченные предметами непосредственного нашего выбора, мы не замечаем третьего, наиболее безобидного способа выйти из затруднения.

3571

О многих наших состояниях нельзя судить в отдельности, а лишь в общей связи их с другими. Так на нас часто нападает апатия к труду, ослабление энергии до того, что мы ни за что не можем взяться. Дело, самое легкое как-то валится из рук. Это может быть принято за лень, но в действительности иногда это просто периоды отдыха от переутомления нашего, восстановление и накопление сил, и, может быть, экономия самой природы в расходовании этих сил, убыток которых мы

не замечаем так ясно, как замечает это сама наша природа, устанавливая по-своему равновесие запаса и расхода сил.

3641

Если внимательно вникнуть во многие наши тяготы земные, несомненно, увидим, как часто они являются заслуженною нашею расплатою за наши ошибки и ту тяготу, виновниками которой мы были для других.

Несчастные, непослушные и злонравные дети как часто бывают у тех, которые были сами грубы и непочтительны к своим родителям. Злые невестки, снохи, золовки, свекрови и тещи — тоже как часто являются у Господа орудием наказания за соответственные грехи семейной жизни страждущих лиц в предшествующее время. Это я проверил на опыте многих лиц.

3738

Не надо слишком преувеличивать то, что может человека делать счастливым. Неудовлетворенность счастьем бывает и по достижении его. Можно быть счастливым, как желалось, и чувствовать самую жгучую тоску по другом высшем счастье и идеале его. Но это не значит — не иметь вовсе никакого счастья. Я думаю, нам и блаженство райское сразу не даст всего, но с мудрою постепенностью будет всегда выдвигать новые и новые горизонты и пределы пожеланий, но от этого нечего еще впадать в ад неудовлетворенности, тоски и отчаяния. Смотрите на жизнь проще. Она — вообще тоска по высшему счастью. И во всяком положении и состоянии тоска эта заявляет себя по-своему. Позвольте вам поставить диагноз. Вы счастливы, насколько это сейчас нужно для вас. Вы не видали еще и не имеете понятия о настоящих несчастьях, и обижаете Бога, жалуясь на

свою жизнь... После диагноза дают лекарство. Вот вам и оно: приведите на память все страдание и зло человеческое: обманутых мужей, разведенных жен, идиотов или уродов детей, злых тещ и змей-свекровей и снох; приведите на память жен с пьяницами-мужьями, истаскавшимися во развратах и кутежах, наконец, всяких бездомных лохмотников, пропащих людей — не по людскому лишь суду и впечатлению (ибо и под рубищами очень часто скрывается золотая душа и сердце благородное), а действительно пропащих и по суду Божию (если есть и такие?), — и... пролейте Господу слезы благодарности за все!.. А то Он покажет вам, какие люди действительно несчастны — на вас самих.

3535

Почем знать, может быть, день последнего Суда Божия даст такую амнистию, о какой не снилось даже 1-й Государственной Думе, и которой все человечество повергнется в общее чувство удивления пред неисчерпаемым милосердием и любовью Божией?

3761

Христианская догматика — не ведет ли к разграничению на овец и козлиц — источнику всякой нетерпимости? — Нет! Она лишь реализует в данном случае самостоятельную от нее действительность. Не потому есть овцы и козлища, что христианство и его догматика установили их, а потому догматика говорит о них, что они есть, сами себя сделали таковыми прежде всякой догматики и вызывают на такое или иное к себе отношение, на такое или иное осмысление своего существования. Догматика констатирует факты, а не узаконяет их, как нечто роковое и неизбежное. Почему будет ад? Не потому, что Бог и догматика создали и определили

для некоторых его, а потому, что найдутся люди, которые, — почувствовав над своей нечистой совестью блеск луча Божия, сами в стыде и отчаянии взмолятся — горам: падите на нас! И холмам: покройте нас! (Лк. 23, 30) Легче нам не видеть этого убийственного для нас света. Легче видеть то, что более сродственно нашим привычкам, вкусам и настроениям... Вот это и есть ад, начинаемый каждым еще здесь на земле — без света и славы в Боге — по собственной воле и выбору каждого. При чем тут определения догматики? Она виновата в том разве, что пластичнее пользуется описанием этого состояния, чтобы подействовать более на жестоковывное сердце человеческое...

3762

Кто — *богослов*? Я думаю — менее всего тот, кто хотя бы знал всю догматику наизусть и читал все системы богословские, но не живет по-христиански. И наоборот — гораздо более тот богослов, кто, и не читав ничего подобного, сердцем чистым и простым зрит Бога, отображая Его столь же простою, чистою жизнью, Христом дышущею. Где-то сказано: последний христианин — какой-нибудь крестьянин, верующий в Бога, знает более, нежели первоклассные мыслители древности, из коих ни один не возвысился путем естественного мышления до идеи, например, творчества из *ничего* — всего. А последний самый христианин это вам скажет, а иногда обоснует своим простым грубым языком не хуже всякого философа и богослова. А уже во всяком случае сердце его живет этою мыслью, восполняя недостаток понимания по-ученому, хотя и говорят: внутренне обязательно отдать предпочтение логически правильному пред прекрасной мистикой, однако, я думаю, — и мистика в своей глубине не так далека от истины. Источник их один и тот же — влекущее все наше Бытие — бытие Божие. Если есть мистика ложная, удаляющая

от истины, то ведь есть и логика кадетская, действующая на сердце разве только кадетов. Стало быть, уравнение налицо — и в достоинствах и недостатках. Над этим стоит подумать.

4169

Когда тебя оскорбляют, порицают, разглашают о тебе всякие небылицы, до боли сердца обидные и несправедливые, относись все это единому врагу — дьяволу. Это он действует в людях, мстя за свое посрамление. Но никогда не советовал бы я отвечать и возражать на несправедливости. Хотя враг, как нарочно, особенно и подмывает сердце, как некогда хулители Спасителя: "Прорцы!" Но ты — нет, лучше, подобно Спасителю, молчи и терпи до конца. Это будет лучшая победа и посрамление врага.

4291

Благодари твоих клеветников, гонителей, недругов и оскорбителей: они истинные твои благодетели, хотя и кажутся желающими и причиняющими тебе одно зло. Ты простишь им это все и забудешь, когда венец небесный, венец неповинных страданий увенчает главу твою.

4172

Христиански настроенное мышление есть истинная философия. И Богомысленное настроение души есть истинная жизнь, могущая поучать и самым своим покоем и безмолвием.

4548

Мы часто терзаем себя всякими "страшными" вопросами, а их — или вовсе не существует, или они ре-

шаются очень просто. Недаром сказано: "Не испытай глубины таин Божиих: несть бо ти на пользу!" — нам даны истины, в свое время отлично проверенные умами покрепче нас, — истины, за которые тысячи достойнейших людей положили свои души, пролили свою кровь, готовы были на самые страшные мучения! Значит, стоит того, чтобы и нам держаться этих истин, даже вовсе не мудрствуя о них, как и делает всякое простое сердце. Многие мучаются праздным беспокойством о том, где будут язычники? О, многим из них будет лучше нас, как сказал и Спаситель: горе вам, ибо мытари и любодееи предворяют вас в Царствии Божиим! Горе вам: вы говорите — что видим, лучше было бы, если бы вы были слепы.

Блаж^{енный} Исаак Сирин очень хорошо сказал: мера любви к Богу — мера блаженства нашего. Чем крепче кто возлюбит Бога, глубже научится жить Им на земле, тем большее блаженство будет способен переживать в будущей жизни. "В доме Отца Моего *многи* обители суть", — сказал Господь. *Многи* — конечно, по способностям и подготовленности каждого. Св. отцы поясняют, что не всякий не удостоенный блаженства достоин наказания. Поэтому, будет много степеней и блаженства, отсутствия оно и наказания (мертворожденные и некрещеные млад^{енцы}).

Есть и в язычестве люди хорошие. Если они и не сподобятся тех благ, которые заслужат своею любовью к Богу христиане, то не будут подвергнуты и тем мучениям, которые ожидают недостойно живущих христиан. Эти — недостойные — знали и не сотворили, а язычники — не сотворили, ибо не знали. А по слову Господа: "раб, знавший волю Господина своего и не сотворивший по воле Его, биен будет много. Не знавший же и не сотворивший, биен будет мало".

Итак, правда Божия — полагаю — не заслуживает наших сомнений и состраданий к язычникам и пр^{очим}. О, их судьба может быть лучше нашей! Осо-

бенно как поглядеть на нынешних христиан — ведь куда "почище" (т<o> е<сть> посквернее многих язычников). Приходится почти пожалеть, что они познали истину, не соблюдая которую свободно у всякого волею, облакают себя на горшее наказание.

4398

Хорошо просить прощения, но лучше не делать того, в чем после приходится искать прощения. Потому что есть вещи, которые можно простить, но нельзя забыть, и эта невозможность забыть всегда оставляет место к повторению уже прощенных обид и к возгоранию их с большею силою.

4416

"Угощение и подарки ослепляют очи мудрых и как бы узда в устах отвращают обличения" (Сир. 20, 29). Как надо заметить это всем "сильным мира сего", особенно потому, что этим свойством подарков — ослеплять очи мудрых и взнудывать уста их пользоваться так умеют люди злонамеренные и недостойные.

4468

За ошибки в своих действиях бойся не только суда современного, но и суда истории, суда будущего, который безжалостно откапывает и судит самые подробные сведения о прошлом и клеймит суровым приговором своим самые давние дела людей, не зная и не желая знать смягчающих вину и объясняющих ее обстоятельств дела и времени.

1454

Рядом с величайшими благодатными достоинствами и духовными сокровищами у самых благодатных людей нередко уживаются и проскальзывают те или другие несущественные слабости и небезупречности, за которые иногда так хочется упрекнуть человека, выступающего для сердца в ореоле святости и безгрешности. В неудовольствии, какое способны вызывать в нас промахи этих "святых", нередко так подмывает высказаться подобно тому, как подумал фарисей Симон о Спасителе при виде грешницы у Его ног: "Сей аще бы был пророк, видел бы, кто и какова жена прикасается Ему!"... Но хотя бы было и так, что люди далеко меньшей высоты положения замечают небезупречное в святых, остается в пользу последних один сильный довод: "Несть на лица зрения у Бога", а лишь на сердца и души. Будь чисты они, можно ручаться, что внешние несовершенства не служат препятствием у Господа для восприятия Его благодатных дарований! Господь наш — Господь духа и свободы, не способной допустить что-либо истинно греховное и Богопротивное!

3551

Самые великие прославленные Богом Святые не обходились без слабостей и погрешностей — не только в отношении к другим людям, но и сами по себе. Преп<одобные> Иосиф Волоколамский и Нил Сорский, разойдясь во взглядах, не были в мире между собою. Тот же Иосиф и Серапион Святитель Новгородский настолько не поладили друг с другом, что последний стал даже жертвой гонений первого, скончав свою жизнь в изгнании. Св. Бессребренники — Косьма и Дамиан и др<угие>... Но Господь, как видно, все покрывает Своею любовью и милосердием, вразумляя нас посрамле-

нием всякой нашей праведности и все приводя к Своему незлобию и долготерпению.

2213

Никакой земной честный труд не удаляет человека от Бога. Припомните замечательный рассказ о вразумлении возмечтавшего о себе много подвижника двумя женщинами, вся заслуга которых состояла в том, что, живя замужем за двумя братьями, они честно выполняли святой долг женщины-матери и жили между собою так, что никогда не ссорились одна с другою. И это то Господь поставил выше постов, молитв и прочих подвигов отшельника-инока... Что может быть убедительнее и знаменательнее этого?!

О природе

531

"Гади, скоти и зверие", Господа пойте и превозносите, хвалите Его во вся веки. Как бы ни были страшны, противны, вредны, опасны гады, — все же какую высокую цену и значение имеют в очах Господа: они Его хвалители, создание рук Его, настоящего достоинства коих мы еще не знаем, ибо судим о них только по восприятию наших внешних чувств, да и то неправильно.

612

Рано утром наблюдал я пробуждение природы летом: человек — царь ее — еще спал безмятежным сном; восток рдел золотистым румянцем; ветерок чуть слышно ласкался, прикасаясь к лицу; кругом тихо, но не мертво; чувствовалась жизнь в этом покое, жизнь ши-

рокая, необъятная, неизобразимо сложная; в чаще кустарников одиноко переливалась какая-то ранее всех приветствовавшая утро птичка; изредка каркали где-то одна-две вороны. Среди этого таинственного покоя природы так близко чувствовался Творец ее, Творец самого человека, которого будит природа к деланию своему до вечера, для которого все это видимое, вся природа и поднебесная.

1322

С умилением наблюдал я, как "укладывалась спать" природа земная и вся многочисленная семья Божия, населяющая воздух, леса, поля, луга и воды. Царь дня — солнце только что упало на землю, чтобы уступить свое владычество роскошной царице ночи — луне, которая вскоре же в полной своей красе и поплыла над лесом... Все поддавалось обаянию чудного вечера и как-то нехотя укладывалось на покой. Пышная свежая листва недавно распустившихся лесов — густая, сочная, нежно-зеленая трава цветущих лугов, — тихий, благоуханный теплый благодатный воздух — все кипело жизнью, которую, казалось, не в силах был усыпить самый настоящий крепкий отдых... Птицы еще допевали кой-где свои дневные песни и точно допевали их в легкой полудремоте или безпечной неге от избытка наслаждения жизнью... Соловей — певец ночи еще не настроился на свой лад и шаловливо "сбивал" свои очаровательные трели в недоконченных, беспорядочных, как бы пробных увертюрах, точно выжидая, когда смолкнет последний шум утомившихся работников дня, чтобы одному царить захватывающими душу песнями в невозмутимой ничем тишине... Наконец, все уложилось спать, все погрузилось в законный отдых после дневных хлопот, которыми всякое дыхание по своему хвалило Творца. И всему нашлось у Владыки

мира свое место для покоя... Никто не был обижен в эту благодатную "Вознесенскую" ночь...

Глубокое чувство "Божественного довольства" растилавшимся под моими ногами миром, как в день Божественного смотра впервые выступившему в полной своей красе миру, охватило душу мою, и я ощутил в ней еще раз прогремевший мощный восхищенно божественный возглас: "Се вся добра зело!" ...

4835

Я видел великое разнообразие морских животных, рыб, растений, О, как дивен Творец вселенной, создавший все это — небо и землю, море и вся яже в них. Обильна земля видимыми нам всегда и доступными творениями Божиими, но море, с его кажущейся однообразностью еще, кажется, премудрее, обильнее бесчисленными существами, в нем кишачими, и растениями, недосыгаемое дно его украшающими.

О России и русском народе

1165

Прекрасен ты, русский православный народ, в порывах твоего благочестия и религиозного усердия. Дивен ты и велик своим несравненным терпением, выносливостью и пламенным горением духа и сердца любовью к Богу. Не тяготят тебя длинные службы в маленьком душном храме в страшной давке, в поту, в духоте и жаре, то в холоде, на морозе, в ненастье погодном стоишь ты или идешь за св. крестами и иконами по целым часам, не покрывая главы и не изнеживая себя привередническими опасениями простуд и ущерба здоровью! О, как ты любезен моему сердцу за столь дивные

проявления твоей веры, терпения и благочестивого к Богу усердия.

1273

В простом русском народе нашем есть и та добрая светлая черта, что он умеет со всем наслаждением и искренностью молиться за других. Это особенно заметно при погребальном обряде над нашими умершими. Толпы народа, часто совершенно чуждого покойному, охотно сопровождают его до места упокоения. При встрече с погребальным шествием рука встречного тотчас же поднимается для крестного знамения, и душа в особо умиленной молитве возносится к небу. Я долго не мог оторвать глаз однажды от одной старушки, которая при прохождении мимо нея погребального шествия, со слезами на глазах, преклонив колени, усердно молилась за совершенно чуждого и случайно ставшего столь дорогим ее сердцу человека. Простой народ наш вообще довольно здраво убежден, что такая молитва за другого имеет великое значение и пользу и для самого молящегося, хотя и не этим, конечно, вызывается его молитва и не нарушается этим и чистота ее.

2310

Некогда надвинулись на Константинополь полчища варваров и обступили его со всех сторон кораблями, готовы были предать все мечу и истреблению. Тогда патриарх Фотий погрузил в море ризу Божией Матери, и внезапно поднявшаяся страшная буря рассеяла и потопила корабли варваров. Эти варвары — были предки наши. Наши далекие отцы, деды и прадеды. Значит, в лице их как бы мы воевали на святыни Ее, мы восставали на Нее, мы устремились на Ее верных рабов с огнем и мечом. Царица Небесная потопила наши кораб-

ли, но сохранила от гораздо более тяжкого потопления наши души, которые с тем большим усердием должны славить теперь Преблагословенное Имя Ее, сделавшееся и для нас столь дорогим, родным, богатым всякими милостями и утешениями.

2312

Люди неверующие, избираемые часто для наказания именующих себя верующими и не живущих по вере, получают как будто ту помощь и милость Божию, которая более свойственна получению верующими. Так, Господь, карая Россию, призвал на нее язычников и благословлял успехом их грозное оружие все время войны и на суше, и на море, тогда как нас всюду явно казнил неудачами. И это было не только согласно с решением суда Божия наказать нас, но и с правдою Божиею, поставившею выше относительно достоинство язычников, живущих честно, нежели именующих себя верующими, но живущими зазорно. Если христиане не выше язычников по своей жизни, это уже вмещается в достоинство язычнику, и в тем больший позор христиан. То, что простительно язычнику и неверующему, то самое — преступление для верующего.

2313

Господь, когда захочет наказать нас, накажет и в самое "Святое Святых" нашей жизни, как некогда отнял молитвенников за свой народ ("если бы Моисей и Аарон стали за них, я и то не послушал бы") и Ковчег Завета предал в руки врагов. Так и ныне попускает иногда самые дорогие святыни христианские терпеть поругания от неверных и нечестивых, предавая нас болезненному чувству стыда и позора за неотмщенное кощунство и полную безнаказанность святотатственных преступлений.

2314

Кажется (сколь эти ни жестоко!), христианство — не в его идеальности, а в способах его проявления в нас и усвоения нами — так же знает вырождение, как все другое живущее и развивающееся на земле. Мы именуемся христианами, но разве так жили первые и истинные христиане? Все совершается как-то механически, безжизненно, в силу привычки, без участия души, без сосредоточения внимания, без умиления, без трогательности и вообще без той первобытной свежести, простоты, задушевности и непринужденности, которые отличали всякое проявление христианского настроения в первые времена.

3793

Революционные неистовства и т<ому> под<обные> движения и вольномыслия — отражение суда Божия неверности христиан своим заветам. Мы все подсудны этому суду. Все виновны в появлении этих ненормальностей, "все уклонишася" и стали ответственны за это уклонение, навлекающее столько нареканий и на Бога, и на веру Христову, и на Церковь, и на христианство.

3868

Христиане ли мы? Никто так мерзко не умеет праздновать своих праздников, как мы, русские, православные христиане! Пьянство, разгул, драки, побои, брань самая скверная, отвратительный разврат, бешеные удовольствия — это, значит, у нас праздник! Да, праздник дьяволу, а не Господу Богу!

4092

Невозможно быть истинным слугою земного Царя, не будучи истинным слугою Божиим. Только истинный

Божий слуга имеет все побуждения, силы и средства быть верным слугою Царя и полезным членом Церкви и Отечества.

3864

Как жаль о<тца> Иоанна Сергеева! Точно померк окружающий свет. Жаль Церковь нашу Православную, лишившуюся столь крепкой опоры и столь драгоценного сокровища и утешения и столь сильного доказательства своей преимущественной истины и святости.

Еще более полноводною рекою потечет теперь по св. Руси неверие, злочестие и всякие вредоносные веяния, сдерживавшиеся этою могучею личностью, выдвинутою Промыслом Божиим в противовес еретику Толстому.

Эх, батюшка, батюшка! Видишь ли ты наше горюшко? Видишь, конечно, и уже утешаешь новою верою в тебя не как земного молитвенника о нас, подобного нам по немощам, а как небесного, близкого к Престолу Божию во свете неодоленной, победоносной Ангельской славы.

О Церкви

1433

"Врата адовы не одолеют Церкви", по обетованию самого главы и основателя Ея. И это обещание не одно простое преувеличение, но должно осуществиться и во всей своей точности: должно ждать точно таких трудных минут для Церкви, которые действительно столкнут Ее до самых врат ада. Т<о> е<сть> близости к совершенной ужасной гибели. И тут-то и тогда-то пророчественное обещание Господа должно осуществиться надлежащим образом.

1250

Говорят о реформе Церкви? Но кто же убедился в необходимости этого и в недостаточности Церкви собственным опытом и неудовлетворением своих истинных духовных потребностей Церковью? Не говорят ли о реформе и отмене Церковных установлений те, которые сами никогда и "пальцем" не хотели коснуться их? Не справедливее ли говорить о необходимости реформирования, прежде всего, нас самих, восстановления первобытных отношений к Церкви и вечным законам жизни Христовой, от которых мы так удалились и так отвыкли, что всякое приспособление Церкви к нам в настоящем состоянии равносильно ее принижению и падению.

1192

Лицемерные читатели святыни и благословения Церковного хотят, чтобы Церковь освящала театр и давала благословение на начало или открытие театральных зрелищ. Дерзкое безумие и бессмысленное кощунство! Зачем им непременно здесь надобится благословение, тогда как, несомненно, во многих других и гораздо более важных случаях у себя дома те же люди и не подумают ни о каком благословении! Поверьте вы все, меломаны, театрофилы и антрепренеры, что успех ваших занятий совершенно может обойтись и без Церковного благословения, и даже успешнее — если хотите — дело ваше пойдет именно без благословения, чем при нем... И зачем здесь непременно привлекать к участию Церковь? Не все прилично подводить под небесные благословения! Надо знать и здесь свои границы и свои приличия! Ведь так начнут скоро требовать, чтобы Церковь благословляла и кропила св. водой и скверный табак, и другие слабости и прихоти человеческие! Запросят бла-

гословения разные Омоны и кафешантанные певицы на открытие своих душепагубных подвигов, потребуют особый чин на открытие своих действий балаганные "Петрушки", заходатайствуют об особой молитве на открытие и освящение — всякие вертопрашеские карусели... Как это было бы мило, не правда ли? *Молитва на освящение карусели!* Ведь вот к каким кощунственно-безумным последствиям все это должно совершенно логически повести? И никакую границу тут становить нельзя: раз признано будет право на благословение за одним развлечением, вполне резонно тогда же должно будет признавать то же право и за всеми другими.

Да до развлечений ли истинному христианину? До смеха ли? До забав ли? До удовольствий ли сцены? До игrania ли жизнью, когда у него завсегда столь много печальной правды, когда от него требуется столько св. серьезности, строгости и осторожности в отношении к делу своего душевного очищения и спасения?!

Не излишне-суровый это "пуританизм". Нет! Это вполне естественнейшее и разумнейшее выражение и требование истинно-христианского настроения и жизни во Христе, Который за всякое слово праздное в Своем последователе угрожал недаром взыскать ответ в день судный, и "утешающимся" ныне здесь предвещал там "горе"!.. Никакие упреки в "пуританизме" здесь неуместны: ходите по театрам, если вам нужно, если вы праздны, развлекайтесь, но не привлекайте к участию в этом Церковь: *она не для этого*, она не для благословения праздности и развлечений.

1563

Зачем украшения храмов, св. икон и т<ому> п<одобное>? Зачем это богатство в храмовой обстановке, драгоценность окладов, сосудов и всякого рода церковной утвари? Говорят: не лучше ли было бы, если бы

храмы были обставлены как можно скромнее, драгоценности, составляющие мертвый капитал храмов, пошли на явно благотворительные общественные учреждения: приюты, пансионы, столовые для учащихся, больницы, богадельни и т<ому> п<одобное>. Ссылаются и на то, что Господь не нуждается ни в каких драгоценностях для своего угождения и сам подтверждал, что они вовсе не составляют истинной и довольной жертвы Ему...

Однако Господь допускал и вещественную драгоценность жертвы, хотя бы и в явный ущерб делам благотворения, — и не только допускал, но и строго остановил осуждавших такой образ благоугождения Ему и выражения Своих чувств. Так, Он милостиво принял в дар любви от помилованной грешницы, по-видимому, столь бесплодное проливание на Его ноги драгоценного мира, и когда Апостолы, увлеченные Иудею, с негодованием находили, что гораздо лучше было бы ценою этого мира облагодетельствовать нищих, Господь отдал полное предпочтение поступку женщины и устранению нищих. Конечно, это не значит, что навсегда и всецело благотворение нищим должно уступать свое место увеличению храмовых драгоценностей и украшений. То и другое имеет свои совершенно самостоятельные, не уничтожающие друг друга и не мешающие права и области. Таков, между прочим, вечный смысл и замечания Спасителя: "Нищие всегда имате с собою!"... Наконец, о драгоценностях, употребляемых любовью христианскою к благолепию и украшению храмов, надлежит судить не по материальной их стоимости, для Бога, конечно, представляющей совершенное ничтожество, а по их идейному значению для человека. Драгоценности сами по себе не накормят, не напоят, не оденут и не успокоят ни одного нищаго: они, конечно, могут быть переведены на деньги, деньги изведены на нищих и т<ому> п<одобное>, но проследите, что станет с этими драгоценностями: они повиснут в виде серег на

ушах кокоток, обогнут тяжеловесными браслетами руки мегер легкого поведения, бриллианты, камни и жемчуги послужат к удовольствию и завлечению прожигателей жизни и т<ому> п<одобных>. Разве это более достойное употребление того, что Господь сделал более или менее драгоценным в наших глазах? И не это ли, что Он сделал для нас драгоценным, мы должны употреблять на дом, посвященный Его Имени и служению? Правда, велика нужда нищих, и немалых средств требует им помощь. Но изведите же сначала на их нужды все свободные сбережения в вашем собственном ковчеге, вверенном вам от Бога именно на эти нужды, а не на всевозможные суетные излишества, ничем не лучшие кражи Иуды. Вы негодуете на миро, обливающее ноги Спасителя, и грубо переводите его цену на деньги крадомые. О, как слепы и мелки вы, предпочитая эту драгоценность совершенно не замечаемому вами другому сокровищу, гораздо более драгоценному, при котором только и миро могло иметь ту цену, какой оно удостоилось в глазах Спасителя: это — слезы грешницы, слезы умиления, благодарности и теплой любви, для выражения коих не много никакой земной ценности и жертвы.

3540

Господи! Корабль Церкви Твоей под сильным крепком. И Ты, Добрый Кормчий наш, почиваешь, не внимая опасности нашей, или намеренно испытываешь нас...

Помоги нам, погибаем...

3797

Господи! Болью сжимается сердце мое при мысли о том, сколько незаслуженных тяжких оскорблений и

порицаний терпит Св. Церковь Твоя от разных неверов и изуверов, и главным образом — из-за нашей недостойной звания христианского жизни.

3745

Пусть мы пастыри — плохи, как говорят наши обличители. Но — что же *они*, эти обличители, сделали для улучшения Церкви? Двинули ли хоть пальцем это якобы дорогое для них дело? Чем проявили желание помочь и способность улучшить эту Церковь, кроме желчной критики всего и равнодушия к Ея судьбам? Не ясно ли, что у них желание — совсем не иметь никакой Церкви или иметь свою церковь безбожия, самочиния, разврата?

4174

Как многие из нас напоминают и повторяют свою жизнь и поступками Евангельского лицемера, только думающего о себе, что он любит Бога, а делами своими показывающего другое: "Отиде глубоко скорбе" ... Не в этом ли разлад жизни и веры, слова и дела, убеждения и практики — весь трагизм, все проклятия современной жизни и все ее несчастья. Не в этом ли и главная беда, и причина страданий Церкви Христовой? Не потому ли она стала ненавистною многим, что люди, считающие и называющие себя принадлежащими к ней, живут хуже язычников, между тем как истинная христианская жизнь должна бы, наоборот, всех влечь в Церковь? Посему и то, что — разочарованные жизнью современных недостойных христиан обращают свою ненависть на саму Церковь, как будто это она учит людей нечестью и порокам. И тут и там — разлад, ошибка, извращение мыслей и суждений.

4503

Параллельно Христовой Церкви развивается в подрыв и противовес ей особая дьявольская "церковь", с ее последователями и служителями дьявольскими. Для большего обмана и уловления в пагубу неосторожных и неопытных сатана лукавый во всем копирует церковь Христову, подменяя ее св. истины, правила и установления своими измышлениями, имеющими единственную цель — оторвать людей от Церкви, от Христа и направить к пропасти погибельного самообольщения и гордыни.

4504

На чем могут утверждать свою лукавную "церковь" еретики, не насчитывающие своей истории и сотни лет? К чему они могут привязать ее? Откуда вести ее начало, если не из глубин адовых, где и конец им?

4505

"Исказители держат в своих скверных руках св. книги только для приманки, чтобы уловлять души неопытных и закалять их на невидимом духовном жертвеннике"... (Златоуст). Как прекрасно подходит этот резкий суд Златоустого учителя к нынешним сектантам с их приторно-сладкими речами о Христе Спасителе, заповеди Которого они обходят на каждом шагу, оцживая наших комаров и поглощая своих верблюдов.

* * *

«Как тяжело было состояние духа апостола, когда он стонал: "Все меня оставили..." — и когда внешнее состояние Церкви Христовой не радовало благополучи-

ем и миром. Христиан уничтожали, не было им пощады, не было — казалось — и надежды на лучшее и на успех. И, однако, апостол бодрится сам и других бодрит: "Мужайся. Крепись, злопостражди". Так и ныне говорят, ныне Церкви Христовой особенно плохо. Пусть, но это все не начало ее конца. И донныне Господь с нами. Бывало и прежде не лучше, и не годы, а десятилетия и сотни лет, и Церковь вышла победоносной из всех испытаний. И теперь будет, конечно, то же»⁴²⁵.

⁴²⁵ Душеполезное чтение. 1914. Вып. 10.

Приложение III

Проповеди и назидательные труды иеромонаха, архимандрита, епископа Иосифа (Петровых)

Ночь на Голгофе и у Гроба Господня (Из воспоминаний о поездке в Палестину)

«...Ночь на пятницу, 18 июня (1899 года), я решил провести на Голгофе и у Гроба Господня, в храме Воскресения. До сих пор — о, какие незабвенные воспоминания об этой чудной ночи!.. Исповедовавшись в 4 часа вечера и отстояв вечерню с утреней (всенощную) в соборе Св. Троицы (при Русской миссии), я поспешил в храм к 6 час^{<ам>} вечера, так как ворота храма затворяются приблизительно около 7 час^{<ов>} веч^{<ера>} до 4 ч^{<асов>} утра, и, таким образом, желающие быть на греческой службе, начинающейся ровно в 12 час^{<ов>} ночи, должны ночевать внутри самого храма.

Огромный храм Воскресения уже утопал в вечернем сумраке, когда мы подошли к храму, который от этого казался как-то особенно таинственным и величественным... Открытые еще двери его смотрели с улицы какою-то как бы огромною зияющею ранюю или брешью;

и жутко было вступить в эту брешь, зная, что за нею будешь заперт на целую ночь, и — заперт так, что уж ни за что не выйдешь, что бы ни случилось с тобою здесь, в толпе совершенно чужих и незнакомых людей.

У дверей уже толпилась стража турецкая, готовясь запереть эти двери и унести ключи их с собой. Резким стуком железного кольца о дверь она то и дело давала знать, чтобы не желающие на всю ночь быть отрезанными от всего мира уходили. Вечерняя тишина, воцарившаяся на улице и царившая пока во всем храме, придавала какую-то особенную зловещую резкость этим звукам, заставляя вздрагивать и как-то робеть... "А вдруг — думалось мне — ночью пожар, землетрясение, скандал какой и т<ому> п<одобное> — и... тогда погибло все"... Пришлось кое-как успокаивать себя, что и удалось, конечно, без большого труда. Желающих ночевать в храме было довольно порядочно, и большинство их, почти даже, нужно сказать, *исключительно* русские паломники. Это много вливало бодрости, и я приготовился на все.

Вот, наконец, последний особенно сердитый и продолжительный грохот железного кольца прокатился по всем углам огромного храма, и вдруг — заскрипели дверные петли, загремели засовы, застучали-защелкали увесистые замки, и... сердце еще раз как-то болезненно и мучительно сжалось. Мне казалось, что я живым точно закапываюсь в могилу, живым полагаюсь во гроб, в тот именно самый Гроб, Который был тут так близок, ради Которого и подъял столько тяжестей далекого путешествия, столько всяких невзгод, лишений, страхов и всяких опасностей... "Ну, что ж? — думал я. — Умирать так умирать, если есть смерть рядом с Живоносным Гробом Живоносного Мертвеца"...

Я не знал еще и не слыхивал ни от кого, как проводят время до полуночной греческой службы запираемые внутри храма ночлежники, и преспокойно пошел отыскать себе укромный уголок, чтобы немножко хоть вздремнуть и прокоротать скучное для ожидания вре-

мя — до полуночи. По храму постоянно проходили отдельные фигуры — кто ко Гробу Господню — поклониться Ему на свободе, оросив сладкими слезами умиления, кто за свечками, кто на Голгофу, всю залитую бесчисленными огнями, тогда как весь остальной храм оставался во тьме, из которой как мотыльков тянуло всех к бесчисленным огонькам Голгофы... Найдя достаточно укромный, как мне казалось, уголок в глубине Голгофского придела, я устроил себе какое-то изголовье из бывших при мне вещей и примостился вздремнуть.

Из этой дремоты вдруг вывело меня неожиданное необычно-приятное тихое задушевное пение. Это наши русские богомольцы нашли себе развлечение и лучшее средство скоротать время. — Сомкнувшись дружную тесною толпою у Голгофской святыни, они всю ночь до 12 час<ов> молились, пели, слушая чтение Акафиста с канонам Св. Креста, Страстям Христовым, Гробу Господню и пр<очее>. Заслышав это дивное пение, я вдруг потерял всякое желание спать и тотчас вмешался в толпу богомольцев.

Чудные это были минуты! Русское, *наше*, родное пение в чужой стране среди чужого народа, — пение, захватывающее душу и уносящее ее в какой-то другой, лучший, волшебный, чарующий мир!.. Сердце возвышалось до небес, душа трогалась, умилялась до слез — от этого благоговейного, усердного, спокойного, ровного пения — у самого подножия Св. Христова Креста... Особенно действовало на душу это родное наше привычное пение после непривычных для нашего уха и неопишимо-неприятных мотивов и завываний греческого пения.

Теперь здесь было *наше* царство, здесь пела *наша* русская душа, упивалась своим упоительным русским блаженством, и все казалось — от всего повеяло — чем-то особенным, невыразимо-приятным, родным, дорогим, своим, не сравненным ни с чем чужим. Самые изображения Голгофские приняла какой-то особенный — мне показалось — чисто русский, ласкающий облик.

Пели все, подходившие к месту, где мы находились: "Волною морскою", "Чертог твой", "Разбойника благо-разумного", "Егда славни ученицы" и пр<очее> и пр<очее> — все весьма хорошо и твердо, и главное — задущево. Я поражался при этом удивительною понятливостью и способностью наших паломников, которые без всяких книг и нот, без всяких регентов и дирижеров — выполняли такие песнопения, которые не всегда клеятся и в незаурядных хорах.

Вот запели "Кондак акафиста Св. Христовым Страстям". Я не мог удержаться, конечно, чтобы не подпевать, без всякого самохвальства имея основание считать себя и знатоком, и любителем церковного пения. При этом, боясь, что народ не легко справится с такими сложными вещами, как "Волною морскою", — я старался даже петь погромче и слышнее других. И — о, как я был тотчас наказан за свое самомнение! Я знаю наизусть множество песнопений Страстной седмицы и уж никак не мог допустить, чтобы знал менее кого-либо из предстоявших. Каково же было мое разочарование, стыд, позор, посрамление, когда народ дружно и уверенно затянул какой-то для меня совершенно незнакомый кондак, во время которого я со своим "повышенным" голосом вынужден был совершенно замолчать, спасовать, уничтожиться!.. Век не забыть мне этого позора, этого взраумления, урона моему высокоумию, сраженному тем самым нашим простым народом, который так привыкли и любят обвинять в непонимании нашего богослужения и славянского языка, на котором оно совершается...

Я был очевидцем и еще гораздо более отраднейшего факта, как наш простой богомолец распевал незнакомые даже мне, церковнику, песнопения — со всею осмысленностью, видимым пониманием и с чувством. Недаром это пение было так трогательно, так возвышало, умяляло, увлекало душу в сладость слезной молитвы!..»⁴²⁶

⁴²⁶ Душеполезное чтение. 1905. Ч. I. Апрель.

От крупиц Евангельских. Беседы инока⁴²⁷

Начало Голгофы

*"Слава в вышних Богу, и на земле мир,
в человецех благоволение" (Лк. 2, 14)*

Так воспели ангелы небесные славное рождение Господа нашего от Пресвятой Девы. А что же люди? Что те, для которых Он родился, которым пришел дать мир и благоволение?.. Они встретили вечно-благодословенный день рождения Господа, омрачили свой величайший праздник, праздник всей земли — страшным зверским кровопролитием: *"Ирод... послав изби вся дети суция в Вифлееме и во всех пределах его, от двою лету и ниже, по времени, еже известно испыта от волхов"* (Мф. 2, 16), — думая вместе с ними погубить и Новорожденного Божественного Младенца... Так Господь еще в младенческой Своей колыбели показал, что дело, для которого Он пришел, есть страдание, и вся земная жизнь Его, от колыбели до гроба, от вертепа Вифлеемского до холма Голгофского, была одним сплошным страданием, подъятым ради нашего спасения. Люди не дали Ему для рождения даже убогой храмины: лишь земля дала Ему для этого холодный вертеп. Люди не дали для Его младенческого покоя даже колыбельки: лишь вертеп, служивший ночлегом для скота, дал Ему для этого свои ясли. Люди не дали Ему покоя и потом грозили погубить Его тотчас по рождении: лишь Египет, страна чуждая, дал Ему убежище и приют. И так через всю Свою жизнь Господь благоотворил людям среди постоянных тяжких лишений, озлоб-

⁴²⁷ От крупиц евангельских. Беседы инока. А. И. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1904.

лений, гонений и всяких страданий, до последнего ужасного конца на Голгофе...

Почему был нужен такой Его путь — путь страданий? Потому что Он — Царь страдальцев и должен был на Себе понести все те страдания и лишения, от которых пришел облегчить земных страдальцев. Как бы эти страдальцы находили к Нему всегда столь легкий доступ и помощь, если бы Он родился и пребывал в чертогах царских? Не удостоились бы тогда быть первыми очевидцами Его — смиреннейшие пастухи; не окружали бы Его тогда скромные галилейские рыбаки; не умывали бы его ног слезами грешники и грешницы, подобные Магдалине; не получали бы столь быстрое, легкое утешение все несчастные, труждающиеся и обремененные, всякого рода болящие, страждующие и прокаженные... не имели бы Его своим Спасителем мытари, не знали бы обращения и умиления разбойники!.. Слава Тебе, Господи Ангелов и человеков, за все, что Ты претерпел ради нас! Слава Тебе за вертеп, за ясли, за Голгофу, за Крест, за всю Твою жизнь, полную дивных утешений для всех страждущих и несчастных земли!.. Аминь.

* * *

У вод Иорданских

*"Приидите, примите вси Духа Премудрости,
Духа разума, Духа Страха Божия!.."*

(Стихира Богоявления)

Сколь чуден и сколь усладительно-прекрасен этот "глас Господень на водах", обращающийся ныне, благочестивые слушатели, ко всем вам! "Приидите, вопиет он, примите вси Духа Премудрости, Духа Разума, духа Страха Божия — явльшагося Христа!" 19 веков на-

зад этот же самый глас раздавался над водами Иорданскими, устами Великого Предтечи указуя людям Явившееся во плоти Божие Слово и приглашая всех с верою и любовью принять Его... И тысячи тысяч раз с тех пор раздается он донныне, как в настоящий знаменательный день освящения воды, по образу освящения Иорданского, — раздается в устах служителей Того же Божия Слова, приглашающих всех жаждущих благодатного обновления жизни обновиться и освятиться в водах сих, наитием Духа Святого освящаемых не менее вод Иорданских, когда в их чистые струи благоволил погрузиться Сам Господь наш во Своей пречистой Божественной плоти. И как тогда берега Иорданские обильно усеивались толпами благоговейного и умиленного народа, как тогда сам Иордан, принимая в свои струи Чистейшего Владыку, встрепенулся, в ужасе готовый отступить и побежать вспять, — так и мы, благочестивые слушатели, сомкнемся тесною толпою у этого Источника нашей жизни, и с трепетным благоговением, только не бежа вспять, как Иордан, а истекая на встречу, с дерзновенною готовностью воспримем в самое лоно наших душ Святейшего Святых — Господа, Желającego войти и обитать в глубинах каждой души всеми дарами Своей благости, силою и благодатию сей освященной Им и от всякой нечистоты очищающей нас воды.

Три великих дара этой неистощимой Спасовой благости указывает и обещает нам вышеприведенная Иорданская песнь: Духа Премудрости, Духа Разума, Духа Страха Божия, но уже и этих трех как наиболее важных, не говоря о множестве и безконечном разнообразии других, вполне достаточно, чтобы предпочесть им какое угодно земное сокровище, чтобы обогатиться так, как только может быть богат бренный человек, чтобы в слезах умиления и безпредельной благодарности воскликнуть с псалмопевцем: "Что есть человек, Господи! Яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши

его" (Пс. 8, 5) столь чудными неизглаголанными благодеяниями?

"Приидите, примите вси Духа Премудрости"!.. — Духа Той Самой Божественной Премудрости, Которую, по слову Божию, "прежде век от начала произвел Создатель всех" и Которая "не скончается во веки". "Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя" (Прем. Сол. 7, 25). "Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его" (7, 26). "Она — таинница ума Божия и избирательница дел Его" (8, 4). "Она вышла из уст Всевышнего и подобно облаку покрыла землю... обошла круг небесный и ходила во глубине бездны" (Сир. 24, 3, 5). "Она одна, но может все... все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, готовится друзей Божиих и пророков" (Прем. Сол. 7, 27). Она Сама есть "Дух разумный, святой, тонкий, удободвижный, светлый, чистый, ясный, благодетельный, человеколюбивый, проникающий все умные, чистые, тончайшие духи" (Прем. 22–23). "Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд" (Прем. 29). "Она дороже драгоценных камней и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею" (Притч. 3, 15). Она начертила единым мановением этот роскошно горящий миллионами огней круг небесный, водрузила единым повелением на *ничесомже* эту *неудержимо тяготеющую* жизненосную землю, распростерла единым протяжением эти неизмеримые вземельные пространственные бездны. Она произвела одно из величайших непостижимых чудес Своих — человека, этот в малом виде целый мир из души, представительницы мира невидимого, и тела, представителя мира видимого. Она проявилась в мудром устройстве этого тела и постоянно поддерживают его в бытии и деятельности. Она предписала законы нашей мысли, которая доселе следует им у всех людей. Она начертала на сердцах всех людей закон совести, которая доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает. Она насадила для чело-

века рай, и, когда он не сумел сберечь онаго, Сама измыслила все средства возвратить его в возжеленное блаженное отечество. И какие чудные, поистине премудрые, достойные премудрости средства! Это Она облеклась во Христа и явилась к отпадшему Богосыновства в зраке раба! Это Она возлегла в скудные Вифлеемские ясли и распростерлась безпредельными объятиями всеобъемлющей Любви на окровавленном Голгофском Кресте. Это Она, обнажив, потопила человеческий грех в водах Иордана и оmyвает человеческое существо от всякие скверны плоти и духа. Это Она разослала необразованных рыбарей по надмевавшемуся своею мудростию миру и уловила его в их сети буйством проповеди "слова крестного" (1 Кор., глава 1). Это она воспела устами грудных детей победную песнь Победителю смерти (осанна!) и, блистая пред темными язычниками и ярыми врагами Христа, пленяла красотой Своею души их настолько, что даже слабые девы и те же младенцы не могли быть никакими силами ада отвращены от сладчайшей любви ко Христе и в самом нестерпимом огне мучений находили мужество исповедовать и славить своего Возлюбленного Небесного Жениха... Это Она и в нас всегда неотразимо влечет всякую благочестивую душу к неизреченному свету Триипостасного Божества, невидимо наставляет нас на всякую истину, оберегает нас от всякого неведения и заблуждения, услаждает Богобоязненные сердца спасительным страхом Господним и неодолимою любовью к Небесному Отцу, порождает недовольство суетным, скоропреходящим, и устремляет взор наш к вечности и ко всему истинно доброму, разумному и прекрасному! Поистине, Она "одна" "может" "все". "Мною цари царствуют, — говорит Сама Она, — и повелители узаконяют правду... Кто нашел Меня, тот нашел жизнь и получит благодать от Господа" (Притч. 7, 15, 35). Такова Премудрости и таковы дары ея! Приведите себе на память блаженную душу любого Праведника и посмотрите, каким чудным

богатством могут быть преисполнены наши скудельные сосуды, когда в них почиет Дух Премудрости Божией, каким светом ведения, каким благоуханием добродетелей! Приведите себе на память пребогатые духовные сокровищницы — блаженные души Святых Апостолов, Пророков, Богомудрых Отцев и Учителей Церкви, а также — Святых мучеников и мучениц, подвижников и подвижниц — этих учителей веры и благочестия христианского — многочисленнейших, чем звезды небесные, — разнообразнейших, чем цветы полевые — и прочтите в светлых обликах их, какова спасающая нас Премудрость (Прем. 9, 19) и "как велик тот, кто находит Ее!" (Сир. 25, 13).

Но — неистошим и независтен в своих дарованиях Податель всех благ — Господь. "Приидите примите все, — приглашает Он, — и Духа Разума!" Духа Того же Божественного Разума, от Которого и возжглись изначала наши разумные души, и в Котором, как в своем высшем Источнике и Питателе, они — эти малые образы безконечного Духа — только и могут находить сообразнейшую себе жизнь и способность действовать. Всякое стремление жить, всякое усилие действовать независимо от этого Приснотекущего и Живоносного источника, всякое уклонение нашей мысли от Зиждительной, Живой и Животворящей мысли Божества — есть духовное саморазложение, самоуничтожение, смерть! Все наше счастье и несчастье — в этих согласных или несогласных с нашим предназначением сердечных мыслях и расположениях. Чем чище, возвышеннее, духовнее эти мысли и расположения, тем полнее, святее и правильнее наша сердечная жизнь, тем легче, отраднее и светлее на душе. И как в вещественной природе удаление или сокрытие солнца бывает причиною мрака, так в бранных храминах наших душ — только когда входит и сияет в них мысленное Солнце — Бог, тогда только и может быть нам легко и тепло, и светло. О, если бы это наше Животворное Сол-

нышко никогда не заходило в нашей душе, но всегда освещало, согревало и оживотворяло ее!.. О, если бы и наши души в свою очередь самовольно не закрывали от себя живительных лучей этого Умного незаходимого Солнца и не предпочитали мрак греховный и бурю страстей — свету благочестия и Богоразумия! О, если бы все те, кои обильно просвещают себя науками, не забывали науки наук — побеждать живущий в нас грех, а не покорять разум свой в растлевающий плен неразумия и страстей! О, если бы мы, слушатели, не ослепляли сами свой разум, это духовное око, которым нам дано созерцать непостижимую красоту Божества, — не ослепляли взиранием на тленные и обманчивые прелести мира, и орган Божественного веления и собеседования не делали орудием познания груза и рабского служения ему! Какое в самом деле странное и печальное вместе явление! Вся природа отлично знает своего Творца, Благодетеля и Владыку, служит Ему, повинуется Нему, исполняет во всей точности все законы Его <...>.

А между тем, каких великих благ обладателями сделать нас мог бы правильно употребляемый разум! В какой священный светозарный огонь могла бы быть распалена эта неугасимая, в нас таящаяся искра Божества, по которой мы, бранные существа, так сказать, — кость от костей и плоть от плоти Трисиятельного Божественного существа! Познай же и пощади величество твое, человек! И не меняй Богоподобное, Богославное достоинство твое на уподобление неразумным тварям, и при своем неразумии умеющим исполнять свое назначение, по мысли и воле общего всем Творца! Тебе дано различать доброе от лукавого, тебе дано свободно, а потому и с большим сознанием, с большим для тебя блаженством — избрать и укрепиться в первом и возвыситься над последним! Ты всегда можешь, как только захочешь, ощутить, понять, предвкусить неизреченного блаженства в созерцании Божественной красоты разум-

ным оком сердца! Если когда-либо Бог был далеко от тебя, то теперь ты сам отдаляешься и не хочешь принять Его. Если ты, изменив Богу, променял свободу свою на подчинение врагу и перестал быть другом Божиим, то теперь, взысканный Богом и оживая свободой в Нем, ты — возлюбленное чадо Божие и обитель Духа Святого, в тебе почивать Соизволяющего. Если доселе ты был немощен, то теперь тебе даны "вся Божественные силы, яже к животу и благочестию" (2 Петр. 1, 3). И ты ли низведешь себя с высоты этого дивного величия и лжа сотворишь Того, Кто есть Вечная истина, святость, совершенство! <...> Ужаснемся, братие, самой возможности подобного Богохуления и всем сердцем откликнемся на дальнейший Божественный к нам призыв: "Приидите, примите вси... Духа Страх Божия!.." — не страха рабского, в котором одно мучение, но того настоящего Страх Господень, который "слава и честь и веселие и венец радости" (Иис. 1, 11) — того Божественного Страх, который, услаждая сердце, исполняя его любовь ко Господу, сильнее всякой узды удерживает и ограждает от всего нечистого и зловольного, — того Страх, без которого самая премудрость — гибель, самый разум — зло для человека — без растворения с которым нет премудрости, нет разума, ибо "начало премудрости — страх Господень" и "корень благих" — он. Лишь "боящегося Господа" премудрость "встретит, как мать, и примет к себе, как целомудренная супруга"! (Иис. 15, 2). "Полнота премудрости — бояться Господа и венец премудрости — страх Господень" (Иис. 1, 16, 18). Боящиеся Господа не будут недоверчивы к Словам Его и любящие его сохраняют пути его. Боящиеся Господа уготовят сердца свои и смирят пред Ним души свои, говоря: "впадем в руки Господа, а не в руки людей, ибо каково величие Его, такова и милость Его" (17–18). Страх Господень — ненавидеть зло (Притч. Сол. 8, 13) и отсекал все, что привязывает к нему. "Всякую мерзость Господь ненавидит и неприятна она боящимся Его" (Иис. 15, 13).

Страх Господень — Сама Премудрость, вводящая всех возлюбивших ее в первоисточник премудрости — к Богу. Страх Господень — Сам Разум, просветленным, очищенным оком взирающий на ослепительный свет Трисолнечного Божества. Какое чудное сочетание Троицечисленного единства добродетелей, друг друга дополняющих, друг в друге покоящихся! Какая живоносная полнота и изобилие богатых и усладительных даров Божественного Духа, явльшимся Христом на нас изливаемых по безпредельной любви Его к нам! И как поистине сладок, убедителен и любвеобилен должен быть глас, призывающий всех придти и принять это многоценное, многообразное, многодейственное сокровище, явльшимся Христом — силою крестных Его заслуг — нам исходатайствованное.

Как же принять его? Приимем, возлюбленные братие, Духа Премудрости — отречением от своих лжемудрований, своей духовной самонадеянности, самолюбия, гордости, злобы, братоненавидения — и старательным соблюдением всего, что изобрела и заповедала премудрость Божия для нашего спасения и обожествления. Приимем Духа Разума — отречением от недостойных предметов познания, освобождением от тлетворной власти греха и страстей, безпрестанно воюющих на душу и покоряющих ее прежде всего помрачением нашего разума, ибо всякая страсть есть умопомрачение, — примем свободным пленением нашего разума в послушание Христово, смирением всякого возношения взимающегося на разум Божий (2 Кор. 10, 5) и Боголепным сложением во един Дух с Господем (1 Кор. 6, 17). Приимем и Духа Страха Божия — отречением от всего противного милующей и долготерпящей нас Божественной любви и всецелым возвращением в ее всепрощающие объятия! Приимем Духа Премудрости, Духа Разума, Духа Страха Божия — слезами покаяния, умиления и любви к Всеправедному, к Всепрощающему, Милосердому и Человеколюбивому Богу и благоговейным вкушением сей освящаемой ныне воды, которая,

прияв свыше благословение Иордана и благодатное наитие Утешителя нашего, имеет, по благоволению Его, великую очистительную, освятительную и исцелительную силу для всякого, с верою, любовью и благоговением ее вкушающего, омывающегося и окропляющегося ею.

Всесвятый Душе Премудрости, Душе Разума, Душе Страха Божия — Явльшагося и Даровавшего Тебя нам Христа! "Прииди и прими" Сам всех нас, по неложному обещанию сладчайшего гласа твоего! Прииди сею — Тобою освященною и преисполненною благодатного наития твоего — водою! И прими нас: умудри дух наш твоею чудотворною, небеса пронизающею Премудростию, вразуми души наши твоим спасительным дерзновенным Страхом, в сладчайшей любви и тихом, непрестанном, неослабном совосхищении к Тебе!..

Иисусе Сладчайший, Сыне Божий, явлением своим к нам по изволению Бога-Отца открывший неисчерпаемые сокровищницы Духа и Изливающий Его изобильно в сердца уверовавших в Тебя! Прииди и Ты сею верою нашею к Тебе и прими нас: даруй нам очищение грехов, даруй просвещение ума и сердца, даруй так возлюбить и возжелать Тебя, как возлюбил и возжелал Ты нас! Аминь.

* * *

В объятых старца

*"Ныне отпускаеши раба Твоего,
Владыко, по глаголу твоему с миром,
яко видеста очи мои спасение Твое"*

(Лк. 2, 29–30)

Кто это и кому так говорит? — Дряхлый, убеленный сединами, потухающий старец! Говорит слабому, не умеющему ни говорить, ни ходить — Младенцу!

Поистине, дивное событие! Еще никто не знает, *что будет Отроча сие?* — а вот Симеон уже называет Его *"Владыко!"* Еще никто не догадывается, что этот Младенец — будущий Страдалец на Кресте за грехи всех, а праведный Старец уже величает Его *спасением* своим, *светом языков* и *славою Израиля!* Еще Сама Пречистая Матерь этого Младенца не подозревает, сколько страданий понесет Она за Свое сладкое Чадо, а Симеон уже и ей предвещает Ея скорбное будущее: *"Тебе же Самой душу пройдет оружие!"* Никто не допускал мысли, чтобы Мессия нашел Себе противников среди самого Израиля, а Старец уже заранее ясно объявляет и это, называя Его камнем преткновения для многих! Наконец, не дивна ли и та просьба, с которой обращается Симеон к узанному им Избавителю-Младенцу. Казалось бы, теперь-то особенно и надо было желать — и горячо желать — жить и до конца удостоиться видеть великое дело спасения людей, для которого и пришел Обетованный от века, Которого желали видеть и слышать многие цари и пророки (Мф. 13, 17), а Симеон просит только отпустить Его совсем от земли живых, по глаголу бывшему к нему, с миром, и как будто уже не желает большего для себя блага и счастья! Такова вера, таково исповедание и такова покорность св. Старца к Божественному Младенцу! Возлюбленные слушатели! Какова же должна быть наша вера и исповедание, каково должно быть наше счастье — после всего нам известного и удостоверенного о нашем Избавителе! Ведь мы, можно сказать, видели все, до конца, Его великое дело спасения нашего! Видели Его дивные знамения и чудеса, совершенные Им среди нас на земле! Видели и знаем все до подробностей, что являло в Нем не обыкновенного человека, а именно Владыку и Спасителя нашего! Мы видели, можно сказать, и уверовали вместе с Апостолами, что Он воистину Сын Божий, ибо Его трепетал Иордан и слушались морские бури; Ему повиновались все стихии земные; Им исце-

лялись всякие болезни, врачевались всякие скорби и страдания; наконец — Его исповедали нам: и солнце сокрывшееся, когда Он висел на Кресте, и земля поколебавшаяся, и завеса раздранная, и камни распавшиеся, и гробы отверзшиеся, и мертвецы восставшие, — исповедал и Его собственный гроб, опустевший на 3-й день, и печати нетронутые, и пелены погребальные, и Ангелы, и Мироносицы, и даже воины стрегущие, и безчисленное множество других верных и единомысленных свидетелей!..

Симеон одно то, что увидел Господа Младенцем, почел за величайшее для себя счастье и, прославил Бога, с радостью повиновался глаголу бывшему к нему об отшествии из жизни сей в мир загробный! Возблагодарим же и мы Господа за то, что дал нам видеть и слышать то, чего при всем желании не видели и не слышали древние цари и пророки! Прославим и мы Господа в особенности доброю жизнью и верностью Его святым заповедям! Тогда и нам не страшен будет час смертный, и мы с радостью по гласу и зову Господа оставим мир сей и возгласим прощальный привет ему словами праведного Старца: *"Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое!"* ... Аминь.

* * *

Неверие Фомы — торжество веры

Христос Воскресе!

Прошла неделя после Христовой смерти и воскресения... — неделя, за которую совершилось столько славного, непостижимого — и загадочного, и утешительного для Апостолов. Господь являлся мироносицам... То там, то здесь видели Его живым, ненадолго, но живо,

ясно и несомненно. Как призрак войдет Он сквозь запертые плотно двери, или как легкое светлое облако станет на пути идущим, скажет два-три слова утешения и ободрения и... опять исчезает. Так являлся Он мирноносицам, Петру, явился Клеопе и Луке, шедшим в Еммаус, являлся 11-ти Апостолам и, странно было! — не являлся Фоме.

И это было недаром. Фома пользуется этим и не верит — упорно отказывается поверить рассказам о воскресении Христовом, говоря: "Пока сам не увижу, не осяжу, ни за что не поверю!"

О, дивное неверие! О, блаженное неверие — сильнейшая опора и укрепление веры нашей, веры всего последующего Христу мира. Если бы этого неверия не было тогда, так, кстати, до сих пор "Фомы неверующие" не переставали бы смущать христианскую совесть вопросами неопровержимого, основательного неверия. Но Господь допустил, чтобы это неверие испытало сразу Его веру и, как воск от огня, исчезло в ней!

Смотрите, как Он убеждает Фому! Целую неделю томит Его в его наивном, но не пагубном, не в злом, не ослепленном неверии, для которого нет исцеления; затем, являясь еще раз — и не одному Фоме, а в целом собрании других свидетелей, торжественно полагает конец его неверию! "Дай твою руку, вот смотри, — говорит Господь, — вот язвы, которые ты хотел осязать! Вот ребро отверстое копием, вот руки и ноги с язвами гвоздинами! Осяжи их и *не буди неверен, но верен!*" (Ин. 20, 27).

И сколько радости должно было вырваться в вопль тотчас же веровавшего Фомы: "Господь мой и Бог мой!" ...

Сколько радости и нам — в столь засвидетельствованной и испытанной вере воскликнуть: "*Воистину Христос воскрес!*" Аминь.

* * *

Истинная верность до гроба

Христос Воскресе!

Чем глубже вдумываешься во все подробности евангельского описания страданий, смерти, погребения и воскресения Господа, тем больше верится в неложность, истинность всего описанного, тем с более сладким трепетом прислушивается сердце к отрадной вести воскресения. И так горячо хочется любить Спасителя, исповедовать Его Божественное величие, коснуться Его благодарным лобзанием, мысленно повергнуть себя к Его ногам, оросить их слезами умиления и восторженной радости.

Вот, например, умилительная история св. Жен Мироносиц, ныне воспоминаемых Церковью. Какую правдивостью и трогательностью дышит евангельское повествование о их глубокой вере и любви, сострадании ко Спасителю. Мы знаем, как быстро, ошеломляюще быстро наступил конец земной жизни Спасителя. Всего каких-нибудь полчаса назад святые Апостолы делили с Ним Тайную вечерю, наслаждались Его сладкою беседою, и вдруг — Его схватывают, мучают, распинают, убивают и сокрывают в недрах земли. И все это в течение каких-нибудь 15 часов. Какой ужас, какое оцепенение должно было овладеть всеми друзьями Господа! Неудивительно, что они все разбежались, и, окружая Его дружною семьей при жизни, не собрались облегчить Его последние минуты у Креста!..

Но вот злоба и безчеловечие сделали свое Богомерзкое дело и удалились торжествовать свою позорнейшую победу. Удалились, и место их занимает любовь и священный плач сердечного сострадания по невинном Страдальце — Благодетеле человечества. Иосиф с Никодимом благоговейно-бережно снимают и снаряжают на погребение Божественного Мертвеца! Апостолов не видно около него, но

кому другому здесь было бы более приличное, подходящее место, как не святым женам Мироносицам, просто-сердечная вера и горячая любовь коих к Кроткому Учителю не хотела знать никаких страхов, колебаний и препятствий и неистощимо лила на Упокоившегося Страдальца умиленные слезы и драгоценное миро!.. О, как нужны были Господу эти слезы и это миро!.. Как они были нужны Ему от нас и за нас, как умиловительная жертва за ужасное злодеяние неблагодарного человечества! И эту жертву за нас принесли Ему именно св. Мироносицы! Принесли, и Господь милосердно принял ее!..

Видите, как Он дает понять это. Он их первыми удостоил отрадной вести Ангела о своем Воскресении! Он им первым явился Сам, и слезы скорби на их глазах претворил в слезы благодарного умиления и восторженной радости — слезы, которые не должны высохнуть на глазах всего последующего человечества!

Господи! Даруй и нам эти сладкие благодарные тебе слезы. Даруй — не словами только, а всею жизнью нашею, Твоим заветам послушною, засвидетельствовать пред всеми неверующими и нечестивыми, что Ты, невинный Страдалец за грехи наши — "воистину воскрес!" Аминь.

* * *

**Крепким — телами,
но расслабленным — духом**

*Сказал Господь расслабленному:
"Встань, возьми одр твой и ходи!"
И тотчас расслабленный встал,
взял одр свой и пошел... (Ин. 5, 8)*

Как быстро, легко, свободно!! 38 лет лежал несчастный — ни живой, ни мертвый, неспособный двинуться даже настолько, чтобы доползти до целебного источни-

ка воды живой, — оставленный, заброшенный, забытый всеми настолько, что не находилось даже человека, который бы из сострадания к страдальцу оказал столь ничтожную, легкую и в то же время столь громадную для больного услугу — помог ему окунуться и возвратить себе здоровую, настоящую человеческую жизнь.

Сколько в этой евангельской истории поучительно-го, утешительного, возвышенного! Подивимся прежде всего Божественной — славной и страшной силе Господа нашего Иисуса Христа.

"Встань, возьми одр и ходи!" — сказал Господь. И недвижно лежавший 38 лет расслабленный тотчас встал, взял свою постель и пошел!

Как воин быстро выполняет команду своего начальника, так слушались нашего Царя-Жизнодавца все существа и стихии вселенной.

Встречается ему прокаженный и говорит: *"Господи! Если Ты хочешь, то и можешь меня очистить!"*... — *"Хочу, очистишься!"* — сказал Господь, и — слово стало делом! (Мк. 1, 40).

Попадается слепец, и, узнав, что проходит мимо Иисус, кричит Ему: *"Господи! Помоги мне!.. — Чего тебе хочется?"* — заставляет Господь сказать слепца во всеуслышание. И когда тот объявляет свое желание прозреть, Господь исцеляет его одним коротеньким словом: *"Прозри!"* (Лк. 18, 41–42).

Надо ли напоминать все записанные в Евангелии случаи быстрой дивной помощи Господа всем больным и несчастным, с верою к Нему прибегавшим! Самый ад и смерть слушали, трепетали Его и по одному слову Его спешили возвратить своих мертвецов.

Братия христиане! А ведь и нам, силою Имени Господа Иисуса Христа обещана власть творить все дивные дела, даже если бы понадобилось — и больше тех, примеры коих дал Сам Господь. Ведь всем это сказано: *"Болящие исцеляйте, прокаженные очищайте. Мертвые воскрешайте. Бесы изгоняйте!"* (Мф. 10, 8).

Всем, верующим и благочестно живущим по вере сей, обещал Господь знамение: *"Именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы, змия возьмут, аще и что смертно испиют, не вредит их, на недужные руки возложат, и здрави будут"* (Мк. 16, 17–18)

"Если бы вы имели веру хотя с зерно горчичное и сказали бы горе: сойди с места и низвергнись в море, она послушала бы вас!" (Лк. 17, 6).

Но где же теперь эта дивная чудодействующая вера? Где эти славные дела последователей Христовых??

Почему их в настоящее время так мало?

Без сомнения, от крайнего *расслабления* нашей веры, нашего дерзновения и любви ко Спасителю. Как своего рода расслабленные, мы приковали себя к земле, к земному, суетному, тленному, житейскому, и не можем, да и не хотим, хотя бы и с помощью других, — не хотим двинуться, рвануться к небу, к живоносному источнику благодатной жизни, обновиться, ожить для веры, благочестия и духовной жизни.

Каждый день, а не раз только в год, как источник Силоамский, — каждый день в Св. Церкви бьет с чудодейственной силою Божественный источник Крови Христовой, всеисцеляющей, всеобновляющей.

И что же? Многие ли приходят к Нему? Как часто Чаша Господня уходит от множества верующих нераскрытою, невкушенною. А ведь Она всегда готовится для всех верующих. Всегда пастырь Церкви молит Господа державною Его рукою преподать Чашу Его верующим и придти освятить их. И Господь, ради верующих не отказывающий никогда слушать даже самых недостойных пастырей, снисходит оказать всем свою милость, соединить всех с Собою причащением Своих Тела и Крови. И что же? Как часто Он приходит и не находит желающих теснее-преискреннее соединиться с Ним, принять Его, Всеблагото Утешителя и Милосердого исцелителя всех наших немощей, печалей, скорбей и болезней — в наши расслабленные житейскою борьбою души.

Можно ли быть так неблагодарным и невнимательным даже к человеку, как мы невнимательны и неблагодарны к нашему Господу?

И удивительно ли, что жизнь с ее опасностями, искушениями, немощами и скорбями борет и давит нас так, что мы стонем под ее тяжестью?

Как же помочь беде? Обратимся всем сердцем к Спасителю, Которого мы оставляем. От забвения Его, от недостатка веры, любви и дерзновения к Нему — мы страждем нашим духовным расслаблением: у Него же должны искать и исцеления. "*Человека не имамы, да ввержет нас в купель*" обновленной жизни. Один Ты, Господи, по нашему слезному обращению к Тебе за помощью, по нашему усиленному усердию к Тебе, — скажи нашей расслабленной душе, да встанет она крепко на истинном пути веры и благочестия и да не знает отныне никакого другого пути, кроме ведущего к Тебе, Тихому Пристанищу житейских плаваний! Аминь.

Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных?

*Ответ на письмо, полученное из-за границы
от русской православной, состоящей в замужестве
за протестантом; и по поводу отлучения
графа Льва Толстого*

Всем нам, чадам Единой Святой, Соборной, Апостольской, Вселенской Церкви в недоуменных случаях касательно вероучения не должно водиться собственными разумениями, которые могут быть погрешительными, а должно иметь для сего руководственные пра-

вила. И эти правила заключаются прежде всего в книге, именуемой "Кормчая". Это сборник правил св. Апостолов, св. вселенских и поместных Соборов и некоторых св. Отцев.

В конце этой книги, в главе: "*О Римском отпадении како отступиша от православные веры, и от святыя Восточныя Церкви*", — папа Римский с своими последователями, неправо именующими себя католиками, названы *еретиками*. О других же христианских вероисповеданиях протестантских и говорить нечего, так как они еще далее уклонились от православия.

В той же "Кормчей" книге, в 10-й главе, в 6-м правиле поместного Лаодикийского Собора о еретиках вообще произнесен такой суд св. Церкви: "*несть достойно еретикам в церковь Божию входить*". А в 33-м правиле того же Лаодикийского Собора сказано: "*С еретики и с отвергшимися от Соборные Церкви да не помолится никто*".

Но вот вопрос: каков взгляд св. Отцев нашей Православной Церкви на ересь? — В "Отечнике" епископа Игнатия Брянчанинова говорится о преподобном Агафоне. Однажды посетили его некоторые братья и захотели испытать его смирение и терпение. Они упрекали его в гордости, злоречии и развратной жизни. Все эти пороки старец признавал в себе и слезно просил посетителей помолиться о нем. Когда же они назвали его еретиком, старец сказал, что он отнюдь не еретик. На вопрос отвечал: "Потому что ересь есть отчуждение от Бога. Еретик отлучается от Бога живого и истинного, и приобщается диаволу и аггелам его. Отлученный от Христа (конечно, чрез исповедуемое им ложное учение о Христе) уже не имеет Бога, Которого он мог бы умолишь о грехах своих, и во всех отношениях есть погибший".

И если бы это было не так, если бы т<о> е<сть> ереси, или ложные учения, как следствия свободомыслия, не имели такого пагубного значения в Св. Христо-

вой Церкви: то св. Апостол Павел не писал бы первенствующим христианам таких предостережений: *"Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе"* (Колос. 2, 8). И еще: *"нецыи суть смущающии вы, и хотящии превратити благовествование Христова. Но и аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет"* (Галат. 1, 7, 8).

Впрочем, Православная наша Церковь, по присутствию ей человеколюбю, позволяет молиться об отсечаящихся от нея, т<о> е<сть> о еретиках, как можно видеть в той же "Кормчей" книге, в главе 15-й, в 66-м правиле Карфагенского поместного Собора. Но о чем молиться: *"Молитися, да оставят прелесть, и да познают истину"*.

И в другой книге — "Православном исповедании Кафолической и Апостольской Церкви Восточной", в I-й ее части, в конце ответа на 92-й вопрос также допускается молиться *"за еретиков и раскольников, чтобы они обратились к вере Православной прежде конца своей жизни"*.

Так Православная Церковь и поступает. Например, в помяннике (в конце Следованной Псалтыри) молимся: *"Отступившии от православныя веры и погибельными ересьми ослепленные, светом Твоего познания просвети, и святей Твоей Апостольстей Соборной Церкви причти"*.

Теперь представим некоторые свои соображения. Из вышеприведенных мест видно, что наша Православная Церковь позволяет молиться за еретиков только за живых, а не за умерших, и притом только об их обращении к вере православной. Когда же, прибавим к сему, еретик, по молитвам св. Церкви, обратится к Православной вере: тогда и молитва Церковная о нем будет уже совсем иная, т<о> е<сть> о спасении его души.

А как достигается человеком спасение? Одно из главных условий к достижению спасения есть покая-

ние. Примеры сему видим в св. Евангелии. Мытарь получил оправдание чрез покаяние (Лук. 18, 10–14). Блудный сын возвратился к Отцу через покаяние (Лук. 15, 11–32). Разбойник благоразумный, распятый с Господом Иисусом Христом, вошел в рай также чрез покаяние (Лук. 23, 40–43). Да и Господь сказал о Себе, что он пришел на землю, дабы грешников призвать к покаянию (Мф. 9, 13). В покаянии же имеют нужду все люди. "Все бо согрешиша, — как говорит Апостол, — и лишени суть славы Божия" (Рим. 3, 23). Но неправославный или еретик, если бы вздумал принести пред православным иереем раскаяние во грехах своих, покаяние его будет недействительно. Читаем в "Православном Исповедании" в I-й части вопрос 113-й: что мы должны наблюдать при таинстве покаяния? — Ответ: Во-первых, должны смотреть, чтобы кающийся был христианин Православной Кафолической веры: ибо *"покаяние без истинной веры не есть покаяние, и не приемлется от Бога"*.

Но все это говорилось о живых неправо верующих христианах или еретиках. Что же сказать об их отшедших из сей жизни душах?

Хотя в Пространном Христианском Катехизисе Православной Кафолической Восточной Церкви в 11-м члене сказано, что душам умерших к достижению блаженного воскресения вспомоществовать могут приносимые за них молитвы, особенно соединенные с приношением безкровной жертвы Тела и Крови Христовой: но это говорится о душах православных христиан, и притом умерших с верою. — Душе же неправо верующего, умершего при своих заблуждениях и не принесшего в них искреннего покаяния пред Господом, какая может быть надежда на спасение? И как и о чем молиться за такую душу? — Молиться о ее спасении ("Со святыми упокой...") нельзя; потому что при жизни неправоввер не отрекся от своих заблуждений и не принес искреннего раскаяния в них пред Господом. Молиться

об обращении души к покаянию поздно; потому что душа, по отрешении от тела, каяться не может, так как будущая жизнь — время не покаянию, а воздаянию.

Да и то должно принять во внимание: к чему бы в Православной Церкви составлять особые "Чины" на присоединение римских католиков и протестантов к Православной вере, если бы и без того можно было молиться о спасении их душ? Однако св. наша Церковь от каждого неправовера, желающего быть с Нею в общении, непременно требует, чтобы он всенародно — принял чистое христианское учение. И еще: если бы можно было молиться церковною молитвою о спасении душ умерших неправоверов, или хотя бы об облегчении их загробной участи: то непременно при богослужениях Православной Церкви употреблялись бы особые за них ектении или прошения. Однако во всех наших церковных службах и подобного ничего нет. А, напротив, в 1-ю неделю Великого Поста, совершая Торжество Православия, св. наша Церковь изрекает анафему, т_{<о>} е_{<сть>} отлучение от единения с собою всех еретиков и отступников от Православия; следовательно, и латинян или римских католиков, и протестантов. Как же, спросим, Церковь в одно и то же время будет и анафематствовать, и молиться за них?

В подтверждение сказанного приведем здесь слова приснопамятного святителя, покойного московского митрополита Филарета. Он говорит: "Иное дело молиться о соединении с Православною Церковию неправославных церквей в обширном составе молитв, объемлющих весь мир; а иное поминать неправославных в диптихах (синодиках или помянниках) при Таинстве Евхаристии. Неправославные самым неправославием отлучили себя от общения таинств Православной Церкви. Сему соответствует непоминание их при Таинстве Евхаристии и *исключение из диптихов*"⁴²⁸.

⁴²⁸ Записки о жизни и времени святителя Филарета, м. Московского. Н. В. Сушкова. М.: 1868. Приложение. С. 162.

Заметим при сем, что слова: *исключение из диптихов* приводят к той мысли, что имена неправославных христиан и вообще при всяком Церковном Богослужении поминать не следует. Ибо как же в самом деле их поминать, когда они из диптихов исключены?

Скажут: рассуждать так очень строго. — Что делать? Но ведь у Господа нельзя вымолить милости насильно. Ибо Бог наш — *Бог ревнитель* (Исх. 20, 5). "*Праведен Господь, и правды возлюбил*" (Пс. 10, 7). Бывали же случаи, когда Сам Он запрещал о людях молиться. Так, пророку Иеремии говорил о народе своем: "*Ты же не молися о людях сих, и не проси еже помилованным быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя*" (Иерем. 7, 16). И это повеление Господне относится к людям еще живым, следовательно, еще имевшим возможность покаяться. И пророк не дерзал преслушать слово Господне, оправдывая свою молитву за них человеколюбием.

Впрочем, говоря о сем, мы имеем здесь в виду молитву за неправославных христиан только Церковно-общественную, которую если в самом деле допустить в Православной Церкви, то для Православия неминуемо последует величайший вред, неисчерпаемое зло. Подумаем, например, — много ли православных христиан твердых в исповедуемой ими вере? Не у большой ли из них части вера слабенькая, как искорка, готовая ежеминутно погаснуть? И если таковые люди будут слышать в православных храмах поминовение о здравии или упокоении римских католиков или протестантов, не придут ли они вскорости к такому заключению: стало быть — как ни веруй — все равно? А чрез это и отпадения от Православной Церкви чаще и чаще должны будут повторяться, если и не формально, то в душе. А тут-то и самое великое горе. Незаметно для самого соvrащенного, он бывает православный только по имени, а в самой вещи неправовер или вовсе невер.

Также и христиане других исповеданий, видя, что Православная Церковь молится за них, должны придти к такому же заключению о равенстве всех вероисповеданий. А это и желающих неправовверов может отвлекать от присоединения к Православной Церкви. — *"Ведь православные и без того молятся за нас"*, — будут они говорить.

Впрочем, об этом-то и хлопочут некоторые, говоря, что все люди, какую бы они веру ни исповедовали, спасутся; и еще: Господь не указал нам, какую содержать веру. Это ложные мечты человеческие. Что не все спасутся, видно из Св. Евангелия. Изображая Свой страшный Суд Господь прямо разделяет всех людей на два разряда и одних поставляет одесную Себя и вводит в Царство Небесное, а других ошуюю и отсылает *"в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его"* (Мф. 25, 31–46). И наследующих Царство Небесное будет меньшая часть, — даже и из православных только те, которые будут жить по-православному. Это также видно из слов Самого Господа: *"мнози бо суть звани, мало же избранных"* (Мф. 20, 16). О втором же возражении, т<о>е<сть> что Господь не указал нам, какую содержать веру, должно сказать, что это — клевета на Бога. Ибо не для того ли Сын Божий на землю сходил, чтобы преподавать людям ясное и подробное учение о том, как они должны веровать и располагать жизнь свою по вере? Поэтому и говорил Он: *"не приидох разорити закон Моисеев, но исполнити"* (Мф. 5, 17). И еще говорил о Себе: *"Аз есмь путь и истина и живот"* (Иоан. 14, 6). И учение его названо глаголами живота вечного (Иоан. 6, 68). И потому — всех Он призывал к Себе, говоря: *"аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет"* (Иоан. 7, 37). И еще: *"приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные"*, и проч<ее> (Мф. 11. 28, 29). А по воскресении Своем, посылая учеников Своих на проповедь, Господь повелел им учить все народы, чтобы соблюдали все, заповеданное Им (Мф. 28, 20). Апостолы

же, все заповеданное Господом, истинное вероучение и нравоучение изложили письменно в святом Евангелии и своих посланиях. Последующие за ними св. Отцы и учителя Церкви Христовой в подробности изъяснили все это истинное вероучение и нравоучение, содержащееся в Св. Писании во всей полноте и чистоте, без всякой примеси человеческих неправых мнений и разумений. И в начале эта Христова Церковь была одна и единственная во всем мире. И только с IX века римские папы самовольно стали примешивать к истинному Христову учению свое лживое умствование, чрез что и отделилась Римская Церковь от Православной Восточной. Чем далее время шло, тем более прибавлялось в Римской Церкви заблуждений; и дошло, наконец, до того, что некоторые недовольные ею римские католики отпали от нея и образовали свои церкви протестантские, еще далее отступавшие от православия.

О важности же послушания св. Христовой Церкви Сам Господь в св. Евангелии сказал: "аще кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь" (Мф. 18, 17).

Но возвратимся к своему главному предмету. Что это значит: православные христиане не просят молиться за себя и за своих покойников — римских католиков и протестантов; а эти последние, наоборот, нередко просят православных служить панихиды по своим родным и проч<ee>? Что тут за причина? Явно, что причина эта бедность внутреннего духовного содержания западных неправоверных христианских церквей. Душа римского католика или протестанта, жаждущая спасения, не может в своей церкви обрести удовлетворения своим высшим духовным потребностям; а потому и обращается к Православной Церкви, которой одной присущи вся божественные силы, яже к животу и благочестию (2 Петр. 1, 3). И это подтверждается самым делом. Нередко неправоверы, искренно присоединившиеся к Православной Церкви, вскоре по присоединению и по

причащении Божественных Таин Тела и Крови Христовых, ощущали в душах своих неизъяснимые духовные утешения, о которых они прежде, до присоединения к Православной Церкви, и понятия не имели. — И то еще может служить доказательством несостоятельности западных церквей, что защитники их всегда отстаивают свои неправые умствования с азартом и озлоблением против нашей Св. Православной Церкви. А сказано в Св. Писании о Боге: "*В мире место Его*" (Псал. 75, 3). Значит, где мир и любовь, там только и Бог; а где немирствие и озлобление, там не может быть благодати Божией, и не благоволит Господь к озлобленным сердцам.

Впрочем, говоря о строгости нашей Православной Церкви в отношении поминовения неправо верующих христиан, мы не к тому ведем речь, что будто Святая наша Церковь заповедует нам, чадам ее, вовсе никоим образом не молиться о них. Она только запрещает нам своечинную молитву, т^е е^{сть} молиться — как нам хочется и как вздумается. Мать наша Православная Церковь внушает нам, чтобы все у нас, как и самая молитва, совершалось по чину и благообразно (1 Кор. 14, 40). Мы и молимся, при всех наших церковных богослужениях, о всех разноплеменных народах и о всем мире, чаще всего и сами не зная и не понимая того. Именно мы молимся так, как Господь наш Иисус Христос научил Своих апостолов молиться в преподанной молитве: "*Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!*" Это всеобъемлющее прошение объемлет собою нужды и наши, и единокровных нам, хотя и неправовверных братьев наших. Мы тут просим Всеблагого Господа и о душах умерших неправославных христиан, чтобы Он сотворил с ними то, что благоугодно Его Святой воле. Ибо Господь безмерно лучше нас знает, кому и какую оказать милость. — И так православный христианин! — кто бы ты ни был, мирянин или иерей Божий, — если во время какого-либо церковного Богослужения придет тебе усердие помолиться о каком-либо близком к тебе Карле

или Эдуарде: то при чтении или пении молитвы Господней воздохни о нем ко Господу и скажи: да будет о нем святая Твоя воля Господи! — и ограничишься этой молитвой. Ибо так научен ты молиться Самим Господом. И поверь, что такая твоя молитва будет тысячекратно и Господу угодней, и для души твоей полезней всех твоих самочинных церковных поминовений.

Все высказанные нами мысли, основанные как всякий может видеть, на Божественном Писании и предании Св. Отцев, естественно приводят нас к такому заключению: "Молиться за неправославных христиан церковно-общественною молитвою, наравне с православными христианами, т<о> е<сть> поминать имена их в храмах так же, как поминаются имена православных христиан, противно учению и постановлению нашей Единой Святой, Соборной, Апостольской, Вселенской Церкви". Так мы говорим, так и поступаем. И это вовсе не по ненависти к неправо верующим христианам и не потому, что мы не желаем им добра; а потому, что самочинная или самовольная наша за них молитва и Богу неужгодна, и для душ их бесполезна, а молящимся за них обратится в грех. Наглядный сему пример можем видеть в царе Израильском Сауле. По-видимому, он сделал доброе дело, когда пред начатием войны с филистимлянами обратился с молитвою к Богу и жертвоприношением. Но так как он поступил в этом случае самочинно, не дождавшись, как ему было сказано, пророка Божия Самуила: то не только не привлек к себе благоволения и благословения Божия, но и заслужил Божий гнев и наказание. Прибавим к сему, что самоволие и во всем есть грех и даже между людьми нетерпимый порок. Сложилась пословица: своя воля и царя болей. Однако, заметим, царь наказывает не покоряющихся царским законам. Почему? Потому что самовольник причиняет вред и себе, и своей семье, и обществу, самовольник — неприятный человек. Да и сами самовольники не повинующихся им не любят и, если

имеют возможность, наказывают. А мы все хотим и жить, и молиться — каждый по-своему.

Теперь скажем несколько о частной молитве. Известен в нашей Православной Церкви едва ли не единственный пример, что частная молитва одного угодника Божия помогла душам умерших иноверцев, даже язычников. Так рассказывал о себе препод<обный> Макарий Египетский. «Однажды, проходя пустыню, нашел я череп какого-то мертвеца, валявшийся на земле. Когда ударил я череп пальмовою палкою, он что-то проговорил мне. Я спросил его: "кто ты?" Череп отвечал мне: "я был главным жрецом идолов и язычников, которые жили на этом месте; а ты — Макарий-Духоносец. Когда ты, сжалившись о страждущих в мучении, начнешь молиться за них, они чувствуют некоторую отраду". Старец спросил его: "какая это отрада? и какое мучение?" Череп говорит ему: "насколько небо отстоит от земли, настолько под нами огня, и мы от ног до головы стоим среди огня. Нельзя никому из нас видеть другого лицом к лицу. У нас лицо одного обращено к спине другого. Но когда ты помолишься о нас, то каждый из нас видит лице другого. Вот в чем наша отрада". — Старец заплакал и сказал: "несчастный день, в который родился человек!" — Старец спросил далее: "нет ли еще более тяжелого мучения?" Череп отвечал ему: "под нами мучение еще ужаснее". Старец спросил: "а кто там находится?" Череп отвечал: "мы, как незнавшие Бога, еще несколько помилованы; но познавшие Бога и отвергнувшие Его (конечно, суемудрием в вере и порочною жизнью), — те под нами". После сего Старец взял череп и зарыл его в землю»⁴²⁹.

Из сего рассказа блаженного отца прежде всего мы видим, что молитва его за страждущих в пламени язычников была не церковно-общественная, а частная. Эта молитва уединенного пустытника, молившегося в

⁴²⁹ Достопамятные Сказания о подвижничестве св. и блажен. Отцев. М., 1845.

тайной клетки сердца своего. Ибо если бы он сам не рассказал другим об этой молитве, то она и осталась бы ни для кого неведомою. Затем, молитва эта может отчасти послужить и нам православным христианам поводом к тому, чтобы молиться за живых и умерших неправоворов частною — домашнею молитвою; но только поводом а отнюдь не примером; ибо преподобный не сообщил нам, как он молился за язычников, не научил нас тому, уже потому эта молитва не может служить для нас примером, что молившийся ею пр<еподобный> Макарий был великий угодник Божий, следовательно, стяжавший великое дерзновение ко Господу. Нам ли же, в бездне греховной валяющимся, брать пример с такого молитвенника? В одном только она может служить для нас примером, именно в том, что пр<еподобный> Макарий молился за язычников не самочинною молитвою, а так, как наставлял его Дух Божий, обитавший в его чистом сердце, Который не только его наставлял, но и заставлял молиться о всем мире — о всех людях, живых и умерших, как это обычно и свойственно любящим сердцам всех угодников Божиих; как и св. Апостол Павел писал к Коринфянам: *"сердце наше распространяется: не тесно вмещается в нем"* (2 Кор. 6, 11).

Итак, мы теперь можем согласиться, что православным христианам молиться за неправославных христиан — живых и умерших — можно частною домашнею молитвою; но при том, еще и еще напомним, не самочинно молиться — не так, как нам вздумается и пожелается (дабы вместо благоволения не навлечь на себя гнева Божия), а по наставлению опытных в жизни духовных людей.

Был случай при жизни Оптинского старца Леонида (в схиме Льва), скончавшегося в 1841 г<оду>. У одного его ученика Павла Тамбовцева скончался родитель несчастною насильственною смертью — самоубийством. Глубоко опечален был любящий сын известием о сем и потому так изливал пред старцем свою скорбь: "Несчастливая кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест. Да,

я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мною в гроб. Воображаю ужасную для грешников вечность, в которой нет уже покаяния, и мучусь преставлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?" Ответ старца: "Вручай как себя, так и участь родителя воле Господней, премудрой всемогущей. Не испытывай Вышнего чудес. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись Преблагому Создателю, исполняя тем долг любви и обязанности сыновней". — Вопрос: "Но каким образом молиться о таковых?" — Ответ: "По духу добродетельных и мудрых так: *Взыщи Господи погибшую душу отца моего; аще возможно есть помилуй! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей. Но да будет Святая воля Твоя!* — Молись же просто, без испытания, предавая сердце твое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего; но ныне он совершенно в воле Могущего и душу, и тело свергнуть в печь огненную, и Который и смиряет и высит, мертвит и живит, низводит в ад и возводит. При этом Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшею благодатью — ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: "Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно". — Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благодатью и милосердием Бога, Который если соизволит помиловать, то кто может противиться Ему? — (Из жизнеописания Оптинского Старца Леонида, в схиме Льва).

Вот эта, приведенная здесь, частная, келейная или домашняя молитва, преподанная опытным в жизни духовной старцем Леонидом своему ученику, и может служить для православного христианина примером или образцом молитвы за какого-нибудь близкого к нему

неправославного христианина. Может он, например, молиться в таком смысле: *"Помилуй, Господи, аще возможно есть, душу раба Твоего (имя), отшедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви! Незиследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет Святая воля Твоя!"*

Нам неизвестно и никому не открыто, насколько может приносить пользы душе умершего неправоверного христианина подобная молитва. Но опытом дознано, что она умеряет жгучую сердечную скорбь молитвенника, за душу близкого к нему человека, хотя и не в православии скончавшегося.

В заключение всего скажем: да не смущаются сердца наши, и да не устрашает нас строгость уставов нашей св. Православной Церкви! Наипаче же, дерзайте убо, дерзайте людие Божии! Все это не должно вести нас к безнадежии нашего спасения, а, напротив, должно возбуждать души наши к сокрушенному, смиренному покаению пред Господом во грехах наших, пока еще не затворены для нас двери милосердия Его. Ибо, по слову Псалмопевца, *"сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит"* (Псал. 50, 19). И чем смиреннее и самоосужденнее будет молитва, тем она благонадежнее и благоуспешнее⁴³⁰.

Учение Лейбница о происхождении и сущности зла

Характер философского миросозерцания в отношении к учению о природе, состоянии и назначении мира и человека обнаружился в истории философии и выражается обыкновенно в жизни двумя противоположными

⁴³⁰ Душеполезное чтение. 1901. Октябрь.

крайностями. Это оптимизм и пессимизм; главными представителями которых по справедливости называют Лейбница и Шопенгауэра. То, умеренно проведенное воззрение, которое, одновременно находясь в антагонизме с крайностями обоих названных мыслителей, является в то же самое время примирением и объединением всего в них наилучшего, — есть "мелиоризм", единственно истинное, возможное и разумное понимание мира и человека в указанных отношениях.

Оптимизм, так же как и пессимизм, одинаково невозможны и несостоятельны, когда претендуют на безусловную исключительность и соответствие истине. Между тем, собственно говоря, ни оптимист, ни пессимист не могут провести своих взглядов на мир со всею строгою последовательностью. С одной стороны, разрушительные действия зла в мире слишком очевидны и сильны, чтобы оптимист мог совершенно отворотить от них свой взгляд. В свою очередь и противоположные им действия добра слишком жизненны и глубоки, чтобы пессимист, не противореча явно своему сознанию, мог оставаться упорным в отрицании добра. Отсюда, как в рассуждении об оптимизме мы имеем дело собственно с учением о чрезмерном и решительном преобладании добра, а не исключительном безусловном господстве его — так равно, говоря о пессимизме, мы должны считаться собственно с учением о подобном же преобладании, а не господстве зла в бытии или существе о состоянии мира и человека. На этом основании оптимизм и пессимизм справедливо рассматривают как столь же обыкновенные состояния естественного духа, каковы: радость и горе, здоровье и болезнь, напряжение и отдых и т. п. И как каждый из нас переживал все подобные изменчивые состояния, так каждый, без сомнения, не раз обнаруживал в жизни своей склонность — быть в одно время преимущественно оптимистом, в другое — более пессимистом, причем одно из этих настроений при обыкновенном

состоянии субъекта всегда пребывает преобладающим, хотя бы на самую ничтожную степень. Если от одного человека перенесемся теперь к человечеству, как единому целому, то увидим и в нем подтверждение только что высказанной мысли, с тем лишь разве только различием, что пессимизм в данном случае является не столько минутою времени или выражением состояния личности, и даже не болезнью известного только века, но болезнью именно человечества, периодически возвращающеюся, так сказать под влиянием известных условий и состояний его жизни и развития. Если мирное и успешное процветание среди человеческих обществ культуры, наук, искусств, художеств и т. п. создает и обуславливает обыкновенно оптимистическое настроение человеческих обществ, светлый, трезвый и спокойный взгляд на жизнь, своеобразно отражающийся на всех родах и видах производительности — то, наоборот, грозные и разрушительные мировые явления, всякого рода бедствия и катастрофы, ужасы войны, внутренних междоусобий и неурядиц и другие народные общественные бедствия всегда порождают как-то всеобщий пессимизм, вялость, апатию, тоскливое настроение и недовольство жизнью, глубоко проникающие прежде всего современную литературу, а затем и все другие проявления современного творчества и общественного самосознания. Известно и замечательно в этом отношении необыкновенное возбуждение и потрясение умов, вызванное ужасным Лиссабонским землетрясением в конце прошлого века, когда по всей Европе вдруг раздались и долго не могли смолкнуть голоса, упрекающие строй природы в полной бессмысленности, нецелесообразности, безцельной и неразумной, ничем не оправдываемой и несмягчаемой жестокости и т. д. Случай этот весьма характерный и не единственный в своем роде, а для нас в данном случае важный тем более, что достаточно подтверждает высказанное суждение об изменчивости, чередовании и во-

обще условности крайнего оптимизма или преимущественного пессимизма в жизни и настроении не только отдельных личностей, но и целых обществ человеческих, а также о невозможности исключительно-преобладающего постоянного значения лишь одного которого-либо из двух разбираемых воззрений на жизнь.

В ряду оптимистических воззрений и систем особенного внимания заслуживает система Лейбница, который не без основания считается главным представителем оптимизма, как особого философского мирозерцания. Важную особенность его оптимистического миропонимания составляет то обстоятельство, что он, не отвергая совершенно и не извращая чрезмерно факта существования зла и бедствий в мире, старается найти и установить положительный смысл этого существования в общей системе мироздания, и притом не случайный только смысл, какой вообще нельзя не указывать было бы, уступая сознанию уже самой неизбежности явления, а напротив, смысл существенно-необходимый, важный и определенный, в некоторых отношениях почти равносильный тому, какой имеет и добро, особенно же в связи с этим последним.

Лейбниц не просто примиряется с фактом существования зла, как другие, более наивные оптимисты, но уделяет и злу свое особое место и назначение в мире, притом так, что им обусловливается и наилучшее состояние этого последнего. Исходя из идеального понятия о мире, как произведении всесовершенного творца, Лейбниц устанавливает прежде всего понятие совершенств существующего мира как необходимое следствие совершенств Творца. По мнению Лейбница, Бог, хотя и мог, в силу своего всемогущества и свободы, избрать какой угодно из безчисленного множества миров, представлявшихся ему возможными, но по своей абсолютной мудрости и благодати Он должен был избрать именно лишь наилучший из них. Бог имел бы недостаток в мудрости, благодати и совершенстве, если бы не

выбрал наилучшего мира, несмотря на зло, которое находится в нем, вследствие высочайшей необходимости вечных истин⁴³¹. Самый факт существования зла, по Лейбницу, не только не противоречит тому, что настоящий мир наилучший, но именно в силу того и является необходимым, что иначе этот мир не был бы и наилучшим⁴³².

Если Бог желал сотворить мир наилучший, говорит Лейбниц, то он "должен" был допустить зло. Допустить зло, как допускает его Бог, есть величайшее благо, и если бы Он устранил зло, то Он не был бы и благим, и устранение им зла было бы величайшею Его ошибкою, так как сколько бы ни было этого зла в настоящем мире, во всяком другом возможном мире было бы его еще больше⁴³³. Даже более: если бы Бог не избрал наилучшего мира, которому присуще зло, то Он допустил бы нечто худшее, чем всякий грех тварей, ибо Он умалил бы этим свое собственное Божественное совершенство, которое не должно нуждаться наиболее совершенного избрания, а меньшее добро уже содержит в себе зло. Итак, необходимо, выводит после всего этого Лейбниц, чтобы зло было возможно⁴³⁴.

Что же такое собственно это зло в своем существе, чем вызвано его появление и каково назначение его в общем плане мироздания? — Сущность ответов, какие дает Лейбниц на эти вопросы, может быть представлена в следующем виде. Прежде всего, Лейбниц, нужно заметить, различает три рода зла (как и добра): метафизическое, физическое и нравственное. Под метафизическим злом он понимает свойственную природе вообще всякой твари ограниченность и несовершенство; под злом нравственным — вообще грех или в частности ограниченное желание, ищущее несовершенного вместо

⁴³¹ Leibnitz. Theodicee. 1. 25; II, 159.

⁴³² Theod. I, 9, 25.

⁴³³ Theod. I, 24.

⁴³⁴ Ibid. II, 121, 125.

совершенного⁴³⁵; и, наконец, физическим злом обычно называет всякого рода несчастья, страдания, бедствия, скорби и болезни и т. п. — что все по справедливости, представляет неизбежными и естественными следствиями нравственного, как зла в собственном смысле этого слова. Очевидно, желая уяснить взгляды Лейбница на происхождение и сущность зла, мы должны главным образом рассмотреть его учение о зле в собственном смысле или нравственном, показав, насколько верно он полагает сущность его вообще в ограниченном желании "несовершенного относительно" — вместо совершенного, — в недостатке или лишении добра; насколько, затем, справедливо производить нравственное зло из метафизического, под которым он разумеет свойственные природе всякой твари ограниченность или несовершенство⁴³⁶, — и насколько, наконец, основательно указываемое им положение и назначение зла с его бедствиями и страданиями в общем плане Божественного мироздания. Все это мы рассмотрим и под руководством соображений здравого разума, и под руководством Слова Божия, которым в широкой мере пользовался и сам Лейбниц для своей Теодицеи, и под руководством опыта самой жизни, на каковом опыте недостаточнее всего опираются соображения Лейбница касательно разрешаемого вопроса. Между тем, только возможно полное, ясное, живое и беспристрастное представление всей силы и массы зла уясняет в достаточной мере истинное понимание его, как явления, — вопреки мнению Лейбница, — лишённого всякого смысла совершенно не входившего в первоначальные планы Божественного мироздания, — явления чисто человеческого, а не Божественного происхождения, лишь отчасти попускаемого Богом во внимание к величайшему Его дару — свободе

⁴³⁵ Theod. I, 20–21.

⁴³⁶ Св. Григорий Богослов признает в строгом смысле одно зло нравственное, происходящее от существ, уклоняющихся от своего естественного состояния и предназначения.

разумных тварей, и направляемого к добру бесконечно премудрыми и всеблагими действиями Промысла Божия.

Исходною точкою и основным положением всей Лейбницевоу системы была, как мы видели, мысль, что настоящий мир есть наилучший из всех возможных миров. Бог не мог совершенно устранить в нем зла уже потому, что это было бы равносильно созданию Им другого абсолютного бытия. Если же нам и кажется, что существование зла противоречит совершенству мира, то это лишь зависит от того, что мы, по своей ограниченности, не можем понять и обозреть всего мирового плана, где все на своем месте необходимо и все совершенно соответствует одно другому. На мир надо смотреть как на огромный дом, в котором необходимы не только комнаты, залы, сады, гроты, но и кухня, погреб, черный двор, конюшня, помойная яма и т. п. Не было кстати, чтобы мир состоял из одних солнечных светил или чтобы земля была создана из золота и алмаза и не была обитаема. То же самое, в частности, должно сказать и о человеке. Если бы человек был глазом или ухом, то он не был бы способен питать себя. И если бы Бог создал его беспристрастным, то Он создал бы его глупым; или если бы Он захотел создать его не ошибающимся, то должен был бы лишить его чувств или заставить его ощущать не органами, а иначе, т. е. не создал бы человека. Допущение зла, таким образом, проистекает из некоторого рода нравственной необходимости: Бог вызывается к этому Своею мудростию и Своею добротою; это необходимость счастливая, делающая управление Божие наилучшим состоянием из всех возможных⁴³⁷: высочайший разум обязывает допустить зло, высочайшая благодать утилизирует его существование. И если бы даже на долю человеческого рода выпадало больше злоключений, чем счастья, то и

⁴³⁷ Theod. II, 128.

это надобно было бы оправдать в отношении к Богу, так как во всей вселенной несравненно больше существует добра, чем зла⁴³⁸. Последнее может преобладать над добром в отношении лишь к роду человеческому, нам известному; но это нисколько не препятствует признать град Божий, в общей совокупности всех его творений, пребывающим в наилучшем состоянии, потому что — существующее во всех его субстанциях как одаренных разумом, так и лишенных оного — благо метафизическое, объединяя в себе все возможное благо физическое и благо нравственное, во всяком случае достаточно для противовеса злу на земле. И это заставляет уже затем согласиться, что вселенная, какова она есть в действительности, должна быть признана наилучшею из систем⁴³⁹. Возможно, что все солнца населены счастливыми созданиями⁴⁴⁰ и что беспредельное пространство, окружающее область звезд, наполнено блаженством и славою.

Итак, по учению Лейбница, зло в этом мире неизбежно, необходимо и имеет особое положительное значение и смысл в общем плане мироздания, наравне с добром. Это же следует из понятия Лейбница о его сущности и происхождении. Ограничение или природное несовершенство тварей необходимо производит, по его мнению, то, что самый лучший план вселенной не может быть изъят от некоторых зол, которые, однако же, "превращаются" в наибольшее благо. Это в некотором роде беспорядки в частностях, удивительным образом открывающие, однако, красоту целого, подобного тому, как некоторый диссонанс, допущенный кстати, делает гармонию более прекрасною⁴⁴¹. Наилучший план предметов по природе своей был таков, что при нем добро

⁴³⁸ Theod. III, 262.

⁴³⁹ Theod. III, 263.

⁴⁴⁰ Очевидно, произвольное предположение подобной возможности не исключает возможности и обратного предположения.

⁴⁴¹ I прилож. к Theod.

должно было быть оттенено некоторым злом, как свет сопровождается тенью, причем зло является несравненно меньше добра. Можно сказать даже, что реально в мире существует только благо, а зло или страдание создано лишь для того, чтобы резче выделить благо. Оно, так сказать, есть как бы тень, предназначенная для того, чтобы блага жизни обрисовывались тем отчетливее. Все злключения случайно следуют за хорошими причинами, и их нельзя устранить, без допущения более великих неприятностей. Кажущиеся несовершенства целого мира, эти пятна на солнце, только возвышают, а не умаляют его красоту и "способствуют" к достижению наибольшего блага. Без допущения греха это последнее не было бы так велико: может быть, не последовало бы тогда и искупления⁴⁴². Во всяком случае, нравственное зло, его сущность, не имеет в основании действительного, реального, действующего принципа; это есть лишь происходящий из несовершенства человека, тварности и ограниченности — недостаток, или лишение добра, подобно тому, как и темнота есть лишь недостаток света или холод — недостаток тепла. Отсюда следует и необходимость, или неизбежность и греха, потому что если несовершенство существенно принадлежит человеку как конечному и ограниченному существу, если без него человек не может быть мыслим, то и грех, происходящий из этого несовершенства, не иначе должен быть мыслим, как необходимым; значит, и без него, точно так же как и без несовершенства, человек не может быть мыслим. Если далее, истинный источник зла находится в природном несовершенстве и в несмыслии творений, усложняющих то, что грех возможен и в наилучшем мире, то ясно отсюда, говорит

⁴⁴² Foucher. *Lettres et opuscules de Leibniz*, p. 180. — Это похоже на то, как если бы кто стал утверждать, что "предательство Иуды" соделало нам спасение, так как мы не понимаем, как бы иначе Иисус Христос мог попасть в руки врагов и пострадать от их рук.

Лейбниц, что грех допущен справедливо, без ущерба Божественной доброты и мудрости, и что он даже не мог не быть допущен без умаления совершенств. Бог в высшей степени любит добродетель и в высшей степени ненавидит порок, и, несмотря на это, некоторый порок должен быть допущен⁴⁴³.

Метафизическое благо, обнимающее все, служит причиной, что надобно иногда дать место злу физическому и злу нравственному. При этом зло обнаруживается в существовании — как ограниченная сила, ограниченное желание и ограниченное действие, — необходимо, следовательно, постольку, поскольку свойственна в человеке ограниченность и поскольку зло есть необходимое ее проявление. На недоумение, не падает ли в таком случае вся вина в существовании в мире зла на Бога, как Виновника и Творца таких тварей, Лейбниц отвечает, что несовершенства принадлежат самим тварям. Творения, говорит он, имеют свои совершенства от Бога, свои недостатки от собственной природы, которая не может быть без ограничений⁴⁴⁴. Бог относится к силам, действующим в мире, как поток к плывущему кораблю: что корабль плывет — положительную причину этого составляет поток, — что он плывет медленно, это происходит от его собственной тяжести и косности⁴⁴⁵. Подобным образом добро истекает от Божественного могущества, и зло от тварной косности. Впрочем, природное несовершенство тварей, существовавшее в представлении вечных идей, к тому же — есть хотя и первая, но вместе и наиболее отдаленная причина этого; — ближайшая же причина зла, виновности и зла наказания есть свободная воля. А эта последняя производит нравственное зло, или грех потому, что в своем стремлении к благу вводится в заблуж-

⁴⁴³ Theod. IV, 79.

⁴⁴⁴ Монадология, 42

⁴⁴⁵ Theod. P, 30.

ждение разумом, предлагающим ложную оценку благ. В этом прежде всего состоит и несовершенство человеческой природы, что ограниченный и конечный разум обладает не только истинными и ясными представлениями, но также ложными и темными, вводящими ложную оценкою благ в заблуждение волю и побуждающими ее избирать низшее благо вместо высшего.

Изложив таким образом взгляды Лейбница на происхождение и сущность зла и на его назначение в мире, перейдем к их обсуждению. И прежде всего, нужно заметить, Лейбниц весьма своеобразно понимает и определяет сущность зла. По смыслу этого определения его, зло есть именно не что иное, как простой лишь недостаток добра, относительно низшая его ступень, и во всяком случае, это не есть что-либо противоположное добру, исключаяющее его и им исключаемое, — не есть какое-либо противоборствующее начало по отношению к нему и отличное от него по своим результатам. Это есть, так сказать, неотделимый элемент самого добра, подчиненный ему низший его момент, оборотная сторона, так сказать, одной и той же медали; что же касается, в частности, зла метафизического и физического (каковы несовершенство предметов и зло наказания), то Лейбниц прямо так и называет эти виды зла "вспомогательными благами", средством для достижения больших благ⁴⁴⁶, хотя как будто и не охотно решается приписать такие же качества и определения злу нравственному. Если вникнуть в эти суждения Лейбница глубже, то при кажущейся их оригинальности и пригодности увидим в них много жесткого и несообразного. Уже самое определение зла только лишь как "недостатка" добра справедливо заслуживает упрека в крайней односторонности, узости и поверхностности. В самом деле, простой ли только недостаток добра составляет, например, грех? И все ли грехи с этой точки зрения суть лишь грехи слабости?

⁴⁴⁶ Прилож. к Theod. IV, 29, 30, 35.

Но, с одной стороны, и недостаток добра там, где ему должно бы иметь место по требованиям нравственного закона, во всяком случае, есть положительное зло (таково, например, отсутствие сострадания и любви к ближнему, хотя это зло и меньшее, чем прямая жестокость и ненависть к ближнему). С другой стороны, всякий грех, каков бы он ни был, тем менее может быть когда-либо лишь недостатком добра, что в нем всегда обнаруживается не просто слабая и ограниченная, но положительно злая воля человека, — положительно враждебное, злое ее расположение или настроенность, совершенно несовместимая с влечениями к добру, и не только не однородная с ними, но прямо их отрицающая и исключаящая. Когда человеком овладевает беззаконная страсть к чему-либо противонравственному, неудержимое никакими доводами рассудка и совести влечение к пороку, и тем более намеренное и ясно сознаваемое нарушение требований нравственности, во всех этих случаях речь может быть не об отсутствии энергии или слабости воли и разума, но скорее о положительном возбуждении, расположении и направлении душевных сил ко злу. Безчеловечно-жестокое, варварски-равнодушное убийство, грубый необузданный произвол и эгоизм, закоренелая ненависть и совершенное отвращение к добру, всеобщее злое состояние и направление воли — менее всего составляют простой лишь недостаток добра, но положительное, безусловно исключаящее его зло, столь же живое, действенное, независимое от него начало, способное самостоятельно развиваться и совершенствоваться в известном своем смысле в бесконечность, имеющее собственную самостоятельную отдельную область, которую можно мыслить как чистое царство зла, без всякой даже тени добра, как есть возможность мыслить и царство этого последнего без всякой тени зла.

Что же касается расслабления воли и разума, то само по себе иногда невинное, оно не всегда служит и

причиною собственно зла; последнее чаще совершается при более или менее сильной энергии тех обоих, о чем свидетельствует решительное и ничем непреодолимое направление и стремление ко злу, ничем несообразная любовь к нему, очевидно представляющая совершенное извращение столь свойственной и врожденной человеку любви к добру.

Противоречит далее опыту и то предположение Лейбница, что человек творит зло по недостатку истинных и ясных представлений разума относительно высшего блага и по способности к ложным и темным, вводящим в заблуждение волю и побуждающим ее избирать низшее благо вместо высшего. Опыт, напротив, показывает, что воля не осуществляет своих потребностей в высшем благе и тогда, когда разум обладает истинными и ясными представлениями — относительно этого блага. В данном случае уклонение воли, очевидно, составляет результат ненормальности, развращенности и злобы ее, более обуславливающих происхождение греха, чем собственная ее ограниченность, слабость и в связи с ограниченностью разума. Наконец, если бы вместо качественной противоположности между добром и злом было, как думает Лейбниц, лишь количественное различие одного и того же, то непонятно, как возможно было бы существование резких переходов от добра ко злу, и наоборот, в одной и той же личности и воле. Невозможно было бы, очевидно, здесь ни быстрое и полное обращение от греха, ни быстрое и глубокое падение в грех, беспрестанно повторяющееся уклонение от достигнутого уже добра; было бы лишь одно спокойное и верное, определенное развитие и подъем от низших степеней все к высшим, все большее и большее восполнение недостатков добра или наоборот — постепенное и постоянное погружение во зло, все большее и большее лишение добра.

Но откуда же явилось тогда то, что человек нередко теряет добро в известной степени нравственного совер-

шенства мгновенно по приобретении и иногда без всякого следа совершенно? Кого должно считать причиной этих постоянных лишений? Что за сила, доводящая его до того, что недостаток добра заметно и постепенно разрастается иногда до полного почти отсутствия всякого добра и даже потребности в нем, если уже Лейбниц не хочет допустить перехода от этого недостатка добра к положительному злу, хотя, конечно, он едва ли, например, склонен был бы видеть в ненависти известную лишь степень любви, в жестокости известную лишь степень милосердия, в грубом и низком разврате такую же степень целомудрия, в убийстве известную степень любви к ближнему и т. п.

В объяснение того положения, что зло происходит от лишения, положительное же при этом появляется по сопровождению, как в физической природе деятельное по сопровождению в холоде, Лейбниц указывает на ту силу, которую способна обнаруживать вода при замерзании от холода (в чем Лейбниц также видит известное только лишение силы), например, разрывая ствол ружья, если ее в нем заморозить. Это явление он объясняет так. Когда разъединяющее движение в воде, посредством холода, уменьшается⁴⁴⁷, то сжимаемые ею частицы воздуха, скрытые в воде, наоборот, начинают в соответствующей мере увеличиваться и в своей массивности, и в силе своей упругости. И если до замерзания воды сопротивление поверхностей частиц воздуха встречало в ней достаточно силы для уравнивания стремлений воздуха к расширению, то, наоборот, теперь, когда с ослаблением этой уравнивающей силы в воде, вследствие ее замерзания и уменьшения разъединяющего движения, стремление к расширению частиц воздуха уже недостаточно сдерживается сопротивлением воды и даже образованием большего объема для воздуха, вследствие сократившихся в объеме замерзших частиц воды; тогда является

⁴⁴⁷ Theod. II, 153.

потеря равновесия и увеличение действия силы воздуха на счет силы воды, на счет ослабленного сопротивления или действия ее частиц. И так как при этом сопротивление, то есть поверхности возрастают (для воды уменьшаясь, а для воздуха увеличиваясь), как квадраты, а сила, то есть содержание или твердость сжатых объемов воздуха, возрастают, как кубы диаметров, то в результате этого явления, по объяснению Лейбница, и происходит то, что случайное только лишение приобретает себе действие и силу.

Но современная физика не в пользу такого объяснения. Помимо того, что сокращение и ослабление силы частиц воздуха столько же подчинено законам от действий холода, как и сокращением или ослаблением силы частиц воды, физика примечает в настоящее время тот любопытный факт, что вода достигает наименьшей степени расширения уже при 4 градусах по R, а при дальнейшем затем понижении температуры начинает уже вопреки ожиданиям Лейбница увеличиваться в своем объеме, причем самые молекулы воды не сокращаются в пользу частиц воздуха, а, напротив, располагаются на большем расстоянии друг от друга, что может быть объяснено в свою очередь лишь увеличением отталкивающей силы, а не уменьшением ее, и разрыв ствола не расширением воздуха (сокращению которого от действия холода, наоборот, не найден даже и предел, подобно воде), а скорее расширением самой воды, в совокупной силе ее собственных частиц.

Столько же неприменимо понятие лишения или ограничения ни к физическому, ни к нравственному злу: то и другое происходит не от одного ограничения. Страдание, например, является в ощущении чем-то положительным, а не ощущением только лишения или ограничения, равно как и в действиях безнравственных побуждений, как сила же, и именно характеризующаяся как нечто положительное. Между прочим, это именно обстоятельство, неверным образом истолкованное, и

привело Шопенгауэра к обратной в отношении Лейбница и столько же крайней мысли о том, что реально только страдание, зло, добро же есть только отрицание зла. «Если мы чувствуем что-либо, — говорит Шопенгауэр, — то чувствуем заботу, а не беззаботность, болезненно для нас лишь отсутствие удовольствия или радостей; что некоторые дни нашей жизни бывают счастливы, мы узнаем впервые только тогда, когда они сменяются несчастными». Вот почему, по объяснению Шопенгауэра, мы не придаем цены трем величайшим благам жизни: здоровью, молодости и свободе, пока пользуемся ими, и только лишаясь их, начинаем ценить. Как ни крайни эти положения Шопенгауэра, тем не менее, при трезвом обсуждении их, они не только безусловно опровергают Лейбница, но и приближают к истине более, чем воззрения этого последнего.

Не менее несостоятельным оказывается учение Лейбница и о происхождении зла. Мы узнаем из этого учения, что нравственное зло является не только неизбежным, но и положительно даже необходимым результатом природного несовершенства и ограниченности тварей. Если, согласно с мудростью Божиею, нужен был мир, наполненный телами, мир субстанций, способных к восприятиям, но не способных к разуму, — говорит Лейбниц, — если из всех вещей надлежало избрать то, что в совокупности достигало лучшего действия и куда порок вторгнулся только этою дверью; то Бог не был бы совершенно благим, совершенно мудрым, если бы Он изгнал отсюда порок⁴⁴⁸. Недостаточная доказательность или правильнее — совершенная бездоказательность и неубедительность этого довода ясна сама по себе. Если идея разнообразия вселенной требовала создания бездушной материи и неразумных тварей, то отсюда еще никак не следует, чтобы было необходимым также и зло в этом мире. Ни бездушная материя, ни неразумные твари не

⁴⁴⁸ Theod. II, 124.

могут грешить, да бытие не ведет ко греху и разумные твари. Для чистой души все чисто, и если внешние предметы могут возбуждать человеческие страсти, то это уже потому, что они свили себе прочное гнездо в грешной душе человеческой. Несовершенство тварей затем само по себе тем менее может служить основой для греха, что это очень относительное и растяжимое понятие.

Все сотворенные существа несовершенны по отношению к Богу, неодинаково совершенны в отношении друг ко другу, но сами в себе, и в отношении к собственной природе и своему назначению, они могут быть вполне совершенны, не отравляясь злом, поскольку каждое может достигнуть своего известного назначения, по мере дарованных ему от Бога сил. Несовершенны ангелы, несовершенен человек, но первые положительно добры, второй — иногда положительно зол; причина этого не в относительном несовершенстве, а в положительном извращении человеком собственной воли, в ненормальном отношении его к своим потребностям и назначению. По природе своей человек только *«малым чим умален от ангел»*⁴⁴⁹, и, однако же, при такой незначительности их расстояния, сколько различные следствия их несовершенств! Не очевидно ли, что если бы эти последние сами в себе составляли основание и источник греха, то должно было бы существовать полное и строгое соответствие между степенями несовершенства и греховности, так что чем несовершеннее существо, тем оно должно было бы быть грешнее. Но на самом деле это далеко не оправдывается: с большим совершенством соединяется обыкновенно возможность и большего греха, и величайший грех могут совершить лишь совершеннейшие творения. Большая ограниченность в этом смысле скорее должна быть названа защитой против зла, а не основанием его. Падение ужаснее с высших степеней совершенства, чем с низших и по-

⁴⁴⁹ Пс. 8, 6.

следних. Дети менее совершенны, но более ли и грешны, чем взрослые и духовно развитые? Уже неодинаковость затем самого впечатления, получаемого от проявления ограниченности, слабости и несовершенства — с одной стороны, и от проявления греха — с другой — учит нас о глубоком полном отличии их и неоднородности. Грубое нечестие, необузданное самолюбие, дерзкое надмение, гнусный порок, наглость — вызывают не сожаление и сочувствие якобы к ограниченности и немощи человека, но отталкивающее чувство отвращения и ужаса. Наконец, что особенно важно, несовершенство потому еще не есть ни в каком случае само по себе основа греха, что не все тварные, то есть ограниченные, конечные и несовершенные существа подпали греху. Существует особый целый мир добрых ангелов, совершенно незатронутых злом и представляющих чистое царство добра; не говоря уже о том, что Иисус Христос принял совершенно безгрешное человеческое естество и тем показал возможность и для нас быть безгрешными, несмотря на тварность и ограниченность.

Вообще между тварностью и собственно грехом с его последствиями, как это отчасти сознавал и сам Лейбниц⁴⁵⁰, нет никакой необходимой и причинной связи. Точно так же, если бы зло было неизбежно и необходимо по требованиям самого плана Божественного мироздания и в силу нашей ограниченности, то что же, спрашивается, должен сказать Лейбниц относительно того, хотя бы и краткого периода в истории человека, когда этот последний сохранял еще свое достоинство и повиновение Божественной воле, свое первобытное, блаженное и невинное состояние, характеризующееся полной и совершенной гармонией, которая тогда наполняла весь мир Божий до тех пор, пока нарушена была, к несчастью, грехом человека? Ужели до этого нарушения мировой гармонии, в тот "безвольный" — если можно так выра-

⁴⁵⁰ Theod., 21 и 30

зиться — и беспечальный период человеческой жизни, предание о котором с грустью хранят положительно все народы в рассказах о золотом веке, — ужели, спрашиваем, мир еще не был тогда наилучшим, так как в нем не было еще зла, а "все" было лишь "добро зело" по неотменному суду Самого Создателя? (Быт. I, 31). Очевидно, мнение Лейбница не может быть принято без отрицания факта падения человека и без отрицания очевидных следствий этого падения.

Ужели, можно еще спросить далее, должно назвать не наилучшим мир чисто духовный, ангельский, который оказывается возможным и без труда мыслится при полном отсутствии зла, хотя не при отсутствии свойственных всему тварному несовершенств и ограничений?⁴⁵¹ Не показывает ли это с очевидностью возможность подобного же состояния и для мира вещественного, ибо неестественно же думать, что господствующее в этом последнем зло обуславливает совершенство в состоянии мира духовного и что при необходимости зла в мире вещественном нет такой же необходимости для мира духовного, если тот и другой мир должны быть рассматриваемы как одно целое творение Божие, объединяясь, так сказать, в один «град Божий», населенный созданиями Его рук, начиная от высшего и совершеннейшего до низшего и простейшего по устройству природы и предназначению. Если самое понятие свободы требовало создать ее с возможностью падения, то почему именно на долю несчастного человека⁴⁵² выпало осуществление этой печальной возможности? Ответ на

⁴⁵¹ Бог «и во ангелах Своих усматривает нечто стропотное» (Иов. 4, 18)

⁴⁵² Соображение это получает особенную силу, если представить себе, что ко времени падения человека печальная возможность нарушения свободы была полнейшим образом осуществлена падением сатаны, и едва ли, конечно, могла быть еще какая-либо необходимость в ее повторении, если в понятии свободы должен был мыслиться хотя единичный случай ее нарушения.

этот вопрос может быть дан один: нужно же было на ком-нибудь видеть осуществление этой возможности. Но подобный ответ — совершенно в духе Лейбницевской теории — и недостойн Бога, и не удовлетворяет человека, а в том и в другом случае и крайне жесток по отношению к последнему.

Столько же несостоятельна попытка Лейбница оправдать свои взгляды на мир, как наилучший из возможных, предположением, будто зло вовсе не так и велико, чтобы на него стоило обращать внимание; в жизни людей несравненно больше существует добра, нежели зла, как несравненно больше домов, чем тюрем. «Я полагаю, — поясняет Лейбниц, — что надобно признать заблуждением историков, когда они обращают внимание более на зло, чем на добро»⁴⁵³. — Справедливо, конечно, что недостаток внимательности уменьшает иногда наши блага, как замечает Лейбниц, но справедливо думает он, что ошибаются, когда говорят, что бедствия велики и существуют в огромном числе. Спор о том, больше ли радостей или скорбей выпадает на долю человеческой жизни, ведется издавна, и в настоящее время особенно возбужден новейшими пессимистами — Шопенгауэром и Гартманом. И однако же вопрос этот не может быть решен надлежащим образом философским путем. Если обратиться к христианству, которому наиболее близок и доступен этот вопрос, то увидим, что оно равно чуждается пессимизма и оптимизма в жизни человеческой. Не отвергая прогресса человеческой жизни, оно допускает его однако в двояком направлении, как в отношении к добру, так и в отношении к злу. А отвергая при этом всякие хилиастические мечтания о земном рае, оно ожидает окончательного торжества добра над злом только при особенном содействии Божества. С другой стороны, христианство заключает в себе и все, что есть истинного в оптимизме и пессимизме.

⁴⁵³ Theod. II, 148.

Времена становятся все лучше, не в том смысле, чтобы последующее поколение делалось более добродетельным и более счастливым, а в том, что добро, даже при отдельных неудачах, приходит все к более полному развитию и сознанию посредством поступательного развития культуры, образования и опыта, обеспечивающих верный и неизменный прогресс, получает все большее разнообразие в средствах и возможностях для своего проявления. Времена становятся хуже, насколько зло, также при отдельных поражениях и неудачах, достигает все большего развития и получает все более умственный характер, приобретая себе в культуре и образовании новые более острые оружия для нравственного унижения, расслабления и изнеживания человека.

Что касается Лейбница, то его мысль о решительном и полном преобладании добра над злом уже теперь не может быть ни на опыте достаточно обоснована, ни соглашена с вышеупомянутым воззрением христианства. Он голословно ссылается в подтверждение своей мысли лишь на возможность того, что все солнца населены счастливыми созданиями и что беспредельное пространство, окружающее область звезд, может быть наполнено блаженством и славой. Но все подобные предположения, очевидно, не имеют никакой научной или философской ценности: все они примыкают уже к области ни на чем прочном не основанных гаданий игривого фантазерства, не говоря уже о том, что эти гадания и не достигают той цели, для которой изобретаются, да и вообще ни к чему не ведут и нимало не успокаивают злостраждущего сердца. Как бы то ни было, и одно пятно не может не портить всю картину, и тем более чем эта картина сама в себе изящнее и ценнее. Человек (отдадим ему справедливость!) столько же эгоистичен в страданиях, как и в удовольствиях, и в облегчение его страданий указывать ему на то, что "где-то", да еще "может быть" все наполнено блаженством и

славою, столько же нерационально и жестоко, как — не давая напиться смертельно жаждущему, показывать ему лишь издали воду.

Никогда не возможно примирить его с мыслию о необходимости, а тем более полезности и нормальности зла и страданий, действуя на его ум лишь холодными философско-теоретическими доводами, потому что не столько этот ум, сколько сердце его, созданное с любовью к добру и блаженству, находит в зле и страдании совершенное отрицание своих врожденных стремлений и, значит, убеждает в их ненормальности и бессмыслии. Столь же неубедительно и несостоятельно приводимое Лейбницем в доказательство несравненного превосходства добра над злом в количественном отношении сравнение: "больше домов, чем тюрем", — как не совсем точно было бы, хотя и гораздо ближе к истине, сказать, что, наоборот, или настолько же больше, чем добра, насколько простых домов больше, чем дворцов. Первое из этих сопоставлений (Лейбницево), при внимательном отношении к нему, несостоятельно уже в силу того, что дом и тюрьма далеко не находятся в строгом соотношении к состоянию и отношению своих обитателей. Если бы выделить в этом смысле из общего собрания домов истинно счастливые, благополучные, благоустроенные, а остальные без всякого нарушения законов справедливости сопричислить затем к тюрьмам, за преобладание в них всевозможных нестроений, злобы, несчастья и бедственной жизни, в каковом отношении многие тюрьмы уступили бы таким домам, — то оказалось бы после такой группировки, что аналогия Лейбница ведет к совершенно противоположному результату, чем какой он имел в виду при построении подобной аналогии; оказалось бы именно, что для выражения количественного отношения добра и зла в мире подходит более аналогия такого авторитетного в данном случае лица, как св. Григорий Богослов, который говорит: «В какой мере больше праха нежели золота, в та-

кой же и порочные многочисленнее добродетельных: и злые превосходят числом добрых» (Похв. дев. V, 59).

Ясно, что с большим, чем Лейбниц, правом можем утверждать мы, предполагая изменить его аналогию в том смысле, что зла на столько же больше, чем добра, на сколько простых домов более, чем дворцов. Та же мысль следует из опровержения неудачных попыток Лейбница доказать свою предвзятую мысль о превосходстве добра богословскими соображениями. Зло потому уже может допущено, говорит Лейбниц, что оно часто служит причиной добра, которое совершенно не произошло бы без этого зла. Часто даже двойное зло дает бытие одному великому добру⁴⁵⁴. Мудрость показывает Богу наилучшее употребление, какое только можно сделать из Его большой благостью: вытекающее отсюда зло есть неизбежное следствие наилучшего. Лейбниц обещает сказать нам даже нечто более поразительное: «допускать зло, говорит он, как допускает его Бог, это значит — проявлять наибольшую доброту». «Без допущения греха добро не было бы так велико; может быть, не последовало бы тогда и искупления». «Мы должны помнить, что по поводу греха (*felix culpa*) стяжали самого Иисуса Христа»⁴⁵⁵ и что «где умножается грех, там преизбыточествует за то и благодать» (Рим. V, 20).

Мысль Лейбница о том, что Бог допускает зло для умножения добра, нельзя назвать состоятельной. И, во-первых, здесь поражает своею странностью самое положение, что Бог допускает зло для извлечения из него добра, причем добро является как бы следствием зла, а зло — причиной и источником добра; в данном случае, очевидно, мы имеем дело с *contradictio in adjecto* уже в самом корне этого положения, недостойного Бога и противного разуму и сердцу человека. Нет

⁴⁵⁴ Theod. I, 10.

⁴⁵⁵ Theod. II, 121.

никакого основания, да и в высшей степени унизи-тельно для Бога полагать и утверждать, что Он по чрезвычайному своему могуществу извлекает из допущения грехов большее благо, чем какие могли бы произойти без грехов, и что вообще последствия действий, при которых существовал грех могли быть и действительно были, как добавляет Лейбниц, лучшими, чем какими могли быть эти последствия без существования греха. Все это очевидно не более как измышление одной фантазии, и притом так дерзко и самоуверенно претендующей на уразумение непостижимых судеб Божиих. Собственно говоря, Лейбниц по этой же причине не в состоянии никогда доказать уже той своей основной мысли, почему допускаемый и им возможный мир без греха и страданий не может считаться наилучшим сравнительно с существующим и называемым им единственно наилучшим. Эта тайна Божественного Разума должна заставить замолкнуть человеческую пытливость и пессимистическое воззрение, по которому этот мир не наилучший (вопреки основной мысли Теодицеи), столько же бездоказательно, хотя не столько же и ложно, по крайней мере, фактически, как и оптимистическое с указанной точки зрения. Одно лишь только достоверно для нас в том и другом случае, как фактически, так и рационально, что Милосердый Бог силою Своего Всемогущества и Премудрости извлекает из существующего зла такое добро, которое способно превышать безмерно и парализовать вредные влияния зла. Но мы не знаем, не можем представить и не смеем утверждать, что способно было бы измыслить и даровать нам Божественное всемогущество и беспредельная благость, при отсутствии всяких препятствий с нашей стороны, требующих предварительного их устранения и особого приспособления, — не имея нужды пользоваться злом как поводом или даже орудием для сообщения нам своих благ, а, так сказать, имея возможность непосредственно испол-

нять и напаять ими Свои творения. Мы верим, что искупление даровало нам гораздо больше, чем лишило наше падение, и что в этом случае действительно *felix culpa*, даровавшего нам Такого Избавителя от нее. Но мы не знаем, не изыскала ли бы Божественная мудрость и благость иного, не менее премудрого и удивительного средства сообщить нам эти и подобные и несравненно большие блага, если бы наше положение не требовало — подвергать истощанию вочеловечившееся Слово Божие и понудить Богочеловека к подъятию на Себя и перенесению столь ужасных, невыразимых страданий Креста, чтобы победою смерти Его даровать нам жизнь; одним словом, если бы наше положение не представляло никаких препятствий к излианию на нас Божественных благ. Не естественно ли и не вполне ли достойно Бога предположить, что если, оказавшись врагами Божьими, мы удостоены от Него таких благ, то ужели, оставаясь верными и послушными Ему, удостоились бы меньших, а не гораздо больших? Если бы Адам не согрешил, ужели не был бы дарован нам и Иисус Христос? Напротив, вочеловечение Бога в лице Христа, внутреннейшее проникновение человечества Божеством в Богочеловеке, бесконечные слава и красота, явившиеся вследствие личного соединения Божества с человечеством, общение всего рода человеческого чрез Иисуса Христа, как своего Главу с Богом, твари с Творцом, — все это открывает источник столь высочайшего достоинства, благодати и блаженства тварей, залог совершенства всего мира, представляет настолько величественный план и дело, совершенно достойное Бога, что трудно согласиться, чтобы пришествие сына Божия на землю было делом случайным, вызванным грехом Адама, а не определением изначального Божественного плана. Грех человека, очевидно, мог сделать только то, что тайна "завершения" мира изменилась в деле воплощения в тайну "искупления". Это таинство — венец и совершенство всего

естественного и сверхъестественного порядка вещей, а отнюдь не следствие собственного греха Адамова; и мы совершенно вправе вообразить, что если искупление дало нам несравненно больше, чем падение, то с еще большею щедростью излиты были бы на нас Божественные блага в том случае, если бы мы не осуществили возможности греха, каковая возможность, конечно, не была скрытою необходимостью, как готов заявить это и сам Лейбниц.

Преувеличивая чрезмерно количество в мире добра, Лейбниц намеренно незаконно и настойчиво умаляет остроту и количество зла. «Немножко кислоты, остроты и горечи часто нравятся нам больше сахара»⁴⁵⁶, — говорит он. Тени "усиливают" цвета и даже музыкальное "разногласие" в должном месте "рельефнее" представляет "гармонию". Нам нравятся трагедии, почти заставляющие нас плакать. Особенно неудачно, поспешим заметить прежде всего, это последнее сравнение Лейбница. Большая разница — лишь "смотреть" трагедию, или даже "разыгрывать", и действительно "переживать" ее в жизни. А состояние или положение человека в мире скорее и есть именно не "созерцание" трагедии, а "переживание" ее, и даже не то переживание, какое могут воспроизводить на себе искусные актеры, с необыкновенною живостью увлекая к подобному переживанию известной трагедии и своих зрителей; нет, это сама действительная, исполненная глубокого реального, сильного и живейшего трагизма жизнь, от колыбели до могилы. Говорить, что этот трагизм реальной жизни может и должен "нравиться" как трагедия, заставляющая плакать, значит, никогда, по совести говоря, не страдать самому по-человечески и иметь слишком уродливые, легкомысленные, безучастно-дикие понятия о человеческой чувствительности к "трагическому" в жизни. Известно, что только низшие животные чувст-

⁴⁵⁶ Theod. I, 12.

вуют страдания в самой слабой степени; у человека же они достигают самой высшей, и притом чем он развитее, тем сознательнее, острее и глубже и его страдания, так что тот, в ком живет гений, по справедливости страдает больше всех. Вот почему именно на гении лежит, как существенный признак, постоянная печать меланхолии; на этом основано глубоко-мысленное изречение: «*qui auget scientiam, auget et dolorem*» (Есcl. 1, 18)⁴⁵⁷. Пример Иисуса Христа, Которого как-то оскорбительно даже и представить смею-щимся, но Который весьма часто изображается плачущим, — прекрасная и совершенная иллюстрация мысли Шопенгауэра. Он же наглядно убеждает в преобладании зла над добром, страдания над удовольствием, когда предлагает сравнить чувства, какие испытывают в одно и то же время животное "пожирающее" и животное "пожираемое"; подобных поразительных сравнений придумано и высказано в свое время множество (удовольствие табакура и страдания работающих на табачных фабриках; роскошь богача и муки его угнетаемых нуждою поставщиков; наслаждение охотника и страдания раненного им животного и осиротевших детенышей и др.); и на основании всех таких примеров и сравнений действительно нельзя не согласиться, что количество и степень страданий далеко не уравнивается количеством и степенью удовольствия. «Если провести упорнейшего оптимиста по больницам, лазаретам и тюрьмам, комнатам пыток и невольничьим хлевам, чрез поля сражений и места казней, затем раскрыть пред ним все мрачные обители нищеты, куда она заползает от взоров холодного любопытства, то он бы напоследок убедился, какого рода этот лучший из миров? Откуда же иначе Данте взял материал для своего ада, как не из нашего действительного мира? И тем не менее вышел очень изрядный ад! Напротив, когда он дошел до задачи

⁴⁵⁷ «Умножающий знание умножает и скорбь».

изобразить небо и его блаженство, перед ним оказалось непреодолимое затруднение, именно потому, что наш мир не дает материала ни для чего подобного»⁴⁵⁸.

Более мягко, умеренно и более справедливо выражает, по отношению к человеку, эту же мысль Св. Григорий Богослов. Указав на некоторые роды неразумных тварей, тотчас же по своему рождению начинающих жизнь, полную беззаботности, резвости, здоровья, красоты, силы и довольства — беспечально и бестрепетно испускающих последнее дыхание, без плачевных песней и выражений горести; — он невольно затем восклицает: «посмотри же на жалкий человеческий род! Тогда и сам скажешь с стихотворцем (Гомер, Одиссея 18, 130): нет ничего немощнее человека!» (Сл. 11-е). Вся жизнь его, — от первого младенчески-плачевного крика, коим он сразу же спешит заявить о своем страдании в этом мире, до последнего предсмертного вздоха, — представляет одно сплошное страдание, на поле которого радости рассыпаны только лишь кой-где, как мелкие звезды на необозримом фоне темного неба. Да, человек страдает, и страдает много! Пищу этим его страданиям дает все окружающее, все в нем находящееся, все ему принадлежащее и его отличающее. Каждое его стремление, каждая врожденная потребность и способность готовит ему свое зло и страдание. Повсюду его окружает, везде ему встретится резко бьющая в глаза нищета, мучительная тревога за недостаточно обеспеченное существование и страх бедности, врожденное или приобретенное уродство и слабость, тяжкая и изнурительная продолжительная болезнь, стеснение бессмысленными порядками и установлениями; везде взор наш неприятно поражают всевозможные лишения, огорчения и жестокие разочарования от неудавшихся предприятий, обманутых идеальных стремлений и усилий, не знающая снисхо-

⁴⁵⁸ Шопенгауэр. Мир, как воля и представление. I, 59.

ждения жестокость и вопиющая несправедливость сильных мира сего, наряду с безнаказанностью самых бесчестных и возмутительно-наглых поступков; — тяжесть труда, недостаток работы, скудость вознаграждения, неблагодарность, зависть и черная клевета, и как результат всего вышеизложенного — горькие жалобы на судьбу, всеобщая тоска и недовольство жизнью, делающие ее невыносимой. Успехи современной цивилизации, расширяя все более и более круг наших потребностей и стремлений, только служат к большему усилению этого недовольства, порождая новые неизведанные и обостряя обычные и неизбежные разочарования. И при такой-то невзрачной перспективе, открывающейся человеку со всех сторон окружающей его действительности, напрасно стал бы он искать отрады и успокоения взору в светлых картинах расстилающейся пред ним природы. И эта охватывает его не менее острым и едким чадом разрушения! Каждую минуту и здесь сладкое его забытие будут нарушать не менее мрачные картины в виде опустошительных бурь, градобитий, неурожаев и голода, наводнений и землетрясений, моровых поветрий и войн со всеми их ужасами, и другие всевозможные вредные и разрушительные влияния и действия стихий и мировых явлений, каждое из которых несет в себе смерть, и смерть всюду вторгающуюся, всему мешающую, все прерывающую и разрушающую по своему капризу.

«Представьте себе толпу людей в цепях, приговоренных к смерти; каждый день некоторые из них умерщвляются на глазах остальных; эти видят свое собственное положение в положении им подобных и с чувством скорби и безнадежности ждут своей очереди. Вот картина положения человечества»⁴⁵⁹. И надо иметь крайне закоренелый эгоизм, странное самодовольство и обольщенное легкомыслие, чтобы безмолвствовать и не

⁴⁵⁹ Паскаль.

содрогаться при виде всего этого. Подобную же картину возможных нестроений, зла и страданий представляет внутренний мир самого человека со всеми его способностями, силами потребностями и стремлениями. В этом, поистине, "микрোকосме", с совершеннейшей точностью и полнотою воспроизводящем все разрушительные действия и проявления общемирового зла, острота последнего тем чувствительнее, что сосредоточивается в одном нераздельном субъекте, объединяется в одном индивидуальном сознании и чувстве. Что же именно находим мы здесь? — наряду с более или менее значительными и заметными, бесспорно, благами, ценность которых, впрочем, узнается лишь по их потере и которые делают жизнь сносной и отчасти даже приятной, — во всем остальном и здесь мы также находим много ненормального, прискорбного и разрушительного. Нет возможности и представить себе, сколько кроется здесь нищеты, расслабления, пагубных заблуждений и суеверий, проявлений грубости и зверства, нравственного и умственного оцепенения, вульгарности, пошлости, мелочности, низости, и притом в самых лучших иногда наших привязанностях и стремлениях; — сколько сокрушений сердечных, печали и безысходной тоски, скуки и мучительных угрызений совести; — сколько мук от сознания бессилия своих желаний, а часто даже от "бессилия желать" того, чего бы хотелось и нужно было бы желать! Все это — столько же страдания в собственном смысле — зло физическое, сколько в то же время зло и плоды зла нравственного, зла по преимуществу, на которое не любят обращать должного внимания, которое не смеют назвать действительным его именем, которое всячески умаляют, скрывают, оправдывают и которое есть одно подлинное зло, самый источник зла, не заблуждение, не несовершенство, не невежество, не несчастье, а преступление, грех, смерть духа, нагляднейшее и совершеннейшее выражение какой представляют нередкие случаи — полного одичания человека и

ниспадения его на степень хищного зверя, срывающего цепи своих оков. Но ничто так не убеждает в ненормальности настоящего состояния мира и в несомненности проникающего его зла, как смерть. Ее трепещут и бегут все живые существа; присущий последним и столь могучий инстинкт самосохранения и борьбы за существование есть не что иное, как живое воплощение ужаса пред ненормальностью смерти. И несмотря на это, мир живых существ, от червя до человека, весь представляет из себя как бы исключительное царство зла, насилия, борьбы, вражды, смерти и уничтожения. Насекомые, пресмыкающиеся и животные, точно следуя какому-то странному закону взаимного самоистребления, поглощают и уничтожают друг друга самым беспощадным образом, и не только с целью поддержать свое существование, но чаще всего только потому лишь, что они обладают силою уничтожать слабейшие и беззащитные существа. Интересно то, что сама природа содействует осуществлению этого неумолимого закона, наделяя животных, наряду с хищническим кровожадным инстинктом, — сильными мускулами, зубами, когтями, клювом, ядом, рогами и т. п. средствами, совершеннейшим образом приспособленными к борьбе и взаимоистреблению. Что же касается человека, то в высшей степени изумительно, что его интеллектуальность, это отличительное его преимущество и совершенство пред животными, по справедливости делает царя природы и кровожаднейшим из всех животных. Его одежда, обувь, прихотливая роскошь и обстановка жизни, которыми он любит окружать себя, все зиждется обыкновенно на тысячах смертей всевозможных животных, чаще всего наиболее невинных, беззащитных и безвреднейших из них, имевших несчастье привлечь на себя внимание своего царя-тирана изяществом, красотою и др. качествами, затрагивающими его причудливые прихоти. Обладая неистощимою изобретательностью в устройении орудий и изыскании средств для борь-

бы с жизнью и силою, он убивает и для удовлетворения голода, и для одежды, и для обуви, и, нападая и защищаясь, в интересах науки и для забавы, иногда и чаще всего просто потому, что хочет и может убивать. Обнаруживая тот же кровожадный инстинкт в отношении к себе подобным, он причинением зла превосходит, можно сказать, в этом случае злейших и наиболее хищных зверей. Между последними почти немыслимы, по крайней мере, не столь распространены такие виды зла, как отцеубийство, матереубийство, детоубийство, братоубийство, самоубийство, самораствление и т. п. Если, таким образом, не стоять в ряду тех людей, которые легко мирятся со страданиями других и громко кричат, лишь когда страдают сами, то мы вынуждены будем открыто признать, что существуют острые, жестокие и мучительные страдания, крайне тяжелые и безотрадные состояния, недуги и болезни, которым иногда не бывает другого и конца. Кроме смерти, — существует и вокруг нас, и внутри нас — везде зло, как факт всемирный и вечный, всеобщий и непобедимый, хотя случайный и не необходимый. Только крайнею наивностью можно объяснить то, что философы в своих системах остаются к нему равнодушными, почти не обращая на него внимания, и если иногда замечая его, то говоря о нем лишь как о какой-нибудь вещи, но не чувствуя в достаточной мере ни его реальности, ни его глубины. Самые чистые, самые возвышенные радости, какие выпадают на долю человека и на которые любят ссылаться наивные оптимисты, срастворены горечью зла и страдания, чувства неудовлетворенности и недостатка. Когда Пастеру говорили о тех радостях, которые должен был ему доставлять открытый и исследованный им мир бесконечно малых существ, то он возражал: «говорите лучше о чувстве моего неведения, которое усиливается у меня с каждым шагом вперед в этом неизвестном мире: я почти ничего не знаю, и со всех сторон окружен тайною!»

Придерживаясь этих неопровержимых и очевидных фактов и не склоняясь ни на сторону наивного оптимизма, ни на сторону неумеренного пессимизма, мы должны сказать, однако, что наличное состояние человека и мира более бедственно, более зло, чем счастье и добро, хотя и не безусловно.

Не задаваясь намерением давать новую Теодицею, взамен столько несостоятельной Лейбницевской, сделаем лишь попытку найти то, что есть для нее "готового" в Слове Божиим, руководствуясь которым, есть возможность ясно, точно и полно разрешить все недоумения, затруднившие Лейбница и, вместо действительной Теодицеи, то есть оправдания Бога, на самом деле заставившие лишь обвинить Его в целесообразности будто бы допущенного Им зла.

Священный писатель книги Бытия мира и человека повествует нам, что, вызывая от ничтожества к бытию разные существа и стихии мира своим мощным творческим *«да будет!»* — Создатель всякий раз, как пред Ним восставали из бездн небытия послушные Его велению твари, произносил над ними Свой твердый и правый суд одним неизменным одобрением: *«добро»*. И когда затем Он ввел в окончательно благоустроенный и всецело одобренный Им мир последнее и наилучшее украшение оного — венец всех творений Своих — человека, то подтвердил все прежние частные одобрения относительно каждого в отдельности из своих творений — общим и полным одобрением *«всех дел руку Свою»* в совокупности: *«виде Бог вся елика сотвори, и се вся добра зело!»* (Быт. 1, 31). Не было надобности тем же порядком и в подобной же форме поправлять это суждение о мире после того, как состояние последнего уже не стало соответствовать ему, вследствие печального факта грехопадения человека, повествование о чем начинает омрачать священную историю Бытия уже на самых первых ее страницах. Это несоответствие именно было достаточно ясно само

собою уже из самого направления, какое приняла жизнь падшего человека и которое теперь пошло в разрыв и с намерениями Божьими, и с естественным предназначением и состоянием человека. Не только Книга Бытия, но и весь Ветхий Завет, с этой точки зрения, является не простосердечною идиллией, но глубоко поучительной повестью жестокой войны между добром и злом при их первом столкновении. Уже с самого момента падения первого человека начинается обуславливающий и питающий эту войну разлад в его коренных потребностях и стремлениях: произошла совершенная перестановка средств на место целей⁴⁶⁰, и естественные потребности удовлетворения и утоления своих нужд извратились в ненасытимые страсти чревоугодия и самообоготворения, которые сами в себе приобрели для человека значение цели, помимо и независимо от удовлетворения его естественных потребностей. Как прежде в нем было единственно сильно и живо желание и искание добра при совершенной неудобопреклонности ко злу, так и теперь, при неудободостижимости добра, непреодолимую силу возымели над ним противные добру влечения зла. Грех стал в человеке столь же живою, внутреннюю, природною, самовластною силою, какою ранее было для него лишь одно добро. Такое греховное состояние, впрочем, образовало в человеке хотя и действительное, но отнюдь не

⁴⁶⁰ Прекрасное выражение этой мысли находим у одного из христианских аскетов. «Бог, — говорит он, — не творил и не был виновником зла. Посему обманываются утверждающие, что некоторые страсти естественны в душе, не зная того, что похвальные свойства природы превратили мы в страсти. От природы в нас семя для чадородия, а мы превратили его в блуд; от природы раздражение на змия, но мы обратили оное на ближнего. Есть в нас ревность для соревнования в добродетели, а мы соревнуем во зле. Естественно душе желание славы, но горней. Естественно гордиться, но перед демонами. Получили мы от природы и памятозлобие, но против душевных врагов; получили и алкание пищи, но без невоздержности».

положительное какое-либо качество; грех поселился именно в нем, как нищета после расхищения. Как тьма после заката солнца, как смерть после исчезновения жизненных сил. Так как при этом природа человека органически неразрывна и неотлична телесною частью своею от природы всего остального мира, то понятно, и последний не мог остаться чуждым впитанной человеком заразы; и вот — начало всевозможных уклонений мира от своего естественного предназначения — служить человеку, источник всякого рода расстройств и ненормальностей, откуда уже все физические бедствия и зло!

Давая именно такое объяснение зла, Слово Божие, очевидно, нисколько не умаляет и не преувеличивает его количество и значение. Обращая взор человека на красоты творений и научая почерпать из их созерцания познание совершенств Творца, Слово Божие учит в то же время, что *«мир весь во зле лежит»*⁴⁶¹, *«все помышления человека — зло от юности его»*⁴⁶², *«никто же чист от скверны, аще и един день жития его на земли»*⁴⁶³, что *«все суета и крушение духа»*⁴⁶⁴, и что здешний мир есть *«юдоль плачевная»*⁴⁶⁵, мир тяжких трудов, бедствий, болезней, печали, всевозможных стеснений духа и тела, и что *«вся тварь совоздыхает»*⁴⁶⁶ этому ненормальному состоянию человека, хотя и в *«чаянии откровения славы сынов Божиих»*⁴⁶⁷. Напрасно было бы опасаться вместе с Лейбницем, что такое состояние мира, делающее его далеко не наилучшим из возможных, несогласно с понятием о всесовершенстве Творца. Выводимое из этого понятия совершенство мира не

⁴⁶¹ 1 Ин. 5, 19

⁴⁶² Быт. 8, 21.

⁴⁶³ Иов. 14, 4–5.

⁴⁶⁴ Еккл. 2, 26.

⁴⁶⁵ Пс. 83, 7

⁴⁶⁶ Рим. 8, 22.

⁴⁶⁷ Рим. 8, 19–21.

только не требует, чтобы при этом исключалась возможность и мыслимость всякого другого совершеннейшего мира, но обнаруживает и как раз обратное. Всесовершенство Божества прежде всего есть трансцендентальное по отношению к миру, субъективное свойство Божественной Сущности и, как бесконечное, ни в каком совершеннейшем создании не может быть исчерпано или им ограничено. И эта невозможность полного и адекватного осуществления Бесконечного в конечном, невозможность выражения в наилучшем и совершеннейшем из созданий, вытекающая из самого понятия Бесконечного, — очевидно, нисколько не умаляет совершенств этого Бесконечного, нисколько не унижает тем, если, вместо одного какого-либо самого совершеннейшего существа, Премудрость и Благость Божия творит различные, более или менее совершенные существа с бесконечно многими отражениями совершенств Творца.

Столь же мало нарушается всесовершенство Творца и тем предположением, что ныне существующий мир мог быть предначертан и не в качестве наилучшего, совершеннейшего из возможных. Сколько бы ни был совершенен этот предполагаемый наилучший из возможных миров, совершенство его, уже в силу не самобытности, всегда будет понятием относительным, но никогда — абсолютным. Иначе говоря, не в том состоит это совершенство мира, как и вообще совершенство всякой вещи, чтобы отражать как можно больше совершенств Творца и как можно в большей их степени, но в том, чтобы соответствовать такому или иному своему назначению, как оно определено свободным произволением Творца, утвердившего известное состояние бытия всецело от него зависящими законами и условиями. Человек несовершенен по сравнению с ангелом, но может быть вполне совершенен сам по себе, если ни в чем не нарушает законов и условий своего бытия, указывающих ему высшее его предназначение, хотя он

многих совершенств Своего Творца, строго говоря, не отражает совершенно, например, вездесущее, всеведение и др.

Точно так же и мир может отражать далеко не все, и не в возможно полной мере, совершенства Творца и, не будучи наилучшим из возможных, быть совершенным сам в себе, как целесообразно и разумно устроенное целое, достигающее своего назначения в той мере, какую предизбрала и предредила ему Воля Творца. В этом смысле мир есть наилучший, но не из возможных, а наилучший сам в себе, в отношении к общему своему плану, состоянию и предназначению, поскольку именно успешное осуществление этого предназначения обеспечивает управляющий всем Промысел Творца. Если таким образом, вопреки положению Лейбница, для настоящего мира вовсе не представляется никакой логической необходимости быть наилучшим из возможных, то понятно, соответствующее изменение и поправку следует ввести и во взгляд на природу, состояние и предназначение человечества, выражающего все содержание, достоинство и полноту бытия-мира. Таким изменением и поправкою будет тот, утверждающийся на данных опыта, разума и Слова Божия, — взгляд на человечество, какой находим в творениях христианских подвижников, творениях, являющихся результатом долгого, тщательного и серьезного самоуглубления и анализа человеческой души. По смыслу этого взгляда, человечество есть не что иное, как больной, страждущий застарелюю болезнью, хотя, к собственному несчастью, такой больной, который признает себя здоровым и которому нужны не здоровая пища и вкусные плоды, как бы оно ни желало их, но лекарства, и притом такие сильные и горькие, каковы страдания, которые при здоровом его состоянии были бы для него совершенно излишни.

С этой стороны можно, хотя и не в смысле Лейбница и собственно только по отношению к страданиям, ска-

зять, что Бог допускает существование зла в том именно смысле, что находит возможным, не уничтожая его вместе с свободой человека, подчинить это зло Своим неизменным о человеке намерениям, заставляет его служить Своим целям, осуществлению Своего вечного плана, который Он, однако, силен был осуществить с большею славою и совершенством для человека, если бы этот не уклонился в ненормальное для себя положение и не потребовал предварительно для своего уврачевания горьких и сильных лекарств, какими неизбежно должны служить для него различные скорби, болезни и страдания. И не потому Бог не уничтожает зла теперь, хотя и мог бы, что оно служит в руках Бога, как говорит Лейбниц, для извлечения из него добра, а потому единственно, что не хочет при этом лишить нас величайшего дара свободы быть добрыми и блаженными по подобию Творца, несмотря на то, что лишить этого дара нас после того, как мы не сумели воспользоваться им, как должно, отнюдь не было бы каким-либо новым и большим злом и несправедливостью, а только лишь не согласуется Благостью Божией, даровавшею нам свободу как непрременное условие всякого блага и существования духа и разума.

Оставляя человеку этот величайший дар и попуская ему свободную деятельность, даже и злую, Бог как бы добровольно ограничивает себя во всемогуществе и вездиприсутствии и, являясь совершенно безучастным к уклонениям нравственно-свободных существ, пресекает или направляет их к добрым последствиям, премудро согласует их с вечными планами мироправления, которые при отсутствии зла несколько бы не пострадали в их выполнении. Если бы при этом страдания и физическое зло сами в себе были необходимы по плану мироздания, то необходимым следовало бы также признать и грех или зло нравственное, служащее, по Лейбницу, единственным источником зла физического. Между тем, это также противно уче-

нию Слова Божия, которое трактует грех именно как нечто совершенно ненормальное. «Грех есть беззаконие» (1 Ин. 3, 4), то, что не должно бы быть и может не быть. «Всякий рожденный от Бога не согрешает» (1 Ин. 3, 4, 5, 18). Вот почему христиане призываются не к тому, чтобы "уменьшать" или "ослаблять" только зло, но чтобы "совершенно" "быть чуждыми" зла; их идеал: «Будьте совершенны якоже Отец Небесный» (Мф. 5, 48). Справедливо, конечно, что испытания, страдания и скорби могут способствовать совершенству человека и в этом случае Самим Богом посылаются иногда даже Его любящим; но в данном случае ясно само собою, что добро не в самых страданиях и скорбях, ужас пред которыми был естественен даже в Божечеловеке, добро здесь именно в мужественных проявлениях духа, в подвигах его борьбы со злом, в которых он хотя бы и мог, но не умел, то есть не хотел обнаружить во всецелом подчинении добру и нравственном преуспевании от лучшего к лучшему. Так, зло не мыслится необходимым; и непременно осуществляемая, скрытая необходимость зла в понятии свободы воли — клевета на ее Даровавшего по Своей Благости и на ее испытующее Божественное Правосудие. Если бы грех и нравственное зло точно проистекали бы из несовершенств человеческой природы, при условиях ее тварности и ограниченности, то что же возбраняет нам отдаться греху, извиняя его природною неизбежностью; что воспрепятствует нам установить его полную невменяемость, как явления необходимого и непреодолимого? Не есть ли совесть с ее угрызениями лишь самообман нашего сознания? А постоянные, то грозновнушительные и повелительные, то мягко-ласкающие и убеждающие обращения Любвеобильного Бога к грешной человеческой совести, примеры каких рассыпаны на каждой странице Слова Божия, не суть ли в таком случае суд Бога над Самим Собою; над неудачным и несовершенным делом рук Своих, над несовер-

шенными по Его вине людьми, с которыми Он состоит в чисто деспотических отношениях?..

Нет, как ни свывается сердце со страданиями здешней жизни, как ни сродняется иногда с ними, находя даже в них самих утешение, но оно никогда не признает их нормальным явлением; и уже те первые усилия, которые в борьбе со страданием нередко многих несчастных страдальцев вынуждают искать единственного выхода и утешения себе в уничтожении жизни, — говорят решительно против зла и страдания, как нормального будто бы явления. Если бы оно было бы нормальным и если бы действительно происходило из свойственной человеку ограниченности и несовершенств его природы, то позволительно спросить, что за причина, что это нормальное явление далеко не для всех нормально в одинаковой мере и притом так (замечательное явление!), что большая ненормальность, большая ограниченность и недостатки в духовно-физической природе отдельных личностей — далеко не всегда и не безусловно сопровождаются соответствующими же большими степенями греховности и страданиями. Общеизвестные вульгарные пословицы: «Дуракам счастье» и «Кривда правде глаза выколет» — составляют в этом отношении и общеизвестные, чаще всего наблюдаемые факты, вполне подтверждающие только что высказанную мысль.

Согласно с основным воззрением Лейбница, зло физическое, то есть страдания, бедствия — есть лишь неизбежно следствие зла нравственного (III, 241) или другими словами, — в нравственном зле должно искать коренной причины существования зла физического. Это воззрение столько же опытное, научное, философское, сколько в то же время и Откровенное. Действительно, связь между обоими видами зла непосредственная, очевидная и строго последовательная. Из пророческой речи Господа о последних днях мира видно, что тогда с умножением беззаконий в такой же мере умно-

жатся страшные физические бедствия. Но когда Лейбниц решается не без натяжек производить от зла добро, то, очевидно, смешивает в данном случае повод с причиной и орудием, хотя и отрещивается от подобного смещения в принципе.

Бог создал человека для блаженства, а не для страдания, и для блаженства не чрез страдания. Творец со Своей стороны не виновен ни в одном человеческом вздохе, ни в одной слезе, проливаемой нами под гнетом бесчисленных скорбей и бедствий. Труды, болезни, скорби суть естественные следствия человеческого греха, следовательно, дело человеческой свободы, а не Божия устройства. Значение и цель всех наших лишений, скорбей и бедствий чисто отрицательного характера — очищение и уврачевание души от греховных язв и страстей; следовательно, не Бог виновен в наших страданиях, а наша собственная греховность, так же как не врач виноват, когда дает горькое врачевство или делает болезненное прижигание, а болезнь больного, требующая этих средств.

Таковы данные для Теодицеи, или оправдания Бога, в Слове Божиим. И если ко всему этому нужно дать метафизическое и философское понимание зла, то определим его так: сущность зла в том именно и заключается, что оно лишено смысла, не естественно, что оно не имеет никакого основания. Происхождение и существование зла и бедствий в мире есть тайна для нашего разума, но тайна, в которой загадка человеческой жизни с ее страданиями и борьбою находит свое единственное разъяснение. Это тайна непонятная, но без нее человек с его деятельностью был бы еще более непонятен!..⁴⁶⁸

⁴⁶⁸ Вера и разум. Журнал Богословско-философский. Харьков, 1905. № 2.

Маленькие монахи

Недавно мне привелось быть в одной из обширнейших общежительных школ (Моложевской), находящейся при Вировской⁴⁶⁹ женской обители в Западном крае.

Огромное, просторное, светлое, только что отстроенное здание школы производило в высшей степени отрадное впечатление, какое способны произвести немногие из наших духовных семинарий, училищ и даже гимназий. Но еще более приятно и неожиданно было впечатление, произведенное внутреннею жизнью школы, ее замечательною дисциплиною, строгим порядком во всем и образцовою церковностью.

Огромные толпы детей окружили нас, когда мы вступили в парадные двери. Какие это были жизнерадостные, довольные, милые ребятки! Как приветливо вперились они своими чистыми светлыми глазками в неведомых им пришельцев, не прячась от них по углам, не дичась нисколько их, как сделали бы другие школьники. Как дружно, громко, весело воскликнули они, выждав, когда мы перекрестились на св<атые> иконы: "Благословите батюшка! Благословите, матушка!" (последнее воззвание было к игуменье монастыря, лично сопровождавшей нас).

Ответив на привет деток, мы пошли по всем помещениям школы и в одном из них были утешены общим пением всех детей, составивших могучий, дивный и невиданно-стройный для школы хор. В составе самих учащихся были все необходимые голоса, так как школа дает воспитание и образование в возрасте от 8 и даже до 17 лет, когда детские голоса (дисканты и альты) уже формируются в мужские (басы и тенора). Пели много и пе-

⁴⁶⁹ В Седлецкой губернии, в двадцати двух верстах от уездного города Соколов при деревне Вирове. Основана в 1894 году монахинями из Леснинского монастыря.

ли весьма хорошо, пели церковное, пели из местной любимой народной книги "Богогласника", декламировали стихотворения, рассказывали их в лицах и т<ому> под<обное>. Затем нас пригласили посмотреть на обед детей в их трапезной зале. Три или четыре длинных стола, чисто и просто сделанных, без скатертей и прочих затей, были уставлены порциями хлеба, соли, питья, ложками. Дети без шума и толкотни занимали свои места, как в монастыре, ожидая условного знака к молитве. По водворении общего порядка последовал знак, и дети дружно и чинно пропели по-монастырски все последование, полагаемое пред трапезой. Затем все сели, и особые дежурные из мальчиков в белых чистых фартуках чинно отправились за мисками с кушаньем. Скоро столы стали наполняться мисками, но нам сразу бросилось в глаза, что ни одна рука к ним не протягивалась. Я обратил на это внимание матушки игуменьи и хотел даже сказать, чтобы — кому подано, приступали к обеду, как был остановлен заявлением матушки, что дети приучены выжидать и не приступать к пище до тех пор, пока все миски не водворятся на своих местах. К обеду приступают одновременно, вследствие чего не бывает ни торопливости одних, ни запаздывания других. Такая благовоспитанность невольно заставила меня припомнить, как, бывало, обедали мы в духовных семинарии и училище. Боже мой! Это был какой-то спорт торопливости и объедания одних в ущерб другим. А здесь — такая тонкость и деликатность!..

Но еще более не в пользу наших духовно-учебных рассадников просвещения, носящих столь незаслуженное громкое наименование школ, готовящих к пастырству, — была следующая особенность обеда. Когда еще дети кончали предобеденную молитву, я подумал в молитвенной тишине: "Какая пойдет сейчас трескотня деревянными массивными ложками и мисками, какой шум и суета такого множества детей?!" Ничуть не бы-

вало... Кончилась молитва, и дети сели, как статуи, соблюдая благоговейную молитвенную чисто-монастырскую тишину и благовоспитанность... В тот же момент особый дежурный приблизился к аналойчику, стоявшему среди столов, и внятнм звонким голосом начал чтение жития дневного святого, точь-в-точь как в монастыре, с тою разве разницею, что и в монастырях многих от этого чтения ничего не остается у слушателей за невнятностью читаемого и за необузданным шумом обедающих, а здесь — обедающие услышали сами, и никто никому не мешал слушать. "Господи!" — подумал я с болью сердца опять о наших духовно-учебных заведениях, готовящих пастырей Церкви... "А как обедают в этих духовно-учебных заведениях, которые теперь так силятся сбросить последнюю узду, сдерживающую их на пути к окончательному разложению и отпадению от устоев церковности всякими автономиями и изгнанием монашествующих начальников!.. А ведь вот здесь умели же эти монашествующие и недуховную школу поставить на такой надежный и отрадный путь, обеспечивающий воспитательную сторону дела наилучшим образом"...

Кончился обед, состоящий всего из двух просто, но необычайно вкусно приготовленных блюд. Дежурные собрали посуду, остатки хлеба, вытерли столы начисто, и дети пропели опять по-монастырски послеобеденную молитву. Затем, без всяких подсказок, обратились — как по команде — дружно и расторопно в нашу сторону и, сделав глубокий поклон, возгласили в благодарность игуменье: "Спаси Господи, матушка!"

Я имел множество случаев увериться тут же на месте, что все подобные особенности воспитания Моложевских детей отнюдь не захватывали их лишь вскользь, как в тех же опять наших духовных школах, не оставляя на питомцах никакого следа или даже действуя совсем в обратную сторону. Здесь, наоборот, воспитание преобразовывало всю душу мальчика, навсегда заявляя

себя в каждом проявлении его души во всей его последующей жизни. Я встречал немало бывших питомцев Моложевской школы. Все они с заметным уважением относились ко мне, совершенно неведомому для них пастырю, при встрече снимали шапку и подходили к благословию, или, если последнее почему-либо не представлялось возможности получить, провозглашали по-монастырски с поклоном: "Благословите, батюшка!" Затем, все носили какой-то особенный неуловимый отпечаток скромности, серьезности, трудолюбия, добросовестности и рассудительного отношения ко всевозможным случаям жизни и, вообще, истинной христианственности, — свойства, которых более всего недостает опять-таки нашим современным духовным школам с более иногда чем на половину малoverующими преподавателями и воспитателями во главе⁴⁷⁰.

Как "воспитывается" неблаговоспитанность

"Не то важно, чтобы родить, а то важно, чтобы воспитать", — говорит одно из прекраснейших изречений народной мудрости.

Воспитание есть священнодействие женщины, дело ее спасения, дело Божие, которое, так сказать, составляет послушание ее жизни. Вот почему паче всех потрудившийся из Апостолов Христовых — Павел великую святую истину изрек, сказав: "жена спасется чадородия ради" (Тим. 2, 15), имея в виду именно воспитание детей, которое сама природа женщины не позволяет отделять от чадородия. Отчасти этим же объясняется то, что "воспитание" мы привыкли понимать в положительном, хорошем смысле этого слова.

⁴⁷⁰ Божия Нива. 1906. № 51.

Сказать просто: "он получил воспитание" — значит: он воспитан хорошо, или он — примерно благовоспитанный человек. И, наоборот, когда говорят "человек без воспитания, — не получивший воспитания", это значит: крайне испорченный, безнравственный, неисправимый человек. Правильнее, однако, сказать, что и этот последний тоже получил воспитание, только воспитание неправильное, ненормальное, извращенное. Тем самым, что кто-либо в свое время не получил надлежащего, правильного хорошего воспитания, он уже обречен был на приучение, и тоже, так сказать, "воспитание" ко всему, что подходит под понятие "неблаговоспитанности". "Без руля и без ветрил" в том возрасте, когда это особенно важно и нужно, без всякого надзора и руководства человек, хотя бы и всецело предоставленный самому себе, получает такое или иное "воспитание", предопределяющее в нем все последующие изъяны и уродства неблаговоспитанности.

По существу и целям или результатам своим воспитание вообще есть столько же положительное обогащение души человека нравственными качествами, сколько и предупреждение развития в нем отрицательных нравственных задатков и недостатков. Душа человеческая в состоянии заражения прародительским наследием — в самых ранних стадиях своего развития носит в себе и проявляет злые качества наравне с добрыми. Каприз младенца, безпричинные слезы, тот деспотизм, которым иногда младенцы буквально тираният безхарактерных родителей — все это зачатки будущих отрицательных злых качеств, не "воспитанные" еще теми или другими влияниями, а так сказать, самобытно и без всяких воздействий со стороны других изливающиеся из души ребенка и заявляющие о необходимости самого тщательного их перевоспитания. *Св<ятая>* Церковь глубоко психологично и педагогично установила приводить детей к первой исповеди в 6–7-летнем

возрасте. К этому времени, наравне с надлежащим раскрытием сознания, ясно очерчивается большинство будущих изъянов воспитания. Вместе с этим как бы указывается и для родителей наступление такой стадии в развитии ребенка, когда на совести его воспитателей ложится строжайший долг ответственности за все, что не будет предупреждено в этом возрасте самым тщательным уходом и "воспитанием". Самые ничтожные, по-видимому, мелочи здесь иногда развиваются в печальнейшие последствия. Воспитание есть упорная борьба за преобладание добрых сторон человека над дурными, предполагающая навык в быстром и верном различении добра и зла и твердую волю в выборе и предпочтении первого.

Большинство ошибок воспитания вытекает из неумения различать добро и зло в самых первых и глубоких зачатках в душе младенца. Это неумение в большой мере присуще большинству родителей, особенно средних и низших классов общества, а также людям, которые при теоретически высоких понятиях о воспитании не усвоили практически всей чуткости и осторожности в важных вопросах воспитания. Примеров в пояснение этого можно бы привести множество. Я сам попался однажды на упомянутой непрактичности, за которую — к величайшей пользе для меня — тут же и поплатился выслушанием надлежащего внушения, раскрывшего предо мною сразу целый мир строгой благовоспитанности.

В гостях у одного знакомого сидел я рядом с его дочерью — девочкой 3–4 лет. Все пили чай, беседовали... Я, любя детей, больше балагурил с девочкой. Во время этого балагурства я по своей, как оказалось, неблаговоспитанности, не спросив позволения родителей девочки, предложил ей взять конфетку из близлежащей коробочки. Девочка тотчас же посрамила меня своей благовоспитанностью — отказалась, сказав, что "мама не позволяет есть сладкого!" — "А она не увидит!" —

продолжал соблазнять я, желая непременно доставить приятное ребенку... — "Что вы делаете?! — вдруг слышу я с другой стороны... — Вы учите ребенка лгать, обманывать, таиться, скрытничать, лицемерить"; и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>!!! Все это было так верно, так заслуженно и так убедительно, что от дальнейшей достойной казни я избавился лишь смиренно-искренним сознанием своего греха по неопытности и только недоумевал, как это я сам не мог рассуждать так раньше?

Упрек, справедливо полученный мною за свою неблагоприятность, сослужил мне великую службу, так что до сих пор не могу не вспоминать с благодарностью особу, меня вразумившую. Предо мною сразу как-то открылся целый новый, неведомый дотоле мир строжайших, тончайших нравственных начал, нити которых так безнравственно и преступно могут порываться нетактичными поступками, подобными моему. Я стал подыскивать, припоминать и представлять другие возможные из подобных случаев: и к ужасу своему находил, что их могло быть у меня и ранее великое множество, и все они таковы, что в каждом из них я мог попасться совершенно так же, как попался в описанный раз, благодаря утонченному нравственному чутью одного из свидетелей. Сколько же раз я мог быть дьяволом, внося в невинные души малюток первую отраву лжи, лицемерия, обмана и т<ому> п<одобных> исчадий ада?! Правда, я подносил эту отраву, может быть, в самых малых, ничтожных дозах, но — много ли нужно не испытавшей еще этой отравы душе малютке! Сколько же раз на мне тяготел грозный приговор Спасителя: "Кто соблазнит одного из малых сих, лучше бы было такому человеку, если б ему с повешенным жерновом на шее утонуть в пучине морской!" ...

Припоминаю еще другие подобные случаи. Ребенок что-нибудь напроказил, что-нибудь напортил, полоако-

мился чем-нибудь тайно, без спросу и т<ому> п<одобное>. Мать, с трудом сдерживая любящую улыбку, хочет и внушение сделать баловню, и остерегается излишне напугать ответственностью ввиду ничтожности проступка. И вот, с одной стороны, она назойливо допытывает его вопросом: "Это кто сделал?" — а с другой, улыбаясь, подсказывает сама же или позволяет какой-нибудь нянюшке отвечать за ребенка; и его самого отвечать за себя, что во всем виновата "кошка"... Опять урок лжи, обмана, неискренности, скрытности — урок с виду совершенно ничтожный, пополам с невинной, по-видимому, подделкой под милое детское наивничанье, однако все же урок не бесплодный, но ведущий к дальнейшему не менее, чем азбука к чтению. Не трудно читать, когда выучена азбука, которая при всей своей кажущейся простоте и несложности в науке чтения занимает немало места и значения, пожалуй, больше, чем самое усвоение механизма чтения.

Еще случай. Ребенок, положим, ушибся. Мать, чтобы хоть чем-либо удовлетворить и утешить его плачущего, отводит его внимание на гнев по отношению к тому предмету, о который ушибся ребенок. "Давай накажем его, милый, зачем он тебя ушиб!" — мать начинает раздраженно бить ту или другую вещь, приговаривая: "Вот тебе! Вот тебе! Зачем ушиб моего Ванюшку!" И этот Ванюшка, воспроизведя урок злости, сжимает свои маленькие кулачки и с гневом ударяет ими по столу или стулу, чтобы точно так же через несколько времени не задуматься поднять их уже и на живого человека, хотя бы и на ту же свою родную мать... Так прививается к восприимчивой душе ребенка другая отравка и исчадие ада — гнев, раздражительность, злоба, неистовство...

Немало портят детей легкомысленно-шутливым отношением к их порочным задаткам, которые забавляют взрослого своей миниатюрностью. Так, позво-

ляют ребенку "показать язычок" кому-нибудь, передрознить ту или другую смешную сторону в другом, осмеять кого, пригрозиться на кого и т<ому> под<обное>. Заставляют ребенка воспроизводить "ухарские" манеры взрослых ловеласов и хулиганить, пить вино и даже — страшно поверить, да и самому приходилось быть свидетелем! — учат произносить скверные слова. До упаду потешаясь тем, как лепечет их не сознающий себя детский язычок. Что говорить! Потешно все это в исполнении ребенка, но поздоровится ли от такой потехи чистой душе малютки — о том совсем не думают...

Большой вклад в "неблаговоспитанность" дает и то, когда не останавливают детей и от всевозможных дурных привычек (кусание ногтей, копание в носу и множество других), возникающих и самостоятельно, и через переимчивость от взрослых неблаговоспитанных людей. Как надо быть осторожным во всех подобных случаях родителям и воспитателям! Сколько нужно внимания, умения, такта и тончайшего нравственного чутья, чтобы не дать чистым началам, которые, начинаясь зерном, в миллионы раз меньшим горчичного, вырастают в целые непроходимые дебри нравственной испорченности и неисправимости.

Воспитание есть — как мы сказали — священнодействие женщины, и если "проклят всяк творяй дело Божие с небрежением", то не менее всякого другого дела Божия, конечно, ограждено этою страшною угрозой священнодействие воспитания детей!⁴⁷¹

⁴⁷¹ Божия Нива. 1904. № 28.

Православие — светоч России

Религиозно-нравственное чтение, 2 марта
(Неделя Православия) 1908 года⁴⁷²

*«Сия вера Апостольская!
Сия вера Отеческая!
Сия вера Православная!
Сия вера вселенную утверди!»*

Так восхваляла ныне св. Церковь свою веру Правую — это драгоценнейшее свое сокровище, коим она владеет единственно и несравненно искони веков. Итак, дорогие чада св. Церкви Православной, наша вера потому для нас драгоценна и потому достойна нашей похвалы и всецелой преданности, что она вера *Апостольская*, вера *Отеческая*, вера тысячей тысяч св. угодников Божиих, вера наилучших людей всех времен и народов, памятью которых и плодами св. жизни держится и питается все лучшее и возвышенное в человечестве. *«Праведниками мир стоит»*... говорит мудрость народная, и к этому можно добавить разве только, что более всего он стоит именно праведниками св. веры Православной, многочисленнейшими и светлейшими звезд небесных, — праведниками, заставляющими с полным правом и убеждением сказать: *«сия вера вселенную утверди»*...

В природе естественной бывают дни, когда небо особенно как-то чисто, солнышко как-то особенно ярко горит в густо-голубой дали небес, когда и ночные светила — луна и вся неисчислимая семья свода небесного — как-то особенно светло и приятно горят своими далекими, но отчетливыми огоньками... Так в нынешний день

⁴⁷² По публикации: Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 11.

небо Церковное, дорогие братья, с особенною яркостью и красотою заглянуло своими духовными светилами в наши грешные души, на долю которых чаще выпадает видеть эти светила лишь сквозь плотный, едва проникаемый мрак нравственной духоты, греховности, испорченности, развращенности. В нынешний день как-то по особенному — необычно ярко, живительно и радостно для души — проглянуло наше Небесное Солнышко-Господь, как-то по особенному затронула эту душу св. мечтою и спасительно-небесною грустью наша духовная Луна-Пресвятая Дева Матерь Божия. А св. угодники Божии — эти духовные звезды и светила необъятного неба Церковного — как они заставляют перебегать мысль от одного к другому, привлекая и поражая своею величественною духовною красотою и благодатным светом, льющим в душу неземное успокоение, бодрость, надежду, радость, блаженство...

И верилось... с особенною легкостью и твердостью верилось в неложность хвалы: *«сия вера»* — весь этот сонм светил Церковных — *«вселенную утверди»*, — и это утверждение не сокрушит на земле никто и ничто, как дерзкой руке никакого земного разбойника не достать и не сокрушить — ни солнца, ни луны и ни одного из самых маленьких огоньков свода небесного...

«Сия вера вселенную утверди»... А я хотел бы показать вам, дорогие братья, что эта вера, утвердившая вселенную, утвердила и утверждает и наше дорогое Отечество. Оставив пока в стороне вселенную, я хотел бы полюбоваться с вами тихим светом наших родных светил, нашего родного русского неба, и убедиться и здесь, чем жива и тверда Русская земля и св. Русский народ, принимающий свою весьма значительную долю в утверждении вселенной сокровищами своей веры и своими дивными праведниками...

Когда приглядишься к дневному свету, не заметишь обыкновенно его силы и не ценишь его действий и

красоты. Но стоит только отнять его на время, как это отсутствие его дает чувствовать живее и силу его и ценность. Так все мы часто очень грешим тем, что — приглядевшись к нашим духовным светилам и привыкнув к постоянному видению их, недостаточно ценим их благотворную для нас силу и духовную красоту. Но если эта беда, может быть, еще и не так велика, то есть и гораздо большая. Все современные нападки на св. Церковь, на Православие, на веру Христову — ведь все это в значительной степени есть не что иное, как именно плод *привычки* к ним, охлаждения, невнимания, равнодушия. Всякая привычка есть развитие изо дня в день, накопление и закрепление или доброго или злого настроения и отношения к тому или другому предмету. В той привычке, о которой я говорю, накоплялась и закреплялась не любовь, не преданность, не добрые чувства к Церкви, Православию, благочестию, о которых в свое время не позаботились как следует, а худшие настроения разнуздавшихся душ человеческих — охлаждение, равнодушие, пренебрежение сначала к уставам и руководству св. Церкви, а потом уже и отвержение всяких уставов и всякого руководства, — горделивое упование на свои силы и самая необузданная безнравственность и беспринципность, ужасающими проявлениями которых так обильно наше злополучное время. Люди, не признающие над собою никакой власти, ни чести, ни жалости к другим, ни совести в себе, ни нравственной чуткости и сознания своих преступных действий — все это плоды того печального душевного состояния, которое создалось в этих людях охлаждением к жизни благодатной, отчуждением от Духа Божия, веющего своими дарованиями в обществе верующих — Церкви, от веры Христовой, которую за все винят, но которая виновата только тем, что ее до сих пор не хотят и не умеют понять, оценить и провести в свою жизнь так глубоко, полно и всецело, как это требуется, чтобы ее дивная красота и сила воссияла настоящим

своим блеском. В достоинствах и сокровищах своих вера Христова всегда неизменна. Эти достоинства и сокровища имеют вечное, неисчерпаемое и не изживаемое значение. Ясно отсюда, что как в древности «свет» жизни Христовых последователей заставлял самых упорных язычников и невежд истинного Бога воскливать с восхищением: «*посмотрите, как живут христиане!*»... — и тысячами пополнял беспощадно истребляемые ряды Христовых воинов-мучеников, так надлежало бы быть всегда и теперь. А между тем теперь — тоже говорят: «*посмотрите, как живут христиане?!*»... Да, живут и теперь, но живут так, что не только язычники не хотят такого христианства и не идут к нам, но и сами-то христиане, колеблющиеся и немощные, расслабевают окончательно и кидаются в жизнь, худшую языческой. Что может быть печальнее удела Христовой веры и Церкви, как дожить до таких времен, что не только язычники, но и даже сами бывшие христиане чуждаются и бегут от нее, как от величайшей заразы, перестав видеть в ней что-либо хорошее даже настолько, насколько ухитряются это найти в самых безрассудных, безнравственных и нелепых сектах, толках и общинах...

Все мы — от пастыря до последнего пасомаго, от духовного до последнего мирянина — должны признать свою долю ответственности за столь печальное явление. Все мы должны глубже заглянуть в себя и ужаснуться столь печального несоответствия нашей жизни духу заветов Христовых, оставленных нам во св. Евангелии и преподанных всю жизнь Самому нашего Божественного Учителя. Говорят, Евангелие, христианство, Церковь — *отжили* свой век? Нет и нет, уже потому нет, что говорящие-то это сами и *не начинали* жить истинно по-евангельски и по-христиански, и ничего нового не скажут они нам своею самою заурядною человеческой жизнью со старыми как мир человеческими грехами и человеческими немощами. Нет, *не пережили* мы хри-

стианства, а наоборот — все еще *не доросли* до высоты и глубины его...

Недавно на суде, при разборе одного судебного дела, в качестве свидетельницы допрашивалась одна женщина. Когда ее попросили подтвердить свое показание обычной присягой, она отказалась. «Почему?» — спрашивают ее. На этот вопрос последовал простой откровенный ответ: «Я — распутная». — «Ну так что же? — возражают ей, — ведь ты же Богу молишься, в Церковь ходишь, во Христа веруешь, христианка?» — «Нет! — отвечает женщина, — *я не смею называть себя христианкой: христианам так не подобает жить*»... Тогда еще возражают ей: «Но ведь ты — можешь быть — в будущем, в старости покаешься и не будешь жить так?..» — «Да, когда это будет? — говорит женщина, — да и как сказать — будет ли? Да если и будет, то *что же это за христианство: сколько хочешь и пока можешь, живешь себе в полное удовольствие, и Бога не надо, а потом как придет расчет с жизнью, старость, смерть, тогда и за Бога — разве это христианство?*»...

Вот как мудро решила простая женщина столь серьезный для нашего времени вопрос об отношении к вере Христовой, к добродетели, к жизни по христианским убеждениям. Чутким своим сердцем она постигла суть Христовой веры глубже, пожалуй, многих-многих из нас. На глубине нравственного падения она осталась все же настолько честной, что не терпела в самой себе столь резкого разлада между верою и жизнью и соглашалась лучше совершенно отказывать себе в чести именоваться христианкой, нежели продолжать свою несчастную жизнь под этим священным именем. К стыду нашему, нужно сказать, что немногие из нас способны проявить подобное же мужество и честность в своей собственной жизни. Все мы более или менее далеки от идеала Христова и во многом живем не по духу его учения и примера. А между тем не оставляем сомнения у других в

том, что мы веруем во Христа, служим Ему и считаемся Его последователями. И этот разлад, эта постоянная ложь в нашем сердце пред Богом, пред Христом и Его учением, пред людьми и своей совестью — ничуть не тревожат нас. И слава Христова, высота Его учения, святыня Его заветов — попирается, таким образом, нашей жизнью совершенно беззащитно на каждом шагу. А люди, настроенные враждебно или подозрительно к христианству, привыкшие измерять и оценивать достоинство убеждений по плодам их осуществления в жизни и более чуткие ко всякому разладу между словом и делом, естественно переносят свою ненависть с наших противонаравственных поступков на Имя Христово, как будто Христос виноват в том, что чистое не мертвеещее семя Его Божественного учения, возрастившее столько дивных угодников Божиих, находит в нас иссохшую неблагоприятную почву!..

О, как надо позаботиться, чтобы чистейшая, святейшая Христова истина не терпела от нас столь грубого насилия! Как надо нам начать внимательнее следить за собою, за каждым своим шагом, за каждым словом, делом, помышлением и за всеми своими чувствами, настроениями и всем поведением, чтобы они сообразовались с духом учения Христова и были достойны нас, как последователей Христовых.

Большую помощь в этом хранении своего поведения окажут нам светлые примеры нашего прошлого — наши дивные Русские Угодники Божии, жившие в наших условиях и потому родные нам и наиболее доступные для нашего подражания. Как в темной ночи, светят они нам отовсюду своими благодатными огоньками. Как истинные светочи Православия и России, они вселяют и поддерживают в нас веру, что мы все же стоим на верном спасительном пути, что не ложна и не приведет нас к гибели или разочарованию та вера, которою они спасались, та Церковь, которой они слушались, та жизнь, в которой воплотили свои идеалы и высшие стремле-

ния... И посмотрите, как действительно прекрасна, как дивно умирительна эта жизнь многих из них! Вот св. Креститель Руси — благоверный князь Владимир. До христианства — это было настоящее воплощение языческой тьмы, жестокости, распущенности и порока. А по принятии Христовой веры — он стал истинно тем, чем любил называть его народ: *Владимир — Красное Солнышко*. Владимир-язычник и Владимир-христианин — это два контраста, оказавшие для проповеди и успеха веры Христовой, быть может, гораздо более действия, нежели все другие усилия, взятые вместе. Обильными ручьями лил кровь правых и виноватых Владимир-язычник, не зная пощады к врагам и преступникам. А тот же самый Владимир-христианин настолько остерегается расправы даже над явными тяжкими злодеями, что начинает карать этих злодеев, лишь уступая настояниям своих советников, указывавших ему на опасное умножение злодейств, благодаря безнаказанности. Владимир-язычник был многоженец и ненасытнейший любитель плотских наслаждений. А тот же Владимир-христианин становится прекрасным семьянином, вступив в христианский брак с греческою царвеною.

А вот и еще *Владимир Мономах*. Какая это была истинно русская христианская душа, на редкость добрая, светлая, чистая, хотя и не причтенная к лику святых! Посмотрите, какое трогательное завещание дает он своим детям: «Дети мои, или кто иной, — пишет он, — не посмейтесь, прочитав эту грамотку, но примите ее в сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей, страх Божий имейте в сердце своем и милостыню давайте нескудную. Это — начало всякому добру. Встретили меня раз на Волге послы братьев моих и передали мне их слова: "соединись с нами и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем, а если не пойдешь с нами, то мы порвем союз с тобою". И сказал я им: "не могу идти с вами и нарушить клят-

ву". Отпустив послов, взял я в печали псалтирь, раскрыл ее, и вот какое место попало мне: *"вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя?"*... и проч. Поистине, дети мои, подумайте, как человеколюбив Бог и милостив. Мы, люди грешные и смертные, если нам кто зло сотворит, хотим уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь наш, в руках которого и жизнь и смерть людей, терпит грехи наши. Он, как Отец, Который любит свое дитя, хоть и наказывает, но затем и ласкает»...

«Тремя добрыми делами можно от греха избавиться и Царствия Божия не лишиться: покаянием, слезами и милостынею. Не тяжкая это заповедь, дети мои. Бога ради, не ленитесь. Молю вас, не забывайте этих трех дел. Ни отшельничество, ни монашество, ни пост, чему подвергают себя некоторые благочестивые люди, не так важны, как эти три дела. Послушайте меня, дети мои. Пусть Бог смягчит ваше сердце. Проливайте слезы о грехах ваших, говоря: *"как разбойника и мытаря помиловал Ты, Господи, так и нас грешных помилуй!"* И в церкви это делайте, и спать ложась. Когда на коне едете, говорите мысленно: *"Господи, помилуй!"* Эта молитва всех лучше... Всего же более убогих не забывайте, но по мере сил кормите их. Сироту и вдову сами на суде по правде судите, не дайте их в обиду... *Ни правого, ни виноватого не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслужил смерти, не губите никакой христианской души...* Епископов, попов и игуменов почитайте, принимайте от них благословение. Любите их и по мере сил заботьтесь о них, чтобы они молились за вас. Более же всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме: мы все смертны — сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал Бог, не наше, а поручено нам на короткое время. В землю сокровище не скрывайте: это великий грех. Старика почитайте, как отца, молодых, как братьев... Больного посетите, покойников провожайте и не минуйте никого без привета, скажите всякому доброе слово.

Жену свою любите, но не давайте ей власти над собою. Что знаете полезного, не забывайте, а что не знаете, тому учитесь. Мой отец, дома сидя, знал 5 языков. За это большая честь от других земель. Лениость — всему худому мать: что знаешь, то забудешь, чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее... Прежде всего идите в церковь. Пусть не застанет вас солнце на постели. Так делал мой отец блаженный и все лучшие люди... Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, принимайтесь за дела... Смерти, дети мои, не бойтесь ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам, как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от коня, если не будет на то воли Божьей. А если от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой»...

Вот как мыслили, верили и учили наши предки девять веков тому назад. И это были не исключения, не редкие единицы. Недаром из наших князей того времени столь многие в лике святых. И недаром сонм этих святых никогда так богато не пополнялся достойнейшими ревнителями веры и благочестия, как в те юные времена Русской Церкви. Семя Христова всегда как-то особенно плодотворно принимается новопросвещенными сердцами и в них творит наиболее обильные и славные чудеса силы своей. Юная Русь подтвердила это особенно ярко. Киев с его знаменитою Печерскою Лаврою и сотнями свв. подвижников, Новгород — со своими свв. князьями и святителями, Ростов, Владимир, Москва — сразу стали как бы *столицами святости*. Здесь во множестве возникали церкви и обители, процветали вера и благочестие, истекая отсюда далеко по окрестности и во всю глубь и ширь страны, до самых захолустных ее углов. Свет Киева озарил всю южную и западную Русь, возжегся в Новгороде, Москве, из Новгорода и Москвы проник до Валаама и Соловков, за Вятку и за Урал, везде разнося счастье ис-

тинно-христианской, мирной благочестивой, трудолюбивой жизни.

Со светом веры возжегся в нашем отечестве и свет просвещения. Средоточием того и другого явились вначале особенно св. обители. В них, сотнями рук их незаметных тружеников, закипала великая по тому времени работа — переписка книг, коими училась и воспитывалась вся Русская земля. Целые огромные библиотеки этих книг скоро составились при многих наших обителях, сделав их для св. Руси сокровищами и источниками мудрости, учености, просвещения...

Иноки были желанными советниками князей, воспитателями и учителями княжеских детей, проповедниками и наставниками народа, главными насадителями веры, благочестия и просвещения по всей земле Русской. Уходя часто от суеты и шума мирского в едва проходимые леса и пустыни, они вскоре и сюда привлекали толпы народные и способствовали устройению цветущих городов и областей там, где до того жили одни дикие звери и вовсе не ступала нога человеческая. И росла, и крепла могучая православная Русь, как засеянная нива Божия под живительными лучами веры Христовой. Тысячи бедствий пронеслись над нею: клевали ее целыми стаями черные вороны, топтали кровожадные звери, грабили и расхищали воры и лиходеи, жег ее огонь, топила вода, посекал меч, морил голод, опустошал мор, полонил враг, и все это только еще более закаляло, очищало и возвышало русскую душу. Не раз наступали для нее решительные, казалось, последние минуты. Не чаялось помощи и спасения ни от неба, ни от земли... Это было в иго татарское, в лихолетье польское, в нашествие французское... И что же? В эти-то особенно отчаянные минуты и оживал и прославлялся Русский народ. *«Постоим за свв. Божию церкви!..»* — восклицал он и шел весь как один человек, уничтожая и посядая врага. И это не было обыкновенно делом

лишь простого патриотического одушевления или победою обыкновенного воинского мужества и искусства. Нет, это была именно победа *религиозного* одушевления, *чудо веры* и небесной помощи и заступления! Господь неоднократно дивными знаменами сопровождал эту Свою помощь, знаменами, настолько для всех очевидными и неопровержимыми, что сами враги и неверные исповедывали силу Божию. «*Велик Бог христианский!*» — воскликнул один из свирепейших врагов России в трепетном ужасе, убегая стремительно из ее пределов, почти буквально «*ни единому же гонящу*»... А сколько прославила Себя дивными чудесами и знаменами Своего покровительства наша Небесная воевода — Матерь Божия! Сколько рассеяла по всему необозримому Отечеству нашему Своих свв. чудотворных икон, пред которыми столько пролито слез, столько утешено скорбей, столько исцелено болезней, столько утолено неисцельных страданий!..

Справедливо говорят, что чудо — там, где вера. Это то вера, вера православная, тогда и была благоприятнейшею средою, в которой благодать Божия творила обильнейшие чудеса, воспитала и прославила множество свв. угодников, чудотворцев, подвижников, из коих многие с особенною любовью и усердием доньше чтутся всею верующею Россиею. Таковы: Преподобные — Сергей и Никон Радонежские, Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний и Феодосий Печерские, Сергей и Герман Валаамские, Кирилл Белозерский, Александр Свирский, Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский и др. Новгородские угодники... Сонм этих светильников и покровителей России не перестает пополняться до настоящего времени. Святитель Тихон Воронежский, воспитанный нашей Новгородской семинарией, святитель Феодосий Черниговский, преподобный Серафим Саровский — до последних времен не перестают источать обильнейшие чудеса у своих останков верующим.

И св. Русь, несмотря на замечаемый всеми упадок веры и благочестия, не перестает до последнего времени рождать и воспитывать достойнейших сынов, верующих и благочестивых людей, творящих и в наше время чудеса веры, молитвы, любви к Богу и ближнему. Эти труженики Божии, очень часто простые миряне — незаметны, потому что не любят кричать о себе и не принимают даже совершенно удовольствия мирской славы. В недавнее время, когда мне захотелось описать благочестивую жизнь одного подвижника наших времен уже после его смерти и я обратился за благословением на это к своему духовному отцу, он строго запретил мне это. «Дело ли это, монаху писать о монахе? Да надо, так Господь и Сам не хуже нас прославит, кого найдет достойным, а мы-то зачем тут начнем прославлять своих? Нет, не благословляю!»... Так рассуждал мой старец, и я нахожу, что он был глубоко прав. Простецы в вере являются вообще нередко удивительнейшими выразителями высшей мудрости, как отметил это и Сам Господь наш в Своем славословии Отцу Небесному: *«утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем!»*...

Эта святая истина как нельзя лучше оправдывается во всем и в наше время. Премудрые и разумные нашего времени говорят и пишут, что наша Русская Церковь в параличе, что ее убил цезарепапизм, что это теперь мертвый труп, что его надо обновить и тем и этим. Судят и рядят, говорят много и хорошего, умного, но не мало и вздорного, безрассудного. Но — скажите, отражалось ли сколько-нибудь все это на простосердечной вере и дивных подвигах молитвы и служения тысячным толпам Русского народа — великого старца лесов Саровских? Простерся ли на него Церковный паралич, коснулся ли сокровенных подвигов его светлой души какой-то там цезарепапизм и другие страшные призраки, заставляющие чуждаться и бежать Церкви многих пугливых? Да, во внешнем строе и жизни Церкви, не-

сомненно, всегда были, есть и будут недостатки и всегда будут их изобличения и исправления! Но наша внутренняя вера, святое святых души нашей, наши молитвы, труды и служение Богу и ближнему никогда не найдут препятствия во внешних недостатках Церковной жизни, *лишь бы было наше-то усердие*, желание и добрый порыв веры, молитвы, подвига и любви к Богу и ближнему. И мы видим действительно до сих пор, что самые светлые, отрадные подвижники веры и благочестия не перестают появляться на Руси и украшать собою землю Русскую до самого последнего времени. Не перестают появляться и в обителях, *но не менее часто и в миру*. Таковы из множества их за XIX век: святители — Филарет Московский, Иннокентий и Амвросий Пензенские, Антоний и Иосиф Воронежские, Мелетий Харьковский, Феофан затворник Вышенский; схимонахи — Амфилохий Реконский, Игнатий, Феодор, Марк Саровский, Назарий Валаамский; архимандриты — Феофан Кирилло-Новоезерский, Паисий Величковский, Моисей и Исаакий Оптинские, знаменитые Оптинские старцы — Леонид, Макарий, Амвросий; иеросхимонахи и пастыри — подвижники Иоанн Святогорский, Парфений и Феофил Киевские, Амфилохий Ростовский, — Иоанн Елецкий, Матфей Ржевский и Петр Угличский, священники, недавно почившие старцы — Феодосий, скита Юрьевского, и Варнава, скита Черниговского, Иларион Троекуровский, Василиск Сибирский, Варлаам Кяхтинский, Даниил Ачинский, миссионер монах Герман Алеутский; юродивые — Антоний Алексеевич Задонский, Андрей Мещовский, Иван Яковлевич Корейшъ в Москве, — прославившиеся удивительнейшими знамениями и прозорливостью; наконец, из женщин: старица Евпраксия, игуменья Старо-Ладожская, Феофания Петербургская, знаменитая питательница странников и сирот Матрона Наумовна Задонская, подвижница Евфимия Григорьевна Задонская же, Домна Карповна Томская, Пелагея Ива-

новна Дивеевская, Вера Александровна, молчальница Сырковская и множество других, ведомых одному Богу да небольшому разве кружку современников, успевших узнать и оценить эти духовные сокровища.

Чудная жизнь всех этих новых светильников Церкви Православной, прекрасно описанная в книге Е. Поселянина «Русские подвижники XIX века» (СПб., Изд. Тузова, 1901 г.), не оставляет сомнения в том, что это действительно истинные избранники Божии, воскресившие в своих подвигах лучшие времена Церкви Христовой, хранимой, по неложному слову Спасителя, неодоленной даже во вратах ада!

Ныне много жалуются на тяжелые времена для Церкви... Понимая слова Спасителя во всей точности, мы должны ждать для Церкви еще более худших времен... Без всякого преувеличения, *она должна в действительности пережить состояние, близкое к совершенной гибели и одолению вратами ада.* Быть может, у нас, совершенно как в стране свободы — Америке, изгонят из школ самое Имя Христово, Церковные молитвенные собрания применят к обыкновенным сходкам с полицейского разрешения, как в другой стране свободы Франции, и достояния церковные, вместе с самым правом веры, обратят в собственность государства... Быть может, вера Христова опять запрячется в леса, пустыни, катакомбы, и исповедание ее будет только тайное, а безнравственные и кощунственные представления — явными. Все это может быть... Борьба со Христом должна быть отчаянная, до напряжения последних усилий человеческих и адовых, и вот тогда-то только, может быть, и дано будет аду и человеку со всею очевидностью уверить нас в неложной силе и крепости драгоценного обетования Христова *«Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ея!..»*

**Святитель Димитрий —
обличитель клеветы
и защитник невинных**⁴⁷³

В Великом посту минувшаго 1910 года к настоятелю Ростовского Спасо-Иаковлевскаго монастыря явился полицмейстер г<орода> Бахчисарая, Владимир Иванович Корсаков, и рассказал следующий занимательный случай дивной помощи ему Святителя Димитрия.

«Служа на означенной должности верой и правдой, честно и добросовестно, я, — говорил г<осподин> Корсаков, — стал с некоторого времени нести тяжелые скорби и неприятности по службе. Какая-то злая личность начала делать на меня анонимные доносы начальству. Доносы эти хотя и были мною отражаемы должным образом, однако — все же не могли не причинять мне невыносимое раздражение и скорбь. Наконец, еще один последний, но и крайне возмутительный по своей неправде донос переполнил чашу моего терпения. Из моих уст вырвалось горькое слово ропота на Бога: "Господи! И где же Твоя правда? Где Твой промысел, о котором так много нам говорят? Вот я — служу уж, кажется, всей верой и правдой столько времени, работаю, сколько сил моих есть, и за все это изволь терпеть такие мерзости. Чем я это заслужил?" ...»

Ропот услышали в "высших" небесных сферах. Не замедлил и ответ. Ночью Корсаков видит сон. Как будто он находится на каком-то обширном дворе, окруженном со всех сторон домами, как можно видеть повсюду в Петербурге. Двор покрыт весь толстым слоем мусора, как бывает, когда идет какая-либо большая постройка. Валялись щепки, остатки глины, известки, кирпича, еще чего-то мягкого и настолько глубокого, что даже

⁴⁷³ Душеполезное чтение. 1911. Ч. I. Апрель.

увязала нога. Ходя по этому двору, Корсаков неожиданно чувствует под ногой своей что-то твердое и гладкое. Заинтересовавшись этим, он легонько расчистил ногою мусор. Показался уголок какого-то предмета, похожего на толстое зеркальное стекло. С нетерпением, поспешно очищает он ногою дальше. Стекло открывается больше и больше. Получается вид какой-то точно плиты или крышки... затем мелькнула какая-то золотая буква — одна, другая... еще... еще... С...В...Я...Т...И...Т...Е...Л...Ь Д...И...М...И...Т...Р...И...Й Р...О...С...Т...О...В...С...К...И...Й.

"СВЯТИТЕЛЬ ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ"! — золотым огнем горели слова под толстой прозрачной зеркальной плитой-надгробием. «Диву дался я, — продолжал Корсаков, — и в страхе и удивлении кричу, увидев вдали одного из своих товарищей: "Смотри-ка, брат, что здесь обретается? И какие ведь эти негодяй-рабочие! Надо же завалить мусором такую вещь". Между тем товарищ, подойдя ближе, как-то спокойно говорит: "А хочешь, я тебе и самого Спасителя покажу?" И с этими, повергнувшими меня в трепет, словами наклоняется, берет плиту за один край и — открывает ее. Там оказался как бы лежащий кто-то, точно статуя. Смена впечатлений сна необычайно быстрая и причудливая. Чрез одно мгновение, вместо статуи, я вижу кого-то одетого в святительские одежды. Всматриваясь в лицо, хорошо различаю его черты, напомнившие мне Святителя Тихона Задонского, к которому я издавна питал особое благоговение, между тем как о Димитрии, — не помню даже, чтобы когда слышал что, как ни странно сказать это.

Как бы то ни было, только во мне была уверенность, что предо мною — Святитель Димитрий... Вдруг, замечаю далее уже в страхе, одежды на Святителе зашевелились. Он встает... протягивает ко мне руки. Мне жутко. Я готов робко спрятаться за спину товарища. Но Святитель ласково привлекает меня к себе, отстра-

няя товарища, — привлек, и прежде всего, крепко крепко меня поцеловал в голову. Это ощущение крепкого и какого-то необычайно-сладкого, отечески-нежного поцелуя настолько закрепилось в памяти и воображении, что на целый тот день по пробуждении у меня осталось это впечатление на передней части головы, которая горела каким-то необычайным жаром крепкого поцелуя. Затем Святитель кладет свои руки мне на плечи и в какой-то глубокой печали и с укором, потрясая все мое существо, говорит: *"Как ты смел, несчастный, возроптать на Бога? Как ты дерзнул усомниться в его Провидении и благости? Молись, чтобы Он помиловал тебя"...*

Еще что-то говорил Святитель, но — или не могла вместить, или сохранить в себе память моя. Помню лишь, что я трепетал, как жалкая тростинка, в Его руках. Наконец, я очнулся... очнулся в совершенно ясном сознании виденного. Неземной поцелуй огнем горел на моей голове, как бы удостоверяя не призрачность, а полную реальность дивного видения. Рассказанное домашним, оно всех исполнило удивления и умиления. Сам я переживал какое-то неопишуемое душевное состояние. Бывшая скорбь как будто не существовала более. Клевета, только что сверлившая такой болью самый чувствительный нерв души, совершенно вдруг потеряла куда-то свою остроту, как бывает обыкновенно, когда больной нерв удаляют из зуба, и болеть остается уже нечему. Так точно случилось и со мной: как будто из души вынули что-то, и на месте бывшей скорби осталась какая-то пустота, равнодушные, безразличие или — лучше сказать — тихое успокоение.

Это состояние упорно держалось всю утреннюю часть дня. Надо было отправляться по делам службы, а на душе какой-то праздник, заставляющий прямо валиться из рук всякое дело. Прихожу в канцелярию, сажусь на свое место к столу, на котором по обычаю

лежит груда корреспонденции — пакеты, газеты, письма отношения. Беру равнодушно первый попавшийся пакет, пробегаю глазами адрес и — не распечатывая, потому что не хотелось ничего делать, бросаю опять на стол. Оторвавшись на некоторое время к какому-то другому делу, вдруг что-то вспоминаю... подхожу опять к брошенному пакету, всматриваюсь опять... что-то знакомое, что-то вдруг точно толкнуло поинтересоваться почерком брошенного пакета, оказавшегося — кстати сказать — совершенно обычной деловой бумагой, каких получалось ежедневно сколько угодно.

Однако не содержание бумаги, а именно почерк почему-то все более и более интересовал меня. Где же я этот почерк видел? Почему он меня интересует? Раздумываю, припоминаю, ничего не могу вспомнить, ни того, где я этот почерк видал, ни того, почему он меня так и подмывает к его расследованию. Не имея сил подавить эту неотвязную мысль, подзываю письмоводителя и спрашиваю: "Скажите, пожалуйста: не припомните ли вы что по этому почерку? Почему-то он меня вдруг так заинтересовал, что и сам не понимаю"... — "Да, — согласился и письмоводитель, — действительно, что-то знакомое, но что и когда было так писано, никак не вспомню. Дозвольте порыться немного в прежних бумагах, тогда — быть может — все выяснится".

Идет, роется и — торжествующе несет... одно из анонимных писем на меня начальству, случайно запропастившееся в моих бумагах. Изумлению моему не было границ. Ведь давалась этим руководящая нить к самому источнику темной интриги. Проливался яркий луч света на все грязное дело доноса. "О, Святителю Христов! Это непременно — Твоя помощь, продолжение Твоей отеческой милости ко мне, явленной во сне!" — воскликнул я. И слезы благодарности и умиления наполнили мои глаза.

Темное и грязное дело доноса, столько меня огорчавшее, было, наконец, изобличено и расследовано. Сходство почерков, удостоверенное нарочито приглашенными мною опытнейшими экспертами, дало возможность установить безусловное тождество автора и его личность (по другой подписанной им бумаге), далее обнаружены были его намерения, вместо осуществления коих он понес лишь заслуженное вразумление. А я — по милости Божией — опять вошел в мирную колею, служа верой и правдой на моем скромном жизненном поприще. Конечно, многим тут не покажется ничего чудесного, ничего даже просто необычного. Но для меня — более чем ясно и ощутительно здесь полное величие чуда. Такое исключительное совпадение сна и действительности, такое поразительно согласованное сочетание и раскрытие событий, в сцеплении с ничтожными — казалось — мелочами и случайностями, слишком явно и убедительно говорило за то, что тут совершилось очевидное чудо милости Божией к моему недостоинству, по заступничеству Святителя Димитрия.

Удивительно здесь уже то, что я, признаюсь, так мало знал этого дивного Угодника, так мало слышал и уже совершенно не думал о Нем в предшествующее сну время. В Ростове не бывал никогда и даже только теперь узнал о его существовании. Ясное дело, что это не была игра воображения из ранее воспринятого материала. Я верую твердо, что это было чудо Угодника Божия, почему в знак благодарности моей я нарочно предпринял путешествие в Ростов и, благоговейно лобызая Мощи Святителя, благодарил Его за столь дивную ко мне милость»⁴⁷⁴.

⁴⁷⁴ Со слов Корсакова записал епископ Иосиф.

Плащаница Ростовского Успенского собора

Описываемая плащаница Ростовского Успенского собора по справедливости должна быть отнесена к числу замечательнейших художественных памятников религиозно-церковного искусства в цветущие его века XVI—XVII. Точна дата ее сооружения, как видно из надписи на ней же, — 1661 год.

250 лет, следовательно, эта плащаница из года в год выносится в Великий Пяток для лобызания верующих, а ей, как говорится, и износу нет; великолепное старинное шитье золотом и серебром, и шелками до сих пор сохраняет всю свою свежесть, прочность и неподражаемую красоту. Взгляните на выражения лиц, изображенных здесь: это величавое безмолвие изможденного Мертвеца, полуоткрытые глаза Которого точно говорят о неумертвимости Его Божества и любви к людям. А чудный лик Божией Матери, в невыразимой скорби впившейся не только Своими устами, но как будто всем Своим существом — в бездыханное тело Своего Страдальца-Сына. Или проникновенно-трепетные, умиленно-скорбные лики двух других мироносиц, Иоанна, Иосифа с Никодимом — сколько здесь осмысленно-реального, жизненного, так гениально-ярко выражающегося особенно в глазах, точно живых, всю силу вперенных в непостижимую для них тайну Погребаемого Мертвеца.

Вверху над всеми изображениями, посередине их, в облаках Господь Саваоф, с благословляющей десницей, в левой руке — алавастр, означающий принятие искупительной жертвы Сына Божия. Из уст Господа Саваофа — исходящий Дух Божий в виде голубя в нимбе, три луча от которого устремлены на склоненную к лицу Спасителя главу Богоматери. К ней же обращены и благословляющая десница Господа Саваофа,

и летящий Дух Божий, в ознаменование неотъемлемого благоволения к Ней Триипостасного Божества. Над Спасителем слова: ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБЪ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА — красивой вязью.

Внизу около ног Богоматери замечательны шестокрылатые серафимы с выражением трепетного ужаса на лицах. Между ними полуразвернутый плат, может быть, тот сударь, которым приготовились закрыть главу Спасителя и который после воскресения Господа оказался "особь свит на едином месте". Далее за серафимами, на краю корзина с аксессуарами страданий — 4 гвоздя, клещи и молоток.

По углам плащаницы — символические изображения 4 евангелистов: все с крылами и в нимбах. Кругом вышит тропарь, сходно с ныне поемым: ДА МОЛЧИТЬ — ВСЯКАЯ ПЛОТЬ ЧЕЛОВЕЧА И ДА СТОИТЬ СО СТРАХОМЪ И ТРЕПЕТОМЪ И НИЧТОЖЕ ЗЕМНОЕ ВЪ СЕБЕ ДА ПОМЫШЛЯЕТЪ: ЦАРЬ БО ЦАРСТВУЮЩИХЪ И ГОСПОДЬ ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ ПРИХОДИТЬ ЗАКЛАТИСЯ И ДАТИСЯ ВЪ СНЕДЬ ВЕРНЫМЪ. ПРЕДХОДЯТЪ ЖЕ СЕМУ ЛИЦЫ АНГЕЛЬСТІИ СО ВСЯКИМЪ НАЧАЛОМЪ И ВЛАСТІЮ, МНОГООЧИТІИ ХЕРУВИМЫ И ШЕСТОКРЫЛАТІИ СЕРАФИМЫ ЛИЦА ЗАКРЫВАЮЩЕ И ВОПИЮЩЕ ПЕСНЬ: АЛЛИЛУІА, АЛЛИЛУІА, АЛЛИЛУІА.

В нижней части каймы, под несколько укороченными словами тропаря, в особом ободочке и более мелкими буквами — дата: ЛЕТА 7169 ГОДА МАРТА ВЪ 25 ДЕНЬ СОВЕРШЕНЪ СЕЙ ВОЗДУХЪ ПО ОБЕЩАНІЮ ДИМИТРІА АНДРЕЕВИЧА И ГРИГОРІА ДИМИТРИЕВИЧА СТРОГАНОВЫХЪ.

Общее впечатление от этой дивной плащаницы неопишимо-сильное. Положительно трудно оторвать глаза от этих священных ликов, объединившихся в одном чувстве глубочайшей скорби по Спасителе. Это целая поэма на тему последних страниц Евангелия, в

которой целыми каскадами сыплотся не разные удачно подобранные слова, а цельные и живые зрительные впечатления. Это — волшебная симфония, красками воплощающая столько душевных переживаний у величайшей трагедии человечества, сколько не вызвать никакими самыми гениальными сочетаниями звуков.

Когда ходишь по Москве, по Никольской улице, где сосредоточен главный торговый центр принадлежностями Богослужения церковного, поражаешься удивительной бедностью, грубой шаблонностью и — подчас просто даже до неприличия, до кощунства, до бессмыслицы — убожеством выполнения существеннейших принадлежностей нашего православного культа. За что ни возьмись мало-мальски порядочный знаток и ценитель нашей художественной старины, во всем современном он встретит нечто отталкивающее, претящее, оскорбительное для художественного чутья. Возьмите хотя бы те же плащаницы: шаблонные лики, одеяния — все на один манер, без крупицы художественного замысла и исполнения, и, главное, без того, что делает этого рода работы живыми и ценными памятниками искусств — без усердия и тщательности выполнения; без того, что можно назвать душою предмета, проникающею в мельчайшую его подробность, во всякую, самую незначительную, по-видимому, какую-нибудь завитушку в букве, что так отличает все старинные работы, в которых бесчувственным машинам и неверующим сердцам не уделялось места. Сравните великолепную вязь на описываемой плащанице с современными буквами, в которых не увидите ни одного удара, ни одной титлы, да еще при этом неизменную массу орфографических ошибок <...>

А вязь? Как она идет и этого рода предметам, позволяя не только уместить на небольшом пространстве более содержательный текст, но и придать ему при этом почти стенографическую сжатость, единство и иконописную жизненность и красоту. Ведь это именно гово-

рящие буквы, один взгляд на которые дает и без кропотливого разбирания, по первым уже словам, цельное понятие и живое представление о написанном.

Возьмите, далее, современные митры: это — какие-то кучерские шапки с безобразнейшим расширением верхней части, с поддельными драгоценностями-стеклами и шитьем, какое можно встретить на ночных туфлях самого захудалого барина.

Или, например, вот краса древних святительских служений — архиерейские саккосы, сплошь затканые и расшитые священными изображениями, как иконостас, на который можно прямо молиться. Как убоги и жалки пред ними наши современные саккосы, поистине — метки, которые с успехом могли бы заменяться диаконскими стихарями — до чего они выполняются ныне бедно, безвкусно, нецерковно, нелепо.

Великое, благодетельное для Церкви дело делает известная фирма Оловянниковых, в последнее время усердно пропагандирующая образцы церковно-богослужебных предметов, выполняемых во вкусе строго древнем. Это должно перевоспитать публику, вернуть ее к прежним неисчерпаемым идеалам церковной красоты — взамен той глупой моды, в которой воспитали наше время отрешенные от старины кустари и их посредники на рынке этого рода товаров. Но — все заедающая рутинa еще нескоро уступит место осмысленному искусству. Долг потребителей — прийти самим на помощь намеченному, так сказать, освободительному движению в этой важнейшей для христианина области церковного искусства и бойкотом всего уродливого, хотя бы и прельщающего дешевизной — дать самое широкое распространение настоящему церковному искусству.

Если справедливо отчасти, что вкусы наши — моду, так сказать, нашу — перевоспитали наши поставщики, то не может остаться здесь безуспешною и обратная реакция: новые вкусы потребителей, решительно заяв-

ленные, в духе строгой художественной старины, заставляют и поставщиков перевоспитаться в своих взглядах на дело и применительно к нашим новым требованиям более, чем они заставили нас примениться к их невежественной безвкусице ⁴⁷⁵.

Тетушка Мария

Повесть

I

На Пасхе

Пасха в 191... году была ранняя... В старинном городе Р., на берегу большого озера, особенно грязно этой порой. Талая вода большими лужами подолгу стоит даже на центральных площадях и улицах города, не успевая стекать в озеро по незначительному уклону берега. Нужно много осторожности и искусства, чтобы не выпачкаться в грязи, идя в праздничной одежде ко службе или от службы, в гости или из гостей. В такую пору, в первый день Пасхи, разговевшись дома с семьей и выспавшись, как полагается после ночной службы, пошел по своим родным и друзьям поздравить с праздником и похристосоваться — Иван Ал., житель одной из окраинных улиц города. Тихо и мирно, в труде неустанном, текла жизнь этого раба Божия. В семье его — жена, дочь-девушка, другая дочь замужняя, сын которой — ему внучек — жил у дедушки, учась в ближайшей школе. Занятием его было рисование иконок по финифти — ремесло, очень распространенное в этом городе. Вся семья обыкновенно принимает участие в

⁴⁷⁵ Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 1914. № 1.

этом промысле, исполняя который-нибудь из одиннадцати приемов подготовки финифти и рисования по ней: один готовит основу для финифти; другой покрывает ее глянцем; третий закаливает или обжигает в печи; иной покрывает фон; еще иной набрасывает контуры изображения; иной разрисовывает, пишет одежду; еще иной наводит лик; затем производится начистую окончательная отделка, изображаемая наиболее опытным мастером, и, наконец, — финифтяная иконка окаймляется серебряною или металлическою рамочкой, подклеивается бархатом, и иконка готова — вполне приличная, очень прочная и дешевая. Тысячами шли заказы этих иконок со всех святых мест Русской земли, тысячи людей кормились этим ремеслом, тысячи уголков украшались этими иконками по городам и весям нашим. Много таких иконок написал и Иван Ал. со своей семьей, принимая заказы от более крупных мастеров и поставщиков. В последнее время особенно много написал он иконок Черниговской Божией Матери для Гефсиманского скита (близ Троице-Сергиевой Лавры), где тогда эта икона особенно славилась своими чудесами, привлекая тысячи богомольцев. Дивный лик Царицы Небесной, со всеми мельчайшими деталями Ее одежды, так глубоко врезался в душе Ивана Ал. от многократного писания, что он только и видел этот лик, неизгладимый никакими другими впечатлениями.

И вот зарядившись, как мы сказали, Пасхальною радостью, в дополнение к этим впечатлениям, пошел по родным и знакомым наш землячок. Жизни он был вообще трезвой, как и подобает в его мастерстве, и благочестивой. Но все же — что удивительного? — в одном доме выпил немножко, чтобы не обидеть радушных хозяев, у другого подбавил еще немножко, у третьего еще и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. В результате, обойдя несколько близких и родных семей, Иван Ал. почувствовал, что не то чтобы пьян, нет! — но все же в голове немножко позатуманилось, и ноги не столь твердо сту-

пают по скользкой от грязи земле. Идет он к дому в своей праздничной одежде и побаивается: там, на окраинах, еще грязнее, да вдобавок канавы с водой, и совершенно-то трезвому нелегко бывает пройти, не выпачкавшись. А жена — строгая! Не дай Бог — поскользнешься, да придешь в выпачканной одежде, — вообразит невесть что и проберет на все корки, не боясь и праздника Христова... Так и вышло, на беду старика. Около самого уже дома, одолевая последнюю лужу и канаву с водой, поскользнулся бедный визитер по липкой грязи и, хотя тотчас и поднялся, но не в особенно-то приглядном виде. Дальше — как и ожидал он: жена, при виде замоченной и попачканной грязью одежды, накинулась на него со всею яростию и как-как только не выругала, не пожалев для Христова праздника... Горько и обидно стало бедняку. На все попытки образумить свою ворчунью и доказать, что он вовсе не пьян и не из-за хмеля впал в эту беду, вполне возможную для любого трезвенника, жена разражалась только большею бранью и язвительными укоризнами. До слез довела, наконец, старика, и он, в порыве вдруг нахлынувшего самобичевания и желания так или иначе искупить скорее свой "грех", говорит дочери: "Лена! Собери мне на завтра котомку, пойду к Троице-Сергию!" Удивившись такому решению отца, дочь пробует урезонить его: "Да что ты, папа? Кто идет на далекое богомолье в такие дни... Полно тебе, и здесь замолить свой грех!"... — "Нет, собери! Пойду!" — окончательно решает отец и укладывается спать, решив твердо пораньше встать и идти замаливать свой грех. А Лена, подумав, как и мать, что отец не совсем здраво рассуждает от излишне выпитого и что, протрезвившись, и сам изменит свое решение, и не подумала ничего собирать для уже спавшего богомольца.

Рано утром, в понедельник Пасхи, будит он дочь и требует свою котомку. "Да что ты, папа? Неужели вправду идешь? А я ничего и не собирала!" — "Ну, так

собирай поживее. Я же иду!" Сборов было немного. Быстро собрала Лена отцову котомку, вложила в нее несколько ломтей кулича, яичек, чайку, сахару и прочей дорожной мелочи, денег свободных нашлось всего 20 копеек на это богомолье (жили они небогато), и, помолвившись на дорогу, старичок двинулся в путь. А путь неблизкий: от Р. до Троице-Сергия с лишним 100 верст.

II

Загадочные попутчики

Широкой красивой полосой тянулась пред нашим богомольцем большая Московская шоссе́нная дорога. Окаймленная непрерывной аллеей деревьев, плотно утрамбованная мелким щебнем, уже обсохшим на солнце, то подымаясь на холмы, то опускаясь с них, то впадая в красивый лес, то выходя на не менее красивые поляны, она без особого утомления как бы звала и подталкивала вперед и вперед нашего путника. Всюду кругом через поляны проглядывают красиво раскинувшиеся села и деревни. Высятся кругом обильные здесь храмы Божии. Неумолкаемо льется с колоколен радостный Пасхальный звон. Ярко и весело играет на небе солнышко, расплавляя и сгоняя застрявшие кое-где остатки зимнего снега. Птички — точно и они чувствуют праздник (да и несомненно чувствуют!)⁴⁷⁶, — как-то особенно

⁴⁷⁶ У одного моего знакомого священника, любившего певчих птичек, был соловей, который вдруг перестал петь и долго не пел. Придя домой от пасхальной службы, уже на рассвете, священник подошел к этому соловью и говорит ему: «Соловушка, милый! Да что же ты это у меня все молчишь? Вся тварь веселится ныне и радуется, вопия "Христос Воскресе!"» И вдруг соловушка встрепенулся, да как запел! Слезы градом так и полились у старика, почувствовавшего, что и его соловушка завеселился и зародовался под волшебным действием Праздника праздников.

сладко поют и щебечут кругом. Жужжат уже кое-где и пчелки, разбуженные животворящим весенним солнцем.

Уже не одну версту отшагал дядя Иван. Вырвавшийся из семейных дрязг и из обыденной серенькой жизни на свободу, дух его упивался этой свободой до забвения всего другого на свете. Два с лишком десятка верст миновали незаметно. Вдали показался небольшой городок П. с его красивой церковью и колокольной с позолоченной главкою. Колокола радостно заливались звоном. Жители, разряженные по-праздничному, и все кругом стало как-то еще живее напоминать о великих днях. Праздничное настроение, не покидавшее души даже в минуты вчерашних невзгод, поднялось еще выше. Кой-где в окнах замелькали самовары и около них завтракающая и чающая публика... В воздухе носился приятный аромат горячих вкусных снедей. Вдруг почувствовалась забытая усталость от пройденного пути, вспомнился пасхальный кулич за плечами, потянуло отдохнуть, попить чайку, подкрепиться завтраком. Кстати, вот на самой дороге и чайная. Иван Ал. решил зайти и сделать маленькую передышку. Отворяет дверь, переступает порог и видит, прежде всего, поднимающихся в путь трех странниц.

"А, дядюшка Иван! — говорит радостно одна из них. — Куда это ты собрался?" — "Да, вот, к преподобному Сергию помолиться иду!" — "А, к преподобному Сергию. Так и мы туда же, вот мы тебе и попутчики. Идем вместе!"

"Хорошо бы вместе-то, да ведь вот вы уже и дальше идете, а я еще только отдохнуть хочу, да и подкрепиться надо!"

"Ну, ничего, мы тебя подождем на дороге, догоним!"

И странницы вышли. А дядя Иван расположился за столиком на их месте, заказал чайку, позавтракал куличиком и яичками и, погревшись за чайком, даже

прилег, чтобы дать маленький отдых несколько поутомившимся ногам.

Прошло часа два или три. Пора было двигаться и ему в дальнейший путь. Взвалив на плечи котомочку и расплатившись за услугу с хозяином, пошел и он дальше. Городок весьма скоро показал свой конец, пошла опять, как прежде, гладкая широкая живописная дорога. Версты две-три всего успел пройти дядя Иван, как вдруг впереди завидел сидевших на камушках своих попутчиц. Они, видимо, поджидали его. Скоро поравнялись они, обрадовавшись друг другу, и дальше пошли вместе. Знакомятся ближе, кого как звать. Старшая из попутчиц велит ему звать ее: "тетушка Мария". Две другие как-то остались в тени, так что и имен их не запомнил или не узнал дядя Иван. Всем вниманием его и всей как бы душой вдруг завладела одна лишь "тетушка Мария", заслонившая собою все остальное. И что это оказалась за дивная женщина! Как она чудно рассказывала дяде Ивану разные поучительные истории! Как его утешала, радовала, подбодряла, назидала своими невыразимо-сладкими речами, которые лились в душу медовыми потоками и заставляли забывать все на свете. Без конца хотелось бы слушать эти дивные, точно небесные и неземные речи... Так прошли еще около двух десятков верст. День склонялся к вечеру. Дорога стала глуше, лесистее. Меньше попадалось на пути сел и деревень. Закопошилась у дяди Ивана мысль о ночлеге...

"Не беспокойся об этом! — подбодряет тетушка Мария. — У меня в каждой деревне есть знакомые и почитатели, у которых найдем и приют, и покой, и все, что нужно!" И действительно, в ближайшей деревне, куда они скоро вошли, тетушка Мария уверенно постучала в один по виду довольно приличный дом и была встречена радостным приветом. Все четверо были ласково пущены в дом, гостеприимно угощены, уложены на ночлег со всеми подобающими удобствами.

ми и отдохнули за ночь до полного освежения и восстановления сил. Распростившись утром с радушными хозяевами, пошли дальше тем же порядком. Так же прошел еще день и еще ночь с новым, не менее гостеприимным ночлегом. На третий день к вечеру показалась и Лавра...

III

В Лавре

В Лавре, вмешавшись в толпы народа, взвинченный душевно от радостного переживания достигнутой цели путешествия, дядя Иван как-то незаметно расстался со своими попутчицами и начал устраиваться самостоятельно. Приют и ночлег (бесплатно) нашел в Лаврской странноприимной, обед для богомольцев Лавра давала также бесплатно, ежедневно кормя тысячи богомольцев на особых столах около трапезной церкви. Заботиться было не о чем. Только молись и обходи все святые места. И дядя Иван с особою радостью и усердием исполнил все обязанности богомольца. В Троицком соборе отстоял все лаврские службы, поклонился святым мощам Угодника Божия и другим Лаврским Святыням. Потом направился в Гефсиманский скит — поклониться Черниговской иконе Царицы Небесной, которую столько раз изображал на своих образочках, и страстно жаждал видеть Ее ненаглядный подлинник, чтобы еще глубже и живее запечатлеть в душе Ее небесные черты... По дороге в скит он вспомнил, что его финансы (20 копеек, ассигнованные дочкой) совершенно уже оскудели по копеечкам, пожертвованным то тут, то там при обходе лаврских святынь. Как же быть? А ведь и у Черниговской надо чем-нибудь поблагодарить Ту, Которая

оказала ему столько благодеяний, послав довольный заработок. А обратно? С чем идти? Чем уплатить за ночлег, который придется уже иметь без тетушки Марии? Чем расплатиться за чаек и отдых в чайных на обратном пути? Грустно стало на душе от этих назойливых мыслей. Положение безвыходное. И в первый раз в жизни явилась мысль попросить милостыни — "Христа ради!" Кстати, вот обгоняет какой-то проезжий на извозчике. И дядя Иван, не задумываясь долго, взволнованно выкрикивает ему свою горькую нужду: "Господин добрый! Помогите бедному богомольцу Христа ради!" Извозчик ни на мгновение не задержал лошадей, и проезжий мелькнул мимо дяди Ивана, как в панораме. Горько стало совсем неопытному попрошаю. "Эх! — подумал он. — В первый раз в жизни решился на это и так неудачно!" Вдруг видит: проехавший мимо господин оборачивается назад и что-то кидает по направлению к нему. Идет и находит серебрушку в 10 копеек. "О, да ведь это не шутка! Это чуть не полное верное обеспечение на обратный путь". Стало веселее сразу. Сладко помолился дядя Иван у Черниговской, выплакал все свои скорби, горести, нужды у ног Пречистой и с облегченною душою возвратился в Лавру.

IV

Обратно домой

Наутро дядя Иван решил идти обратно домой. Отстояв еще раз Лаврские службы, он уселся за столом с богомольцами пообедать, подкрепиться на дорогу и вдруг неподалеку от себя увидел опять... матушку Марию с ее спутницами.

"А, дядя Иван, — весело заметила Она, — и ты тут. Ну, куда теперь думаешь направить свои стопы?"

"Думаю домой; надо бы к родителям-то преподобного⁴⁷⁷, да уж не смогу, подустал, да и деньжонками поистратился, так уж поспешу домой".

"Ну, вот и прекрасно! — решает Тетушка. — А я вот тоже иду туда, а мои товарки пойдут в Хотьково, так что мы с тобой опять и пойдем вместе!"

"Хорошо!" — согласился дядя Иван, обрадованный столь неожиданной встречей и столь приятным для него решением "Тетушки".

После обеда две спутницы "Тетушки" отделились от нее и пошли к Хотькову, а дядя Иван и "Тетушка" направились в обратный путь.

Никогда еще не был так счастлив и доволен дядя Иван. Сознание столь благополучно исполненного долга — обета богомольца, облегченная и свободная от всяких угрызений совести душа, искупленный подвигом пасхальный "грех", живые впечатления столь величественных и сладостных лаврских святынь и служб, небесно-сладкие дивные речи необычайной спутницы, — все убаюкивало душу дяди Ивана каким-то особенным легким счастьем, довольством, блаженством.

Обратный путь прошли так же незаметно, благополучно и спокойно, как и туда. Вот уже и конец пути недалеко... Пахнуло сыростью родного, только что вырывающегося из зимних ледяных оков озера. Более гулко слышался звон многочисленных здесь сельских церквей, во множестве раскиданных по длинным берегам озера и по окрестностям города. В весенней дымке завиделся и самый город, хотя до него еще было не столь близко — без отдыха, пожалуй, не добредешь... Вдруг тетушка Мария выводит своего спутника из раздумья таким заявлением:

"Ну, вот, дядя Иван, ты скоро будешь дома! Мне же надо направиться вот в эту деревню. Так вот здесь мы с тобой и расстанемся!"

⁴⁷⁷ В Хотьков монастырь, в десяти верстах от Лавры, куда заходят все богомольцы.

"Увижу ли я когда еще тебя?" — взмолился вдруг встрепенувшийся дядя Иван.

"Бог даст, увидимся, — уверяет спутница, — ведь я каждый год обязательно бываю в Р. в большом крестном ходу⁴⁷⁸. И ныне буду, обязательно как всегда".

"Вот хорошо! — облегченно говорит дядя Иван. — Так вот что, дорогая моя! Я живу там-то (говорит свой точный адрес), домик у меня свой, хоть и небогатый, семья у меня небольшая, сам да жена и дочь, так уж сделай милость, когда будешь в Р., остановись у меня. Или же хоть только посети меня: все сделаю, чтобы тебе было у нас покойно и хорошо!.."

"Ладно! — соглашается она. — Приду и посету обязательно. Увидишь, как я верна своему слову!.. Да, вот еще что: быть может, до города-то тебе еще придется зайти на отдых, а денег-то у тебя нет, возьми-ка маленько". И с этими словами вручила ему гривенник.

Затем они пораспрощались, и счастливый до конца дядя Иван зашагал дальше, а Она свернула с дороги на открывшуюся поляну, на которой виднелось село, и пошла туда⁴⁷⁹. Сделав несколько шагов, дядя Иван обернулся, чтобы еще раз взглянуть на свою столь дорогую спутницу, и — поразился... На поляне никого не было! Тщетно он напрягал зрение, взбирался на пригорки. Небольшие кустики и не столь высокие пригорки не могли так скоро заслонить ее от взора. Ведь сейчас только вот они говорили, сейчас только расстались, и уже ее нет и нигде не видно, точно сквозь землю провалилась... Диво! Чтобы это значило? — Напрасно размышлял дядя Иван и не мог ничего понять в этой за-

⁴⁷⁸ В первое воскресенье Петрова поста.

⁴⁷⁹ В этот самый день приносится из Р. городского собора чтимая икона Владимирской Божией Матери, носимая по деревням до первого воскресенья Петрова поста, когда она возвращается в Р. для участия в большом крестном ходу кругом города и потом опять уносится по окрестным городам и селам.

гадке, никак не умел ее объяснить. Так и пошел дальше в каком-то жутком недоумении. А сердце между тем так сладко билось, играло от воспоминаний всего, пережитого за эти великие дни...

V

Дома

Много было рассказов дома у дяди Ивана о своем необычайно удачном путешествии. Забыто было все неприятное, подвигнувшее его на это путешествие. И жена, и дочь с радостью встретили его возвращение. Всех сумел он заинтересовать своею загадочною спутницею, отголосок речей которой, даже в слабой его передаче, приводил в сладкий трепет и неутомимую жажду самим дожидаться счастливого случая, повидать ее и насладиться беседой.

Прошла и Пасха. Наступили послепасхальные дни. Высчитывались дни и часы до желанного дня обещанного посещения... Прошли все майские праздники города Р., прошла Троица... Вот наступил и Петров пост. Истощалось терпение более всех ожидавшего этих дней дяди Ивана. Наконец начался...

Накануне упомянутого большого крестного хода кругом города Р. икона Владычицы приносится из послепасхальных хождений по деревням и селам в город, чтобы шествовать во главе этого хода. Обычно икону приносят к субботней всенощной, причем из сел ее сопровождает множество народа, а из города на встречу ее устремляется соборный крестный ход с не меньшим множеством встречающих горожан. У городской заставы эти массы сливаются, совершается краткое молебствие, и все направляются в собор, где тотчас начинается всенощная. Минута этой встречи бывает неописуемо умилительная. Блеск многочисленных позлащенных

хоругвей, празднично одетые и по-праздничному настроенные массы народа, многочисленный сонм священнослужителей, торжественно умиленное пение нескольких хоров, малиновый звон Р. колоколов и несомая в роскошно украшенном живыми цветами высоком киоте-носилках святая икона Владычицы во главе других, вынесенных навстречу икон, и целый лес хоругвей — создают настроение совершенно неземного характера.

Вышел на встречу святой иконы, конечно, и наш дядя Иван. Вместе с другими сладко помолился возвратившейся из своего путешествия Владычице и стал искать глазами Ту, Которая обещала быть в этот день у него *обязательно*. Уже сердце сладко билось и замирало, чувствуя, что она здесь, в этой несметной толпе. Надо поскорей найти Ее, утащить к себе на покой и отдых, ведь могут перебить другие: у нее везде, значит, и здесь, так много почитателей и знакомых, и, наверное, все среди более зажиточных, чем он, так что ничего нет удивительного, если ее от него отнимут, успокоят другие, а не он. А ему если выпадет на долю, то какая-нибудь одна счастливая минута, тогда как хотелось бы видеть ее дольше-дольше, нескончаемые веки...

Все время, пока они шли до собора, не терял надежды найти свою желанную гостью дядя Иван. Перерыл взором всю несметную толпу, но — увы! — бесполезно. Нет и нет Ее!.. А сердце... сердце замирает и замирает от сладкой мысли, что она здесь, здесь, здесь!!! Вот и собор. Началась всенощная. Обшарив взором все самые укромные уголки собора, все множество народа в ограде и за оградой, пропустив через входные двери всех до последнего человека, дядя Иван разочарованно, уже поздно вечером, идет домой. Некоторая надежда еще не покидает его; неудивительно в такой массе народа, постоянно ворошащейся, как кипящая смола в котле, проглядеть одного человека. А может быть, она уже до-

ма у него, раньше его пришла и ждет его там... Чуть не бегом бежит домой... Но — гости нет!.. Несколько успокаивает себя мыслью, что, быть может, она явится наутро, к самому крестному ходу, где-либо задержавшись в пути или переночевав в другом месте. Рано утром спешит он опять в собор. Обедня в этот день начинается рано, в 6 часов утра, и после нее тотчас начинается и крестный ход (в 8 часов). Новые несметные толпы народа со всех окрестных сел и деревень за десятки верст приходят к собору. Весь город буквально стекается сюда же, чтобы насладиться наиболее красивой и умирительной картиной начала хода, при участии всех городских приходских святынь и при звоне всех городских колоколен.

Дядя Иван более всего озабочен опять одним и тем же: не прозевать своей гостью. Но теперь еще труднее найти и разглядеть ее при таком неисчислимом множестве народа. И он уже готов начать грустить, придумывая возможные объяснения ее возможного отсутствия: быть может, на этот раз заболела и не могла придти или вынуждена была пойти в другое место, а может быть, еще и явится после крестного хода. Ведь недаром сердце-то вещун так ходуном и ходит, точно кричит о Ее присутствии здесь где-то, пока незримо для него и недосягаемо.

VI

Исполнение обещанного

Кончился крестный ход. Толпа редела и редела. К собору возвращались уже почти только те, кому было по пути домой, хотя и таких было множество. Были, впрочем, и такие усердствующие, которые проводжали ход до самого собора и до своих приходских церквей.

Дядя Иван дошел до собора. Еще раз там оглядел всех и, не найдя искомую, поспешил домой. Здесь также не оказалось никого постороннего. Усталые участники хода отдыхали за самоварами и завтракали или обедали. Дяде Ивану не шел кусок в рот. Как пришел, повалился на диван, в чем был за службой (и в тот злополучный первый день Пасхи), и не то вздремнул, не то впал в какое-то легкое забытье... Только вдруг видит: приближается к нему с радостной улыбкой его желанная гостья, но — в каком виде! — точь-в-точь как он рисовал на своих иконах Пречистую, в точно такой одежде, с точь-в-точь таким неземным ликом, и так сладко, каким-то знакомым ему уже голосом говорит: "Вот Я, видишь, верная своему слову, тебя посетила!.."

Вдруг зарыдал от такой неожиданности старик и тотчас вскочил. Но уже никого около него не было. Едва могли домашние добиться от него, сквозь неуправляемые сладкие рыдания, объяснения своего неожиданно-сильного возбуждения. И стало ясно ему тогда все: и сладкий трепет сердца во время путешествия в Лавру, и такой же точно трепет при встрече иконы и во время крестного хода, и неизъяснимая сладость ее речей, и несказанное обаяние Ее облика и всех Ее движений и действий, свидетелем коих Она сподобила его в то удивительное путешествие, когда Она, снизойдя к его незаслуженному огорчению и к его благочестиво-смиренному порыву загладить свой "грех", явилась утешить его и дать почувствовать ему свое материнское сострадание, любовь, всепрощение и благоволение к кающимся и оплакивающим свои грехи грешникам.

* * *

В этой истории, в которой нет ни единой строчки выдуманной или излишне приукрашенной, описанной с рассказа самого участника этих событий, меня особенно трогало сообщение Царицы Небесной, что она

обязательно бывает на крестном ходе города Р. Участвуя в этом ходе около 18 раз, я чувствовал присутствие Царицы Небесной в Ее святой иконе после этого рассказа до того живо, что казалось: вижу не икону, а Ее Саму, любовным взором объемлющую несметные толпы окружающего Ее народа. Верная Своему слову, Она поистине не могла не быть в этот день с нами. Это чувствовалось особо сладким трепетом сердца и совершенным забвением всякой усталости на протяжении десятков верст, иногда под палящей жарой летнего солнца и пылью, иногда под обильным дождем, выпадавшим в некоторые годы в этот день.

Примечательно и то, что пропажа Ее из глаз своего спутника и уход на село приходились на такой день, когда в это село приносилась икона Ее из города. Видимо, Она спешила дать свое благодатное присутствие Своему Священному Лику, обходившему селения православных, со слезами просивших и жаждавших Ее помощи и заступления в своих житейских скорбях, нуждах и болезнях. Подобно Богу, являвшемуся в виде трех странников Аврааму, явилась и Она этому смиренному простецу с двумя, очевидно, небесными спутницами, чтобы научить нас Ее неотступному присутствию с нами, подтвержденному в чудном видении блаженного Андрея Юродивого, который некогда, удостоившись посещения небесных селений и лицезрения многих святых Божиих, спрашивал сопровождавшего его Ангела: "Почему нигде не видно в небесных селениях присутствия Божией Матери?" — и получил следующий достопримечательный ответ: "И мы, небожители, нечасто удостоиваемся видеть в своей среде Препоблагословенную Деву, ибо Она донныне предпочитает быть на земле, чтобы утешать скорбящих, исцелять болящих, отирать слезы плачущих и облегчать всякого рода страждущих на земле чад своих!"

Дивно изобретательная на всякую помощь страждущему человечеству, Она поистине и теперь ходит

среди нас во всякое время, всюду поспевая, всюду поспешая со своею милостию и утешениями... Так, совсем недавно видели Ее, разделяющую участь целого отряда монахинь, гонимых в ссылку: вместе с ними и рядом с их игуменьей сидит и Она, серьезная и величественная, в покорном ожидании грядущей скорби, в одежде тоже монахини, давая почувствовать, что и здесь Она, своим присутствием, помощью и утешением. Поистине, к Ней и только к Ней приложимы эти дивные строки поэта:

Горними тихо летела душа небесами...
Грустные долу Она наклоняла ресницы.
Слезы на землю от них, упавая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.
Встречные тихо Ее вопрошали светила:
"Что Ты грустна? И о чем эти слезы во взоре?"
Им отвечала Она: "Я земли не забыла,
Много оставила там Я страданий и горя.
Здесь Я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы, —
О, отпусти Меня снова, Создатель, на землю,
Было б кого пожалеть и утешить кого бы!"⁴⁸⁰

⁴⁸⁰ По тексту из журнала "Міръ Божій", 2000. № 1 (6).

Приложение IV

Архивные документы

Обязательство монаха Иосифа перед рукоположением в иеродиаконский сан

1901 года сентября 29 дня я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, ныне, при вступлении в сан иеродиакона, обязуюсь проходить свою должность согласно с церковными правилами, уставами и предписаниями, и наставлениями начальства, в совершенном послушании, и вести себя благоговейно, честно, воздержанно и некорыстолобиво при уверенности, что проступки служителя Церкви, причиняющие более соблазна в обществе, нежели проступки мирянина, по справедливости подлежат более строгому взысканию.

Исполняющий должность
доцента Духовной Академии
монах Иосиф

1901 года 29 сентября монах Иосиф мною исповедан и к рукоположению его в иеродиаконский сан препятствий не оказалось.

Духовник Гефсиманского скита
иеромонах Иасон⁴⁸¹.

* * *

Священническая присяга

1901 год

Я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, призываемый ныне к служению иеромонашескому, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Св. Евангелием в том, что желаю и при помощи Божией всемерно потщусь проходить служение сие согласно с Словом Божиим, с правилами Церковными и указаниями начальства; Богослужения совершать и Таинства по чиноположению Церковному, ничтоже произволяя изменять; учение веры содержать и другим преподавать по руководству Св. Православной Церкви и Св. Отец; вверяемые попечению души охранять от всех ересей и расколов, и заблудших вразумлять, и обращать на путь истины; проводить жизнь благочестивую, трезвенную, от суетных мирских обычаев устранившую; в духе смиренномудрия и кротости и благим примером руководствовать других ко благочестию; во всяком деле служения моего иметь в мыслях не свою честь или выгоду, но Славу Божию, благо Церкви и спасение ближних, в чем да поможет мне Господь Бог благодатию Своею, молитв ради Пречистой Богородицы и всех Святых.

⁴⁸¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 12.

В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Октября 13, 1901

Исполняющий должность доцента
Московской Духовной Академии иеродиакон Иосиф.
Духовник Гефсиманского скита иеромонах Иасон.

**Епископ Волоколамский Арсений —
рукополагающий архиерей⁴⁸².**

* * *

Опросный лист И. С. Петровых

Москва, июля 28 дня 1919 г<ода>

1. Фамилия, имя, отчество	Петровых Иван Семенович
(Епископ Иосиф).
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.;...)	Лубянка № 11. ВЧК.
3. Возраст, национальность, подданство	47 лет, русский.
4. Семейное положение	Холост <...>.
5. Болен ли чем?	—
6. Заболел в тюрьме или до ареста.	—
7. Грамотен или нет, где учился	Окончил магистром Моск<овскую> дух<овную> академию.
8. Профессия	Епископ (бывший профессор).
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес	г<ород> Ростов Ярославской губ<ернии>, Яковлевский монастырь.

⁴⁸² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 13.

10. Чем занимался до февральской революции.	В течение 11 лет состоял настоятелем Яковлевского
11. Чем занимался с марта до ноября 1917 г.	мон<астыря> в г<ороде> Ростове и первым викарием
12. Чем занимался перед арестом	Яросл<авской> губ<ернии>.
13. Занимал ли какую-либо должность по выборам, какую и где	
14. Средний месячный заработок	Определенного заработка нет <...>.
15. Партийность до октября 1917 г. (ответ по желанию)	
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам	Никогда раньше ни в чем не обвинялся
17. Когда арестован по настоящему делу	7-го июля ⁴⁸³ .
18. Где арестован	В г<ороде> Ростове Ярослав<ской> губ<ернии>.
19. Когда доставлен в Москву	18-го июля.
20. По ордеру какого учреждения арестован	По ордеру Ярослав<авской> ЧК.
21. Повод к аресту	—
22. Кто еще арестован по этому делу	Чуфаровский, Иванов, Смирнов <...> ⁴⁸⁴ .

*На опросном листе — помета секретаря МПКК:
«Освобожден».*

Дата освобождения не указана.

⁴⁸³ 1920 года.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 153. Ответы — автограф.

* * *

Письмо митрополита Иосифа Л. Н. Герман⁴⁸⁵.
1928 год

Дорогая Лидия Николаевна!

Оба письмеца Ваши получил. Большое за них спасибо.

Приветствуя вас с праздником Рождества Христова, молю Господа, чтобы Он утешил Вас миром Своим и милостями, особенно же подал Вам утешение с выздоровлением Вашего сына. Но — да будет Его Святая воля, лучше нас и наших помышлений устрояющая нашу жизнь! Предайте себя в эту Его всеблагую волю, и Вам будет легко все перенести: ради Любимого чего не перенесет любящая и преданная <...>

Спасибо за фотографии. Одну из них с любовью посылаю Вам.

Несколько на Ваши вопросы:

Самое лучшее толкование на книги ветхого и Нового завета выпущено было недавно при редакции журнала "Странник" (под редакцией Лопухина, проф<ессора> П<етербургской> Духовной Акад<емии>). В этих толкованиях есть и мои труды: толкования на книги Маккавейские, на книгу Есфирь, на Деяния Апостольские, кажется, на посл<ание> к Евреям и еще что-то (по подписям узнаете).

Моих сочинений сейчас достать, не знаю где. У меня осталось всего только по одному экземпляру. Кроме

⁴⁸⁵ Лидия Николаевна Герман — духовная дочь петербургского иосифлянина, протоиерея Сергия Тихомирова. В 1930 — арестована по обвинению в антисоветской пропаганде через «изготовление и распространение соответствующей литературы», то есть церковных документов иосифлян и Русской Православной Церкви за границей, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в лагерь.

дневника инока ("В объятиях Отчих" за 1901–1911 годы) напечатана "История иудейского народа по Иосифу Флавию" и разные мелкие статьи в разных журналах.

Дневник продолжался после 1911 года в "Душеполезном Чтении", до конца не издан, а сейчас копится и лежит не напечатанным, к великому моему прискорбию, ибо последующие труды более содержательны и могли бы давать массу материала особенно для <нрзб.> и духовного назидания.

Насчет произнесения Израиль или Исраиль я справлялся, как это слово пишется по-еврейски; оказалось, что там стоит не З, а С: לְיִשְׂרָאֵל.

Славянский текст воспроизводит точно еврейское начертание. Но, вероятно, практикой установилось несколько другое, более благозвучное произношение начертанного, тем более, что по свойствам нашего языка легче произносит после і и перед р букву з, нежели букву с.

Лучше поэтому произносить так, как принято в нашем наречии, не гонясь за начертанием, т<о> е<сть> Израиль, а не Исраиль.

М<итрополит> І<осиф>⁴⁸⁶.

Надпись рукой митрополита Иосифа на обратной стороне его фотографии

«Лидии Николаевне Герман

"Прочь плачь и сетование! Пусть плачут иудеи!
Пусть стенают Эллины! Пусть рыдают неверующие!

⁴⁸⁶ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 3. Л. 10–11.

Все же это да будет далеко от нас, имеющих упование в жизни вечной!"

(Из свято-Отеческих извлечений)

Вот лучший совет и врачество всем малодушным сынам Царства Небесного, наследникам небесной славы и Христовых утешений!

М<итрополит> I<осиф>

25 декабря 1928»⁴⁸⁷.

* * *

Письма, адресованные протоиерею Александрю Советову

+

Дорогой Отче!

Насчет митры скажу вот что: там, где предлагали о<тцу> Мудролюбову, не нашел ничего. А в Гостином, у Мартынцева есть много, от 50 р<ублей> и выше. Не так чтобы очень хороши, но все же ничего. А главное, надо написать Вам вот что: поскорее скажите Сергею Васильеву: мне посчастливилось выпросить на ремонт отопления в Соборе до 2000 р<ублей>. Часть (500) могу привезти к Пасхе для начала работ. Узнайте, сколько потребуется всего. Если на эту сумму (2000 р<ублей>) ремонт можно сделать, тогда можно Собор оставить за собой.

Это более верно, чем собрали бы обновленцы. Можно будет, значит, базироваться на возможности нам самим исправить, что надо в Соборе, и таким образом сохранить его для себя и бороться за него всеми силами.

⁴⁸⁷ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 288 об.

Сообщите мне поскорее в Р.⁴⁸⁸ более или менее точную цифру, какая нужна для поправки отопления. Я думаю, что если даже 3000 р<ублей> будет стоить, мы найдем и эту сумму. Ведь не вся сразу она потребуется, а частями. И пока идет работа, думаю — мы наберем и еще, что будет надо.

Вот бы хорошо было, если бы натянуть нос обновленцам. Похлопочите там всеми силами.

Здесь уже Алексей преосвященный⁴⁸⁹. Служил в воскресенье у Воскресенья на Крови. Слышал я, что многие из духовенства встретили его появление и служение с большим ропотом, осуждая его за разрешение Введенскому и Красницкому⁴⁹⁰. Говорили ему в глаза очень резкие вещи, на что и он вспылил порядком.

Сегодня ждут Преосв<ященного> Николая⁴⁹¹.

Матушкам Ангелине и Евфросинии поклон передал. Они Вам шлют тоже привет. Хотят приехать на Страстной.

Если выяснится, что Собор останется у нас, скажите, чтобы столяр Семен Семенович начал делать пока хоть помост (в 2 ступеньки) 3 х 2 аршина верхняя часть и 3 ар<шина> 12 в<ершков> х 2 ар<шина> 12 в<ершков> нижняя. А столбики и пр. можно и после.

Ну, пока до свидания.

Привет Вашим и всем.

М<итрополит> I<осиф>⁴⁹².

⁴⁸⁸ Имеется в виду Ростов Ярославской области.

⁴⁸⁹ Епископ Ямбургский Алексей (Симанский).

⁴⁹⁰ Протоиерей Александр Введенский и протопресвитер Владимир Красницкий.

⁴⁹¹ Епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

⁴⁹² Письмо без даты, очевидно, написано весной 1926 года из Петрограда в Новгород.

* * *

+

Суб<бота> 22 III/ 6 IV 1929.

Дорогой Отче!

Письмецо Ваше получил. Но перевода пока еще не было. Разве сейчас привезет ли брат, коего жду. Спасибо за книжки.

О Японии интересно. Только это, кажется, нынешнего "Заместителя", ведь если так, то буду читать с неприятным чувством.

Новгородские вести чересчур печальны. В связи с другими, также грустными вестями установилось длительно-тяжелое настроение, с которым никак не могу справиться. И много не могу сделать, что бы надо было сделать.

Надо бы, как Вы и ожидаете, быть другим источником бодрости и силы, а тут — "Боже мой!.. Вскую оставил мя еси?!"

Вот оно: врачу! Исцелися сам! Ну, что же: если есть болезнь самовнушения, то должно быть и самоисцеление. Вот возьму да и исцелюсь. Побегу к Господу, ухватюсь за край пальчика — крепко, крепко.

Чувствую, как тащат от Него всей силой — тысячи бесов-грехов... Но нет!.. Врешь, не оторвешь... Ведь за Него держусь — а, значит, Он терпит. Значит, хоть весь ад на подмогу своим соплякам, Его не пересилишь.

Итак, Отче — я здоров.

На радостях ставлю точку и бегу благодарить Его к аналойчику. Интересно, как Он (Господь) сказал дьяволу, жаловавшемуся, что Он отнимает тех, кто уходит от Него к нему (т<о> е<сть> дьяволу).

Если ты, дьявол, не отказываешься принимать к себе тех, кто бежит от Меня к тебе, как же ты можешь

ждать, что Я буду отказывать приходящим ко мне. Ты забываешь, что ты — зол, а Я — добр!

Вот богатая тема для проповеди:

Мы изменяем не только Господу, но и диаволу, как, например, во время поста и покаяния отбегая от него к Господу. Правда — ведь он (диавол), казалось бы, должен обижаться на нас и не принимать к себе опять, когда мы опять изменяем Господу и бежим к нему (диаволу). Однако он своих изменников принимает вновь и вновь тысячи раз, не теряя надежды закабалить навсегда.

Неужели Господь в самом деле менее добр и терпелив, чем сатанинское отродье? И прибегающих к Нему от диавола будет отгонять — без надежды когда-либо удержать за собой — нет. Милосердие и долготерпение Господа неужели мы унизим и сочтем меньшими, чем диавольская терпеливость?

Ну, довольно.

Привет матушке.

Надеюсь, Господь все устроит Вам в благополучный исход.

М<итрополит> I<осиф>.

* * *

+

Дорогой Отче!

Спасибо Вам за все. Привет с праздником Рождества Христова!

Господь Милосердый да осветит наш путь к Нему Своею яркою звездой! Да примет и наши дары Ему — веру, яко злато, надежду и любовь, яко ливан и смирну!..

Вопрос об единоверцах:

Эти указания и многие по сему делу только подробно изложены Влад<ыке> Димитрию⁴⁹³. Предложено дать практическое осуществление с общего совета братии. Осведомитесь о сем у Владыки, и, конечно, Ваш совет будет для него иметь весьма важное значение.

Отталкивать единоверцев, конечно, никто не дерзает, но некоторая договоренность нужна во многом.

Вы пишете: и (об о<тце> Н. Громцеве) "боюсь его бы не испугало временное запрещение, которое теперь практикует Влад<ыка> Д<имитрий>". Вот выходит, мы требуем снисхождения и почти беспредельной терпимости к единоверцам, а к ближе стоящим своим православным, при их иногда не столь великом заблуждении, применяем такие отталкивающие строгости. Я не хочу сказать что-то в упрек Вам или единоверцам, но так сопоставляю факты и констатирую маленькую непоследовательность и увлечение карами и прещениями. Побольше снисхождения ко всем, и чужим, и своим, особенно тем, которые не были злостными вредителями нашими.

Дорогой Матушке Т. К.⁴⁹⁴ огромное спасибо за присутствие со днем рождения и пожелания.

У меня тоже не проходит дня, чтобы я не переносился мыслями в наш тихий город, впечатления от которого не заменились впечатлениями Питера, в котором я промелькнул столь кратковременным метеором. А в Новгороде — столько пережито! И так тихи и мирны воспоминания, за редкими исключениями, обо всем окружавшем там нашу совместную с Вами жизнь (службу).

Как было бы радостно повторить или хотя освежить совместным воспоминанием наиболее светлые деньки той жизни!

⁴⁹³ Архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов).

⁴⁹⁴ Татьяна Карловна, супруга протоиерея Александра Советова.

Матушке М. А.⁴⁹⁵ прошу также передать мой привет и благословение. Да укрепит ее и всех Ваших Господь и да утешит сладкими минутами (*вставлено: часами, днями*) молитв и праздничных утешений!

Наверное, она еще в Од*<ессе>*.

Интересно, что там новенького.

М*<итрополит>* I*<осиф>*.

"Приятели" пустили новый слух обо мне, якобы я приношу покаяние Сергию и получаю "хозяйство" умершего Агаф*<ангела>*⁴⁹⁶. Что за чушь? Кем только придумана эта нелепица? А она уже дошла до Могилева и смутила моего сотоварища по изгнанию (Серафима Угл*<ичского>*)⁴⁹⁷.

Кто-то из Питера "плюнул" ему туда этой харкотинной.

М*<итрополит>* I*<осиф>*.

При случае передайте мой привет и благословение м*<атушке>* Екатерине (Новгородской). При капризах, какие приходилось переживать в возне с больными душами, надо быть спокойнее и поравнодушнее. А то больные пользуются всякою подмеченною слабостью. Твердо и спокойно надо обращаться с ними.

Также привет Евгении Николаевне Михайловой. Ответить на ее длинное письмо внимательно сейчас не имею возможности.

⁴⁹⁵ Вероятно, Мария Александровна Советова, мать протоиерея Александра.

⁴⁹⁶ Митрополит Агафангел (Преображенский), скончавшийся 16 октября 1928 года.

⁴⁹⁷ Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович).

* * *

+

Д<орогой> О<тче>!

Письмецо получил. Простите за огорчение (II Кор. II, 2).
 Все мои думы, заботы и чувства — о узниках о Господе!
 Да укрепит их Господь.
 Воля Божия да будет.

* * *

+

Дорогой Отченька!

Что-то это Вас так мучает пакостник плоти? Или опять силе Божией надо в немощи совершиться? В таком случае терпите это посещение Господне, смиряющее наши возносящиеся помыслы и ярче оттеняющее дела силы Божией!

Да укрепит Вас Господь и облегчит Ваши страдания! Когда я однажды в подобных страданиях (души) прибегаю к утешению о<тца> Варнавы (старца Гефсим<анского> Скита), он поставил меня пред иконами, сам стал рядом и говорит: "Давай помолимся, сию же минуту Господь снимет с тебя, но только знай, венца не получишь!" ... Эти последние слова и устыдили меня в моем малодушии и нетерпении, и несказанно ободрили и оживили. Я почувствовал, что для будущего никаких страданий немного. И что напротив, здешний покой и благоденствие ничего не стоят по сравнению с одним мгновением вечности ("Недостойны страсти нынешнего времени к хотящей славе явитесь в нас", как писано у Апостола) (Римл. 8, 18).

Не то же ли приложимо и к Вашим телесным страданиям? Итак бодритесь, терпите "нынешняя" мужественно, "веселясь будущими" ...

Вспомните еще, где-то в Прологе пишется про одного иерея, который мучился помыслами при крещении взрослых женщин и молил Бога избавить его от этих помыслов и от борьбы с ними. Явившийся ему во сне Предтеча избавил его, но добавил, что он свободен и от венца, даруемого за борьбу борющимся с помыслами и победу над ними.

Вот опять Вам побуждение к бодрости духа и терпению!
Теперь немного о себе:

То, что Вы написали мне о моих "покушениях" на жизнь, и посмешило меня, и возмутило до глубины души. Да уж вот действительно "шедевр" клеветы и гнусной лжи. И в мыслях пока еще не бывало ничего подобного, не только в действительности. То же самое и о моем якобы "покаянии", подчинении и прочих глупостях. Ну, пусть себе утешаются, подбадривают себя хотя этими глупостями...

Никакого Петра Крестовоздвиженского у меня за все время не бывало. И это ложь. А что касается "очевидцев", то вот уж где приложима острота, кем-то пущенная в мир про нынешних: "врет, как очевидец".

Ну, Господь с ними!

Телеграмму Вашу от 30-го получил дня через три. Большое спасибо всем, меня вспомнившим в этот незабвенный день!

М<атушке> Екатерине (Кирилловской) при случае передайте мой привет и благословите. Просьбу ее о карточке исполню, когда получу их из Устюжны. Сейчас у меня нет ни одной.

Привет и благословение матушкам и всей братии о Христе.

М<итрополит> I<осиф>.

И о мне помолитесь ⁴⁹⁸.

⁴⁹⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 241–246 об.; 248, 251–252 об.

* * *

Письмо протоиерею Василию Верюжскому

Дорогой о<тец> Протоиерей!

Спешу поздравить Вашу Матушку со днем Ангела и пожелать Вам непрерывных милостей Божиих в наступивший Новый год.

О себе сказать нечего. Сильно пугают слухами о предстоящих мне переселениях (изменениях). Ожидание их, как известно, мучительнее самой действительности, и я — непокоен.

Помолитесь о моем укреплении на предстоящие страдания новых гонений.

Передайте Вл<адыке> Д<имитрию> мой глубокий поклон. Письмо его получил и проч. Каждую минуту думаю, что-то там в родном Ленинграде?

Привет всем.

М<итрополит> I<осиф>⁴⁹⁹.

* * *

Письма Александре Владимировне Сакулиной⁵⁰⁰

+

Сердечно приветствую Вас, Досточтимая Александра Владимировна, и всю Вашу малую общинку с Вашим храмовым праздником Тихвинской ик<оны> Божией Матери!

⁴⁹⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 249.

⁵⁰⁰ Александра Владимировна Сакулина, родилась в 1872. Председатель приходского совета Тихвинской церкви Александроневской Лавры. 7 декабря 1930 — арестована по групповому делу ИПЦ. 13 апреля 1931 — приговорена к ВМН и расстреляна (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-77463).

Да хранит Вас Царица Небесная Своим Покровом и благодатию!

Как, быть может, некогда проносилась Она над тем местом, где ныне Ваш храм, шествуя к своему Тихвинскому пристанищу, так ныне да остановится над Вами Своею Милостью и Материнским благословением, озарив Вас лучами небесной жизни и радости!

В сей достопамятный день я всей душою и мыслию с Вами, преклоняю и свою многоскорбную голову под благословение и осенение Владычицы Милостивой о нас пред Богом Заступницы, убажваемой Вашими песнопениями.

Не может быть, чтобы Она была далека в этот день от Вас. Как сладко должно быть от этой мысли, от этого чувства Ея близости несомненной, столь ощутимой.

Слава и благодарение Тебе Владычице, не оставляющая Своих птенцов, но всегда пребывающая с нами до скончания века.

Посылочка получена.

Сердечно благодарю.

М<итрополит> I<осиф>.

Игумена Филиппа вполне согласен наградить, но чем? Необходимо сказать, что он имеет и чего нет? Ваше ходатайство необходимо также и относительно других.

Относительно прикрепления к храму его или другого священнослужителя — Вам на месте виднее, кто больше подойдет. О<тец> Дим<итрий> умеет привлечь народ, а Вы сумеете привлечь достойных работников на ниве Христовой.

Да поможет Вам Господь!

М<итрополит> I<осиф>.

* * *

+

Глубокоуважаемая Александра Владимировна!

Спасибо за посылочку и письмецо.

Письма заинтересовали и сведениями о Лавре и пр.

Да, Суд Божий каждого судит делами его.

Ваша заботливость обо мне премного трогает.

Здесь весьма чувствуется голодовка и недостаток важнейших товаров. Но такие продукты, как молоко, масло, яйца — достать легко, хотя цены на все выше даже городских и столичных. Чем это объяснить, не знаю. Вероятно, озлобленностью крестьян на то, что нужного для них не достать.

Жалею и я, что не удалось побывать в лавре. Но и за то, что удалось, попало...

В общем, за все благодарю Бога.

В Москве был полдня на вокзале. Никуда не ходил и никого не видал.

Да хранит Вас Господь.

Привет и благословение всем труженикам и богомольцам Вашей общинки.

Да осенит Ее Владычица Своим Покровом и благоволением.

М<итрополит> I<осиф>.

* * *

+

Досточтимая Александра Владимировна!

Ваши труды по возвращению Лавры на истинный путь уже получили верный знак благословения Божия, что, видимо, должно достаточно поощрить Вас на дальнейшие труды ко благу Св. Церкви, вверженной политиками в пучину волнений.

Не будем превозноситься достигаемыми успехами. Духовные победы не то что земные — достигаются не излишним задором, шумом и бряцанием оружий, а тишиною и спокойствием духа, смирением и кротостью, и терпеливым трудом по исполнению своего долга достойными христианина средствами. Пресосв<ященного> Григория⁵⁰¹ не столько виню, сколько жалею. Как бы надо ему не отходить от всего, нами переживаемого, в сторону, а наоборот, — личным примером и авторитетным словом быть впереди борющихся — отнюдь не за личное уязвленное самолюбие и властолюбие, а за поруганную свободу и достоинство Св. Церкви!

Призываю всю силу благословения Божия на Вас, Ваши дальнейшие труды и на всех, познавших истину и вместе с Вами трудящихся.

М<итрополит> I<осиф>.

Прошу принять и передать всем мой душевный привет с праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Да внесет Господь на нашу землю и в наши души утерянный нами мир!

М<итрополит> I<осиф>.

В качестве маленького гостинца прилагаю немного ноток для исполнения из Акафиста Тихвинской Божией Матери собственной работы. Пусть это служит хотя маленьким напоминанием о присутствии и участии моей души в Ваших молитвах к Царице Небесной!

⁵⁰¹ Епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев).

Санта Акилина Миланская - Базилика Манграна.

Handwritten musical score for "Santa Aquilina Milanese - Basilica Mangrana". The score is written on four systems of staves. The first system consists of two staves (treble and bass clefs) with lyrics: "РА - АН - СЯ ВЛА - ДИ - ЧИ - ЦЕ МИ - ЛО - СКИ - БА - Я". The second system also has two staves with lyrics: "РА - АН - СЯ ВЛА - ДИ - ЦЕ МИ - ЛО - СКИ - БА - Я". The third system has two staves with lyrics: "О НАС ПРА' БО - ГОМЪ ЗА - СЛУ - НИ - ЦЕ! ДУ - ШИ - А!". The fourth system has two staves with lyrics: "О НАС ПРА' БО - ГОМЪ ЗА - СЛУ - НИ - ЦЕ!". The notation includes various rhythmic values, slurs, and dynamic markings.

Морское поле выстроило конюху

Andante

А. м. м. - i - s, а. м. м. - i - s, а. м. м. - i - s.

Andante

А. м. м. - i - s, а. м. м. - i - s, а. м. м. - i - s.

Мелко, внятно произнес, талант организатор, как все организатор не собрал по
 времени.

Успехом только удалось добиться успеха в работе, прилагаясь к делу.

Успехом только удалось добиться успеха в работе. Но все, только только успехом. Не
 достигнув и не достигнув успеха.

* * *

+

Глубокочтимая Александра Владимировна!

Прежде всего спешу поздравить Вас и единомысленных нам с праздником Благоверного Покровителя нашего. Пример Его твердости в вере и трудов по охранению ея чистоты и святости да воодушевит всех нас и ободрит в нашем крестоношении.

Откуда слух о моем уходе? Полагаю, что нет сейчас власти нашей, которая бы могла исполнить мое желание ухода так, чтобы спокойно можно принять "отставку". А сами себя "уходить" мы не имеем ни малейшего права. Стоя на часах, мы лишены "разводящих". Поэтому приходится стоять, хотя бы смерть угрожала, и громы и молнии бешено неистовствовали над самыми головами, пока не вернется законный "разводящий".

Итак, будем готовы на всякое страдание. Это лучше, чем малодушно бежать в кусты.

Вл<адыке> Гр<игорию> я затрудняюсь что-либо написать. Ведь он опять посмеется надо мной, и только. Если бы он имел желание быть с нами, сделал бы это давно и по собственной своей инициативе, а не по нашему подсказу и подтягиванию.

Да подкрепит и утешит нас Господь! Ваши сетования о наших нестроениях вполне разделяю. Знаю все, но ничего не могу предпринять, по условиям моего положения. Да будет на все воля Божия! Сила Божия яснее при немощах человеческих!

М<итрополит> I<осиф>.

* * *

+

Глубокоуважаемая Александра Владимировна!

Ваша посылочка и все письма дошли до меня благополучно. Благодарю Вас за все. Простите за мое неряшливое умедление ответом, внушаемое, быть может, излишнею скромностью и боязнию повредить Вам и себе.

На Ваши вопросы отвечаю: 1) хлопоты обо мне безнадежны. Как я полагаю, ввиду того, что являюсь 3-м Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, и поэтому особенно вредный с точки зрения власти человек.

2) В порядке регистрации Вашей общины не усматриваю ничего неправильного.

3) В отношении Влад<ыки> Григория не имею никаких недоразумений, кроме одного: он (и Вы) неправильно поняли мое обращение к нему "продолжать служить в Лавре в звании ея единомысленного со мною наместника". Это вовсе не было новым назначением его с моей стороны на этот пост, которого я не только у него не оспаривал, но и сам при первом своем появлении в Лавре подтвердил и передал от имени Вл<адыки> Дмитрия ему после его возвращения из ссылки. Мне просто непостижимо, почему Влад<ыка> Григорий мог обидеться и увидеть в этой фразе какую-то наглость, т<о> е<сть> что я назначаю его, когда он и без того был назначен на этот пост Святейшим Патриархом.

Как всегда, так и сейчас этого недоразумения я не ставлю никаким препятствием к восстановлению между нами мирных отношений. Только думаю, что Влад<ыка> Гр<игорий> все равно не пойдет за мной и со мной, потому что видит силу не на нашей стороне — О, если бы Вы убедили его, что не в силе Бог, а в правде.

Много бы надо еще добавить. Но спешит оказия и торопит меня. Простите же. Кончаю несколько неряшливо.

Да хранит и благословит Вас Господь Милосердый.

Призываю благословение Страждущего Господа на всю общинку и всех вместе с Вами в ней трудящихся. Да сподобит Вас Господь радостно встретить и Его Св. Воскресение!

М<итрополит> I<осиф>.

* * *

+

Дорогая Александра Владимировна!

Посылочку Вашу получил. Сердечно благодарю Вас и всех милующих меня. Сегодня праздник Св. Покровителя нашей Обители! Да утешит Он всех Своею небесною радостью. Владыку Василия можете приглашать послужить в Лавре.

Простите за краткость письма. Недописанное почувствуйте сердцем.

Время начать всенощную

М<итрополит> I<осиф>.

1930⁵⁰².

* * *

Письмо епископу Сергию (Дружинину)

+

Дорогой Владыка!

Не буду высказывать Вам никаких огорчений и обид и никаких недоразумений между Вами и мною. Не придам значения и никаким наговорам и подозрениям

⁵⁰² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 285–287, 290–295, 297–300.

на Вас. Думаю, что все между Вами и недовольными Вами уладится, если Вы просто, смиренно и послушно исполните следующие спасительные для Вас заповеди:

1). Не управляйте епархией и не создавайте никакого в ней управления.

2). Только служите и молитесь, а сверх сего — ниче-
соже.

3). Не грозите никому запрещениями, поклонами и т. п. репрессиями.

4). Не бранитесь вслух в храме Божиим.

5). Не оскорбляйте достоинства пастырей в глазах верующих громкими криками и распоряжениями, пре-
дусматривая все заранее.

6). Не отказывайтесь служить там, куда Вас зовут, и не навязывайтесь служить там, где этого не просят сами и не желают.

7). Никого не награждайте не во время (срок между наградами не менее трех лет) и не по заслугам (переска-
кивая через 2–3 награды сразу на высшую).

8). Не давайте за других никаких обязательств, обещаний, уверений, заявлений и тому под.

9). Будьте ко всем равно снисходительны, ласковы, уважительны, примирившись со всеми и забыв все про-
шное.

10). Если будут обращаться к Вам благословить то или другое намерение, решение духовенства или ве-
рующих, благословляйте — не как управитель, а как Святитель и молитвенник о спасении всех пастырей и верующих.

В этих X заповедях висят Ваши покой, мир, и мир и покой разбушевавшейся нашей паствы.

Простите меня за все Христа ради.

Не перестаньте молиться о мне грешном.

М<итрополит> I<осиф>⁵⁰³.

⁵⁰³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 303, 307, 312–313.

* * *

Письмо протоиерею Викторину Добронравову

+

Дорогой Батюшка О<тец> Викторин!

Письмецо Ваше и пр<очее> получил. Сердечно благодарю за все. Скорбь Ваша — скорбь и моя. А разделенная скорбь — уже половинная скорбь.

Некоторое врачевство других скорбей посылается с о<тцом> Фотием. Да поможет всем нам Господь! Он Хозяин, а мы слуги Его. Не с нами борьба идет, а с Ним. Могут ли Его победить: и может ли наше поражение быть Его поражением. Нет! Смерть мучеников трактуется Церковью, как очевиднейшая победа над насилем, а не поражение.

М<итрополит> I<осиф>.

Храни Вас Господь!

Всем привет и благословение⁵⁰⁴.

* * *

Обращение к петроградским иосифлянам

+

Ответ М. И. на вопросы А. С.

Исконный враг рода человеческого, ищущий нашей гибели, посеял среди нашего малого стада злое семя смуты и разделения.

К утверждению и наставлению сомневающихся, колеблющихся и не могущих разобраться в потемках по-

⁵⁰⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 307.

сеянного раздора, отвечая на вопросы, ко мне обращенные, сообщаю ясно и определенно:

1. Никого я не благословлял, не благословляю и не могу благословлять ни на какие раздоры и разделения, обособленные от наших храмов Богослужения.

2. Ни в малейшей степени не следует считать достойнейших моих собратий: Еп<ископов> Сергия (Нарвского) и Василия (Жаргопольского) отступившими в чем-либо от чистоты православия. Я — с ними, и они — со мною. Значит: те, кто не с ними, те и не со мною.

3. Храм Воскресения на Крови и другие ему единомысленные считаю единственно достаточными и благодатно действенными для сообщения со Христом Спасителем нашим, в Котором единственная в мире сем сладость, мир, радость и утешение.

4. Горячо молю скорбною душою моею Сострадальца моего — Господа, да умирит всех под благодатным Кровом Своим, да не оскудеет вера расточенных овец пораженного пастыря, имеющего в своей разлуке с паствою одну только радость на земле: видеть своя чада во Истине ходящими. Аминь.

С подлинным верно: Ключарь Собора Воскресения Христова на Крови Протоиерей Никифор Стрельников. 1930 г<ода> 16 июля ст<арого> ст<иля>.

* * *

Приписка: Сообщите сие о<тцу> Викторину и о<тцу> Ник<олаю> Ушакову (?) и о<тцу> Алексею Вознесенскому (?)

Дорогой о<тец> Протоиерей

Я написал Владыке Сергию X заповедей, которые, думается, послужат водворению у нас мира и тишины.

1-я из этих заповедей гласит: не управляйте епархией и не создавайте никакого в ней управления.

2. Только служите и молитесь, и сверх сего — ниче-
соже и т. д.

10. Если будут обращаться к Вам благословить то или другое намерение и решение духовенства или верующих, благословляйте не как управитель, а как святитель и молитвенник о спасении всех — пастырей и верующих.

Более подробно о других заповедях, быть может, оз-
накомит сам Владыка Сергей.

У меня голова пошла кругом после всего прочитан-
ного.

Мой совет и смиреннейшая просьба ко всем Вам: по-
сле принятия Владыкой Сергием этих заповедей, пре-
кратите всякую травлю на него. Служите и молитесь с
ним, простив его погрешности, и за свои испросив у не-
го прощения. Он <неразб.> для нас, если примет мои
советы. И у нас не должно больше оставаться поводов
для разрыва с ним и отхода от него.

А как быть Вам с управлением?

Заклучайте сами. Где можно — самоуправляйтесь!
Где нельзя — да управляет Вами Сам Дух Божий и Зи-
ждитель Церкви — Христос!

Я больше ничего не могу Вам дать и посоветовать!

Спасибо за все. Привет о<тцу> Димитрию Крати-
рову и всем. Спасибо всем за память, сочувствие, лю-
бовь и помощь.

Христос с Вами. Светло празднуйте Св. Пасху»⁵⁰⁵.

⁵⁰⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 312–313.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого.

1930 год

1930 года октября месяца дня, "1", я, *ст<арший>* Уполномоченный *3 отд<ела> СО ПП ОГПУ в ЛВО Макаров*, допросив *Петровых Иосифа Семеновича*, рассмотрев следственный материал на него, по коему *гр<ажданин> Петровых* достаточно изобличается в том, что, *будучи митрополитом, находясь в административной высылке, являлся вдохновителем и руководителем контрреволюционной церковной группы. Группировал и создавал по всему СССР монархические церковные группы*, т<о> е<сть> преступления, предусмотренном ст<атьей> 58, ч<асть> 11 Уголовного Кодекса. Руководствуясь ст<атьей> 128 Уголовно-Процессуального Кодекса

Постановил:

Привлечь *гр<ажданина> Петровых Иосифа Семеновича* в качестве обвиняемого в вышеозначенном преступлении.

Уполномоченный

Подпись

Согласен: Начальник 3 Отделения

Подпись

Утверждаю: Начальник СО Отдела

Подпись

Обвинение мне объявлено "1" октября 1930 года

Подпись: *Виновным ни в чем таком себя не признаю.*

*И. Петровых*⁵⁰⁶.

⁵⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ».

* * *

ПЕТРОВЫХ И.С. — ПЕШКОВОЙ Е.П.

<19 декабря 1933>

Екатерине Павловне Пешковой
адм<инистративно>-ссылного
Иосифа Семеновича Петровых

Прошение

В начале Октября сего года мною из г<орода> Чимкента, где я жил на вольной ссылке, было послано на Ваше имя ходатайство о досрочном освобождении по престарелости и болезни, причем, мною получено было извещение, что моему ходатайству дано движение и ответ обещано послать месяца через 2. Пока я ожидал этого второго ответа, меня постигло новое тяжкое испытание. Неожиданно я и еще два старика были конвоированы в гор<од> Аулиэ-Ата, где нас сразу заключили почему-то под стражу <нрзб.> милиции и держали 17 дней среди бандитов и воров, давая только 100 грамм хлеба и сырую воду в сутки. На вопрос: для чего это делается? И за какое преступление? Нам было объяснено, что мы направляемся за 125 верст от Аулиэ-Ата в Нижний Талас — местность в высшей степени пагубную для нас — глухая безлюдная голодная степь, где жители лишь казаки⁵⁰⁷, не говорящие по-русски и настроенные чрезвычайно враждебно по отношению к русским (что мы достаточно испытали и за время Аулиэ-Атинского заключения). Но так как дорога сейчас осенняя, и грузовик туда ходит очень неисправно, то в ожидании этого грузовика нас и держат. Через 17 дней кошмарной жизни, когда мы совершенно изнемогли от голода и заболе-

⁵⁰⁷ Так именовались тогда казахи.

ли, нас выпустили на вольную квартиру, предлагая при первой возможности выехать в назначенное место.

Ввиду всего вышеизложенного я вынуждаюсь, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, вновь обратиться к Вашему доброму посредничеству: не будет ли Вашей милости:

походатайствовать пред самим ВЦИКом о немедленном досрочном моем освобождении (на правах частной амнистии), так как силы и здоровье мое окончательно подорваны пережитыми ужасами голодовки и кошмарного заключения, и я сейчас еле держусь на ногах.

Если это ходатайство почему-либо не может быть удовлетворено, то нельзя ли разрешить оставшийся срок отбывать в одном из русских городов или селений где-либо около Вологды, Рыбинска или Костромы, как ближайших к месту моей родины (гор<од> Устюжна, в 200 верстах от Вологды), где вблизи родных я мог бы получать некоторую помощь, в которой чрезвычайно нуждаюсь.

Справка: После 4-летней высылки в Череповецкой губернии, вновь отбываю 5-летнюю высылку с 12 сентября 1930 г<ода>, след<овательно>, уже 7 с лишком лет (остается 1 год и 8 месяцев). Жительство сейчас имею г<ород> Аулиэ-Ата, Парковая ул<ица> д<ом> № 9, причем, весьма вероятно скорое удаление в Нижний Талас, где не имеется правильного почтового сообщения. Ввиду этого, если возможно, просил бы скорейшего извещения меня о результатах телеграфно, расходы на что мною будут оплачены. Лет от роду 62. Врачебные справки о болезни и нетрудоспособности представлены при первом ходатайстве.

19 декабря 1933 года.

Вольно-ссылный Иосиф Семенович Петровых

г<ород> Аулиэ-Ата, Парковая ул<ица>, д<ом> № 9.

Состою в ведении Аулиэ-Атинской Милиции.

* * *

<2 марта 1934>

Помощь Политзаключенным
Екатерине Павловне Пешковой

Посылка за № 11067 от 13/II 1934 года мною получена 2 марта с<его> г<ода>, о чем с глубочайшею благодарностью имею удовольствие известить Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

С совершенным почтением и глубокою признательностью

Иосиф Семенович Петровых

2 марта 1934 года.

г<ород> Аулие-Ата, Рувимовская ул<ица> д<ом> 24⁵⁰⁸.

* * *

**Письма митрополита Иосифа
из архива семьи Синицких
1934–1935 годы**

+

Дорогие мои Олечка и Фаечка!

Бесконечно утешен был Вашим милым письмецом.

Сердечно Вас благодарю и мысленно обнимаю своею Отеческою любовью. Да хранит Вас Господь в мире и благополучии.

Очень скучаю, провожая Ваших милых старичков и Симочку к Вашему новому гнездышку, и рвусь за ними тоскующей душою. Питаю надежду повидать Вас когда-нибудь проездом через Самарканд.

⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1118. Л. 62–62 об., 65.

Не забывайте и Вы меня, сердце Ваше пусть подает восточку и моему сердцу, которое не перестанет никогда подавать свою и Вашему. Уж очень я привык к Вам, и память о Вас никогда ничем не изгладится в душе моей.

Помоги Вам, Господи, во всем!

Подпись

Привет от М<арии> И<вановны>.

* * *

+

22 м<арта 1935>

Дорогие О<тченька>, М<атушка>, О<ленька>, Ф<аечка> и С<имочка>!!!!

Письмецо Ваше получено. Сердечно благодарю. Приветствую с именинницей — золотой рыбкой⁵⁰⁹. Когда узнаете ее адрес и будете писать ей, напишите от нас сердечный привет. Да не мешало бы пожурить ее, что она так скоро забывает своих старых друзей? От дедушки ее (М<итрополита> К<ирилла>) получил недавно поклон с оказией. Он сейчас в Яны-Кургане — не так далеко от нас. Хотелось бы написать ему, да не знаю его ни фамилии, ни имени с отчеством.

Мы живем под Дамокловым мечом. На днях опять был намек на уюк (?). Нет-нет, да и напомнит о себе несчастный!..

Приветствуем с праздником Благов<ещения> Пр<е-св. святой> Б<огороди>цы. Насчет Постной триоди — если сейчас начать хлопотать, все равно — ко времени не удастся ее заполучить. А к будущей четырехдесятнице и

⁵⁰⁹ Речь идет о Лидии Николаевне Фокиной (ее именины 23 марта по ст<арому> ст<иллю>). Она, как и митрополит Кирилл, была арестована в 1934 году и отправлена в Мариинское отделение Сиблага и, по-видимому, не могла сообщить о себе.

страстной есть надежда. У меня дома имеется еще экземпляр. Напишу брату, авось разыщет.

У нас все заморозки. Да, кажется, и у Вас зябко, а на беду все цветет у Вас. Как бы не повредило. Здесь совсем еще все мертво и не спешит цвести, даже травка чуть-чуть кое-где зеленеет.

По городу всюду пошло усиленное древонасаждение.

В школах — чистка. Много уволено преподавателей, в том числе и дух<овного> звания.

Скоро Пасха. От всей души привет мой и М<арии> И<вановны>.

Часто вспоминаю Вас. Христос с Вами!

Будьте здоровы и благополучны.

Подпись.

* * *

+

24 авг<уста> / 6 сент<ября>

Дорогая Матушка!

Время приветствовать Вас со днем Вашего Ангела и Вашу дорогую семью с драгоценной именинницей!

Да хранит Господь Милосердный в добром здравьи, благополучии и всяком утешении.

Как здоровье Старца Божия? Симочка писала о его болезни. Не смейте хворать у меня! Будьте все здоровы и бодры духом и телом.

Мы прозябаем в буквальном и переносном смыслах. Ночи становятся холодными, но днем еще тепло. Только ветрено.

Огород наш весь погиб. Все изрыли свиньи, оборвали коровы и козы. Оставалось несколько помидорин, и те погибли от нашествия иноплеменных. Да, здесь огород заводить — только нервы себе портить или уже загораживать, как следует. На будущий год огорожу каменной оградой.

Срок мой 9 ноября, но не надеюсь на лучшее.

И когда увижусь с Вами, не знаю. Конечно, если буду свободен, прежде всего, в Ташкент, и в Самарканд, и в Алма-Ату. Я так любил когда-то ездить.

На днях убил 2<х> больших змей, ползли в нору под домом нашим. Одну перерубил пополам, и голова уползла все-таки под хату, а другая половина досталась мне. Да еще одна (3-я) убежала, пока ходил за палкой, чтобы убить ее. Несчастливая, не могла подождать немного.

За хату наложили 30 р<ублей> в месяц. Боюсь, как бы и совсем не выгнали, когда казахи из юрт нахлынут сюда. Ведь эти хаты строены для них.

Мат<ушка> Мар<ия> Иван<овна> просит написать Вам ее привет и пожелания. Она заваливает себя работой, приютив у себя еще одну старушку ссыльную и священника (ссыльного). Оба беспомощные и бескровные — требуют больших забот.

Привет Старцу и дочурам.

Храни Вас Г<оспо>дь!

* * *

Молитва-исповедь⁵¹⁰

+

Исповедую Господу Богу моему, Богу кающихся и Спасу согрешающих — Правосудному и Милосердому, Единому имущему власть оставлять человеком грехи, не отвергающему воздыханий мытаря, слез блудницы и веры разбойника — пред тобою, честный отче, Его свидетелем и служителем — все мои согрешения, до настоящего дня и часа содеянные словом, делом, помышлением, волею и неволею, ведением и неведением, в разуме и неразумии, всеми моими чувствами душевными и телесными.

Согрешил(а) я: маловерием, неверием, суеверием, сомнениями в Богооткровенных истинах святой нашей ве-

⁵¹⁰ Написана рукой митрополита, сохранилась в архиве Сеницких.

ры; малодушием, унынием, ропотом, отчаянием, невниманием к путям и явлениям промысла Божия в моей и других жизни; леностию и нерадением к трудам молитвы и служения Господу, забвением Его, неблагодарностию к Нему, необращением к Нему ума и сердца во всех и радостных, и скорбных обстоятельствах жизни моей, непокорностью Его святой воле и нетерпением Его испытаний.

Согрешил(а): частым предпочтением Ему мирских красот, благ, удовольствий, сладостей, удобств и приятностей земной жизни — вместо того, чтобы в Нем Едином полагать и иметь всю отраду и утешение жизни. С большим усердием служил(а) я как бы многим земным идолам вместо Его, Единого Истинного Бога, Которому должен(а) и хотел(а) бы поклоняться и служить всею моею душою, всем сердцем и помышлением моим.

Согрешил(а) я: неисполнением и постоянными нарушениями Заповедей Божиих, установлений Святой Церкви и Заветов ее святых Отцов и Учителей, указующих нам образ истинной жизни, достойной великого имени христианина и чада Отца Небесного.

Согрешил(а) я: всеми грехи, нарушающими должное отношение твари к Творцу, Господу и Спасителю моему, Завещавшему любить Его Единого всем сердцем, всею душою, всем помышлением нашим.

Согрешил(а) я: проявлением непослушания, непочтения к родителям и старшим моим, строптивостью, своеволием, самочинием и превозношением пред другими, гордостью и высокоумием, тщеславием, самолюбием, завистию, ненавистию, ревностию, оскорблениями, озлоблениями и огорчениями других — хулами, бранью, клеветою и ложью и всякого рода досаждениями, причинением вреда и ущерба или чести, или благосостоянию, или имуществу ближнего моего.

Согрешил(а): невниманием к себе — к своей душевной и телесной чистоте и непорочности — блужданием ума и возбуждением сердца и плотских чувств разного рода скверными и нечистыми мыслями, образами и пожела-

ниями и действиями, непристойными для души христианской — этой возлюбленной Христовой невесты, призванной к чистоте и святой любви Жениха Небесного.

Согрешил(а): очерствением, ожесточением и охлаждением моего сердца, нечувствием и ослаблением в себе сознания греховности и недостойнства пред Господом, пред Которым нечист всяк высокосердый и безответственный к своей нечистоте и неисправности.

Согрешил(а): долгою нераскаянностью во грехах и беззаботностью о них, чем отгонял(а) от себя и отдалял(а) Духа Святого, ищущего для Своего обитания сердец чистых и пламенеющих любовью ко Господу.

Согрешил(а) всякого рода расхождением моих поступков с требованиями и обязанностями, налагаемыми на нас великим, святым и неоцененным званием христианина, призываемого быть вожделенным чадом Отца Небесного, сонаследником и другом Христа Сына Божия и храмом Духа Святого, Утешителя и Питателя жизни нашей.

(Н. В.: Здесь упомяни — если есть — особые какие грехи на совести)...

О всех сих, изреченных мною, согрешениях моих искренно жалею, сокрушенным сердцем каюсь и изъявляю волю и желание всячески блюстися впредь, призывая благодатную помощь и милосердное заступление Господа.

Ты же, отче мой духовный, прими мое теплое исповедание, помоги мне в немощах моих твоим руководством и молитвою, изреки мне прощение Божие и помолися о мне грешном(ой) ко Спасителю нашему, да не лишит и меня части избранных Своих, помилованных Его единою милостию и жалостию к созданию Своему!

Боже! Милостив буди мне грешному(-ной)!

Боже! Очисти мя грешного(-ную)!

Помяни мя, Господи, во царствии Твоем! Аминь⁵¹¹.

⁵¹¹ *Медведева Н. А., Медведев Г. Н.* «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...»: Жизненный путь протоиерея Григория Синицкого. М.: ПСТГУ, 2010. С. 141–145.

* * *

**Письмо из Управления МБ РФ
по Ярославской области. 1992 год**

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
192241, г<ород> Ленинград,
ул<ица> Турку, д<ом> 23, корп<ус> 3, кв. 70

УПРАВЛЕНИЕ
по Ярославской области
03.92 № 10/181-____
На № _____
г<ород> Ярославль
Сахарову М. С.

Уважаемый Михаил Сергеевич.

В архиве Управления М<инистерства> Б<езопасности> РФ по Ярославской области хранится следственное дело, возбужденное в апреле 1920 года чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Ярославском губ<ернском> исполкоме, по которому проходит Петровых Иван Семенович (митрополит Иосиф). Обвинялся в том, что проводил агитацию и оказывал сопротивление выполнению распоряжения правительства о вскрытии святых мощей ростовских чудотворцев.

Постановлением президиума ВЧК от 26.07.1920 года Петровых И. С. осужден к заключению в концентрационный лагерь на 1 год условно с предупреждением о неведении агитации.

Архивное следственное дело в отношении Петровых И. С. для рассмотрения в порядке ст<атьи> 3 пункта б Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» вместе с Вашим заявлением направлено в прокуратуру Ярославской области.

С уважением

Начальник подразделения
Управления А. Н. Баглаев

Письмо из Управления КНБ
по Южно-Казахстанской области

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ УЛТТЫҚ
ҚАУІПСІЗДІГІ КОМИТЕТІНІҢ
ОҢТУСТІК ҚАЗАҚСТАН
ОБЛЫСЫ БОЙЫНША БАСҚАРМАСЫ

КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
УПРАВЛЕНИЕ ПО
ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

№

г. Шымкент

192241, г<ород> Санкт-Петербург
ул<ица> Турку, д<ом> 23, кор. 3, кв. 70
Сахарову М. С.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Управление КНБ по Южно-Казахстанской области, внимательно рассмотрев Ваше заявление, сообщает, что Петровых Иосиф Семёнович родился 15 декабря 1872 года в городе Устюжины Ленинградской области в семье мещан. Получил высшее богословское образование.

В 1930 году Петровых И. С. был выслан в Казахстан.

24 июня 1937 года он был арестован Мирзояновским Р<айонным> О<тделом> НКВД и помещен в тюрьму г<орода> Чимкента по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст<атьей> 58 п<ункты> 10 и 11 УК РСФСР.

В обвинительном заключении от 19 ноября 1937 года отмечено, что Петровых И. С. проводил работу по концентрации контрреволюционных сил церковников вокруг контрреволюционной организации, вел вербовку новых её членов и организовывал контрреволюционные ячейки на местах.

Заседанием тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года Петровых И. С.,

1872 года рождения, приговорен к высшей мере наказания по ст<атье> 58-10 УК РСФСР. Приговор приведен в исполнение 20 ноября 1937 года.

В соответствии со ст<атьей> 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имеющих место в период 30–40-х и начале 50-х годов" Петровых И. С. реабилитирован.

В соответствии со статьей 16 Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" родственники имеют право на ознакомление с документами только не процессуального характера. В этой связи выслать, к сожалению, в Ваш адрес копии допросов, протоколов не представляется возможным.

В дополнение сообщаем, что по заявлению директора Центрального государственного архива г<орода> Санкт-Петербурга Зерновой Т. А. нами высланы в адрес архива фотография Митрополита Иосифа и несколько личных писем, с которыми Вы можете ознакомиться или даже затребовать их при установлении прямого родства.

Зам. начальника УКНБ

Т. Ж. Жаркимбеков

**Основные даты жизни священномученика
Иосифа (Петровых),
митрополита Петроградского**

(До 1918 — по старому стилю, после 1918 — по новому)

15 декабря 1872 — родился в городе Устюжне Новгородской губернии.

1889 — окончил Устюженское духовное училище.

1889–1895 — обучался в Новгородской духовной семинарии.

1895–1899 — обучался в Московской духовной академии.

4 сентября 1900 — избран исправляющим обязанности доцента по кафедре Библейской истории Московской духовной академии.

26 августа 1901 — монашеский постриг в Гефсиманском скиту.

30 сентября 1901 — посвящен в иеродиаконский сан.

14 октября 1901 — посвящен в иеромонашеский сан.

6 июня 1903 — защитил магистерскую диссертацию по теме «История Иудейского народа по Археологии Иосифа Флавия».

Декабрь 1903 — утвержден экстраординарным профессором по кафедре Библейской истории и инспектором Московской духовной академии.

18 января 1904 — возведен в сан архимандрита.

30 июня 1906 — назначен настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии.

Сентябрь 1907 — назначен настоятелем Юрьева монастыря Новгородской епархии.

15 марта 1909 — рукоположен в епископа Угличского, викария Ярославской епархии. Назначен настоятелем Свято-Иаковлевского Димитриева монастыря в Ростове.

25 августа — 16 сентября 1914 — исполнял обязанности временно управляющего Костромской епархией.

Декабрь 1917 — январь 1918 — временно управлял Рижской епархией.

22 января 1920 — архиепископ Ростовский.

8 июля 1920 — арестован и заключен в тюрьму *«за ведение агитации и сопротивление вскрытию святых мощей ростовских чудотворцев»*.

26 июля 1920 — осужден на год условно.

Май 1922 — арестован по обвинению в *«сопротивлении изъятию церковных ценностей»*.

19 ноября 1922 — приговорен к четырем годам лишения свободы.

Январь 1923 — освобожден досрочно по решению Президиума ВЦИКа.

21 мая 1924 — включен в состав членов Святейшего Синода при Патриархе Тихоне.

С конца 1924 — временно управлял Новгородской епархией.

26 августа 1926 — назначен митрополитом Петроградским.

6 декабря 1926 — вступил в обязанности заместителя патриаршего престола.

9 декабря 1926 — арестован и отправлен в ссылку в Николо-Моденский монастырь.

12 сентября 1927 — указом Временного Патриаршего Синода митрополита Сергия перемещен на Одесскую кафедру.

28 сентября и 30 октября 1927 — письменно сообщил митрополиту Сергию свой отказ подчиниться перемещению.

Декабрь 1927 — январь 1928 — поддержал своих викарных петроградских епископов и духовенство, отделившихся от митрополита Сергия.

6 февраля 1928 — подписал Ярославскую декларацию об отделении от митрополита Сергия.

Февраль 1928 — арестован и отправлен в ссылку в Николо-Моденский монастырь.

12 сентября 1930 — арестован и привлечен к следствию по делу *«Всесоюзного центра контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь»*.

3 сентября 1931 — приговорен к пяти годам концлагеря с заменой на ссылку на тот же срок в Казахстан, отправлен в село Ленинское Каратаасского района Чимкентской области.

9 июля 1932 — арестован, определен отбывать ссылку в Чимкенте.

Декабрь 1933 — арестован в ссылке в Чимкенте, направлен в Нижний Талас, содержался в тюрьме города Аулие-Ата, оставлен в ссылке в Аулие-Ата.

9 ноября 1935 — освобожден из ссылки, но без права выезда из Казахстана.

24 июня 1937 — арестован в Мирзояне и помещен в Чимкентскую тюрьму.

19 ноября 1937 — приговорен к расстрелу Тройкой УНКВД по Южно-Казахстанской области.

20 ноября 1937 — расстрелян.

Краткие биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге

Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854–1928), митрополит. В 1889 хиротонисан во епископа Киренского в Иркутске. В 1913–1928 — архиепископ, с 1917 — митрополит Ярославский. В 1922–1926 — в ссылке в Нарымском крае. В 1926 — после освобождения попытался воспринять местоблюстительство, но уступил его ради мира церковного в пользу митрополита Сергия (Страгородского). 6 февраля 1928 — прервал общение с митрополитом Сергием. 10 мая 1928 — в обращении к митрополиту Сергию заявил, что не прерывает с ним общения и признает его власть как заместителя, но не может исполнять распоряжения заместителя, смущающие народную религиозную совесть и нарушающие каноны. 16 октября 1928 — скончался в Ярославле.

Алексий (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), патриарх. 1904 — окончил Московскую духовную академию, 28 апреля 1913 — рукоположен в епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии, в 1921–1926 — епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922 — признавал обновленческое ВЦУ. В 1927 — архиепископ Хутынский, временный управляющий Новгородской епархией. В 1933–1945 — митрополит Ленинградский, с 1945 — Патриарх Московский и всея Руси.

Анастасия (Куликова Анастасия Георгиевна; 1889–1975), схимонахиня. С начала 1900-х годов служила в семье Любимовых. В 1922–1925 — сопровождала протоиерея Димитрия в ссылку. Приняла монашеский постриг. 29 ноября 1929 — арестована вместе с архиепископом Димитрием и о. Петром Белавским. Приговорена к 5 годам лагерей.

Андреев Федор Константинович (1887–1929), протоиерей. В 1913–1918 — доцент по кафедре систематической философии и логики Московской духовной академии. В декабре 1922 — рукоположен во диакона и затем в священника. Служил в Петроградском Казанском соборе, затем в Сергиевском всей Артиллерии соборе. В 1927 — возведен в сан протоиерея. В 1927–1929 — в клире собора Воскресения Христова на крови. 23 мая 1929 скончался.

Андреева (урожденная Фроловская) Наталья Николаевна (1887–1970), жена протоиерея Феодора Андреева. В 1921–1922 — училась в Богословском институте. Принимала активное участие в церковно-общественной жизни. В сентябре 1930 — арестована по делу «Всесоюзной к.-р. монархической организации церковников ИПЦ». Приговорена к 3 годам ссылки. Вернулась в Ленинград в сер. 1950-х.

Андреевский Иван Михайлович (1894–1976), писатель, историк Церкви. Учился в университете в Париже и в Психоневрологическом институте. В 1921 — окончил историко-филологический факультет университета в Санкт-Петербурге. Активный участник «иосифлянского движения». Весной 1928 — арестован как организатор религиозно-философских кружков среди молодежи. Приговорен к 3 годам концлагеря. Отправлен на Соловки. После отбытия срока проживал в Новгороде, работал психиатром. В 1942 — находился на оккупированной территории. При наступлении Красной Армии уехал в Германию. С 1950 — поселился в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле, преподавал в духовной семинарии.

Андрей (князь Ухтомский Александр Алексеевич; 1872–1937), архиепископ. В 1895 — принял монашеский постриг и рукоположение в священнический сан, был назначен учите-

лем в Духовную семинарию в Казани. В 1897 — инспектор Александровской миссионерской семинарии. В 1899 — возведен в сан архимандрита и назначен наблюдателем казанских миссионерских курсов. 4 октября 1907 — хиротонисан в епископский сан. В 1911 — назначен епископом Сухумским. В 1913 — переведен на Уфимскую кафедру. После 1917 — постоянно в ссылках и тюрьмах. Совершил много тайных архиерейских хиротоний. В 1922 и 1926 — ненадолго возвращался на свою кафедру. 4 сентября 1937 — расстрелян в Рыбинске.

Арсений (Корди Борис Григорьевич; 1907–1937), архимандрит. С 1926 — в тайном скиту на Кавказе. Принял монашество. В 1929 — арестован вместе с группой монахов по делу «Черноморского филиала ИПЦ». Приговорен к 5 годам концлагеря. В 1935 — приехал в Казахстан, где познакомился с митрополитом Иосифом, возведен в сан архимандрита. 26 октября 1937 — арестован по обвинению в участии в антисоветской организации церковников. 16 ноября 1937 — по приговору тройки УНКВД Алма-Атинской области расстрелян в Алма-Ате.

Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862–1936), митрополит. С 1898 — ректор Московской духовной академии. 28 февраля 1899 — хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1903 — епископ Псковский и Порховский. С 1910 — архиепископ Новгородский и Старорусский. В ноябре 1917 — возведен в сан митрополита. В ноябре 1919 — арестован в Москве, выслан в Новгород. В 1920 — арестован в Новгороде, осужден на 5 лет ссылки в Архангельск. Приговор отменен решением ВЦИК. В 1924 — приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. С 1928 — разрешено свободное проживание в Средней Азии. С мая 1927 — член Временного Патриаршего Синода, участия в работе не принимал. С 1933 — митрополит Ташкентский и Туркестанский. 23 февраля 1936 — скончался в Ташкенте.

Белавский Петр Иоаннович (1892–1983), протоиерей. С 1922 — настоятель Алексиевской церкви пос. Тайцы (Гатчинский район). В 1928–1929 — помощник владыки Димит-

рия (Любимова). 29 ноября 1929 — арестован в Тайцах вместе с владыкой. Приговорен к 5 годам концлагерей. В 1933 — освобожден. Поселился в Новгороде. В 1938 — вновь арестован по делу «контрреволюционной организации». В мае 1939 дело прекращено. Выехал к семье в пос. Пестово (Покров-Молога), где работал бухгалтером до конца войны. С 1949 — настоятель Павловского собора в Гатчине. С 1955 — настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе (пос. Мариенбург). С 1976 — за штатом.

Варлаам (Лазаренко Григорий Яковлевич; 1879–1930), епископ. В 1923 — хиротонисан в епископа Лебединского Полтавской епархии. С 1925 — епископ Майкопский. В декабре 1926 — арестован в с. Заповедное Туапсинского района, дело прекращено. В августе 1927 — отделился от митрополита Сергия. В начале 1928 — ездил в Ленинград к епископу Димитрию (Любимову). Окормлял тайные скиты в горах и общины на Кубани. Арестован в 1930. Расстрелян.

Василий (Докторов Владимир Иванович; 1872–1938), епископ. В 1886 — поступил в Никандрову пустынь Псковской епархии. В 1902–1905 — учился в Казанской духовной академии. Миссионер в Семипалатинске. В 1924 — хиротонисан во епископа Горно-Алтайского. В 1925 — епископ Пинежский. В 1925–1926 — епископ Яранский. С 1927 — епископ Каргопольский. Присоединился к иосифлянам. Арестован в декабре 1930, приговорен к 5 годам заключения в Ярославском изоляторе, с 1933 — на Соловках. С 1935 — жил в Мариуполе. Вновь арестован в 1938, вероятно, расстрелян.

Введенский Александр Иванович (1889–1946), обновленческий «митрополит». В 1913 — рукоположен в священнический сан. В мае 1922 — подписал письмо инициативной группы прогрессивного духовенства «Живая церковь», положившее начало обновленческому расколу. Запрещен в священном сане митрополитом Вениамином. Один из главных идеологов обновленческого раскола. В 1923 — «хиротонисан» обновленческими «архиереями» в «епископский сан», будучи женатым. С 1924 — «митрополит». Умер вне общения с РПЦ.

Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1874–1922), митрополит. В 1910 — рукоположен в епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 — по избранию клира и мирян архиепископ Петроградский и Ладожский, затем митрополит Петроградский и Гдовский. В 1922 — выступил с обличением обновленческого раскола, подвергнув запрещению в священнослужении его главного инициатора А. Введенского. Сразу же был арестован и привлечен к суду по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, приговорен к смертной казни, в ночь с 12 на 13 августа 1922 — расстрелян.

Верюжский Василий Максимович (1874–1955), протоиерей, профессор Петербургской духовной академии. С августа 1923 — настоятель кафедрального собора Воскресения Христова на крови в Петрограде. 3 декабря 1929 — арестован, приговорен к 10 годам заключения в концлагере. В 1939 — освобожден, в 1946 — примирился с Московской патриархией, преподавал в Ленинградской духовной академии.

Вознесенский Алексей Константинович (1879–1945), иерей. В 1920-е — настоятель церкви в с. Посолодино Лужского уезда. В 1931 — переехал в Стрельну, где служил тайно. В июне 1931 — арестован по делу ИПЦ. Приговорен к заключению в концлагерь сроком на 3 года. В июле 1933 — освобожден. Поселился в Новгороде, где служил во время войны. В феврале 1945 — арестован. 1 марта 1945 — умер в тюремной больнице.

Гавриил (Воеводин Григорий Дмитриевич; 1869–1938), архиепископ. С 1924 — архиепископ Ямбургский, викарий Ленинградской епархии, 19 апреля 1927 — арестован; 19 ноября 1927 — освобожден, в декабре 1927 — назначен архиепископом Полоцким и Витебским; в 1928 — согласно прошению уволен на покой, вернулся в Ленинград; в феврале 1932 — арестован, приговорен к 5 годам заключения в лагере. В феврале 1937 — освобожден. В 1938 — арестован и расстрелян.

Григорий (Лебедев Александр Алексеевич; 1878–1937), епископ. 2 декабря 1923 — хиротонисан во епископа Шлис-

сельбургского, викария Петроградской епархии, настоятель Александро-Невской Лавры; с декабря 1925 по июнь 1926 — временно управляющий Ленинградской епархией. 31 марта 1927 — арестован; 19 ноября освобожден; в конце 1927 — отказался помянуть митрополита Сергия. В 1928 — ушел на покой. Проживал в городе Кашине Тверской области. 17 сентября 1937 — расстрелян.

Дамаскин (Щедрик Дмитрий Дмитриевич; 1877–1937), епископ. Принял монашеский постриг, миссионер в Пекинской духовной миссии. В 1923 — рукоположен во епископа Стародубского, управлял Черниговской и Глуховской епархией. В 1925 — выслан в Москву. Арестован вместе с митрополитом Петром. Выслан на 3 года в Туруханский край. В 1928 — встретился с митрополитом Сергием в Москве, отделился от него, сблизился с иосифлянами. В 1929 — арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. Освобожден в 1933. В 1934 — вновь арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. В 1936 — арестован в Архангельске, отправлен в Карлаг. 10 сентября 1937 — расстрелян в Караганде.

Димитрий (Любимов Димитрий Гаврилович; 1857–1935), архиепископ. С 1886 — священник в дворцовой церкви св. Пантелеймона в Ораниенбауме. В 1895–1898 — настоятель церкви Михаила Архистратига в Ораниенбауме. В 1898 — назначен в Покровскую церковь в Большой Коломне в Петербурге. В 1922–1925 — в ссылке. 30 декабря 1925 — хиротонисан во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии. 26 декабря 1927 — подписал вместе с епископом Сергием (Дружининым) акт отхода от митрополита Сергия. 28 февраля 1928 — назначен митрополитом Иосифом временно управляющим Ленинградской епархией, возведен им в сан архиепископа. 29 ноября 1929 — арестован; приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет тюремного заключения. 17 мая 1935 — скончался в тюрьме Ярославля.

Добронравов Викторин Михайлович (1889–1937), протоиерей. С 1919 — настоятель церкви Св. Николая Чудотворца на Петровском острове. 19 сентября 1930 — арестован по делу Ле-

нинградского «филиала» ИПЦ. 8 октября 1931 — приговорен к 10 годам. Отправлен в Сиблаг. В апреле 1937 — освобожден досрочно. Поселился на хуторе Гнездышко Окуловского района, где совершал тайные богослужения. 6 августа 1937 — арестован по делу «контрреволюционной монархической организации». 28 декабря 1937 — расстрелян в Боровичах.

Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич; 1891–1937), епископ. 27 марта 1926 — хиротонисан во епископа Муромского. С 1927 — епископ Ростовский. В 1928 — участвовал в ярославской оппозиции митрополиту Сергию, позже с ним примирился. Отправлен на 3 года в ссылку в Кзыл-Орду, затем на 3 года в Вологду. В 1934 — вновь арестован, приговорен к ссылке в Казахстан. Расстрелян в Чимкенте 20 ноября 1937 — вместе с митрополитами Кириллом и Иосифом.

Жураковский Анатолий Евгеньевич (1897–1937), иерей. В 1920 — окончил Киевский университет, рукоположен во священника. В 1923 — выслан в Марийскую область. В 1924 — вернулся в Киев, настоятель церкви св. вмч. Варвары при храме Николы Доброго на Подоле. В 1928 — присоединился к иосифлянам. Арестован в 1930 по делу Всесоюзного центра ИПЦ. Приговорен к ВМН с заменой на 10 лет концлагеря. 3 декабря 1937 — расстрелян.

Иерофей (Афонин Тимофей Дмитриевич; 1890–1928), епископ Никольский. В 1923 — рукоположен во епископа Шадринского, викария Екатеринбургской епархии уфимскими архиереями. В 1924 — хиротония утверждена Патриархом Тихоном, назначен епископом Никольским, викарием Великоустюжской епархии. В январе 1928 — отделился от митрополита Сергия. 6 мая 1928 — ранен при аресте, скончался в больнице.

Иоасаф (Попов Петр Дмитриевич; 1874–1937), епископ. В 1916–1920 — настоятель храма в Новомосковске. В 1924 — хиротонисан во епископа Бахмутского и Донецкого. Иосифлянин. Арестован в 1931, приговорен к 5 годам лагерей. Освобожден в 1933. В 1935 — вновь арестован и приговорен к 5 годам лагерей. В 1937 — расстрелян.

Кирилл (Смирнов Константин Илларионович; 1863–1937), митрополит. С 1900 — настоятель Троицкой церкви в городе Кронштадте. В 1902 — принял монашеский постриг после смерти жены и ребенка. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской миссии в Персии. 6 августа 1904 — хиротонисан в сан епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 — епископ Тамбовский и Шацкий. С 1918 — митрополит Тифлисский и Бакинский. С 1920 — митрополит Казанский и Свияжский. В 1920 — арестован, в 1921 — освобожден. В 1922 — подвергался арестам. В 1923–1933 — постоянно в ссылках в Сибири и на Севере. В 1933 — освобожден. Проживал в Гжатске. В 1934 — вновь арестован и приговорен к ссылке на 3 года в Казахстан. 7 июля 1937 — арестован. Приговорен к расстрелу. Расстрелян 20 ноября 1937 — вместе с митрополитом Иосифом и епископом Евгением (Кобрановым).

Максим (Жижиленко Михаил Александрович; 1885–1931), епископ. В 1912 — окончил медицинский факультет Московского университета. Работал врачом в больнице МПС, в 1914–1918 — на фронте врачом Кубанского пластунского батальона. С 1922 — главный врач Таганской тюремной больницы. В 1928 — рукоположен во иерея, пострижен в мантию с именем Максим, затем посвящен в сан епископа. В мае 1929 — арестован в Серпухове, приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В январе 1931 — привлечен к следствию по новому делу. 4 июня 1931 — расстрелян в Москве.

Николай (Ярушевич Борис Дорозеевич; 1891–1961), митрополит. В апреле 1922 — хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 17 сентября 1927 — 24 февраля 1928 — временно управляющий Ленинградской епархией. В 1935 — возведен в сан архиепископа. С 1941 — митрополит Киевский и Галицкий. С 1944 — митрополит Крутицкий и Коломенский.

Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович; 1889–1937), епископ. С 1924 — епископ Яранский, викарий Вятской епархии. Арестован в мае 1925 в Яранске, осужден

на 3 года лагерей. Отбывал срок на Соловках. После освобождения в ссылке в Казани. Отделился от митрополита Сергия. В августе 1930 — арестован по обвинению в создании филиала ИПЦ в Татарской АССР. Приговорен к 10 годам заключения в лагерь и помещен в Прорвинский лагерь Западно-Казахстанской обл. В 1937 — расстрелян в Гурьеве.

Никитин Иоанн Григорьевич (1880–1938), протоиерей. С 1908 — служил в церкви равноапостольных Константина и Елены при гимназии Императорского Человеколюбивого Общества. До 1928 — служил в Троице-Измайловском соборе, в 1928–1929 — в соборе Воскресения Христова на крови. В ноябре 1929 — арестован по делу «иосифлян», приговорен к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Направлен в г. Кемь. Скончался в Белбалтлаге в 1938.

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938), церковный деятель, писатель. С 1922 — на нелегальном положении. В 1923 — по некоторым сведениям, принял тайную епископскую хиротонию с именем Марк. 23 марта 1929 — арестован. Осужден на 3 года политизолятора. В сентябре 1931 — по делу «Всесоюзной контрреволюционной организации ИПЦ» приговорен к 8 годам тюремного заключения. 7 февраля 1937 — получил еще 3 года. 26 июня 1937 — переведен из Ярославской тюрьмы в Вологодскую. 17 января 1938 — расстрелян.

Павел (Кратиров Павел Федорович; 1871–1932), епископ. С 1918 — священник. В 1922 — рукоположен во епископа Старобельского, викария Харьковской епархии. Выслан за пределы епархии. В 1923 — вступил в управление Ялтинским викариатством Таврической епархии. Отправлен на покой. Отделился от митрополита Сергия. Присоединился к иосифлянам. В январе 1931 — арестован в Харькове, приговорен к 10 годам концлагеря. Умер 5 января 1932 в тюремной больнице Харькова.

Павлин (Крошечкин Петр Кузьмич; 1870–1937), архиепископ Могилевский. В 1920–1921 — наместник Новоспаского монастыря. 15 мая 1921 — хиротонисан во епископа

Рыльского. В 1926–1933 — занимал разные кафедры, в 1933 — архиепископ Могилевский. В 1936 — арестован, приговорен к 10 годам. 3 ноября 1937 — расстрелян с группой духовенства в Кемеровском лагере.

Петр (Полянский Петр Федорович; 1862–1937), митрополит. До 1920 — на службе в духовно-учебном ведомстве. По предложению Патриарха Тихона принял монашество. 8 октября 1920 — хиротонисан во епископа. В 1921–1923 — в ссылке в Великом Устюге. С 1923 — архиепископ Крутицкий. В 1924 — возведен в сан митрополита. В апреле 1925 — утвержден Местоблюстителем Патриаршего Престола по заветанию Патриарха Тихона. В декабре 1925 — арестован. Постоянно в ссылках и тюрьмах до самой кончины. С 1930 — в одиночном заключении. 10 октября 1937 — расстрелян в Магнитогорске Челябинской области.

Поляков Филофей Петрович (1893–1958), протоиерей. В 1921–1922 — священник Никольской церкви на Петровском острове, в 1922–1923 — настоятель церкви свт. Тихона Задонского на Крестовском острове. В 1924–1932 — служил в церкви Михаила Архангела (Малоколоменской). Перешел к сергианам. Служил в разных церквях Ленинграда. В 1944 — настоятель Князь-Владимирского собора. С 1946 — настоятель Троицкой церкви «Кулич и Пасха», настоятель Спасо-Парголовской церкви в Ленинграде.

Прозоров Николай Федорович (1897–1930), иерей. Происходил из духовного сословия, учился в семинарии. В 1914 — ушел в Александровское военное училище, воевал на фронте, был четырежды ранен. В 1918 — во время красного террора как бывший офицер был посажен в тюрьму. Дал обет посвятить свою жизнь Богу, если избегнет расстрела. В 1919 — был рукоположен в священнический сан в Пензе. В 1927 — переехал с семьей в Петроград. Присоединился к антисергианской оппозиции. Стал ближайшим помощником епископа Димитрия (Любимова). Служил в Пантелеймоновском храме подворья Александро-Ошевенского монастыря на Пискаревке. 28 ноября 1929 — был арестован. 21 августа 1930 — расстрелян.

Рождественский Измаил Васильевич (1894–1937), протоиерей. С 1921 — настоятель Преображенской церкви в Стрельне под Петроградом. 25 февраля 1928 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки. В июле 1937 — арестован. 14 октября 1937 — расстрелян в Кирове.

Рождественский Михаил Васильевич (1901–1988), иерей. Служил вместе с братом Измаилом в Преображенской церкви Стрельны. Арестован в конце 1930, приговорен к 3 годам лагерей. С сер. 1930-х годов нелегально служил в Петрограде и пригородах. В январе 1943 — арестован во время богослужения на праздник Крещения. По случаю прорыва блокады не был расстрелян, приговорен к 10 годам Воркутинских лагерей. Срок был увеличен. Освобожден в 1955 на поруки. Продолжал тайное служение и окормлял множество катакомбных общин вплоть до самой кончины.

Сазонов Петр Михайлович (1903–1972), иподиакон. Служил в соборе Воскресения Христова на крови. Подвергался арестам в 1928 и 1930. В 1931 — приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. По возвращении из лагеря поехал к митрополиту Иосифу в Казахстан. Вновь арестован и осужден в 1937. Возвратился в Ленинград в сер. 1950-х годов, постоянный участник тайных богослужений.

Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1931), протоиерей. В 1917 — рукоположен во священника. В 1922–1925 — в ссылке. С 1926 — настоятель храма Св. Николая Чудотворца на Ильинке. Присоединился к иосифлянам. 19 мая 1928 — арестован, сослан на 3 года в Канск. 20 октября 1931 — умер. Перед смертью в письме митрополиту Сергию принес покаяние.

Селецкий Григорий Гаврилович (1885–1971), протоиерей, в дальнейшем игумен. С 1921 — священник. Служил в Покровской церкви Елисаветграда. В мае 1927 — избран управляющим Зиновьевской (Елисаветградской) епископии. Иосифлянин. Арестован в 1931, приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден в 1938. Вновь арестован в 1938, приговорен к 5 годам. Освобожден в 1940. Нелегально жил в Харькове,

принял монашеский постриг. Жил несколько лет в Почаевской лавре, в дальнейшем в Кременце, служил тайно.

Серафим (Самойлович Семен Николаевич; 1881–1937), архиепископ. С 1910 — наместник Толгского монастыря. 15 февраля 1920 — хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1924 — возведен в сан архиепископа. В 1926–1927 — заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В 1928 — подписал Ярославскую декларацию, выслан в Могилев. В 1929 — осужден на 3 года концлагеря. В 1932–1935 — в ссылке в Коми-Зырянском крае. В 1934 — приговорен к пяти годам лагерей. 9 ноября 1937 — расстрелян.

Сергий (Дружинин Иван Прохорович; 1863–1937), епископ Нарвский. Постриженник, настоятель Троице-Сергиевой приморской пустыни Петроградской епархии (1915–1919). В октябре 1924 — хиротонисан во епископа Нарвского, викария Ленинградской епархии. 26 декабря 1927 — подписал акт отхода от митрополита Сергия. 7 декабря 1930 — арестован, приговорен к 5 годам заключения в лагерь. В 1935 — выслан на 3 года в Марийскую АССР. 17 сентября 1937 — после ареста расстрелян в тюрьме города Йошкар-Олы.

Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944), митрополит, патриарх. 25 февраля 1901 — хиротонисан во епископа Ямбургского. С 1905 — архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1911 — член Святейшего Синода. С августа 1917 — архиепископ Владимирский и Шуйский. В ноябре 1917 — возведен в сан митрополита. В июне 1922 — присоединился к обновленческому ВЦУ. В августе 1923 — принес покаяние и был принят Патриархом Тихоном в сущем сане. С марта 1924 — митрополит Нижегородский. С декабря 1925 — по завещательному распоряжению митрополита Петра (Полянского) заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола. С 1934 — митрополит Московский и Коломенский. С 1936 — Патриарший Местоблюститель. С сентября 1943 — Патриарх Московский и всея Руси.

Синицкий Григорий Дмитриевич (1872–1942), протоиерей. Декларацию митрополита Сергия не принял. В мае 1928 — отказался распространять подобное же воззвание экзарха Украины митрополита Михаила. В январе 1930 — арестован как руководитель Николаевского филиала ИПЦ, осужден на 3 года ссылки в Севкрай. С конца 1933 — проживал с семьей в Аулие-Ата, с 1934 — в Самарканде, состоял в постоянной переписке с митрополитом Иосифом. В 1937 — арестован и отправлен в лагерь. В 1941 — умер в заключении. От своих взглядов не отказывался.

Советов Александр Евгеньевич (1892–1943?), протоиерей. С 1920 — священник в Тотьме, затем служил в сельских церквях в Вологодской епархии. 1924–1925 — в Тихвине. 1925–1927 — настоятель Софийского собора в Новгороде. С февраля 1927 — настоятель Троицкого храма в Лесном. С декабря 1929 по ноябрь 1930 — исполнял обязанности настоятеля храма Воскресения на крови. С 1936 — в Сампсоньевском соборе у сергиан. Во время войны эвакуировался в Казань, там умер.

Стрельников Никифор Никифорович (1891–1937), протоиерей. Настоятель Георгиевской церкви в с. Ратчино Ямбургского уезда. В 1924–1930 — служил в соборе Воскресения Христова на крови, ключарь собора. В 1931 — приговорен к 10 годам лагерей. В июне 1933 — досрочно освобожден и выслан в Казахстан на оставшийся срок. Арестован и расстрелян в Алма-Ате 16 ноября 1937.

Тихомиров Сергей Андреевич (1872–1930), протоиерей. В 1891 — рукоположен в иерейский сан. С 1923 — духовник кающихся обновленцев, противник декларации митрополита Сергия, присоединился к иосифлянам, служил в соборе Воскресения Христова на крови. 23 ноября 1929 — арестован. 21 августа 1930 — расстрелян.

Чельцов Михаил (1870–1931), протоиерей. В 1903–1918 — преподаватель богословия в Институте гражданских инженеров, настоятель Симеоновской церкви в этом институте. В 1919–1922 — настоятель Троице-Измайловского со-

бора. Неоднократно подвергался арестам в 1918–1920. В мае 1922 — арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». Приговорен к ВМН с заменой на 5 лет заключения. Находился в тюрьме 2 года. В 1924–1930 — настоятель церкви Михаила Архангела (Малоколоменской). Расстрелян в Ленинграде.

Чуков Николай Кириллович (1870–1955), протоиерей, впоследствии митрополит Григорий. С 1924 — настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. В марте 1932 — выслан из Ленинграда. В 1942 — пострижен в монашество и рукоположен во епископа Саратовского. С 1945 — митрополит Ленинградский и Новгородский.

Библиография

Печатные труды митрополита Иосифа (Петровых)

- Материалы для изучения великорусских говоров. Известия Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук. Т. 1. Кн. 4, 1896. Вып. III.
- Речь студента 2-го курса И. С. Петровых при погребении проф. А. П. Смирнова 4 декабря 1896 г. // Богословский вестник. 1897. Январь.
- Самуил и Саул в их взаимных отношениях // Богословский вестник. 1900. Декабрь.
- Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных? // Душеполезное чтение. 1901. Октябрь.
- Мать Божия — благодатная Мать народа Русского. Сергиев Посад, 1902.
- Магистерский диспут иеромонаха Иосифа, доцента Московской духовной академии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.
- История Иудейского народа по Археологии Иосифа Флавия (Опыт критического разбора и обработки). Сергиев Посад, 1903.
- Как «воспитывается» неблаговоспитанность // Божия Нива. 1904. № 4.
- От крупниц Евангельских. Беседы инока. Сергиев Посад, 1904.

- А. И. «В объятиях Отчих. Дневник инок». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905–1914. Т. I–XI.
- Незабвенная милость Божией Матери городу Устюжне в Смутную годину Отечества (редкий исторический документ, носящий заглавие «Слово похвальное Пресв. Владичицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии чудотворного ея образа Одигитрия, яже избави град Устюжну от безбожных ляхов и немец»). Сергиев Посад.
- Девушка-учительница. Сергиев Посад, 1905.
- Учение Лейбница о происхождении и сущности зла // Вера и разум. 1905. № 2.
- Река Иордан (из паломнических воспоминаний) // Душеполезное чтение. 1905. Т. 1. Январь.
- Ночь на Голгофе и у Гроба Господня (Из воспоминаний о поездке в Палестину) // Душеполезное чтение. 1905. Т. 1. Апрель.
- Маленькие монахи. Сергиев Посад, 1906.
- Книги "Иудифь", "Есфирь" и "Книги Маккавейские" // Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. Лопухина. СПб. Т. III. 1906; Т. VII. 1913; Т. X. 1912; Т. XI. 1913.
- Православие — светоч России // Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 11.
- В Великий Пяток (Слово у св. Плащаницы) // Новгородские епархиальные ведомости. 1909. Приложение к № 7.
- Речь при наречении во епископа Угличского // Церковные ведомости. СПб., 1909. № 13–14.
- Письмо святителя Димитрия Ростовского // Душеполезное чтение. 1911. Ч. 1.
- Святитель Димитрий — обличитель клеветы и защитник невинных // Душеполезное чтение. 1911. Т. 1. Апрель.
- Данные формального расследования поразительного явления Божией Матери и чуда от Ее иконы в Ростовской Благовещенской церкви // Душеполезное чтение. 1911. Т. 1.
- Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом. Сергиев Посад, 1911.
- Замечательный случай чудесного исцеления болящего ребенка по молитвам Святителя Димитрия Ростовского. Ростов, 1912.
- Святитель Димитрий — обличитель клеветы и защитник невинных. Со слов Корсакова. Ростов, 1912.

- Знамя Сапеги // Святильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. 1913. № 9.
- Новое чудо Святителя Димитрия, митрополита Ростовского // Душеполезное чтение. 1913. Ч. I.
- Посещение Ростовского Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря и г. Ростова императором Николаем II // Душеполезное чтение. 1913. Июль — август.
- Плащаница Ростовского Успенского собора // Святильник. 1914. № 1.
- Новое поразительное чудо по молитвам пред иконой Божией Матери «Умиление» // Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 23.
- Сказание о новопрославленной иконе Божией Матери «Умиление», находящейся в Благовещенской церкви г. Ростова. Казань, 1914.
- Посещение Ростовского Спасо-Иаковлевского монастыря Елизаветой Федоровной // Душеполезное чтение. 1914. Ч. I.
- Памяти Александры Федоровны Мальгиной. Слово пред отпеванием А. Ф. Мальгиной. Ростов, 1915.

Использованная литература

- Акты Святейшего Патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 // Сост. М. И. Губонин. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994.
- Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года // Сост. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.
- Андреева М. Ф., Можанская А. Ф. (урожд. Андреева).* По прочтении "Синодика" // Вестник ПСТГУ. — Сер. II. — 2010. — Вып. II: 1 (34).
- Антонов В.* Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. — 1993. — № 4.
- Архиепископ Андрей (Ухтомский).* Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // Заволжский летописец. — 1917. — № 22.

- «Беседа двух друзей» // Православная жизнь. — 1999. — № 6.
- Бутаков А.* Два письма Митрополита Кирилла // Возвращение. — 1996. — № 4 (8).
- Вахрина В. И.* Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом. — Ростов: Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь, 1994.
- Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. — М.: Молодая гвардия, 2004.
- Голубцов С. А.* Московская Духовная Академия в эпоху революции. — М.: Мартис, 1999.
- Вятский исповедник: Святитель Виктор (Островидов). — М.: Братонез, 2010.
- Голубцов Сергей, протодиакон.* Стратилаты академические. — М., 1999.
- «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского за 1928 год // Мир Божий. — 2003. — № 1 (9)
- Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. — Кн. 2. — Тверь: Булат, 1996.
- Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. — Сидней: Австралийско-Новозеландская епархия, 1990.
- Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. — М.: Сретенский монастырь, 2004.
- За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. — Кн. 1: А — К. — М.: ПСТБИ, 1997.
- Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви. — Самара, 1997.
- История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 // Под общ. ред. М. Б. Данилушкина. — Т. 1. — СПб., 1997.
- Княгиня Н. В. Урусова.* Материнский плач Святой Руси. — М.: Издательский Дом Русский Паломник, 2006.
- Королева В. В.* Иосифлянская община в г. Алма-Ате в 1935–1937 гг. // XVI Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2006 г. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2006.

- Косик О. В.* Сборник "Дело митрополита Сергия" и участие в нем мученика Михаила Новоселова // Вестник ПСТГУ. — Сер. II. — 2009. — Вып. II: 2 (31).
- Лебедев Лев, протоиерей.* Границы Церкви. Сентябрь 1996 // Православное Обозрение. — СПб., 1998. — № 2.
- Луч света. В защиту Православной веры, в обличение атеизма и в опровержение доктрин неверия // Сост. архим. Пантелеймон. — Джорданвилль, 1970.
- Мазырин Александр, иерей.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
- Мазырин А. В.* Легализация Московской патриархии в 1927 году: Скрытые цели власти // Отечественная история. — 2008. — № 4.
- Мазырин А.* Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: ПСТБИ, 2003.
- Мазырин А. В.* Следственное дело "Всесоюзной организации ИПЦ" как источник по новейшей истории Русской Православной Церкви // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2002 г. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002.
- Медведев Г. Н., Медведева Н. А.* «От южного города до "южного городка"». К 60-летию со дня кончины протоиерея Григория Сеницкого // Богословский сборник. — Вып. 8. — М.: ПСТБИ, 2001.
- Медведева Н. А., Медведев Г. Н.* «Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...»: Жизненный путь протоиерея Григория Сеницкого. — М.: ПСТГУ, 2010.
- Мещерский Н. А.* Отрывки воспоминаний // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. — 1991. — Вып. 3–4. Новгородские епархиальные ведомости. — 1908. — № 15
- Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. — М.: Серебряные нити, 1998.
- Письма митрополита Иосифа // Миръ Божій. — 2000. — № 1 (16).
- Плаксин Р. Ю.* Тихоновщина и ее крах. — Л.: Лениздат, 1987.
- Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. — СПб.: Изд. Сойкина, 1910; Ротопринт. — М., 1992.

- Польский Михаил, протопресвитер.* Новые мученики Российские: в 2 ч. — Ч. 1. — Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). — М.: Светлячок, 1994.
- Попов И. В.* Святая Вырица // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. — 2003. — Вып. 28–29.
- «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. — С. 302–329.
- Православные русские обители {Репринт. изд.}. — СПб.: Воскресение, 1994.
- Пришвина В. Д.* Невидимый град. — М.: Молодая гвардия, 2003.
- Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского и Ростовского, исповедника / Предисл. прот. Владимира Воробьева; сост. И. Г. Менькова при участии диакона Александра Мазырина и Е. И. Большаковой. — Кн. 1–2. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2005.
- Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. — Париж: YMCA-Press, 1977.
- Русский Паломник. — 1914. — № 48.
- Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. — М.: Братонез, 2008.
- Священномученики Сергей, епископ Нарвский, Василий Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. — М.: Братонез, 2008.
- «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским...» Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937) / Публ. О. Косик // Богословский сборник. — Вып. 10. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002
- «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927 — 1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 10. — М.: ПСТБИ, 2002.
- «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 11. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2003.

- Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. — Т. 1. — М.: Новый мир, 1990.
- Соловьев И., протоиерей.* От Москвы до Ростова Великого. — Харьков, 1911.
- Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом // Автор-сост. В. И. Вахрина. — М.: Отчий дом, 2002.
- Уфимские епархиальные ведомости. — Уфа, 1917. — № 12–13.
- Хлебников М.* Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь. — 1999. — № 2 (590).
- Хрусталева Ю. М., Гусев О. А.* Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме Новомучеников и Исповедников Российских // Устюжна. Историко-литературный альманах. — Вологда, 1993. — Вып. 2.
- Церковь катакомбная на земле Российской // Сост. схимонах Епифаний Чернов. Машинопись.
- Цыпин В., протоиерей.* История Русской Церкви, 1917–1997. — М.: Хроника, 1994.
- Чельцов Михаил, протоиерей.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. — М., СПб., 1994. — Вып. 17.
- Церковные ведомости. — СПб., 1909. — № 12.
- Шкарковский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. — СПб.: НИЦ «Мемориал», 1999.
- Шкарковский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. — СПб.: Лики России, 1995.
- Шкарковский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. — СПб.: Сатис, 2006.
- «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...» Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского / Публикация, вступление и примечания Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 8. — М.: ПСТБИ, 2001.
- «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А. В. Мазырина // Богословский сборник. — Вып. 9. — М.: Изд-во ПСТБИ, 2002.
- Ярославские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11.
- Ярославские епархиальные ведомости. — 1914. — № 11, 23.

Архивные источники

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области:

Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017.

Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806.

Архив УФСБ СПб. П-80743.

Государственный архив Российской Федерации:

ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2, 5–6, 18–18 об.

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 14.

ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–102 об.

ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 640. Л. 288.

ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1118. Л. 62–65.

Государственный архив Ярославской области:

ГА ЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4881.

ГА ЯО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д. С-5590. Л. 58–60 об.

Государственный архив Ярославской области в городе Ростове. Ф. 145. Оп. 2. Д. 3, 7, 9–10.

Российский государственный исторический архив:

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 274.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации:

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь».

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга:

ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 269.

Центральный исторический архив города Москвы:

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 3, 6, 13.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5083. Л. 4.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 26, 32, 35–35 об.

Список сокращений

Адмотдел	— административный отдел
ВЦИК	— Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВВЦС	— Временный Высший Церковный Совет
ВМН	— высшая мера наказания
ВЦС	— Высший Церковный Совет
ВЦУ	— Высшее Церковное Управление
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА	— Государственный архив
ГУЛАГ	— Государственное управление лагерей
к/р.; к-р.	— контрреволюционный
ИПЦ	— Истинно-Православная Церковь
КГБ	— Комитет государственной безопасности
КНБ	— Комитет национальной безопасности
ЛО	— Ленинградская область
НИПЦ	— Научно-информационный просветительский центр
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ	— Народный комиссариат юстиции
Облисполком	— областной исполнительный комитет
ОГПУ	— Объединенное Главное политическое управление
прот.	— протоиерей
ПКК	— Политический Красный Крест
Помполит	— Помощь политическим заключенным

Политбюро	— Политическое бюро
ПСТВИ	— Православный Свято-Тихоновский Бого- словский институт
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гума- нитарный университет
РПЦЗ	— Русская Православная Церковь за грани- цей
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Со- циалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
св.	— святой
Соввласть	— советская власть
СО	— секретный отдел
СПб.	— Санкт-Петербург
СССР	— Союз Советских Социалистических Рес- публик
УФСБ	— Управление Федеральной службы безо- пасности
ФСБ	— Федеральная служба безопасности
ЦА	— Центральный архив
ЦГА	— Центральный государственный архив
ЦГИА	— Центральный государственный историче- ский архив
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет

Именной указатель

- Абрамович-Барановский С. С. 203
- Агафангел (Преображенский), митрополит 85, 114, 115, 118, 122, 137–139, 143, 146, 150, 153–156, 171, 208, 218, 219, 224–226, 229, 232–242, 301, 302, 369, 370, 379, 581, 612, 631
- Аафон, преподобный 469
- Азиатская А. Н. 346
- Александр Свирский, преподобный 541
- Алексеев Сергей 203
- Алексий (Буй), епископ 232, 236–238, 263, 264, 273, 289, 307, 317
- Алексий (Ридигер), митрополит 261
- Алексий (Терешихин), архимандрит 261
- Алексий (Симанский), епископ 160, 161, 165–167, 178, 183, 187, 191, 192, 577, 612
- Алипий, иконописец 102
- Амвросий, старец 543
- Амвросий (Орнатский), епископ 543
- Амфилохий Реконский, схимонах 543
- Амфилохий Ростовский, иеросхимонах 543
- Анастасия (Куликова), монахиня 247, 257, 271, 278, 332, 377, 379, 613
- Анатолий (Грисюк), архиепископ 217, 218
- Анатолий, архимандрит 82, 83, 91
- Андреев Феодор, протоиерей 202, 203, 206, 210, 212, 216, 231, 242, 247, 251, 252, 271, 281, 288, 613
- Андреева М. Ф. 323, 346, 613, 630
- Андреева Н. Н. 247, 280, 281, 302, 315, 317, 323, 346
- Андреевский И. М. 203–205, 613
- Андрей (Ухтомский), епископ 128–131, 613, 628
- Антоний (Вадковский), митрополит 86, 88
- Антоний (Смирницкий), архиепископ 543

- Антоний Печерский, преподобный 541
Антоний Римлянин, преподобный 541
Антоний (Храповицкий), архиепископ, митрополит 86, 308, 309
Антоний, иеромонах 135
Антонов В. В. 164, 166, 630
Апланов Сергей, иподиакон 221
Арсений (Корди), архимандрит 330, 333–338, 345, 359, 360, 614
Арсений (Стадницкий), епископ, архиепископ 30, 34–36, 38–41, 45, 51, 54, 57, 59–62, 82, 83, 103, 614
Артемий (Ильинский), епископ 178
Афанасий (Малинин), епископ 346
Афанасий (Сахаров), епископ 343
- Баглаев А. Н. 606
Барбатько Н. Н. 164
Баташев Сергей, протоиерей 231
Белавский Петр, протоиерей 247, 277, 278, 614
Березовская Мария 247, 283
Боголюбов Сергей, протоиерей 178, 283
Бойчук Андрей, иерей 268
Бузина М. П. 335
Бурданова М. С. 334, 359
Быстреевский Иоанн, иерей 216
Быстряков Иоанн, иерей 216
- Варганов Д. П. 98, 162, 247
Варганов М. П. 97
Варлаам Кяхтинский, старец 543
Варлаам (Лазаренко), епископ 264, 615
Варлаам (Ряшенцев), архиепископ 154, 219, 224, 238, 370
Варлаам Хутныский, преподобный 541
Варнава, старец 543, 582
Варсонофий (Лебедев), иеромонах 35
Василий (Докторов), епископ 247, 279, 285, 286, 289, 303, 594, 615, 631
Василий (Преображенский), епископ 343
Василиск, старец 543
Вахрина В. И. 142, 630, 634
Введенский Александр, протоиерей 160, 577, 615
Венедикт (Плотников) епископ 161
Вениамин (Казанский), митрополит 7, 8, 158, 160, 161, 178, 616
Верюжский Василий, протоиерей 162, 166, 176, 197–202, 204, 206, 210, 215, 216, 231, 234, 251, 258, 259, 268–271, 276, 278, 346, 584, 616
Ветчинкин Иоанн, иерей 330, 331
Виктор (Островидов), епископ 190, 232, 235, 237, 238, 262, 263, 273, 347, 631
Виноградов Николай, протоиерей 176, 265
Владимир, святой князь 537
Владимир (Богоявленский), митрополит 22, 67, 68, 86

- Владимир (Горьковский), епископ 178
- Владимир (Кожин), иеродиакон 278
- Владимир Мономах, святой князь 537
- Владимир (Пуссет), архимандрит 346
- Вознесенский Алексей, иерей 247, 281–283, 287, 594, 616
- Войков (Вайнер) П. Л. 181
- Воробьев Владимир, протоиерей 137, 633
- Воробьев Владимир, протоиерей 238
- Вострышев М. И. 134, 631
- Гавриил (Воеводин), архиепископ 165, 166, 176, 616
- Гермоген (Голубев), архимандрит 202
- Герасим (Прокофьев), архимандрит 255
- Герман Алеутский, преподобный 543
- Герман Л. Н. 274, 573, 575
- Глаголев А. 58
- Григорий (Козлов), епископ 172
- Григорий (Лебедев), архиепископ 164, 166, 200, 203, 217, 221, 230, 587, 590, 591, 617
- Григорий (Яцковский), архиепископ 153
- Голощавов Сергей, протоиерей 260
- Голубцов Сергей, протодиакон 59, 68, 631
- Гордеева В. С. 113
- Губонин М. И. 154, 630
- Гусев О. А. 634
- Давидович Виктор, иерей 261
- Дамаскин (Орловский), иеромонах 171, 631
- Дамаскин (Цедрик), епископ 174, 265, 267, 330, 343, 348, 350, 617
- Даниил Ачинский, старец 543
- Даниил (Бондаренко) схииеромонах 264, 334
- Данилушкин М. Б. 631
- Дементьева П. Н. 317–319, 321, 322
- Димитрий, иеромонах 123, 135, 141
- Димитрий (Любимов), архиепископ 159, 166, 176, 192, 200, 203, 205–207, 209, 210, 215 – 217, 230, 235, 237, 238, 244, 249–261, 263–272, 274, 275, 278, 279, 283–285, 294, 302, 303, 305–307, 334, 371, 376, 379, 580, 584, 617, 631
- Димитрий (Туптало), св. митрополит 92, 94–98, 104, 112–114, 116, 118, 119, 544–549, 627, 628
- Димитрий (Добросердов), епископ 118
- Добронравов Викторин, протоиерей 203, 247, 271, 281–283, 286, 287, 594, 595, 618
- Евгений (Кобранов), епископ 156, 219, 224, 238, 339–343, 356, 360, 370, 618
- Евдокия (Перевезникова), монахиня 329, 340

- Евлогий (Георгиевский), епископ 73, 78, 86
- Евпраксия, игуменья 543
- Едемский-Своеземцев Евлампий, иерей 348
- Елизавета (Готовцева), монахиня 359
- Елизавета Федоровна, Великая княгиня 112–114, 122, 630
- Епифаний (Чернов), схимонах 354, 634
- Ефимова (Поспелова) М. П. 148
- Жаркимбеков Т. Ж. 608
- Желобовский А. А. 86
- Журавский А. В. 173, 340, 342–344, 352, 353, 356, 357, 631
- Жураковский Анатолий, иерей 172, 261, 268, 307, 618
- Загоровский Николай, протоиерей 264, 277, 278
- Задонская Евфимия 543
- Задонская Матрона 543
- Задонский Антоний, юридивый 543
- Западалов Алексей, протоиерей 176
- Зернова Т. А. 608
- Зосима Соловецкий, преподобный 543
- Иаков, святитель 92, 94, 96
- Иасон (Голицынский), иеромонах 36, 37, 40–42, 68, 571, 572
- Иванов Димитрий, протоиерей 261, 268
- Иванов Кирилл, диакон 284
- Игнатий, святитель 103
- Игнатий (Брянчанинов), святитель 469
- Иеремия, пророк 473
- Иерофей (Афонин), епископ 232, 236–238, 262, 263, 273, 304, 347, 618
- Иларион Троекуровский, старец 543
- Илья, пророк 248
- Иннокентий (Беляев), епископ 86
- Иннокентий (Летяев), епископ 192, 193
- Иннокентий (Смирнов), епископ 543
- Иннокентий (Тихонов), епископ 161
- Иоанн Кронштадтский, св. праведный 52, 119, 269, 399, 439
- Иоанн Святогорский, иеросхимонах 543
- Иоанн (Снычев), митрополит 10, 192, 193, 197, 200, 201, 205, 207–209, 218, 249, 631
- Иоасаф (Попов), епископ 267, 290, 618
- Иоасаф (Удалов), епископ 174, 343
- Иосиф Волоколамский, преподобный 432
- Иосиф (Богословский), архиепископ 543
- Исаакий Оптинский, архимандрит 543
- Исайя, святитель 103
- Исайя (Кушнирев), иеромонах 307

- Иувеналий (Масловский), архиепископ 238
- Казанский А. В. 301
- Калинин М. И. 144
- Каптерев Н. Ф. 64, 68
- Кедринский Павел, протоиерей 159
- Кибардин Алексей, протоиерей 231
- Кирилл (Смирнов), митрополит 150, 151, 169, 171–175, 328–330, 339–340, 342–350, 618, 629
- Кирилл (Соколов), епископ 374
- Киприан (Пыжов), архимандрит 362
- Клавдий (Савинский), архимандрит 261, 283
- Коверда Б. С. 181
- Коверский К. П. 274
- Кожухарев И. А. 277
- Колобков Н. А. 272, 277, 280
- Корейш Иван, юродивый 543
- Королева В. В. 335, 338, 359, 631
- Коронатова М. И. 320, 325–328, 359, 360, 601–603
- Корсаков В. И. 544–549, 629
- Косик О. В. 144, 240, 242, 350, 630–633
- Косткевич Г. А. 172
- Красницкий Владимир, протоиерей 577
- Кратиров Димитрий, протоиерей 231
- Кремышанский Александр, протоиерей 289
- Лебедев Лев, протоиерей 181, 631
- Лев (Егоров), архимандрит 196, 212, 228, 380
- Лейбниц 481, 482, 484–491, 493–496, 498–506, 513–521, 629
- Леонид, старец 479, 480, 543
- Леонтий, святитель 103
- Лепешкин С. М. 98
- Лепешкина Е. С. 98–100, 110, 111
- Лопушанская Е. 349
- Лосев А. Ф. 302
- Лукьянов С. М. 86
- Любимов Константин 99
- Мазырин Александр, иерей 137, 144, 150, 156, 174–177, 179, 216, 226, 234–237, 239, 240, 242, 246, 291, 300, 348, 350, 630, 632–634
- Макарий, преподобный 478, 479
- Макарий, старец 543
- Макаров А. 295, 597
- Максим (Жижиленко), епископ 260, 263, 273, 289, 309, 619
- Мануил (Лемешевский), епископ 249, 250
- Мария Федоровна, императрица 122, 123
- Марк Саровский, схимонах 543
- Матфей (Храмцов), епископ 178
- Медведев Г. Н. 325, 327, 605, 632
- Медведева Н. А. 325, 327, 605, 632
- Мелетий (Леонтович), архиепископ 543
- Мельхиседек (Паевский), епископ 178
- Менькова И. Г. 137, 633

- Мещерский Н. А. 248, 632
Мещовский Андрей, юри-
дический 543
Михаил (Ермаков), митро-
полит 152, 193, 261
Михайлова Е. Н. 581
Моисей Оптинский, архи-
мандрит 543
Моисей, пророк 28
Можанская А. Ф. 323, 630
Морозов Павел, иерей 247,
271, 283
Муретов М. Д. 58
Мышцын В. Н. 57
- Назарий Валаамский, схи-
монах 543
Назарий (Кириллов), епи-
скоп 86
Нектарий (Трезвинский),
епископ 289, 348, 619
Никандр (Феноменов), ми-
трополит 132
Никитин Иоанн, протоиерей
197, 216, 231, 269–274,
278, 620
Николай II, император 85,
108–112, 122
Николай Михайлович, Ве-
ликий князь 123
Николай Николаевич, Ве-
ликий князь 123
Николай (Голубев), епископ
267
Николай (Ярушевич), епи-
скоп 161, 167, 176, 183,
184, 191–193, 197–200,
206, 210, 220, 577, 619
Никольский Александр, про-
тоиерей 332, 333
- Никольский С. В. 230
Никон (Катанский), архиманд-
рит 261
Никон Радонежский, преподоб-
ный 541
Никон (Рождественский), архи-
мандрит 64, 65
Никулин Александр, иерей 332
Нил Сорский, преподобный 432
Новоселов М. А. 202, 203, 212,
231, 232, 242, 273, 301–304,
377, 620
- Одинцов М. И. 146
Онисим (Поль), иеромонах 264,
334
Осипова И. И. 261, 264, 267, 292,
306, 307, 314, 632
Остряков Павел, протоиерей 55
- Павел (Борисовский), архиепи-
скоп 235
Павел (Кратиров), епископ 264,
268, 290, 620
Павлин (Крошечкин), архиепи-
скоп 171–175, 620
Паисий Величковский, препо-
добный 543
Парфений Киевский, иеросхи-
монах 543
Парашкова А. 332
Пелагея Дивеевская 543
Перепелкин Василий, иерей 263
Перфильева А. В. 274
Петр, апостол 47
Петр, св. царевич Ордынский
103
Петр (Полянский), митрополит
150–155, 159, 168, 171, 206,
208, 209, 221, 226, 233, 257,

- 262, 265–267, 294, 344, 369, 371, 621
- Петровых Александр Семенович 20, 248
- Петровых Андрей Семенович 20, 90
- Петровых Антонина Семеновна 90
- Петровых Евдокия Ивановна 20
- Петровых Мария Семеновна 20, 90
- Петровых Николай Семенович 164
- Петровых Петр Семенович 20, 164
- Петровых Семен Кириллович 19–21
- Пешкова Е. П. 324, 326, 598–600
- Пляшкевич А. П. 97
- Подгорный Василий, иерей 304
- Польский Михаил, протопресвитер 8, 208, 209, 214, 309, 358, 370, 383, 633
- Поляков Филофей, протоиерей 231, 247, 287, 317, 621
- Поселянин Е. 543
- Попов И. В., профессор 68
- Попов И. В. 633
- Пришвина В. Д. 264, 633
- Прозоров Николай, иерей 231, 259, 271, 274, 278, 372–376, 621
- Прокопий (Титов), архиепископ 343
- Регельсон Л. О. 170, 633
- Рогачев А. П. 86
- Рождественский Измаил, протоиерей 221, 273, 332, 622
- Рождественский Михаил, иерей 231, 332, 622
- Розанов Василий, иерей 101
- Розов Константин, протодиакон 117
- Ругин И. Д. 272, 277, 283
- Савватий Соловецкий, преподобный 541
- Сазонов М. И. 272, 277, 279, 280, 283
- Сазонов Петр, иподиакон 283, 337, 359, 622
- Сазонова В. Ф. 337
- Сакулина А. В. 583–585, 590–592
- Самуил, пророк 27–30
- Саул, царь 27–30
- Свенцицкий Валентин, протоиерей 231, 260, 273, 622
- Севастиан (Вести), архиепископ 217
- Селецкий Григорий, протоиерей 265, 266, 622
- Семенова Л. П. 332
- Серапион, святитель Новгородский 432
- Серафим (Александров), митрополит 233
- Серафим (Зенкевич), епископ 178
- Серафим (Протопопов), епископ 176, 200, 203, 205, 217, 221
- Серафим (Самойлович), архиепископ 154, 168, 208, 224–226, 233, 237–240, 246, 301, 302, 369, 372, 377–379, 581, 623, 631

- Серафим Саровский, преподобный 541
- Серафим (Чичагов), митрополит 221, 222, 249
- Сергий Валаамский, преподобный 541
- Сергий (Дружинин), епископ 200, 203, 205–207, 209, 210, 217, 231, 235–238, 256, 272, 279–286, 289, 294, 592, 595, 596, 623, 631
- Сергий Радонежский, преподобный 541
- Сергий (Страгородский), митрополит 86, 150–157, 162, 168–175, 177–194, 196–229, 231–244, 256, 261–267, 273, 277, 294, 297–306, 346–353, 366–370, 377–383, 581, 625
- Сидоров Александр, иерей 260
- Сильвестр (Братановский), архиепископ 118, 217, 218
- Симеон, праведный 461, 462
- Синезий (Зарубин), епископ 290
- Синицкий Григорий, протоиерей 325, 327, 330, 331, 601, 624
- Синицкая Людмила Ивановна 325, 327, 601, 602
- Синицкая Ольга 325, 327, 600, 601
- Синицкая Серафима 324, 325, 327, 601
- Синицкая Фаина 324, 325, 327, 330, 600, 601
- Смирнов А. П. 23–25, 628
- Советов Александр, протоиерей 148, 231, 258, 283, 264, 321, 322, 576–581, 624
- Советова М. А. 581
- Советова Т. К. 580
- Солженицын А. И. 315, 634
- Соловьев Иоанн, протоиерей 104, 105, 634
- Сорокин Владимир, протоиерей 15
- София (Гринева), игуменья 261
- Сперанский Николай 99
- Спиридон (Кисляков), архимандрит 268
- Стефан (Бех), епископ 203
- Стефановский Николай 263
- Стрельников Никифор, протоиерей 166, 216, 251, 254, 256, 268, 270, 286, 288, 337, 359, 360, 595, 624
- Строганов Г. Д. 96, 551
- Строганов Д. А. 551
- Тамбовцев Павел 479
- Татищев Д. Н. 120, 122
- Татищева В. А. 120
- Тихомиров Александр, протоиерей 247, 274, 278
- Тихомиров Сергей, протоиерей 184, 231, 271, 274, 278, 574, 624
- Тихон (Белавин), Патриарх 85, 114, 132–134, 138, 147, 150, 152, 236, 309, 310, 344, 351, 369, 371, 591, 630
- Тихон (Зорин), иеромонах 247
- Тихон (Шигин), архимандрит 135–137, 143
- Толстой Л. Н. 422, 468
- Томская Домна 543

- Трохов Фома 307
Тулин Василий, протоиерей
215, 283
Тучков Е. А. 158, 159, 174,
176, 216, 219–222, 246,
249, 633
Урусов А. П., князь 335–
335, 359
Урусова Н. В., княгиня 316,
335–337, 631
Ушаков Николай, иерей 247,
280–283, 595
Фаддей (Успенский), архи-
епископ 168
Федорова Е. И. 277
Федоров Сергей, иерей 271,
283
Феодор Саровский, схимо-
нах 543
Феодосий Печерский 541
Феодосий, старец Юрьевский
543
Феофан Затворник, святи-
тель 543
Феофан Новозерский, архи-
мандрит 543
Феофания Петербургская,
игуменья 543
Феофил Киевский, иеросхи-
монах 543
Филарет (Дроздов), митро-
полит 383, 472, 543
Филипп (Гумилевский), ар-
хиепископ 178
Флавиан (Городецкий), митро-
полит 86
Флавий Иосиф 26, 55, 56, 628
Флеров Александр, протопресви-
тер 322
Фокина Л. Н. 328, 329, 601
Фома, апостол 462, 463
Фотий (Солодов), иеродиакон
594
Хлебников М. 116, 634
Хрусталеv Ю. М. 634
Цветков Герасим, протоиерей 263
Цыпин Владислав, протоиерей
314, 634
Чельцов Михаил, протоиерей
159–161, 164, 166, 176, 183,
184, 186, 191, 197–200, 624–
625, 632
Чуков Николай, протоиерей 159,
165, 176, 184, 625
Шенец Н. Ф. 283
Шипунов Анатолий, иерей 263
Шкаровский М. В. 251, 261, 264,
634
Шопенгауэр 482, 496, 508
Юдина М. В. 254, 255
Яблонский Василий, протоиерей
176
Янышев И. П., протопресвитер
86

Содержание

<i>Предисловие к первому изданию</i>	5
<i>Предисловие ко второму изданию</i>	12
<i>От составителя</i>	14
Часть I. Жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых)	17
Детство и годы учебы	19
Научная и преподавательская деятельность в Академии	26
Монашеский постриг	31
Духовный дневник "В объятиях Отчих"	43
Принятие священного сана	51
Магистерская диссертация	55
Возведение в сан архимандрита	63
Настоятель Яблочинского монастыря	72
Настоятельство в Юрьевом монастыре	80
Архиерейская хиротония и назначение настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря.....	85
1917 год	124
Начало гонений	135
О патриаршем "местоблюстителстве" и его "заместительстве"	150
Митрополит Петроградский	157
Заместитель Местоблюстителя и дело о выборах Патриарха ...	168
Декларация митрополита Сергия.....	175
Политика митрополита Сергия и ее неприятие в Петроградской епархии.	185
Горячий декабрь 1927 года — напрасные увещевания и отход от митрополита Сергия	202

Январь 1928 года	215
Ярославская декларация	224
Митрополит Иосиф и иосифлянское движение	246
Гонения на иосифлян	273
Митрополит Иосиф в деле "Всесоюзной организации ИПЦ"	293
В ссылке.....	315
Последний арест и мученическая кончина.	339
<i>Послесловие Михаила Сахарова</i>	358
Часть II	363
<i>Приложение I. Архипастырские документы и письма</i> митрополита Иосифа	365
Письмо митрополита Иосифа инокам Александро-Невской Лавры	365
Обращение ярославских архиереев к митрополиту Сергию (Страгородскому).....	366
Резолюция митрополита Иосифа	370
Указ митрополита Иосифа о возведении в сан архиепископа епископа Димитрия Гдовского.....	371
Письма митрополита Иосифа иерею Николаю Прозорову.....	372
Письмо-обращение иерея Николая Прозорова к митрополиту Иосифу	374
Письмо митрополита Иосифа петроградскому протоиерею	377
Ответ митрополита Иосифа на письмо архимандрита Льва (Егорова)..	380
Письмо митрополита Иосифа духовным чадам	384
<i>Приложение II. «В объятиях Отчих». Дневник инока</i>	386
О внутренней жизни и Богообщении	387
О молитве	392
О плаче и сокрушении	398
Об аскетизме	400
О милостыне	403
О монашестве	406
О Святом Причастии Святых Таин	412
О вере и благочестии	416
О природе	433
О России и русском народе	435
О Церкви	439
<i>Приложение III. Проповеди и назидательные труды</i> иеромонаха, архимандрита, епископа Иосифа (Петровых)....	447

Ночь на Голгофе и у Гроба Господня	447
От крупиц Евангельских. Беседы инока.....	451
Можно ли и как можно православным христианам молиться за христиан неправославных?.....	468
Учение Лейбница о происхождении и сущности зла	481
Маленькие монахи.....	522
Как "воспитывается" неблаговоспитанность	525
Православие — светоч России	531
Святитель Димитрий — обличитель клеветы и защитник невинных	545
Плащаница Ростовского Успенского собора	550
Тетушка Мария. <i>Повесть</i>	554
<i>Приложение IV. Архивные документы</i>	570
Обязательство монаха Иосифа перед рукоположением в иеродиаконский сан	570
Священническая присяга. 1901 год.....	571
Опросный лист И. С. Петровых	572
Письмо митрополита Иосифа Л. Н. Герман. 1928 год.....	574
Письма, адресованные протоиерею Александру Советову	576
Письмо протоиерею Василию Верюжскому	584
Письма Александре Владимировне Сакулиной	584
Письмо епископу Сергию (Дружинину)	592
Письмо протоиерею Викторину Добронравову	594
Обращение к петроградским иосифлянам	594
Постановление о привлечении в качестве обвиняемого. 1930 год.....	597
Петровых И. С. — Пешковой Е. П. 1933 и 1934 годы	598
Письма митрополита Иосифа из архива семьи Синицких. 1934–1935 годы	600
Письмо из Управления МБ РФ по Ярославской области. 1992 год.....	606
Письмо из Управления КНБ по Южно-Казахстанской области.....	607
<i>Основные даты жизни священномученика Иосифа (Петровых), митрополита Петроградского</i>	609
<i>Краткие биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге</i>	612
<i>Библиография</i>	626
<i>Список сокращений</i>	634
<i>Именной указатель</i>	636

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ИОСИФ,
МИТРОПОЛИТ ПЕТРОГРАДСКИЙ**

Жизнеописание и труды

Составители
М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская

Редактор *Л. Е. Сикорская*
Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*

ООО «Издательство «Братонеж»
127273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Издательство «Кифа»
Адрес для корреспонденции:
197046, Санкт-Петербург, а/я 488
E-mail: kifakniga@yandex.ru
Сайт: www.kifaspb.ru

Подписано в печать 15.12.2011. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 40,5. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6